

РУССКИЙ СБОРНИК

РУССКИЙ СБОРНИК

исследования по истории России

Редакторы-составители

О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров,
Брюс Меннинг, Пол Чейсти

XIII

Издательский дом

РЕГНУМ

Москва 2012

УДК 947 (08)
ББК 63.3(2)
Р89

Р89 **Русский Сборник: исследования по истории России** \ ред.-сост.
О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол
Чейсти. Том XIII. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. 520 с.
ISBN 978-5-905040-03-0

УДК 947 (08)
ББК 63.3(2)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. В. Белов.</i> Балканская парабола: проект «адриатической экспедиции» в контексте «наполеоновских войн» (1812)	7
<i>К. Б. Жучков.</i> «Возможность избавиться от французского гнета еще не повод попасть под русское ярмо»: конфликт с восточно-прусским правительством в начале 1813 г.	27
<i>А. А. Кривошолов.</i> Записка фельдмаршала И. Ф. Паскевича 11 мая 1845 г. о развертывании русских войск в польском выступе	42
<i>О. А. Гожов.</i> Русская военная миссия 1853–1854 гг. в Персию в контексте «Восточного вопроса»	74
<i>И. В. Воронцова.</i> «Вселенскость есть высшая точка, к которой должны мы стремиться»: Письма С. Н. Булгакова М. Э. Здзеховскому (1905–1906)	97
<i>Ф. А. Гайда.</i> «Бескровная младотурецкая революция»: как реализовалась программа «Вех»?	112
<i>Алекси Майнио.</i> Подрывная деятельность в Советской России: финские активисты и саботаж в 1918–1919 гг. Традиции радикализма в Финляндии	121
<i>М. В. Соколов.</i> Трактат для ОГПУ: Борис Шабер. «Народничество на рубеже 2-й пятилетки» (1933)	145
<i>Джекоб Кинп.</i> Оперативное искусство и любопытный западный нарратив о вкладе России: присутствие и отсутствие на протяжении последних двух десятилетий	269

Н. М. Межевич, А. М. Грозовский. Политическая история Эстонии 1987–1992 гг. как предпосылка формирования современной внешней и внутренней политики страны 319

Вячеслав Попков. Кросс-граничное русскоязычное пространство на территории бывшего СССР: подходы к пониманию 338

А. В. Зайцев. Миграционный потенциал русскоязычной молодёжи Кишинёва и Тирасполя (2009–2010) 358

КРИТИКА

О. Р. Айранетов: В. М. Безотосный. Россия и Европа в эпоху 1812 года: Стратегия и геополитика. М., 2012 379

Джошуа Санборн. Либералы и бюрократы на войне 387

А. А. Смирнов: И. Н. Гребенкин. Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. Рязань, 2010 415

Леонид Кацис. Еще раз о пред- и послепосадочной судьбе А. Ф. Лосева..... 477

А. В. Марчуков. Асы Великой Отечественной: о воздушных победах и их подсчёте — тогда и теперь (некоторые размышления над сборниками М. Быкова) 481

Сведения об авторах XIII тома «Русского Сборника» 516

М. В. БЕЛОВ

БАЛКАНСКАЯ ПАРАБОЛА: ПРОЕКТ
«АДРИАТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ»
В КОНТЕКСТЕ «НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН»
(1812)

9⁽²¹⁾ апреля 1812 г. Александр I подписал инструкцию назначенному тремя днями ранее новому главнокомандующему Молдавской армией П. В. Чичагову, где излагался проект «адриатической экспедиции». Задачи Чичагова состояли «в обращении к нашей стороне воинского духа славянских народов, как-то: сербов, босняков, далматов, черногорцев, бокесцов, кроатов, иллирийцев, кои будучи вооружены и приведены по воинской части в устройство, сильно содействовать нам могут». Для возбуждения «воинского духа» славян предлагалось использовать «обещание независимости, установление славянского царства, награждение людей, имеющих между ними влияние, деньгами, знаками отличия, приличным проименованием начальников и войск и прочие подобные им побудительные средства, со нравами сих народов сообразные». В результате этих мероприятий планировалось «произвести сильную диверсию на правом крыле французских владений», а ее целью являлось «завоевание Боснии, Далмации и Кроации и направление ополчения сего на важнейшие пункты, лежащие на берегу Адриатического моря, предпочтительно же на Триест, Фиум, Бокка ди Катаро и проч<ие>, дабы учредив по удобности из которого-либо пункта сношение с английским флотом, устремить старания наши к достижению Тироля

и Швейцарии, для действия в соединении с теми храбрыми и нынешним правлением недовольными народами»¹.

Проект «адриатической экспедиции» вписывался в еще более грандиозный замысел «последней» войны в Европе, которая «...будет войною за независимость всех народов»². В письме Барклаю-де-Толли Александр I пояснял, что эта война «избавит человечество от ига, под коим оно стонет, и освободит Европу от цепей»³. В рамках грандиозного плана предполагалась организация ряда крупных военных диверсий в Испании, Португалии, Неаполе, на Корфу, в Голландии и Дании. Инициатива в планировании операций исходила и от наследного принца Бернадота, союзный договор с которым был недавно подписан. Он мечтал о присоединении к Швеции Норвегии: после этого объединенный с русскими дивизиями корпус союзников планировалось высадить в Северной Германии⁴.

Смелые планы, строившиеся Александром I, его дипломатами и военачальниками незадолго до наполеоновского вторжения в Россию, ставили в затруднительную ситуацию по их оценке как дореволюционных, так и советских исто-

---

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел (ВПР). Сер. 1. Т. VI. М., 1962. № 145. С. 363–365. Документ датирован издателями по русскому варианту из фонда Чичаговых в Российской государственной библиотеке. См.: Там же. С. 745. Прим. 406. Инструкция ранее публиковалась в составе фрагмента из «Записок» Чичагова: Русский архив. 1870. № 8–9. С. 1527–1528. Ср. наброски инструкции, публиковавшиеся ранее: Горяинов С. 1812. Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архивов. Ч. II. Подлинные документы. СПб., 1912. С. 31–32. Пугачев В. В. К вопросу о планах Александра I относительно славянского и немецкого национально-освободительного движения // Ученые записки Пермского ун-та. Т. VI. Вып. 4. С. 118–119.

² Эту мысль предполагалось внушить английской дипломатии. Цит. по: Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. II. Нашествие Наполеона на Россию / Сост., предисл., подг. текста, ук. имен, подбор илл. С. А. Никитина. М., 2009. С. 159. Издание представляет собой попытку реконструкции на основе посмертных публикаций не вышедшего при жизни автора второго тома. Цит. фрагмент ранее: Русский архив. 1892. № 5. С. 5–34.

³ Цит. по: Безотосный В. М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 89–90.

⁴ Казаков Н. И. Проект привлечения народов Балканского полуострова к борьбе против наполеоновской агрессии в 1812 году // 1812 год. К столетию Отечественной войны: Сб. статей. М., 1962. С. 52–53. Попов А. Н. Указ. соч. С. 152–160. Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций. Т. XI. СПб., 1895. С. 159. Александр I — П. К. Сухтелену, 12 апреля 1812 г. ВПР. Т. VI. № 150. С. 370–373. Н. П. Румянцев — П. К. Сухтелену, 12 апреля 1812 г.

риков. Дело в том, что эти проекты никак не вязались с известными позициями других основных игроков европейской сцены, которые нельзя было не учитывать. Важнейшую роль в организации десантов и морских каналов поставки оружия, боеприпасов, продовольствия и т. д. на берега Адриатики, Пиренейского полуострова и на Па-де-Кале должен был сыграть британский флот. Однако в это время Россия не имела официальных отношений с Англией, а переговоры с ее уполномоченным при посредничестве испанской и шведской дипломатий были начаты русским посланником в Стокгольме Сухтеленым лишь в конце марта 1812 г.⁵ Между Россией и Англией существовал круг серьезных разногласий, в том числе в бассейнах Черного и Средиземного морей, и надеяться на их быстрое урегулирование было бы опрометчиво. Берегам Англии не угрожал десант Наполеона, и ее участие в слабо проработанных, но грандиозных по замыслу военных операциях было мало мотивированным. Даже если пренебречь этими важными обстоятельствами, британский посланник попросту не имел возможности получить благословение своего кабинета и передать его Сухтелену, а тот Александру I и в МИД к тому времени, когда была составлена инструкция Чичагову.

Но это еще не все. С октября 1811 г. велись трудные переговоры о заключении мирного договора с Турцией. Речь уже не шла о присоединении к России Дунайских княжеств или хотя бы всей Молдавии. Порта отказывалась признать границу по реке Серет, а также протестовала против других русских предложений, в том числе против полной внутренней автономии Сербии, требуя ввода турецких гарнизонов в крепости на ее территории. 22 марта 1812 г. Александр I направил собственноручное секретное послание Кутузову: «...в самой же крайности дозволяю Вам заключить мир, полагая Прут по впадению оною в Дунай границую. Но сие вверяю я личной ответственности и требую необходимо, чтобы ни одно лицо без изъятия не было известно о сем моем дозволении до самого часу подписи. На сию однако же столь важную уступку не иначе повелеваю Вам согласиться, как постановя союзный

---

⁵ Там же. № 138. С. 345–350. П. К. Сухтелен — Н. П. Румянцеву, 29 марта 1812 г. Сборник Русского исторического общества. Т. 21. СПб., 1877. С. 435–446. П. К. Сухтелен — Александру I, 29 марта 1812 г. Лондон поручил Э. Торнтону уведомить русского коллегу, что английский посланник в Константинополе будет способствовать примирению России с Турцией, и узнать от него о предложениях Петербурга. Рогинский В. В. Швеция и Россия. Союз 1812 года. М., 1978. С. 102–103.

трактат с Портою»⁶. Оборонительный, а еще лучше наступательный договор сделал бы Турцию участником «адриатической экспедиции». Когда Чичагов отправился в расположение Молдавской армии, чтобы сменить Кутузова на посту главнокомандующего, переговоры еще не были завершены, поэтому он имел на руках сразу два (разных по тональности) царских рескрипта о передаче полномочий, один из которых назначенец должен был вручить предшественнику в зависимости от его успехов⁷.

По-видимому, в Петербурге и Вильно, где находился Александр I, когда прорабатывался план «адриатической экспедиции», явно недооценивали трудности переговоров. Из-за упорства Порты ни о каком союзном договоре, заключенном в одном пакете с мирными соглашениями, не могло быть и речи. Правда, инструкция Чичагову предусматривала и негативный сценарий: «Если бы за всем сим мир с турками не состоялся, тогда стараться должно... греков возбуждать к сложению тягостного для них магометанского ига; с Али-пашою войти в переговоры, подавая ему обнадеживания на независимость и на признание его королем епирским»⁸. Иными словами, речь шла о возобновлении военных действий, т. е. о коренном пересмотре курса на замирение с Портой в условиях близящейся войны с Наполеоном.

Смущенный этой бурной внешнеполитической импровизацией А. Н. Попов был склонен связать ее авантюризм с эксцентричным характером главного вдохновителя проекта — Чичагова. Он был удивлен, что канцлер Румянцев оказался так же склонен к экзальтации, когда в начале июля 1812 г., то есть в условиях войны с Наполеоном, он поддержал выдвинутый Чичаговым план похода на Константинополь, с тем чтобы изгнать турок из Евро-

---

⁶ Кутузов М. И. Сб. документов / Под ред. Л. П. Бескровного. Т. III. М., 1952. С. 851–852. О ходе переговоров см.: Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. I. Сношения России с иностранными державами перед Отечественной войной 1812 года. М., 2008 (первое издание — 1877 г.). Гл. 4–5. Петров А. Н. Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. III. М., 1887. Муньков Н. П. М. И. Кутузов — дипломат. М., 1962. Шапкина А. Н. Полководец М. И. Кутузов и Бухарестский мир // Российская дипломатия в портретах / Под ред. А. В. Игнатьева, И. С. Рыбаченок, Г. А. Санина. М., 1992. С. 120–134. Балканские исследования. Вып. 18. Александр I, Наполеон и Балканы / Отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 1997. С. 169–203. Грачев В. П. Сербский вопрос на переговорах 1812 года между Россией и Турцией о заключении Бухарестского мира // Славяноведение. 2001. № 1. С. 3–17. Айрапетов О. Бухарестский мир 1812 года // Родина. 2012. № 2. С. 68–71.

⁷ ВПР. Т. VI. С. 745. Прим. 405.

⁸ Там же. С. 364.

пы. Однако характерный в изложении этого эпизода критический тон не помешал историку или его душеприказчикам озаглавить соответствующую главу готовящегося труда «Славянская заря в 1812 г.»⁹.

Еще более категорично как авантюру аттестовал проект «адриатической экспедиции» Н. И. Казаков, связывая его с карьеризмом Чичагова¹⁰. Вместе с тем он подчеркнул, что «под влиянием этой борьбы (с Наполеоном. — М. Б.) царское правительство нередко вынуждено было отказываться от осуществления своей старой консервативно-монархической программы решения восточного вопроса и провозглашать новые цели, соответствующие "духу времени"», а в исключительных случаях готово было и на риск развязывания масштабной национально-освободительной войны¹¹.

Такие оценки тесно связаны с общей характеристикой «наполеоновских войн», восходящей к высказыванию К. Маркса и Ф. Энгельса: «Всем войнам за независимость, которые велись против Франции, свойственно сочетание духа возрождения с духом реакционности»¹². И здесь, безусловно, присутствует рациональное зерно. Однако уже понятия «дух», «возрождение», «реакционность», уместные в публицистическом дискурсе, требуют дополнительной научной рефлексии; само же соотношение этих полярностей не поддается процентному исчислению¹³. В этой связи необходимо высказать некоторые предварительные замечания

---

⁹ Русская старина. 1892. № 12. С. 617–642. 1893. № 1. С. 87–99. Перепечатано: Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. II. С. 185–220. Переписка Чичагова с Александром I за 1812 г. опубликована: Сборник русского исторического общества. Т. VI. Спб, 1871. С. 1–66. Русская старина. 1901. № 1. С. 218–222. Военно-исторический сборник. 1912. № 2. С. 151–169. № 3. С. 187–214.

¹⁰ Казаков Н. И. Проект привлечения... С. 53–54. Этот автор менее категоричен в более поздней статье: Он же. Проект адриатической экспедиции П. В. Чичагова // Югословенские земли и Русия за время Првого српског устанка 1804–1813. Београд, 1983. С. 341–353. Ср.: Абалихин Б. С. Отечественная война 1812 года на юго-западе России. Волгоград, 1987. С. 18–21.

¹¹ Там же. С. 343. Казаков Н. И. Проект привлечения... С. 52. Ср.: Пугачев В. В. Указ. соч.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 436. Та же характеристика обычно распространяется и на войны, которые велись наполеоновской Францией.

¹³ Белов М. В. О характере наполеоновских войн (историографические заметки) // Вопросы российской и всемирной истории. Материалы V межвузовской научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы российской истории в вузовском и школьном курсах». Арзамас, 2002. С. 155. Здесь и далее

о месте и значении «наполеоновских войн» в европейской истории. Будучи, пускай, малозначительным эпизодом эпохи, проект «адриатической экспедиции» не может быть правильно понят помимо ее специфики как целого. И, наоборот, этот маргинальный эпизод, возможно, обнажает какие-то ее сущностные черты.

«Наполеоновские войны» — кульминационная и финальная часть потрясающего 26-летнего периода Революции и войн (1789–1815). Они обозначили ломку Старого порядка в Европе в самом широком смысле слова: не только прежних государственных границ, традиционных монархических режимов, сословных перегородок, институтов собственности, правовых систем, прежнего порядка управления, ведения войны и дипломатии, но также — прежней системы ценностей, морали, жизненных планов и сценариев поведения на индивидуальном уровне¹⁴. В результате возникала сложная мешанина противоречий, обрывков старого и ростков нового, с присущими им внутренними конфликтами, изменчивых и инверсивных, что связано с переходом от одной общественной мегасистемы к другой на грани хаоса и порядка. Этот процесс описывается иногда (сторонниками «синергетики») как момент бифуркации, иногда (политологией Д. Розенау) как зона турбулентности — данный термин применяется для характеристики ближайшего будущего и уже сегодняшнего дня международных отношений. Однако оба эти определения, быть может, формулируют некую «философию» подхода к проблеме, но не делают предметную оценку «наполеоновских войн» или ее отдельных эпизодов делом более легким.

Двойственность действий противников Франции все более интересовала отечественных историков в позднесоветский период¹⁵. В программной статье 1979 г. академик А. Л. Нарочницкий указывал, что сопротивление завоевательной политике Франции

использован материал этой статьи. Ср.: Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия и геополитика. М., 2012. С. 96–97.

¹⁴ Культурно-прагматические эффекты «наполеоновских войн» редко интересуют историков, но были замечены уже современниками. См., например: Мандельштам О. Э. Слово и культура. М., 1987. С. 73.

¹⁵ Ранее, применительно к России, например: Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 253–263. Пресняков А. Е. Александр I [1925] // Он же. Российские самодержцы. М., 1990. Малосамостоятельное развитие суждений Преснякова в постсоветской литературе см.: Хорошлова Л. В. О влиянии либерально-просветительских идей на формирование внешнеполитического курса Александра I // Европейский либерализм в Новое время. Теория и практика. М., 1995. С. 145–154.

неизбежно сопровождалось частичной адаптацией (приспособлением) абсолютистских режимов, в том числе и в России к новым послереволюционным условиям существования¹⁶. В частности, русское правительство обращалось к национальным *чувствам* покоренных народов, которые должны восстать против завоевателя и угнетателя — Наполеона. Иными словами, легитимный монарх противопоставлял монарху-самозванцу чуть ли не принцип народного суверенитета, рожденный революцией во Франции¹⁷. Так или иначе, освободительные движения получили моральную, а в некоторых случаях — материальную и военную поддержку от участников коалиций, включая Россию.

По мнению Нарочницкого, для инициаторов антинаполеоновских коалиций «задача борьбы с революцией отодвинулась на второй план», но они выступали против распространения буржуазных порядков за пределы Франции, а главное — против завоевания этой страной европейского и мирового господства. Нарочницкий отдает дань теории прогресса, утверждая, что «в ходе наполеоновских войн их частично прогрессивные последствия постепенно ослабевали и отодвигались на задний план по сравнению с гнетом, который они несли народам Европы». То есть действия коалиций были более *оправданны*, нежели действия Наполеона. Элемент морализаторства в подобной трактовке неизбежен. Наличествует у Нарочницкого и тенденция во-

---

¹⁶ Нарочницкий А. Л. Россия и наполеоновские войны за господство над Европой: сопротивление и приспособление // Вопросы истории. 1979, № 4. С. 65–81. Перепечатано и далее цит. по: Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России. Сб. статей / Отв. ред. акад. А. Л. Нарочницкий. М., 1986. С. 88–113. В. Г. Сироткин вслед за Нарочницким отнес начало такой адаптации еще к екатерининским временам: Сироткин В. Г. Абсолютистская реставрация или компромисс с революцией? (Об одной малоизвестной записке Екатерины Великой) // Великая французская революция и Россия / Редколл. А. Л. Нарочницкий и др. / Под ред. А. В. Адо и В. Г. Сироткина. М., 1989. С. 274–278. Он же. Наполеон и Россия. М., 2000. С. 27–28 и др.

¹⁷ Например, в период подготовки к мирным переговорам с Портой в конце 1808 — начале 1809 г. русская дипломатия по существу признала суверенитет повстанческой Сербии *de facto*. Однако практическая реализация принципа национального самоопределения вызвала серьезные затруднения на системном уровне и вылилась в конфликт с руководством повстанцев, поскольку его доктрина воссоздания границ средневекового Сербского царства не совпадала с планами Петербурга. См.: Белов М. В. У истоков сербской национальной идеологии: специфика формирования и механизмы развития (конец XVIII — середина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007. С. 291–327.

люнтаристского объяснения войн начала XIX века, быть может, усиленная жанровыми особенностями учебной литературы: «Его (Наполеона. — М. Б.) огромный военный и административный талант сочетался с безграничным честолюбием, властолюбием, жаждой завоеваний, беспощадной жестокостью и полнейшим презрением к народным массам, республиканскому строю и демократическим свободам (разве не применимы те же качества, хотя бы частично, к организаторам коалиций? — М. Б.). Опираясь на армию, Наполеон нуждался в постоянном укреплении своей власти новыми победами и завоеваниями»¹⁸.

Такую центрацию, вероятно, следует рассматривать как удаленное, но явственное эхо «наполеоновской легенды». Ее оборотная сторона — в любом случае неадекватное масштабу событий низведение целой эпохи к эксцессу и эксцентрике исключительной личности. Более адекватным прочтением видится трактовка наполеоновской экспансии как послереволюционной мутации универсальных и планетарных проектов Просвещения, а также как следствия порожденных им же и конфликтующих между собой разнообразных практик индивидуализма и национализма. В условиях «романтической реакции» они порой принимали крайние формы. Следуя марксистской традиции и миросистемному подходу, можно указать на утвердившийся в европейском ареале принцип самовозрастания капитала. А признавая значимость рецептивно-сравнительной империологии, можно вести речь о попытке французского имперского строительства, асимметричной британскому опыту¹⁹.

Исследование механизмов адаптации царизма к послереволюционным условиям в трудах советских историков сдерживалось характеристикой господствующего строя России как «феодально-крепостнического»²⁰. Но в случае с перестройкой внешней

---

¹⁸ Новая история. 1640–1870 / Под ред. А. Л. Нарочницкого. М., 1986. С. 175–177. Возложение моральной ответственности на Наполеона или даже сведение причин войн к его непомерным амбициям — характерная черта многих, даже лучших работ: Исдейл Ч. Д. Наполеоновские войны. Ростов-на-Дону, 1997. С. 63–65. Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Гл. 2.

¹⁹ Ливен Д. Россия и наполеоновские войны: первые мысли новичка // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. IV. М., 2007. С. 34–35.

²⁰ Учитывая дискуссии о феодализме в мировой историографии последних десятилетий, применение первой части определения к России начала XIX века, на мой взгляд, утрачивает смысл. Однако крепостное право действительно являлось, как известно, главным препятствием либеральных реформ внутри страны и сдерживающим фактором в проведении внешней политики на со-

политики, нацеленной на использование потенциала освободительных движений народов Европы, переход от деклараций к реализации новых принципов затруднялся скорее соперничеством великих держав, то есть самой системой международных отношений²¹, пуская поколебленной Революцией и войнами. В частности, эмансипация балканских славян не представляла непосредственной угрозы классовым интересам русских помещиков, но была неприемлема для Турции и Австрии, а несколько по другим причинам — для Англии или Франции. Поэтому поощрение национальных движений использовалось и как фактор давления на соперников.

Среди позднесоветских, а затем и постсоветских историков обнаружили расхождения в оценке уровня агрессивности и масштабов экспансионизма Российской империи. Преобладала заданная ранее, еще в сталинские времена, стратегия оправдания этой экспансии, как в основном ответной и/или объективно-прогрессивной. Эта линия была продиктована идеологией национал-большевизма²², в русле которой СССР отчасти признавался наследником Великой России. Позднее такая тенденция усилилась как отпор антисоветской пропаганде, построенной на русофобии и находящей те же, но негативные параллели.

В опубликованной накануне войны (а именно: после присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, Прибалтики и Бессарабии) рецензии на памфлет Энгельса о русской дипломатии Сталин писал: «...завоевательная политика со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составляла монополию русских царей. Всякому известно, что завоевательная политика была также присуща — не в меньшей, если не в большей степени — королям и дипломатам всех стран Европы, в том числе такому императору буржуазной формации, как Наполеон, который, несмотря на свое не-царское происхождение, с успехом практиковал в своей внешней политике и интриги, и обман, и вероломство, и лесть, и зверства, и подкупы, и убийства, и поджоги»²³.

пределных территориях. Ср.: Безоголосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Гл. 1.

²¹ Нарочницкий А. Л. О некоторых методологических аспектах публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века» // Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России. С. 120.

²² Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб., 2009.

²³ Сталин И. В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. № 9. С. 3. Рецензия была подготовлена еще в 1934 г.

При всей справедливости или даже банальности этого замечания, по понятным причинам маятник качнулся в противоположную сторону. Зато в послесталинский период советским историкам было труднее совмещать осторожные оправдания внешней политики царизма с обязательными цитатами Маркса и Энгельса²⁴.

Вопреки доминирующему в советской историографии подходу, отдельные отечественные авторы, тем не менее, не признали серьезной адаптации коалиционных режимов, включая Россию, к новым послереволюционным условиям и настаивали на гегемонистской агрессивности ее политики. Более того, они следовали не только букве, но и духу высказываний на этот счет Маркса и Энгельса, Ленина, но не Сталина²⁵. В свою очередь В. М. Безотосный, критикуя позицию Н. А. Троицкого, высказал излишне сильный тезис о достижении Россией «территориальной достаточности» к началу XIX века и, следовательно, обнулil уровень агрессивности в ее коалиционных комбинациях²⁶. При этом он признал имперские интересы России в ряде регионов Европы, в частности на Балканах. Необходимо, по-видимому, учитывать, что политика экспансии не обязательно связана с прямыми территориальными захватами, но может облекаться в форму покровительства и протектората, что, например, характерно для «балканских планов» А. Чарторыйского в дотильзитский период²⁷.

в связи с предложением опубликовать текст Энгельса в журнале «Большевик» к юбилею начала Первой мировой войны. Сталин возражал, поскольку не хотел, чтобы он воспринимался как руководящее указание.

- ²⁴ Эта линия особенно ярко проявилась в усилиях академика А. Л. Нарочницкого, координатора многих научных проектов, а ранее — пропагандиста сталинской школы. Нарочницкий А. Л. Значение письма И. В. Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма»» для советской исторической науки. М., 1950. О расхождениях между оценками классиков марксизма и выводами советских историков см.: Достян И. С. Политика царизма в Восточном вопросе: верны ли оценки К. Маркса и Ф. Энгельса? // Советское славяноведение. 1991. № 2. С. 3–16.
- ²⁵ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 14–34. Он же. Антинаполеоновские коалиции 1813–1815 гг.: смысл, цели, характер // Доклады Академии военных наук (Саратов). 2004. № 12. С. 72–83. Абаляхин Б. О вреде чтения школьных и институтских учебников // Родина. 1992. № 6–7. С. 180.
- ²⁶ Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. С. 113–115. Думается, имперская логика внешней политики не всегда целиком совпадает с рациональным выбором и принципом разумной достаточности.
- ²⁷ Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 335–358, 411–420. Достян И. С. Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX века. М., 1972. С. 42–62. Эти планы оставались лишь

В свою очередь аннексионные амбиции (в отношении Дунайских княжеств и Финляндии), выявившиеся после Тильзита, подчинились отчасти целям репутационной компенсации и увязывались с конституционными экспериментами в имперском управлении²⁸.

Таким образом, не претендуя на окончательные ответы в прояснении замысла «адриатической экспедиции», можно, тем не менее, несколько иначе расставить акценты. Было бы наивным полагать, что в начале XIX века существовала целостная, до конца продуманная и последовательная внешнеполитическая концепция вроде тех, какие принимаются ныне, в том числе и в России. Скорее, можно говорить о сосуществовании нескольких вариантов действий (от коренного переустройства Европы до изоляционизма в пределах обособленной «сферы интересов»), которые избирались реактивно, под действием многих обстоятельств²⁹. Сама динамика международной жизни исключала иную тактику, и даже главный возмутитель спокойствия — Наполеон «никогда не останавливался на одном варианте (предусматривал многовариантность), и часто кардинально менял свои решения и поступал в зависимости от ситуации»³⁰.

Хотя зависимость от обстоятельств еще более обуславливала действия контрагентов Франции, грандиозные планы переустройства европейского порядка или, точнее, наведения порядка были характерны уже для первых внешнеполитических инициатив Александра I. Отказ от вооруженной борьбы в 1801–1803 гг. сочетался со стремлением сыграть роль динамичного посредника и умиротворителя Европы на принципах «баланса сил»³¹. Как из-

---

одним из вариантов действий и в практическом плане имели серьезные ограничения, однако они не утратили смысла и после отставки Чарторыйского: Сироткин В. Г. Франко-русская дипломатическая борьба на Балканах и планы создания славяно-сербского государства в 1806–1807 гг. // Уч. зап. Ин-та славяноведения. Т. XXV. М., 1962. С. 171–192.

²⁸ Нарочницкий А. Л., Казаков Н. И. К истории Восточного вопроса (О целях России и Франции на Балканах в 1807–1808 гг.) // Новая и новейшая история. 1969. № 6. С. 52–66. Нарочницкий А. Л. Россия и наполеоновские войны... С. 105.

²⁹ По мнению Д. Ливена, «Россия в 1807–1814 гг. была в значительной степени вынуждена выбирать между союзом с Великобританией и союзом с Францией. Реального нейтралитета России не допустили бы даже англичане, не говоря о Наполеоне». Ливен Д. Указ. соч. С. 36. Ср.: Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. С. 18–19.

³⁰ Там же. С. 175.

³¹ История внешней политики России: Первая половина XIX в. М., 1995. С. 27–38. Балканские исследования. Вып. 18. С. 77–97.

вестно, эти инициативы по тем или иным причинам не увенчались успехом. В период подготовки третьей коалиции идеи мирного переустройства Европы, основывающиеся на «священных правах человечества», «разумной свободе» и «правах национальностей» обрели силу внешнеполитической «философии». Они легли в основу секретной инструкции Александра I Н. И. Новосильцеву, отправившемуся в Англию для ведения переговоров 11 (23) сентября 1804 г.³² Сам царь выступил разработчиком концептуальных основ примирения с наследием Революции.

Контуры «адриатической экспедиции» обнаруживаются в военном планировании конца 1806 — начала 1807 г., когда, по мнению В. П. Грачева, речь шла опять же о создании «нового порядка», как минимум, в Средиземноморском бассейне и на Балканах³³. Тогдашней целью являлось противодействие наполеоновской экспансии и принуждение к миру Порты, а также переустройство ее европейских владений, включая повстанческую Сербию, на началах национальной автономии. Для этого при участии сербских повстанцев планировалось создать сплошной фронт от Черного до Адриатического моря. На сходство этих планов с проектом «адриатической экспедиции» обращалось внимание ранее. В обоих случаях особая роль отводилась соучастию английского флота. В. Г. Сироткин указал, что Чичагов, будучи морским министром, был вовлечен в планирование военных действий в 1806 г. и мог использовать этот опыт в проекте «адриатической экспедиции» 1812 г.³⁴ В поздних публикациях Сироткин еще более расширил масштаб аналогии: «Несомненно, Бонапарт и в 1806–1807 гг. репетировал «мини-кампанию» будущего 1812 г., однако «мини-крестового похода» против России (Турция, Персия и даже Китай) не получилось». В свою очередь, амбиции Александра I, стремившегося руководить и армией, и дипломатией,

---

³² ВПР. Т. II. М., 1964. № 50. С. 138–151. Прим. 79. С. 664–665. Первая публ.: Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром. Т. 2. М., 1913. С. 27–44. О значении этого документа: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 196–201. Нарочницкий А. Л. Россия и наполеоновские войны... С. 95–97. В целом об отношении к Франции в 1801–1805 гг.: Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966. Гл. 1.

³³ Грачев В. П. План создания «нового порядка» на Балканах и негативные последствия его неудачной реализации в первой половине 1807 г. // Двести лет новой сербской государственности. К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. / Отв. ред. В. К. Волков. СПб., 2005. С. 57–64.

³⁴ Сироткин В. Г. Международные отношения на Балканах и сербский вопрос в политике России и Франции (от Парижского мира 1801 г. до Эрфуртской конвенции 1808 г.) // Югословенске земље и Русија... С. 115.

в то время не уступали наполеоновским. И уже тогда были апробированы многие инструменты, более известные по событиям Отечественной войны: «...создание первого в истории войн с Наполеоном ополчения — милиции, использование православного Синода как инструмента пропагандистской войны, образование пропагандистского «штаба» в Петербурге и начало «войны перьев» Александра I и Наполеона и т. д.»³⁵.

Множественность источников проекта «адриатической экспедиции» также отмечалась в исследовательской литературе. Указывалось в частности на многочисленные проекты создания славяно-балканских государств на принципах автономии и вассалитета, поступавших в Петербург с конца XVIII века, а особенно интенсивно с начала Первого сербского восстания от духовных иерархов и патриотов с авантюрной жилкой³⁶. Н. И. Казаков и др. авторы ссылались на записки И. Каподистрии³⁷ и проекты французских эмигрантов. Роль Каподистрии действительно

---

³⁵ Он же. Наполеон и Россия. М., 2000. С. 59, 63, 65, 93.

³⁶ Чтения Общества истории и древностей Российских. М., 1868. Кн. 1. С. 238–256. Политические и культурные отношения России с югославскими землями в XVIII в. М., 1984. Док. № 305, 306. С. 399–407. Достян И. С. Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. // Россия и славяне. М., 1972. С. 98–107. Грачев В. П. Планы создания славяно-сербского государства на Балканах в начале XIX в. и отношение к ним правительства России // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. — 1878 г.). М., 1995. С. 4–40. Белов М. В. У истоков... С. 153–187. Руварац Д. Митрополит Стеван Стратимировић и Јован Јовановић бачки дладика први весници српске слободe // Архив за историју српске православне карловачке митрополије. Год. IV. Сремски Карловци, 1914. Св. 1. С. 90–95. Димитријевић Ст. М. Стевана Стратимовића митрополита карловачког план за ослобођење српског народа. Београд, 1926. Milutinović K. Prvi ideolozi federalističke misli kod južnih slavena // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umetnosti. Кн. 330. Zagreb, 1962. С. 88–91. Гавриловић С. План Софронија Југовића о српско-руској сарадњи 1804 // Он же. Личности и догађаји из доба Првог српског устанка. Нови Сад, 1996. С. 73–81 и др.

³⁷ Записка гр. И. Каподистрия о его служебной деятельности // Сборник Русского исторического общества. Т. 3. С. 170–171. Арш Г. Л. «Записка о нынешнем состоянии греков» (1811 г.) И. Каподистрии // Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение. Сб. статей и материалов. М., 1972. С. 359–386. Он же. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809–1822 гг. М., 1976. С. 22–23. Кущко А., Таки В. Конструировање Бессарабије: имперске и националне модели построения провинции // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). Сб. статей / М. Аугст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010. С. 214–216.

важна, поскольку именно он возглавил дипломатическую канцелярию Чичагова.

Следует, однако, подчеркнуть, что инициатива превращения повстанческой Сербии в соединительное звено широкого фронта освободительной войны исходила от самих балканских славян, причем не только от внешних наблюдателей, но лиц, непосредственно вовлеченных в вооруженный конфликт. Эта идея была прямо высказана уже в августе 1804 г. в обращении предводителей движения в Белградском пашалыке «всей братии герцеговинцам» и черногорцам³⁸. Другой вопрос, насколько обоснованными были эти смелые идеи.

В дальнейшем неоднократно предпринимались попытки осуществить план военной интеграции балканских славян. Достаточно вспомнить широкомасштабное, но неудачное наступление сербских повстанцев в 1809 г., целью которого являлось соединение с черногорцами, герцеговинцами, вовлечение в антитурецкие действия населенных сербами южных и восточных районов. Пускай в более скромном масштабе, курс на закрепление и возможное расширение очага освободительной борьбы реализовался в военных действиях 1810–1811 гг. при участии русских подразделений. Удивительно именно то, что, имея возможность оценить опыт сотрудничества с сербскими повстанцами и предел их военного потенциала³⁹, авторы проекта «адриатической экспедиции» сделали ставку на них как на силу, способную детонировать наступательную волну. Трудно было не догадываться, учитывая хотя бы только недавнюю историю, что этого ни за что не допустят турки. Тем не менее, по предположению В. П. Грачева, сербские повстанцы могли быть посвящены в проект «адриатической экспедиции» (и дать какие-то технические пояснения на сей счет), поскольку его разработка совпала по времени с пребыванием в Петербурге их депутатов весной 1812 г.⁴⁰

---

³⁸ Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. М., 1980. № 16. С. 42–44.

³⁹ См., например, негативный по оценке способностей повстанческой армии отчет ротмистра Эринга Е. Г. Цукато от 18 августа 1810 г.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 14 209. Оп. 170. Св. 24. Д. 670. Л. 53–54. Белов М. В. На пути к сербской нации: взгляд снизу (1804–1835 гг.) // Человек на Балканах: Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.). Сб. статей. СПб., 2007. С. 205.

⁴⁰ Это предположение высказано в не опубликованной при жизни автора более полной версии статьи о сербском вопросе на русско-турецких переговорах 1811–1812 гг. Пользуясь случаем, благодарю семью В. П. Грачева за возможность познакомиться с материалами из его архива.

Любопытным, но малоизвестным эпизодом, предшествовавшим проекту, является миссия барона Дибича, который прибыл в повстанческую столицу 29 мая 1811 г.⁴¹ (Не вполне ясно, идет ли речь в указанном архивном деле о И. И. Дибиче, будущем фельдмаршале, или о его старшем брате, партизане 1806–1807 и 1812–1813 гг. В. И. Дибиче. По ряду примет — скорее о последнем⁴².) Подполковник 27-го егерского полка должен был в Белграде снять план крепости, а затем в сопровождении 50 казаков с сербским конвоем отправиться на Дрину, чтобы осмотреть укрепления и редуты на боснийской границе и дать рекомендации местным воеводам по их исправлению. Следуя через Делиград, Баню и Гургусовцы (юго-восточная окраина повстанческой Сербии) с теми же целями, ему предписывалось возвратиться в расположение русского отряда под предводительством О. К. Орурка, который в то время находился в Неготине⁴³.

Эти предписания Дибич не выполнил. Русского барона с именем, допускавшим, что его дальние предки были сербами, ожидал в Белграде радушный прием⁴⁴. Он воодушевил верховного вождя и прочих старейшин планами организации «стратегического партизанского корпуса» на базе двух батальонов русской пехоты, гусаров, драгун, казаков и артиллерии, чтобы «Боснию и Албанию

41 РГВИА. Ф. 14 209. Оп. 5/165. Св. 68. Д. 35. Л. 6–7 об. Ф. И. Недоба — А. Л. Воинову, 1 июня 1811 г. В тот же день он встретился с предводителем повстанцев Карагеоргием.

42 См. о нем: Миловидов Б. П. Отряд подполковника Дибича в 1812–1813 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Сб. материалов XIII Всероссийской научной конференции. Малоярославец, 2005. С. 159–185. Он же. Отряд подполковника В. И. Дибича в Смоленской губернии в 1812 г. // Отечественная война и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2008. С. 216–251.

43 РГВИА. Ф. 14 209. Оп. 5/165. Св. 68. Д. 35. Л. 4–5 об. А. П. Засс — М. И. Кутузову, 3 июня 1811 г. Там же. Л. 8–9 об. А. П. Засс — М. И. Кутузову, 7 июня 1811 г.

44 «Всего неприятнее, — жаловался русский диппредставитель в Белграде, — что [Дибич] разглашал соединение с черногорцами, ибо, сколько мне помнится, мы дали письменно французам [обязательство], что отступаемся от всякого с тем народом сношения. 2-го сего месяца представил перевод оных [планов] Совету, куда ездил в сопровождении 25 казаков и арнаутов и офицеров оных, говорил длинную речь и рекомендовал себя». Там же. Оп. 3/163. Св. 24. Д. 12. Л. 51–53 об. Ф. И. Недоба — А. П. Зассу, 17 июня 1811 г. В оперативной записке Дибич, выходец из Саксонии, просил о снисхождении, поскольку действовал «на пользу добровольно избранного отечества». Там же. Оп. 5/165. Св. 68. Д. 35. Л. 2–2 об.

присоединить к нашим интересам, между тем как сербские войска будут действовать на Ниссу и Софию». Однако, по версии Дибича, представленный им план был одобрен военным министром еще в январе 1811 г., и именно это стало причиной перевода барона из квартирмейстерской части в егеря, более того, об этом плане якобы были извещены и Засс, и Оуррк, как лица ответственные за сотрудничество с сербами⁴⁵. На самом деле, план соответствовал надеждам повстанческих вождей, но расходился с позицией командования Молдавской армии. За превышение полномочий Дибич был срочно удален из Сербии⁴⁶.

Инициативы Дибича, показавшиеся неуместными Кутузову в начале лета 1811 г., оказались востребованными уже следующей весной, когда обсуждался проект «адриатической экспедиции». Можно предположить, что Барклай-де-Толли, с которым Дибич вел беседы о возможностях партизанской войны в Турецкой империи, дал ему поручение изучить на месте возможности реализации составленного плана, а тот слишком увлекся этой идеей. Хотя по распоряжению Кутузова 21 июля 1811 г. барон был выслан в Могилев под надзор полиции⁴⁷, влиятельные покровители (в лице того же военного министра, с которым породнился И. И. Дибич), по-видимому, не увидели в его действиях особенно серьезного нарушения служебной дисциплины. Впрочем, если мы имеем дело с «первым из немцев партизан», в оценке А. П. Ермолова, В. И. Дибичем, то он так и не поднялся в чине выше подполковника.

Одним из идеологов, а затем и проводников проекта «адриатической экспедиции» был отставной майор Александр Полев. Оставив военную карьеру при Павле I, он осел в малороссийском захолустье, посвящая свои досуги литературной и ученой графомании, а после Тильзита отправился покорять столицы. Как свидетельствует сам автор, в 1806–1811 гг. он отослал 17 своих

---

⁴⁵ Там же. Л. 8–11. Выписка из рапорта Дибича А. Л. Воинову. А. П. Засс — М. И. Кутузову, 7 июня 1811 г.

⁴⁶ Засс мотивировал отзыв Дибича тем, что «он принял на себя делать операционные планы, каким образом вести войну сербам, предполагает формировать войски и множество затеял таких дел, которые ему вовсе не были поручены, что его совершенно отвлекло от цели порученности, ему данной». Там же. Л. 8–9 об.

⁴⁷ Там же. Л. 19–22. Дибич прибыл в Сербию с женой, а когда был отозван, оставил ее в Белграде, надеясь скоро вернуться назад. В конце августа 1811 г. он дождался ее в Могилеве, хотя ему давно было предписано следовать в Петербург. Кроме того, Дибич требовал прогонных, и могилевский генерал-губернатор Тучков 1-й просил совета Кутузова, не зная, что ему делать.

сочинений Александру I и его сановникам⁴⁸. Хотя литературный статус Полева был маргинален, его можно однозначно причислить к сторонникам так называемых «архаистов», или «славянофилов», лидером которых являлся адмирал А. С. Шишков, карьерный антагонист Чичагова⁴⁹.

Портрет Полева сохранился в записках Д. И. Свербева: «Я помню эту какую-то загадочную фигуру, тощую, желто-белую, его судорожные телодвижения, его выношенные одеяния, то военный потертый сюртук, то белый, испачканный кавалеристский мундир. Речь его поражала меня, мальчика, столько же, как и его славянизм, разгоревшийся до угара, но еще не достигший тогда прозвания славянофильства. Проекты его писаны были самым высоким слогом, испещрены текстами библейских и апокалипсических пророчеств и звучали, как позлащенная в горниле медь, церковными выражениями. Помню, что на каждой странице были какие-то точки и ряд восклицательных знаков. Бедный мечтатель, а чего доброго может и преждевременный глубокий политик, Полев постоянно жаловался, что на его великие замыслы никто не обращает внимания, что влиятельные лица того времени как в Петербурге, так и в Москве после первого свидания преграждали ему свободный к себе доступ и, казалось ему, да чуть ли и не справедливо, считали его помешанным»⁵⁰.

Прожектер мечтал о «Великом союзе племен славянских» от Урала до Карпат и от Балтики до Адриатики. Его частью должно было стать южнославянское государство во главе с Карагеоргием. В этом отношении он выступал наследником В. Н. Каразина и авторов проектов, вызревавших в российском МИДе⁵¹.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16 (1). Д. 431. Ч. 1. Л. 12. Помимо царя, Полев адресовал свои рукописи и записки министрам полиции и сухопутных сил, а также главному квартирмейстеру (начальнику генерального штаба) П. М. Волконскому. На протяжении указанных лет его писательская активность все более нарастала.

⁴⁹ В своих сочинениях Полев обрушивается на русских франкофилов, порицает засилье иностранцев, начавшееся с петровских времен, увлечение дворянской элиты всем чужеземным, в частности французским языком «с пренебрежением языка отечественного» и ссылается на подвиги славянских богатырей. Там же. Д. 431. Ч. 7 и др.

⁵⁰ Свербеев Д. И. Записки. Т. 1. С. 458. Любопытны колебания автора воспоминаний в оценке Полева: от «глубокого политика» до «помешанного».

⁵¹ Грачев В. П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. (Внутреннее положение, предпосылки национально-освободительных движений). М., 1990. С. 146–148. Достян И. С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М. 1980.

В свою очередь параноидальная «философия истории» Полева развивала тезисы антинаполеоновской пропаганды рубежа 1806–1807 гг. и карикатурно обнажала воззрения какой-то части ранних русских консерваторов. «Автор с исступлением доказывает, — пишет исследовательница его бумаг, — что все революционные и военные события, происшедшие в течение последнего времени, являются следствием грандиозного заговора то ли тайных религиозных сект, то ли масонских лож и иллюминатов. Эти «братья всемирного царства» и их адепты проникли во все европейские правительства, в том числе и русское. Они стараются «расслабить дух русских», довести Россию до революции, уничтожить ее дворянство и установить власть «всемирного властителя», «богачеловека», т. е. Наполеона»⁵². Последний представлялся прямым продолжателем дела Марата, Робеспьера и Директории, а также предшественников революционеров — зловредных просветителей, мечтавших о разрушении границ и об универсальных законах, написанных ими самими.

Полев утверждал, быть может бессознательно следуя за просветителями, что с помощью мнений «люди содержатся в обществе и управляются более, нежели властью и законом»⁵³. Для спасения России необходимо «совокупить мнения [общества]... с мнениями всего народа», держаться «веры поселян» и искоренять все чужеземное, изображая наполеоновскую Францию враждебной самому институту семьи. Переход к народной монархии, и это один из вариантов адаптации к новым условиям, по мнению Полева, требовал отказа помещиков от части своих «выгод», запрета торговли крепостными, сокращения податей, создания дворянского и народного ополчения. В противном случае автор предрекал России внутреннее возмущение, возбужденное неприятелем во время войны⁵⁴.

Но главное оружие России — ее «естественное преимущество перед всеми государствами» — способность возглавить славянские

---

⁵² Там же. С. 82. Подобные взгляды являлись одной из модификаций распространеннейшей после Революции во Франции по всей Европе «теории заговора». См.: Смит Д. У истоков русской масонофобии // Образ врага / Сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадов. М., 2005. С. 80–101. Чудинов А. В. Французская революция. История и мифы. М., 2007. С. 139–176. Рогалла фон Биберштейн Й. Миф о заговоре. Философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков. СПб., 2010.

⁵³ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16 (1). Д. 431. Ч. 7. Л. 5–5 об.

⁵⁴ Там же. Л. 10–12. Ч. 6. Л. 3 об. — 4 об. (эта часть записки от 9 марта 1811 г. П. М. Волконскому называется «внутренняя оборона»).

племена. Уже в записке Полева от 14 сентября 1810 г. на имя царя угадываются черты «адриатической экспедиции»: необходимо заключить оборонительный и наступательный союз с Турцией, Англией и Испанией, туркам посулить Северную Адриатику, кроме Дубровника и Котора, которые желательно передать Ионической республике. Сербы получают Никополь и учредят королевство, что возбудит другие славянские народы, а также венгров — это ослабит Австрию. Царь должен принять титул польского короля, вслед за этим восстанут итальянцы, тирольцы и т. д. В будущем Полев предрекал уход турок из Европы, овладение Константинополем, учреждение Греческой республики и создание Армянского царства, обуздание персов и привлечение в Россию всей левантийской торговли⁵⁵. В записке от 25 ноября 1810 г., направленной Барклаюде-Толли, почти нет следов «теории заговора», но подчеркнута необходимость использовать в борьбе с Наполеоном освободительные потенции народов Европы⁵⁶.

Вероятно, эти-то идеи накануне ожидаемый франко-русской войны, наконец, обеспечили Полеву доступ в «высшие сферы». Через посредство П. М. Волконского он был привлечен к разработке проекта «адриатической экспедиции» и даже получил аудиенцию у царя. Свои детализированные рекомендации по организации диверсии он отправил Чичагову за два дня до того, как была подписана инструкция царя новому главнокомандующему Молдавской армией⁵⁷. В середине июня 1812 г. уже в чине подполковника свиты Полев прибыл в Белград, чтобы координировать боевое сотрудничество с сербскими повстанцами⁵⁸.

---

⁵⁵ Там же. Ч. 7. Л. 14–18 об. Согласно упоминавшейся выше записке Волконскому от 9 марта 1811 г., Карагеоргий во главе стотысячного войска окрестных славян должен возглавить поход против наполеоновской империи (Там же. Ч. 6. Л. 11). В примечании Полев указывал на «тотальный» характер войны с Наполеоном: «Однако же, когда неприятель все употребил, чем только можно преодолеть нас, войну и мир, пушки и книги, солдат и профессоров, учителей и наставников, купцов, слуг и скоморохов, мужчин и женщин, то и нам все средства до единого должно употребить к обороне своей» (Там же. Л. 18 об.).

⁵⁶ Там же. Ч. 2.

⁵⁷ ВПР. Т. VI. № 144. С. 360–362. Здесь говорится об объединении «народа от Савы до берегов Адриатики» под началом «венценосца», но претендент на эту роль не называется.

⁵⁸ Чичагов подписал инструкцию Полеву 3 (15) июня 1812 г. Его обязанности сводились в ней к информационному обеспечению проекта. Там же. № 172. С. 431–432. В резиденцию Карагеоргия Тополу Полев прибыл 13 июня. По его сообщению, сербское руководство было извещено о планах диверсии через архимандрита Мелентия, с которым Полев встречался в Петербурге в 1811 г. Там же.

С началом реализации проекта выявились все его недостатки. Разочарование Чичагова нарастало, и именно это подталкивало его к составлению все более вычурных комбинаций, вроде упоминавшегося выше похода на Константинополь. Его планировалось совместить с диверсией в Далмации и восстанием австрийских славян (при лояльности венгров), тогда как царь уже получил заверения Франца I о фиктивности его участия в походе Великой армии. Кстати, возможно, именно проект «адриатической экспедиции» заставил Австрию проявить осторожность⁵⁹. В конечном счете, нарастающая неадекватность предложений Чичагова поставила крест на первоначальном замысле. По шизофренической логике своими новыми проектами он как будто стремился продемонстрировать всю абсурдность ситуации, в которую попал. 18 июля 1812 г. Александр I предписал Чичагову двигаться к Днестру, чтобы при содействии армии А. П. Тормасова и корпуса Э. О. Ришелье нанести фланговый удар по Герцогству Варшавскому⁶⁰.

Итак, утопизм и авантюризм проекта «адриатической экспедиции» не был следствием личных качеств Чичагова или кого-то еще из лиц, причастных к его разработке. Эти черты были частью политической культуры постпросветительской (послереволюционной) эпохи и внешнеполитической практики «наполеоновских войн». В действиях Наполеона реализовывались самые фантастические проекты, что вдохновляло на похожие акции его противников. Иными словами, авантюризм был частью процесса приспособления к новым условиям. В момент наибольшей неопределенности и схождения разных сценариев военных действий — весной и летом 1812 г. — балканская политика России обрела параболический вид.

Невозможно выделить один, *самый главный* источник замысла диверсии в Далмации, поскольку он был производным от многих интеллектуальных посылов, которые исходили из разных, порой мало совместных, сред и уровней творческой активности. Отведение повстанческой Сербии места операционной базы «адриатической экспедиции» диктовалось, пускай неоднозначной, практикой вооруженной борьбы 1804–1811 г. и отвечало желаниям самих повстанцев.

№ 185. С. 456–459. А. Полев — П. В. Чичагову, 24 июня 1812 г. О поездке Мелентия в Россию см.: Грачев В. П. Православная церковь и Первое сербское восстание 1804–1813 гг. // Балканские исследования. Вып. 17. Церковь в истории славянских народов / Отв. ред. И. В. Чуркина. М., 1997. С. 170–171.

⁵⁹ Казаков Н. И. Проект привлечения... С. 53–54.

⁶⁰ Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. II. С. 207.

К. Б. ЖУЧКОВ

«ВОЗМОЖНОСТЬ ИЗБАВИТЬСЯ
ОТ ФРАНЦУЗСКОГО ГНЕТА ЕЩЕ НЕ ПОВОД
ПОПАСТЬ ПОД РУССКОЕ ЯРМО»:
КОНФЛИКТ С ВОСТОЧНО-ПРУССКИМ
ПРАВИТЕЛЬСТВОМ В НАЧАЛЕ 1813 Г.

Успешное наступление русской армии в конце 1812 г. и ее выход к границам Польши и Пруссии поставило союзников Наполеона, прежде всего Австрию и Пруссию, перед политическим выбором: какую позицию занять в условиях провала кампании и приближения русских войск? Особенно остро этот вопрос встал перед Пруссией, на территорию которой вступали русские войска. Подписание генералом Г. Йорком 18/30 декабря 1812 конвенции с генералом И. И. Дибичем, согласно которой прусский корпус из состава французской армии был объявлен нейтральным, давало русскому командованию возможность привлечь прусские войска для ведения военных действий и тем самым де-факто присоединить Пруссию к антифранцузской коалиции. Надежду этому давало вынужденное пребывание Пруссии в стане наполеоновских союзников, а также доверительные отношения императора Александра I и короля Фридриха-Вильгельма III. Само освобождение русской армией Пруссии от французского ига, длившегося почти семь лет, давало повод русскому командованию полагать, что Пруссия тотчас порвет с Наполеоном и выступит против него на стороне России. Казалось, Пруссия вот-вот повернет свои штыки против собственных угнетателей.

В главной квартире русской армии по этому поводу царило самое радужное настроение.

Рассчитывая на успешный исход переговоров с Г. Йорком о выступлении прусского корпуса на стороне русской армии, 3 января 1813 М. И. Кутузов решил на переход р. Висла, предписывая П. Х. Витгенштейну «направля корпус графа Штейнгеля на Мариенбург, с прочими силами следовать на Мариенвердер, где переправитесь через Вислу».¹ Одновременно он приказал П. В. Чичагову с его армией передвинуться от Гутштата к Лёбау, «где, остановясь в центральном положении между Главною армиею и корпусом графа Витгенштейна, будете в мере подкреплять одну или другую, смотря по обстоятельствам»,² что было вызвано необходимостью поддержать Главную армию, которая вынуждена была склоняться правее, к Модлину и Варшаве, пытаясь воздействовать на левый фланг К. Шварценберга.³

8/20 января 1813 г. Кутузов предписывает М. И. Платову «действовать хотя партиями по дорогам, ведущим от Данцига к стороне р. Одера по разным направлениям, чтобы тем подать вид, что наше движение и к сей реке простираться будет».⁴ Вместе с тем Кутузов предписал войскам корпуса Платова одновременно «обеспечивать корпус гр. Штейнгеля, блокирующего Данциг».⁵

Однако дальнейшее наступление русской армии за р. Висла осложнялось ввиду отсутствия в ее рядах достаточного количества войск, необходимых для решения всех стоящих перед ней задач. Французская армия в целом на линии р. Одер могла располагать силами примерно в 61 873 чел., из которых не менее 4.600 чел. кавалерии, без учета нескольких тысяч артиллеристов, саперов, транспортных солдат, жандармов, моряков и многочисленных пехотных, кавалерийских, артиллерийских, ремонтных, транспортных и инженерных депо.⁶

В то же время Кутузов мог противопоставить им войска Чичагова, Платова, Витгенштейна и присоединенного к нему Ф. Ф. Левиза, в которых вместе находились, согласно строевой ведомости 13 января 1813, 31 313 чел. пехоты, 7 596 чел. кавалерии

---

¹ Кутузов М. И. Сборник документов. Т. V. М., 1956. С. 63.

² Там же.

³ Там же. С. 66.

⁴ Там же. С. 86.

⁵ Там же. С. 100.

⁶ Подсчитано по: Reoul F. Campagne de 1813. Т. 1–2. Paris, 1910–1912; Us-sel J. de. Études sur l'année 1813. La défection de la Prusse (décembre 1812 — mars 1813). Paris, 1907.

и 11 373 казака, без учета артиллерии, ополчения и вспомогательных войск, в общем количестве 50 282 чел.⁷

Помимо того, что у Кутузова не было возможности увеличить их численность из-за отсутствия организованных резервов, он был вынужден отрядить часть своих сил для блокады и осады Данцига, Торна и Пиллау, а также 5-тысячный отряд генерал-лейтенанта К. К. Сиверса для наблюдения за корпусом Г. Йорка. В результате для наступления на р. Одер из корпуса Витгенштейна оставалось не более 15 тыс. чел. Однако у Кутузова была возможность усилить войска Витгенштейна за счет присоединения к нему отложившихся от французской армии войск генерала Йорка и корпуса генерала Ф. Бюлова.

В условиях, когда русская армия уступала численно неприятельской, переход Йорка на сторону России становился актуальной задачей русского командования. Вместе с тем быстрое продвижение русской армии делало актуальной и позицию Ф. Бюлова относительно дальнейшего участия и его корпуса в войне. Однако намерения восточнопрусского правительства относительно судьбы корпуса Йорка и планы самого Йорка в отношении дальнейших военных действий оставались невыясненными.

Сразу после получения известия об отложении прусского корпуса от французских войск, 29 декабря 1812 / 10 января 1813 Кутузов послал к Йорку генерал-лейтенанта С. Н. Долгоруково с предложением об участии вверенных ему прусских войск в военных действиях на стороне русской армии. Однако дело осложнялось тем, что прусский король, дезавуировавший конвенцию, подписанную Йорком, пребывавший в это время в Берлине, находился в пределах досягаемости французских властей и мог пострадать «от какого-либо насилия со стороны французов».

Исходя из этого, Кутузов предложил Долгорукову «искусным образом получить от него и то, чтобы как можно скорее хотя несколько эскадронов его конницы употреблены были с нашими аванпостами при первом большом или малом сражении; действие приняв противу французских войск, положит уже совершенную печать их поступкам в пользу нашу».⁸

3/15 января 1813 г. Кутузов, предполагавший быстрое присоединение корпуса Йорка к войскам Витгенштейна и установление их общей численности до 60 тыс. чел., предписал Витгенштейну, присоединив от Чичагова корпус Ф. Ф. Штейнгеля, двигаться

---

⁷ Кутузов М. И. Т. V. С. 105–108.

⁸ Там же. С. 41.

на Мариенвердер, где перейти р. Висла «и поставить твердо ногу на левом берегу сей реки», а Чичагову подвинуть армию вправо, от Гуттштадта до Лёбау, откуда он мог подкреплять или Главную армию, или Витгенштейна, смотря по обстоятельствам.⁹

Однако расчет Кутузова на немедленное участие прусского корпуса в военных действиях против французских войск натолкнулся на непредвиденные осложнения. 15/27 декабря 1812 Ф. О. Паулуччи захватил на капитуляцию прусский Мемель, в котором взял в плен 22 офицера, 700 человек нижних чинов и 200 больных прусских войск,¹⁰ в порту 54 суда, из которых 20 военных прусских с 20 орудиями, склад колониальных товаров из 250 грузовых мест, прусскую военно-походную пекарню с 85 лошадьми при ней, принадлежащую корпусу Йорка.¹¹ Паулуччи передал гражданское управление в городе флигель-адъютанту полковнику Экспарре, который в части гражданского управления подчинялся только Рижскому генерал-губернатору, т. е. ему, Паулуччи.¹²

25 декабря 1812 / 6 января 1813 генерал-лейтенант Йорк, командующий действующим корпусом, командир Восточно-Прусской бригады и генерал-губернатор Восточной Пруссии, направил Паулуччи письмо, в котором требовал от него освобождения как Мемеля, входившего, согласно Тауроогенской конвенции, в состав нейтральной области, определенной прусскому корпусу, так и прусского гарнизона и части конвоя корпуса Йорка, незаконно, в точки зрения последнего, объявленными военнопленными.¹³

В ответ Паулуччи 28 декабря 1812 / 9 января 1813 заявил, что поскольку И. И. Дибич при подписании конвенции вышел за рамки проекта конвенции, согласованного Паулуччи с императором, то «было необходимо особое решение императора в спорном вопросе». Йорк обратился за помощью к Витгенштейну, которому вменял в вину Паулуччи, что тот «по занятии Мемеля не позволяет быть там прусским войскам, пленных назад не возвращает, товары и соль секвестрирует, ничего не возвращает и чрез то остановил все королевские доходы и поступает как с завоеванным городом».¹⁴ Витгенштейн попытался урезонить маркиза, однако

---

⁹ Там же. С. 63.

¹⁰ РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153а. Св. 28. Ч. 38. Л. 96 об.–97.

¹¹ Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3511. Л. 319–320.

¹² Там же. Л. 317 об.–318.

¹³ *Geschichte des Frühjahrsfeldzuges 1813 und seine Vorgeschichte*. Bearb. von [A.] Holleben. Bd. 1. Berlin, 1904. S. 72.

¹⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3903. Л. 98–98 об.

«он отношения моего не уважает». На настойчивые увещевания Витгенштейна тот наконец 3/15 января 1813 г. сообщил ему, что он написал отчет о положении в Мемеле императору и ждет высочайшего ответа на спорную ситуацию.¹⁵ 4/16 января 1813 Витгенштейн обратился за помощью к Чичагову с просьбой довести конфликт до сведения Кутузова.¹⁶

Йорк, вконец раздраженный поведением Паулуччи, 3/15 января 1813 передал только что прибывшему к нему от Кутузова Долгорукову¹⁷ официальную ноту, в которой перечислялись нарушения русскими нейтральной конвенции: военная оккупация Мемеля, конфискация королевской казны и различного рода общественного имущества, эмбарго на морские и речные суда, находившиеся в порту Мемеля, реквизиция лошадей, предназначенных для прусского корпуса и требовал освобождения Мемеля, возврата гражданского управления, возврата прусскому корпусу пленных, оружия и снаряжения.¹⁸ Нота была адресована Кутузову и апеллировала к Александру.

8/20 января 1813 Кутузов, находившийся в этот день в Лыке, ответил на ноту Йорка. Кутузов, сообщая Йорку о положительном решении поставленных им вопросов, заметил, однако, что «император внял выраженному Вами желанию только с особым удовлетворением, чтобы Вы принимали непосредственное участие в операциях его армии». Кутузов предложил Йорку «следовать за передвижениями армии графа Витгенштейна небольшими суточными переходами на Эльбинг; это даст Вам время и средства закончить новую организацию Вашего корпуса, не изнурит войска в это холодное время года и даст возможность скрыть [Ваши] намерения перед глазами французов».¹⁹

¹⁵ Там же. Ф. 103. Оп. 1/208 в. Св. 45. Д. 2. Л. 33.

¹⁶ Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3903. Л. 98–98 об.

¹⁷ С. Н. Долгоруков прибыл в Кенигсберг 2/14 января 1813 г., где Г. Йорк находился с 29 декабря 1812 / 10 января 1813 г. (Droysen J. G. Das Leben des Feldmarschalls Grafen York von Wartenburg. Bd. 2. Berlin, 1852. S. 35, 46).

¹⁸ Geschichte des Frühjahrsfeldzuges 1813 und seine Vorgeschichte. Bearb. von [A.] Holleben. Bd. 1. S. 72–73.

¹⁹ Письмо Кутузова отсутствует в сборниках: Кутузов М. И. Сб. док. Т. V. М., 1956; Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. Сб. документов. М., 1964. Его полностью напечатал А. Холлебен на немецком языке со ссылкой на архив Прусского главного генерального штаба. Из ссылки не явствует, написан ли подлинник письма на русском или же на немецком языке (Geschichte des Frühjahrsfeldzuges 1813 und seine Vorgeschichte. Bearb. von [A.] Holleben. Bd. 1. S. 73). Письмо, как это явствует из его текста, должно быть было передано Г. Йорку Г. Штейном. Однако,

В тот же день Паулуччи получил высочайший рескрипт, в котором ему безоговорочно предписывалось 1) что, поскольку «по занятии войсками нашими Кенигсберга, управление там гражданской частью осталось там на прежнем основании и следовательно под ведением чиновников прусского правительства. Основываясь на сем, не нахожу я нужным сделать перемены и по Мемелю, дабы не разстроить заведенного уже порядка. По сему город Мемель и округа онаго управляемы быть должны теми чиновниками и на том основании, как до вступления войск наших было. Из сего следует, что уже управление таковое, не до вас относится», и 2) «весь означенный гарнизон по [1 нрзб.] конвенции обратить в корпус генерала Йорка, отправляя к нему равномерно и всех пленных прусских находящихся в губерниях управлению вашему вверенных».²⁰

Следуя рескрипту, Паулуччи, конечно, освободил людей, принадлежавших корпусу Г. Йорка с оружием и снаряжением, и возвратил прусскую администрацию к управлению городом и округом,²¹ однако продолжал до марта 1813 г. оккупировать город и вмешиваться в деятельность прусских властей. Это вносило дополнительную нервозность в деятельность Йорка, справедливо усматривавшего в этом двусмысленные намерения русских.²²

Получив это письмо 9/21 января 1813, Йорк в тот же день приказал части своего корпуса начать движение на Эльбинг, которое началось 11/23 января 1813. Связавшись с Витгенштейном, Йорк обещал к 13/25 января 1813 сосредоточить весь свой корпус в Эльбинге, на что Витгенштейн, как старший по команде, назначенный Кутузовым, 14/28 января 1813 «зделал следующую диспозицию: корпус генерала Йорка займет остров Ногат от деревни Лиску вдоль по реке Вислы двумя бригадами; из двух же прочих бригад одна расположится близ Мариенбурга, а вторая около Эльбинга, главная квартира в Эльбинге».²³

по мнению А. Холлебена, Г. Штейн не передал письма и оно было доставлено Г. Йорку с особым послом. Г. Йорк получил письмо 9/21 января 1813 (В. Ш. Барон фон-Штейн при русской главной квартире (1812–1815) // Исторический Вестник. 1905. Т. 102. С. 221). На эти обстоятельства указал еще Г. Дройзен, опубликовавший отрывок из этого письма (Droysen J. G. Das Leben des Feldmarschalls Grafen York. Bd. 2. S. 59–60). В этом письме М. И. Кутузов указывал на подчинение Г. Йорка, с момента его выступления, П. Х. Витгенштейну.

²⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3903. Л. 93–93 об.

²¹ Там же. Ф. 103. Оп. 1/208 в. Св. 45. Д. 2. Л. 154.

²² Droysen J. G. Das Leben des Feldmarschalls Grafen York. Bd. 2. S. 59.

²³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3903. Л. 156–157.

Кроме того, Витгенштейн, заменяя корпусом Йорка на квартирах в Ногате и вдоль Вислы корпус Платова, рассчитывал убить тем же выстрелом еще одного зайца: «сие движение его вперед к вышеозначенным пунктам, нужно в рассуждении известий полученных от пруссака г. Бюлова, которые у него прилагаются на немецком диалекте и зе, дабы оным скорее способствовать к соединению с нами войскам и той части Пруссии».²⁴

Вместе с тем, пока шло препирательство русского командования с Йорком, император Александр 6/18 января 1813 назначил Г.-Ф.-К. Штейна²⁵ временным уполномоченным русского правительства в освобожденных прусских провинциях с целью «направить ее [Пруссии] военные и финансовые средства на поддержку наших операций против французских войск», контролировать расход средств на ведение войны, конфисковать французскую собственность и, наконец, организовать созыв и вооружение ландвера и ландштурма.²⁶ Полномочия Г. Штейна рассчитывались до подписания предполагаемого русско-прусского договора.²⁷

---

²⁴ Там же. Л. 157.

²⁵ Г. Штейн был министром финансов Пруссии в 1804–1807 гг. и министром внутренних дел, а фактически первым министром, в 1807–1808 гг. Во время своей деятельности он снизил ненависть Наполеона, потребовавшего не только его отставки, но ареста и казни. В 1808–1812 гг. Г. Штейн находился в Австрии. Благодаря своей деятельности Г. Штейн «оказался общепризнанным главою оппозиции, или, вернее, душою всей европейской партии, которая противостояла Наполеону» (Saint-Réné-Taillandier M. *Allemagne et Russie. Le baron de Stein et la politique allemande de 1813.* Paris, 1858). 12/24 июня 1812, по приглашению Александра I, Г. Штейн прибыл в Россию. Здесь он занимался делами комитета по немецким делам и консультировал императора по внешнеполитическим вопросам (Попов А. Н. Барон Штейн в России в 1812 году // *Русская Старина.* 1892. Т. LXVI. Декабрь. С. 383–404). 4/16 января 1813 Г. Штейн присоединился к императорской главной квартире в Сувалках, а через день, 6/18 января 1813, был отправлен в Кенигсберг (В. Ш. Барон фон-Штейн при русской главной квартире // *Исторический Вестник.* 1905. Т. 101. С. 905; Т. 102. С. 221–224).

²⁶ Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. Сб. документов. М., 1964. С. 26–27.

²⁷ По пути в Кенигсберг Г. Штейн заехал в Гумбиннен, к президенту Литвы Г.-Т. Шёну, с которым намеревался обсудить планы мобилизации Восточной Пруссии и Литвы, и предъявил ему документ, уполномочивающий его от имени Александра I. Однако Г. Шён «решительным образом высказался против этого, из ряда вон выходящего, письменного произведения, непременно отказываясь, как этого требовал Штейн, официально воспринять полномочия, и, более того, пытался склонить Штейна ни при каких обстоятельствах не давать знать о них, поскольку все прусские власти должны будут выступить

Штейн прибыл в Кенигсберг 10/22 января 1813.²⁸ Первоначально он был благосклонно принят президентом восточно-прусского правительства и ландхофмейстером (королевским комиссаром) сословий Восточной Пруссии и Литвы Г.-Я. Ауэршвальдом²⁹, президентом сословного комитета Восточной Пруссии А. Дона³⁰ и Йорком, губернатором Восточной Пруссии и командующим Восточно-Прусской бригадой и действующим корпусом.

Штейн, по их мнению, должен был избавить прусские власти от ответственности за принятие решений без полномочий короля. Самым болезненным был вопрос о созыве общего ландтага совместно с правобережными округами Западной Пруссии. 11/23 января 1813 г., в день, когда первые части корпуса Йорка выступили из Кенигсберга на Вислу,³¹ Ауэршвальд согласовал избирательные списки.³²

Однако Штейн, следуя предписанию Александра при назначении его уполномоченным в Кенигсберг, потребовал 17/29 января 1813 передачи ему кассовых балансов восточнопрусского правительства, ведомостей содержания госпиталей и лазаретов и решения сословного комитета на выпуск бумажных денег. Кроме того, он потребовал отставки Ауэршвальда, прекращения всякой связи с правительством в Берлине и немедленного начала

враждебно против него» (Droysen J. G. Das Leben des Feldmarschalls Grafen York. Bd. 2. S. 62).

²⁸ Stulz P. *Frengherrschaft und Befreiungskampf. Die preussische Kabinettpolitik und die Rolle der Volksmassen in den Jahren 1811 bis 1813.* Berlin, 1960. S. 213.

²⁹ В литературе должность Г. Ауэршвальда указывается как оберпрезидент Восточной Пруссии и Литвы, однако учреждение обер-президиума было упразднено в 1810 г., и Г. Ауэршвальд носил этот титул только по памяти.

³⁰ Отец майора К.-Ф.-Э. Дона, офицера Русско-немецкого легиона, посланного Александром через Ф. О. Паулуччи с письмом к Г. Йорку и участвовавшего в подписании Таурогенской конвенции, вместе с И. И. Дибичем и К. Клаузевицем, с русской стороны.

³¹ Й. Дройзен в свое время заявлял, что выход корпуса Г. Йорка из области, определенной ему нейтральной конвенцией, означал де-факто вступление Пруссии в войну против Наполеона и, соответственно, ревизию Тильзитской системы. С нашей точки зрения, мнение Й. Дройзена органично исходит из его романтического взгляда на Освободительную войну, но, тем не менее, оно ошибочно. Выход корпуса означал не ревизию Тильзитской системы, а нарушение самой нейтральной конвенции, поскольку Фридрих-Вильгельм до марта 1813 г. рассматривал возможность остаться в наполеоновской системе, а русское командование, выпустив корпус из нейтральной области, питало необоснованные иллюзии и пыталось заигрывать с огнем.

³² Droysen J. G. *Das Leben des Feldmarschalls Grafen York.* Bd. 2. S. 63.

военных действий Йорком и Ф. Бюловым против французских войск. За неисполнение своих требований Штейн угрожал прусским властям силой русского оружия.³³

Прусские власти, и прежде всего Йорк, оказались если не в отчаянном, то в весьма двусмысленном положении. Требования Штейна толкали их оказаться в прямой оппозиции берлинскому правительству и вынуждали пренебречь суверенитетом прусского короля в пользу русского императора. Это не соответствовало как воззваниям Кутузова и Витгенштейна к прусской общественности, так и дипломатическим заявлениям самого императора относительно целей освобождения Пруссии. И, что еще хуже, поведение Штейна бросало тень на поступок самого Йорка, подписавшего без ведома короля конвенцию с русскими.³⁴

В результате возникло острое противостояние между Штейном и Йорком, которого поддержали все сановники Восточной Пруссии и Литвы. Вместе с тем западнопрусское правительство отказалось участвовать в созыве общего ландтага, а президенты Мариенвердера и Гумбиннена настаивали на суверенитете короля в созыве генерального ландтага. Власти и аристократия обеих Пруссий и Литвы вполне справедливо рассуждали, что, выражаясь словами И.-Ф. Ансильона, «возможность избавиться от французского гнета еще не повод попасть под русское ярмо».³⁵

Вступив в конфликт с Штейном и оставаясь в неопределенности относительно позиции короля в отношениях с русским командованием, к тому же сильно раздраженный действиями Паулуччи в Мемеле и еще больше ввергнутый в сомнения поведением Штейна в Кенигсберге, Йорк колебался немедленно ответить на увещевания Кутузова вступить в войну. К тому же 12/24 января 1813 в Кенигсберг дошли берлинские газеты от 7/19 января 1813, в которых были опубликованы высочайшие приказы, которые еще ранее ему должен был доставить адъютант короля майор О. Нацмер, задержанный в русской главной квартире.³⁶

---

³³ Ibid. S. 64.

³⁴ Немецкие историки пролили потоки чернил, пытаясь выяснить, действовал ли Г. Йорк с согласия короля или без него. На сегодняшний день установилась точка зрения, согласно которой Г. Йорк подписал Таурогенскую конвенцию без какого-либо вмешательства, одобрения или ведома Фридриха-Вильгельма III.

³⁵ Hardenberg K. A. *Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg*. Hrsg. von L. von Ranke. Bd. IV. Leipzig, 1877. S. 339.

³⁶ Ussel J. de. *Études sur l'année 1813. La défection de la Prusse (décembre 1812 — mars 1813)*. Paris, 1907. P. 157. О. Нацмер был послан 24 декабря 1812 //

Согласно этим приказам, король не ратифицировал конвенцию с русскими и, соответственно, распорядился передать командование корпусом генералу Ф. Клейсту, арестовать и предать суду генерала Йорка, освободить от должности и отдать под следствие генерала Ф. Массенбаха и предоставить прусский корпус в распоряжение И. Мюрата.³⁷

Ауэршвальд, еще 11/23 января 1813 распорядившийся созвать общий лантаг для мобилизации Восточной Пруссии, после получения этих газет и энергичных протестов президентов правительств Западной Пруссии Ф. Виссмана и Литвы Г. Шёна, 13/25 января 1813 изменил статус созыва, и вместо генерального лантага должно было состояться «только общее собрание депутатов сословий, чтобы посоветоваться о сообщениях, которые сделает уполномоченный Его Величества Российского императора».³⁸

Между тем Йорк получил поддержку с неожиданной стороны. 14/26 января в Кенигсберг из Потсдама прибыл майор Л.-Г. Тиле, отправленный Йорком в Берлин еще 19/31 декабря 1812. Тиле сообщил об отъезде короля с семьей из Потсдама в Бреславль. Особое значение имело то, что Тиле, выехавший 9/21 января 1813, не только не привез новых распоряжений относительно

---

5 января 1813 прусским королем тотчас по получении известия о Таурогенской конвенции в главную квартиру прусского корпуса. Он вез приказы короля, дезавуирующие ее, те самые, которые опубликовали берлинские газеты 7/19 января 1813. 9 января 1813 О. Нацмер прибыл в главную квартиру И. Мюрата, а ночь с 28 декабря 1812 / 9 января 1813 на 29 декабря 1812 / 10 января 1813 провел у Э. Макдональда. На следующее утро он достиг русских аванпостов во Фрауенбурге и был препровожден в главную квартиру Витгенштейна, откуда отправлен к Александру. Император не пустил О. Нацмера в прусский корпус, и, таким образом, приказы короля о смещении Йорка и предании его суду не достигли последнего. Поскольку ни Йорк, ни Ф. Клейст, ни кто-либо из других командиров прусского корпуса лично не получили ни устных, ни письменных распоряжений короля, Йорк формально, а значит, и официально, оставался командующим корпусом и, тем более, губернатором Восточной Пруссии (Natzmer E. von. *Aus dem Leben des Generals Oldwig von Natzmer*. Berlin, 1876. S. 92–99).

³⁷ Droysen J. G. *Das Leben des Feldmarschalls Grafen York*. Bd. 2. S. 65. Положение Йорка и судьба Восточной Пруссии в этот период, в конце января 1813 г., оставались особенно драматичными. Часть офицеров его корпуса, и ранее выражавшая осуждение подписанной конвенцией, пришли к открытому неповиновению его приказам (Pertz G. H. *Das Leben des Ministers Freiherrn von Stein*. Bd. III. Berlin, 1851. S. 208). Комендант Пиллау полковник Э.-К.-А. Тресков 13/25 января 1813 отправил донесение одновременно Йорку и Клейсту, так как «он не знал, кто теперь, собственно, командует». Комендант Грауденца майор В. Краузенек запретил сословному депутату покидать город для участия в работе лантага в Кенигсберге.

³⁸ Droysen J. G. *Das Leben des Feldmarschalls Grafen York*. Bd. 2. S. 69.

смещения Йорка, но и ему «выразительно было указано сделать свое сообщение Йорку, а не Клейсту». ³⁹ Это означало одобрение королем действий Йорка. ⁴⁰

Вместе с этим в глазах Йорка исчерпали себя последние, и без того в мнении прусских властей весьма шаткие, основания для управления Западной и Восточной Пруссиями и Литвой и их мобилизацией русским уполномоченным Штейном. В результате своей непримиримой позиции в отношении поддержки русской армии, Штейн разорвал отношения со всеми прусскими властями и оказался в Кенигсберге в полной изоляции. 23 января / 4 февраля 1813, накануне созыва сословного собрания, Штейн был вынужден отказаться от участия в его работе, а 26 января / 7 февраля 1813 покинуть Кенигсберг. ⁴¹

В то же время, раздраженный противостоянием с русским правительством и получивший подтверждение правильности своей позиции от самого короля, Йорк 24 января / 5 февраля 1813 г. заявил Витгенштейну, что «войски его еще не готовы и прежде 8го числа сего месяца Вислу перейти не может, и в Шлехау и Кониц прибудет 14го; из письма же его которое у сего в оригинале препроводить имею честь заметить, что это только один предлог, а кажется что он без повеления короля к действию приступить не хочет; также словесно отказал, и в эскадронах легкой кавалерии отправления их вперед с нашим авангардом». ⁴²

Одновременно отказался поддержать русские войска и генерал-майор Ф. Бюлов, губернатор Западной Пруссии и командующий Западно-Прусской бригадой, находившийся в это время со своим корпусом уже в Прусской Померании. ⁴³ И, наконец, комендант Грауденца майор В. Краузенек отказал М. Б. Барклаю-де-Толли дать ему осадную артиллерию, необходимую для осады Торна, ⁴⁴ как, впрочем, отказал и Г. Йорку выдать для нужд его корпуса, восстанавливавшего свою численность, 2 000 ружей. ⁴⁵

---

³⁹ Ibid. S. 71, 80.

⁴⁰ 16/28 января 1813 Йорк опубликовал в № 12 «Кенигсбергской газеты» объявление, в котором заявил о своем дальнейшем командовании корпусом, «поскольку в прусском государстве, как известно, газета не является официальным государственным органом, и до сих пор еще ни один генерал не получил через газету приказ к действию» (Ibid. S. 72).

⁴¹ Droysen J. G. Das Leben des Feldmarschalls Grafen York. Bd 2. S. 73–82.

⁴² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3907. Л. 61–62.

⁴³ Там же. Л. 62.

⁴⁴ Там же. Л. 95–96.

⁴⁵ Там же. Л. 91.

Помимо того, что корпус Витгенштейна не имел достаточного количества войск, чтобы без поддержки Йорка и Бюлова продолжать наступление, 3-я Западная армия М. Б. Барклая-де-Толли, только что сменившего на посту ее командующего Чичагова, не имея осадной артиллерии, как, впрочем, и необходимого количества тяжелой полевой,⁴⁶ не могла поддержать Витгенштейна, поскольку должна была в полном составе наблюдать Торн. На 8/20 февраля 1813 в ее составе находились всего 7 342 чел. пехоты, из которых 3 136 чел. находились в авангарде армии под командованием генерал-лейтенанта М. С. Воронцова в Познани.⁴⁷ Для планомерной атаки крепости, в отсутствие осадной артиллерии, Барклаю-де-Толли требовалось не менее 5 000 чел., и даже их у него под руками не было.⁴⁸

Чтобы собрать нужное число войск для осады Торна, Барклай-де-Толли должен был бы присоединить обратно к армии отряд М. С. Воронцова, для чего Витгенштейн, в свою очередь, был бы вынужден отрядить часть из своих, и без того малочисленных, войск, для занятия Познани и ее окрестностей, поскольку «пункт сей есть важнейший, на который теперь все стремление неприятеля обращалось, что усмотреть изволите из подносимого при сем марша корпуса Гренье».⁴⁹ Не имея войск, русское командование пыталось штопать тришкин кафтан.

Положение усугублялось тем, что в то же время Бюлов потребовал от русского командования не пресекать квартирное расположение его войск вокруг Кольберга,⁵⁰ а затем и прусский король напомнил о нейтралитете Силезии, который русским войскам не разрешалось нарушать.⁵¹ Отказ Йорка присоединиться к корпусу Витгенштейна осложнялся еще и тем, «что по теперешнему

---

⁴⁶ Из тяжелой полевой артиллерии в армии находились только шесть полупудовых единорогов и шестнадцать 12-фунтовых пушек, из которых часть была «средней пропорции, мало превосходящих в действии шестифунтовых орудий», которыми, по словам М. Б. Барклая-де-Толли, «ничего важного произвести не можно».

⁴⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3907. Л. 143 об.–144.

⁴⁸ Там же. Л. 143 об.

⁴⁹ Там же. Л. 144. Среди перехваченных К. Ф. Теттенборном французских бумаг находился маршрутный лист вышедших из Берлина 28 января / 9 февраля 1813 главной квартиры и 2-ой бригады 35-й дивизии, из которого следовало, что первая придет в Познань 5/17 февраля 1813, а вторая 8/20 февраля 1813, т. е. в тот самый день, когда М. Б. Барклай-де-Толли писал цитированные выше строки (Там же. Л. 103, 106).

⁵⁰ Там же. Д. 3903. Л. 280–280 об.

⁵¹ Там же. Д. 3907. Л. 84–85.

теплому времени ожидать должно, что Висла вскоре вскрыется и тогда в продолжение трех недель сообщения никакова чрез реку не будет».⁵²

Окруженное со всех сторон отказами прусских войск поддерживать наступление, русское командование оказалось вынужденным, подозревая пруссаков в подчинении французскому командованию, отрядить часть войск для их блокирования, в частности, полковник К. Ф. Теттенборн был «командирован от меня с тремя казачьими полками и двумя эскадронами гусар на первой случай к Одеру между Кистрином и Штеттином к Шверину; для отрезания коммуникации прусского корпуса под команду генерала Бюлова, находящегося в Померании, от главной французской квартиры».⁵³

Таким образом, вместо совместного с прусскими войсками наступления на р. Одер, русские войска не только не получали поддержки от своих предполагаемых союзников или хотя бы освобождения от необходимости содержать два больших осадных корпуса против Данцига и Торна, но еще и были стеснены в своих оперативных мероприятиях требованиями прусских командиров и правительства и оказывались вынужденными отряжать войска для блокирования и наблюдения прусских войск.

Между тем часть корпуса Йорка достигла Преисиш-Голланда. Поскольку конфликт между восточнопрусскими властями и Штейном разрешился, Кутузов в надежде, что прусские войска поддержат, наконец, русское наступление, 27 января / 8 февраля 1813 предписал Витгенштейну продвинуть свой корпус на Шнейдемюль для наблюдения за Кюстрином и Штеттином и тесной связи с Главной армией, «изначальным направлением которой является Познань и Глогау», авангард же которой уже подходил к Калишу.

Для поддержки Витгенштейна Кутузов распорядился выдвинуть корпус Йорка из Эльбинга на Ной-Штеттин, прикрывая справа движение Витгенштейна. Кутузов особо запретил брать войска из корпуса Йорка для блокады Данцига. Кроме того, Кутузов приказал взять в авангард Витгенштейна несколько

---

⁵² Там же. Л. 61–62.

⁵³ Там же. Д. 3903. Л. 330–330 об. В отряд полковника К. Ф. Теттенборна был отправлен эскадрон Гусарского № 3-го полка под командой майора Й.-Г. Шилля в надежде, что воспоминания о его брате Фердинанде соберут новый добровольческий корпус. Г. Шилль получил приказ двигаться на Шведт на р. Одер, соединиться там с К. Ф. Теттенборном и участвовать в его дальнейших операциях (Droysen J. G. Das Leben des Feldmarschalls Grafen York. Bd. 2. S. 71).

пруссских эскадронов, «чтобы дать им возможность сразу же померяться силами с неприятелем».⁵⁴

31 января / 12 февраля 1813 Витгенштейн послал Йорку копию письма Кутузова от 27 января / 8 февраля 1813 и выразил надежду, что Йорк «будет любезен приказать Вашим войскам сразу же отправиться в поход и, насколько это возможно, ускорить этот марш, чтобы как можно быстрее придти к Одеру, что при теперешних обстоятельствах весьма важно».⁵⁵

1/13 февраля 1813 Г. Йорк написал королю о требовании Кутузова подчиниться Витгенштейну и двигаться на Ной-Штеттин. Йорк сообщил королю, что должен согласиться с требованием Кутузова, «как бы не желал остаться еще некоторое время на этом [правом] берегу Вислы, чтобы полностью восстановить свой корпус».⁵⁶

Вынужденный придать хоть какую-то лояльность своему поведению, 5/17 февраля 1813 корпус Йорка перешел двумя колоннами р. Висла при Диршау и Мариенвердере и двинулся в направлении на Шлохау, куда Йорк предполагал прибыть 15/27 февраля 1813.⁵⁷ Однако, невзирая на русские увещания, 16/18 февраля 1813 Йорк все же известил Витгенштейна о своем решении двигаться только до Шлохау, где он «все-таки будет ожидать распоряжений короля».⁵⁸

Витгенштейн известил Кутузова об отказе Йорка двигаться далее Шлохау без особого распоряжения короля.⁵⁹ Кроме того, Витгенштейн сообщил об отказе Бюлова поддержать наступление корпуса Витгенштейна.⁶⁰ Без поддержки Йорка и Бюлова

---

⁵⁴ Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. С. 49–50; Кутузов М. И. Сб. документов. Т. V. С. 187–188. Письмо М. И. Кутузова П. Х. Витгенштейну 27/8 февраля 1813 г., как и письмо П. Х. Витгенштейна Г. Йорку 31/12 февраля 1813, к которому оно было приложено в копии для Г. Йорка, впервые полностью опубликованы А. Холлебенем (*Geschichte des Frühjahrsfeldzuges 1813 und seine Vorgeschichte*. Bearb. von [A.] Holleben. Bd. 1. S. 79–80).

⁵⁵ *Geschichte des Frühjahrsfeldzuges 1813 und seine Vorgeschichte*. Bearb. von [A.] Holleben. Bd. 1. S. 80.

⁵⁶ *Ibid.* S. 80.

⁵⁷ *Ibid.* S. 80. Г. Йорк покинул Кенигсберг 7/19 февраля 1813 г. Он оставил в качестве своего заместителя генерала Ф. Массенбаха. Одновременно полковник Г. Ф. Белов должен был в Кенигсберге формировать резервные батальоны, а майор Ф. К. Л. Лендорф — организовывать ландверный кавалерийский полк.

⁵⁸ *Ibid.* S. 80.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3907. Л. 61–64 об.

⁶⁰ К.-Ф. Кнезбек, прибывший в главную императорскую квартиру в Коло 5/17 февраля 1813 г., пользуясь «оказией», запретил Ф. Бюлову «вести

у Витгенштейна, после оставления войск для блокады Данцига, оставалось всего 20 тыс. чел. Исходя из этого, Витгенштейн спрашивал у Кутузова, продолжать ли ему двигаться далее к Шнейдеюнде или остановиться в ожидании прусских войск.⁶¹

В итоге Кутузов был вынужден отказаться от перехода р. Одер и изменить свой операционный план. 9/21 февраля 1813 Кутузов сообщил Витгенштейну, что поведение пруссаков «побуждает меня остановить корпус ваш на некоторое время в окрестностях Дризена, где имеете расположиться по кантонир-квартирам», а «Главная армия останавливается в окрестностях Калиша... Дабы не оставить неприятеля в покое в течение сего времени, нужно устроить более легких партий для партизанов, которые бы, перейдя Одер, нанесли страх неприятелю не только в окрестностях Берлина, но и до самой Эльбы».⁶²

Получив отказ восточнопрусского командования от совместного наступления на р. Одер, Кутузов был вынужден остановить Главную армию в Калише, занимая центральное положение на театре военных действий, где началась борьба за исключение Пруссии из антирусской коалиции и подписание русско-прусского союзного договора. Кутузов во время пребывания в Калише начал реорганизацию русской армии и подготовку общего наступления на р. Эльба. Однако дальнейшая судьба войны оказалась в зависимости от исхода русско-прусской дискуссии в Калише. С приходом русской армии в Калиш, собственно, и закончилась война 1812 г.

наступательные действия», а только следовать фланговым маршем справа от П. Х. Витгенштейна, прикрывая Штеттин от русских войск, «с тем, чтобы он [Витгенштейн] не мог обратиться на этот город, не вступив предварительно с вами в бой». Пределом движения Ф. Бюлова назначался Шведт (Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. С. 61).

⁶¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3907. Л. 64–64 об.

⁶² М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. V. С. 252.

А. А. КРИВОПАЛОВ

ЗАПИСКА ФЕЛЬДМАРШАЛА И. Ф. ПАСКЕВИЧА
11 МАЯ 1845 Г. О РАЗВЕРТЫВАНИИ
РУССКИХ ВОЙСК В ПОЛЬСКОМ ВЫСТУПЕ

Выдающаяся на запад географическая позиция в районе Вислы и ее притоков досталась России по решению Венского конгресса в 1815 г. Появление в составе Империи Царства Польского стало не только внутривнутриполитической или внешнеполитической проблемой, связанной с обретением четырех миллионов новых сомнительной лояльности подданных, но также проблемой военно-стратегической.

В этом не было ничего удивительного. Польский выступ, окруженный с трех сторон прусско-германской и австрийской территорией, представлял собой обширный практически правильный четырехугольник, простиравшийся с севера на юг на 300, а с запада на восток на 350 километров. Первый же взгляд на карту профессиональным военным глазом порождал вопрос: как в случае войны извлечь из этого «стратегического гласиса» выгоду и свести к минимуму потенциальный риск быть отрезанным от сообщений с Россией, если армии германских государств перейдут в наступление. Ни на первый, ни на второй вопрос однозначного ответа не имелось.

Период 1815–1853 гг., несмотря на тяжелую войну с мятежной Польшей в 1831 г., можно считать относительно благоприятным. На данном историческом этапе Россия еще не находилась под воздействием перманентной угрозы вторжения соседей с запада, так как на континенте просто не было противника, способного в одиночку бросить вызов армии Николая I. Положение Российской

империи в качестве верховного арбитра в европейских делах и лидера сложившегося в начале 1830-х годов союза консервативных северных монархий Австрии, Пруссии и России, гарантировалось ее вооруженными силами, обеспечивавшими нечто вроде «двухдержавного стандарта». А проще говоря, наличием количественного паритета русских сухопутных войск с объединенными армиями Австрии и Пруссии, о необходимости которого после 1815 г. император Александр I упоминал в разговоре с П. Д. Киселевым¹.

С учетом влияния на Россию неблагоприятных стратегических факторов: хозяйственной слабости, низкой плотности населения, слабого развития коммуникаций, территориальной разобщенности потенциальных театров военных действий — «двухдержавный стандарт» вовсе не казался лишним, хотя его поддержание и было связано с огромным финансовым напряжением. Расходы на содержание сухопутной армии в период 1827–1841 гг. никогда не опускались ниже 33 % от общегосударственных².

Предлагаемая вниманию читателя записка появилась на свет на исходе того сорокалетнего периода, когда Россия, с точки зрения потенциальной угрозы вторжения сильного противника с запада, чувствовала себя как никогда уверенно и безопасно. Однако император Николай и фельдмаршал И. Ф. Паскевич даже в относительно благоприятных обстоятельствах размышляли над факторами, осложнявшими военно-стратегическое положение России.

Документ, составленный в штабе Большой Действующей армии, был доложен императору Николаю Павловичу 11 мая 1845 г. Большая Действующая армия, созданная в ходе русско-польской войны, в 1831–1855 гг. находилась под командованием фельдмаршала Паскевича. Будучи крупнейшим объединением полевых войск Империи, Большая Действующая армия играла ключевую роль в военной политике Николая I. На армию Паскевича возлагался круг важнейших взаимосвязанных задач. Во-первых, на основе Действующей армии, в случае начала серьезной войны в Европе, предполагалось боевое развертывание русских военно-сухопутных сил. Во-вторых, Действующая армия напрямую

---

¹ Заблочкин-Десятковский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 1. СПб., 1882. С. 30.

² См.: Daly J. C. K. Russian seapower and «The Eastern question» (1827–1841). Annapolis, 1991. P. 191. О масштабах военных расходов в царствование императора Николая I см. также: Блюх И. С. Финансы России XIX столетия (история, статистика). СПб., 1882. С. 268–271.

отвечала за безопасность в Царстве Польском посредством административного управления мятежным краем и несения на его территории гарнизонной службы. И, в-третьих, Действующая армия, получив подкрепление в виде пехотных и резервных кавалерийских корпусов второй линии, должна была стать главной ударной силой на театре войны.

На страницах записки прославленный военачальник Светлейший князь Варшавский размышлял над проблемой обороны Царства Польского, в случае вторжения на его земли армии прусского короля — ближайшего в то время союзника Российской империи. Интерес представляет именно кажущаяся умозрительность рассматриваемой Паскевичем угрозы. Он как бы заранее старался предвидеть опасный, хотя и практически невероятный сценарий, при котором русская армия могла быть поставлена перед необходимостью оставления Польши. И в то же время предлагал конкретные меры, направленные на предотвращение такого оборота событий.

Несмотря на кажущуюся прочность союза консервативных северных монархий, драматический опыт прошлого настоятельно требовал от России принимать в расчет потенциальную опасность, исходившую от германских соседей. Совместное участие трех северных государств в антифранцузских коалициях в ходе Революционных и Наполеоновских войн не помешало Пруссии и Австрии в феврале—марте 1812 г. подписать с Бонапартом союзный договор и выставить против России экспедиционные корпуса численностью, соответственно, 20 000 и 30 000 чел.³ Как известно, в Отечественную войну 1812 г. прусский корпус генерала Л. Йорка фон Вартенбурга действовал на территории Лифляндии и Курляндии. Австрийские войска князя К. Ф. фон Шварценберга вторглись на Волынь.

Не меньшую опасность таила в себе недружественная позиция, занятая австрийским кабинетом в ходе русско-турецкой войны 1828—1829 гг. В преддверии дунайской кампании нейтралитет Австрии вовсе не был гарантирован. Австрийские войска под предлогом маневров были сосредоточены в Трансильвании. Уверенности, что маневры не закончатся вторжением в Валахию, не было. Общая численность австрийских войск, собранных в Венгрии и Галиции к началу 1828 г., доходила до 70 000 чел.⁴

---

³ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. СПб., 1843. С. 69, 79.

⁴ Kagan F. W. The military reforms of Nicholas I. N. Y., 1999. P. 90.

Для обеспечения тыла русской Дунайской армии потребовалось сформировать наблюдательную армию в Царстве Польском под общим командованием великого князя Константина Павловича, в состав которой вошли польские войска, два пехотных армейских корпуса, гвардейская пехота, два сводных и два резервных кавалерийских корпуса⁵.

Малоудачный исход кампании 1828 г. на Дунае, наряду с концентрациями австрийских сил в Трансильвании и Галиции, а также начавшаяся подготовка к мобилизации прусских войск в Познани, рисовали для России весьма неблагоприятные перспективы. В Вене положение русской армии на Балканах сравнивали с катастрофическим отступлением французов в 1812 году в России. В случае поддержки Пруссией возможного австрийского вторжения в русскую Польшу, расквартированные в ней войска могли оказаться в большой опасности⁶.

Но в 1828–1829 гг. планам Меттерниха по втягиванию в русско-турецкий конфликт нейтральных государств не суждено было сбыться. Пруссия категорически отказалась поддержать этот проект⁷. Франция, вслед за Пруссией, также подтвердила свою дружественную позицию. Король Карл X заявил князю Ж.-О.-А.-М де Полиньяку, своему послу в Лондоне, что объявит Австрии войну, в случае нападения ее на Россию⁸. В таких обстоятельствах Вена уже не могла позволить себе активных действий. Австрийскому правительству пришлось отступить.

После победоносного окончания русско-польской войны 1830–1831 гг. и возобновления осенью 1833 г. союза северных монархий, опасность вторжения в пределы России с запада, казалось бы, надолго миновала. Однако даже заключение формального союза между Россией, Австрией и Пруссией не позволяло полностью исключить рассмотрение германских держав русской стратегией в качестве потенциальных противников на европейском театре военных действий. Память о прошлых событиях невольно вынуждала проявлять осторожность. Укрепление стратегического положения России в Царстве Польском также объективно по-

---

⁵ Епанчин Н. А.. Очерк похода 1829 г. в европейской Турции. Ч. 1. Подготовка к походу. СПб., 1905. С. 62.

⁶ Kagan F. W. *Op. cit.* P. 89–96.

⁷ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1888. Т. 8. Трактаты с Германиею. 1825–1888. С. 118.

⁸ Татищев С. С. Император Николай и иностранные Дворы. Исторические очерки. СПб., 1889. С. 135.

вышало ее союзоспособность в глазах германских государств и позволяло удержать союзные державы от соблазна поиска иных внешнеполитических комбинаций.

В записке 1845 г. обращает на себя внимание комплексный подход, характерный для фельдмаршала Паскевича, при освещении стратегического положения России в Польше. Вопрос о сроках боевого развертывания русских войск, в случае войны на западе, был неотделим для князя Варшавского от проблемы обеспечения передового театра войны в инженерном отношении. Возведение Новогеоргиевска, Ивангорода, Брест-Литовска и Варшавской Александровской цитадели — мощного «четырёхугольника крепостей» — в 1830–1840-е годы дополнялось интенсивным строительством шоссированных дорог на возможных операционных направлениях и коммуникационных линиях Действующей армии.

Театр войны в Царстве Польском представлял собой обширную сильно пересеченную реками, болотами и лесам равнину. Висла и ее притоки делили его на несколько изолированных секторов. Русские крепости в Царстве служили одновременно опорными пунктами для войск, расквартированных в стране, тет-де-понами (предмостными укреплениями), укрепленными лагерями для полевых войск, а также исходными пунктами и базами для наступления. В первом эшелоне находились крепости Новогеоргиевск, Ивангород и Варшавская Александровская цитадель.

Первоклассный Новогеоргиевск (до 1834 — Модлин) был возведен в 1832–1841 гг. у слияния Вислы и Буга, и к середине 1840-х годов заслуженно считался одной из сильнейших крепостей Европы⁹. Новогеоргиевск не только обеспечивал переправы через Вислу и Буг, но становился основой всего операционного базиса русской армии в направлении на Восточную Пруссию и Померанию. Более того, крепость была главной твердыней того треугольника, который Наполеон считал ключом к Польше. По мнению Бонапарта, страной владел тот, кто держал в своих руках Варшаву, Модлин и Сероцк, а следовательно, и основные переправы через Вислу, Буг и Нарев¹⁰.

Относительно небольшая Александровская цитадель, строившаяся с 1832 г., с одной стороны, служила укрытием для русского гарнизона, в случае очередного мятежа в польской столице, с другой стороны, прикрывала важную переправу через Вислу.

---

⁹ Яковлев В. В. История крепостей. М., 2000. С. 145–146.

¹⁰ Пузыревский А. К. Польско-русская война 1831 г. СПб., 1890. С. 50.

Крепость 2-го класса Ивангород — при слиянии Вислы и Вепржа — была начата несколько позднее — в 1837 г. Укрепление обеспечивало австрийское направление, защищало переправы на Висле и служило базой для развертывания русских сил в южных воеводствах Польши¹¹.

В следующем эшелоне крепостей находились: Динабург, Брест-Литовск и Замостье. Динабург, будучи крепостью 2-го класса, играл роль, в первую очередь, тет-де-пона на Западной Двине. Крепость прикрывала важное шоссе, идущее из Варшавы на Петербург. Возведение первоклассного Брест-Литовска началось в одно время с Новогеоргиевском и Александровской цитадели — в 1832 г. Крепость строилась при слиянии рек Буг и Мухавец, для прикрытия сухопутного пути в глубь России к северу от Полесья. Второклассное Замостье, в отличие от перечисленных выше крепостей, не служило опорным пунктом на переправе. Его задача была иной. Крепость, построенная на правом берегу Вислы в Люблинском воеводстве, должна была прикрыть со стороны Австрии стратегическое шоссе Брест-Киев, связывавшее Царство Польское и Волынь, но проходившее через опасное дефиле вдоль Припятских болот.

В третьем эшелоне русских укреплений находились крепости Бобруйск и Киев, располагавшиеся далеко за пределами административных границ Царства Польского, но связывавшие передовую стратегическую позицию на западе с остальной империей.

Таким образом, если стоять лицом на запад, правый фланг нашего крепостного района обеспечивал Новогеоргиевск, левый — Ивангород, центр прикрывался укреплениями Александровской цитадели. Во втором эшелоне на правом фланге находился Динабург, на левом — Замостье, в центре — Брест-Литовск. В третьем эшелоне, который служил основой для выдвинутого на запад операционного базиса, располагались крепости Бобруйск и Киев, соответственно, к северу и югу от практически непроходимого для регулярных войск Полесья.

Коммуникации на западном стратегическом направлении также сходились к Польскому выступу. На Варшаву с востока вели четыре основных маршрута: шоссе из Ковно, Белостока, Брест-Литовска и Люблина. А из центрального района Варшава-Новогеоргиевск, соответственно, на юг: дороги в направлении на Краков и крепость Ивангород; на запад в направлении на Калишь, Позен и Торн; на север в направлении на Млаву и Кёнигсберг.

---

¹¹ Яковлев В. В. Указ. соч. С. 147.

Часть этих шоссе строилась еще до войны 1830–1831 гг.¹² Однако основные работы по созданию дорожной сети внутри русского «четырёхугольника крепостей», были проведены в 1832–1839 гг. под руководством генерал-майора Х. Х. Христиани¹³. Восемь основных дорог, общей протяженностью 2 000 верст, строилось за счет средств польского банка, а также за счет шарварковой повинности¹⁴ местных жителей.

Высказываемые на страницах записки опасения фельдмаршала за операционную линию русских войск в Царстве Польском нужно признать весьма основательными. В случае вторжения неприятельских войск с севера из Восточной Пруссии, сообщение с Литвой по шоссе Белосток—Гродно—Вильно—Динабург становилось ненадежным. Отступление же русских войск по шоссе Варшава—Брест было бы равносильно добровольному очищению Царства Польского, и потому могло быть предпринято лишь в самом крайнем случае. В записке Паскевича речь идет о среднем (между этими двумя шоссе) маршруте в направлении Варшава—Нур—Бобруйск. Выгода этого маршрута заключалась в наличии прикрытого с севера рекой Буг пути отступления на восток. Кроме того, предложение фельдмаршала по строительству предместного укрепления на Буге в районе Нура, как мне кажется, имело еще один мотив, навеянный недавней военной историей. Князь Варшавский не мог не знать, что в ходе последней кампании против поляков именно у Нура и Брока в январе 1831 г. армия И. И. Дибича форсировала Буг, вынудив мятежников отступить до самой Варшавы¹⁵. Таким образом, предложение фельдмаршала существенно повышало устойчивость всей нашей операционной линии в случае войны с Пруссией.

Если говорить об общей численности войск, которые Россия могла выставить в поле, в случае войны на западе, то цифра, по меркам того времени, оказывалась внушительной — около 400 000 чел. Так, например, зимой 1839 г. в обстановке военной тревоги, связанной с Бельгийским кризисом, развернувшимся вокруг проблемы международного признания Бельгии и тер-

---

¹² Пузыревский А. К. Указ соч. С. 46.

¹³ Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 5. СПб., 1896. С. 203–208, 301. См. также: Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Диссертация на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1999. С. 136–137.

¹⁴ Сохранившаяся со времен Средневековья на землях бывшей Речи Посполитой феодальная повинность, предполагавшая использование крестьян на работах по ремонту дорог, плотин, мостов и пр.

¹⁵ Пузыревский А. К. Указ. соч. СПб., 1890. С. 73.

риториальных претензий со стороны Франции, на 25 февраля ведомость о состоянии действующих войск Гвардейского, Гренадерского, I, II, III, IV пехотных, а также I и III резервных кавалерийских корпусов показывала по штатам военного времени 390 831 чел. Из них налицо имелось — 303 346 чел. С учетом подготовленных пополнений в виде рекрут и бессрочноотпущенных некомплект значительно сокращался и составлял всего 23 425 чел¹⁶. В полевой артиллерии предполагалось развернуть около 800 орудий. Положение России осложняли лишь длительные сроки сосредоточения этих сил в Царстве Польском, что на первых порах могло дать прусским войскам значительное численное превосходство.

В своих расчетах фельдмаршал Паскевич исходил из максимально невыгодных для России сроков мобилизационного развертывания прусских войск. Ориентируясь на официальные прусские расчеты, он предполагал, что развертывание неприятельской армии потребовало бы от двух до шести—восьми недель. Однако здесь необходимо принять во внимание тот факт, что впоследствии прусские мобилизации, предпринятые в ходе Датской войны и австро-прусского конфликта в 1848–1850 гг., а также Австро-Итало-Французской войны 1859 г., фактически оказались сорваны по срокам. И оба раза пополнение действующих войск до штатов военного времени, а также развертывание резервных и ландверных частей вследствие организационных промахов не было своевременно обеспечено¹⁷. Это говорит о том, что опасения Паскевича, насчет возможного запаздывания сосредоточения русских войск в Польше, могли быть преувеличены.

В вопросе о сроках, необходимых для приведения прусской армии на военное положение, фельдмаршал во многом руководствовался немецкими данными. В конце 1840 г. секретная информация о прусских планах, составлявшихся на случай войны с Францией, была, по решению короля, доверительно передана Николаю I генерал-майором И. фон Раухом — прусским военным министром. Князь Варшавский был ознакомлен с этими планами. Из них следовало, что прусской армии для сосредоточения на Рейне шести армейских корпусов требовалось два месяца. Сосредоточение девяти корпусов (то есть практически

¹⁶ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 359. Лл. 171–190.

¹⁷ Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.; Л., 1928. С. 185. McElwee W. The art of war Waterloo to Mons. L., 1974. P. 30.

всей тогдашней прусской армии) требовало дополнительно еще трех недель¹⁸. Таким образом, расчеты Паскевича относительно времени, необходимого пруссакам, чтобы собрать армию на своих восточных границах, если и не являлись абсолютно точными, то, как минимум, могут считаться серьезно обоснованными.

Планы русского главнокомандующего в обстановке середины 1840-х годов еще не предполагали масштабного использования противником железных дорог с целью ускорения мобилизации. Теоретический интерес к потенциальным возможностям нового вида транспорта в Европе русская военная мысль проявляла уже с середины 1830-х годов¹⁹, но до практического учета этого фактора в военном планировании было еще далеко.

Пруссия начала экспериментировать с использованием железных дорог в военных целях на рубеже 1830–1840-х гг. Однако первый опыт крупномасштабной мобилизации, предпринятой пруссаками в мае 1850 г. в обстановке казавшейся тогда близкой войны с Австрией, завершился громким провалом²⁰. На железных дорогах воцарились хаос и неразбериха. Единых мобилизационных расписаний и графиков движений поездов не существовало, как не существовало самого понятия о необходимости составления для железных дорог расписания военного времени. Перевозки войск и снаряжения осуществлялись под фактическим контролем Министерства торговли. О выделении военного персонала в эшелоны и на станции армия заблаговременно не позаботилась. Мобилизация 490 000 чел. в таких условиях потребовала более двух месяцев — срок, равный предполагавшейся мобилизации 1840 г., не предусматривавшей использование железнодорожного транспорта. Пополнение войск до штатов военного времени также оказалось сорвано, не хватало лошадей. В результате Пруссия оказалась не в состоянии поддержать свои претензии на политическое доминирование в Германии военной силой, и уже в ноябре 1850 г. последовало ее так называемое «Ольмюцкое унижение». Николай I недвусмысленно поддержал политику Австрии по сохранению статус-кво в Германском союзе, а Пруссия, оказавшись в изоляции, не отважилась пойти на эскалацию конфликта и согласилась с требованием демобилизации своей армии.

¹⁸ РГВИА. Ф. 432. Оп. 1. Д. 91. Лл. 10 об.–12, 29.

¹⁹ См. О новых чугунных дорогах в Англии и Франции // Военный Журнал. 1834. № 1–3. С. 93–96.

²⁰ Bucholz A. Moltke, Schlieffen and Prussian war planning. Oxford, 1993. P. 36.

Современный историк А. А. Кухарук в своей неопубликованной диссертации называл срок, необходимый русской армии для сосредоточения и выступления в европейский поход, «почти молниеносным». По его расчетам, в 1830–1840-е гг. марш русских корпусов в центральную Германию, в случае войны с Францией, потребовал бы 2–3-х месяцев, а срок готовности к переходу границы составлял 19 недель²¹. Приводимая записка фельдмаршала, принимая во внимание тот факт, что Кухарук разбирал сценарий наступательных, а Паскевич — оборонительных действий русской стороны, позволяет внести уточнения в данные расчеты.

Очевидно, что князь Варшавский был серьезно обеспокоен значительными сроками, необходимыми корпусам Большой Действующей армии, чтобы достичь Вислы. Составленные штабом Действующей армии таблицы показывают, что в течение первых 76 дней (то есть около 10 недель) с момента выступления противоборствующих армий из своих квартир прусская армия сохраняла бы над русской значительное численное превосходство. Это при том, что приведение войск на военное положение непосредственно в квартирных районах предварительно заняло бы еще 6–8 недель. И лишь начиная с 77-го дня соотношение сил изменилось бы в пользу русской армии.

Записка публикуется по писарской копии, хранящейся в фонде Военно-ученого архива Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА. Ф. ВУА (846). Оп. 16. Д. 1216. Л. 1–17.). В тексте записки имеются сноски и примечания на полях, оставленные фельдмаршалом И. Ф. Паскевичем, императором Николаем I и сотрудником Канцелярии Военного министерства, а также некоторые замечания публикатора. В конце записки под литером «Г» были помещены три таблицы: 1) «Приблизительная сравнительная таблица о движениях российских и прусских войск, в случае войны», 2) «Приблизительное соображение: где будут находиться русские войска через 26 дней после выступления из постоянных квартир, в случае войны с Пруссией», 3) «Приблизительное соображение: где будут находиться прусские войска через 26 дней после выступления из постоянных квартир, в случае войны с Россией». Упомянувшиеся в тексте записки карты в деле не сохранились. В публикации сохранены особенности написания подлинника.

---

²¹ Кухарук А. В. Указ. соч. С. 147–148, 152.

Сравнительное соображение сосредоточения русских и прусских войск. 11 мая 1845 г.

Сравнивая нашу организацию с прусской, можно опасаться, что при обращении войск обоих государств на военное положение, прусские будут готовы прежде наших; ибо в Пруссии можно брать лошадей от обывателей за установленную плату под артиллерию, у нас же к этому средству прибегнуть нельзя, потому что крестьянские лошади под артиллерию не годятся. Пруссаки говорят, что войска их могут быть обращены на военное положение в две недели.

Хотя нам можно бы следовать и скорее, но этого не принято в расчет в том внимании, что пруссаки могут также ускорить свой марш и даже с большим удобством, имея лучшие дороги.

Полагается, что для обращения войск обоих государств на военное положение нужно сроку, примерно, от 6 до 8 недель, и что немедленно по истечении оно, войска выступят из настоящих квартир своих.

Движение войск с обеих сторон рассчитано обыкновенными переходами с растахами²² через два и три дня, что составляет, приблизительно, около 100 верст в каждые 7 дней.

Соображение литер. А показывает, в какой силе можно считать батальоны и эскадроны, как российских, так и прусских войск, при начале военных действий.

Таблицы литер. Б, В, Г²³ заключают в себе приблизительное соображение положения, в каком силы обоих государств могут находиться, как при открытии военных действий, 26 дней спустя после первоначального выступления войск из постоянных квартир, так и в последующее время, если будет предположено держаться нам около Вислы.

Из этой таблицы оказывается следующее:

1) Через 26 дней после выступления из постоянных квартир пруссаки могут двинуть к Новогеоргиевску две колонны: одну от Торна в 115 000 чел. с 368 орудиями, другую от Позена в 34 000 чел. с 192 орудиями²⁴; всего 149 000 чел и 560 орудий.

---

²² Дневками (примечание публикатора).

²³ В деле данные приложения были помещены единым блоком под литер «Г» (примечание публикатора).

²⁴ «Хотя гарнизоны прусских крепостей должны быть занимаемы местными войсками и ландвером второго призыва, но здесь полагается, что для большего обеспечения двух перволинейных крепостей: Позена и Торна будет в них

2) К тому же времени мы можем иметь сосредоточенными у Новогеоргиевска только 45 000 чел. с 184 орудиями.

3) В первые 24 дня после выступления пруссаков из Торна и Позена мы можем получить подкрепления на Висле не более 32 000 чел. и 64 орудия.

От Торна к Сероцку, следуя вдоль прусской границы до Сольдау, а оттуда через Млаву, всего 10 переходов. От Позена до Варшавы 13 переходов и то же расстояние через Плоцк до Новогеоргиевска. Если первая прусская колонна возьмет направление через Млаву на Сероцк, а вторая на Варшаву или на Новогеоргиевск через Плоцк, то вдаваться нам в несоразмерный бой с первой из этих колонн было бы крайне опасно, идти же на вторую еще опаснее, потому что первой можно будет тогда стать в нашем тылу. Поэтому кажется, что в случае, если бы пруссаки предприняли сказанные движения, нам ничего бы не оставалось делать другого, как стараться замедлять их следование авангардами, действующими²⁵ против обеих колонн их, и с приближением первой к Сероцку, оставив гарнизоны в Новогеоргиевске²⁶, Александровской Цитадели, Замостье и Ивангороде, отступить к Литве с тем, чтобы вести там оборонительную войну, пока усиление армии нашей даст возможность перейти в наступательное положение; на сей конец и подкрепления наши отправить уже не в Царство, а на Литву.

Действуя иначе, мы были бы вынуждены с 77 000 чел. и 248 орудиями²⁷, бороться против 115 000 чел. и 368 орудий, которые, взяв от Торна направление к Сероцку, будут угрожать главному сообщению нашему, имея для подкрепления своих действий другой отряд в 34 000 чел. с 192 орудиями, взявший направление от Позена к Висле. Столь неравная борьба подвергнула бы памянутые войска наши величайшей опасности: неприятелю было бы легко припереть их к Новогеоргиевску и совершенно отрезать от России, или, по крайней мере, отбросить с величайшей потерей на Волынь, тогда как главные подкрепления должно нам ожидать через Литву. Опасения эти тем более важны, что, как явствует

оставлено в каждой до 3 000 чел. из войск у сих крепостей сосредоточенных» (примечание фельдмаршала И. Ф. Паскевича).

²⁵ «Следить оные авангардами действующими и проч.» (примечание императора Николая I).

²⁶ «В Новогеоргиевске нужно оставить не менее 14 000 строевой пехоты» (примечание фельдмаршала И. Ф. Паскевича).

²⁷ «Уменьшенными авангардом для наблюдения прусской колонны, идущей от Позена» (примечание императора Николая I).

из помянутых таблиц, при продолжении военных действий около Вислы, пруссаки будут получать в течение значительного времени более подкреплений, чем мы, и сохранять над нами у сей реки большое в силах превосходство — слишком месяц, если считать, что не введут в действие 7-го и 8-го корпусов, около Рейна расположенных, — слишком два месяца, если употребят и эти два последние корпуса.

Из вышеизъясненного усматривается, что в настоящем положении, пруссаки, действуя решительно при начатии военных действий, могут поставить нас в необходимость временно отступить из Царства Польского, особенно если взять во внимание, что в случае разрыва нашего с Пруссией, Франция будет с нею в союзе или, по крайней мере, скоро к ней пристанет.

Дабы по возможности помочь этому невыгодному положению нашему в отношении к Пруссии, которое преимущественно истекает от того, что у пруссаков постоянное расквартирование войск гораздо более сосредоточено, нежели у нас, я полагаю, что следующие меры были бы весьма полезны.

1) Провести новое шоссе по левому берегу Буга до окрестностей Нура, а оттуда до места, где шоссе из Бреста в Бобруйск пересекается рекой Шарой; при ожидании же войны, возвести на месте, где новое шоссе перережет реку Буг, два полевые мостовые укрепления большого размера со значительной профилею, и вооружить их частью артиллерией Брестской крепости. Примерное направление предполагаемого шоссе показано на представляемой у сего карте²⁸.

Имея эту новую дорогу, нам можно будет долее держаться в Царстве, не опасаясь быть совершенно отрезанными и смелее маневрировать. Белостокское шоссе идет правым берегом Буга; чтобы делать отступление этим шоссе, нам должно бы начать его еще прежде появления неприятеля у Пултуска; притом направление на Белосток слишком отбросило бы нас на север. Выжидать же неприятеля до прихода его к Бугу, с тем, чтобы отступать левым берегом сей реки, не имея помянутой новой дороги и временной крепости, было бы крайне опасно; неприятель, имея весьма превосходные силы, мог бы предупредить нас у Нура или даже отбросить на Брест и пресечь главное сообщение наше, прилегающее по шоссе из Бреста в Бобруйск, что поставило бы войска, к Бресту припертые, в самое опасное

---

²⁸ Карты в деле не сохранилось (примечание публикатора).

положение, ибо важнейшие подкрепления наши будут ожидать-ся через Литву.

По уважению вышеизложенного, имею счастье испрашивать, не благоугодно ли будет повелеть²⁹ мне составить подробный проект устройства шоссе до окрестностей Нура на счет доходов Царства Польского.

2) Увеличить несколько число артиллерии в корпусах Действующей армии.

Из сравнительной таблицы литер. Г видно, что в продолжение более двух месяцев мы будем иметь только 248 орудий, а пруссаки сперва 560, а потом 656. Еще в 1833 г. я имел счастье представлять Вашему Императорскому Величеству мнение о том, чтобы в корпусах Действующей армии иметь по 40 орудий на каждую дивизию. Опыт 1812-го и последующих годов может почитаться доказательством, сколь полезно иметь много артиллерии при войсках. При дивизиях из 12 слабых батальонов мы имели тогда по 36 орудий; и можно сказать, что это превосходство в артиллерии доставило нам одно из главнейших средств к удачному отступлению, а потом и к успехам нашим.

По сему я полагаю, что было бы крайне полезно прибавить по одной батарее на каждую из пехотных дивизий Действующей армии: вторым дивизиям корпусов по батарейной, прочим по легкой; расположить их на постоянных квартирах около Бреста, где и держать в виде особого резерва с одним числом лошадей по мирному положению определенным для батарей, внутри Империи расположенных. Расход был бы весьма незначителен, ибо в мирное время полагается на 4 батарейные и 8 легких батарей всего 600 упряжных артиллерийских и 48 подъемных лошадей; и в Литве фураж вообще не дорог. Для военного времени я берусь в самом скором времени снабдить их дополнительным числом лошадей из Царства Польского. Выгода же будет важная иметь при первых войсках, долженствующих вступить в бой, 96 лишних орудий.

3) Двум дивизиям того корпуса, которого штаб в Киеве, дать с их артиллерией постоянное расквартирование несколько более стесненное и сближенное к Царству³⁰ в западной части Волынской губернии; а третью артиллерийскую бригаду сего корпуса

---

²⁹ «Государь Император соизволил это разрешить» (пометка сотрудника Канцелярии Военного министерства на полях).

³⁰ «Это зависит от распоряжения главнокомандующего Действующей армией» (примечание императора Николая I).

расположить в прилегающей части Подольской губернии около Проскурова³¹.

К расположению таким образом сих войск нет неудобства, потому что и прежде на этих предполагаемых квартирах стояли две дивизии, и что вообще продовольствие на Волыни дешевое. Выгода же будет та, что при первых действиях наших около Вислы, нам можно будет противопоставить неприятелю целую пехотную дивизию и 64 орудия более, чем при настоящем расквартировании помянутых войск.

4) В шести пехотных дивизиях, расположенных в Царстве и ближайших к Царству местах, держать в каждой роте по 50 сверхкомплектных невооруженных рядовых, по примеру того, как было в 1815 г. при выступлении нашей армии во Францию. Оружие же иметь для сих людей в Новогеоргиевске и Бресте. Через это войска, долженствующие в случае надобности первоначально встретить неприятеля близ Вислы, будут усилены более чем 18 000 чел., притом мера сия не повлечет за собой огласки, могущей возродить в Пруссии опасение, что мы против нее вооружаемся, чего, кажется, необходимо сколь можно более избегать; к тому же она выгоднее всякой другой подобной в отношении издержек, ибо на этих 18 000 чел. не потребуются ни штабов, ни офицеров, ни унтер-офицеров.

5) Гарнизонные батальоны Новогеоргиевской и Замосцкой крепостей держать в комплекте³² и равномерно иметь в них на каждую роту по 50 сверхкомплектных рядовых.

6) Усилить людей гарнизонной артиллерии Новогеоргиевска. Ныне в этой крепости состоит только 4 гарнизонные артиллерийские роты. Для военного времени нужно в ней по нормальным правилам, утвержденным для вооружения крепостей более 2 000 унтер-офицеров и рядовых, что соответствует 12 комплектным гарнизонным ротам. Прибавление гарнизонных рот в Новогеоргиевске кажется необходимым, ибо без него, в случае необходимости скорого обращения этой крепости в военное положение, не будет возможности снабдить ее потребным числом

---

³¹ «Дабы иметь эти войска всегда вблизи Царства, я полагаю, что будет полезно не удалять их к Киеву для крепостных работ и для сборов, а сборы сии назначить им в кругу собственных их квартир» (примечание фельдмаршала И. Ф. Паскевича).

³² «Держать эти батальоны в комплекте зависит от распоряжений главнокомандующего» (примечание императора Николая I). «Иметь в виду завести гарнизонные батальоны для Бреста и Ивангорода, когда эти крепости будут готовы» (примечание императора Николая I).

артиллеристов; между тем, как весьма важно, чтобы Новогеоргиевск имел все средства для самой упорной и продолжительной обороны.

Принятием вышеизъясненных мер число войск, с коими нам можно будет первоначально встретить неприятеля близ Новогеоргиевска усилится, во-первых, целой пехотной дивизией и 64 орудиями по случаю перемены дислокации на Вольни; во-вторых, 18 000 рядовых, которые получатся от сверхкомплектно содержимых 50 человек в ротах шести пехотных дивизий, и, в-третьих, 96-ю орудиями предполагаемого особого артиллерийского резерва. Затем мы будем уже иметь возможность противопоставить первоначально 149 000 чел. пруссаков с 560 орудиями 108 000 чел. с 408 орудиями.

Все помянутые средства только в некоторой степени уменьшат невыгодное положение наше в отношении к Пруссии в случае разрыва с ней. Чтобы уравновесить силы наши с прусскими при открытии военных действий, необходимо заблаговременно сблизить вообще к Царству Польскому войска, внутри Империи расположенные. Но как подобная общая перемена дислокации наших войск возродить может большие опасения в Пруссии и иметь последствием сближение ее с Францией, крайне опасное для спокойствия Европы, то я не излагаю здесь подробного соображения на счет этой последней меры, которая относится к тому случаю, если будут действительно признаки разрыва с Пруссией.

Генерал-фельдмаршал князь Варшавский

Литер А.

Числительность русских войск.

Батальоны русской пехоты считаются в числе 820 унтер-офицеров и рядовых под ружьем. Число это основано на следующем расчете: наличное состояние батальонов Действующей армии к марту было 663 унтер-офицера и рядовых под ружьем. Больных состояло тогда 38 — около 1/17 против наличного числа **625**

Ожидаемое для пехоты Действующей армии в нынешнем году укомплектование рекрутами (могущее прибыть в войска к 1 июля) в числе 10.894 составляет на батальон **57**.

Временно-отпускных причитается на батальон 124 человека; полагается, что большее их число может присоединиться к батальонам до выступления с постоянных квартир во время обращения войск на военное положение **62**.

Бессрочноотпускных, усиливающих батальоны при обращении на военное положение, полагая, что они все успеют прибыть во время обращения войск на военное положение до выступления с квартир **150**.

Итого — 894

Из сего исключается 1/12 для новых больных, которые окажутся от времени начатия обращения войск на военное положение до первых военных действий 26 дней спустя после выступления с постоянных квартир 74.

Остается — 820

Русские стрелковые батальоны считаются в комплекте за исключением в той же соразмерности больных 568 унтер-офицеров и рядовых под ружьем.

На основании отзыва военного министра 17 декабря 1841 г. об уменьшении состава войск все кавалерийские резервы упразднены, и кавалерийские полки, при выступлении в поход, отделяют от себя по дивизиону, укомплектуя прочие эскадроны по 18 рядов во взводах; полки же поселенной кавалерии имеют только по шести эскадронов с 15-ю рядами во взводах. Поэтому полки русской не поселенной кавалерии считаются здесь в 6 эскадронов, кроме драгунских, которые считаются в 8 эскадронов. В эскадронах сих считается по 160 лошадей

Полки же поселенной кавалерии считаются равномерно в 6 эскадронов, но как они имеют только по 15 рядов во взводах, то в каждом эскадроне по 136 лошадей

Иррегулярные полки армии считаются в настоящем составе своем, за исключением того числа казаков, которое имеет поступить в две Донские батареи, должествующие из них формироваться при обращении армии на военное положение.

Числительность прусских войск

Батальоны прусской пехоты полагаются в числе 923 унтер-офицеров и рядовых под ружьем. Число это основано на следующем расчете:

Комплект прусского батальона унтер-офицеров и рядовых есть **984**.

Для больных до обращения на военное положение вычета не делается, потому что все таковые могут быть тогда заменены новыми людьми ландвера. Для больных с обращением на военное положение до первых военных действий, спустя 26 дней после выступления с постоянных квартир, исключается 1/15 **61**.

923

Примечание:

На это время в русских войсках исключается для больных не 1/15, как у пруссаков, а 1/12, потому что пруссаки будут иметь более удобств к сбережению людей, следуя по хорошим дорогам в изобильном, весьма населенном крае и на лучшем довольствии. Прусские стрелковые и егерские отделения считаются по тому же расчету в 464 унтер-офицера и рядовых под ружьем Прусские эскадроны считаются по комплекту круглым счетом в 160 лошадей.

Общее примечание:

Для избежания дробности счетов в обеих армиях не введены саперы, жандармы тому подобные части. В кавалерии убыль лошадей, имеющая последовать от похода, не показана. Итоги сделаны круглым счетом, мелкие числа, начиная с десятков, отброшены.

Литер Г.

Приблизительная сравнительная таблица о движениях российских и прусских войск, в случае войны

Сколько нужно дней марша	Российские войска					
	Места, где могут находиться	Бата- льоны	Число людей	Эскад- роны и сотни	Число лошадей	Орудия
При открытии военных действий 26 дней после выступления войск из постоянных квартир	Близ Ново-георгиевска	46	37 400	68	7 800	184
27–50 дней после выступления из постоянных квартир	Близ Ново-георгиевска	79	64 400	98	12 600	248
50–61 день после выступления из постоянных квартир	Близ Ново-георгиевска	99	80 800	110	14 500	248
62–76 дней после выступления из постоянных квартир	Близ Ново-георгиевска	164	133 800	110	14 500	376
77–106 дней после выступления из постоянных квартир	Близ Ново-георгиевска	257	210 000	424	61 200	928

Прусские войска

Места, где могут находиться	Батальоны	Число людей	Эскадроны	Число лошадей	Орудия	Примечания
У Торна и Страсбурга	106	96 000	119	19 000	368	Сверх того: от русских войск будет находиться: в Варшаве 8 батальонов, в Новогеоргиевске для первого охранительного гарнизона 6 батальонов, в Ивангороде 3, в Замостье 2, в Бресте 4 батальона; в Риге, Динабурге и на Литве 16 батальонов с 32-я орудиями. От прусских в Торне 3 батальона, в Позене 3 батальона и между Кенигсбергом и Тильзитом 6 батальонов, 7 эскадронов и 16 орудий
У Позена	31	28 200	38	6 000	192	В прусских силах превосходство против наших круглым счетом: 104 000 чел. и 376 орудий
Итого	137	124 200	157	25 000	560	В прусских силах превосходство против наших: 72 000 чел. и 312 орудий
Близ Новогеоргиевска	137	124 200	157	25 000	560	В прусских силах превосходство против наших: 81 000 чел. и 408 орудий
Близ Новогеоргиевска	162	146 800	185	29 400	656	В прусских силах превосходство против наших: 101 000 чел. и 472 орудия
Близ Новогеоргиевска	233	210 900	241	38 300	848	В наших силах превосходство против прусских: 22 000 чел. и 80 орудий
Близ Новогеоргиевска	233	210 900	241	38 300	848	

Приблизительное соображение: где будут находиться русские войска через 26 дней после выступления из постоянных квартир, в случае войны с Пруссией

Названия войск	Места, где были расположены дивизионные штабы	Число батальонов действующей пехоты	Число унтер-офицеров и рядовых под ружьем	Число эскадронов
2-го пехотного корпуса со стрелковым батальоном и иррегулярными войсками	Царство Польское	30	—	24
3-го пехотного корпуса 9-я пехотная дивизия	Гродно	16	—	—
3-я легкая кавалерийская дивизия	Слоним	—	—	6
Итого		46	37 400	30
3-го пехотного корпуса 8-я пехотная дивизия	Вильно	12	—	—
3-й стрелковый батальон	Митава (батальонный штаб)	1	—	—
3-й легкой кавалерийской дивизии	Слоним	—	—	18
1-го пехотного корпуса 2-я пехотная дивизия	Житомир	16	—	—
4-го пехотного корпуса 11-я пехотная дивизия	Могилев на Днепре	4	—	—
Сводного кавалерийского корпуса 4-я легкая кавалерийская дивизия	Винница	—	—	12
Итого		33	27 000	30

Число конных унтер-офицеров и рядовых	Число сотен	Число конных унтер-офицеров и рядовых	Число орудия		Где будут находиться войска через 26 дней после выступления из постоянных квартир
			Пеших	Конных	
—	38	—	96	40	Сверх сего: от 2-го пехотного корпуса будут находиться: в Варшаве 8 батальонов, в Новогеоргиевске для первого охранительного гарнизона 6 батальонов, в Ивангороде 3, в Замостье 2 батальона
—	—	—	32	—	
—	—	—	—	16	
4 800	38	3 000	128	56	При Новогеоргиевске. Сверх того, от 3-го пехотного корпуса будут находиться в Бресте-Литовском 4 батальона 8-й пехотной дивизии и 16 батальонов с 32 орудиями 7-й пехотной дивизии в Риге, Динабурге и на Литве
—	—	—	32	—	
—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	
—	—	—	32	—	На походе; могут прибыть к Новогеоргиевску через 24 дня марша и прежде (то есть с квартир через 50 дней марша и прежде)
—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	
4800	—	—	64	—	

1-го пехотного корпуса 1-я пехотная дивизия	Тульчин	12	—	—
3-я пехотная дивизия	Кишинев	4	—	—
4-го пехотного корпуса 11-я пехотная дивизия	Могилев на Днестре	4	—	—
Сводного кавалерийского корпуса 4-я легкая кавале- рийская дивизия	Винница	—	—	12
<i>Итого</i>		20	16 400	12
1-го пехотного корпуса 1-я пехотная дивизия	Тульчин	4	—	—
3-я пехотная дивизия	Кишинев	12	—	—
1-й стрелковый батальон	Переяслав (батальон- ный штаб)	1	—	—
4-го пехотного корпуса 11-я пехотная дивизия	Могилев на Днестре	8	—	—
12-я пехотная дивизия	Нежин	16	—	—
10-я полевая артиллерийская бригада	Лубны (бригадный штаб)	—	—	—
Гренадерского корпуса 2-я гренадерская дивизия	Псков	12	—	—
3-я гренадерская дивизия	Старая Русса	12	—	—
<i>Итого</i>		65	53 000	—
4-го пехотного корпуса 10-я пехотная дивизия	Новгород Северский	16	—	—
11-я полевая артиллерийская бригада	Полтава (бригадный штаб)	—	—	—
12-я полевая артиллерийская бригада	Зеньков (бригадный штаб)	—	—	—
Сводного кавалерийского корпуса 5-я легкая кавале- рийская дивизия	Вознесенск	—	—	24
Сводная конноартиллерийс- кая дивизия	Саврань	—	—	—
Донская казачья артиллерий- ская бригада	Торговица (бригадный штаб)	—	—	—

—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	На походе; могут прибыть к Новогеоргиевску через 24–35 дней марша (то есть с квартир через 50–61 дней марша)
—	—	—	—	—	
1 900	—	—	—	—	
			32		
			32		
			—		
			—		На походе; могут прибыть к Новогеоргиевску через 36–50 дней марша (то есть с квартир через 62–76 дней марша)
			32		
—	—	—	32		
—	—	—	—		
—	—	—	128	—	
			—		
			—		
			32		
			32		
			—		
			—		32
			—		16

Гренадерского корпуса 1-я гренадерская дивизия	Новгород	12	—	—
3-я гренадерская артилле- рийская бригада	д. Кобылки (бригадный штаб)	—	—	—
7-я легкая кавалерийская дивизия	Тверь	—	—	12
1-го резервного кавалерийс- кого корпуса 1-я кирасирская дивизия	Ново-Ека- теринослав	—	—	24
1-я уланская дивизия	Чугуев	—	—	24
6-я легкая кавалерийская дивизия	Ахтырка	—	—	24
2-го резервного кавалерийс- кого корпуса 2-я кирасирская дивизия	Новая Прага	—	—	24
2-я уланская дивизия	Новомирго- род	—	—	24
1-я легкая кавалерийская дивизия	Умань	—	—	24
3-го резервного кавалерийс- кого корпуса 1-я драгунская дивизия	Воронеж	—	—	32
2-я драгунская дивизия	Курск	—	—	32
6-й пехотный корпус, кроме бригады 17-й пехотной дивизии	Московская и Смолен- ская губернии	40	—	—
Гвардейский корпус (в 2-ба- тальонном составе)	Петербург и окрест- ности	25	—	70
<i>Итого</i>		93	76 200	314
<i>Все число войск (слагая частные итоги)</i>		257	210 000	386

—	—	—	32	—	
—	—	—	32	—	
—	—	—	—	16	
—	—	—	—	16	
—	—	—	—	16	На походе; могут прибыть к Новогеоргиевску через 51–80 дней марша (то есть с квартир через 77–106 дней марша).
—	—	—	—	16	Другая бригада 7-й легкой кавалерийской дивизии направляется в Литву к 7-й пехотной дивизии
—	—	—	—	16	Одна бригада 17-й пехотной дивизии остается в Москве и других городах внутри империи
—	—	—	—	16	
—	—	—	96	—	
—	—	—	96	40	
46 700	—	—	320	232	
58 200	38	3 000	640	283	

Приблизительное соображение: где будут находиться прусские войска через 26 дней после выступления из постоянных квартир, в случае войны с Россией

Названия войск	Места, где были расположены дивизионные и артиллерийских бригад штабы	Число батальонов действующей пехоты	Число унтер-офицеров и рядовых под ружьем
1-го корпуса 2-я дивизия	Данциг	12	—
1-я артиллерийская бригада	—	—	—
33-й резервный полк	Торн (полковой штаб)	3	—
2-го корпуса 3-я дивизия	Штеттин	6	—
4-я дивизия	Штаргард	12	—
2-я артиллерийская бригада	Штеттин	—	—
3-го корпуса 5-я дивизия	Франкфурт	12	—
5-го корпуса 9-я дивизия	Глогау	12	—
10-я дивизия	Позен	12	—
5-я артиллерийская бригада	Швейдниц	—	—
1-е стрелковое отделение	Гёрлиц (батальонный штаб)	1	—
6-го корпуса 11-я дивизия	Бреслау	12	—
12-я дивизия	Нейсе	12	—
6-я артиллерийская бригада	—	—	—
2-е стрелковое отделение	Бреслау (батальонный штаб)	1	—
<i>Итого</i>		95	—
2-го корпуса 3-я дивизия	Штеттин	6	—
2-е егерское отделение	Грейфсвальд	1	—
2-я артиллерийская бригада	Штральзунд	—	—
<i>Итого</i>		7	—

Число эскадронов	Число конных унтер-офицеров и рядовых	Число орудий		Где будут находиться войска через 26 дней после выступления с квартир
		Пеших	Конных	
14	—	—	—	
—	—	48	16	
—	—	—	—	
11	—	—	—	
14	—	—	—	
—	—	48	16	
14	—	—	—	
14	—	—	—	У Торна
14	—	—	—	
—	—	72	24	
—	—	—	—	
14	—	—	—	
14	—	—	—	
—	—	72	24	
—	—	—	—	
109	—	240	80	
3	—	—	—	
—	—	—	—	У Торна
—	—	24	8	
3	—	24	8	

1-го корпуса 1-я дивизия	Кенигсберг	6	—
1-е егерское отделение	Растенбург (батальонный штаб)	1	—
1-я артиллерийская бригада	Данциг	—	—
<i>Итого</i>		7	—
Всего вообще		109 ¹	98 700
1-го корпуса 1-я дивизия	Кенигсберг	6	—
1-я артиллерийская бригада	Данциг	—	—
<i>Итого</i>		6	—
3-го корпуса 6-я дивизия	Торгау	12	—
3-е егерское отделение	Любен (батальонный штаб)	1	—
3-я артиллерийская бригада	Магдебург	—	—
Гвардейский корпус	Берлин и окрестности	21	—
<i>Итого</i>		342	30 900
<i>Примечание: 5 батальонов гвардейского ландвера, как находящиеся близ Берлина тут не считаются</i>			
4-го корпуса 7-я дивизия	Магдебург	12	—
8-я дивизия	Эрфурт	12	—
4-е егерское отделение	Нордхаузен (батальонный штаб)	1	—
4-я артиллерийская бригада	Эрфурт и Торгау	—	—
<i>Итого</i>		25	22 600

¹ Из сего числа три батальона (2700 чел.) остаются в Торне.
(Примечание фельдмаршала И. Ф. Паскевича.)

² Из сего числа три батальона (2700 чел.) остаются в Позене.
(Примечание фельдмаршала И. Ф. Паскевича.)

7	—	—	—	
—	—	—	—	В трех маршах и ближе от Торна
—	—	8	8	
7	—	8	8	В Страсбурге близ Торна
119	19 000	272	96	Около Торна
7	—	—	—	
—	—	16	—	
7	—	16	—	
14	—	—	—	
—	—	—	—	
—	—	72	24	Между Кенигсбергом и русской границей
24	—	72	24	
38	6 000	144	48	Около Позена
14	—	—	—	На походе; голова на высоте Шверина; могут прибыть к Новогеоргиевску через 24–35 дней марша (то есть с квартир через 50–61 день марша)
14	—	—	—	
—	—	—	—	
—	—	72	24	
28	4400	72	24	

7-го корпуса 13-я дивизия	Мюнстер	12	—
14-я дивизия	Дюссельдорф	12	—
3-е стрелковое отделение	Ветцлар (батальонный штаб)	1	—
7-я артиллерийская бригада	Мюнстер	—	—
8-го корпуса 15-я дивизия	Кёльн	12	—
16-я дивизия	Трир	12	—
4-е стрелковое отделение	Ветцлар (батальонный штаб)	1	—
8-я артиллерийская бригада	Кёльн	—	—
Семь резервных полков	Разные места	21	—
<i>Итого</i>		71	64 100
<i>Всех вообще войск (слагая частные итоги)</i>		2393	216 300

³ Из сего числа 6 батальонов (5 400 чел.) останутся в Торне и Позене.
(Примечание фельдмаршала И. Ф. Паскевича.)

14	—	—	—	
14	—	—	—	
—	—	—	—	
—	—	72	24	На походе; голова около Берлина; могут прибыть к Новогеоргиевску через 36–50 дней марша (то есть с квартир через 62–76 дней марша)
14	—	—	—	
14	—	—	—	
—	—	—	—	
—	—	72	24	
—	—	—	—	
56	8 900	144	48	
241	38 300	632	216	

О. А. ГОКОВ

РУССКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ 1853–1854 гг.
В ПЕРСИЮ В КОНТЕКСТЕ
«ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА»

Возникновение «Восточного вопроса» в историографии традиционно датируется второй половиной XVIII в., хотя единство среди историков относительно определённой даты отсчёта отсутствует¹. Не пришли исследователи и к единому мнению в понимании географических рамок проблемы. Характерной чертой исторических традиций различных стран — участников «Восточного вопроса» — является акцент при его определении на зону собственных интересов. Так, для англо-французской историографии основная география «вопроса» лежит в районе Северной Африки, Леванта и Малой Азии, для дореволюционной русской, советской и современной российской и болгарской — в области Балкан и черноморских проливов². В целом, видение

---

¹ Достян И. С. Основные этапы и особенности политики России на Балканах с последней трети XVIII в. до 1830 г. // Международные отношения на Балканах. М., 1974. С. 5–38; Костяшов Ю. В., Кузнецов А. А., Сергеев В. В., Чумаков А. Д. Восточный вопрос в международных отношениях во второй половине XVIII — начале XX вв.. Калининград, 1997. С. 3–4; Соловьев С. История падения Польши. Восточный вопрос. М., 2003. С. 305–365; Шеремет В. И. Восточный вопрос в эпоху Крымской войны // www.fap.ru/index.php?nt=news&id=9895.

² Историография «Восточного вопроса» довольно обширна. Её обобщённый анализ см.: Асташин В. В. Восточный вопрос в зарубежной и отечественной историографии // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы VI международной конф., г. Волгоград, 28–30 ноября 2002 г. Волгоград,

географии «Восточного вопроса» обусловлено, прежде всего, его европейской направленностью и концентрируется вокруг проблем раздела «наследства» вступившей с конца XVIII в стадию распада Османской империи³. В концентрированном виде определение его предложено, например, Р. Геновым. «Восточный вопрос, — отмечал он, — термин, который обозначает комплекс проблем, связанных с упадком и крахом Османской империи и с её наследством, занимает центральное место в системе международных отношений в Европе в течение двух веков»⁴.

Тем не менее часть исследователей обращает внимание на то, что обозначенная международная проблема имела и «восточный фланг»⁵. Не ставя под сомнение вопрос о разделе «османского

2003. С. 7–14. Наиболее значимые работы: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978; Генов Г. Източният въпрос. Политическа и дипломатическа история. София, 2008. Ч. 1–2; Жигарев С. А. Русская политика в восточном вопросе (её история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки: В 2 т. М., 1896; Източният въпрос в дипломатически документи, спомени на политически дейци и материали от периодичния печат на епохата. София, 1995; Йелавич Б. История на Балканите: XVIII–XIX века. София, 2003. Т. 1–2; Успенский Ф. И. История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос. М., 1997; Фадеев Р. А. Собрание сочинений: В 2 т. СПб., 1889. Т. 2: Вооруженные силы России. Наш военный вопрос. Восточный вопрос; Уляницкий В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883; Anderson M. S. The Eastern Question, 1774–1923: A Study in International Relations. London, 1966; Bitis A. Russia and the Eastern Question Army, Government and Society, 1815–1833. Oxford; New York, 2006; Ković M. Disraeli and the Eastern Question. Oxford, 2010; de Lamartine A., Laurens H., Basch S. La Question d'Orient: Discours et articles politiques (1834–1861). Paris, 2011; De la politique anglo-française dans la question d'Orient. Bruxelles, 1854; La question d'Orient // <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere/archives-et-patrimoine/expositions/expositions-diverses/napoleon-iii-et-l-europe-le/article/la-question-d-orient>; Sowards S. W. Twenty-Five Lectures on Modern Balkan History: the Balkans in the age of nationalism // <http://staff.lib.msu.edu/sowards/balkan>.

³ См., напр., определения: Гуля Д. Г. К истории восточного вопроса: русско-турецкая война 1806–1812 гг. и Англия. Сухуми, 1978. С. 4; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 5.

⁴ Генов Р. Дипломатическата история на Източната криза 1875–1877 г. и българите // www.nbu.bg/public/images/File/departamenti/istoriq/3.pdf.

⁵ Дегов В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М., 2001. С. 7–155, 310–322; Дегов В. В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М., 2009. С. 171; Игамбердыев М. А. Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд, 1961; Семёнов Л. С. Россия и международные отношения

наследства», в своих работах они указывают, что события в Закавказье и на восточных границах Османской Порты также следует рассматривать как неотъемлемую часть «Восточного вопроса». Такой подход нам представляется более соответствующим исторической истине. Целью нашей статьи является попытка показать, что «Восточный вопрос» имел более широкие географические рамки и политическое наполнение и его нельзя ограничивать исключительно проблемами Балканского полуострова, черноморских проливов и борьбы в Средиземноморье. В качестве иллюстрации данного тезиса нами будет рассмотрен вопрос о посылке российской военной миссии в Персию в 1853–1854 гг. в контексте русско-иранских отношений в связи с «Восточным вопросом». Кроме того, мы попытаемся исправить ошибки и неточности, характерные для историографии русско-иранских отношений в рассматриваемый период.

на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. Л., 1963. С. 3–4; Macfie A. L. *The Eastern Question 1774–1923 (Seminar Studies in History)*. London and New York, 1996. В английской исторической традиции «Восточный вопрос» ограничивается (помимо европейских владений Османской империи) рамками Ближнего Востока. Однако последний имеет несколько иное наполнение, чем его русский аналог. Термин *Near East* («Ближний Восток»; применялся первоначально по отношению к владениям османского султана) и синонимичный ему *Middle East* («Средний Восток»; используется с 1850-х гг.) включали и включают в себя не только территории Османской Порты, но и Иран, Афганистан и часть индийских владений британской короны — современный Пакистан (второй вариант — Иран страны Центральной Азии и Кавказа) (см. статьи «Ближний Восток», «Средний Восток» на сайте <http://ru.wikipedia.org>, «Middle East», «Near East» на сайте <http://en.wikipedia.org>). Отсюда — два подхода в определении географических границ. Тем не менее, в целом, в европейской историографии доминирует понимание «Восточного вопроса» как комплекса противоречий, ограниченных рамками владений стамбульского халифа. Иран и Кавказ (как Северный, так и Южный) выпадают из географических рамок проблемы либо включаются в неё в качестве вспомогательных. Для русскоязычной историографии характерна относительная неопределённость в ограничении понятий «Ближний» и «Средний Восток», поскольку оба они были заимствованы из английского языка. Отсюда появление таких квазирегионов, как «Большой Ближний Восток», «регион Ближнего и Среднего Востока». В то же время выработано и разделение (основанное опять-таки на английской традиции), согласно которому Ближний Восток — это владения Османской империи, а Средний Восток — Иран и страны Центральной Азии (прежде всего Афганистан и североиндийские земли; в разных трактовках сюда включают или не включают т. н. «среднеазиатские» государства и общества, попавшие в зависимость от Российской империи). Отсюда вытекает рассмотрение «Восточного вопроса» в рамках борьбы на Ближнем Востоке, но с акцентом на Балканский полуостров и черноморскую зону.

«Восточный вопрос» в действительности представлял собой комплекс противоречий европейских государств (цели которых не оставались постоянными в течение времени) вокруг оттоманского «наследства» на трёх континентах — в Европе, Азии и Африке. Причём «игроками» в нём были не только великие державы Европы, но и государства Азии⁶. Указанная проблема была в разное время тесно связана с другими — борьбой за колониальный раздел Африки, англо-российским соперничеством на Среднем Востоке, конкуренцией за преобладание в европейских делах и пр. «Европоцентричность» большинства исследований объяснима тем, что для европейских держав, начиная с XV в., борьба с османской (или исламской) угрозой стала одной из важнейших. В Европе же развернулось и широкое исследование проблемы. Европейское её видение создало парадигму, которая до сих пор оказывает влияние на историографию. Однако важной составляющей «Восточного вопроса» были не только борьба европейских держав за контроль над частями ослабевшей империи в её западной и центральной частях. Ситуация на северо-востоке и востоке имела также немалое значение. Содержание «Восточного вопроса» до некоторой степени искусственно сконцентрировано европейскими политиками, публицистами и историками вокруг Балканского полуострова. Причина этого в том, что основные события проблемы весь XIX и начала XX в. постепенно перемещались на северо-запад географической зоны «Восточного вопроса». К тому же с последней трети XVIII в. для западных держав (особенно Великобритании) актуальным становится вопрос сдерживания продвижения России в район Средиземноморья. Отсюда такое интересное определение проблемы, данное О. Егером в конце XIX в. «Под этим вопросом понимали в Западной Европе, — писал он, — завоевательные планы России и возможность препятствовать им»⁷.

Искусственное нагнетание негативного отношения к внешней политике империи Романовых в Балканском регионе и на Кавказе⁸ различными средствами массовой пропаганды также сыграло

---

⁶ Если рассматривать историю «Восточного вопроса» с XV в., как это делает часть историков, то данное утверждение выглядит не менее обоснованным.

⁷ Егер О. Всемирная история: В 4 т. СПб.; М., 1999. Т. 4. Новейшая история. С. 482.

⁸ Под Кавказом мы понимаем географический регион на границе Европы и Азии, разделяющийся горной системой Большого Кавказа на два субрегиона: Северный (Предкавказье) и Южный (Закавказье). Политико-экономические границы региона на протяжении веков менялись, но в целом сосредоточены между

значительную роль в актуализации указанной части «Восточного вопроса», который в сознании поколений обывателей, части политиков и даже историков стал прочно ассоциироваться с событиями вокруг Балканского полуострова. В свою очередь, в России (как царской, так и советской, и современной) многими «Восточный вопрос» также воспринимался и воспринимается сквозь призму балканских проблем. Это объясняется как естественными внешнеполитическими задачами создания удобных географических границ и обеспечения их безопасности, благоприятных условий для развития внешней торговли, так и факторами идеологического характера — единой религией, славянским происхождением, миссией великой державы.

Однако такое видение обедняет проблему и делает её до некоторой степени искусственной. Более широкую панораму «Восточного вопроса» предложил российский историк В. И. Шеремет⁹. Он выделил три «болезненных точки» — Балканы, Левант и черноморские проливы. Однако полностью с такой географией сложно согласиться. Борьба России, Османской империи и Персии за Кавказ и Закавказье, ирано-османские противоречия играли важную роль в течение всего существования «Восточного вопроса». Недаром русско-турецкие войны велись на двух сухопутных направлениях — европейском и азиатском (на Кавказе)¹⁰, а рус-

---

Чёрным, Азовским и Каспийским морями (См., напр., определение Кавказа: Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: В 6 т. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 1).

⁹ Шеремет В. И. Восточный вопрос в эпоху Крымской войны // <http://www.cnsr.ru/news.php?id=1399>.

¹⁰ Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М., 2011; Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956; Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг.: В 4 т. СПб., 1876; Бутурлин Д. П. Картина войн России с Турцией в царствования императрицы Екатерины II, императора Александра I и императора Николая I. В 2 ч. СПб., 1829; Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955; Дубровин Н. Ф. Восточная война 1853–1856 годов. Обзор событий по поводу сочинения М. И. Богдановича. СПб., 1878; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: В 6 т. СПб., 1886–1888; Епанчин Н. А. Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции: В 3 ч. СПб., 1904–1905; Зайончковский А. М. Восточная Война 1853–1856: В 2 т. СПб., 2002; Золотарёв В. А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. — апофеоз Восточного кризиса. М., 2005; Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899; Колобакин Б. М. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на Кавказе и в Малой Азии. СПб., 1906; Петров А. Н. Вторая турецкая война в царствование Императрицы Екатерины II: 1787–1791 гг.: В 2 т. СПб., 1880; Пет-

ско-иранские противоречия тесно увязывались правительствами великих держав¹¹ с русско-османскими. Показательным в этом плане является англо-французское соперничество за Персию в начале XIX в.¹²

По нашему мнению, «Восточный вопрос» — сложносоставленная международная проблема, включающая в себя ряд «подвопросов», имевших автономное (а иногда и самостоятельное) значение, и находящаяся в тесной взаимосвязи с другими относительно независимыми «вопросами» международных отношений в Европе и Азии. Центральное звено «Восточного вопроса» составлял «Балканский вопрос» — борьба великих держав за контроль над Балканским полуостровом, накладывавшаяся на национально-освободительное движение местных народов и борьбу между ними за первенство в регионе. Об этом свидетельствует то, что до сих пор «восточная проблема» ограничивается в исследованиях и публицистике изложением борьбы за Балканы и черноморские проливы Босфор и Дарданеллы. Однако существовали и другие территории Османской империи, на которые претендовали европейские державы. Вокруг них сформировались «Средиземноморский вопрос» (соперничество за господство в Средиземном море и на его побережье), «Арабский вопрос» (борьба арабов за независимость от османских правителей). В рамках «Восточного вопроса» следует рассматривать и «Кавказский вопрос», который зачастую развивался автономно от событий на Балканском полуострове. Борьба за Кавказ в XIX в. была неотъемлемой составляющей русско-османско-персидских отношений, а также соперничества крупных европейских государств за влияние в Оттоманской Порте.

ров А. Н. Война России с Турцией 1806–1812 гг.: В 3 т. СПб., 1885–1887; Петров А. Н. Война России с Турцией и Польскими конфедератами с 1769–1774 год. СПб., 1866, СПб., 1874. Т. 3; Потто В. А. Кавказская война: В 5 т. М., 2006–2007; Ушаков Н. Н. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах: В 2 ч. СПб., 1836.

¹¹ Принятое с XIX в. неофициальное название государств, которые по своему потенциалу (военно-политическому, экономическому, человеческому) имели решающее влияние на систему международных отношений.

¹² Балаян Б. П. Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг. Ереван, 1967; Игамбердыев М. А. Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд, 1961; Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958; Семёнов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. Л., 1963.

Нельзя полностью согласиться с авторами монографии «Восточный вопрос во внешней политике России», отрицавшими принадлежность «Кавказского вопроса» к сфере «Восточного вопроса» и утверждавшими, что включение в последний стран Среднего Востока (Ирана, Афганистана и Индии) делает проблему «необозримой и лишает возможности определить её существо» и «неизбежно ведёт к постановке новых проблем, непосредственно не связанных с Турцией»¹³. Напротив, такая постановка обедняет действительное содержание «Восточного вопроса», делает его изучение неполноценным и однобоким. Ведь объективно события в рамках указанной проблемы разворачивались не только в различных регионах, связанных с Османской империей, но и на значительном международном фоне. Нам представляется, что сам «Восточный вопрос» следует рассматривать в контексте более широкой проблемы — борьбы великих европейских держав за контроль над регионом Ближнего и Среднего Востока¹⁴. В XVIII — начале XIX в. главными антагонистами были Англия и Франция, с последней трети XVIII до начала XX в. — Англия и Россия, а с конца XIX до начала XX в. — Англия и Германия.

Плотно в канву «Восточного вопроса» был вплетён и т. н. «Персидский вопрос», связанный с борьбой великих европейских держав за преобладание в Иране. Борьба эта, как отмечал советский исследователь Л. С. Семёнов, «была связана как с борьбой в Турции, так и с борьбой за позиции на Кавказе и в Средней Азии, а для Англии также и в Индии»¹⁵. Европейские государства традиционно пытались использовать Иран как противовес Османской империи. Это облегчалось осmano-иранскими противоречиями на религиозной и территориальной почве. «Персид-

---

¹³ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 5–6.

¹⁴ Некоторые исследователи предлагают рассматривать его как составную часть «Большой игры» («Турнира теней») между Великобританией и Россией (Сергеев Е. Ю. «Большая игра». Россия и Великобритания в Центральной и восточной Азии (вторая половина XIX — начало XX века) // Новая и новейшая история. М., 2011. № 3. С. 82–91; Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012; Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром / Пер. с англ. И. И. Кубатько. М., 2004). Это верно лишь отчасти, поскольку первоначально основным противником Англии в «Восточном вопросе» выступала Франция, а на завершающем этапе его существования — Германская империя.

¹⁵ Семёнов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. С. 5.

ский вопрос» хотя и являлся самостоятельной проблемой в международных отношениях, тем не менее находился в «цепке» с «Восточным вопросом». Персидско-турецкие территориальные споры Англия, Франция и Россия активно использовали в своих интересах, в том числе и в своих делах относительно Турции.

Иран с XVI в. тесно включается в политику европейских держав, связанную с противостоянием Османской империи¹⁶. В нём искали, прежде всего, союзника для борьбы друг с другом, а также для отвлечения сил Порты с европейского театра. Это было вполне достижимо в силу той религиозной и политической вражды, которая существовала между Сефевидским государством и османами. Она объяснялась различиями в вероисповедании (значительная часть персов были шиитами, шиизм был объявлен государственной религией, в то время как Османское государство было преимущественно суннитским; при этом шииты и сунниты взаимно рассматривали друг друга как еретиков) и соперничеством за пограничные территории от Кавказа до Персидского залива.

В XIX в. (особенно в первой половине) Персия сохраняла значение для европейских держав теперь уже в рамках борьбы за «наследство» османов. Желание англичан, французов и русских взять под контроль её вооружённые силы и внешнюю политику для того, чтобы использовать в борьбе друг против друга, в первой половине XIX в. приносило определённые плоды¹⁷. При этом

---

¹⁶ Исмаилов Э. Р. Очерки по истории Азербайджана. М., 2010. С. 78–116; Махмудов Я. М. Взаимоотношения государств Аккоюндлу и Сефевидов с западно-европейскими странами (II половина XV — начало XVII века). Баку, 1991; Сеидова Г. М. Азербайджан в торговых и политических взаимоотношениях Сефевидской империи и Русского государства в XVII веке (по русским источникам). Баку, 2004; Тохтиев Ш. Р. Воспоминания суннита о пребывании в шиитском Иране // Восток. 2012. № 1. С. 115–120; Newman A. J. Safavid Iran: Rebirth of a Persian Empire. London; New-York, 2006; Savory R. M. Iran Under the Safavids. Cambridge, 1980.

¹⁷ Балаян Б. П. Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг.; Балаян Б. П. Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединения Восточной Армении к России. Ереван, 1988; Грачёв В. Ф. Восточная политика Наполеона в 1807–1808 гг. От Тильзита до Эрфурта // Вопросы новой и новейшей истории Франции. Рязань, 1974. С. 54–87; Грачёв В. Ф. Восточная политика Франции в 1808–1809 гг. // Вопросы новой и новейшей истории Франции. Рязань: РГУ, 1974. Ч. 2. С. 87–94; Ибрагимбеги Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М., 1971; Игамбердыев М. А. Иран в международных отношениях первой трети XIX века; Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные

иранское правительство стремилось проводить внешнюю политику на западных и северо-западных границах в собственных интересах, играя на противоречиях европейских государств.

С установления в конце XVIII в. в Персии власти новой династии — Каджаров — между ней и Османской империей начались трения вокруг границ¹⁸ и контроля над курдскими племенами¹⁹. Во многом они были «отголосками» когда-то острого осmano-сефевидского противостояния. Однако противоречия между соседними государствами нельзя сводить только к пограничным проблемам²⁰. Важную роль в нём играл духовный фактор межконфессиональной борьбы суннитов и шиитов. Источники свидетельствуют²¹ о большом накале вражды между представителями двух главных течений ислама как на уровне

отношения в начале XIX столетия; Семёнов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в.; Тер-Оганов Н. К. Создание и развитие иранской регулярной армии и деятельность иностранных военных миссий в Иране в XIX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1984; Cambridge History of Iran: in 7 vv. Cambridge University Press, 1991. Vol. 7. P. 297–426; Kelly L. Diplomacy and murder in Tehran. New York, 2006.

¹⁸ Асланов Р. Б. Ирано-турецкие отношения в 20–60-х годах XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Баку, 1983; Минорский В. Ф. Турецко-персидская граница // *Материалы по изучению Востока*. Вып. 2. 1915. 591 с.; Минорский В. Ф. Турецко-персидское разграничение // *Известия Императорского русского географического общества*. 1916. Т. 52. Вып. 5. С. 351–392; Хуршид-эфенди М. Сияхэт-намэ-и-худуд. Описание путешествия по турецко-персидской границе. С приложением отчета персидского комиссара о том же путешествии. СПб., 1877; Чириков Е. И. Путевой журнал русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 // *Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества*. 1875. Т. 9; *War and Peace in Qajar Persia. Implications past and present*. London; New York, 2008. P. 21–46, 88–109, 125–173.

¹⁹ Аверьянов П. И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк. Тифлис, 1900; Халфин Н. А. Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М., 1963.

²⁰ Асланов Р. Б. Ирано-турецкие отношения в 20–60-х годах XIX в.; Kaveh Farrokhi. *Iran at War 1500–1988*. Oxford, 2011. P. 202–206; Tekdemir A. G. A. XIX. *Yüzyilin ilk çeyreğinde osmanli-iran ihtilafleri ve 1821–1823 savaşı* // www.ardahan.edu.tr/karadeniz/web/upload/icerik/4/4.7.pdf.

²¹ Andreeva E. *Russia and Iran in the Great Game. Travelogues and Orientalism*. London; New York, 2007 P. 131–155. Наиболее ярко бытовое отношение сунни-то-шиитской вражды в Иране конца XVIII — первой трети XIX вв. отображён в Иехакова Л. И. Восток и запад в романах Джеймса Мориера о Хаджи-Бабке: особенности авторской интерпретации: Дисс. ... канд. филолог. наук. Магнитогорск, 2010; Морниер Д. Похождение Хаджи-Бабы из Исфагана. М., 1989.

межгосударственном, так и внутристрановом²². Именно этим объяснялись провалы попыток создания широкого союза исламских государств, предпринимавшиеся в частности Англией против России в первой трети XIX в., а затем перед русско-турецкой войной 1877–1878 гг.²³ Если отдельные правители, возможно, и были не против презреть вражду к «еретикам», то их подданные в большинстве своём такой позиции не разделяли. На бытовом уровне антагонизм был настолько силён, что влиял на политику правящих кругов. Последнее особенно касалось Ирана. Дело в том, что правители новой династии должны были утверждать свои права на престол, выступая защитниками «истинной веры». В Османской империи власть султана фактически никем не оспаривалась, так как он считался законным и религиозным и светским главой мусульман²⁴. Иран был страной, где большинство населения исповедовало шиизм. Особенностью религиозно-политической доктрины шиизма является то, что легитимное право на власть над правоверными (имамат) имеют лишь потомки зятя пророка Мухаммада Али (Алиды). Поскольку двенадцатый имам, согласно традиции, в IX в. исчез, чтобы впоследствии появиться в виде мессии, его функции временно выполняют улемы и моджтехиды — религиозные исследователи, богословы²⁵. Отсюда вытекала большая власть над верующими шиитского духовенства и отсутствие стойкой опоры для шахского режима в стране. Если Сефевиды вели своё происхождение от седьмого имама, то сменявшие их династии

---

²² Новичев А. Д. История Турции: В 4 т. Л., 1963–1978; Колюбакин. Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и население как источник комплектования персидской армии (Составлен по русским и иностранным источникам) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1883. Вып. 4. С. 35–110; 1884. Вып. 11. С. 1–33.

²³ Ахмеджанов Г. А. Гератский вопрос в XIX в. Ташкент, 1971. С. 60–62; Семёнов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в.; Халфин Н. А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века) // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина, новая серия. 1957. Вып. 110: Исторические науки. Кн. 24. С. 5–125; Tekdemir A. G. A. XIX. Yüzyilin ilk çeyreğinde osmanli-iran ihtilafı ve 1821–1823 savaşı.

²⁴ История османского государства, общества и цивилизации: В 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 107–112.

²⁵ См.: Васильев Л. С. История религий Востока. М., 1999. С. 160–163; Кошева С. В. Мусульманское право о природе власти: Дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. С. 82–107; Мехди Санаи. Политическая мысль в исламском обществе // Иран: ислам и власть. М., 2002. С. 6–13.

такой «привилегии» не имели и рассматривались как узурпаторы²⁶. Фактически, каджарская династия также считалась таковой. Поэтому авторитет её и происходивших из неё правителей в глазах шиитского населения и духовенства во многом зависел от того, насколько ревностно они отстаивают шиитские догматы. Пограничные конфликты также отчасти объяснялись конфессиональной рознью: под властью суннитского султана находились святыне для шиитов места Кербела, Неджеф, Самарра, Аскария²⁷. На этот фактор накладывали отпечаток личные амбиции правителей обоих государств, стремившихся прославиться как истинные ревнители веры и борцы с «еретиками», с одной стороны, и получить контроль над возможно большей территорией исламского мира — с другой. Для султанов главным идеологическим мотивом, стимулировавшим завоевания в мусульманском мире, служил тезис об искоренении рафизитства-шиизма. Правители Ирана в XIX в. также вынуждены были учитывать религиозные взгляды своих подданных в силу указанных причин, даже не являясь ярыми сторонниками искоренения «ереси». Отсюда — такое же стремление придать религиозную окраску собственным завоевательным планам. Основной целью шахов Каджаров (в частности, ага Мохаммад-шаха, наследника престола при Фатхали-шахе Аббаса-мирзы, молодого Насреддин-шаха) было стремление восстановить империю Надир-шаха Афшара (правил в 1736–1747 гг.)²⁸. В реализации этой цели соперником выступала Османская империя, правитель которой, как уже говорилось, претендовали на главенство над всеми мусульманами. Следствием стало постоянное противостояние между соседними державами, как на пограничье, так и в различных районах мусульманского мира²⁹. А это создавало

---

²⁶ Богданов Л. Ф. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении. СПб., 1909. С. 118–119; Инаят Х., Лофт М. Восстание обездоленных: бунт или революция? // Родина. М., 2001. № 5. С. 136. Об отношениях духовенства и шахов см.: Очерки новой истории Ирана (XIX — начало XX века). М., 1978. С. 43–48.

²⁷ Ещё один священный для шиитов город — Мазари-Шариф — находился под властью афганцев, что также играло определённую роль во внешней политике Каджаров на востоке.

²⁸ Ибрагимбеги Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. С. 244. О Надир-шахе см.: Axworthy M. *The Sword of Persia: Nader Shah, from Tribal Warrior to Conquering Tyrant*. London, 2006.

²⁹ Абдулло Мубини Дехкурди. Взаимоотношения Ирана и Бухарского ханства в XVI — первой половине XVIII вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2006; Бакоев Ф. М. Отношение Ирана с Афганистаном и Тур-

для европейских государств хорошую почву для использования Каджарской империи в «Восточном вопросе» в собственных целях (либо наоборот — порождало стремление не допустить такого использования державой-противником). Тем более, что у персидских монархов имелись территориальные претензии к западному соседу.

Но, уже начиная с середины XIX в., Иран превратился в рамках «Восточного вопроса» во второстепенную державу, которая не способна была проводить независимую линию. Связано это было, прежде всего, с экономической неконкурентоспособностью Персии в сравнении с ведущими державами Европы и слабостью политической структуры страны. Иран уступал и своему западному соседу-антагонисту. Ещё ирано-турецкая война 1821–1823 гг., несмотря на успехи шахских войск, подтвердила неспособность Каджарской империи вести активную внешнюю политику и добиться военного преимущества даже над своими азиатскими соседями³⁰. Российский военный аналитик и историк А. М. Колюбакин, говоря о Гератском походе 1837–1838 гг.³¹, небезосновательно отмечал, что «экспедиция эта... погубила лучшие войска Персии, с того времени уже не поднимавшиеся до той высоты, до которой они были

цией (1870–1905 гг.): Автореф. дисс. ... канд ист. наук. М., 1991; Васильев А. Д. Взаимоотношения Османской империи и государств Центральной Азии в середине XIX — начале XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007; Гаджиев З. Т. Основные черты и особенности общественно-политического развития Восточного Кавказа в период османо-персидского противостояния (XVI–XVIII вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011; Гациева Т. И. Северо-Восточный Кавказ во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в первой трети XVIII века: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Владикавказ, 2011; Маннанов Б. С. Отношения Ирана со среднеазиатскими ханствами во второй половине XIX в. // Краткие сообщения института народов Азии АН СССР. 39. Иранский сборник. М., 1963. С. 56–71; Сотниченко И. А. Северный Кавказ в сфере политического влияния Османской империи в XIX — начале XX века: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011; Хашеми Ракаванди Сейед Эсмаил. Отношения Ирана с ханствами Мавераннахра в XVIII — начале XX века: Дисс. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2011.

³⁰ Асланов Р. Б. Ирано-турецкие отношения в 20–60-х годах XIX в. С. 48.

³¹ Бларамберг И. Ф. Осада города Герата, предпринятая персидскою армиею под предводительством Магомед-шаха, в 1837 и 1838 годах // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1885. Вып. 16. С. 1–40; Бугаева А. Г. Борьба за Герат 1837–1841 гг. // http://lib.herzen.spb.ru/text/bugayeva_15_39_58_61.pdf; Ларин А. Б. Российская политика в Иране в 30-е — середине 50-х гг. XIX века: Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 150–189.

доведены Аббас-мирзой³². Дальнейшая история персидского оружия ещё более бесславна»³³.

В конце XVIII — первой трети XIX в. русско-иранские отношения носили конфликтный характер. Это объяснялось борьбой за влияние на Южном Кавказе (связанной во многом с личными амбициями первых Каджаров) и межрелигиозной рознью. Однако после окончания войны 1826–1828 гг. и урегулирования вопроса о разграблении и уничтожении русской дипломатической миссии в 1829 г. конфликтность между государствами постепенно идёт на спад. Мухаммад-шах (правил в 1834–1848 гг.) и Насреддин-шах (правил в 1848–1896 гг.), получившие от русских поддержку в борьбе за престол, проводили в целом миролюбивую политику по отношению к северному соседу³⁴. Но, несмотря на отсутствие с начала 1830-х гг. ярко выраженного антагонизма в русско-иранских отношениях, определённую опасность для России в случае войны с Турцией Каджарская монархия представляла. «Сколько не мало опасен для нас отряд необученного войска, — писал наместнику на Кавказе М. С. Воронцову русский консул в Тебризе (Тавризе) Н. А. Аничков, — но всё же по неизвестности намерений персидского правительства и опасению вероломства с его стороны оно может заставить нас отвлечь на здешнюю границу часть наших сил, действующих против Турции»³⁵. Возможно именно поэтому среди российских правящих кругов и военных постепенно всё большую силу приобретает мнение о необходимости контролировать некогда могучего соседа. Методы контроля и задачи в течение века менялись, развиваясь и соотносясь с международными целями царского правительства. Однако с 1830-х гг. между Россией и Ираном начинает развиваться та-

---

³² Аббас-мирза Наиб ос-Солтане — второй сын Фатх Али-шаха Каджара. Был назначен наследником престола. С детства был наместником в Иранском Азербайджане. Пытался реорганизовать иранскую армию по европейскому образцу с помощью английских и французских инструкторов. Руководил управлением внутренней и внешней политики Ирана. Российское и британское посольства располагались при его дворе в Тебризе. Командовал иранскими войсками во время русско-персидской войны 1804–1813 гг., ирано-турецкой войны 1821–1823 гг. и русско-персидской войны 1826–1828 гг. После этого командовал походами против курдов. Умер 25 октября 1833 г. во время похода против Герата за несколько месяцев до смерти отца.

³³ Колобакин. Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и население как источник комплектования персидской армии. 1883. Вып. 4. С. 42.

³⁴ Ларин А. Б. Российская политика в Иране в 30-е — середине 50-х гг. XIX века: Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010.

³⁵ Ибрагимбейли Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. С. 223.

кое новое явление, как военное сотрудничество³⁶. До 1850-х гг. оно не было связано с делами «Восточного вопроса», по крайней мере, прямо.

В 1850-х гг. место Персидской державы в «Восточном вопросе» изменяется существенно. Если в первой трети века она служила угрозой для России, то теперь Россия пытается (и небезуспешно) использовать Тегеран в своих целях. И эта тенденция в дальнейшем не исчезает, а продолжает развиваться.

В ходе Крымской войны среди российских чиновников Министерства иностранных дел и Кавказского наместничества впервые в XIX в. возникла идея привлечь Иран на свою сторону, чтобы отвлечь часть османских сил³⁷. Шахское правительство само в июне 1853 г. выдвинуло предложение о союзе против Стамбула. Однако изначально наметилась разница в понимании сотрудничества, сыгравшая решающую роль в том, что военного союза не получилось. Персы (прежде всего в лице садр-азама мирзы Ага-хана Нури Эттемад од-Доуле³⁸, сумевшего убедить в своём мнении Насреддин-шаха) настаивали на подписании союзного договора на определённых условиях. Российская же сторона не была заинтересована в чёткой фиксации своих обязательств. Объяснялось это как неудовлетворительным состоянием иранской армии, так и надеждами Николая I решить разгоравшийся конфликт с Османской империей без крупномасштабной войны. Поэтому Министерство иностранных дел России настаивало не на полноценном союзе, а на диверсии со стороны иранской армии на турецкие территории, обещающая простить остаток долга по Туркманчайскому договору 1828 г.³⁹ и учесть интересы Тегерана при заключении мира.

---

³⁶ Бларамберг И. Ф. Воспоминания. М, 1978; Ларин А. Б. Российская политика в Иране в 30-е — середине 50-х гг. XIX века; Масальский Н. Ф. Письма русского из Персии. СПб., 1844. Ч. 1; Ч. 2; Симонич И. О. Воспоминания полномочного министра, 1832–1838 гг. М., 1967.

³⁷ С ходом русско-иранских переговоров и изменениями в позициях сторон можно ознакомиться в: Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1885. Т. 10. С. 745–752; Ларин А. Б. Российская политика в Иране в 30-е — середине 50-х гг. XIX века. С. 221–244.

³⁸ В различных публикациях встречается неверное написание Ага Нури-хан.

³⁹ Туркманчайский трактат, подписанный 10 февраля 1828 г., подвёл итоги русско-персидской войны 1826–1828 гг. Помимо всего прочего, на Персию, согласно его тексту, налагалась контрибуция в 10 куруров туманов (20 000 000 рублей серебром), которую Тегеран до начала 1850-х гг. ещё не выплатил.

Насреддин-шах являлся сторонником военного содействия России и, в принципе, на первых порах соглашался с российскими условиями. Было достигнуто соглашение, что персидские войска в числе 60 000 человек (позже их численность была сокращена до 40 000) двинутся к Хою. При этом посланник России Д. И. Долгоруков озвучил условие, что «никакое наступательное действие не будет предпринято без предварительного соглашения с главнокомандующим императорскими войсками (на Кавказе. — *О. Г.*)»⁴⁰. В октябре 1853 г., по желанию персидской стороны, Петербургом на М. С. Воронцова была возложена задача подобрать нескольких опытных офицеров «для лучшего руководства стратегических движений» иранского корпуса и отправить их в Иран⁴¹.

К началу ноября 1853 г. военная миссия была сформирована. Возглавил её генерал-майор Корпуса инженеров путей сообщения А. С. Санковский. Это был опытный офицер, служивший на Кавказе с 1826 г., участвовавший в русско-персидской 1826–1828 гг. и русско-турецкой 1828–1829 гг. войнах⁴². В помощь ему были

---

⁴⁰ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией. С. 746.

⁴¹ Там же.

⁴² Андрей Степанович Санковский (?–1859) — сын Феодосийского градоначальника С. А. Санковского. Происходил из дворян Полтавской губернии, службу начал в 1814 г. в полиции коллежским регистратором, в 1815 г. получил чин губернского секретаря, а в 1818 г. — коллежского секретаря. В 1820 г. подал прошение об увольнении его с гражданской службы и зачислении на военную. Это прошение было удовлетворено, и в том же году А. С. Санковский был принят юнкером в лейб-гвардии 2-ю артиллерийскую бригаду. В 1821 г. произведён в прапорщики и в 1824 г. — в подпоручики. В 1826 г. А. С. Санковский получил чин поручика и был переведён в 1-ю батареиную роту Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, в рядах которой принял участие в войне против Персии. Сражался при Шамхоре, Гяндже, Аббас-Абаде, Сардар-Абаде и Эривани. В 1827 г. за отличие был произведён в штабс-капитаны. 25 января 1828 г. ему была пожалована золотая шпага с надписью «За храбрость». Вслед за тем А. С. Санковский принял участие в кампании против турок, был в делах под Карсом, Ахалкалаками, Ахалцыхе, Катанлы, Милли-дюзе, Эрзеруме и Харте. За отличия во время войны в 1829 г. получил чины капитана и подполковника. По окончании военных действий в Закавказье А. С. Санковский продолжал службу в Кавказской гренадерской артиллерийской бригаде и неоднократно принимал участие в походах против горцев. В 1834 г. он был назначен состоять по артиллерии без должности, с 1837 г. переведён в Корпус инженеров путей сообщения и отчислен в распоряжение командира Отдельного Кавказского корпуса для особых поручений, в 1838 г. произведён в полковники. 26 ноября 1850 г. А. С. Санковский за беспорочную выслугу 25 лет в офицерских чинах

назначены гвардии полковник И. А. Бартоломей и подполковник Генерального штаба П. К. Услар. В качестве переводчика и «для облегчения... сношения с местными властями» в составе миссии был включён статский советник Н. В. Ханьков⁴³. Целью русских военных было обеспечение руководства персидским отрядом и координации его действий с корпусом российских войск, специально выделенным для действий на турецкой границе, которым командовал генерал-майор князь В. О. Бебутов. Помимо этого, в задачи главы военной миссии входило решение «курдского вопроса». Дело в том, что курдские племена, жившие как в Османской империи, так и в Персии, рассматривались российским командованием как реальная военная угроза. Власть правительств указанных держав над ними была номинальной. Однако сложные взаимоотношения с правительствами Ирана и Турции при определённом подходе могли превратить их и в друзей, и во врагов России⁴⁴. Английский и турецкий консулы в Тебризе развернули активную пропагандистскую деятельность среди персидских курдов, направленную против России. Возглавил её шейх Салех, поселившийся на персидской территории. Петербург выдвинул Персии требование ареста шейха и «усмирения войсками подвластных ей курдов»⁴⁵. Имперских представителей волновала, прежде всего, безопасность русско-турецкой и русско-персидской границ, для чего необходимо было военное содействие Ирана в виде демонстрации войсками и контроля над курдами. Выполнение этой задачи также должен был контролировать А. С. Санковский.

Девятого ноября⁴⁶ военная миссия двинулась из русских пределов в Тебриз. Однако в 20-х числах ноября последовало распоряжение М. С. Воронцова генерал-майору «остановиться впредь до других наставлений в дороге под каким-либо предлогом»⁴⁷. Свя-

---

был награждён орденом св. Георгия 4-й степени. Скончался 4 сентября 1859 г. в чине генерал-майора.

⁴³ Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф. Н. В. Ханьков — востоковед и дипломат. М., 1977. С. 96–97.

⁴⁴ Детальнее о борьбе за курдов и об их роли в Крымской войне см.: Аверьянов П. И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. С. 80–143; Халфин Н. А. Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. С. 68–81.

⁴⁵ Асланов Р. Б. Ирано-турецкие отношения в 20–60-х годах XIX в. С. 96.

⁴⁶ Все даты в тексте даются по старому стилю.

⁴⁷ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией. С. 747.

зано это было с изменением позиции персидского правительства. В литературе прочно утвердилось мнение, что каджарский двор в ходе войны колебался то в одну, то в другую сторону, «невольно запутывая всех, кому приходилось в то время иметь» с ним дело⁴⁸. На наш взгляд, оно абсолютно неверно отражает ситуацию. Детальное доказательство нашей позиции требует отдельной статьи. Здесь же остановимся на наиболее важных аргументах. Указанное представление об иранской политике основывалось исключительно на донесениях российских агентов. Они исходили из интересов России и, естественно, игнорировали наличие таковых у шахского правительства. В ходе русско-иранских переговоров и консультаций июля — ноября 1853 г. чётко выявились три позиции. Первая, российская, заключалась в использовании Ирана для безопасности собственной границы с османской стороны и диверсии для отвлечения части турецких войск, но без заключения обязывающих документов. Иранское правительство изначально предлагало военный союз, оформленный в виде международного договора. Когда оказалось, что Петербург не собирается его подписывать, в Тегеране взгляды разделились. Молодой Насреддин-шах, которого русские фактически закрепили на престоле в 1848 г. и который имел приятные отношения к Николаю I, был, видимо, искренне (по неопытности или исходя из личных чувств, которые он испытывал к российскому императору) настроен на помощь России даже без её документального оформления. Его вполне устраивало письменное обещание императора учесть интересы Персии при подписании мирного трактата с Османской империей. Однако шахский первый министр Ага-хан Нури был намного опытнее и дальновиднее своего повелителя. Держа в своих руках внешнюю политику Ирана, он «раскусил» игру русских. Непонятно, по каким причинам в историографии закрепилась точка зрения, что империя Романовых была заинтересована в военном союзе с шахским двором, а тот не хотел связывать себя такими обязательствами⁴⁹. На самом деле всё было в точности до наоборот. Именно это стало неудачей военной миссии

---

⁴⁸ Дегоев В. В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М., 2009. С. 228. В разной степени эту позицию разделяли и советские и российские авторы (Ибрагимбейли Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. С. 232–251; Ларин А. Б. Российская политика в Иране в 30-е — середине 50-х гг. XIX века. С. 235).

⁴⁹ Дегоев В. В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. С. 227; Ибрагимбейли Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. С. 232–251; Ларин А. Б. Российская политика в Иране в 30-е — середине 50-х гг. XIX века. С. 235.

А. С. Санковского и политики Петербурга относительно каджарской державы в 1853 г. в целом. Посланник в Тегеране Д. И. Долгорукий, обвиняя персов в лживости и двуличии, жаловался, что от него «требуют полного и письменного согласия на все условия программы», предложенной персидским двором 25 июля ⁵⁰. Однако документы свидетельствуют, что изначально политика России сводилась к тому, чтобы, лавируя и обнадёживая, подтолкнуть персов к военному содействию без военного союза — движениям против Турции, но без конкретных обязательств с российской стороны. В инструкции посланнику от 6 октября 1853 г. руководитель российского Министерства иностранных дел (а фактически — император, поскольку именно он определял политику России, а министр просто был передаточным звеном) К. В. Нессельроде рекомендовал «благодарить шаха от имени государя за дружеские предложения, избегая, впрочем, всякого положительного отзыва насчёт высказанных условий так, чтобы ответ его не был принят ни за обещание, связывающее нас, ни за оскорбительный отказ». Д. И. Долгорукому поручалось возобновить переговоры и, «не касаясь мысли о заключении оборонительного и наступательного трактата, предложить, что мы, взамен военной диверсии, которая будет сделана для нас со стороны Персии, отказываемся от должного нам остатка курура туманов⁵¹»⁵².

---

⁵⁰ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией. С. 747.

⁵¹ 1 курур = 500 тыс. туманов; 1 туман = 10 французских франков. Туман, томан, (*перс.* تمان, *англ.* toman) — официальная денежная единица Персии с XVII века до 1932 г. Один туман равнялся 10 000 динаров. Первоначально — татарское слово со значением «10 000», позже перешедшее также на денежные единицы. В XII–XIV вв. в Персии соответствовал как счётно-денежная единица 10 000 серебряных динаров, но до конца XVIII в. оставался только счётно-денежной единицей. При ага Мухаммед-шахе (1794–1797), первом представителе династии Каджаров на персидском троне, был в 1794 г. введён золотой туман весом в 8,2 г. Его преемник Фатх Али-шах (1797–1834) уже чеканил монеты в 5, 2, 1, $\frac{1}{2}$, $\frac{2}{3}$ и $\frac{1}{3}$ тумана. В 1810–1828 гг. вес тумана составлял 4,6 г, затем снизился до 3,5 г. В 1806–1852 гг. чеканились монеты 989-й пробы в $\frac{1}{2}$, 1, 3, 5, 20, 30, 50 и 100 туманов: лицевая сторона — монограмма шаха, оборотная — место и дата чеканки. Шах Насреддин (1848–1896) с 1877 г. чеканил туман по европейскому образцу, сначала 900-й пробы в 3,225 г, в 1878 — 2,85 г. В 1883 г. был выпущен также серебряный туман весом 46,65 г. Последние туманы чеканились в 1925 г. шахом Ахмадом (1909–1925).

⁵² Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией. С. 746.

В результате жёсткой позиции садр-азама⁵³, который сумел убедить Насреддин-шаха, персы стали требовать письменного договора и изменения направления действий иранской армии с русско-турецкой границы на более выгодный для Ирана район Багдада. Здесь находились шиитские святыни, за которые долгое время велась борьба между Тегераном и Стамбулом. В России и лично императором такое поведение было воспринято как нарушение шахом своего слова⁵⁴. Распоряжением М. С. Воронцова русская военная миссия была остановлена в Эривани. Здесь она оставалась в течение дальнейших переговоров между сторонами. В российском правительстве (или непосредственно у императора) с декабря 1853 г. возобладала мысль о том, чтобы добиваться нейтралитета Персии⁵⁵. Как ни парадоксально, она полностью совпадала с желаниями части правящих кругов Англии⁵⁶. И в Петербурге, и в Лондоне опасались, что Иран окажется на противоположной им стороне, но, осознавая его

---

⁵³ В литературе существует мнение, что Ага-хан Нури был подкуплен англичанами и вообще являлся англофилом (оно негласно проходит через всю «Записку...» (Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией. С. 745–752) и, видимо, повлияло на отношение учёных: например, Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М., 1952. С. 175–176). Однако оно высказано без приведения доказательств, а подтверждений этого утверждения в источниках и литературе не содержится. Скорее всего, первый министр шаха действовал из государственных интересов, поскольку война с Турцией без фиксированного союза с Россией могла повлечь вмешательство Англии. С ней у Ирана были чрезвычайно натянутые отношения из-за Герата (см.: Ахмеджанов Г. А. Английская экспансия на Среднем Востоке и Гератский вопрос в 40–50 гг. XIX в. // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. 1960. Вып. 152. Кн. 33: Некоторые вопросы международных отношений на Востоке. С. 39–62; Ахмеджанов Г. А. Гератский вопрос в XIX в. Ташкент, 1971; Бушев П. П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М., 1959). К тому же с октября 1852 г. между государствами были разорваны дипломатические отношения (Бушев П. П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. С. 43).

⁵⁴ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией. С. 747. Исходя из особенностей личности Николая I (См.: Выскочков Л. Николай I. М., 2006) можно не сомневаться, что он действительно рассматривал изменение позиции Насреддин-шаха как личное оскорбление и несоблюдение данных обязательств. Подтверждением этого может служить то, что император потребовал возвращения своего письма, в котором он обещал шаху «не забыть» Персию в случае подписания мирного договора.

⁵⁵ Ларин А. Б. Российская политика в Иране в 30-е — середине 50-х гг. XIX века. С. 236.

⁵⁶ Дегоев В. В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. С. 498.

военную слабость, не считали возможным привлекать Тегеран к полноценному союзу.

В результате, 6 января 1854 г. Иран провозгласил нейтралитет относительно разгоравшейся Крымской войны⁵⁷. Это был шаг, призванный успокоить англо-индийские власти⁵⁸. В конце 1853 — начале 1854 г. англо-иранские отношения обострились из-за ситуации вокруг Герата. Лондонское правительство даже хотело оккупировать остров Харак в Персидском заливе⁵⁹. Провозглашение нейтралитета ослабило накал страстей. На тот момент такой исход устроил все стороны. Военная миссия, находившаяся на тот момент в Нахичевани, была отозвана, а Н. В. Ханьков назначен временно исправляющим должность русского консула в Тебризе. Здесь он сменил Н. А. Аничкова, который, в свою очередь, был определён поверенным в делах в Тегеран вместо Д. И. Долгорукова⁶⁰.

Одновременно с провозглашением нейтралитета, иранское правительство тайно предложило России возобновить перегово-

---

⁵⁷ Бушев П. П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. С. 51. А. Б. Ларин указывал дату 14 января (Ларин А. Б. Российская политика в Иране в 30-е — середине 50-х гг. XIX века. С. 237). Но в тексте, на который он ссылался, этим числом датирована депеша Д. И. Долгорукова, где тот сообщал об объявлении нейтралитета как состоявшемся событии. «Персидское правительство, — писал посланник, — ... решилось, однако же, объявить и опубликовать в официальной газете свой строгий нейтралитет» (Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией. С. 748). К сожалению, на фоне громадного количества неточностей в специальной литературе относительно вопроса о русско-иранских отношениях в 1853–1854 гг., любая дата и событие, изложенные историками, нуждаются в проверке. На их фоне исследование П. П. Бушева, выполненное на высоком научном уровне, заслуживает большего доверия.

⁵⁸ В историографии существует мнение, что «шах был скорее склонен к сотрудничеству с англичанами, французами и турками против русских, чтобы пересмотреть униженные условия Туркманчайского мира... пытался создать альянс с британцами с целью вернуть Ирану потерянные кавказские земли из-под власти России» (Kaveh Farrokhi. Iran at War 1500–1988. P. 209–210). Однако фактически она не подтверждена. Возможно, в окружении Насреддина и имелись сторонники таких взглядов. В частности, русские обвиняли в этом садр-азама. Но в действительности главными векторами внешней политики персидского правительства на тот момент являлись османский и гератский.

⁵⁹ Детальнее см.: Бушев П. П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. С. 50–51.

⁶⁰ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией. С. 748; Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф. Н. В. Ханьков — востоковед и дипломат. С. 98–99.

ры о союзе⁶¹. Тегеран был заинтересован в поддержке империи Романовых в возможном конфликте с Великобританией, тем более что шахское правительство рассматривало планы экспансии как против Османской империи, так и против Герата. Петербург принял приглашение в начале марта 1854 г. Связано это было со вступлением в войну Англии и Франции и опасности, угрожавшей российским владениям на Кавказе со стороны Чёрного моря⁶². Теперь заинтересованность в Иране проявила Россия, и речь шла уже о подписании трактата или конвенции о союзе. Несмотря на переговоры о возможном союзе, основной целью императорского правительства было достижение от Тегерана согласия на диверсии против османской армии или, на худой конец, благожелательного нейтралитета, закреплённого письменным соглашением между Россией и Ираном⁶³. Подтверждением важности позиции Персии для Петербурга стала смена в конце апреля посланника Д. И. Долгорукова, поссорившегося с сардаразом, на поверенного в делах Н. А. Аничкова. Тот долгое время служил консулом в Тебризе и имел хорошие отношения, как с шахом, так и с его первым министром⁶⁴. В рамках указанных переговоров весной 1854 г. исполнявшему с марта должность командующего Отдельным кавказским корпусом генералу Н. А. Ряду российским Министерством иностранных дел были даны полномочия на подписание конвенции с персами. В случае соглашения и выдвижения иранских войск против Османской империи, было рекомендовано послать упоминавшихся русских офицеров в персидский лагерь для руководства ими и координации действий с российскими частями⁶⁵. Тем не менее союз так и не состоялся. Причинами этого были несоответствия условий, выдвигавшихся шахским и царским дворами друг к другу, успехи

---

⁶¹ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией. С. 748.

⁶² Дегоев В. В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. С. 187–220.

⁶³ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией. С. 750.

⁶⁴ Н. А. Аничков с 1838 г. находился в Тебризе при наследнике шахского престола в качестве русского консула и имел постоянный контакт с Насреддин-мирзой и его окружением. После смерти в 1848 г. Мухаммед-шаха он добился у греческих и персидских купцов ссуды для оплаты проезда нового шаха в Тегеран и его коронации (Алиев А. А. Иран vs Ирак. История и современность. М., 2002. С. 480).

⁶⁵ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией. С. 750.

российских войск на Кавказе в июне — июле 1854 г. и позиция кавказского начальства, считавшего Персию слабым союзником. В июне 1854 г. по поручению императора Николая I канцлер Российской империи и министр иностранных дел К. В. Нессельроде сообщил Н. А. Реаду и Н. А. Аничкову новую инструкцию относительно переговоров с Ираном. Ею предписывалось добиваться от Тегерана благожелательного нейтралитета, «имея в виду отвлечь» его «от соединения с нашими соперниками»⁶⁶. Завершились переговоры заключением 29 сентября 1854 г. между Россией и Персией тайной конвенции о дружественном нейтралитете Ирана⁶⁷. Вопреки распространённому в историографии мнению о том, что уже в декабре Насреддин-шах «высказал Петербургу сожаление о том, что поспешил подписать этот документ»⁶⁸, и даже чуть ли не разорвал её⁶⁹, данная конвенция соблюдалась Ираном до конца Крымской войны. Версия об отказе персидского правителя от соглашения основана на неправильном прочтении документов, опубликованных Кавказской археографической комиссией. «Записка...», на которую ссылаются её сторонники, была подготовлена генерал-лейтенантом В. О. Бебутовым для нового кавказского наместника и главнокомандующего Н. Н. Муравьёва в октябре 1855 г.⁷⁰ В конце её имеется приписка: «конвенция эта была ратификована обеими державами и доселе на точное наблюдение оной жалоб не возникало»⁷¹.

Таким образом, утверждение, что «в этот период Иран пользовался военной помощью России. Прежде всего, эта помощь выразилась в присылке в Тегеран русских офицеров для организации и подготовки войск к войне с Турцией»⁷² не соответствует действительности. Военная миссия из империи Романовых так и не достигла персидской армии, а уж тем более не занималась её обучением и руководством. И всё же в одном А. С. Санковский преуспел. В ноябре 1853 г. шейх Салех был выслан из Персии,

---

⁶⁶ Там же. С. 751.

⁶⁷ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией. С. 752; В томе 11 (Тифлис, 1888. Т. 11. С. 499) указывается дата 27 сентября, а в других источниках — 29.

⁶⁸ Дегоев В. В. Кавказ и великие державы. 1829—1864 гг. С. 228.

⁶⁹ Ибрагимбейли Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853—1856 гг. С. 242—243.

⁷⁰ АКАК. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1888. Т. 11. С. 543.

⁷¹ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией. С. 752.

⁷² Ибрагимбейли Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853—1856 гг. С. 248.

а «для надзора за персидскими курдами на границе с Турцией были выставлены персидские войска»⁷³. В то же время события вокруг военной миссии продемонстрировали, что в рамках «Восточного вопроса» происходит резкое снижение роли Ирана сравнительно с первой третью века не только как самостоятельного игрока, но и как фигуры в руках великих европейских держав. Его рассматривали скорее как обузу, нежели как союзника, что и объясняло нежелание, в частности, русского правительства, заключить с шахом полноценный союз. Главной причиной указанного явления был прогрессирующий внутренний упадок Страны льва и солнца.

---

⁷³ Аверьянов П. И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. С. 83.

И. В. ВОРОНЦОВА

«ВСЕЛЕНСКОСТЬ ЕСТЬ ВЫСШАЯ ТОЧКА,
К КОТОРОЙ ДОЛЖНЫ МЫ СТРЕМИТЬСЯ»:
ПИСЬМА С. Н. БУЛГАКОВА М. Э. ЗДЗЕХОВСКОМУ
(1905–1906)

Историческая модернизация России, в 1905 г. вступившая в свою активную фазу, поставила мыслящую часть общества перед вопросом о месте религии и Русской Церкви в обновляющейся российской действительности. После позитивизма прошедшего века, русская интеллигенция в начале века XX обратилась к Церкви с вопросом о соответствии традиционного религиозного сознания современности и о своей роли в этом процессе обновления. Дискуссии на поднятую тему проходили в Петербурге, на собраниях Религиозно-философского общества¹, а в 1903 г., после закрытия их, вышли за стены залы Географического общества, где религиозная

---

¹ Открылись в конце 1901 г. Членами-учредителями Общества были еп. Сергей (Страгородский), Д. Мережковский, В. Миролубов, В. Розанов, В. Тернавцев (казначей Общества). Из этих пяти человек составил Совет. Членами-учредителями также считались Д. Философов, Э. Гиппиус, Н. Минский, Е. Егоров (секретарь Общества), А. Карташев, священ. И. Альбов, В. Успенский (доцент СДА), ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии архим. Сергей (Тихомиров), М. Новосёлов, П. Перцов, В. Скворцов (чиновник особых поручений при Победоносцеве, редактор «Миссионерского обозрения»), А. Бенуа. На заседаниях бывали А. Блок, В. Брюсов, И. Репин, Н. Бердяев, С. Булгаков, проф. МДА М. Тареев, архим. Михаил (Семенов), протоиереи А. Кремлевский, В. Колачев, священники И. Филевский, П. Раевский, И. Егоров, А. Устьянский и др.

интеллигенция спорила с русским духовенством о путях и методах обновления Церкви и религиозного сознания, и к 1905 г. охватили определенный круг либерального духовенства, проникли на страницы популярных периодических изданий.

Тем же вопросом обновления церковного религиозного сознания для приведения его в соответствие с современной интеллектуальной мыслью были захвачены в начале XX в. богословы Римско-Католической Церкви («модернизм» 1890–1910 гг.), присутствовавшей на территории нашей страны на землях Польши. В 1901 г. на собраниях Петербургского религиозно-философского общества побывал бывший российский подданный польского происхождения, профессор и журналист, почитатель философа Вл. Соловьева Мариан Эдмундович Здзеховский², и получил первые представления о русском «модернизме» («неохристианстве»). Тогда же завязалась его переписка с одним из будущих вождей религиозно-реформистского движения (оформилось после 1905 г. на основе предложенного Мережковским, Розановым, Фило-

---

² Здзеховский Мариан Эдмундович (псевд. М. Урсин, 1861–1938) — польский филолог, историк литературы, критик, публицист, писатель, доктор honoris causa Университета Стефана Батория и Тартуского университета (1933), действительный член Венгерской АН (1928). Родился в с. Новоселки недалеко от Минска, учился в Петербургском и Дерптском университетах, совершенствовался в Граце, Загребе, Женеве. В 1899–1918 гг. профессор кафедры славянской филологии и сравнительной литературы Ягеллонского университета. В 1905–1906 гг. участвовал в освободительном движении. В этот период в газетах «Новости» и «Рассвет» появилась его открытая переписка с книгоиздателем, председателем Литературного фонда Л. Ф. Пантелеевым (1840–1919), в «Московском еженедельнике» — статьи по польскому вопросу, очерки о модернистском движении в римско-католической церкви. С 1919 г. заведующий кафедрой всемирной литературы, в 1921–1922 гг. декан гуманитарного отделения, в 1925–1927 гг. ректор Университета Стефана Батория (Вильно). Председатель Профессионального союза польских литераторов, Общества друзей науки в Вильне, попечитель Союза русских студентов университета. Тр.: Очерки из психологии славянского племени. Славянофилы. СПб., 1887; *Mesjaniseci i slowianofile. Szkice z psychologii narodów slowiańskich.* Kraków, 1888; *Byron i jego wiek. Studia porównawczo-literackie.* Т. I: *Europa Zachodnia.* Kraków, 1894; Религиозно-политические идеалы польского общества / Предисл. Л. Н. Толстого. Лейпциг, 1896; *Byron i jego wiek. Studia porównawczo-literackie.* Т. II: *Czechy, Rosja, Polska.* Kraków, 1897; *Pestis perniciosissima. Rzecz o współczesnych kierunkach myśli katolickiej.* Warszawa, 1905; *Die Grundprobleme Russlands. Literarisch-politische Skizzen.* Aus dem Polnischen übersetzt von Adolf Stylo. Wien; Leipzig. 1907; *Walka o dusze młodzieży. Z czasów rektorskich.* Wilno, 1927; *Od Petersburga do Leningradu.* Wilno, 1934; *Wobliczu końca.* Wilno, 1937; и др.

софовым, Минским, Бердяевым «нового религиозного сознания») Д. В. Философовым, круг переписки вскоре расширился³: с М. Э. Здзеховским списались С. Н. Булгаков, Г. Н. Трубецкой, а позднее и Н. А. Бердяев⁴. Обсуждение направлений обновления традиционного религиозного сознания в «неохристианстве» и «модернизме» вошло в переписку этих русских религиозных и культурных деятелей и профессора Краковского Ягеллонского университета по кафедре славянской филологии и сравнительной литературы (1899–1918) М. Э. Здзеховского. Фонд М. Э. Здзеховского (F-33), где сохранились письма русского религиозного философа С. Н. Булгакова, находится в Рукописном отделе Библиотеки Вильнюсского университета (бывшая Научная библиотека Вильнюсского государственного университета имени В. Капсукаса) Литвы (автограф, чернила: РО БВУ. Ф. 33. Д. 341. Лл. 1–4 (№ 1)⁵, 5–8 (№ 2), 9–11 (№ 3), 12–15 (№ 4)).

М. Э. Здзеховский привлек к себе внимание русской религиозной интеллигенции как славист⁶ и представитель польского «мессионизма», строившего свою идеологию на христианских духовных ценностях и имевшего особую концепцию отношения к Российской империи. Мироззрение М. Э. Здзеховского сформировалось под влиянием русской культуры, в годы, когда Польша считала себя частью славянского мира. Он был прекрасным знатоком творчества Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, А. С. Хомякова, П. Я. Ча-

---

³ См. об этом: Воронцова И. В. «Мы живем на повороте мировой истории...»: Вопросы христианского модернизма в переписке «неокатоликов» и «неохристиан» (1907–1911) // Вестник ПСТГУ (история). М., 2011. № 2. С. 35–47.

⁴ Письма Н. А. Бердяева опубликованы: Пять писем Н. Бердяева: Из личного архива профессора Вильнюсского университета М. Здзеховского / Публ. А. Йокубайтиса // Вильнюс. Вильнюс, 1989. № 11. С. 161–170. Переписка Мережковского и Здзеховского: Д. С. Мережковский и М. Э. Здзеховский. Письма из Парижа в Вильнюс / Публ. А. Йокубайтиса // Вильнюс. Вильнюс, 1990. № 1. С. 117–156. Письма Д. В. Философова опубликованы П. Лавринцом: «Гуманизм и культура в нашем с Вами понимании». Письма Дмитрия Философова Мариану Здзеховскому // Новая Польша. Warszawa, 2008. № 10. С. 35–41. Письма Н. Арсеньева и Г. Трубецкого к Здзеховскому опубликованы С. Филипчик и П. Лавринцом: С. Филипчик, П. Лавринец. Русские творческие ресурсы Балтии (2004) (www.russianresources.lt/archive/Zdz/Zdz_0.html).

⁵ Факсимиле первого листа см. на сайте Русские творческие ресурсы Балтии (<http://www.russianresources.lt/archive>)

⁶ В 1887 г. на русском языке в Петербурге были опубликованы его «Очерки из психологии славянского племени», где М. Э. Здзеховский анализировал политические, философско-религиозные, историософские концепции представителей славянской культуры.

адаева, А. И. Герцена, Л. Н. Толстого. После отделения Польши от России, как и многие из числа религиозной интеллигенции Польши, столкнувшись с внутренне регламентированной жизнью римо-католицизма, он стал ярким сторонником религиозного обновления в церковном католицизме. М. Э. Здзеховский сблизился с такими видными представителями католического «модернизма», как М. Блондель, А. Луази, А. Фогаццаро, Дж. Тиррелль, Л. Лабертоньер. Еще до папской энциклики⁷, осудившей «модернизм», он имел беседу с Папой Римским Пием X по вопросам религиозного обновления. Польский профессор в 1903–1911 гг. стал посредником между римо-католическим «модернизмом» и русским религиозным реформизмом в лице «нового религиозного сознания». В основе обоих направлений модернизации традиционного религиозного сознания лежало критическое отношение к уставной, догматической, вероучительной, литургической, социальной сторонам жизни Русской и Римско-Католической Церквей. Неудивительно, что русскоязычный «неокатолик» М. Э. Здзеховский был тем источником, откуда на первых порах «неохристианами» черпалась информация об опыте религиозного реформизма в католических странах Западной Европы: возникнув десятилетием раньше, «модернизм» имел, в их понимании, определенный опыт.

Ранее других М. Э. Здзеховскому предложил сотрудничество русский религиозный философ С. Н. Булгаков (1871–1944) («прочел Вашу корреспонденцию о нас в «Demain» переданную мне кн. Г. Н. Трубецким и искренно благодарю Вас за Ваше стремление постепенно знакомить Запад с нашим миром и тем содействовать уничтожению стены, воздвигнутой историей» (док. № 2)). К началу переписки с польским «неокатоликом» главной для русского философа стала проблема религиозно-философского обоснования общечеловеческого прогресса, он интересовался польским мессианизмом как течением, взявшим на вооружение в борьбе за независимость нравственные принципы Нового Завета, а в основание национального возрождения положившим идею польской христианской миссии на Западе. Вместе с тем С. Н. Булгаков старался совместить в своем мировоззрении задачи христианства с социальными принципами практической политики, и в этой области многое мог дать опыт «неокатолицизма», который он рассматривал как религиозно-демократическое движение.

Философ Сергей Николаевич Булгаков, бывший легальный марксист, в 24 года ощутивший в душе «религиозную пустоту»

---

⁷ Pascendi Dominici Gregis, 1907.

(Булгаков) и вследствие этого обратившийся к проблемам духовным, вопросу о значении христианства для истории, культуры и всего экономического и хозяйственного уклада человеческой жизни, некоторое время вел свой религиозный поиск в русле реформизма «нового религиозного сознания». В 1904 г. С. Н. Булгаков переехал из Киева в Москву для совместного с Н. А. Бердяевым редактирования журнала З. Н. и Д. С. Мережковских «Новый путь» («Вопросы жизни»), в 1907 г. стал одним из ведущих редакторов «Века» — журнала религиозно-реформистской тематики⁸ — и вошел в состав авторов нашумевшего сборника критических статей русской интеллигенции о ней самой («Вехи», 1909). 1905–1908 гг. были периодом наибольшей общественной, и публицистической активности философа, увлекшегося идеей создания «союзов христианской политики». Помимо участия в издании названных журналов, он некоторое время выпускал киевскую газету «христианских социалистов» «Народ»⁹, участвовал в сборниках «Вопросы религии», «О Владимире Соловьеве», «О религии Льва Толстого», в работе философского общества памяти Владимира Соловьева и книгоиздательства «Путь».

В 1905 г. С. Н. Булгаков пригласил М. Э. Здзеховского в сотрудники своей газеты «Народ» писать «по национальному или религиозному вопросу» и в планирующееся новое издание («проект церковно-общественного еженедельника») (док. № 2, 3). Перед С. Н. Булгаковым, примкнувшим после 1903 г. к движению «новое религиозное сознание», стояла задача популяриза-

---

⁸ А. Карташев писал о С. Н. Булгакове в 1907 г.: «Булгаков поразил Бердяева. Уже критически относится (и даже очень) к Эрну и Свенцицкому. Не может ходить в правительственную церковь, враждует с аскетизмом, носится с Песней Песней, говорит о значении пола в религии... о новом Откровении и не ждет многого от попов» (Pachmuss, T. *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus*. München, 1972. P. 683).

⁹ Киевская газета «Народ» создана в апреле 1906 г. под редакцией С. Н. Булгакова и А. С. Воляжского (Глинка, 1878–1940); согласно издателям, ставила своей задачей религиозно-общественную проповедь народной свободы, «неправды капиталистической эксплуатации и современных земельных отношений»; «преодоления недолижного отделения религии от жизни», объясняла, что христианское возрождение требует не только внешней реформы Церкви, но и «проявления религиозно-философского сознания», религиозного освящения запросов и нужд современной культуры. Среди сотрудников были заявлены: ряд священников, «неохристиане» Д. С. Мережковский, А. В. Карташев, Н. А. Бердяев, В. П. Свенцицкий, В. Ф. Эрн. Вышло всего семь номеров, закрыта цензурой в том же месяце. (См.: Неопубликованные письма С. Н. Булгакова к В. В. Розанову / Публ. М. А. Колерова // Вопросы философии. М., 1992. № 10.)

ции идей религиозного, церковного и социального обновления, и С. Н. Булгаков писал относительно планируемого еженедельного издания: «Вы согласились бы быть сотрудником, и, познакомившись с журналом, взяли бы на себя труд указать на него и своим друзьям» (док. № 2). Но в 1906 г. издание газеты «Народ» было судебным постановлением приостановлено, и С. Н. Булгаков мог только поблагодарить польского профессора за готовность сотрудничать, пообещав, что при малейшей возможности возобновления «той или иной формы сотрудничества», спишетсся с М. Э. Здзеховским.

В конце 1907 г. С. Н. Булгаков вместе с Н. А. Бердяевым организовали в Петербурге Религиозно-философское общество, которое с возвращением в Россию Э. Н. и Д. С. Мережковских, Д. В. Filosofova и присоединившимися к ним А. В. Карташевым и А. А. Мейером, быстро изменило тон обсуждений и направление Общества (философская тематика дискуссий ушла на второй план, главное место заняли вопросы о совмещении религиозной реформации с перспективами социальных перемен). Супруги Мережковские и Д. В. Filosofov вернулись из Франции обогащенные общением с вождями и теоретиками римо-католического «модернизма». Католические «модернисты», несмотря на весь свой многообразный реформизм, традиционно смотрели на свою Церковь как имеющую миссию объединения христианского мира. Объединение Церквей¹⁰ стало второй (после славянского единства) темой в переписке «неохристиан» и М. Э. Здзеховского.

Для М. Э. Здзеховского «неохристиане» являлись прежде всего последователями Вл. Соловьева, в том числе по вопросу соединения Церквей. Не избежал обсуждения этой темы и С. Н. Булгаков¹¹. «Неохристианам» Вселенская Церковь представлялась уже сакрально существующей, разделение начиналось на уровне Церквей «исторических», подлежащих реформированию. Однако у «неохристиан» в планы реформы «исторической» Русской Церкви не входило подчинение Церкви единоличному выразителю власти, будь то папа или патриарх. «Среди нас, — писал М. Э. Здзеховскому С. Н. Булгаков, — нет сторонников того зрения, которое в своей французской книге развивал Соловьев, и мы все сторонники соборного строя Церкви» (док. № 2).

---

¹⁰ Бердяев, напр., писал Здзеховскому: «Чувствую себя членом Церкви Вселенской, и вопрос о соединении Церквей стал для меня самым основным, самым острым». См.: Письмо № 1 // Пять писем Н. Бердяева... С. 167.

¹¹ Письмо № 7 [ноябрь 1908] // Там же.

В 1907 г. римский понтифик Пий X официально осудил римо-католический «модернизм» в энциклике «*Pascendi Dominici Gregis*»¹². Вслед за выходом энциклики в России появилось сразу несколько статей¹³ в центральной печати¹⁴, затем и брошюр, рассматривавших причину, природу и задачи «модернизма», издатели заинтересовались привлечением к сотрудничеству римо-католических «модернистов» для написания ими статей на религиозные темы. Тема «нео-» или «новокатолицизма» стала популярна в среде русской религиозной и околоцерковной интеллигенции. Внимание общественности России более всего было обращено на сочинения французских «модернистов» (Э. Леруа¹⁵, А. Луази, А. Леруа-Болье), статьи либерального протестанта О. Сабатье¹⁶ и иезуита Дж. Тирреля¹⁷ сначала были прочитаны на английском языке¹⁸. Предисловия к издававшимся в России сочинениям «модернистов» писали представители русской религиозной мысли Н. А. Бердяев, К. М. Милорадович¹⁹, брошю-

¹² 8 сентября 1907 г. Папа Римский Пий X выпустил энциклику «*Pascendi Dominici Gregis*», в которой последовательно были разобраны основные направления «модернизма», за ней последовали отлучения известных модернистов, а в 1910 г. была введена так называемая анти-«модернистская» присяга, обязательная для всего духовенства.

¹³ Бердяев Н. Католический модернизм и кризис современного сознания // Русская мысль. М., 1908. Кн. 9. С. 87.

¹⁴ См., напр.: А. В. Модернизм и богословский кризис на Западе // Странник. СПб., 1907. №№ 9, 10; Соколов В. Модернизм в римо-католической и в нашей православно-русской церкви // Христианин. 1908. Август и сентябрь; Троицкий С. Соединение Церквей и модернизм // Странник. СПб., 1908. № 5.

¹⁵ Леруа Э. Как ставить проблему Бога / Пер. Л. Кузнецовой // Современные течения религиозно-философской мысли во Франции. СПб., 1908.

¹⁶ Сабатье О. Критическая теория религиозного познания / Пер. Н. Муретовой // Современные течения религиозно-философской мысли во Франции. СПб., 1908.

¹⁷ Взгляды Дж. Тирреля и его новая книга «*Medievalism. A reply to Cardinal Mercier*» (Средневековье. Ответ кардиналу Мерсье) были изложены М. Здеховским в статье «Модернизм и толстоизм» (Московский еженедельник. М., 1908. № 47. 29 ноября. С. 26–38).

¹⁸ «Не так давно в «*Times*» появились очень интересные статьи Sabatier и Turrel'a», — сообщил М. Здеховскому Г. Трубецкой (Письмо от 3/16 октября 1907). См.: Филипчик С., Лавринцев П. Русские творческие ресурсы Балтии (2003): www.russianresources.lt/archive/Zdz/Zdz_3.html#15b; «Ваши статьи о модернизме заинтересовали очень многих» (Письмо Г. Трубецкого М. Здеховскому от 10/25 апреля 1908 // Там же).

¹⁹ Милорадович К. М. Основные течения религиозно-философской мысли в современной Франции // Современные течения религиозно-философской мысли во Франции. СПб., 1908.

ры о них — профессора и преподаватели Духовных академий С. Троицкий²⁰, В. А. Керенский²¹ и др.

Издатель «Московского еженедельника» князь Г. Н. Трубецкой²² обратился к М. Э. Здзеховскому с предложением написать ряд статей о «модернизме», чтобы познакомить с ним российского читателя. М. Э. Здзеховский согласился и в первой же статье цикла «Модернистическое движение в Р<имско>-К<атолической> Церкви»²³ с подзаголовком «Философский критицизм» упомянул Д. С. Мережковского и знакомого ему по письмам и статьям С. Н. Булгакова²⁴. По М. Э. Здзеховскому, они в России религией и философией утверждали «себя и других в вере в грядущее Царство Божие»²⁵, он также остановил внимание на книге С. Н. Булгакова «От марксизма к идеализму» (1903).

Тема церковного кризиса, как и следовало ожидать, была также обсуждаема в переписке польского «неокатолика» и русского религиозного философа. Кризис в Русской Церкви, представлявшийся М. Э. Здзеховскому ограниченными рамками сложных отношений между черным и белым духовенством, состоянием Духовной школы и иерархии, русской интеллигенцией воспринимался значительно шире. Церковный вопрос в России был связан с внутренней политической обстановкой в стране и, конечно, включал в себя отделение Церкви от государства (док. № 4). С. Н. Булгаков до 1908 г. уравнивал понятия «религиозный» и «церковный» в вопросе о кризисе в Русской Церкви и писал: «Между нами не может быть ни малейшего спора о том, что религиозный вопрос в мало-мальски серьезной его постановке есть и вопрос церковный» (док. № 1). Обозначая возможные сроки начала церковной реформы для преодоления кризиса, С. Н. Булга-

---

²⁰ Троицкий С. В. Что такое модернизм: Энциклика Пия X «Pascendi Dominici Gregis» и ее значение. СПб., 1908.

²¹ Керенский В. Римско-католический модернизм: Его происхождение, сущность и значение. Харьков, 1911.

²² Трубецкой Григорий Николаевич (1874–1930) — общественный и политический деятель, дипломат, публицист.

²³ Здзеховский М. Э. Философский критицизм // Московский еженедельник. М., 1908. 8 января. № 2. С. 39–40.

²⁴ «Вы говорите о той связи между религиозными и общественными проблемами, какую Вы наблюдаете, напр<имер> у Булгакова». См.: Письма Григория Трубецкого (1908) (Филипчик С., Лавринец П.. Балтийский архив. Русские творческие ресурсы Балтии (2003): http://www.russianresources.lt/archive/Zdz/Zdz_2.html).

²⁵ Здзеховский М. Э. Философский критицизм // Московский еженедельник. М., 1908. 8 января. № 2. С. 39–40.

ков писал: «Если переменятся к лучшему политические условия [в] России и клерикальная бюрократия потеряет опору со стороны бюрократии светской, то великие препятствия к реформе Церкви будут в значительной степени устранены» (док. № 4).

Эволюция доктрины «неохристианства» вскоре привела к распаду движения на два спорящих направления: левое радикальное и правое консервативное. В 1908 г. С. Н. Булгаков сблизился с представителями церковной интеллигенции — М. А. Новоселовым, о. П. Флоренским, размежевался с «неохристианами» и присоединился к московскому движению «православного возрождения». Последующая позиция С. Н. Булгакова по отношению к традиционному религиозному сознанию и церковному обновлению изменилась настолько, что дала повод «неохристианам» писать о нем как представителе *правой* политической идеологии. Письма С. Н. Булгакова к М. Э. Здеховскому этого периода пока неизвестны.

Представленные здесь четыре письма С. Н. Булгакова к М. Э. Здеховскому²⁶ 1905 и 1906 гг. показывают русского философа как религиозного деятеля, демонстрируя его интерес к «неокатолицизму» и поддержке движения «неохристиан». Но помимо этого они показывают и его слабую заинтересованность религиозно-реформистским содержанием римо-католического «модернизма». Возможно, последнее продиктовано тем, что С. Н. Булгаков, в отличие от Н. А. Бердяева, настойчиво желавшего ознакомиться с римо-католическим модернизмом²⁷ и сочинениями миссиониста А. Товяньского²⁸ (были изданы на польском языке), хорошо знал работы «модернистов», а потому более интересовался вопросом объединения Церквей и возникновения единого «универсалистического» христианства, темой, которая с новой силой вспыхнет у него в первые годы эмиграции.

---

²⁶ Первая публикация: Воронцова И. В. «...Между нами не может быть ни малейшего спора...»: Письма С. Н. Булгакова М. Э. Здеховскому о необходимости церковного обновления / Публ. и предисл. И. В. Воронцовой // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 101–111. (Для настоящего издания тексты писем сверены с копиями рукописных оригиналов, неразобранные места прочитаны, чтение ряда мест и датировка уточнены М. А. Колеровым. — *Ред.*)

²⁷ Письмо № 4 (Пять писем Н. Бердяева // Вильнюс. Вильнюс, 1989. № 11. С. 169–170).

²⁸ А. Товяньский (1799–1878) – польский мистик и религиозный реформатор, провозглашал примирение России и Польши на принципах христианской морали.

Письма С. Н. Булгакова М. Э. Здзеховскому

1.

Крым, 18. VIII. 05.

Глубокоуважаемый г. профессор!

От души благодарю Вас за Ваше последнее письмо, — интереснее Вы не могли для меня написать, чем те, хотя и общие указания, какие Вы даете о религиозно-демократическом движении Запада, о существующем интересе там к Соловьеву и т. д.

Часто я думал последнее время о том, найдем ли мы близкое настроение на Западе, в особенности в недрах католической церкви (между нами не может быть ни малейшего спора о том, что религиозный вопрос в мало-мальски серьезной его постановке есть и вопрос церковный). И те разрозненные указания, которые делаете Вы в своем письме, возбуждают во мне сильнейший интерес, — при личном свидании нашем я надеюсь получить от Вас более подробные указания. Должно победить вселенское²⁹ христианство, и вселенскость есть высшая точка, к которой должны мы стремиться. С брошюрой Вашей³⁰ познакомлюсь тотчас по приезде в Киев, рецензию Eucken'a прочел с интересом³¹. Я знаком с некоторыми из его трудов, но лично нахожу его известность несколько преувеличенной и, во всяком случае, он менее характерен, чем Виндельбанд³². Для меня вообще он принадлежит к числу неинте-

---

²⁹ Здесь и далее подчеркнуто С. Н. Булгаковым.

³⁰ Zdziechowski M. Pestis perniciosissima. Rzecz o wspolczesnych kierunkach myslki katolickiej. Warszawa: E. Wende i spolka, 1905.

³¹ Рудольф Кристоф Эйкен (Rudolf Christoph Eucken) (1846–1926), немецкий философ-идеалист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1908 г.; автор концепций «ноологического метода» и «метафизики духа»; призывая к созданию новой религиозно-жизненной системы, в центре ее мыслил личностное существо; духовную жизнь представлял пронизанной нравственным началом. Обращаясь к религии как абсолютной основе духовной жизни, Эйкен критиковал ее исторические формы, отрицательно относился к церкви.

³² Виндельбанд Вильгельм (1848–1915) — выдающийся немецкий философ-идеалист, последователь Иммануила Канта.

ресных протестантов, в противоположность тем, которые и сами больше волнуются и других волнуют³³ (Гарнак!³⁴).

Спасибо Вам за статьи по польскому вопросу. Вы бесспорно правы в одном, что существует взаимная отчужденность и как результат этого недоверие между русскими и поляками, плод ли это истории или наша собственная вина. И необходимо духовное сближение между поляками и русскими, между обеими культурами. Результаты оплодотворяющего действия этого союза будут, может быть, сложней и неожиданней, чем это сейчас можно предвидеть, и конечно, не «консерватизм» только («жупел» для русских!) даст польский народ, как и русский не один же разрушительный же нигилизм, представляющий собой для западного буржуазного мира тоже творческую силу первого ранга. Ведь недаром у европейца закружилась голова от Ницше, а что для нас Ницше, нас разве таким испугаешь!

В надежде на личное знакомство и беседы с Вами заканчиваю свое письмо. Завтра я еду на север, в Москву и Петербург, а оттуда к сентябрю (старого стиля³⁵) попаду в Киев (Б. Житомирская, 26).

Буду спорить с Вами о том, будто бы Соловьев слишком рационалист и мало мистик. И, во всяком случае, если он мало, то кто в новейшей философии (кроме, конечно, Бёме или Баадера³⁶) много?

Искренне Вас уважающий, Булгаков.

Р. S. О статье Вашей для «В<опросов> Ж<изни>» я считаю разговор еще не законченным.

2.

Киев. зс. XII. 05 (старый стиль)

Глубокоуважаемый Мариан Эдмундович!

Не вмените мне в вину продолжительное мое молчание. Причина ему наша революция, которая то ставит в физическую невозможность иметь какую бы ни было корреспонденцию, то нравственно

---

³³ Например, книга модерниста А. Луази «Евангелие и Церковь» была написана в полемическом ключе как реакция на работы А. Гарнака о христианстве.

³⁴ Гарнак Адольф фон (Карл Густав) (1851–1930) — лютеранский теолог либерального направления, церковный историк, автор фундаментальных трудов по истории раннехристианской литературы и истории догматов.

³⁵ Уточнение Булгакова.

³⁶ Беме Якоб (1575–1624) — немецкий теософ, христианский мистик; Баадер Франц Ксавер фон (1765–1841) — немецкий философ и теолог, представитель философского романтизма.

настолько обессиливает, что написать письмо является подвигом. Я только что прочел Вашу корреспонденцию о нас в «*Demain*»³⁷ переданную мне кн. Е. Н. Трубецким и искренно благодарю Вас за Ваше стремление постепенно знакомить Запад с нашим миром и тем содействовать уничтожению стены, воздвигнутой историей. Я получил номер «*Annales de la philosophie chretienne*»³⁸, благодарю Вас за содействие. Программа его, как Вы и предугадывали, показалась мне несколько расплывчатой, так что я не составил себе окончательного представления об этом журнале. Вероятно, это объясняется, между прочим, и развитием аудиторий, для которых пишется у нас и там. О Вашей польской статье уже готова была заметка, но никак не могла напечататься³⁹. Вообще у нас в литературно-издательском мире с новым законом о печати⁴⁰ и благодаря революционной эпохе происходит целая революция, возникают и гибнут предприятия ежечасно, и сейчас еще не выяснено, в какой форме я и мои друзья будем работать в наступающем году. Между прочим, есть проект церковно-общественного еженедельника, в котором предположено участие лиц светских и духовных. Я участвую в редакции и, до известной степени, определяю направление. Как видите, это предприятие совершенно новое и симптоматически оч[<]ень[>] интересное, которое, вероятно, будет иметь значение для религиозно-общественного движения. В программу издания, между прочим, входит христианский сверхконфессиональный универсализм и идеал соединения церквей (хотя среди

---

³⁷ «*Demain*» («Завтра») — французский журнал либерального направления, издававшийся в г. Лионе.

³⁸ М. Здзеховский в 1905 взял на себя руководство журналом «*Анналы христианской философии*» («*Annales de philosophie chretienne*») и выполнял эти функции до 1913 г., когда журнал был внесен Ватиканом в «Индекс запрещенных книг».

³⁹ О какой неопубликованной статье идет речь, установить не удалось.

⁴⁰ 24 ноября 1905 г. вышел «Именной Высочайший указ правительствующему Сенату о временных правилах о повременных изданиях». Он отменил «предварительную общую и духовную цензуру» периодических изданий, «выходящих в городах Империи»; постановления об административных взысканиях, налагаемых на периодические издания; правила о залогах для повременной печати. С 19 октября по 24 ноября, когда действовали временные правила о периодических изданиях, господствовала бесцензурность, названная явочным периодом свободы, когда издания выходили без всяких разрешений. Временные правила, дополнявшие и развивавшие положения Указа от 24 ноября 1905 г., смягчали административные меры воздействия со стороны власти на периодическую печать. Вводилась юридическая ответственность для лиц, нарушивших данные правила. Действовали до февраля 1917 г. См.: Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. 3. СПб., 1907. Т. XXV. № 26 963.

нас нет сторонников того воззрения, которое в своей французской книге развивал Соловьев, и мы все сторонники соборного строя церкви). В виду этого, м<ожет> б<ыть>, и Вы согласились бы быть нашим сотрудником, и, познакомившись с журналом, взяли бы на себя труд указать на него и своим друзьям и сочувствующим универсалистическому течению в церковной жизни. Если журнал осуществится, я пошлю Вам его проспект, хотя ничего неожиданного или нового для себя Вы там не встретите. С светской стороны там участвуют сотрудники «В<опросов> Ж<изни>» определено христианского направления и, кроме того, некоторые профессора духовных академий, из духовных — передовые представители духовенства, разделяющие программу.

3. Киев. Б. Житомирская, 26 [январь-февраль 1906].

Глубокоуважаемый Мариан Эдмундович!

Благодарю Вас за сочувственное отношение к моей брошюре⁴¹, которую посылаю по указанным Вами адресам, и за содействие ознакомлению с нашими идеями западного мира. Сейчас позволю себе обратиться к Вам по следующему делу. В Киеве, если допустит цензура, возникает газета Народ под моей редакцией, которая, в случае внешнего успеха, по мысли моей может стать руководящим органом христианской общечеловечности и соединить в себе наличные силы («В<опросы> Ж<изни>» вследствие изменившихся условий печати прекратили свое существование, декабр<ьская> книжка выйдет на днях, о высылке номеров Вам я написал в контору). Для меня было бы очень приятно иметь Вас в числе сотрудников и, если Вы принципиально согласны, я просил бы Вас дать нам статью по национальному или религиозному вопросу. Первый номер выйдет на Пасху, 2 апреля, и чем скорее Вы пришлете статью, тем лучше. Участие Ваше, помимо прочего, имело бы и принципиальное значение, как симптом начала фактического объединения русского и польского, католического и православного мира. (Кстати, для меня не ясно из Вашего письма, получили ли Вы мое последнее письмо, что я писал Вам о проекте еженедельного журнала, предварительный проспект которого послал Вам.) Если Вы можете привлечь к учас-

---

⁴¹ Речь идет о статье Булгакова «Неотложная задача», которая в 1906 г. была издана отдельной брошюрой: Булгаков С. Н. Неотложные задачи: О союзе христианской политики. М., 1906.

тию в газете кого-л<ибо> из западных своих друзей, близких к нам направлением, это было бы очень желательно. Только при теперешнем положении русской печати я боюсь делать всякие приглашения иначе как в предположительной форме.

В ожидании ответа остаюсь искренно Вас уважающий
С. Булгаков.

4. Москва, 17 февр<аля> [1906].

Глубокоуважаемый Мариан Эдмундович!

Сердечное Вам спасибо за Ваши усилия сблизить и познакомить наших западных соседей с нашими идеями. Простите за запоздалый ответ, я был в отъезде на выборах, а теперь иду в Гос<ударственную> Думу как ее член. Потому сейчас буду краток. Ваши представления об архиерейском «либерализме» преувеличены и вообще, за совершенно единичными исключениями (напр., Кирион⁴²) наш епископат отличается пороками бюрократического властолюбия, и этим определяется и его позиция, занятая относительно участия мирян в соборе. Отрицать это право, стоя на почве даже самой консервативной церковной ортодоксии православия, невозможно, но епископат в целом стремится свести влияние мирян к нулю, наделив их «совещательным» (?!) голосом⁴³.

---

⁴² Очевидно, епископ Орловский и Севский Кирион (Садзаглишвили Георгий Иеронимович) (1855–1918), затем архиепископ Мцхетский и Тбилисский, в сентябре 1917 г. избран Грузинской автокефальной Церковью католикосом-патриархом всея Грузии под именем Кирион II. 27 июня 1918 г. его нашли убитым в патриаршей резиденции в Марткопском монастыре.

⁴³ 17 марта 1905 г. в присутствии митрополитов Московского, Санкт-Петербургского и Киевского, под председательством митр. Антония (Вадковского), обер-прокурора В. Саблера было принято решение о необходимости созыва Всероссийского церковного собора, на нем предполагалось провести выборы патриарха (Русское Слово. М., 1905. № 78. 28 марта. С. 3). То, что патриарха должны были выбирать одни архиереи, вызвало протесты в печати, писали о необходимости участия в выборах патриарха и мирян (Новоселов М. О воссоздании живой церковности в России // Русское Дело. М., 1905. № 11. 24 марта; Он же. Церковные вопросы // Русское дело. М., 1905. № 17. 23 апреля; Он же. Голос мирянина // Русское дело. М., 1905. № 13. 31 марта). Резолюция Николая II от 31 марта 1905 г. на докладе членов Синода гласила о невозможности «в переживаемое ныне тревожное время» созвать Собор, созыв Собора был отложен. Синод решил просить епархиальных архиереев высказать свое мнение о необходимых для Церкви реформах. 27 июля 1905 г. вышел соответствующий указ в «Церковных ведомостях». См.: История Русской Церкви. Кн. 8. Ч. 2. М., 1997. С. 696.

Прения предсоборной комиссии⁴⁴ избличают всю безжизненность церковной бюрократии и это стремление, хотя вполне возможно, что с католической точки зрения некоторые мнения, которых не решаются опровергать открыто даже наши охранители, покажутся смелым новшеством. Но это объясняется догматическими различиями восточной и западной церкви, особенно после Ватиканского догмата⁴⁵. Полные протоколы прений предсоборной комиссии с выдержками и из архиерейских отзывов о соборах и церковной реформе (собиравшиеся совершенно бюрократически по инициативе Победоносцева) Вы найдете в следующем издании: «Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного присутствия». Т. I, стр. I–XIII и 1–694 и том II, стр. 1–674. СПб., 1906, цена по 2 рубля за том. Мнения более либерально настроенных церковников (отнюдь не выходящих за пределы существующего учения церкви) Вы найдете в изданном в Москве сборнике «Перед церковным собором». Москва, 1906. Надежды церковной бюрократии удержать власть и для этого фальсифицировать собор тесно связаны с поддержкой теперешнего правительства и рушатся с его крушением. Я лично надеюсь, что собор как лжесобор совсем не состоится (за внутренней ненадобностью), но, если изменятся к лучшему политические условия России и клерикальная бюрократия потеряет опору со стороны бюрократии светской, то великие препятствия к реформе церкви будут в значительной степени устранены, а как велики внутренние препятствия, об этом мнения среди нас расходятся, и вопрос этот еще не ясен, может быть ясен только для веры.

---

⁴⁴ 27 июля 1905 г. К. Победоносцев разослал епархиальным архиереям опросник относительно реформ в Церкви. Записки архиереев составили три фолианта «Отзывов епархиальных архиереев» и том «Прибавлений» к ним. По вопросу о составе Поместных соборов часть архиереев была решительно против участия приходского духовенства и мирян, часть — за соборы епископов, приходского духовенства и мирян с равными решающими голосами. В марте 1906 г. Николай II разрешил созвать Предсоборное присутствие с участием епископов, духовных лиц, ученых и общественных деятелей, под председательством Санкт-Петербургского митрополита Антония (Вадковского) для обсуждения «Отзывов» и подготовки будущего Поместного Собора (1917–1918). При-
сутствие заседало до декабря 1906 г.

⁴⁵ В 1870 г. на 1-м Ватиканском соборе был провозглашен догмат о непогрешимости верховного понтифика Римско-католической церкви, приведший к усилению централизации власти Римского папы.

Ф. А. ГАЙДА

«БЕСКРОВНАЯ МЛАДОТУРЕЦКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»:
КАК РЕАЛИЗОВАЛАСЬ ПРОГРАММА «ВЕХ»?

Мифология «Вех» начала создаваться сразу после выхода сборника. Миф о «Вехах» как акте публичного покаяния «лучшей части» интеллигенции берет свое начало от открытого письма архиепископа Антония (Храповицкого). Как известно, тогда же веховцы дали на него отрицательный ответ. В своих открытых письмах архиепископу П. Б. Струве и Н. А. Бердяев переносили тяжесть исторической ответственности с интеллигенции на государство и требовали освобождения «плененной и несчастной» церкви от казенной опеки¹. Таким образом, каяться было не перед кем, да и не о покаянии шла речь. Однако, несмотря на подобные опровержения, и сами веховцы активно участвовали в создании вокруг сборника мифологического ореола. В предисловии к сборнику «Из глубины» (1918), ставшем своеобразным продолжением «Вех», Струве написал о них: «Это предостережение (...) явилось на самом деле лишь робким диагнозом пороков России и слабым предчувствием той моральной и политической катастрофы, которая грозно обозначилась еще в 1905–1907 гг. и разразилась в 1917 г.»². В последующей традиции мифотворчества особо выделенный эпитет «слабое» обычно опускался.

Между тем «Вехи» не были даже «слабым» предупреждением о грядущей революции — в сборнике ни о чем подобном не говорилось. Соотношение между ним и революционной темой было

---

¹ Вехи: pro et contra / Сост., вступ. ст. и прим. В. В. Сапов. СПб., 1998. С. 178–183, 373–378.

² Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 19.

практически прямо противоположным. «Вехи» вовсе не были следствием испуга от революции 1905 г., они, наоборот, стали результатом испуга от ее провала. Предпоследняя фраза статьи А. С. Изгоева звучала так: «И, быть может, самый тяжелый удар русской интеллигенции нанесло не поражение освободительного движения, а победа младотурок, которые смогли организовать национальную революцию и победить почти без пролития крови». По стечению обстоятельств, несмотря на первоначальные планы, в первом издании эта статья оказалась в сборнике последней, а восхваляющая младотурок фраза, таким образом, символически завершала весь (!) сборник. В примечании к этим словам, помещенном уже во втором издании (в течение года «Вехи», как известно, вышли пятью тиражами), Изгоев написал: «С тех пор, как были написаны предыдущие строки, младотурки после восьми месяцев бескровной революции перешли во вторую стадию своей политической жизни. На них, как на творческую силу, напали и справа и слева. Так было всегда, во всех странах. Турецкие ахтары сыграли роль наших эс-эров и эс-деков. И если младотурки одержали победу и на этот раз, то только потому, что в их лице выступила национально-государственная творческая сила Турции. Конечно, и младотурки могут погибнуть под ударами обманутой темной реакционной массы и сепаратистов. Но их гибель — гибель Турции, и история младотурок была и вечно будет примером той нравственной мощи, которую придает революции одушевляющая ее национально-государственная идея...»³. Александр Соломонович не мог знать, что через несколько лет именно младотурки доведут Османскую империю до авантюрного вступления в Первую мировую войну, глубочайшей политической катастрофы и окончательного распада. Упоминание про «восемь месяцев бескровной революции» тоже не может не вызвать горькую усмешку у тех, кто знает, что произошло в России всего через восемь лет, в 1917 г. В 1909 г. Изгоев об этом знать не мог, но приведенный отрывок показывает, какой взгляд на национальные революции у него сложился.

---

³ Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910 / Сост., коммент. Н. Казаковой. Предисл. В. Шелохаева. М., 1991 (далее: Вехи). С. 208; 2-е изд. С. 124. (Автор настоящей статьи вынужден просить прощения у искусленного читателя за пространное цитирование. Это вызвано тем обстоятельством, что, как с течением времени всё более убеждался пишущий эти строки, слишком многие почитали «Вехи» за книгу чудесных пророчеств, но лишь немногие удостоили сборник сколько-нибудь внимательного прочтения, чего он безусловно заслуживает.)

Представления о том, что в России будет новая революция, у веховцев не было. По их мнению, правительство в 1906–1907 гг. одержало победу над общественностью и продолжало свое наступление на оппозицию. Главной опасностью была перспектива реакции и застоя. Отдельные революционные рецидивы еще были возможны, но, как отмечалось, они постепенно должны были утихнуть. М. О. Гершензон писал об этом: «Теперь наступает другое время, чреватое многими трудностями. Настает время, когда юношу на пороге жизни уже не встретит готовый идеал, а каждому придется самому определять для себя смысл и направление своей жизни, когда каждый будет чувствовать себя ответственным за все, что он делает, и за все, чего он не делает. Еще будут рецидивы общего увлечения политикой, не замрет политический интерес и в каждой отдельной душе. Там, где по политическим причинам искажена вся жизнь, подавлены мысль и слово и миллионы гибнут в нищете и невежестве, — там оставаться равнодушным к делам политики было бы противоестественно и бесчеловечно. (...) Минутами, когда боль, стыд, негодование снова достигнут в обществе великой остроты или когда удачно сложатся внешние обстоятельства, опять и опять будут взрывы освободительной борьбы, старая вера вспыхнет и наполнит энтузиазмом сердца. Но каждый раз после вспышки общество будет разоружаться, — только старые поколения нынешней интеллигенции до смерти останутся верными едино-спасающей политике. Над молодежью тирания гражданственности сломлена надолго, до тех пор, пока личность, углубившись в себя, не вынесет наружу новой формы общественного идеализма. Будет то, что и в семье, и у знакомых, и среди школьных товарищей подросток не услышит ничего определенного»⁴. Веховцы сохраняли верность оппозиции, о чем прямо, честно и публично заявили владыке Антонию.

Стоит обратиться к предыстории «Вех». Она подробно рассмотрена в глубокой монографии М. А. Колерова⁵, однако нам нужно акцентировать внимание на ряде нюансов. Перелом во взгляде на революцию произошел у будущих веховцев лишь в 1907 г., на излете революционных событий в России. Так, например, П. Б. Струве в это время выступил за соглашение с новым премьером П. А. Столыпиным с целью сохранения в России парламента. С другой стороны, С. Н. Булгаков, избранный депутатом, оказался под сильным впечатлением от скандальных

---

⁴ Вехи. С. 105–106.

⁵ Колеров М. А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996. С. 281–296.

заседаний II Государственной думы⁶. Эту эволюцию вправо не стоит переоценивать, однако и незамеченной она не осталась. Д. С. Мережковский, пропагандировавший грядущую «революцию духа» и пугавший общественность «Грядущим Хамом», если она не произойдет, обвинил будущих веховцев в отступничестве от идеалов интеллигенции. В статье «Реформация или революция?» он написал, имея в виду, прежде всего, Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова: «У наших реформаторов старая нерелигиозная общественность; если они пойдут до конца в идеях своих, то одно из двух: или отрекутся от всякой общественности во имя отвлеченного аскетизма, монашеского неделания, или признают христианскую реакционную общественность, новое, более совершенное порабощение церкви государству, как это и сделал Лютер, величайший из всех реформаторов. Диалектика идей беспощадна»⁷. По сути, ни много ни мало, Дмитрий Сергеевич нарекал наших героев провозвестниками «Грядущего Хама», пророками черносотенного мещанства. В 1908 г. произошло публичное размежевание будущих веховцев с кружком Мережковского. «Вехи» были спровоцированы именно этим спором.

Неудачная революция, по мнению авторов сборника, стала следствием врожденных пороков интеллигенции. «Революция есть духовное детище интеллигенции, а, следовательно, ее история есть исторический суд над этой интеллигенцией», — писал Булгаков. Интеллигенция подошла к революционному делу несерьезно. Струве упрекал ее в поверхностности и отсутствии чувства реальности: «Никогда никто еще с таким бездонным легкомыслием не призывал к величайшим политическим и социальным переменам, как наши революционные партии и их организации в дни свободы. Достаточно указать на то, что ни в одной великой революции идея низвержения монархии не являлась наперед выброшенным лозунгом. И в Англии XVII века, и во Франции XVIII века ниспровержение монархии получилось в силу рокового сцепления фактов, которых никто не предвидел, никто не призывал, никто не “делал”»⁸. Оговоримся: заслуга редактора журнала «Освобождение» Струве в выдвижении такого лозунга — едва ли не первоочередная. В рейтинге отцов-вдохнови-

---

⁶ Пайпс Р. Струве. Биография. В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 68–69, 117; Колеров М. А. Ук. соч. С. 255–258.

⁷ Мережковский Д. С. Реформация или революция? // Мережковский Д. С. В тихом омуте. М., 1991. С. 92–93.

⁸ Вехи. С. 45, 144–145.

телей Первой русской революции Петр Бернгардович уверенно занял бы первые позиции. Он знал, о чем говорил.

По мнению веховцев, интеллигенция была органичным и уникальным русским явлением, но главной ее чертой стало «отщепенство». Струве, активно использовавший это слово, рассматривал интеллигенцию историческим преемником казачества в его анархическую эпоху. Подобно казачеству, ставшему инициатором Смуты и Пугачевщины, интеллигенция катализировала события 1905 г. Отличием было лишь то, что интеллигенция приняла на вооружение западные социалистические идеи⁹. Таким образом, по мнению веховцев, именно интеллигенция становилась препятствием на пути развития России. Гершензон цитировал А. П. Чехова: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр»¹⁰. Интеллигенция в перспективе неизбежно должна была либо прекратить существование, либо переродиться.

Рецепты спасения формулировались веховцами по-разному (нередко противоречиво), но все они имели либеральный характер. Тезис о личном совершенствовании стал краеугольным камнем каждой статьи (за исключением имевшего особый взгляд Изгоева). Основные либеральные ценности (свобода, прогресс, индивидуализм, правовой строй) оставались для веховцев первоочередными. Исходя из них авторы «Вех» либо настаивали на ревизии интеллигентского идеала, создании «новой интеллигенции», либо выступали с идеалом ревизии — за отмирание интеллигенции как таковой.

М. О. Гершензон, А. С. Изгоев и Б. А. Кистяковский указывали на острую потребность России в разумном делании. Гершензон видел в усилении эгоистических настроений первый этап выздоровления России. «Эгоизм, самоутверждение — великая сила; именно она делает западную буржуазию могучим бессознательным орудием Божьего дела на земле», — писал публицист. Кистяковский указывал: «Путем ряда горьких испытаний русская интеллигенция должна прийти к признанию, наряду с абсолютными ценностями — личного самоусовершенствования и нравственного миропорядка, — также и ценностей относительных — самого обычного, но прочного и ненарушимого правопорядка»¹¹.

---

⁹ Там же. С. 136–143.

¹⁰ Там же. С. 444.

¹¹ Там же. С. 135.

Н. А. Бердяев и П. Б. Струве считали необходимой «борьбу идей». Бердяев выступал против утилитаризма и искал спасения в новом философском синтезе: «Интеллигентское сознание требует радикальной реформы, и очистительный огонь философии призван сыграть в этом важном деле не малую роль. Все историческое и психологические данные говорят за то, что русская интеллигенция может перейти к новому сознанию лишь на почве синтеза знания и веры, синтеза, удовлетворяющего положительно ценную потребность интеллигенции в органическом соединении теории и практики, "правды-истины" и "правды-справедливости"». Тогда, по мнению Бердяева, «народится новая душа интеллигенции». Тезис был брошен в расчете на общественный резонанс, но был столь же бесплоден, как и ярое. Набор блестящих антиномий слишком уж рисковал быть понятым в смысле риторических фигур. Статья оказалась динамична и герметична как мантра, но была похожа на поставленный диагноз без необходимой истории болезни и прописанных лекарств. Вряд ли русская интеллигенция, по своему собственному убеждению, не умела претворять веру в знание и знание в веру, а еще так недавно безумно популярная эсеровская партия довела теорию и практику, а также истину и справедливость до такого «органического соединения», до какого только и может быть доведена искомая нитроглицериновая смесь, призванная воплотить в жизнь партийную программу «здесь и сейчас». «Очистительный огонь философии» на русских улицах тех лет являлся с завидной регулярностью...

Иное дело — текст Струве. Однако, в отличие от Бердяева, «борьбу идей» он понимал в прямо противоположном ключе: «Русская интеллигенция, отрешившись от безрелигиозного государственного отщепенства, перестанет существовать как некая особая культурная категория. Сможет ли она совершить огромный подвиг такого преодоления своей нездоровой сущности? От решения этого вопроса зависят в значительной мере судьбы России и ее культуры. (...) Есть основание думать, что изменение произойдет из двух источников и будет носить соответственно этому двоякий характер. Во-первых, в процессе экономического развития интеллигенция «обуржуазится», т. е. в силу процесса социального приспособления примирится с государством и органически-стихийно втянется в существующий общественный уклад, распределившись по разным классам общества. (...) Но может наступить в интеллигенции настоящий духовный переворот, который явится результатом борьбы идей». Признаком

начала такой «борьбы» Струве считал падение популярности социалистических идей, ранее бывших основным знаменем интеллигенции¹².

С. Н. Булгаков и С. Л. Франк настаивали на религиозном возрождении. Булгаков писал об интеллигенции: «В отсутствии правильного учения о личности заключается ее главная слабость». «Перейти к творческому, созидающему культуру религиозному гуманизму» предлагал Франк. Иными словами, религия тоже понималась как учение, как идея. Создать такое «учение о личности» Булгаков полностью в духе интеллигентских представлений считал своим «общественным послушанием»¹³. Неслучайно в статье Булгакова отчетливо прослеживается стремление не разоблачить «отщепенство» интеллигенции и выставить его плодом рецепции западных идей (как у Струве), а, наоборот, выдать саму интеллигенцию за оборотную сторону русского православия. Удивительно ли, с учетом столь разнохарактерных представлений, что планы авторов развить идеи «Вех» в положительном ключе в новом сборнике¹⁴ не были реализованы?

Критика «Вех», в целом очень поверхностная, сводилась к тому, что авторы сборника страдали противоречиями и слабыми познаниями в области истории общественного движения. Эти упреки били мимо цели: веховцы писали о своем собственном опыте. Наоборот, бурное обсуждение скорее подтверждало правоту веховского прогноза. Эффект усиливало то, что споры велись на фоне только что прозвучавшего азефовского скандала, компрометировавшего идею революции почище любого философского манифеста. В самой критике интеллигенции также не было ничего необычного: в ноябре 1908 г., когда будущие веховцы только обдумывали свои статьи, скорую смерть интеллигенции возвещал на заседании Религиозно-философского общества А. А. Блок¹⁵, о той же возможности предупреждал Вяч. Иванов. Доклад Иванова состоялся 30 декабря 1908 г., среди «массы публики» присутствовал и П. Б. Струве, выступивший затем с резкой критикой мерещковского направления¹⁶. Интересно отметить, что уже в январе — феврале 1909 г. он изменил планы в отношении своего

¹² Там же. С. 141–142, 150–152.

¹³ Там же. С. 75, 184.

¹⁴ Колеров М. А. Ук. соч. С. 307–308.

¹⁵ Блок А. А. Россия и интеллигенция // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. М., 2009. Т. 1. С. 367. Заседание 13 ноября 1908 г.

¹⁶ Иванов Вяч. О русской идее // Там же. С. 399, 416–417.

участия в сборнике¹⁷: вместо статьи «Интеллигенция и народное хозяйство» Струве направил Гершензону статью «Интеллигенция и революция», гораздо более близкую по тематике докладам Блока и Иванова.

Среди шквала критики «Вех», пожалуй, лишь П. Н. Милюков, роковая фигура русского либерализма и бывший соратник Струве по «Освобождению», бил в самую точку. Он задался невежливым, но, тем не менее, главным вопросом: «А кто судьи?». Действительно, веховцы сами были символом освободительного движения и залогом его успеха в 1905 г. Упрекнуть их в реакционности было невозможно. Почти все веховцы имели марксистское прошлое и были так или иначе связаны с кадетской партией (иными словами, были партийными соратниками самого Милюкова; Струве и Изгоев даже входили в ЦК), трое из семи были иудеями и выходцами из достаточно религиозной среды. Все они были молоды (на четвертом десятке) и полны творческих сил. И именно эти люди заявили о крахе интеллигентских идеалов. Милюков призывал веховцев: «Я хотел бы сказать всем этим испугавшимся, уставшим, возненавидевшим, брезгующим и отчаявшимся: опомнитесь. Вспомните о долге и дисциплине, вспомните, что вы — только звено в цепи поколений, несущих ту культурную миссию. (...) Не вами начинается это дело и не вами оно кончится. Вернитесь же в ряды и станьте на ваше место. Нужно продолжать общую работу русской интеллигенции с той самой точки, на которой остановило ее политическое землетрясение, ничего не уступая врагам, ни от чего не отказываясь»¹⁸.

«Опомнитесь» ли авторы «Вех»? Во всяком случае, веховцы-кадеты остались в партии. Интеллигенты не перестали быть интеллигентами. Призывавшие на свою защиту полки небесных и земных идейных покровителей «от Чаадаева до Соловьева и Толстого»¹⁹ оставались в рамках соответствующей традиции. «Борьба идей» не привела к тому «настоящему духовному перевороту», которого так желали веховцы. Будучи интеллигентским рецептом спасения, она и не могла к нему привести: внутренний переворот был возможен лишь через усилие, практическое изменение себя, то есть то самое покаяние (греч. *μετάνοια*), которое сразу было разоблачено самими веховцами как ложный путь. Но, рискну предположить, что именно он, как ни покажется это стран-

¹⁷ Колеров М. А. Ук. соч. С. 292.

¹⁸ Вехи. С. 380–381.

¹⁹ Гершензон М. Предисловие // Там же. С. 23.

ным любому наследнику русской интеллигентской традиции, был не так далек от той самой пресловутой буржуазности, наступление которой предрекали Струве и Гершензон. Во всяком случае, реализация младотурецкого сценария на русской почве буржуазностью точно не грозила. Покаяние и буржуазность (!) сближались на почве решения насущных практических задач — но признать и провозгласить эту антимережковскую ересь в условиях старой России не смогли даже такие отпетые скандалисты и еретики, как веховцы. Это стало возможно лишь десятилетием позднее, когда стало возможно вообще всё — «из глубины» Русской смуты.

Веховцы — и в борьбе за буржуазный практицизм, и в поведении духовного обновления — оставались заложниками своего старого интеллигентского инструментария²⁰. Старые мехи с трудом удерживали новое содержимое. Да и наполнявшая их вода пока еще не превратилась в вино. Однако произошло иное. Впоследствии «идеалисты» Булгаков, Франк, Бердяев воплотили свои провозглашенные в «Вехах» рецепты на персональном уровне: первый принял сан, второй — крещение, третий воплотил в себе идеал «очистительной философии». Озвученные идеи все же стали реальностью — в пределах личного жизненного пути. Это само по себе уже свидетельствовало об их силе: редко какая идея «долетит до середины Днепра», став личной правдой; обычная участь идеи — благополучно раствориться в воздухе (простите, в «мире идей») или, и того хуже, затеряться на страницах учебников, став «прописной истиной» в великом чертоге безучастности... А что до «ревизионистов» Струве, Гершензона, Изгоева, Кистяковского, то они дожили в феврале 1917 г. до столь желанной ими «младотурецкой» революции. Лучшие представители интеллигенции взяли власть, чтобы, как по написанному, спустя «восемь месяцев бескровной революции» уступить ее лучшим представителям интеллигентской уголовщины. Как бы то ни было, выходит, что «Вехи» действительно реализовались. Для философского сборника — судьба чрезвычайно редкая.

---

²⁰ См.: Колеров М. А. К вопросу о «банальности» «Вех» // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2004/2005 год. М., 2007. С. 371–372.

АЛЕКСИ МАЙНИО

ПОДРЫВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ФИНСКИЕ АКТИВИСТЫ
И САБОТАЖ В 1918–1919 гг.
ТРАДИЦИИ РАДИКАЛИЗМА В ФИНЛЯНДИИ

В 1918–1919 гг. диверсионная деятельность не была новым явлением в Финляндии, только что получившей независимость. Причиной тому стали события Первой мировой и русской Гражданской войны, затронувшие Финляндию и превратившие её в одну из главных баз, воюющих против Советской России и большевизма. Отряды русских эмигрантов и западные разведслужбы использовали в своих целях финские приграничные области, располагавшиеся вблизи Петрограда.¹ Таким образом, побочные явления мировой политики влияли на и без того обострившиеся отношения между Финляндией и Россией.

Летом 1918 г. финскому руководству пришлось принять чёткую позицию по отношению к Советской России и её новым правителям. Эта ситуация вызвала сильную полемику и разногласия в Белой Финляндии, где в 1918 г. только что завершилась кровопролитная гражданская война. Самую резкую точку зрения в русском вопросе высказали финские активисты, кото-

---

¹ Подробнее о белых мигрантах и работе британских разведслужб в Финляндии см.: Kotakallio, Juh. Suomen ja Ison-Britannian tiedustelyyhteistyö 1918–1927, pro gradu. Helsingin yliopisto 2004; Pankakoski, Johanna. Varjonyrkkeilyä itärajalalla, Venäläisten emigranttien poliittinen liikehdintä Suomessa vuosina 1918–1927, lisensiaatintutkimus. Helsingin yliopisto 2005.

рых в своё время сплотила борьба за независимость Финляндии и полученное в Германии военное образование. Не оправившись от настроений гражданской войны, националистически настроенные активисты отождествляли себя с правыми радикалами и подчёркивали бóльшую важность достижения цели активизма по сравнению с соблюдением статей законов. Эти так называемые постаktivисты предпочитали действовать напрямую и в то же время не забывали заручиться поддержкой власти и политической элиты. Так, группа радикалов заполучила сильное влияние, о котором прежде финские активисты могли только мечтать.²

Активисты были заклятыми противниками большевиков. Они презирали Россию и безусловно считали её азиатской страной, которой не место в Европе. Они мечтали ослабить Советскую Россию и отбросить её куда-нибудь за Урал или в Восточную Сибирь. Радикалы считали, что русские будут угрожать безопасности Севера до тех пор, пока пограничная река между Россией и Финляндией протекает по Карельскому перешейку, а столица России располагается в устье Невы. Главный страх активистов заключался в том, что Советская Россия могла помешать осуществлению плана по созданию так называемой *Великой Финляндии*.

Летом 1918 г. финские активисты находились в центре событий большой политики и благодаря этому ощущали себя новыми творцами истории.³ Популярность активистов в Финляндии обуславливалась их стремлением к отделению Финляндского княжества от России и тем, что в первые же годы Первой мировой войны активисты стали союзниками Германии. Многие финны считали отправившихся в Германию активистов авантюристами, однако отношение к ним изменилось, как только активисты вернулись на родину, заручившись поддержкой немецких военных отрядов. В сложившемся положении никто не осмеливался оспаривать храбрость и политическую прозорливость активистов, во всяком случае, публично.

Многие из активистов в 1918–1919 гг. получили важные посты в финляндской армии и, в особенности, в Отделе разведки. Навыки осуществления разведки и саботажа для достижения политических целей финские активисты получили во время службы

---

² Ahti, Martti. Salaliiton ääriivivat, Oikeistoradikalismi ja hyökkäävä idänpolitiikka 1918–1919. Espoo 1987, 10–15; Hyvämäki, Lauri. Kommunismi ja jälkiaktivismi, julkaisussa Suomalainen Suomi 5/1958, 278.

³ Ahti 1987, 35.

в сухопутных и морских разведслужбах Германии в ходе Первой мировой войны. Молодые активисты умели оценить по достоинству преимущества разведдеятельности и надеялись применить её методы в уже независимой Финляндии. Активистам удалось создать из разведслужбы Генерального штаба центр по выполнению секретных проектов, который к 1918–1919 гг. находился почти в полном их распоряжении и лишь слабо контролировался тогдашним руководством страны. Разведка была для активистов своего рода прикрытием, в тени которого они могли работать в обход финляндских властей и направлять развитие страны в желаемое русло.⁴ К тому же разведывательной деятельности отводилась важная роль в ведении внешней политики, так как в своём стремлении к идеалам офицеры из активистов были готовы использовать разного рода провокации и даже террористические акты.

Саботаж — так современники часто называли терроризм — не был новым явлением в Финляндии 1910-х гг., когда политические разногласия было принято решать с помощью кулаков, оружия и бомб. В настоящей статье мы рассмотрим, какие метаморфозы претерпела политика террора, осуществлявшаяся финскими активистами против Советской России в 1918–1919 гг. Мы также постараемся ответить на вопрос, в связи с какими конкретными событиями активистам удалось осуществить акты саботажа и террора в Советской России.⁵

Финские саботажники и Мурманская железная дорога

Германия имела огромное влияние в независимой Финляндии, которую даже рассматривали как немецкое вассальное государство.⁶ Ярким примером может служить функционирование армии

---

⁴ Ahti 1987, 73; Ahti, Martti. Ryssänvihassa, Elmo Kaila 1888–1935, Aktivistin, asevoimien harmaan eminenssin ja Akateemisen Karjala-Seuran puheenjohtajan elämäkerta. WSOY, Helsinki 1999, 119.

⁵ Связь терроризма и разведки на первый взгляд может показаться странной, однако ошибочно рассматривать явление терроризма как часть идеологических убеждений активистов: предательские убийства и террористические акты были привычными для финского радикализма 1900-х гг. Образцом для подражания активисты считали Эйгена Шаумана и некоторых других борцов за свободу, часто обращавшихся к методам насилия.

⁶ У немцев была идея очистить Финляндию от красных революционеров и сделать из страны буферное государство, которое защитило бы Германию от влияния

и её организация: на должность главы Генерального штаба Финляндии был назначен немецкий полковник Конрад фон Редерн, а разведотдел Генерального штаба под руководством военных специалистов Германии был реорганизован по немецкому образцу. Организация, которая в Германии именовалась *Abteilung III b* «Отдел III б», в Финляндии получила название *Третьего отдела*. Немецкие офицеры не только дали имя отделу разведки, но и организовали его по немецкому образцу, разделив службу на политический отдел, газетный отдел, отдел наблюдения и т. д. Подрывная деятельность, или *саботаж*, находилась в ведении политического отдела.

Немцы были заинтересованы в деятельности Третьего отдела и подчёркивали, что главной его задачей была поддержка военных сил Германии в Первой мировой войне, в особенности на севере России. Руководителем Третьего отдела был назначен прогерманский лицензиат медицины, подполковник Эйно Суолахти. Его помощником был другой деятель из активистов, капитан Кай Доннер. На отдел также работали многие подопечные немецких экспертов разведки, участвовавшие во время Первой мировой войны в подрывных кампаниях в Швеции, Финляндии и на севере России. Среди этих активистов следует особо упомянуть Ээро Хайкелля (позднее — Ээро Кууссаари), Йохана В. Снелльмана, Рагнара Хайкелля и Эрика Мальмберга.⁷

Согласно мнению германских специалистов, разведка и насильственные тайные операции должны были идти рука об руку.⁸

России и в особенности Петрограда. К тому же финская территория пригодилась бы немцам в том случае, если бы они решили вторгнуться в Петроград. О намерениях Германии см.: Arimo, Reino. Saksalaisten sotilaallinen toiminta Suomessa 1918, Pohjois-Suomen Historiallinen Yhdistys. Rovaniemi 1991, 98; Kuussaari, Eero. Heimosodat 1918–1922, I osa, Taistelu Petsamosta. Suomen Heimosoturien Liitto, Helsinki 1939, 34; Nevakivi, Jukka. Muurmannin legioona, Suomalaiset ja liittoutuneiden interventio Pohjois-Venäjälle 1918–1919. Tammi, Helsinki 1970, 15–16; Vahtola, Jouko. «Suomi suureksi — Viena vapaaksi», Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Pohjois-Suomen Historiallinen Yhdistys. Rovaniemi 1988, 213–219; von der Goltz, Rüdiger. Toimintani Suomessa ja Baltianmaissa. WSOY, Porvoo 1920, 134–136.

⁷ Kansallisarkiston Sörnäisten toimipiste (SA), Helsinki, yleisesikunta (YE), 4/2202 D1, III osasto, selostus yleisesikunnan III osaston tähänastisesta toiminnasta sekä ehdotus sen vastaiseksi järjestelyksi, Eino Suolahti 31.12.1918; см. также: Ahti 1987, 74–75.

⁸ Во время Первой мировой войны одним из методов германской разведки была поддержка сепаратистов и революционеров, боровшихся против русских

Поэтому неудивительно, что к деятельности Третьего отдела подключили операции по саботажу, о которых хотя бы поверхностно знало в том числе и Министерство обороны Финляндии. Эйно Суолахти в своём отчёте подчёркивал, что, «пока существует опасность для страны, Третий отдел будет всеми силами бить врага так, чтобы он не знал, кто и откуда нанёс удар».⁹ Такая линия политики идеально подходила высшему военному руководству Германии: согласно их замыслу, финны должны были осуществить подрывные акты на находившейся во власти союзников Мурманской железной дороге и по возможности уничтожить весь железнодорожный путь.¹⁰ Целью подрывной деятельности было прикрытие вторжения Германии в Петроград через Финляндию осенью 1918 г. и дальнейшее продвижение германских войск дальше на север России.¹¹

Несмотря на то что Германия так и не вторглась в Россию через Финляндию, планы подрывных актов не остались теоретическими проектами, а были воплощены в жизнь летним указом 1918 г., который немецкое руководство подписало под воздействием захвативших отдел разведки финских активистов.¹² В Отделе разведки Генерального штаба организовали подразделение Беломорской Карелии, главой которого назначили капитана из активистов Йохана В. Снелльмана. Будучи во главе Отдела,

---

властей. Идея была в том, чтобы с помощью саботажников вызвать в России беспорядки, которые отбросили бы русские войска на периферию и таким образом облегчили бы продвижение немецких отрядов в направлении Восточного фронта.

⁹ SA, YE, 4/2202 D1, selostus yleisesikunnan III osaston tähänastisesta toiminnasta sekä ehdotus sen vastaiseksi järjestelyksi, Eino Suolahti 31.12.1918; см. также: Ahti 1987, 119; Lackman, Matti. Etsivä Keskuspoliisi 1919–1937, julkaisussa Turvallisuuspoliisi 75 vuotta, sisäasiainministeriö. Helsinki 1994, 19.

¹⁰ SA, sotahistoriallinen toimisto (T) 19 167/3, Haapalaisen retkikunta, yleisesikunnan päällikön von Redernin kirjoittama kirje 11.8.1918; Vahtola 1988, 336, 338.

¹¹ Германия разрабатывала военную операцию *Schlufstein* или *Завершение*, согласно которой немецкие войска намеревались захватить Петроград и очистить город от красных. Немцы спешили, так как боялись, что союзники захватят Петроград раньше них. См. по теме: Arimo 1991, 90, 102–104; Kuussaari (Heickell) 1939, 170; Polvinen, Tuomo. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920, II osa, toukokuu 1918 — joulukuu 1920. WSOY, Helsinki 1971, 45–52; Vahtola 1988, 312–345.

¹² von der Goltz 1920, 117–118; SA, Heimosota-arkisto (HSA), Kuisman retkikunta, Kuisma 13, Eero Heickellin kirje tohtori Volter Rihtniemelle Kajaaniin 22.11.1918; SA, T 19 167/2, Suomen vapaaehtoisten armeija 1918, Elja Rihtniemen kirje Eemeli Kempaiselle 10.07.1918.

финны завербовали агентов из Восточной Карелии и тайно переправили их для осуществления разведывательных работ и взрывов на Мурманской железной дороге, а также в Кеми, Мурманске и Архангельске.¹³

Самым показательным примером подрывной войны в Беломорской Карелии и Северо-Западной России была деятельность группы саботажников, работавших под кодовым наименованием *Карельская экспедиция*. Группа состояла из 26 отличившихся в Финской Гражданской войне унтер-офицеров и нескольких офицеров. Активисты из Генерального штаба сформировали группу летом 1918 г. для уничтожения Мурманской железной дороги, пришвартованных в тех областях английских военных кораблей, ценных зданий, зерновых и оружейных складов, а также важных военно-стратегических объектов.¹⁴

Террористические атаки активистов в Петрограде

Перемены в мировой политике заставили активистов прекратить подрывные работы на севере России и осенью 1918 г. привели всю саботажную деятельность к полному краху. Причиной тому было поражение Германии в Первой мировой войне. Сложившаяся ситуация стала потрясением для активистов, которые полагали, что Германия была в силах бороться против России и защищать Великую Финляндию. В новом положении можно было забыть о водворении немецкого короля на финский престол. Правые радикалы оказались вне игры, что временно пошатнуло их власть в Отделе разведки Генерального штаба.

Время правления активистов повлекло за собой возникновение политического застоя и вызвало многочисленные слухи, за

---

¹³ Elfvengren, Eero. Sotilastiedustelun synty, julkaisussa Salaisen sodan sivut, Ohto Manninen 60 vuotta, Maanpuolustuskorkeakoulu, Helsinki 2003, 25–26; Kosonen, Matti. Raja railona aukeaa, Tiedustelua Neuvosto-Karjalassa vuosina 1920–1939, Kustannusyhtiö Ilias Oy, Joensuu 2001, 18; SA, heimosota-arkisto (HSA), Koillisrintama, K11, kapteeni Johan Wilhelm Snellmanin raportti 12.8.1918.

¹⁴ Martina, Paul. Miesten syöjiltä sijoilta, Muisteluksia Vienan ja Aunuksen vaino-vuosilta, WSOY, Helsinki 1935, 29–72; Nevakivi 1970, 177; SA, T 19 167/3, majuri M. Roposen kirjoitus retkikunnan toiminnasta, kirjoituksessa ei ole päivystä; SA, T 19 167/3, rautatiekirjuri K. V. Levanderille kirjoitettu todistus; SA, T 19 167/3, III osaston raportti Haapalaisen komennuskunnan toiminnasta yleisesikunnan päällikölle 12.09.1918.

что глава Третьего отдела Суолахти подвергся жёсткой критике. Третий отдел осуждали за политику произвола и плетение интриг: об Отделе говорили, что он функционирует как «государство в государстве».¹⁵ Борьба за направление политики финской разведки достигла своего апогея, когда Суолахти, прозванного в народе Эйно Кровавым, сняли с должности главы Третьего отдела в январе 1919 г. Событие вызвало сильное недовольство в кругу активистов — Ээро Хайкелль, Кай Доннер и П. Х. Норрмен в знак протеста ушли со своих постов.¹⁶

Когда положение активистов в обществе пошатнулось, они пришли к необходимости изобрести новые методы работы, которые способствовали бы достижению целей активизма. В то же время отношения между Эстонией и Советской Россией обострились до военных действий, за которыми со смешанными чувствами следили в Финляндии. Активисты увидели в этом свой шанс и решили объединить силы с так называемым *Центральным комитетом помощи Эстонии* и с входящей в него *Комиссией по военным делам*. В комиссию, кроме всех прочих, входили активисты Ээро Хайкелль, Тойво Каукоранта, Эйно Вяликангас, Осси Хольмстрём, Юрьё Руут (Рууту) и Эльмо Э. Кайла.

Активисты получили большую выгоду от разведдеятельности добровольческих отрядов, отправленных в Эстонию, где созданная активистами и Суолахти традиция разведки получила новое развитие. Главой *Эстонской вспомогательной экспедиции* стал лейтенант Ээро Хайкелль, который управлял эстонской разведкой главным образом из Хельсинки, тогда как за Таллинский отдел разведки отвечал фенрик Райнер Сопанен. Организованный в Таллине Отдел под руководством Сопанена функционировал в отеле «Санкт-Петербург», что было весьма символично, так как в умах некоторых финских активистов маячили далеко идущие планы относительно освобождения Эстонии. Самые яростно настроенные активисты были готовы стереть Петроград с лица земли и благополучно вернуться из Эстонии домой на поезде.¹⁷

Развитие разведдеятельности на территории Эстонии дало активистам новые возможности, хотя их положение в области финской разведки и так было устойчивым. Свои позиции они сохраняли благодаря тому, что не все должности в Генеральном

---

¹⁵ Ahti 1987, 73–77; Ahti 1999, 105.

¹⁶ Ahti 1987, 78; Ahti 1999, 119–120.

¹⁷ SA, HSA, Viron vapaussota, emissariaatti, F1, luettelo tiedusteluosaston työntekijöistä.

штабе были ими потеряны. Так, Эрик Мальмберг, Рагнар Хайкель, Осси Хольмстрём и Бертель Осолин продолжали оставаться центральными фигурами Третьего отдела. К тому же, в Генеральном штабе появился новый руководитель, Исак Альфтан, бывший активист и обученный немцами разведчик, для которого методы саботажа были вполне естественными. Альфтан, однако, находился в плохих отношениях с некоторыми активистами, которые считали его сторонником шведов и явным предателем.

Активистам идеально подходило, чтобы мирный договор между Финляндией и Советской Россией не был заключён в течение 1919 г. Неопределённая политическая ситуация означала большую свободу действий и то, что подрывные работы останутся частью деятельности Третьего отдела. В мирное время террор было бы трудно оправдать, но в 1919 г. политическая ситуация балансировала на грани мира и войны, поэтому Министерство обороны Финляндии одобряло подрывные акты, по крайней мере в теории. В Финляндии мечтали о захвате Петрограда и верили, что судьба города висит на волоске.

Спокойную атмосферу нарушили постактивисты, которые захотели повлиять на развитие Финляндии и события в России. На этой волне круги радикалов организовали так называемый *Центр активистов*. Это была тайная разведывательная организация, которая работала под управлением активистов. С помощью активистских сетей влияние Центра распространилось и на Третий отдел, в противовес которому Центр был изначально создан. Главной задачей деятельности Центра было то, чтобы активисты отныне были независимы от Генерального штаба и добываемых им сведений, которые часто оказывались ненадёжными.

Действовавший в 1919–1920 гг. Центр собирал данные с помощью собственных агентов и активистов из Генерального штаба. Специально для этой тайной миссии Кай Доннер и Отто Окессон сформулировали в конце апреля — начале мая 1919 г. новую программу. В ней провозглашалось следующее:

«Нужно стремиться спасти Ингерманландию и захватить Петербург. Так или иначе, Ингерманландия будет присоединена к Финляндии. Мы должны также продолжать ослаблять политическую значимость Петербурга любыми способами, избегая при этом поспешного завоевания».¹⁸

---

¹⁸ SA, T 19 164/12, aktivistikeskus 1919, ohjelmaluonnos, ei päiväystä. Документ составлен в конце апреля — начале мая 1919 г. Финские активисты часто по привычке называли Петроград Петербургом.

Из программы следует, что активисты надеялись отложить завоевание Петрограда, так как они боялись, что в противном случае город попадёт в руки белых, что могло угрожать независимости Финляндии. Беспорядки в столице активисты считали своим преимуществом, полагая, что красные в Петрограде — лучшая альтернатива для Финляндии, чем белые. Тем не менее, по мнению активистов, сильный «белый» Петроград мог быть опасен, как, впрочем, и красный: «В отношении России, в не зависимости от положения вещей, нужно придерживаться политики, согласно которой это государство всегда будет нашим опаснейшим врагом и в политическом, и в культурном плане».¹⁹

«Не различающая цветов» тактика в отношении России присутствовала также и в бомбовой политике, которую ядро активистов освоило уже ранее. На организованном в марте заседании Центра было принято решение продолжать подрывные работы в Петрограде. Хотя вопрос представлял собой лишь частную линию борьбы активистов, решение хорошо вписывалось во всю политику саботажа Третьего отдела. Например, офицер из активистов и сотрудник Третьего отдела Рагнар Хайкель, по кличке Моряк, уже ранее получил от главы Генерального штаба Александра Тунцельманна фон Адлерфлуга приказ «Об организации известных актов саботажа на Востоке». О подрывных операциях, проведённых Генеральным штабом, нет точных данных, хотя они скорее всего и были вполне результативными.²⁰

Как правило, организуемые Генеральным штабом подрывные работы и частные проекты активистов чередовались друг с другом, так как активистам приходилось осуществлять террористические акты как в качестве офицеров Генерального штаба, так и в роли граждан-активистов. Таким образом, они не чуждались работы «на два фронта». Организация активистов обосновывала свои бомбовые удары крахом красного Петрограда: город хотели вовлечь в положение хаоса, чтобы белогвардейцы организовали столицу не в Петрограде, а в Москве или Киеве. В идеале акти-

---

¹⁹ SA, T 19 164/12, ohjelmaluonnos, ei tarkkaa päiväystä. «Целью организации является защита независимости Финляндии и дальнейший рост в таком русле, чтобы государство могло развиваться по возможности свободно и самостоятельно, без всякого постороннего вмешательства, распространяя при этом на максимально обширные территории европейское образование, взгляды и способствующие построению и поддержанию государственности идеи, не только в теории, но и на деле».

²⁰ Ahti, 1987, 115; Ahti 1999, 126; KA, Kai Donnerin kokoelma, I5, päiväkirja 7.3. ja 27.3.1919.

висты хотели отодвинуть интересы и зону влияния России по-дальше от финских границ. Эти насильственные замыслы начали активно осуществлять, и о них осталось много свидетельств.²¹

Самым показательным примером политики насилия весны 1919 г. служит так называемый *Поход в Петербург*,²² который можно считать уникальным событием в истории финского терроризма. Эту террористическую кампанию активисты начали в марте 1919 г. при содействии северо-ингерманландских эмигрантов. Во главе кампании стал руководитель Эстонской Вспомогательной экспедиции Ээро Хайкелль, который ранее организовал грандиозную сеть разведки и саботажа в Нарве, Таллине и Тарту. Хотя многочисленные агенты сети работали в нескольких городах Советской России, в том числе и в Петрограде, организация активистов пожелала расширить деятельность, предоставив Хайкеллю дополнительных помощников «для достижения результата в Петербурге».²³

С этой целью Хайкелль связался с руководителем отделения Восточного разведотдела Генерального штаба в Рауту (ныне Сосново) Юхо Аалто, который причислял себя к доверенным лицам активистов. С помощью Аалто Хайкелль установил связь с несколькими эмигрантами-ингерманландцами, которые работали курьерами финской разведки в пограничном пункте Рауту на Карельском перешейке и для которых выполнение секретных финских миссий в Петрограде было привычным делом. Хайкеллю удалось завербовать на службу агентов Восточного разведотдела Генерального штаба братьев Туомаса, Таави и Юхо Ванханенов. Вместе с братьями-агентами в Рауту жило несколько бежавших от беспорядков и гонений Советской России ингерманландцев,

---

²¹ Ahti, 1987, 115; SA, pikkukokoelmat (PK) 2541, Eero Kuussaaren (Heickell) kokoelma, Aunuksen retki 1919, Pietarin retki 27.05.1919, 1. Означенный рапорт был, очевидно, написан Ээро Хайкелем; о разговорах, которые велись в Финляндии по поводу будущего Петрограда, см. также беседы Кая Доннера, регента Маннергейма и генерала Эрнста Линдера: Kansallisarkisto (KA), Helsinki, Kai Donnerin kokoelma, I5, Kai Donnerin päiväkirja sekä siihen liittyviä asiakirjoja 1918—1919, päiväkirja 07.05.1919: «Петербург, по его мнению, никогда не должен был становиться столицей. К тому же, город находился слишком близко к границе с Финляндией. Следовало бы всеми силами работать над тем, чтобы уменьшить значимость города. В качестве столицы русским подошли бы Москва или Киев, но никак не Петербург» (перевод со шведского).

²² Ahti, 1987, 113—119.

²³ Mainio, Aleksi. Eteläisen alueen tiedusteluosasto ja Viron vapaussota, julkaisus-
sa Sotahistoriallinen aikakauskirja 30, 2010, 104—123; SA, PK 2541, Aunuk-
sen retki 1919, Pietarin retki 27.05.1919, 2.

из которых Хайкель сформировал террористическую группу, включавшую 35 мужчин. Когда группа была собрана, она была включена в состав финской разведслужбы в Эстонии и была названа *Ингерманландским отделом* Эстонской добровольческой вспомогательной экспедиции.²⁴

Согласно чекам, бывшим в распоряжении сторонника активистов Тойво Каукоранты, Хайкель взял из канцелярии Эстонской добровольческой вспомогательной экспедиции 100 000 марок и 15 марта выехал из Хельсинки в Выборг. В Выборге он встретился с экспертом по подрывной деятельности Суло-Вейкко Пекколой, который достал для ингерманландского отряда 15 единиц стрелкового оружия и патроны к ним.²⁵ 19 марта глава разведки Хайкель прибыл в коммуну Рауту близ финско-русской границы для организации «активной войсковой части», целью которой было обслуживать его собственные нужды и «одновременно дело Ингерманландии».²⁶ Хайкель и его помощник тренировали ингерманландцев в течение нескольких дней и способствовали тому, чтобы члены отряда вдохновились идеей террора или хотя бы денежным вознаграждением за её воплощение. Работа вполне подходила ингерманландцам, которые знали Петроград как свои пять пальцев и бегло говорили на русском. Кроме того, у них были горькие воспоминания о Советской России, которая распространила зону своего влияния и на Ингерманландию и расшатала привычный для аграрного региона уклад жизни.²⁷

22 марта 1919 г. отряд ингерманландцев был подготовлен к миссии, будучи предварительно разделён на семь групп и оснащён стрелковым оружием, взрывчаткой и бутылками с зажигательной смесью. В распоряжении диверсантов были различные взрывчатые вещества и бомбы с часовым механизмом. Отряду также

---

²⁴ КА, Etsivä Keskuspoliisi (ЕК-Valpo I), henkilömappi 10 892, Juho Vanhasen kertomus toiminnastaan ITO: n palveluksessa 06.03.1925; КА, ЕК-Valpo I, henkilömappi A: 3444, Taavi Vanhanen, viittaus ITO: n päällikön kirjoittamaan todistukseen, ei päivämäärää; Kansalliskirjasto (КК), Helsinki, Toivo Kaukorannan kokoelma, Coll. 279.129, Viron vapaaehtoinen avustusretkikunta, tilioitteita, Viron vapaaehtoisen apuretkikunnan Inkerin osaston menoista tilitys 30.05.1919.

²⁵ КК, Toivo Kaukorannan kokoelma, Coll. 279.129, laskuja, Eero Heickellin allekirjoittama kuitti 13.03.1919; КК, Coll. 279.129, tilioitteita, Sulo-Veikko Pekkolan allekirjoittama kuitti 19.03.1919; КК, Coll. 279.129, tilioitteita, lasku 6.

²⁶ SA, PK 2541, Aunuksen retki 1919, Pietarin retki 27.5.1919, 2.

²⁷ SA, PK 2541, Aunuksen retki 1919, Pietarin retki 27.5.1919, 2; см. также: КА, Inkerin arkisto, V, Pohjois-Inkerin hoitokunnan kokouspöytäkirja 26.11.1919 ja siihen liittyvä Eero Heickellin kirjoittama liite 25.11.1919.

были выданы поддельные паспорта, несколько десятков тысяч рублей и точная инструкция к действиям, которые нужно выполнить в Петрограде каждой отдельно взятой группе.²⁸ Согласно рапорту Хайкелля, диверсию нужно было главным образом нацелить на «красную армию во всех отношениях, на учреждения большевиков, железные дороги и прилегающие здания, на здания хранилищ и складов, водопроводные станции» и электростанции. Целью было свести к минимуму значимость Петрограда.²⁹

Членами диверсионной группы были ингерманландские крестьяне 21–26 лет, почти все родившиеся в разных деревнях коммуны Вуоле Северной Ингерманландии.³⁰ Прежде чем группа отправилась из Рауту в Петроград 23 марта, от 30 участников диверсионной группы потребовали письменного обещания неразглашения. Кроме того, перед отправкой диверсантам прочитали пропагандистские речи и грубый, проникнутый ненавистью к России приказ, которые вкуче должны были вдохновить их на беспощадную жестокость по отношению к русским. Вместе с тем диверсионной группе всеми способами внушали мысль, что её участники борются за будущее народа.³¹

Хотя переправа диверсионных групп в Петроград и была трудной операцией, участники справились с этим на удивление легко, так как всю террористическую команду и большую часть тяжёлых взрывчатых веществ удалось тайно перевезти в город на лошадях и по железной дороге. Годы спустя на допросе в финской полиции Юхо Ванханен рассказывал о том, что поначалу нёс взрывчатые вещества на себе, а потом нанял в качестве носильщиков местных «баб».³²

Передвижение групп по Петрограду облегчалось тем, что в центре столицы была организована штаб-квартира, в которой отвечающие за разные районы города руководители групп устраивали собрания и продумывали детали террористических актов. Ингерманландцы пробыли в городе по меньшей мере неделю,

²⁸ KK, Coll. 279.129, tiliotteita, E. Heickellin 21.03.1919 allekirjoittama lasku 1 ja E. Heickellin 23.3. allekirjoittama lasku 3 ja Tuomas Wanhasen 22.3. allekirjoittama lasku 8; SA, PK 2541, Aunuksen retki 1919, Pietarin retki 27.05.1919, 2—4.

²⁹ SA, PK 2541, Aunuksen retki 1919, Pietarin retki 27.05.1919, 4.

³⁰ KK, Coll. 279.129, Viron vapaaehtoinen avustusretkikunta, tiliotteita, lasku 2, E. Hämmäläisen 21.03.1919 allekirjoittama palkkauslista.

³¹ SA, PK 2541, Aunuksen retki 1919, Pietarin retki 27.05.1919, 4.

³² KA, EK-Valpo I, henkilömappi 10 892, Juho Vanhasen kertomus toiminnastaan ITO: n palveluksessa 6.03.1925. Из черновика допроса следует, что означенная поездка в Петроград была единственной для Ванханена в 1919 г.

в течение которой осуществили необходимые работы по подготовке к диверсии, подкупив нужных людей, выяснив маршруты караула и определив удачные для атак точки. В планах было взорвать посреди ночи две водопроводные станции, электростанцию и несколько промышленных зданий. Таким образом террористы хотели парализовать подачу воды и погрузить город в темноту, а затем поджечь улицы и наиболее значимые здания. По их мнению, тушение пожаров в городе, лишённом света и воды, было абсолютно невозможно.³³

В этом отношении жестокость террористического плана раскрывается в полном объёме: активистам было ясно, какие человеческие жертвы повлечёт за собой отключение питьевой воды в миллионном городе, который благодаря пожарам должен был погрузиться в сплошной хаос. Речь шла о сознательной террористической политике, с помощью которой группа радикалов хотела добавить к бедствиям Петрограда голод, болезни и многочисленные смерти. В данном случае проект финских активистов больше напоминает не саботаж, а современную террористическую деятельность, целью которой обычно является разжигание беспорядков и причинение вреда гражданскому населению.

Несмотря на тщательную подготовку, операция началась сумбурно. Это произошло из-за неисправностей часовых механизмов, которые задержали взрывные акты на несколько часов. Несмотря на все заминки, несколько бомб всё же взорвалось. 30 марта в 4 часа утра в окрестностях Литейного жители проснулись от сильного взрыва, исполнителя которого удалось быстро поймать. На главной водопроводной станции Петрограда на улице Воинова (ныне Шпалерной) также произошёл взрыв, который выбил 500 окон и повредил две двери.³⁴ По заявлению руководителя предварительного следствия Фишмана, давшего интервью газете «Петроградская правда», взрыв в котельной последовал от детонировавшего динамита или бомбы. По его словам, «негодяй» определённо был неопытен и поэтому не смог осуществить должным образом задуманную подлость. Также руководитель следствия рассказал о том, что взрыв сопровождался сильным грохотом и тряской и стал причиной возникновения воронки.³⁵

---

³³ SA, PK 2541, Aunuksen retki 1919, Pietarin retki 27.05.1919, 5.

³⁴ Корнатовский Х. А. Борьба за красный Петроград 1919. Л., 1929. С. 181; Петроградская правда. 01.04.1919 (Три взрыва); SA, PK 2541, Aunuksen retki 1919, Pietarin retki. 27.05.1919, 6–7.

³⁵ Петроградская правда. 01.04.1919 (Три взрыва).

В половине девятого утра на Петроградской водопроводной станции на Пеньковской улице прозвучал один или два оглушающих взрыва. Взрыв не вызвал больших разрушений, однако вскоре после него пожарная команда и патрульная служба нашли в помещении станции подозрительный металлический ящик. Когда прибывший на место происшествия комиссар попытался исследовать его, ящик взорвался.³⁶ Газета *Wapaus* («Свобода»), издававшаяся в Петрограде красными эмигрантами, через пару дней после происшествия на Пеньковской улице написала краткую заметку:

«Бомба была установлена в подвальной комнате рядом с окном, недалеко от машинного зала. При первом взрыве один из сотрудников машинного зала получил контузию. Прибывший на место взрыва патруль обнаружил прямоугольный металлический ящик, начинённый взрывчатым веществом. Выпала ли бомба из рук коменданта или сработала сама по себе, неизвестно. Взрыв был сильным. Коменданта разорвало на месте. Всего пострадали 15 человек, 4–5 из них находятся в тяжёлом состоянии».³⁷

В то время как петроградские газеты заявляли об одном погибшем и 12–15 раненых, согласно оценкам активистов, при взрыве погибло и было ранено в общей сложности 50 человек, однако цифра кажется слишком большой. Разное количество пострадавших можно объяснить тем, что власти Петрограда хотели уменьшить масштаб потерь, в то время как активисты, наоборот, хотели видеть плоды подрывной войны.³⁸ Материальный ущерб от взрывов также трудно точно оценить: газеты не перечисляют повреждений Петроградской водопроводной станции, хотя и подчёркивают, что ущерб оказался меньше, чем рассчитывали террористы. Например, газета «Северная коммуна» утверждает, что произошедшие в подвальном помещении взрывы затронули лишь часть машинного зала и одну водопроводную трубу.³⁹

---

³⁶ Красная газета (Петроград). 01.04.1919 (Взрыв на городской водокачке); Кутузов В. А., Лепетюшин В. Ф., Седов В. Ф., Степанов О. Н. Чекисты Петрограда, На страже революции, Л., 1987. С. 263; Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX — XX веке. СПб., 2004. С. 109; Петроградская правда. 01.04.1919 (Три взрыва); SA, PK 2541, Pietarin retki. 27.05.1919, 6–7.

³⁷ Wapaus 01.04.1919, Räjähdys kaupungin vesilaitoksella.

³⁸ Ahti 1987, 113, 117–118; SA, PK 2541, Pietarin retki. 27.05.1919, 6–7; Wapaus. 02.04.1919, Pietarin neuvoston pakollinen määräys.

³⁹ Северная коммуна (Петроград). 1.4.1919 (Взрыв на городской водокачке). В статье, изданной в 1943 г., бывший активист Эйно Парманен даже утверждал, что из-за взрыва верхним этажам высотных домов не хватало воды. Suomen Kuvalehti. 1943/4, Inkeriläisten Pietarin retki. 1919. В 1919 г. Пар-

Взрыв электростанции и вовсе не удался, так как диверсионная группа так и не появилась в назначенном месте. Это означало, что саботажники не смогли погрузить город в темноту в нужный момент. Положение даже не спасло то, что саботажникам удалось поджечь котельную электростанции ночью 1 апреля. Все остальные диверсионные работы, осуществлённые 30 марта, также прошли не по плану, так как члены двух диверсионных групп не дождались взрыва на водопроводной станции и устроили пожары раньше, чем прекратилась подача воды по городу. Пожарные службы смогли потушить часть пожаров, хотя взрыв на Пеньковской улице и усложнил ситуацию: разгорались всё новые и новые пожары, и воды для тушения часто не хватало.⁴⁰ В районе Охты на склад порохового завода также была подложена бомба, взрывная волна от которой убила двух охранников и вызвала пожар, быстро потушенный пожарными.⁴¹

Власти Петрограда пришли в ярость после этих происшествий. Городской совет рабочих и представителей Красной армии связал произошедшие взрывы с более ранними террористическими атаками и припугнул контрреволюционеров смертной казнью. Совет приказал усилить надзор за водопроводными и электростанциями, железнодорожными станциями, газовыми заводами и военными и продовольственными складами. Во взрыве обвинили «белогвардейских провокаторов» и их организации, которых подозревали в сотрудничестве с Партией социалистов-революционеров. Кроме того, на следующий день после террористических атак Совет обороны обсудил контрреволюционную деятельность и приказал Всероссийской чрезвычайной комиссии (ЧК) принять меры для ликвидации тайных вредительских организаций. Всеобщее возбуждение привело в конце концов к тому, что самому председателю Совета народных комиссаров В. И. Ленину пришлось высказать свою точку зрения на произошедшие события. Он осудил взрывы и отправил в ЧК телефонограмму, которую опубликовали в нескольких газетах. В ней Ленин обвинил в подрывах Союзников и агентов белых генералов, которым непременно нужно было оказать ответное сопротивление. По мнению

манен входил в разведсеть Генерального штаба Финляндии, но тем не менее не участвовал в петроградской миссии ингерманландцев.

⁴⁰ Северная коммуна (Петроград). 02.04.1919 (К взрыву на водопроводе); Петроградская правда. 03.04.1919 (Пожар на государств. электростанции); SA, PK 2541, Pietarin retki 27.05.1919, 6; Wapaus. 01.04.1919, Räjähdys kaupungin vesilaitoksella; Wapaus. 02.04.1919, Pietarin neuvoston pakollinen määräys.

⁴¹ Петроградская правда. 01.04.1919 (Три взрыва).

Ленина, нужно было также усилить контроль за социалистами-революционерами и меньшевиками хотя бы по той причине, что они вдохновляли народ на стачки.⁴²

Ингерманландские саботажники сделали всё возможное, чтобы их участие в диверсиях не стало известно властям Советской России. Ещё до взрывов они расклеили по всему городу декларации, в которых под видом центрального комитета анархистов призывали граждан уничтожить всё старое, чтобы на его месте построить новое, лучшее общество. Удача сопутствовала диверсантам, так как по чистой случайности той же ночью социалиты-революционеры также распространили на улицах Петрограда листовки, в которых побуждали солдат и рабочих к вооружённому восстанию и забастовкам.⁴³

Нельзя сказать, что диверсионный отряд потерпел поражение в Походе в Петербург, так как его члены вернулись в Рауту в целостности и невредимости. Саботажники, как и активисты, считали, что террористическую деятельность стоит продолжать и по возможности расширять её. От широкомасштабной политики всё же нужно было отказаться, так как для неё не поступало дополнительного финансирования из канцелярии Эстонской вспомогательной экспедиции и от хельсинкских активистов. В связи с этим террористическая ячейка в Рауту существенно сократилась, и большая часть ингерманландских подрывников переехала с Карельского перешейка в Эстонию, чтобы присоединиться к отряду Западной Ингерманландии. Несмотря на, это активисты были довольны Походом в Петербург, который, по их мнению, принёс в Петроград нервозность, слухи и красный террор. Накалившаяся атмосфера и страх были заметны по тому, что полиция и военные власти произвели после взрывов ряд обысков и арестов. Также улицы и общественные места Петрограда стали контролироваться тщательнее, чем раньше.⁴⁴

---

⁴² Кутузов, Лепетюхин, Седов, Степанов. 1987. С. 263–264; Leggett, George. *The Cheka: Lenin's Political Police, The All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage, December 1917 to February 1922*, Clarendon, Oxford 1981, 317, 319; Wapaus 02.04.1919, Pietarin neuvoston pakollinen määräys; Wapaus 03.04.1919, V. I. Leninin sanoma Vastavallankumoukselliset tuhoitava.

⁴³ Ahti 1987, 118; SA, PK 2541, Pietarin retki. 27.5.1919, 7.

⁴⁴ Ahti 1987, 118–119; Кутузов, Лепетюхин, Седов, Степанов. 1987. С. 263–264; SA, PK 2541, Pietarin retki 27.05.1919, 7–9; о вере активистов в благополучный исход подрывных актов см.: SA, PK 2112/1, Eero Kuussaaren (Heickell) kokoelma, sotilaskomitean puheenjohtaja Y. O. Ruuthin ja kansliapääl-

В бомбовой экспедиции активистов речь шла о внешнеполитически опасном проекте, поэтому глава Третьего отдела Исак Альфтан пытался получить подробности о походе. 5 апреля он написал в Министерство иностранных дел, Министерство внутренних дел, Министерство обороны и главе Генерального штаба рапорт, в котором описал ситуацию со слов неизвестного, вернувшегося из Советской России: «В Петербурге было взорвано две бомбы с целью уничтожения водопроводной станции». Согласно рапорту, во взрывах пострадали 42 человека, по меньшей мере 16 из которых скончались от полученных ран:

«Наш информатор не знает подробностей происшествия, но утверждает, что к делу причастны финны из Рауту, которые все удачно добрались до дома, за исключением одного диверсанта, заключённого большевиками под стражу».⁴⁵

Альфтану было трудно добыть более подробную информацию о событиях в Петрограде, несмотря на все попытки, так как многие активисты из Третьего отдела презирали его до глубины души. Сотрудники Третьего отдела из числа активистов не страдали угрызениями совести от сокрытия подробностей Похода в Петербург, а руководитель Выборгского подразделения Третьего отдела и тайный агент Центра Матти Роппонен и вовсе пребывал в неведении, что было, однако, весьма подозрительно.⁴⁶ Утайка данных раздражала Альфтана, но он не находил способа вмешаться в дела активистов.

Саботаж на Балтийском флоте

Организация активистов хотела расширить диверсионную войну в Петрограде, но после событий конца марта она была не в состоянии развернуть в городе крупномасштабную террористическую деятельность.⁴⁷ Однако в мае — июне 1919 г. поло-

---

likkö Toivo Kaukorannan allekirjoittama todistus Eero Heickellille, 15.05.1919; Wapaus 02.04.1919, Pietarin neuvoston pakollinen määräys.

⁴⁵ SA, puolustusministeriön arkisto (PMA), ea1, ministeri ja adjutantuuri, yleisesikunta III huhtikuu 1919, III osaston päällikön kapteeni Isak Alfthanin salainen raportti 05.04.1919.

⁴⁶ SA, PK 2112/2, henkilökohtaista kirjeenvaihtoa, Matti Ropposen sähköiset värikkä Holger Hongistolle 23.03. ja 28.03.1919.

⁴⁷ О дальнейших событиях в Рауту см.: КК, Coll. 279.129, Viron vapaaehtoinen avustusretkikunta, tilioitteita, lasku 9, tili värväyksistä Inkerissä tiedustelutoimintaa ja sabotagea varten, toukokuu 1919.

жение изменилось, так как всё больше представителей высшей политической элиты Финляндии загорались идеей завоевания Петрограда и поэтому были готовы на любые диверсионные акты для достижения этой цели. Тем временем правительство Ленина было загнано в угол, так как со стороны Олонца, Беломорской Карелии и Эстонии городу на Неве угрожали финские добровольческие отряды, союзнические войска под предводительством британцев и белые отряды. Командующий армией Финляндии Карл Густав Маннергейм тайно договорился с командиром Северо-Западной армии Николаем Юденичем об условиях, на которых Финляндия сможет участвовать в завоевании метрополии.

Ситуация была благоприятной для активистов: они наладили связь с командующим и начали названное *Проектом активистов* предприятие по захвату, целью которого было свергнуть финский парламент при поддержке Маннергейма и вторгнуться в Петроград. Переговоры между активистом Кайем Доннером и Маннергеймом привели к тому, что приближённые Командующего Ханнес Игнатиус, глава Генерального штаба, и Рудольф Вальден, министр обороны, вошли в круг активистов, доверенным которых Игнатиус и так являлся. Игнатиус и Вальден поручили Ээро Хайкелю начать диверсионную кампанию против Балтийского флота Советской России.⁴⁸ Для этого в начале июня Игнатиус выдал Хайкелю доверенность, которая позволяла ему свободно передвигаться по приграничным «укреплениям и военным объектам».⁴⁹

Так активисты присоединились к кампании по захвату Петрограда. Министр иностранных дел Финляндии пытался также получить международную поддержку в этом деле вплоть до 1919 г. Хотя британцы и относились с опаской к плану финнов, их отряды, готовые к захвату, всё же прибыли в Генеральный штаб.⁵⁰ Вальден и Игнатиус, очевидно, рассчитывали на то, что диверсионные действия облегчат захват Петрограда, который

---

⁴⁸ Ahti 1987, 135, 149–150; Ahti 1999, 142; Polvinen 1971, 208–210; SA, HSA, Aunuksen retki, Aunus 17, Eero Heickellin muistiinpanot 21. ja 28.05.1919; Vihavainen, Timo. Suomi neuvostolehdistössä 1918–1920, Suomen Historiallinen Seura, Helsinki 1988, 124, 137.

⁴⁹ SA, PK 2112/2, henkilökohtaista kirjeenvaihtoa, yleisesikunnan päällikön Ignatiuksen kirjoittama ja majuri Somersalon vahvistama lupapaperi Heickellille 6.6.1919.

⁵⁰ Ahti 1987, 135–150; Nevalainen, Pekka. Rautaa Inkerin rajoille, Inkerin kansalliset kamppailut ja Suomi 1918, Suomen Historiallinen Seura, Helsinki 1996, 65; Polvinen 1971, 188–192; Vihavainen 1988, 137.

мог начаться в любой момент. Теперь и ядро активистов решило поддержать завоевание Петрограда с тем условием, что они вступят в Петроград не с белогвардейскими генералами, а под предводительством Финской армии и Маннергейма.

Ээро Хайкелль снова активизировал свою деятельность: эксперт саботажа принял все меры для того, чтобы ослабить торговый флот русских, и набросал план саботажа, который 28 апреля представил Игнатиусу и Вальдену.⁵¹ Глава Генерального штаба и министр обороны согласовали план с бюджетом, после чего отправили к границе нарочного с приказом. Через пару дней Хайкелль выслал 150 000 марок в Кякисалми (ныне Приозерск), чтобы начать финансирование плана. 4 июня в Россию был отправлен агент по имени Хямяляйнен, а несколькими днями позднее путешествие в Россию с той же целью подготовки саботажа совершил Райнер Сопанен.⁵²

8 июня Хайкелль приехал в Выборг, чтобы уладить «упомянутое дело» и встретиться с другим командиром дивизии К. Г. Теслэфом.⁵³ Поездка была в первую очередь связана с осуществляемым за границей планом саботажа, но кроме того и со стычками, которые время от времени разгорались на финско-русской границе в мае — июне.⁵⁴ Хотя часть столкновений была попросту инсценирована финскими активистами, они всё-таки обострили отношения между Финляндией и Советской Россией и привели к неблагоприятным переменам в настроениях враждующих сторон.⁵⁵

Усиление воинственной атмосферы наблюдалось также и в том, что министр обороны Вальден объявил введение военного положения в коммунах Пухьярви, Саккола, Рауту, Метсяпиртти, Кивеннапа, Терийоки, Уусикиркко, Куолеманярви, Койвисто, Муола и Валкярви. В то же время активисты и их союзники разжигали войну, распространяя по России фальшивые приказы

---

⁵¹ Ahti 1999, 142–143; KA, Kai Donnerin kokoelma, I5, «Anckarströmin» eli Eero Heickellin kirje Elmo E. Kailalle, Viipuri 16.06.1919; SA, HSA, Aunus 17, Eero Heickellin muistiinpanot 28.05.1919.

⁵² Ahti 1987, 155; SA, HSA, Aunus 17, Eero Heickellin muistiinpanot 28. ja 31.05. sekä 5. ja 06.06.1919.

⁵³ SA, HSA, Aunus 17, Eero Heickellin muistiinpanot 08.06.1919.

⁵⁴ О беспорядках в приграничных областях см.: Lähteenmäki, Maria. Maailmojen rajalla, Kannaksen rajamaa ja poliittiset murtoamat 1911–1944, SKS, Helsinki 2008, 149–167; Nevalainen 1996, 65, 67; Polvinen 1971, 195–202.

⁵⁵ Ahti 1987, 123, 158–160; Polvinen 1971, 198, 202.

о мобилизации и публикуя в финских газетах статьи, побуждавшие к завоеванию Петрограда.⁵⁶

Генеральный штаб Финляндии и офицеры-активисты также вмешались в провокационную деятельность, целью которой было разжечь вражду вблизи финско-русских границ и ускорить финский поход на Петроград. Когда, например, форт Ино, форты Кронштадта и морские батареи Красной Горки обвинили друг друга в ведении артиллерийского огня, Генеральный штаб не преминул подлить масла в огонь, отправив 17 июня телеграмму от лица сотрудника Третьего отдела, Феррика Коппери, командиру Теслэфу и главе береговой обороны:

«По данным русской стороны, выпущенные из форта Ино в направлении Кронштадта бомбы попали в пороховые склады. Жаль, что прицел не был направлен чуть выше для точного попадания».⁵⁷

Сообщение было удивительно точно сформулированным свидетельством той провокационной игры, которую финские офицеры вели в приграничных областях. Например, лейтенант-активист Бертель Осолин из Восточного разведотдела специально расположился в приграничной зоне, чтобы быть в тесной связи с русскими отрядами, которые вели собственную подрывную войну в Петрограде.⁵⁸

Саботажем были вдохновлены не только финские офицеры разведки, активисты и русские белые эмигранты. Британские и французские подданные также пытались разными способами повлиять на события в Петрограде и Советской России. Известным примером тому могут послужить британские торпедные катера, которые с разрешения Министерства иностранных дел и Генерального штаба Финляндии хранились на причале яхт-клуба в Терийоки (нынешнем Зеленогорске). С помощью катеров

---

⁵⁶ Ahti 1987, 153–155; Polvinen 1971, 199.

⁵⁷ SA, YE, III osasto, 4/2202 D1, vänrikki Kopperin allekirjoittama III osaston säike II divisioonan päällikölle ja rannikopuolustuksen komentajalle, 17.06.1919.

⁵⁸ Ahti 1987, 183, 202, 207; Hoover Institution (HI), Stanford, Nikolay Yudenich Papers, box 13, file 68, Агентура 03.04.—08.05.1919, из заметок следует, что разведывательная организация белых эмигрантов разузнала об активистском походе в Петроград; HI, Nikolay Yudenich Papers, box 13, file 66, Рапорт 27.05.1919, рапорт генерала Гулевича из Выборга генералу Юденичу; КК, Coll. 279.119, тайный рапорт главы службы слежки из Паспортного отдела Генерального штаба, в котором обсуждаются агенты, работающие в приграничных областях, и их контакты. Хельсинки 17.07.1919; Nevalainen 1996, 80, 96; Pankakoski, 2005, 101–111.

удавалось поддерживать связь с работавшим в Петрограде британским агентом Полом Дукесом. Кроме того, за время стоянки в Терийоки в июне и июле торпедные катера нанесли два сокрушительных удара по кораблям Красного флота.⁵⁹

Принадлежащий авторству Хайкелля диверсионный план активистов состоял из двух частей: захвата кораблей и их потопления. Целью было нарушить функционирование военных судов и угнать их в финские и эстонские порты при помощи эстонских матросов и офицеров, которых финские власти держали с этой целью в Выборге вплоть до начала июня. По мнению Хайкелля, эстонцы согласились бы помочь, так как они были истинными патриотами, хотя многие из них и вышли из большевиков. Честолюбивый план потопления русского флота делился на «белую» и «красную» линию: перед завоеванием Петрограда за уничтожение кораблей отвечала симпатизирующая белым сторона. Вторая линия должна была наступить тогда, когда большевики начали бы отступление из Петрограда, и в это время агенты активистов должны были подкупить красных солдат, чтобы те повредили и потопили корабли, а также выполнили другие необходимые диверсионные работы.⁶⁰

В середине июня Хайкель написал одному из активистов Эльмо Э. Кайле о своей убеждённости в том, что благодаря программе саботажа удастся нанести городу сильный ущерб, если только Петроград не завоюют раньше времени.⁶¹ Основываясь на письме Хайкелля, можно сказать, что начальный этап кампании был многообещающим: в середине июня активно действовали две саботажные группы, которым удалось сильно навредить Красному флоту. На крейсер «Олег», например, были благополучно переправлены угонщики.⁶²

---

⁵⁹ О деятельности британцев в Терийоки, Кронштадте и Петрограде см., например: Agar, Augustus. *Baltic Episode, A Classic of Secret Service in Russian Waters*. Naval Institute Press, London 1963; Brook-Shepherd, Gordon. *Iron Maze, The Western Secret Services and the Bolsheviks*, Pan Books, London 1999, 139–147; Ferguson, Harry. *Operation Kronstadt*. Hutchinson, London 2008; Jeffery, Keith. *The Secret History of MI6, 1909–1949*. The Penguin Press, New York 2010, 175–177; Красильников Р. КГБ против МИ-6: Охотники за шпионами, М., 2000. С. 61–79; Kotakallio 2004, 38–47.

⁶⁰ KA, Kai Donnerin kokoelma, I5, Eero Heickellin kirje Elmo E. Kailalle, Viipuri 16.06.1919.

⁶¹ KA, Kai Donnerin kokoelma, I5, Eero Heickellin kirje Elmo E. Kailalle, Viipuri 16.06.1919.

⁶² Ahti 1987, 156; KA, Kai Donnerin kokoelma, I5, Eero Heickellin kirje Elmo E. Kailalle, Viipuri 16.06.1919; SA, HSA, Aunus 17, Eero Heickellin muisiinpanot 05.06.1919.

В июне — июле Хайкелль продолжал свою деятельность в Выборге и на Карельском перешейке, улаживая дела ингерманландских беженцев. Военная деятельность переселенцев активизировалась в июне, когда министр обороны Вальден пообещал им организовать их в маленькие отряды и направить к границе. 22 июля Хайкелль выехал из Выборга в Рауту на встречу с подполковником Юрьё (Георгом) Эльфенгренем, который за несколько дней до этого стал командиром областных ингерманландских отрядов. Вскоре после встречи отряды Эльфенгрена вторглись из Кирьясало в Северную Ингерманландию, откуда, однако, быстро вернулись обратно на финскую территорию. Вторжение было организованной активистами провокацией, которой они хотели побудить Советскую Россию к ответным действиям. Какими бы ни были причины самовольной экспансии Эльфенгрена, пограничные области предоставляли огромное число возможностей для осуществления тёмных замыслов активистов.⁶³

О подрывных актах лета и осени 1919 г. почти не осталось архивных источников.⁶⁴ Тем не менее ясно, что созданная Хайкеллем программа саботажа не была осуществлена в полной мере. На это повлияли различные трудности в осуществлении диверсионных работ, но прежде всего причиной были многочисленные повороты в политике сверхдержавы, которые отразились на всём Севере, затруднив воплощение в жизнь замысла захвата Петрограда. В этой ситуации многие члены финского правительства рассматривали интервенцию как рискованную игру, которая могла привести к катастрофе. Так, саботажная политика активистов потеряла весомую поддержку, которую до этого оказывали несколько министров и военных предводителей.⁶⁵

---

⁶³ КА, Kai Donnerin kokoelma, II, kirjeitä Kai Donnerille v. 1919, Eero Heickellin kirje Kai Donnerille, Rautu 12.11.1919; КК, Coll. 279.11, kirjeitä Toivo Kaukorannalle, Eero Heickellin kirje Toivo Kaukorannalle, Rautu 04.10.1919; SA, PK 2112/1, Pohjois-Inkerin vapaajoukkojen entisen komentajan Elja Rihtniemen kirjoittama todistus Eero Heickellille, Terijoki 24.11.1919; о провокационной природе вторжения Эльфенгрена см.: Ahti 1987, 202–204; Nevalainen 1996, 78–82, 96; Таргьяйнен М. А. Ингерманландский излом, Борьба ингерманландских финнов в гражданской войне на Северо-Западе России, 1918–1920 гг. СПб., 2001. С. 171; Vihavainen 1988, 153.

⁶⁴ Программа саботажа вскользь обсуждается в письме, в котором Хайкелль объясняет Каукоранте свои затраты. В письме он пишет о покупке лошадей, затраты на которую были переведены на «Счёт для флотского саботажа в Петербурге». КК, Coll. 279.11, kirjeitä Toivo Kaukorannalle, Eero Heickellin kirje Toivo Kaukorannalle, Rautu 04.10.1919.

⁶⁵ КА, Kai Donnerin kokoelma, II, Eero Heickellin kirje Kai Donnerille, Rautu 12.11.1919; Nevalainen 1996, 124, 149–150.

Время террора и его окончание

В 1918–1919 гг. на территории Финляндии располагалась передовая противоборствующего Советской России фронта, служащего ещё и тылом для террористической и диверсионной войны. Ситуация была обусловлена событиями Первой мировой войны и Гражданской войны в России, а также удобным географическим положением Финляндии. Официальные представители и тайные агенты Германии, Союзников и русских белогвардейцев стремились воспользоваться в своих целях Финляндией, располагавшейся вблизи Петрограда, «колыбели революции».

Различные диверсионные акты были частью сложной международной политики, в которой связь государственных разведслужб и терроризма не была чем-то неслыханным. Без этой обширной базы активистская политика террора вряд ли бы превратилась в такое значимое явление, каковым она в результате стала. Некоторые финские министры и военные предводители считали саботаж эффективным средством борьбы в чрезвычайных ситуациях. Такая лояльная точка зрения проложила дорогу активистам, и они смогли работать довольно свободно в контакте с государственными организациями и даже как часть их системы.

Сложная международная обстановка не была единственной предпосылкой саботажа, организованного финскими активистами и офицерами разведки против Советской России. Активисты и сами были инициаторами зарождения бомбовой политики в Финляндии. Тем самым они хотели занять главенствующее положение в государственном аппарате, так как хорошо понимали, какую выгоду можно из этого извлечь. Активисты также постигли принципы функционирования военной разведки и сопутствующих организаций. Шпионский мир открыл путь активистской политике в отношении России и придал ей ту силу, без которой она была бы совершенно банальным явлением. Под покровительством Третьего отдела активистам и их приспешникам удалось осуществить тайные операции, которые в общественных интересах не стоило предавать и малейшей огласке. По мнению активистов, мир разведки был идеальной рабочей средой. И хотя власти и распределяли ресурсы и устанавливали направление разведдеятельности, они не следили за действиями активистов настолько строго и не исключали методов террора из их политики.

Разведка, находившаяся в руках активистов, в последующие годы стала центром агрессивной антироссийской политики, главной целью которой была борьба за независимость Финлян-

дии. Разведка и осуществляемые в её тени провокации были для постактивистов тактикой, с помощью которой можно было направлять политику в нужное русло. Конспираторы не считали диверсионную деятельность некой утопической фантазией, а рассматривали её как вполне реальную схему, которую им уже удавалось применить в деле. Насилие не было для активистов проблемным с точки зрения морали, и раз за разом они охотно употребляли его, чтобы выйти из того или иного политического тупика.

Симбиоз активистов и мира разведки был, с одной стороны, козырем радикальной политики Финляндии, с другой — её слабостью. Активисты пытались повлиять на политические события с помощью интриг, провокаций и диверсионных актов, но стабилизация обстановки и усиление контроля за демократией в Финляндии уничтожили их авторитет. Тактика меньшинства активистов действовала до тех пор, пока им удавалось держать под контролем разведку Генерального штаба. Когда в 1919 г. от плана захвата Петрограда постепенно начали отходить, свобода действий активистов в Генеральном штабе была значительно ограничена. Активисты больше не могли диктовать свои правила Третьему отделу и созданной в августе 1919 г. финской политической полиции. Развитие государства остановило бомбовую политику, хотя её следы и были заметны в событиях последующих лет. 1918–1919 гг. стали для активистов сплошным разочарованием, так как они показали, что тайные организации и осуществлённые ими террористические акты не сильно повлияли на ситуацию в Советской России. Этим и объяснялось то, что финские правые радикалы больше не предпринимали в 1920-х гг. попыток террористических актов в Советской России.

Перевод с финского языка Юлии Козловой

М. В. СОКОЛОВ

ТРАКТАТ ДЛЯ ОГПУ: БОРИС ШАБЕР.
«НАРОДНИЧЕСТВО НА РУБЕЖЕ 2-Й ПЯТИЛЕТКИ»
(1933)

История знает немало текстов, родившихся в тюрьмах: от написанных в Петропавловской крепости романа «Что делать» Николая Чернышевского и статей Дмитрия Писарева до созданных в камерах Панкраца и Шпандау «Репортажа с петлей на шее» Юлиуса Фучика и «Мемуаров» Альберта Шпеера. Публикуемая работа принадлежит перу совершенно неизвестного нашим современникам литератора Бориса Шабера. Она написана в 1933 году во Внутренней тюрьме ОГПУ СССР на Лубянке. И значит стоит — в этом ряду.

О Борисе Николаевиче Шабере известно пока мало... Родился 14 марта 1903 г. Детство провел в Двинске, затем учился в гимназии в Петербурге-Петрограде. Интересовался телепатией. Во время гражданской войны находился в Витебске. Учился в сельскохозяйственном институте. Затем по состоянию здоровья переехал на юг. С 1924 по конец 1929 г. жил в Севастополе. Служил в культотделе Севрайпрофбюро, а затем в государственном акционерном обществе «Советский Турист». Поэт, литератор, эсперантист. Устроитель концертов Маяковского. В 1930 году Б. Н. Шабер перебрался в Симферополь, работал в Крымнаркомпрозе, затем стал представителем «Интуриста», далее работал в Крымском НИИ промышленности, а с середины января 1933 г. устроился во Всесоюзный Научно-исследовательский институт лекарственных и ароматических растений (ВИЛАР), где заведовал издательством.

Борис Шабер оказался в центре внимания ОГПУ СССР поначалу из-за своих контактов со ссыльным эсером-максималистом И. И. Жук-Жуковским и из-за своих поездок в Москву и Ленинград в 1932 г. Б. Н. Шабер был арестован 17 февраля 1933 г. Допрашивался в Москве. И в апреле — мае 1933 г. во Внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке написал публикуемую ныне работу «Народничество на рубеже второй пятилетки». Эта работа выделяется из ряда названных мной тюремных текстов. Это не в прямом смысле свободное от цензуры творчество писателя или мемуариста, оказавшегося в заключении, а часть сложной игры жертвы со следствием, добивающимся от арестованного показаний о небывалом. Чекисты добивались от него превращения своих идейных воззрений и кухонных разговоров о политике в признания в прямом злоумышлении против существующей власти.

По-видимому, текст возник как результат компромисса с чекистами: писатель Борис Шабер должен был разоблачить уцелевших в СССР к началу 1930-х гг. деятелей народничества как участников заговора, дав показания и на самого себя. Но он разоблачил и сталинский режим. Тактически, сделав это, Шабер морально проиграл, но стратегически выиграл: он обманул следствие, написав в застенке объективную историю народничества, находившихся в ссылке в 1920-е годы его интеллектуальных лидеров (а он встречался и с Марией Спиридоновой), защитил его идеологию и не без удовольствия в жесткой форме обличил большевистскую тоталитарную систему. Шабер показал ее как частный (хоть тогда и новый) случай диктатуры (именем социализма и всеобщего блага) группы лиц, правящих от имени народа и уничтожающих этот народ якобы во имя прогресса. Лишь в последней части рукописи Шабер воспроизвел выдумку следователей ОГПУ о разветвленном заговоре левых народников, якобы перешедших от разговоров к созданию всероссийской подпольной организации и даже выдвинувших новые лозунги, придумывая которые автор явно пародирует большевистские штампы... Фантастичность концовки текста читателю надо иметь в виду.

Теперь о ходе «расследования». Размах у сталинского следствия был немалый. Так называемое дело «Левонародников» начато было арестами в январе — феврале 1933 года. Курировалось зампредом ОГПУ СССР Я. Аграновым и начальником секретно-политического отдела (СПО ОГПУ) Г. Молчановым. Вели его с масштабом: аресты прошли среди т. н. бывших членов партии

социалистов-революционеров (ПСР), левых эсеров, максималистов, народников, просто поклонников трудов П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского в двух десятках городов: Севастополе, Симферополе, Москве, Ленинграде, Уфе, Шадринске, Алма-Ате, Ташкенте, Коканде, Свердловске. В обвинительном заключении утверждалось: «следствием выявлены также отдельные связи центра с активными эсерами в городах: Саратове. Сталинграде, Тамбове, Архангельске, Ярославле, Гурьеве, Актюбинске и Чимкенте. Всего арестовано по делу 155 членов организации»¹.

Дело «левонародников» вписывается в структуру погромных процессов против интеллектуальной элиты начала 1930-х годов, сопровождавших так называемую коллективизацию и индустриализацию.

Публичные постановочные суды над «Промпартией» 1930 года и «Союзным бюро меньшевиков» 1931 были заказаны лично Сталиным². Жертвы процессов должны были признать заговорами свои салонные и кухонные разговоры, а также попытки смягчить аппаратными методами большевистский штурм небес, а заодно дискредитировать своих покровителей, заказчиков докладов и другой интеллектуальной продукции из числа «правых».

Еще одно заказанное вождем «дело ТКП»: выдающихся экономистов Н. Д. Кондратьева, Л. Н. Юровского и А. В. Чаянова и др. — пошло несколько хуже, и на процесс аграрную профессуру выводить не рисковали. Сыграла свою роль и организованная на Западе С. С. Масловым и П. Н. Милюковым кампания в защиту профессора Кондратьева и его коллег. Власти издали удобную для себя часть показаний, а Н. Д. Кондратьев оказался свидетелем на процессе бывших «меньшевиков». В целом в рамках «дела ТКП» внесудебным репрессиям подверглось до 1500 агрономов, ученых, кооператоров.

Дело народников как бы завершает печальный список первой группы показательных дел, сфальсифицированных ОГПУ в 1928–1933 г. Следующая волна поднялась в 1936–39 гг., когда на Московских процессах и в Большом терроре была уничтожена вся коммунистическая элита ленинского времени.

В дело был втянут, например, известный внепартийный эсер Евгений Евгеньевич Колосов. Он вышел из партии еще после дела Азефа, но избирался по спискам партии в Учредительное

---

¹ ЦА ФСБ Д. Р-38683. Т. 12. Л. 226.

² Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. Сборник документов. М. «Россия молодая». 1995 г. С. 194, 217, 220.

собрание, во время Гражданской войны в Сибири фактически возглавлял народное движение сопротивления диктатуре Колчака, о чем написал любопытные мемуары «Сибирь при Колчаке».

Арестован был в 1925 году за воссоздание ЦБ ПСР в Ленинграде, переправку за границу статей для «Революционной России», а оттуда — литературы. Отсидел 3 года в политизоляторе, был в ссылке в Ташкенте, вновь арестовывался, но смог вернуться в Москву и занимался научной работой, историей народничества, не скрывая своих взглядов.

Научного сотрудника Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина Е. Е. Колосова приптели к делу по двум формальным причинам: первая — побывал у одного из знакомых — Александра Алексеевича Ховрина, у которого скрывался приятель по фамилии Суховых, бежавший из ссылки³. Вторая — хотел обменять свою книгу на последнюю работу Р. В. Иванова-Разумника, о чем написал в Ленинград, но сделать этого не успел. Фактически Колосову мстили за несколько публичных лекций, где он вполне свободно говорил о народолюбцах и их наследниках — эсерах: «Эти мои открытые выступления явились большой неожиданностью для присутствующих и впоследствии мне неоднократно заявляли, что «чувствовалось в Ваших докладах, что говорит совершенно свободный человек»⁴.

Е. Е. Колосов отстаивал свои идеи в своих статьях и книгах («Государева тюрьма — Шлиссельбург» и «Народолюбческая журналистика»), о чем говорил на следствии: «Оставаясь на прежних позициях народнического направления, я не прекращал и не нахожу нужным прекращать борьбу за свои народнические идеи. В интересах этой борьбы я пользовался трибуной легальной советской печати. Оставаясь вне борьбы за свои идеи я не мог, поэтому вкладывал в нее всю свою энергию, все свои знания и способности. Представляя в советских условиях народническое направление, я использовал легальную советскую печать с определенной целью пропаганды народнических взглядов»⁵.

Разногласия с властью он не скрывал: «Касаясь своих основных разногласий с Советской властью, вытекающих из моих народнических убеждений, я как представитель партии соц-рев., по-прежнему считаю, что разногласия эти являются в вопросе о положении крестьянства и вообще деревни. Суть этих разно-

---

³ ЦА ФСБ РФ. Р-36036. Т. 3. Л. 44.

⁴ Там же. Л. 31.

⁵ Там же. Л. 26.

гласий заключается в том, что я наблюдаю. Что центр тяжести экономической политики соввласти слишком переносится в сторону города, в ущерб деревне. Эта экономическая политика соввласти вызывает во мне опасение, даст ли эта политика те положительные результаты, на которые при других результатах мы были бы вправе рассчитывать»⁶.

От облыжных обвинений в создании народнического подполья Е. Е. Колосов попытался оправдаться с помощью подробного рассказа о своих трудах, о друзьях и знакомых, доказывая то, что он как историк — стоит ныне вне текущей политики: «Основное положение мое состоит в этом случае в категорическом утверждении, что около меня не создано за время московской жизни в 1931–33 г. никакой концентрации никаких народнических сил. Я оставался чем дальше, тем больше в изолированном положении, лишенный всякой возможности в чем-либо опираться на какую-либо группу своих единомышленников»⁷. Видимо, Колосов не понимал, что в 1933 г. даже в одиночку пытаться приближаться к исторической правде уже было недопустимой политикой.

За свою наивность Колосов заплатил 3 годами Суздальского политизолятора, последующей ссылкой в Тобольск. В 1937 году он был там расстрелян в один день со своей женой. По этому пути пошли многие пострадавшие по «левонародническому делу»: тюрьма, лагерь, ссылка — расстрел...

До сих пор эта история известна лишь по книге «Тюрьмы и ссылки» писателя Разумника Васильевича Иванова-Разумника. В своих записках, изданных в эмиграции, он описал механизм создания амальгамы, когда люди, случайно встретившиеся, знавшие друг друга по книгам или понаслышке, были впутаны ОГПУ в сеть мифического «заговора».

Следователи старались получить от арестованного близкое к действительности описание реальных политических взглядов в том виде, как они высказывались в очень узком кругу. Заставить признать участие в подпольной организации. Превратить друзей и знакомых подследственного, желательно из числа бывших политиков, в членов этой организации. Дополнить его размышления о тех или иных вариантах политического развития и выхода СССР из кризиса фантастическими признаниями в готовности использовать для этого восстание и террор. Использовались разные механизмы давления: и демонстрация расстрела, как

---

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 51.

это делали с жертвами процесса «Союзного бюро меньшевиков», и пытки, о чем, вспоминая о событиях 1931 г., писал М. П. Якубович: «Избивали (били по лицу и по голове, по половым органам, валили на землю и топтали ногами, лежащих на земле душили за горло, пока лицо не наливалось кровью и т. п.), держали без сна на «конвейере», сажали в карцер (полураздетыми и босиком на мороз или в нестерпимо жаркий и душный, без окон) и т. д.»⁸.

Или вот что писал в жалобе 3 мая 1931 г. проходивший по пересекавшемуся с «ТКП» делу кооператоров и почти год заключения так и не давший «нужных» показаний сотрудник Хлебоцентра Иван Дмитриевич Синютин: «За 10 мес[яцев] я был: 1) без прогулок 9 мес[яцев]. 2) Без передач 7 м[есяцев], в том числе 5 м[есяцев] без бельевых, 3) в одиночке — 7 мес[яцев], в том числе 40 сут[ок] без вещей, дн[евного] света и доступа воздуха. 4) без книг — 7 м[есяцев], 5) зимой без всяких зимних вещей»⁹. На полтора десятка проходивших по этому делу не пошли на сделку со следствием всего трое...

Мемуарист Р. В. Иванов-Разумник не приукрасил свое поведение в 1933 г.: как и многие, героем он не был. Писатель, не дожидаясь нажима, согласился на любопытную сделку с чекистами: он подписывает нужные им протоколы, а следователям — принимают написанные им тексты с его версией событий. К сожалению, в деле эти протоколы «Б» в отличие от версии «А» сохранились не полностью: Иванова-Разумника обманули...

Чекистов интересовали поездки Шабера в Питер. В Ленинграде он встречался с Р. В. Ивановым-Разумником. В показаниях Р. В. Иванова-Разумника зафиксировано: «Из Москвы в Ленинград приезжал Браун Я. В., который был у меня и у Д. М. Пинеса. В самое последнее время — в ноябре 1932 г. — из Москвы приезжал в Ленинград эсер Шабер Б. Н. Он привез мне письмо — рекомендацию от Брауна из Москвы. Шабер информировал меня о Крымской ссылке — о Мальме, рассказывал, что последний отбывает ссылку в Севастополе, а сам Шабер в Симферополе. В Ленинграде помимо меня — Шабер посетил и имел беседу с Д. М. Пинесом»¹⁰.

В мемуарах Иванов-Разумник не может (или не хочет) вспомнить фамилию собеседника и утверждает, что говорил с ним в основном о литературе.

⁸ Большевикский процесс 1931 г. Т. 2. М. Росспэн 1999. Т. 2. С. 459.

⁹ ЦА ФСБ, Д. Р- 27056. Т. 14. Л. 129.

¹⁰ Архив ГПБ. Ф. 16. Следственное дело Иванова-Разумника. Л. 220. Цит. по <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=6040>

В главе «Юбилей» Иванов-Разумник писал: «Долго пробывший в изоляторах и ссылках левый эсер Я. В. Браун получил в самые последние годы разрешение жить в Москве. Раз или два приезжал он в Петербург, чтобы попытаться устроить в издательствах сборник критических статей (об А. Белом, о Евг. Замятине), и оба раза был у меня по этим делам. Летом 1932 года явился ко мне с письмом от него какой-то молодой человек; в письме значилось, что имярек («имя» — начисто забыл), приехавший из Симферополя, желал бы услышать мое мнение о своих стихах. Молодой человек прочел мне ряд стихотворений, мы поговорили о них; потом я расспросил его о Симферополе, знакомом мне по студенческой ссылке. Из разговора выяснилось, что он — тоже ссыльный¹¹; я даже не спросил, по какому делу, какой партии; из некоторых выражений готов был заключить, что ему близки были взгляды анархизма. Следователи откуда-то были осведомлены об этом посещении, напомнили мне фамилию молодого человека (опять забыл начисто) и следующим образом сформулировали в протоколе «А» соответственный пункт: «Поддерживал личную и письменную связь с Я. В. Брауном, от которого летом 1932 года был прислан ко мне левый эсер имярек...» Имярек оказался левым эсером; но кем бы он ни был — факт тот, что это было мне совершенно безразлично и что мы с ним ни слова не говорили о политике. Нашло ли это хоть малейшее отражение в протоколе «А»? Конечно, нет; ведь мне же предоставлено было писать об этом в протоколе «Б». Таким образом, протоколы «А» являлись сплошной фальсификацией¹². Возможно, что и другим была предложена какая-то подобная сделка. И столь же наглый обман.

На такую мысль наводит документ, сохранившийся в деле одного из ключевых персонажей «дела левонародников» бывшего эсера-максималиста писателя Якова Вениаминовича Брауна (1889–1937). Яков Браун родился в Елизаветграде. Окончил шестиклассное городское училище, был экстерном при гимназии, закончил в Елизаветграде коммерческое училище. В 1912 году уехал в Грац, где до августа 1914 года учился в технологическом институте. Работал журналистом. В народнических кружках

---

¹¹ Документы следствия не упоминают о каких-то репрессиях против Б. Н. Шабера до 1933 г.

¹² Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. Сост. В. Г. Белоуса; коммент. В. Г. Белоуса, А. В. Лаврова, Я. В. Леонтьева, Ж. Шерона. М., 2000. С. 191–192.

участвовал с 1914 года, с 1917 был членом партии эсеров, прикнуд к левому крылу. В 1919 году был членом сотрудничавшей с РКП партии боротьбистов и членом Киевского совета рабочих депутатов. В 1920 был председателем Харьковского комитета боротьбистов, и редактором газеты ЦК этой партии «Борьба». В 1921 г. был арестован и год просидел в Харьковском политическом концлагере. В 1922 переехал в Москву и был членом ЦК объединения левых эсеров и максималистов. Печатался в журналах «Авангард», «Театр и музыка», «Жизнь искусства», «Мастерство театра», «Сибирские огни»¹³.

Я. В. Браун был арестован за выступление с докладом «Лавров и современность» на вечере, посвященном столетию со дня рождения П. Н. Лаврова, 15 июня 1923 года в Политехническом музее, проходившем под председательством В. Н. Фигнер. Сидел в тюрьмах с 16 сентября 1923 года по 28 сентября 1926 г. Отбыл 3 года Ярославского политизолятора. Времена были травоядные, и, как пишет Браун, «в тюрьме неустанно работал, как писатель, написав около 40 печатных листов. Часть этих моих работ тогда же увидела свет (повесть «Самосуд», ряд статей в «Сиб[ирских] Огн[ях]» и «Новой России»¹⁴. Его даже приняли во Всероссийский союз писателей. В 1926 г. автоматически получил три года ссылки в Зырянский край ссылки в город Усть-Сысольск, где и пробыл по октябрь 1929 г.¹⁵ В Коми служил экономистом в облфинотделе и облплане. Написал повести «Гамбит дьявола», «Старики», «Надругаться». Как раз к окончанию срока ссылки в сентябре 1929 года на Брауна отдел ОГПУ Коми уже сфабриковал дело о нелегальной антисоветской деятельности по ст. 58–10. Брауна арестовали, но почему-то ОСО ОГПУ в Москве оставило его в покое¹⁶.

С октября 1929 года Я. В. Браун жил в Москве, служил литредактором в журнале «Скотоводство», писал роман «Гипнотические парки». Был с 1923 года знаком с жившим в Детском Селе писателем Р. В. Ивановым-Разумником, встречался с ним в 1930 году в Ленинграде.

После ареста в 1933 году Я. В. Брауну дали возможность написать подробное письмо в Коллегию ОГПУ СССР с копией же на имя генерального секретаря ЦК ВКП (б) И. В. Сталина. По-

---

¹³ ЦА ФСБ. Д. Р-36 036. Л. 10–11.

¹⁴ Там же. Л. 12.

¹⁵ Ныне — Республика Коми, г. Сыктывкар.

¹⁶ ЦА ФСБ. Д. Р-36036. Т. 6.

дозреваю что, письмо вождю не отправлялось, раз осталось в деле без резолюций.

Яков Браун подробно описал и «труды» следователей, и изложил свои политические взгляды.

«В ночь с 14 на 15-ое февраля т. г. я был арестован у себя на квартире и заключен во Внутренний корпус ОГПУ. С тех пор в течение семи ночей подряд (16-го, 17-го, 18-го, 19-го, 20-го, 21-го, 22-го) между 2-мя и 6—7 часами ежедневно меня допрашивали следователи ОГПУ Сидоров и Шалавин, причем за явным отсутствием какого бы то ни было обвинительного материала (поскольку никакой политической работы я с 1926 г. не веду) и сосредоточили весь допрос на моих политических мнениях и воззрениях.

С самого же начала допроса я заявил что во 1-х за все время проживания в Москве после возвращения из тюрьмы и ссылки, т. е. за период с октября 1929 г. по февраль 1933 г., я занимался помимо служебной работы в качестве литредактора журнала «Скотоводство», исключительно художественно-литературной деятельностью (очерки о мясовохозах, роман «Гипнотические парки» и др.), а досуги сплошь отдавал шахматам; во 2-х, я всегда отрицал, и столь же твердо и сейчас отрицаю методы нелегальной работы против советской власти, и это многократно мною официально декларировалось в заявлениях, не говоря уже о том, что я никогда нелегальной работой в советских условиях не занимался (занимался я ею только против гетманщины и деникинщины на Украине).

Переходя к характеристике своих политических воззрений, я заявляю следующее:

Будучи по своему мировоззрению левонародником-максималистом, я разумею под этим:

а) Признание плюралистической (интегральной) теории факторов (т. е. не единого только экономического, но и политического, национального, полового и психологического);

б) признание трудовой личности субъектом исторического процесса;

в) признание социалистического характера происходящей революции, которая непрерывно расширяясь и углубляясь, должна привести к торжеству социализма во всем мире; отрицание какой бы то ни было промежуточной «программы-минимум»;

г) признание классовой базой социалистической революции пролетариата и трудового крестьянства;

д) признание необходимости диктатуры трудящихся классов над нетрудовыми элементами (городской буржуазией, сельским кулачеством) на протяжении всего переходного периода;

е) признание органами этой диктатуры советов раб[очих] и кр[естьянских] депутатов.

Условием полного и последовательного осуществления социализма, т. е. условием полного обобществления орудий и средств производства, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, а также торжества социалистических форм труда, обмена, распределения, социалистической культуры, является победа социалистической революции в международном масштабе (т. е. в основных капиталистических странах — САСШ, Англии, Германии, Франции). Пока этого нет, борьба за социализм и социалистическая стройка в СССР (в условиях капиталистического окружения) носит вынужденно неполный и далеко не всегда последовательный характер. Это, конечно, несколько не умаляет огромного исторического значения этой борьбы и строительства.

Будучи принципиальным сторонником трудовой советской демократии, я считаю, что правящая партия — ВКП (б) в такой же мере права, проводя политику беспощадных репрессий по отношению к враждебным социализму классам и их группировкам, в какой мере она неправа, проводя аналогичную политику по отношению к советски, но не строго-большевистски мыслящим элементам из среды трудящихся классов.

Я считаю однако, что лозунг «бесклассового общества», возвещенный ВКП (б) в качестве лозунга второй пятилетки, должен в своем последовательном осуществлении привести к демократизации политики партии, т. е. к торжеству социалистической трудовой демократии в СССР (а в будущем — и во всем мире). Диктатура пролетариата в бесклассовом обществе логически невозможна уже по одному тому, что классовые грани сотрутся и, следовательно, пролетариата как такового не будет. Сказанное, конечно, отнюдь не означает ослабления хотя бы на йоту обороноспособности СССР по отношению к внешнему капиталистическому миру: наоборот, в бесклассовом обществе наша обороноспособность должна достичь предельной мощи.

Говоря это, я должен подчеркнуть, что я и сейчас, как и на протяжении всех 15 лет существования советской власти, являюсь безоговорочным сторонником обороны СССР от натиска извне.

Переходя к оценке экономической политики ВКП (б), я считаю необходимым со всей прямотой и честностью отметить следующее. Большевики и левые с.-р.-ы выдвигали противоположные друг другу методы управления промышленностью и промышленного строительства: большевики — метод национализации, левые с.-р.-ы — метод синдикализации (т. е. передачи управления соц.

промышленностью и промстроительства в руки производственных рабочих отраслевых союзов.

Однако, независимо от этих старых принципиальных установок, необходимо признать, что факт широчайшего развертывания промышленного строительства, руководимого ВКП (б), факт увеличения втрое выхода товарной промышленной продукции к концу первой пятилетки по отношению к довоенному времени (1913 г.), — факты эти сами по себе настолько творчески убедительны, что двоякой оценки их быть не может. Тем не менее, сама практика промстроительства на протяжении первой пятилетки отличается рядом серьезных дефектов, важнейшими из которых я считаю:

1) Совершенно недостаточное внимание делу строительства и развертывания предприятий легкой индустрии; нет сомнения что именно в этом корень тех затруднений какие сейчас испытывает страна в вопросах снабжения населения промтоварами.

2) Стремление к сверхтемпам в деле индустриализации нередко приводило на практике к своеобразному «перегибу», который я бы назвал индустриальным фетишизмом; я разумею под этим нарушение гармонии между интересами производства и интересами производителей (рабочих), совершенно недостаточное внимание к материальным и культурным нуждам живого рабочего человека (недоснабжение, слабое жилищное и коммунальное строительство и т. п.); подобные «перегибы» угрожают основному капиталу, базису социалистической стройки в СССР — физическому здоровью и работоспособности пролетариата.

Касаясь сельскохозяйственной политики ВКП (б), я должен заявить, что лозунг и принцип коллективизации единоличных крестьянских хозяйств, выдвинутый ВКП (б) в начале первой пятилетки, целиком совпадает с программными установками левонароднического максимализма.

В противоположность правым эсерам, защищавшим идею социализации земли, левые эсеры и максималисты выдвигали идею социализации земли и сельского хозяйства, разумея под этим добровольную коллективизацию единоличных крестьянских хозяйств, объединение живого и мертвого с.-х. инвентаря, создание широчайшей сети с.-х. артелей, коммун и т. п. при неуклонной борьбе за повышение технической базы сельского хозяйства. Для меня совершенно аксиоматично, что социализм в деревне возможен только на путях коллективизации на путях колхозного строительства, либо он невозможен вовсе (последнее для меня как для революционного социалиста, конечно же, исключается).

Совхозы же я рассматриваю как культурно-опытные хозяйства, где применяется новейшая научная сельскохозяйственная техника. Их роль в моих глазах — подсобная, подсобная делу колхозного строительства.

Сказанное делает понятным мое глубоко-положительное отношение к колхозному строительству в СССР.

При всем том, что практика колхозного строительства выявила целый ряд крупнейших недостатков, а именно:

1) Погоня за количественными успехами в деле коллективизации, горячка «превышения планов», закипевшая в краях и районах, привела во множестве случаев к резким административным перегибам на селе, доходила до «коллективизации» крестьянских изб, куриц и ... бочек с огурцами, что угрожало скомпрометировать саму идею коллективизации в глазах трудового крестьянства; сказанное особенно относится к первому периоду коллективизации (1928—30 г.); весной 1930 г. ЦК ВКП (б) сумел одернуть этих лихих кавалеристов от коллективизации, однако администрирование до конца не изжито и по сей день;

2) Одновременно все еще не получила достаточно широкого развития низовая производственная самостоятельность колхозников; между колхозной головкой, его активом и колхозной массой «пассивом» наблюдается (весьма нередко) известный разрыв; колхозная масса далеко еще не втянута в строительство новой колхозной жизни и управление колхозом.

3) Наконец многое еще не сделано для стимулирования материальной заинтересованности колхозников в повышении производительности и улучшения их труда; именно здесь следует искать главную причину низкой урожайности, засоренности полей сорняками в результате небрежной обработки почвы, и т. п.; начиная со второй половины 1932 г. в этом направлении заметен серьезный поворот (декреты правительства о колхозной торговле, о хлебном налоге с гектара, вместо расплывчатой контрактации; оплата колхозам по числу отработанных трудодней и т. п.), нет сомнения, что уже в 1933 г. скажется положительный эффект этих мероприятий.

В заключение я считаю необходимым коснуться политики ВКП (б) в самой родной мне отрасли — в области художественной литературы. Монополия РАППа в искусстве, имевшая место до весны 1932 г. привела к оскудению литературы, к писательской «обезличке», к буйному росту сорняков «красной халтуры»: вместо многогранного отражения в художественном слове нашей вулканической эпохи, в литературе 1928—31 гг. воцарился штамп,

упрощенчество, аллилуйщина, тематика резко сужена, отрицательный тип стал почти запретным, философия художественного произведения снижена до «агитки», роман — до поверхностного очерка, критика — до лихого «заезжательства», критики всех «не-рапповцев», длительное и углубленное вынашивание произведения едва ли не объявлено «отставанием от жизни», «хвостизмом» и т. п.

Постановление ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 года было встречено вздохом облегчения всей писательской общественности. Я, в частности, тогда же принял решение о вступлении в единый союз советских писателей, поскольку два политических пункта, выставленных ЦК — приятие советского строя и сочувствие делу социалистического строительства — мною целиком разделяются.

Я — прежде всего и после всего художник (беллетрист и литературный критик). Цель и смысл моей жизни в том, чтобы послужить делу социализма своим художественным словом. Если на протяжении этих лет дорога в художественную литературу была мне заказана, то в этом не моя вина, в этом — моя трагедия.

Таковы в важнейших чертах мои воззрения, изложенные во время этих семидневных допросов. Нетрудно видеть, что во взглядах мною выраженных можно усмотреть все, что угодно, кроме одного: отсутствия прямоты и резкой четкости.

Тем не менее, следователи (Сидоров и Шалавин) бесконечно и на все лады говорили о том, что у них создается впечатление о моей неискренности, что взгляды, мною высказанные — «ширма», «декорация», «двурушничество», «дымовая завеса». Они отказались даже записать мои показания («станем мы всякую муру записывать» — заявил мне один из них), пытаюсь представить мое отношение к советскому строю, как сплошную тьму египетскую.

Совершенно очевидно было, что мне пытались продиктовать, навязать показания, вопиющим образом противоречащие моим убеждениям. Наконец, на восьмом допросе, имевшем место в ночь на 26 февраля, следователь Сидоров зачитал мне отрывки из чьих-то полуграмотных, клеветнических показаний о моих воззрениях, отрывки, представляющие отвратительную и лживую пародию на мои взгляды. Причем на мою просьбу назвать хотя бы имя этого клеветника, ответил категорическим отказом. Когда я заявил, что к моим прежним показаниям мне нечего добавить, что я не позволю диктовать себе показания, как не способен клеветать на самого себя, — следователь распорядился о моем уходе в камеру.

Рассматривая подобные действия следователя как вопиющее извращение задач следствия, как проявление голого, ничем не прикрытого желания навязать заключенному чуждые и враждебные для него воззрения, стремление очернить его собственными его устами, — я апеллирую к Вам в надежде, что Вы положите конец подобным «допросам с пристрастием» и «следовательскому восторгу».

Я привык за свои убеждения расплачиваться своей кровью: семь с половиной лет, проведенных мною в тюрьме и ссылке, достаточной порукой моему мужеству и искренности. Неужели же нужны еще дополнительные кары, еще новые репрессии, чтоб испытать степень моей преданности советской системе?

Я жду от Вас полного моего освобождения и предоставления мне подлинной возможности отдать все свои силы созданию советской художественной литературы, достойной эпохи социализма.

Яков Браун.

Москва, 1 марта 1933 года.

Внутренний корпус ОГПУ.

Камера № 104.»¹⁷

Вместо освобождения Яков Браун получил особый надзор в связи с потенциальной возможностью суицида: «Просим усилить наблюдение за заключенным Брауном Яковом Вениаминовичем, так как по имеющимся данным, он может сделать попытку самоубийства», — написал тюремщикам помощник начальника СПО отдела ОГПУ Г. С. Люшков¹⁸.

Через некоторое время Яков Браун стал подписывать протоколы, нужные следствию, и... получать продовольственные передачи...

И Я. В. Браун, и Р. В. Иванов-Разумник, как многие другие к концу следствия подписали разнообразные признательные показания, сознавшись и в том, что было, и чего не было. А что было на самом деле? Была переписка со ссылными, несколько открыток Иосифа Жука-Жуковского за границу левому эсеру И. З. Штейнбергу.

Арестованный в Свердловске левый эсер электрик Шолом Израилевич Ерухимович отрицал, что сам в ссылке вел какую-либо политическую работу. Он иронично писал: «Если большевикам нужно знать действительное мнение левых эсеров по политичес-

---

¹⁷ ЦА ФСБ. Дело Р-36036. Л. 18–19.

¹⁸ Л. 42.

ким и программно-тактическим вопросам, то для этого имеются иные возможности, чем допросы в здании ГПУ. Для этого есть путь прямых политических переговоров с руководящими товарищами нашей партии т. е. ЛСР».

Но Ш. И. Ерухимович признал в апреле 1933 г., что вел переписку с отбывавшими ссылку левыми эсерами Спиридоновой, Каховской, Майоровым, Самохваловым. Главное, он имел наглость переписываться на идиш с жившим в Берлине двоюродным братом Хаимом Иосельсоном в 1927–28 и 1932 году (а эти письма якобы могли попадать И. З. Штейнбергу): «Я ему кроме личных своих вопросов сообщал о левых эсерах находящихся в ссылке и в тюрьме и о их придвижении в связи с изменением места жительства. [...] Примерно летом 1932 года Иосельсон мне сообщил о том, что черновская правозэсеровская группа в отношении возможности войны с Японией стоит на ультра-оборонческих позициях. О других моментах партийной политики черновской группы мне ничего не известно [...] В своей переписке с Иосельсоном сообщали о положении в стране, к которой каждый из нас проживает. В августе месяце 1932 год я ему писал следующее: «Нашу жизнь я бы назвал экзотической, если бы это слово было подходящее. Такая здесь пестрота, такое сочетание Востока и Запада, черного и белого, яркого света и глубокого мрака, что часто даже опытные люди теряют чувство действительности и воспринимают одну вещь за другую. Если бы ты здесь был, то многое увидел бы интересного.

Если ты читаешь наши газеты, то в них по временам находишь намек, который снимает покрывало, покрывающее нашу жизнь. Это покрывало достаточно густое, и тот, кто не имеет достаточного зрения, не видит, что под ним есть, и он фантазирует и видит только то, что желательно ему или его советнику. Все вздыхают, не хватает самого необходимого.

К тому же потеряли веру, что скоро кончатся эти пять лет, и начнется лучшая жизнь. В настоящее время многие желали бы просто умереть, и часто они так кончают счеты со своей жизнью, но больше людей умирает просто от своей жизненной тяжести. Очень высока детская смертность. Мы здесь на месте мало что знаем, что делается в стране. Что-то нарастает, на это даже указывает обращение наших властителей.

Так, например, мы не знаем, что в нашей бывшей столице весной около 20 тысяч рабочих на многих фабриках и заводах оставили работу. В деревне еще хуже, растаскивают все, что только можно, умереть с голоду никому не хочется. В деревне

еще хуже, растаскивают все, что только можно. Умереть с голоду никому не хочется. В деревнях настоящий голод, люди бежат¹⁹, куда глаза глядят, так что снять урожай с меньшей, чем в прошлом году площади было труднее и продолжительней. Ржаной хлеб летом был как бисквит. Одним словом, мы увязли с головой. Существующий порядок показывает свою несостоятельность. Сейчас проводится военная подготовка. Можно подумать, что завтра начнут драться».

В том месте, где я писал о 20-и тысячах рабочих б.[ывшей] столицы мне стало известно от кого-то из ссыльных, приехавших из Ленинграда, т. к. дело это происходило в Ленинграде.

В другом своем письме на запрос Иоссельзона о событиях в Иваново-Вознесенске о рабочей забастовке там весной 1932 года, я ему сообщал, что там вовсе не было так страшно, как это пишется у вас за границей. Как мог знать Иоссельзон о событиях в И[ваново]-Вознесенске, мне неизвестно, сам же я об этом узнал от одного из рабочих на стройке Втузгородка. Фамилию этого рабочего я не помню»²⁰.

Кроме переписки были и крамольные разговоры на квартирах, недовольство репрессиями, погромом крестьянства, цензурой. Нормальная кухонная реакция на расцвет тоталитаризма. Собственно в таких же недозвоненных разговорах вынужден был признаться арестованный в Симферополе и привезенный в Москву литератор Б. Н. Шабер.

Сначала Борис Шабер говорил о случайном знакомстве с Яковом Брауном в шахматном павильоне в Москве (так они договорились) и о беседах исключительно литературного свойства: «В 1932 году в августе месяце я был командирован Крымским Научно-исследовательским институтом промышленности, в котором я работал, в Москву и Ленинград для получения на заводе им. Дзержинского и в Ленпромхиме ряда материалов исследовательского порядка, связанных с организацией на Сакском химзаводе производства бромселей.

Будучи в Москве, в один из вечеров (в какой, точно не помню сейчас) я посетил Парк культуры и отдыха. Осмотрев его, я набрел на шахматную «комнату» (в кавычках, ибо она была под открытым небом) и некоторое время наблюдал за игрой, будучи сам шахматистом. Когда за одним из столиков закончилась партия, один из шахматистов ушел, я предложил другому сыграть

---

¹⁹ Так.

²⁰ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-36036. Т. 4. Л. 19–21.

и подряд проиграл ему 2 партии. Во время игры мы разговорились. Мой партнер оказался писателем, сделавшим ряд поразивших меня по своей меткости замечаний о некоторых писателях и поэтах (Борисе Пастернаке, Пильняке и др.). Тогда я сообщил ему, что литература представляет для меня любимейшую область и в нескольких словах рассказал ему о своем творчестве. После этого мы оформили наше случайное знакомство. Моим новым знакомым оказался Яков Вениаминович Браун. Он рассказал мне о сюжете своего романа, над которым работал. Я прочитал ему здесь за доской какое-то свое стихотворение, или отрывок, и мы почувствовали друг к другу живую симпатию. Я. В. Браун пригласил меня к себе, чтоб «отыгаться» и «литературно провести время». На что я с удовольствием согласился.

Был я у него на квартире 1 или 2 раза (кажется два), там он познакомил меня со своей женой Алей, которая также оказалась равнодушной к вопросам литературного порядка. Эти два вечера мы до глубокой ночи беседовали о современных писателях и поэмах и читали. Я прочел целый ряд своих вещей, которые в основном очень понравились Я. В., сделавшему в то же время ряд ценных указаний и замечаний. Он прочитал повесть «Гамбит дьявола»²¹, которая произвела на меня прямо потрясающее впечатление.

Совершенно очевидно, что расстались с Брауном после этого настоящими друзьями, с решением продолжить так случайно начавшееся знакомство.

На возвратном пути из Ленинграда остановившись в Москве на несколько дней, я, насколько мне помнится, или совершенно не виделся с Я. В., или виделся но раз. Впрочем, уточню (вспомнил!) — не виделся. Но был у него, узнал от соседки, что у него умерла мать, он с женой на похоронах и оставил ему соболезнующую записку.

Спустя месяц или полтора я был вновь командирован институтом в Москву и Ленинград по вопросу того химического исследования, над которым я работал. Конечно я посетил Брауна, только что вернувшегося из отпускного пребывания где-то на Волге.

На этот раз он читал несколько глав из своего романа «Гипнотические парки». Я в числе прочих своих вещей большую поэму «Соль земли».

---

²¹ Опубликована в 1999 г. Браун, Я. Глаза. Гамбит дьявола. — В сб. За что? Проза, поэзия, документы. [Текст]: сборник. — М.: Новый Ключ, 1999. — 560 с. — ISBN 5-7082-0061-8.

Эта поэма показалась Я. В. идеологически незаконченной, и он много спорил с моей трактовкой судьбы интеллигенции, которую я в общественном смысле декларировал как:

«В прошлом тени великой Голгофы,
Настоящее — трын-трава».

Здесь впервые беседа затронула политическую тему, однако крайне поверхностно, и почти исключительно, сколько мне помнится, в плоскости позиции эмиграции и вредительства. Причем мы сошлись в единодушном осуждении и того, и другого.

Я посвятил Брауна в свои планы договориться в Ленинграде в Изд-ве писателей об издании сборника стихов. Браун горячо приветствовал намерение и спросил, не затруднит ли меня небольшое поручение с его стороны — передать в изд-во книгу его повестей «Любовь к дальнему» и письмо писателю Михаилу Казакову.

Я с готовностью согласился и спросил его, нет ли у него в Питере знакомых, которые являлись бы знатоками литературы, и, в частности, поэзии. Браун предложил мне дать письма к Иванову-Разумнику и Пинесу, предупредив, что первый является чрезмерно строгим критиком, признающим только блока и Белого + с натяжкой Есенина, а остальных считающим «эпигонами». Имя Разумника Васильевича Иванова было мне хорошо известно по литературе, и поэтому его оценка стихов моих для меня показалась весьма заманчивой.

В Питере я виделся и с Д. В. Пинесом, и с Р. В. Ивановым, которому я читал свои стихи, получив об них весьма ценную и доброжелательную критику. Никаких политических разговоров между ним и мною не было, никаких ни письменных, ни устных поручений они для Брауна мне не передавали (кроме приветов).

После этого ни Я. В. Брауна, ни его ленинградских знакомых я уже не видел, и уже из Симферополя написал ему 2 или 3 письма, и получил от него примерно столько же. Его письма ко мне были взяты у меня при обыске, и поэтому распространяться об их содержании я считаю излишним»²².

Думаю, что все рассказанное о литературе на допросе 21 февраля 1932 года не было выдуманно и выглядело вполне убедительно. Но, к несчастью для Шабера, арестованный в Москве инженер Виктор Васильевич Скобелинг через несколько дней начал, в духе того, что от него требовали чекисты, придумывать, что с 1925 года он участвует в создании народнического подполья.

---

²² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-38683. Т. 5. Л. 3–5.

В. В. Скобелинг подробно рассказывал обо всех своих контактах, упомянул о приездах Шабера в Москву и Ленинград, о знакомстве с ним, о его встречах с Брауном и о том, что им Шабера рекомендовал сосланный в Симферополь бывший левый эсер Иосиф Иванович Жук-Жуковский: «Особенно тесную связь Москва осуществляла с группой леваков, возглавляемых Жук-Жуковским по Крыму. Должен указать, что Крым и связи по Крыму имели для нас большое значение, т. к. мы могли использовать его для связи с другими центрами, используя легальное положение товарищей. Связь с Крымом осуществлялась через проживающих в Симферополе Михаила Элинсона и Бориса Ник[олаевича] Шабер. [...] Из Крыма же в Москву в течение 1932 г. два раза приезжал Б. Н. Шабер (личная связь Брауна). В последний приезд в Москву по поручению Брауна Шабер выезжал в Ленинград с явками к Иванову-Разумнику, Пинесу Дм.[итрию] и Мих.[аилу] Казакову»²³.

Следователи довольно быстро разговорили и И. И. Жук-Жуковского. Он попытался объявить голодовку, но 23 февраля 1933 года сообщил: «Относительно поездки Шабера в Москву показываю, что Шабер виделся с Брауном по моей рекомендации и с моих слов зная, что представляет из себя Браун»²⁴. После этого ему вернули очки, стали подкармливать.

7 марта и Я. В. Браун сообщил: «Не желая наводить тень на Жуковского и причинять неприятности Шаберу, я говорил о случайном знакомстве. В действительности Шабер, приехав из Симферополя, явился ко мне на квартиру с рекомендательной запиской Жуковского. Текст записки: «Дорогой Изя, рекомендую Вашему вниманию Бориса Николаевича, он заслуживает полного доверия. Целую, Саша».

Встречи мои с Шабером имели место 4 раза. Беседы наши носили исключительно литературный характер (чтение друг другу наших художественных произведений и их обсуждение. [...])

Мне известно, что Шабер ездил в Ленинград, во первых, в служебную командировку, во-вторых, имея целью устроить издание книги своих стихов. Последнее он надеялся сделать через Ник. Тихонова. Я дал ему поручение попытаться устроить книгу своих повестей. Для того, чтобы облегчить ему эту работу, я дал ему записки к И. Груздеву, Мих[аилу]. Казакову, Р. В. Иванову.

---

²³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-36036. Т. 5. Л. 14–15.

²⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-36036. Т. 2. Л. 19.

С первыми двумя я вел переговоры о своей книге и просил обратить внимание на стихи Шабера. Р. В. Иванову я сообщил, что закончил свой роман и рекомендовал его вниманию поэмы Б. Н. Шабера. Насколько я знаю, Шабер в Ленинграде с И. Груздевым говорил по телефону. Встреча оказалась излишней, так как Груздев оказался не имеющим отношения к изд[ательству] писателей. Виделся Шабер с Казаковым и Р. В. Ивановым, у которого застал писателя Шишкова Вячеслава и при нем читал Р. В. Иванову свои стихи и сообщил, что я закончил роман хочу привезти его в Ленинград, чтобы устроить в издательство и попутно прочитать его Р. В. Иванову. Беседа Шабера и Ивановым происходила в присутствии Шишкова. Насколько я знаю, Шабер больше ни с кем из моих знакомых в Ленинграде не виделся. На обратном пути Шабер остановился в Москве в Доме Ученых, заболел, звонил мне по телефону и сообщил, что имеет мне передать книгу Казакова и сведения о его поездке. Лично я не виделся с ним, так как в это время у меня был обыск, и я не хотел встречей с Шабером навлечь на него неприятности»²⁵.

Уже после этих признаний хронически больного Бориса Шабера, как говорится, приперли к стенке. Следствию он был нужен в роли курьера, связавшего подпольные группы Крыма, Москвы и Ленинграда. Тут уже начинает перемешиваться правда со следственным вымыслом.

Уже на допросе от 7 марта 1933 года Борис Шабер показывает:

«Направление к Я. В. Брауну было дано мне И. И. Жуковским-Жук в виде рекомендательного письма, вделанного в переплет книги. Это письмо рекомендовало меня как «Нашего общего друга, которому прошу верить, как верите мне», и с которым «можно говорить вполне откровенно обо всем».

По приезде в Москву я остановился в Общежитии ученых комиссий содействия ученым при СНК СССР на Скатерном пер. 4.

У Брауна я был, если не ошибаюсь, три раза. Первый раз я не застал его дома, и вручил письмо Жуковского его жене Але, о которой я знал от Жуковского-Жука как о члене партии левых С-Р.

С ней же я условился о дне и часе свидания с Брауном. Оба последовавшие затем свидания с Брауном были продолжительными: 3–4 часа каждое, причем наши беседы падали в основном на ночные часы, когда жена Брауна уходила спать. Один раз Аля

---

²⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-36 036. Т. 1. Л. 33–34.

присутствовала в течение 1–1 ½ часов при нашей беседе, но затем оставила нас одних и ушла в спальню.

Все свидания происходили на квартире Брауна в «Городке Скотовода». Беседы велись по просьбе Брауна вполголоса, так как он опасался того, чтобы наши беседы не были подслушаны его соседями. В обоих случаях по окончании бесед (в 3–4) часа ночи я оставался ночевать у Брауна и утром уезжал от него по делам службы.

В беседах со мной Браун дал анализ общеполитического положения Советского Союза, который, в основном сводился к следующему. Страна, по мнению Брауна, переживает в настоящее время, крайне напряженное экономическое и политическое положение. Напряженное экономическое положение характеризуется по заявлению Брауна следующими основными показателями.

Коллективизация, проводимая насильственными палочными методами, потерпела безусловный крах, и вызвала такие явления, как развал колхозов, повсеместный саботаж крестьянства, резкое сокращение посевной площади и фактическую дезорганизацию всего сельского хозяйства страны. В связи с эти сельскохозяйственные кампании в значительной мере провалились, вследствие чего реальным экономическим фактом в деревне и в городе оказался голод.

Однако не только крах коллективизации нанес тяжелый удар советской экономике. Советская экономика оказалась подорванной и с другой стороны, со стороны своей промышленной базы. По мнению Брауна, непомерно высокие темпы индустриализации в первой пятилетке потерпели очевидное банкротство. Индустриализация проводилась без учета практических возможностей ее освоения, и в результате наблюдается картина омертвления огромных капиталов, примером чего Браун привел Днепротэс, которому некуда девать большую часть своей энергии.

Кроме того, большевики перенесли центр тяжести на развитие тяжелой промышленности, совершенно забыли или принесли в жертву потребности населения в промышленных изделиях первой необходимости, создав тем самым промтоварный голод в стране.

Браун утверждал, что экономический кризис, в который большевики завели страну, усугубляется еще и тем, что здравый рассудок диктует им явную целесообразность известного изменения курса политики и, в первую очередь, сокращения экспорта в целях некоторого смягчения положения внутри страны. Однако сократить экспорт большевики могут только при условии соот-

ветствующего сокращения импорта, на который требуется золотая валюта, имеющая своим источником экспорт. Но сокращение импорта означает отказ от размещения за границей заказов, что в условиях переживаемого капиталистическим миром кризиса, неизбежно приведет к осложнениям во внешней политике СССР.

Следовательно, делает вывод Браун, сокращение импорта и поворот политики в сторону сокращения экспорта для большевиков невозможны. Получается типичный порочный круг, и вся экономическая политика власти.

Развивая свою мысль, Браун подчеркивает, что экономический кризис в СССР неизбежно находит отражение и в общеполитической ситуации страны, вызывая все более и более возрастающую неустойчивость политического положения большевиков. На базе экономического кризиса, прогрессирующего голода и развала сельского хозяйства растет обнищание широких масс, и их стихийное озлобление. Последнее уже является повсеместным явлением, принимающим особенно острые формы в деревнях. В ряде мест, по словам Брауна — в Абхазии, на Украине и в Сибири — он уже выливается в форму активных крестьянских волнений, подавленных большевиками. В некоторых городах также наблюдались аналогичные забастовки на экономической почве (Иваново-Вознесенск), своеобразные итальянские забастовки служащих, выразившиеся в катастрофическом падении труддисциплины и лодырничанье, и наконец, массовый отлив рабочих из ВКП (б) (Донбасс) и т. п.

Особенно характерным и знаменательным, по мнению Брауна, является возникновение в ряде мест, главным образом в деревне, совершенно новых сообществ, группировок, о которых ему пришлось узнать во время своей поездки по Северному Кавказу, из которой он только что вернулся. Эти сообщества носят названия «компанейств».

Компанейства, по словам Брауна, возникают несомненно на экономической почве под лозунгом «один за всех, и все — за одного», и являются своеобразной формой общественного движения в условиях существующего строя, хотя и имеют уродливое общественное лицо, порождаемое уродливым общественно-политическим строем псевдокоммунистической страны.

Компанейства занимаются самоснабжением, хищениями, спекуляцией, защищают своих членов от преследований власти взятками, подкупами и т. п. мерами. Однако, как правило, «компанейства» перерастают в процессе своего существования и практической деятельности рамки, близкие к простой уголов-

щине, и постепенно превращаются в крайне своеобразную новую форму общественной оппозиции.

Они превращаются, подчеркнул Браун, в ячейки, имеющие ярко выраженную политическую окраску, если и не партийного содержания, то идущие по пути идеологического оформления.

В этом отношении Браун считает особенно интересным, что многие «компанейства» прибегают к изданию своих листовок и памфлетов, носящих чисто политический характер, и отражающих настроения широких масс. Эти листовки издаются обычно машинописными иногда рукописными, иногда на гектографе.

Браун подробно остановился на содержании компанейских изданий, привел в качестве примера содержание наиболее характерных по его мнению листовок, с которыми он познакомился во время поездки по Северному Кавказу.

Одна из этих листовок колхозная и другая — городская. Листовка колхозного компанейства построена в форме обращения «Темных мужиков» к «умным просвещенным людям» с вопросом — «В чем разница между барщиной и колхозом?».

Проводя ряд параллелей, листовка приходит к выводу, что хотя мы и «темные мужики», но и сами понимаем, что разницы этой, по существу нет, и что колхозы являются возрождением в новой форме старой барщины.

Листовка городского «компанейства», изданная под лозунгом «Беспартийные ССС соединяйтесь!», трактует вопрос. Почему маленькая кучка коммунистов может помыкать и командовать над огромной массой беспартийных и видит объяснение этому явлению в неорганизованности, в неспаянности беспартийных, не защищающих интересы друг друга. Эта листовка, говорит Браун, ставит конкретную задачу, выдвигает лозунг объединения беспартийных для борьбы с ВКП (б).

На этих примерах Браун убеждается в том, что в лице «компанейств», покрывающих некоторые города и деревни густой сетью, имеющих жесткую дисциплину среди своих членов, ищущих и находящих уже политические формы и методы борьбы с большевизмом, мы имеем дело с зачатками новой организации масс. Эта новая форма организации масс трудящихся своим острием направлена против большевизма. Она стихийно вырастает из конкретной обстановки экономического кризиса, голода, общественно-политической прострации общества, порожденной и культивированной всей системой советской власти. К этому убеждению, говорил Браун, приводит трезвый анализ политического положения в стране.

Там, где фактически нет никаких легальных и организационно оформленных нелегальных политических партий, где отсутствуют все факторы организации масс в оппозиционном направлении, — свобода слова, собрания и проч., где нет даже самой умеренно-настроенной оппозиционной прессы, где сама социально-экономическая двойственность страны позволяет уживаться в одной системе таким крайностям, как элементам крепостничества и социализма, крепостническим поселениям и агрикультурным фабрикам зерна, — там оказываются исторически оправданными и естественными, более того — прогрессивными такие факторы формирования общественной оппозиции, как «компанейства».

Браун утверждал, что политическая ситуация Советского Союза становится вполне ясной, если принять во внимание еще и напряженность международной обстановки, подающей ряд тревожных сигналов на Дальнем Востоке в Западной Европе. Растущая агрессивность Японии и влияние воинствующего фашизма представляют серьезную угрозу для Советского Союза.

Не меньшее значение имеет для дальнейших судеб страны и наметившийся сдвиг вправо политики ВКП (б). Однако последний, по утверждению Брауна, в силу внутренних и внешних причин не сможет быть последовательным и действенным.

Дав анализ внутреннего положения СССР, Браун перешел к характеристике возможных перспектив выхода страны из того комплекса условий, в который ее завела политика советской власти. Браун настойчиво подчеркнул, что свержение большевизма силами извне, силами капиталистических интервентов, весьма маловероятно.

Неустойчивость равновесия в международных отношениях капиталистических стран, усиление революционного движения в них, стимулируемое кризисом, опасности разложения армии интервентов в условиях гражданской войны и непопулярность интервенции вообще в зарубежных странах — все это вместе взятое заставляет считать этот выход для России маловероятным.

Что же касается революции внутри страны, то эта возможность может рассматриваться, по мнению Брауна, только в исторической перспективе, что в настоящий момент отсутствуют необходимые реальные предпосылки для переворота организованного порядка.

Нет ни политических партий, ни организации масс на определенной социально-революционной платформе, ни даже четких программных положений и актуальных лозунгов, которые могли бы повести за собой трудящиеся массы.

Старые лозунги опошлены и скомпрометированы большевиками, новые еще не выдвинуты историческим процессом.

Остается, говорил Браун, предположить возможность упрочения советской власти на той базе, которая имеется в стране сейчас. Однако практика сегодняшнего дня говорит, аргументирует за обратное. Основа советской власти и всей так называемой ленинской политики — это союз рабочего и крестьянина, это взаимопомощь города и деревни.

Коллективизация нанесла этому союзу, этой взаимопомощи сокрушительный удар.

Авторитет власти подорван в массах, и что особенно важно, падает авторитет ГПУ, постепенно исчезает страх перед ним, а прямо пропорционально растут озлобление и активность протеста. Выход из положения лежит не здесь.

История, по словам Брауна, пойдет, по-видимому, другим путем — путем нарастания стихийного недовольства, озлобления и перерастания этой ярости, этой ненависти трудящихся масс к существующему строю в пугачевщину — в крестьянские стихийные бунты.

Браун следующим образом охарактеризовал неизбежную, по его мнению, пугачевщину XX века.

Эта новая пугачевщина будет страшной в своей ненависти и размахе. Слепые бунты, взрывы звериной ярости будут вспыхивать то здесь, то там будут подавляться, будут вспыхивать вновь с новой силой и в большем масштабе, переливаясь из конца в конец страны, постепенно захватывая города, сливая отдельные очаги воедино, пока вся Россия не превратится в одно бушующее безудержное море вооруженного восстания, которое сметет большевиков.

Пугачевщина, в слепой ненависти к коммунизму не будет разбирать ни средств, ни методов борьбы. Она не будет иметь на первом своем этапе ни определенной программы, ни определенных политических целей. Она будет переливать всеми цветами радуги от черных полотнищ анархизма до монархических трехцветных полос.

Но в основном она будет реакционна, и погромные лозунги «бей жидов и большевиков» вытеснят такие лозунги как «советы без большевиков». Эта пугачевщина сможет продолжаться 2–3 года, может быть, даже 4, заливая страну кровью, но затем постепенно как всякое массовое и стихийное движение оно будет выдвигать своих вождей, мало-помалу входить в русло, выкристаллизовывать и свое политическое содержание, политически оформляться и самоопределяться.

И вот, заявил Браун, в связи с этой грандиозной перспективой крушения всех устоев большевистской диктатуры в стране, левое народничество должно найти и определить свое место в исторических событиях. [...]Грядущая пугачевщина, заявил Браун, не должна застать нас врасплох. Может быть, значительная часть из нас погибнет в стихийном и слепом разбушевавшемся море крови, в диком взрыве возмущения народа. Это тем более вероятно, что первый этап пугачевщины будет еще лишен определенного политического содержания и организации.

Несмотря на это, мы должны будем с головой идти в это повстанческое море и позвать за собой всех наших иных и тайных единомышленников и сторонников, чтобы там поистераться влить это движение в организационно-политические рамки, овладеть им, найти в нем болевые лозунги, обновляющие наши, отошедшие в архив истории, и подвести под бушующую стихию конкретную политическую программную базу.

Если это нам не удастся, если пугачевщина приведет к победе правых реакционных элементов, то связью с массой, укреплением этой связи, дальнейшей политической работой в массе мы должны будем подготовить почву для свержения реакции и захвата власти захвата политического господства в наши руки, в руки трудовой демократии. [...]

Я лично, не расходясь с Брауном во взглядах, вносил в них некоторые коррективы, считая, что в перспективе под влиянием все более развивающегося экономического и политического кризиса в стране, большевики должны будут сделать попытку пойти на расширение революционной демократии (допущение в Советах социалистической оппозиции, свобода слова, печати, собраний для социалистических партий и т. п.), а поэтому возможен блок большевиков с левыми эсерами, в целях расширения социальной базы»²⁶.

В другом месте Б. Н. Шабер пересказал любопытную теорию о причинах медленного нарастания народного антибольшевистского движения: «Эта причина, по мнению Брауна в известном смысле в своеобразном гипнозе слова, сковывающем массу. Этот гипноз имеет нечто общее с первобытными, с дикарскими заклятиями словом, возрожденными и использованными большевиками как методом порабощения психики трудящихся. Ярким примером таких слов-фетишей Браун считает «контрреволюционер», «Враг рабочего класса», «лакей буржуазии», «предатели революции», «строитель социализма», «трудности», «Ленин учил» и т. д.,

---

²⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-38683. Т. 5. Л. 34–40.

и т. п. По мнению, Брауна вся политика, вся система коммунистической агитации и пропаганды — это массовый гипноз, и чтобы разбить его, а вместе с ним и форму его организации ВКП (б), ГПУ, большевистскую власть в целом нужно или восстановление свободы слова и печати, что невозможно, или стихийный взрыв возмущения, сметающий все устои и с ними самодержавную власть догматического слова.

Во второй мой приезд Браун весьма настойчиво убедил меня в необходимости издать сборники моих стихов. Высоко оценивая их художественные достоинства и значимость социальной насыщенности, он высказывался за фактическую целесообразность моего выступления с ними в печати, как средства популяризации моего имени в массах и установления органической связи с литературным миром. Считая аналогичное мероприятие целесообразным и для самого себя, он сообщил мне о намерении добиваться издания в ближайшее время книги своих повестей «Любовь к дальнему» и романа «Гипнотические парки». Впрямую связь с задачей «выхода в свет» и приобретения литературного имени Браун ставил и мой переезд в Москву на жительство, усилено рекомендуя форсировать его к весне 1933 г. [...] Браун предлагал мне занять на 2–3 месяца половину его квартиры. В результате этих аргументов, я начал уже в этот приезд вести в ряде учреждений переговоры о моем переходе на работу в Москву»²⁷.

Весьма интересно то реальное, что можно отфильтровать из показаний о ленинградских беседах Б. Н. Шабера с известными интеллектуалами.

С тем же Р. В. Ивановым-Разумником речь шла не только о литературе, и это понятно: «Наибольшее внимание он уделит проблеме коллективизации. Иванов-Разумник особенно подчеркивал принудительный характер» «охлаживания», падение в связи с этим желания у крестьян работать на земле, следствием чего явилось падение товарности сельского хозяйства. По его мнению здесь, как и во всех других мероприятиях советской власти отчетливо проступает марксистское нутро большевизма, сообщающее всему, к чему бы большевики не приложили руку, характер узости, догмы, уродования и выхолащивания живой сущности идеи. Развернутому характеру нашей беседы помешал приход к Иванову-Разумнику писателя Вяч. Шишкова и разговор был продолжен на литературные темы»²⁸.

---

²⁷ Там же. Л. 56–57.

²⁸ Там же. Л. 61.

В разговоре с Шабером питерский филолог и переводчик Дмитрий Михайлович Пинес (1891–1937)²⁹ высказался против «проникновения в легальную литературную деятельность»: «Писатель, насыщенный социальным моментом, писатель типа Иванова-Разумника, Брауна, меня, писатель-политик представляет собой мощный заряд конденсированной энергии. Такой писатель — писатель-идеолог. Он должен писать, диктуя свои взгляды. А не под диктовку чужой идеологии. В современных условиях ему приходится приспособляться, если он хочет выступать в печати. В результате неизбежна его постепенная социальная разрядка, идеологическое самовыхлаживание, потеря пульса эпохи и снижение его общественной значимости»³⁰. Отсюда Пинес делал вывод, что далеко не всегда есть политический смысл в «выходе в свет» такого писателя в современных условиях.

Дмитрий Пинес вполне в духе настроений замученной цензурой и соцзаказом творческой интеллигенции выступал против «органического вхождения» в советскую работу: «Легальная работа в гуще строительства — это, прежде всего, трепка нервов, это сознательное или бессознательное изнашивание своей нервной системы, крепость которой нужна для победы в решающую минуту. Кроме того, по закону равенства действия и противодействия, влечет за собой соответствующее приспособление самой среды, что в конечном итоге, по мнению Пинеса, должно привести к растворению человека в этой среде. Наконец, изучение того строительства, которое в настоящих условиях осуществляется, должно проводиться "Не на плотине", а в кабинете в перспективе развития всей экономики, во избежание привнесения в мыслительный процесс субъективных впечатлений, эмотивных факторов, как реакции на пафос и грандиозность строительства, не имеющих объективного экономического значения.»

Задачи левого народничества Пинес определял при помощи аналогии исторического процесса распаду атомов радиоактивных элементов. Сущность этой аналогии в толковании Пинеса сводилась к следующему: при физических фактора три силы — температура, давление и столкновение — усиливают процесс распада атома. В историческом процессе три силы — крестьянство, разложение ВКП (б) и международная обстановка — способствуют распаду существующей власти. Задача левого народничества — осмысливать этот процесс распада, не гоняясь за улетающими

---

²⁹ В 1933 г. получил 5 лет ссылки. В 1937 г. расстрелян в Архангельске.

³⁰ Там же. Л. 59–60.

электронами, и приготовиться создать силы для образования нового ядра, которое должно быть создано на месте конечных продуктов распада атома. Следующим уже этапом будет собирание «космической пыли» вокруг нового ядра, т. е. укрепление демократической власти путем крепкой организации вокруг нее широких трудящихся масс»³¹. Согласитесь, такое трудно выдумать, а если формула и выдумана самим Шабером, то она выглядит красиво.

Все вполне разумные и интересные филологические и политологические собеседования следователи Коган, Сидоров, Шалаев — умело превращали в совещания и собрания членов подпольной организации. И от многих добились признаний в том, что она существовала.

23 апреля 1933 г. следователи Горожанин и Сидоров распорядились: «Шабер Бориса Николаевича перевести на усиленное питание, выдавая ежедневные порционные обеды за наличный расчет из столовой № 77»³². В это время он и писал свой труд.

Также подкармливаемый из буфета Лубянки максималист И. И. Жук-Жуковский даже признался в одобрительном отношении к вредительству и террору. Но еще был все же не 1937 год, поэтому интересовались и реально бывшим. И подготовку покушений все же не «шили».

Как обычно ОГПУ было готово устроить судебный процесс «левонародников», но было решено пустить дело по непубличному варианту, разогнав полторы сотни человек по изоляторам и ссылкам. Р. В. Иванов-Разумник в итоге был сослан на 3 года в Саратов. Арестовывался в 1937–1939 годах, но был выпущен и смог во время войны уехать в Германию. Я. В. Браун — был сослан в Самару, где был расстрелян в 1937 году. И. И. Жук-Жуковскому, Е. Е. Колосову и Ш. И. Ерухимовичу дали по 3 года политизолятора³³. Решением Особого совещания НКВД от 10 декабря 1935 г. Е. Е. Колосов был направлен «для проживания в г. Тобольск под гласный надзор сроком на три года»³⁴. Там он и был расстрелян

---

³¹ Там же. Л. 59.

³² Там же. Л. 172.

³³ ЦА ФСБ РФ, Д. Р-36.0536. Т. 5. Л. 250. «Выписка из протокола Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 28 июня 1933 г. [...] Колосова Евгения Евгеньевича, Жуковского-Жука Иосифа Ивановича, Ерухимовича Шолома Израилевича — заключить в места лишения свободы, подвед. ОГПУ сроком на три года, сч. Срок: Колосову Е. Е. с 14/II-33 г., Жуковскому-Жук 17/II, Ерухимовичу Ш. И. с 18/II-33 г. Брауна Якова Вениаминовича выслать в г. Самару сроком на три года, сч. срок с 14/II-33».

³⁴ Там же, Л. 252.

в 1937 г. Жук-Жуковского в 1936 г. сослали в Новосибирск, а Ерухимовича — в село Новоселово Красноярского края.

А вот рукопись Б. Н. Шабера чекистам понравилась. 23 мая 1933 года его перевели в тюремную больницу. 8 июня 1933 года Коллегия ОГПУ приговорила Б. Н. Шабера к 2 годам политизолятора, но условно. С учетом состояния здоровья. Его сразу решили выпустить под подписку о невыезде и 11 июня дали такое распоряжение начальнику следственного изолятора. Тюрьма не была, как это обычно делалось, заменена ссылкой. Впрочем, Симферополь, странным образом, еще оставался местом ссылки, так что есть какая-то логика в этом решении, даже без желания вознаградить человека, составившего по заказу следствия публикуемый доклад³⁵. Судьба Бориса Шабера далее 1937 г. пока не просматривается: тогда он был жив и даже давал показания в крымском НКВД³⁶, но в числе репрессированных его имя в базе данных «Мемориала» среди жертв террора отсутствует.

...В конце первой части рукописи Б. Н. Шабера был один вычеркнутый, явно не его рукой, абзац, датированный 20 мая 1933 года: «Мне думается, что моя работа окажется новым кирпичом в великом здании возрождения и политической активизации народничества — партии интегрального социализма. Если это случится, то цель мною поставленная превратится в достигнутую»³⁷. Этого не случилось. Но созданный Борисом Шабером текст, полный интереснейших наблюдений, пришел к читателю буквально из небытия через 80 лет после его создания.

---

³⁵ Выписка из протокола Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 8 июня 1933 г.: «1. Войт Вернера Карловича, 2. Скобелинг Виктора Васильевича заключить в места лишения свободы подведомственные ОГПУ сроком на три года. Приговор считать условным из-под стражи их освободить. 3. Панебратцева Юрия Михайловича выслать через ШПОГПУ на Урал сроком на три года, считая срок с 14/2–33 г. 4. Виталина Симона Самойловича выслать через ШПОГПУ в Севкрай сроком на три года, считая срок с 14/2–33 г. 5. Шабера Бориса Николаевича заключить в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, сроком на два года, считая срок с 17/2–33. Ввиду болезни приговор считать условным, из-под стражи его освободить. 6. Элинсона Михаила Израилевича выслать через ШПОГПУ в Казахстан сроком на три года, считая срок с 18/2–33 г. 7. Гусева-Знаменского Африкана Африкановича, 8. Павловского, он же Бейнарович, Павлов-Шафранский, Шефранов-Громов, Александра Яковлевича заключить в места лишения свободы подведомственные ОГПУ сроком на один год, считая срок: первому с 19/2–33 г. второму с 14/2–33 г. 9. Панова-Петрова Сергея Григорьевича выслать через ШПОГПУ в Севкрай сроком на два года считая срок с 14/2–33 г. 10. Завадскому Василию Николаевичу зачать в наказание срок предварительного заключения, из-под стражи его освободить» (ЦА ФСБ РФ. Т. 12. Л. 54).

³⁶ <http://www.pravenc.ru/text/159028.html>

³⁷ ЦА ФСБ РФР-38683. Т. 5. Л. 185.

Народничество на рубеже 2-ой пятилетки³⁸

I. Введение

Социально-экономические корни народничества

Русское народничество, как известно, занимает в интернациональной социалистической мысли, в революционной теории и практике трудящихся народов несколько особое место.

В странах, где бурное развитие капитализма обусловило громадный рост индустриального пролетариата, первое место занимает среди социалистических партий социал-демократия, претендующая на роль политического вождя рабочего класса. В странах, где сельское хозяйство играет значительную, и даже доминирующую роль, а капитализм не достиг высших стадий своего развития, там преобладающее значение имеют политические партии аграриев, и социалистическое движение приобретает аграрный характер. Таких стран в настоящее время имеется ничтожное меньшинство, и наиболее крупной территориально-государственной единицей среди них была дореволюционная Россия, стоившая под тройным ярмом самодержавия, помещиков и духовенства, к которым следует добавить четвертого — молодого, но хищного эксплуататора — торговую и промышленную буржуазию.

Слабость промышленного развития и его отсталость, незначительность рабочего класса, смешение в один политический винегрет противоречащих элементов различных хозяйственных укладов — феодального, общинного коммунизма, домостроя и капитализма, — все это вместе взятое, наряду с низким культурным уровнем народа и нестерпимым политическим гнетом определили все своеобразие и пестроту содержания и форм революционного

---

³⁸ Машинопись находится в ЦА ФСБ РФ. Д. Р-36 036. Т. 5. Л. 72–206 (с указанием МК-6. То есть было сделано 6 машинописных копий). Рукописный оригинал текста находится: в ЦА ФСБ РФ. Д. Р-3868. Т. 5. Л. 177–299.

и, в частности, социалистического движения, придали ему исключительный радикализм, жертвенную красоту и подлинную невиданную героичность.

Народничество в начале, как любовь и вера в народ, бескорыстное стремление помочь ему и освободить связанного богатыря, в дальнейшем, как особое философско-этическое направление социалистической мысли и далее как программно-оформленная социально-революционная партия, являлось самой красочной, самой жертвенной и идейно-стойкой частью русского освободительного движения и борьбы за власть трудового народа.

Теоретически определившись в работах П. Н. Лаврова и Н. К. Михайловского, ассимилируя в дальнейшем теоретическую мысль их учеников и деятелей революции народничество являясь по существу партией всех трудящихся страны, уделяло в то же время главное внимание разрешению аграрного вопроса, и в своей политической борьбе отражало главным образом, чаяния и интересы русского крестьянства.

В силу этого и наибольшего влияния Российской партии социалистов-революционеров — головной отряд и хребет русского народничества — достигло именно в крестьянских массах.

В настоящее время родственные русскому народничеству партии имеются в Литве, Польше, в Западной Украине, в Болгарии и в Италии, т. е. там, где сильно аграрное движение.

Русское народничество не только вело упорную и непримиримую борьбу с самодержавием, вписав в историю революционного движения беспримерную по красоте странице жертвенного политического террора, борьбу, которая в феврале 1917 г. привела к падению самодержавной власти и началу социалистической революции, но в то же время и выносило на своих плечах всю тяжесть идейных и тактических разногласий с русской социал-демократией.

Философско-этические основы народничества

Широта народнической теории, противопоставленная узости и экономическому детерминизму ортодоксального марксизма, обеспечила во все периоды существования и революционной работы ПСР симпатии и сочувствие ей со стороны передовых кругов русского общества и широчайших масс трудящихся.

Основные философско-этические принципы народничества, теоретическая основа его учения, несмотря на ее социалистический радикализм и революционную целеустремленность, опирают-

ся на ряд положений, полученных в свое время гениальнейшими философскими умами новейшей истории.

Народничество решительно отвергает одностороннюю и близорукую точку зрения марксизма, утверждающую примат экономического начала в эволюции человеческого общества и его социально-политических отношений и форм. Формула К. Маркса о том, что «в каждом общественном строе с прогрессивно-развивающейся экономикой орудия производства господствуют над производителем», по мнению народничества, подвергает схоластической кастрации исторический процесс и превращает грядущий социалистический строй в безнадежное экономическое рабство всех производителей материальных и духовных ценностей человеческой культуры.

Плюралистическая теория

Народничество в противоположность марксистской догме, в противовес экономизму исторического материализма выдвигает теорию множественности факторов, взаимодействие которых определяет исторический путь человечества и его прогресс, выдвигает так называемую плюралистическую теорию понимания исторического процесса.

Эта теория, отвергая марксистское деление общества в его развитии на базис (экономика) и надстройку (все прочее) как грубый примитив и схематизацию исторического процесса, не опереждающуюся опытом последнего, считает, что развитие и эволюция социальных общественных форм представляет бесконечно сложное явление, требующее для своего объяснения не метода вульгаризации и шаблона алгебраических формул, а вдумчивого социально-исторического анализа.

Теория народничества утверждает, что каждое историческое явление является причинно-обусловленным взаимодействием ряда факторов объективного и субъективного порядка.

Важнейшими из этих факторов являются: экономический, биологический, этнографический, психологический и др. Исторический процесс есть функция взаимодействия этих факторов.

При этом в различные эпохи вполне возможно преобладающее значение различных факторов.

В частности, при социализме, дающем неограниченную интеллектуальную свободу личности, психологический фактор несомненно будет играть решающую роль, в то время как при капитализме, экономика, безусловно, влияет на него в весьма сильной степени.

Роль личности в истории

Однако значение психологического фактора, расцениваемое народничеством, как весьма крупное во все эпохи жизни трудящегося человечества, приводит народничество к признанию значительности роли личности в истории, роли, не обусловленной влиянием на нее экономической «базы» по Марксу, а направленной зачастую против, вразрез этому влиянию.

Личность — цель в себе

Исходя из этого положения, что человеческая личность в гармонии своих умственных, эмоциональных и физических стремлений является основным зерном, ядром того ореха, который носит название человеческого общества, тем семенем, из которого вырастает весь стебель человечества, основой основ того здания, которым венчается бесконечная летопись развития органической природы и эволюции биологических форм, народничество признает человеческую личность самоцелью, целью в себе, и отсюда считает необходимым подчинение интересам человеческой личности направления путей исторического прогресса.

Однако, человеческая личность становится целью в себе не сразу, и не при всех условиях, а только в результате самоопределения после нахождения себя, созидания и проявления своего творческого начала заложенного в ней всем процессом естественной эволюции биологических форм.

Труд — основа проявления личности

Таким зеркалом для отражения творческого психического начала, такой лакмусовой бумажкой, определяющей человеческую личность, как таковую проявляющей ее субстанцию, является по мнению народничества, труд. Труд является основным и единственным критерием для определения личности, труд является гранью отделяющей личность от животного, в труде наиболее полно проявляется личность, только труд является необходимым условием развития личности и только в нем личность может достичь своего полного и гармоничного развития.

Однако и самый труд требует некоторого уточнения. Не просто труд, как приложение мускульной силы, а труд целеустремленный сознательный, сочетающий в себе проявление физической энергии и работы мысли. Является трудом свойственным един-

ственно человеческой личности и превращающим ее в самоцель, выявляющий ее творческую субстанцию.

Таким образом, в центре внимания народничества узловым моментом в его философско-этических настроениях оказывается самоценная трудящаяся личность творческий индивидуум.

Социализм — идеальный строй будущего

Стремясь к созданию такого идеального общественного строя, который гарантировал бы наиболее полное и гармоническое развитие трудящейся личности, проявление всех творческих ее возможностей и дальнейшее бесконечное расширение и углубление этих возможностей на основе реального претворения их в жизнь, народничество видит в социализме такой идеальный строй экономической и интеллектуальной свободы, выливающийся в дальнейшем естественным путем эволюции в полный анархизм.

Внутренняя независимость личности

В связи с этим учением народничества является социалистическим и вся революционная практика целеустремленна на достижение социалистического строя, откуда явствует, что народничество в основном организационно оформившееся в политическую партию, делает эту партию социально-революционной.

Признавая за трудящейся личностью способность участвовать в историческом процессе в качестве взаимодействующего психологического фактора, народничество тем самым признает известную независимость человеческой личности в выборе психологических концепций, этических норм модуса поведения и общественно-социальной целеустремленности. Это положение является в известной мере ключом к правильному пониманию народничества, как социально-политического явления, его революционной деятельности и тактики борьбы на базе его философии.

Идея, ее роль и свойства

Народничество рассматривает идею как определенную функцию человеческой психики. Вне человеческой психики идеи не существуют и существование ее невозможно. Идея рождается человеческой личностью, идея является продуктом творчества последней. Это бесспорно. Но явившись в жизнь, будучи брошенной в сферу интеллектуальной и эмоциональной жизни че-

ловечества, в сферу политического или религиозного обращения человеческой личностью, идея начинает существовать самостоятельной жизнью, независимой от каждой личности в отдельности; она живет, развивается, изменяется, болеет, выздоравливает, чахнет, хиреет, умирает. При этом она пользуется человеческим обществом, как питательной средой, она неизбежно исчезла бы, исчезни оно, но вместе с тем оно включается в психологический фактор, взаимно действующий в историческом пространстве, но не как субъективный момент личности, а как ведущее звено психики человечества, поднимая психологический фактор до объективной роли и объективного значения в эволюции общественных форм.

Идея, как существующий уже объективный фактор человеческой жизни общества, обладает, по мнению народничества, одним чрезвычайно важным общественным свойством.

По существу, это-то свойство и определяет объективный характер бытия идеи, связанного неразрывными узами с субъективным бытием человеческого сознания. Это свойство заключается в способности идеи объединять вокруг себя, на базе своего содержания человеческие индивидуумы.

Эта способность квалифицируется народничеством как собирательное, интегральное начало идеи.

Идея собирает, интегрирует людей и тем самым объединяет их общностью интересов, стремлений, верований или убеждений.

В этом — огромное, не поддающееся строгому учету историческое и социальное значение идеи.

Достаточно вспомнить историческую роль такой идеи, как христианской, или проанализировать роль социалистической идеи, не говоря уж о менее грандиозных, чтобы понять значение психологического фактора, в целом, в истории человечества.

Поскольку трудящаяся личность обладает свободой выбора определенной идеи и практического служения ей, постольку становится очевидным, что одна и та же идея способна интегрировать человеческие личности различных социальных групп и классов и объединить их под своим знаменем.

Тем самым, идея сливает их отдельные воли и силы в общий поток, имеющие единое направление и единую цель.

Практика всех без исключения идейных движений человечества в полной мере подтверждает это теоретическое положение народничества. Идея социализма оказалась способна объединить под общим знаменем не только рабочего и крестьянина, представителей эксплуатируемых классов, не только Степана

Халтурина и Андрея Желябова, но и дочь генерала — помещица дворянку Софью Перовскую и крупного капиталиста Зильберберга. Во имя идеи социализма целый ряд представителей эксплуататорских классов порывал со своим прошлым, отдавал свое состояние делу борьбы со своим классом, и кончал жизнь в тюрьмах и на эшафотах. Точно так же немало трудящихся шли и идейно служили чуждому и подчас враждебному их классовым интересам делу.

Интегральный социализм

В силу этого народничество считает себя обязанным собирать воедино все жизненные силы, стекающиеся под знамя социализма, под знамя его революционно-социалистической идеи, объединить их, организовать на борьбу и направлять по руслу своей практической революционной деятельности.

Каждая личность, интегрированная идеей социализма, добровольно и полностью порвавшая со всем, что чуждо и враждебно идее борьбы за новую жизнь, готовая отдать ради этой идеи свою жизнь и свободу, самопознавшая себя в творческом труде, принимается народничеством под его боевые знамена. Именно поэтому народничество в лице партии С-Р объявляет себя партией всего трудящегося народа, всех трудящихся, всех честных идейных борцов за социализм — партией интегрального социализма.

Отвергая классовую участь социал-демократии и ее теории — исторического материализма, народничество противопоставляет им широкую базу трудовой демократии — народовластие и теорию интегрального социализма.

Партия С-Р.

На арену общественно-политической деятельности России народничество в 1901 году выступило в лице единой Российской партии Социалистов-Революционеров, унаследовавшей боевые традиции и славны опыт партии «народная воля» — вместе с основными программными положениями и тактикой революционной борьбы.

Через бурю 1905–1906 г. партия С.-Р., принимавшая в ней активную и руководящую роль, прошла, спаянная единством программы и тактики.

Однако в недрах партии достаточно быстро началась идейная борьба вызванная разногласиями, в основном тактического порядка.

Основная масса партии, партийное большинство, не отказываясь от участия в легальных формах борьбы с самодержавием, центр тяжести переносили однако на подпольную деятельность по линии города и деревни, применяя при этом политический индивидуальный террор против наиболее видных деятелей самодержавного строя, злейших палачей трудящихся и против самого императора.

Однако партия относилась отрицательно к применению террористических актов по отношению к эксплуататорским классам в лице капиталистов и помещиков в порядке массового явления.

Партия народных социалистов и Союз С.-Р. максималистов

Отдельные группы членов партии энергично боролись с мнением партийного большинства, и результатом этой борьбы явилось выделение с одной стороны из рядов С.-Р. новой партии, отвергавшей революционные методы борьбы, ограничившей свою деятельность легальными мирными формами работы «для народа и через народ», — партии народных социалистов, и с другой — выделение небольшой группы крайне левых элементов, ставших практически на путь систематического аграрного террора и террора против капиталистов. Эта группа оформилась в Союз С.-Р. максималистов.

Однако этот раскол, мало ослабивший революционное народничество, на этом не остановился и в последующие годы предвоенной реакции в партии вновь стали образовываться как бы на политических полюсах ее отдельные группы, тяготеющие к легализму и другие, выбрасывающие лево-максималистские лозунги.

Таким образом, в партии возникла группа «Починовцев» и выделилась оппозиция «Революционная Мысль».

Мировая война, расколовшая всех социалистов мира на 2 враждебных лагеря, усугубила и расхождение правого и левого флангов в П. С. Р.

Часть партии высказывалась за гражданское перемирие на время войны, а другая примкнула к Циммервальду и проводила лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую.

В 1917 г. падение самодержавия не уничтожило внутривнутрипартийной бреш.

Внутрипартийные разногласия не только еще более обострились, но и принципиально значительно углубились, перебросив-

шись с вопросов тактики на вопросы программно-политического характера задач и будущего Русской Революции.

Правое крыло видело в русской революции — революцию политическую, выводящую страну на путь демократического развития приобщающую ее к семье передовых демократических республик Европу. Левое крыло рассматривало революцию как социалистическую, и потому стремилось к дальнейшему углублению ее и устранению от власти представителей буржуазии с передачей всей власти советам.

III съезд партии в мае 1917 года уже наметил неизбежный раскол, который оформился в период Октябрьского переворота. Однако партийное руководство в лице В. М. Чернова, сознавая всю опасность дробления социалистических сил в революционной обстановке, и стремясь предотвратить возможность вооруженной борьбы в лагере демократии, еще до Октябрьского переворота сделало попытку примирения враждующих социалистических партий, путем предложения о создании социалистического правительства в России из представителей всех основных социалистических партий, включительно до РСДРП (большевиков). Однако непримиримость и раскольничий фанатизм последней, готовившейся к захвату всей полноты власти в свои руки сорвали эту попытку и сделали неизбежной гражданскую войну и вооруженный переворот. Левый фланг П. С.-Р. поддержал большевиков, и внутрипартийный переворот произошел.

Некогда единая партия не только разбилась на две части, но эти части к тому же оказались по обе стороны Октябрьских баррикад.

Партия Л. С.-Р.

Так возникла партия левых С-Р (интернационалистов), выступившая в лице И. З. Штейнберга, И. Майорова и др. в практическую коалицию с большевиками, путем участия в 1-м советском правительстве.

На одних политических позициях с п.[равой] П. С.-Р. оказались и Союз С.-Р. максималистов, в силу чего наметилось объединение обеих партий.

П. С.-Р. в подполье

Остальная часть ПСР встала на путь решительной борьбы с большевизмом, видя в нем только узурпаторскую авантюру,

лишенную исторической базы. Вооруженные восстания и широкая работа в массах были ответом партии на террор октябрьских победителей и их систему политического гнета в стране.

П. Л. С.-Р. в подполье

Однако и левое народничество недолго находилось в союзе с РКП (б), стремительно двинувшейся по пути партийного диктаторства и решительного подавления свободы трудящихся масс, по пути открытого грабежа крестьянства и эксплуатации рабочего класса.

Ратификация Брестского мирного договора-ультиматума заставила П. Л. С.-Р. отозвать своих представителей из правительства и встать на позиции открытой борьбы с партийной диктатурой ВКП (б), ответив на Брест террористическими актами против Мирбаха и Эйхгорна. С этого момента все народнические партии оказались в подполье.

Однако трагичность положения, в котором очутилось народничество, не исчерпывается этим фактом.

Эта трагичность усугублялась еще и тем, что народнические партии, являясь последовательными социально-революционными партиями, не могли не видеть реальной угрозы торжества махровой черносотенной реакции на развалинах большевистской диктатуры.

Это обстоятельство создавало двойственное положение народнического подполья, заставляло народничество вести борьбу на два фронта сразу, временами совершенно прекращая борьбу против большевизма из опасения, чтобы эта борьба не послужила причиной победы буржуазной реакции.

Вынужденное превратиться в третью силу, отстаивающую интересы социализма в стране, охваченной вакханалией красного и белого террора, воздерживающуюся от решительной и беспощадной борьбы с большевизмом в силу своей социалистической тактики, народническое подполье приняло на себя в то же самое время всю тяжесть политического террора ВКП (б), не разбиравшего характера своих политических противников.

Борьба на два фронта оказалась не под силу народничеству. Беспощадно громимая белыми и красными «третья сила» — социализм потерпел решительное поражение.

Народнические партии подвергались полному организационному разгрому.

Однако даже тогда, когда уже становилась ясной полная реакционность политики ВКП (б), в самые тяжелые минуты существования советской власти, отдельные звенья народничества решались идти на помощь большевизму из опасения победы белогвардейщины.

Группа «Народ»

Таково происхождение Уфимского совещания, оказавшего боевую помощь Восточному фронту большевиков, и вызвавшего выделение из рядов ПСР т[ак] наз[ываемой] «группы меньшинства ПСР» «Народ», которая пыталась договориться с ВКП (б) на базе отказа от нелегальной работы, признания советовласти и мирной чисто-идейной борьбы в плоскости деловой работы.

Однако и эти попытки не увенчались успехом и вскоре группа «Народ» подверглась разгрому со стороны большевиков, разделив судьбу остальных ветвей революционного народничества.

От дифференциации к консолидации

В условиях полного организационного разгрома, терроризированное и рассеянное по ссылкам и политизоляторам СССР, частью эмигрировавшее за границу народничество перестало переживать процесс внутренней идейной дифференциации.

Уроки диктатуры ВКП (б), определившаяся историческая перспектива и общность задач на ближайший период времени обусловили обратное явление — постепенную идейную и организационную консолидацию народничества.

Беспартийное народничество

В эпоху организационного и отчасти политического разгрома народничества с особенной яркостью выявилась тесная связь с отдельными социальными группами трудящихся страны, интуитивное нередко единство его теории с чаяниями и настроениями этих групп.

Народнические настроения, отвергающие систему государственного и политического террора и угнетения масс, порабощения личности и коллектива, бюрократическую систему управления, узость марксистского экономизма в теории и сугубо уродливой практике; народнические настроения, имеющие мечту о народовласти, о свободе личности, о свободном и радостном труде,

на основе творческой и хозяйственной инициативы, о политическом равноправии всех трудящихся, об объединении большинства русского народа-крестьянина в политические и классовые организации, и на этой базе об его мирном и свободном вращении в социалистические формы труда, — все эти протестантские настроения и стремления свили себе прочное гнездо в среде передового крестьянства, в среде сельскохозяйственной деревенской интеллигенции, в среде специалистов-агротехников, в широких кругах научной и технической интеллигенции. Даже в среде рабочего класса, обессиленного психофизическим рабством, введенным диктатурой ВКП (б) и разочаровавшимся в теории и практике марксистско-ленинского «социализма», наметились уже поиски выхода из существующего положения. Эти поиски вплотную упираются в принципы интегрального социализма и создают базу для прочных народнических настроений среди рабочих.

Никакие скорпионы большевизма, никакие ежедневные обеды и вечерни священнослужителей диалектического материализма в течение пятнадцати лет не смогли выдавить из трудящихся народнических настроений.

Это лишний раз доказывает силу и устойчивость идей интегрального социализма.

Беспартийное, организационно не оформленное, политически в значительной мере пассивное народничество представляет собой, безусловно, реальную базу для будущего и уже начавшегося возрождения революционного народничества, как социально-политической силы и боевого организатора трудящихся масс.

На рубеже 2-й пятилетки

На рубеже 2-й большевистской пятилетки ситуация народничества в общих чертах рисуется в следующем виде.

Консолидация и объединение всех народнических партий является основной внутренней тенденцией, вызванной самой жизнью и революционными задачами, стоящими перед народничеством. Партийные кадры, рассеянные по всей необъятной России постепенно получают возможность группироваться и группируются, используя все особенности «топографии местности» в защитных целях.

Беспартийное народничество постепенно политически активизируется, и в нем начинают проявляться элементы организационного оформления и организационно-политического сближения с партийными народническими кадрами.

Политическая активизация и организационное оформление — такова вторая внутренняя тенденция народничества на данном этапе.

Вместе с тем значительная часть программно-политических установок народничества устарела и нуждается в обновлении с учетом процесса консолидации различных ветвей народнического движения и опыта диктатуры ВКП (б).

Таким образом, фактически, имея революционно-социалистическую теорию, народничество на данном этапе не имеет оформленной политико-экономической программы, насущная необходимость которой всем и партийными и беспартийными народниками остро ощущается.

Элементы этой программы постепенно выкристаллизовываются в сознании отдельных членов народнических партий, принимаются другими, фактически, явочным порядком вытесняют старые программные положения, заостряются в политические и экономические лозунги, будирующие сознание трудящихся и революционирующие его. Такова третья тенденция современного народничества.

Не хватает систематизации этих элементов, программного оформления, развития, дополнения и формального апробирования съездом народнических партий.

Невозможность последнего в современных условиях не может остановить процесса ревизии и возрождения народнической программы де-факто, даже при отсутствии апробации его партией де-юре.

Жизнь проходит мимо формально-консервативной точки зрения В. М. Чернова, отстаивающего недопустимость ревизии программы П. С.-Р. до ее всероссийского съезда.

И, подчиняясь требованиям жизни и интересам нового подъема социально-революционной борьбы народничества за подлинное трудовое народовластие, за революционную трудовую демократию против деспотического строя психофизического рабства диктатуры ВКП (б), интересам, которые для меня являются категорическим императивом, я в этой своей работе делаю попытку обобщить и систематизировать развернутую критику народничеством большевизма, новые программно-политические установки народничества и его революционную тактику в условиях 16-го года диктатуры ВКП (б).

При этом в основу моей работы легли все теоретические установки, тактический опыт и наброски программно-тактического перевооружения в сочетании с отдельными элементами ре-

волюционной практики, хорошо известные мне, как из личного опыта, так и из многочисленных бесед с видными деятелями народнических партий и из непосредственных наблюдений за идеологической жизнью и тактикой современного народничества.

Кроме того, я использовал и все те сведения о позиции и точке зрения по данному вопросу других руководящих работников народничества, не связанных со мной лично, которые я получил из верных источников, имеющих к ним самое близкое и непосредственное отношение.

Написано собственноручно 20 мая 1933 г. Б. Шабер

II. Социально экономический и политический анализ большевизма

С. С. С. Р. — глазами ВКП (б)

По мнению Всесоюзной Коммунистической партии большевиков и зарубежных коммунистических партий, объединяемых III Коммунистическим Интернационалом, политический и экономический строй СССР представляет собой организованную в государственную классовую систему — диктатуру пролетариата, опирающуюся на основании ленинской формулы «смычки города и деревни» на широчайшие бедняцко-средняцкие массы крестьянства, вступившего на путь социализма на базе ликвидации кулачества как класса и сплошной коллективизации.

15 лет диктатуры пролетариата завершили построение фундамента социалистического общества в Советской России на основе последовательной политики индустриализации народного хозяйства, решительного вытеснения частнокапиталистических элементов из экономики страны, развернутой системы коммунистического воспитания и воспитания пролетариата и трудового бедняцко-средняцкого крестьянства. Страна вступила в новый этап социалистического строительства — построения бесклассового общества.

Обо всем этом в пространной и, на первый взгляд, убедительной форме говорят все без исключения резолюции и постановления различных партийных, профсоюзных, советских и общественных съездов и конференций, рабочих и колхозных собраний

и слетов; об этом говорят выступления большевистских вождей, беспартийных активистов, «ударников», деятелей науки и искусства; об этом трактует вся выходящая в Союзе периодическая и непериодическая литература, кричит всеми своими голосами советская коммунистическая пресса от «Правды» до заводской или колхозной стенгазеты, об этом лепечет каждый 8-милетний пионер, и даже едва родившийся ленинец-октябренок, утверждая на $\frac{1}{6}$ части земного шара триумф научно-социалистической мысли по догмам Маркса-Ленина, и гениальность их последовательной революционной марксистско-ленинской классово-тактики и стратегии революционной борьбы.

Лицо диктатуры ВКП (б)

И, тем не менее, однако социализм Советского Союза представляет собой не более, чем платье андерсеновского короля. Король — гол.

Разоблачить миф его социалистического одеяния — такова задача подлинно социалистической мысли и, в частности, революционного народничества.

Изучение современного состояния советского государства приводит к убеждению, что т. наз. диктатуры пролетариата в природе большевистского государственного строя не существует. Это не более как политэкономическая фикция, скрывающая за революционной фразой подлинное лицо большевизма — диктатуру Коммунистической партии над пролетариатом и всей массой трудящихся Советского Союза.

В основе всей государственной и общественно-политической системы СССР лежит партийная организация. Диктатура пролетариата, имеющая своим фокусом, своим головным мозгом Политбюро ЦК ВКП (б), пронизывает отсюда железным стержнем все тело страны, скалывая его воедино огромной сетью местных полновластных комитетов и ячеек, слепо повинующихся диктаторской воле своего центра и приводящих в повиновение ей все элементы жизни, экономики, мысли, политики во всем многообразии их проявления на громадной территории Советской России.

Партячейка, комфракция, партруководство — вот кто является подлинным, контролируемым только по партийной линии, хозяином всего народного хозяйства, умов, мысли, жизни и даже души миллионов «свободных» советских граждан.

Ни одно решение, ни одна резолюция, ни одним съездом, ни одной конференцией, ни одним рабочим или профсоюзным

собранием, ни одним слетом, начиная от всесоюзного масштаба и кончая районным, заводским, волостным, учрежденческим, даже масштабом домоуправления, кустарной артели парикмахеров, или чистильщиков сапог, не вырабатывается вне соответствующей комфракции, партячейки, или другой парторганизации и уже в готовом виде поступает для формальной акцептации рабочей, колхозной или иной массы трудящихся.

Несогласие с буквой партийной догмы, отклонение от предложенного трафарета, малейшее проявление свободы и индивидуальности мысли даже внутри самой партии, не говоря уж о вне ее, — вызывает обвинение в контрреволюционности, кулачестве, уклоне, загибе, и прочих смертных грехах, со всеми вытекающими отсюда последствиями — обращением всего государственного аппарата принуждения и расправы на провинившихся, независимо от классовой принадлежности, независимо от того — одиночка ли он, группа или большинство данного коллектива.

Этим объясняется в полной мере тот поразительный факт, что 150 000 000 советских граждан — все организации и учреждения, съезды и конференции, собрания и слеты, кино и журналы, газеты и радиопередачи во всех уголках Советского Союза, — выражают вслух одни и те же мысли, говорят одним и тем же текстом коммунистического евангелия.

Большевицкая «общественность» и демократия

Советская практика знает много видов «общественности» — «советская общественность», «профсоюзная общественность», «рабочая общественность», «инженерно-техническая общественность», «сельская общественность», и т. д. и т. д.

Через все эти виды т. наз. «общественности» коммунистическая партия подводит под свою диктатуру базу т[ак] наз[ываемой] «широкой советской демократии». Трудно себе представить более циничное искажение самого принципа, самого понятия демократизма.

«Советская демократия» существует буквально в порядке принудительной добровольности. «Добровольно» принимаются решения о работе в выходные, об отработке часов в чью-то пользу, о закрытии молитвенных домов, о раскулачивании, о самообложениях, о подписках на займы, о подписке на пригородное хозяйство, о солидарности с приговорами большевицких судов, о готовности к войне, о желании мира. О протестах против белого только террора, о вступлении в МОПР и Осавиахим, о сборах на дирижабли и памятники, о приветствиях Сталину, Горькому и др.

Механически поднимаются руки «за», автоматически опускаются после подсчета голосов. Но поднималась рука или даже лес рук «против» и начинается сладострастная оргия и вопли о классовом враге, вылазке, кулаках, подкулачниках, оппортунизме, меньшевизме и контрреволюции. За словом последует дело: заключения, снятия, аресты.

Так существует советская «общественность», так существуют «общественные» организации, так работает «общественная» мысль на началах добровольности по форме, свободно де-юре, принудительно по существу, рабски де-факто.

Такова «советская демократия», лишенная элементарнейших свойств демократизма.

Ни один голос свободной мысли, ни один протест против нового евангелия не достигает ушей советских граждан.

В стране нет ни одной легальной социалистической партии, кроме правящей. Не выходит ни одна газета кроме партийно-правительственных, не издается ни одной книги, критикующей большевизм, ни одной печатной строчки, идеологически расходящейся с догматами и практикой ВКП (б). Ни на одном собрании, ни с одной трибуны, ни с одной сцены не раздается голос свободной социалистической мысли призыв к борьбе, разоблачение теории и практики большевизма...

Зато ежедневно, ежечасно на собраниях, в газете, в книге, на конвертах писем, на почтовых открытках, на календарях, на столах, на заборах, на папиросных коробках, на аптечных рецептах, в театре, в кино, по радио, на работе, на улице, дома — везде в сознание советского гражданина назойливо, упрямо, неотвратимо вливаются громкие фразы, обточенные лозунги, упрощенные понятия бесчисленных по количеству однообразных по содержанию агит- и культпропов большевизма.

Слова и понятия превращаются в фетиш, мир делится на табу и на «Табу», масса спит как сомнамбула в гипнотическом тумане коммунистической фразы под недремлющим оком и нацеленным дулом террора.

Из сказанного становится очевидным:

В СССР диктатуры пролетариата нет — есть диктатура партии.

Советского государства нет — есть государственный аппарат, орудие партии.

Советской демократии нет — есть фикция, за которой скрывается воля и волчьи зубы все той же партии, носящие громкое название пролетарской системы коммунистического воспитания масс.

Рабочий класс при диктатуре ВКП (б)

Огромное значение для понимания экономической сущности большевистского строя имеет анализ положения рабочего класса в государственной промышленности т. наз. «последовательно-социалистического» типа.

Характерной особенностью в положении советского рабочего является порабощение его как производителя бездушными орудиями производства.

В социалистической советской промышленности рабочий оказывается превращенным в придаток к машине, которая целиком определяет его психофизический тонус в сфере конкретных производственных отношений.

Уж это говорит за наличие худшего вида капиталистической эксплуатации в практике советского фабрично-заводского производства.

Дальнейшее углубление в изучение этого вопроса еще рельефнее вскрывает псевдосоциалистический характер промышленной экономики Советского Союза.

Проблема прибавочной стоимости

Производимая советскими рабочими прибавочная стоимость, лицемерно именуемая большевистскими экономистами как «прибавочный продукт», поступает по утверждению тех же политэкономов в фонд «общественного потребления рабочего класса» и в «фонд социалистического накопления», и в «фонд улучшения быта рабочих», и т. п., т. е. возвращается рабочим. Поскольку понятие диктатуры пролетариата в СССР является фикцией, за которой скрывается диктатура партии, постольку очевидно, что основная масса прибавочной стоимости, производимой советскими рабочими, обращается на укрепление этой диктатуры — на содержание дорогостоящего государственного аппарата подавления пролетариата и трудового крестьянства, на Красную армию, органы ГПУ, на индустриализацию и механизацию народного хозяйства. Необходимые для сохранения партийной диктатуры в стране. Наконец, часть этой же своей прибавочной стоимости рабочий получает в виде т[ак] наз[ываемой] «массовой культурной работы» — лекций, докладов, клубов, красных уголков, стремящихся овладеть его психикой, его мыслью, заставить признать всей совокупностью агитации и пропаганды устным и печатным словом, художественным воздействием гипнозом фразы и внушени-

ем примитивных понятий символ веры ВКП (б) и погасить в себе стремление к истинной свободе и протест против коммунистического рабства, что опять-таки является насущно необходимым не для рабочего, а для его хозяина, узурпировавшего себе право говорить от его имени и отождествлять себя с ним.

Таким образом, по существу, никакой принципиальной разницы между так наз. «прибавочным продуктом» поступающим советскому государству, сиречь партийной диктатуре, и капиталистической «прибавочной стоимостью», поступающей буржуазии в буржуазном государстве, осуществляющей свою диктатуру над рабочим классом, не имеется.

Политико-экономической же аксиомой в настоящее время является тождество извлечения прибавочной стоимости и капиталистической эксплуатации.

Таким образом, формула m/v , выражающая норму прибавочной стоимости или норму эксплуатации, оказывается приложимой к условиям труда рабочего в «социалистической» промышленности Советского Союза. К тому же выводу приводит и анализ вопроса о заработной плате в СССР.

Зарплата

Повременная заработная плата отошла в историю преданий в тарифной практике советской промышленности. Рабочие социалистической промышленности переводятся на сдельные формы оплаты труда. Эксплуататорская природа большевистской экономики получила самые широкие перспективы для своего проявления. Точно так же как в капиталистической Польше, в фашизированной Германии, — в промышленности Советского Союза повсеместно наблюдаются установленные высокие нормы выработки при низких расценках, на многих предприятиях отсутствует психотехнический и врачебный контроль, хронометрирование, и рабочие предоставлены произволу технически безграмотных, в большинстве случаев, тарифно-нормировочных бюро и псевдоэкономистов по труду.

Следствием этого являются весьма распространенные в фабрично-заводской практике СССР частые несчастные случаи, которым благоприятствует плохая постановка техники безопасности многих предприятий, систематические обмороки и продолжительные заболевания на почве переутомления.

Таким образом, не только форма советской заработной платы, но и сущность этой формы носят явно капиталистический характер.

«Социалистическая» организация труда

Однако нигде этот псевдо социалистический характер советской экономики не выявляется так резко и не принимает такое лицемерно-циничное выражение как в вопросах организации труда. На советских заводах и фабриках, в кооперативных мастерских и артелях, в шахтах и карьерах, на лесоразработках и рабочих промыслах, в советских учреждениях и общественных организациях, — везде, где имеет свое приложение труд советских граждан, «добровольно»-принудительно вводятся так наз. «социалистические» формы и методы труда — социалистическое соревнование и ударничество в различных бригадных и индивидуальных формах. Этим способом коммунистическая партия добивается увеличения интенсивности и отчасти производительности труда, увеличения нормы прибавочной стоимости и, следовательно, роста эксплуатации рабочего класса, замаскированной коммунистической фразеологией, активной добровольностью заключения «социалистических договоров».

Экономический анализ ударничества и соцсоревнования позволяет установить известную, верную по существу, аналогию между ним и махрово-капиталистической потогонной системой тейлоризма. И в том, и в другом случае идет речь о проявлении исключительной интенсивности труда, и в том и в другом случае по лучшим показателям интенсивности труда начинается принудительно-добровольное, стимулируемое администрацией равнение труда остальной массы рабочих. И там и там налицо премиальная и штрафная система. И тут, и там создается база для возникновения дифференциации рабочих, выделения из общей массы привилегированной касты «особо поощряемых». Наконец, и та, и другая системы организации труда ведут к преждевременному физическому и умственному истощению рабочего. Существенной разницей между обеими системами является одна особенность «социалистической» организации труда у большевиков. Здесь, помимо материальной заинтересованности ударников, вступает в силу психологический фактор, фактор психологического принуждения, морального растрепания рабочего испытанной системой агитации и пропаганды, подкрепленной всей системой государственных санкций, направленных против «классового врага».

С невиданным в истории человечества цинизмом правящая партия говорит и заставляет говорить рабочие собрания о «творческом «энтузиазме», о энтузиазме великой социалистической стройки», проявлением которого, якобы, являются псевдосоциа-

листические, рабские, угодливо-капиталистические, потогонные формы труда рабочих в госпромышленности и всех трудящихся во всей системе трудовых отношений в СССР.

Наглой издевкой звучат, поэтому слова Сталина о том, что в Советском Союзе труд стал «делом чести, доблести и геройства».

Введение в ряде отраслей промышленности 7-ми часового рабочего дня, рекламируемое правящей в России партией, как величайшее достижение, на практике, очень мало влияет на указанное положение вещей.

Одно почти сводится на нет широко практикуемыми сверхурочными работами, ночными сменами, различными отработками, работой под флагом ударничества в течение 2-х смен без перерыва. Штурмовыми работами по ликвидации различных «прорывов», приводящими зачастую к 16-и и более часовому рабочему дню на строительствах и предприятиях.

Не подлежит сомнению, что доминирующей системой организации труда в СССР является частнокапиталистическая, потогонная система, с подведенной под нее идеологической базой и политэкономической софистикой «социалистических» дел мастеров.

Соцстрах

Гордостью большевистского режима особо подчеркивающей его якобы пролетарский характер является советское социальное страхование и практика рабочего выдвигенчества. Однако оба эти явления несколько не контрастируют с вышеразобранными уже нами перлами большевистского социализма.

Социальное страхование построено с таким расчетом, чтоб рабочий, болеющий непродолжительный отрезок времени (а таких заболеваний большинство) теряет от 1/3 до 1/2 своего дневного заработка.

Однако, в отношении ударников, особо поощряемых властью, этого ограничения нет, и зарплата выплачивается полностью с первого же дня болезни. Партийцы-рабочие, комсомольцы, ударники, активисты на принудительном пастбище общественности, т. е. все те, кто организует диктатуру партии над рабочими, или умеет проявить активность в пассивной роли большевистской марionетки, пользуются преимущественным правом посылки страхкассами в дома отдыха и санатории. Для рабочих же не только оппозиционно настроенных, но и не желающих только приносить ежедневно жертвы новому идолу — коммунистическому еван-

гелию партийной диктатуры — дорога в «рабочую» здравницу заказана. Старая песня о свином рыле в калашном ряду!

«Выдвиженчество»

В «рабочем выдвиженчестве» не менее ярко, чем в других областях отразился псевдопролетарский характер большевизма.

Выдвиженец-рабочий — это продукт длительного и всестороннего изучения его парторганизацией, продукт тщательной проверки его, его личных качеств, продукт систематической отшлифовки в политическом и психологическом отношениях.

Только верный раб, только преданный слуга, признающий своим хозяином правящую партию, способный по первому ее слову стать палачом рабочего класса, способный по мановению волшебной палочки превратиться из рабочего в эксплуататора — только такой рабочий выдвигается в Советском Союзе от станка на руководящую работу в девяноста случаях из ста с партийным билетом в кармане нового пиджака из закрытого распределителя ответработников.

История знает сотни примеров того, что самыми жестокими палачами определенного класса являлись выходцы из того же самого класса. Сын становится палачом своего отца.

Власть администрации

Рабочий класс Советского Союза в своей массе осознает сущность новой кабалы, в которую его ввергла партийная диктатура большевиков. Петля эксплуатации и произвола чиновничье-бюрократического аппарата стягивается все туже, подавляя системной жестоких репрессий возможность борьбы и протеста. Предоставление администрации заводов и фабрик прав увольнения рабочих с работы с волчьим билетом за малейшие проступки, за однодневный прогул, открыло широкие двери административному произволу, практике легальной расправы с неугодными властью элементами рабочих и самодурству единоначальной власти коммунистов-директоров.

Вся эта система неокapиталистического хозяйствования, возрождение на советских предприятиях, казалось, уже сметенного бурей прошлого, стала возможной только в силу имевшего место быстрого перерождения завоеванной в 1917 г. диктатуры пролетариата в диктатуру большевистской партии над трудящимся народом.

Профсоюзы

Рабочие профессиональные союзы — надежный организатор пролетариата на борьбу за его классовые интересы, в условиях большевистского режима превращены в инструмент надежного организатора эксплуатации и подавления рабочего класса.

Советские профсоюзы, руководимые большевистскими фракциями, превращены в специальный придаток большевистского государственного аппарата, и тем самым, представляют собою бюрократические организации, призываемые осуществлять не защиту рабочих-производителей, а то же единое партруководство, партийную власть над рабочими.

Слепо повинуваясь тем же диктаторским директивам партийного центра, профсоюзы в Советской России играют позорную роль орудия существующей власти, как активного поработителя пролетариата.

В функции советских профсоюзов входит организация всей системы добровольно-принудительных мероприятий власти. Политика зарплаты, производственного режима, организации труда, соцсоревнования и ударничества, займы, самообложения, мобилизация рабочих на «субботники», ликвидация «прорывов», вовлечение в принудительно-добровольные общества, классовое воспитание, сиречь, воспитание рабской покорности большевистской диктатуре, борьба с прогулами, текучестью, с «классовым врагом», сиречь с теми, кто сомневается в социалистической природе т. наз. генеральной линии и поднимает голос в защиту рабочих, воспитание, организация т. наз. «культурно-массовой» работы и проч. проч., составляя все вместе школу коммунистического угнетения и общественно-политического растления трудящихся масс.

Прямым выводом из всего вышесказанного, из анализа большевистской государственности и демократизма, из анализа положения рабочего класса — является утверждение существования в СССР не социалистического строя и даже не фундамента социализма, а ярко выраженной системы государственного капитализма.

Крестьянство при диктатуре ВКП (б) (аграрный вопрос)

В экономике России всегда, и в настоящее время также, огромную роль играло и играет с/х производство.

В сельском хозяйстве Советского Союза занята основная масса, подавляющая часть всего трудящегося населения страны. Все это выдвигает аграрный вопрос на не меньшей важности значение, чем рабочий вопрос при разрешении проблемы перехода России в эпоху осуществления социалистических принципов народохозяйствования.

Именно разрешение аграрного вопроса в духе революционного социализма и являлось одной из основных движущих сил Октябрьской революции, одним из важнейших и ответственных лозунгов социально и / по существу, социалистической революции 1917 г.

Социализация земли

Первый и основной подлинно социалистический закон, разрешивший вековую историческую проблему передачу всей земли трудящимся крестьянам-производителям — закон советского правительства о социализации земли был разработан еще входившими в состав советского правительства левыми социалистами-революционерами.

За 14 лет существования диктатуры ВКП (б) в стране социалистические основы землепользования, провозглашенные Октябрем, уже успели отойти в область преданий.

Большевизм с большой последовательностью и убедительностью, в духе доктрин Маркса-Ленина, сделал все возможное для ликвидации на практике завоеваний Октября.

«Комбеды»

Провозглашая на словах союз города и деревни, как основу советского государства, большевики в своей аграрной политике сразу же взяли курс на раздробление и ослабление трудового крестьянства, искусственно выделяя из него элементы деревенского пролетариата и организуя его в комитеты бедноты, противопоставляемые остальной массе трудящихся крестьян.

«Совхозы»

Очень быстро выявилась и другая линия аграрной политики правящей партии создание государственных сельскохозяйственных экономий с наемным рабочим трудом, захват государством крупных участков земли с искусственным культивированием

кадров с/х рабочих — батраков и неизбежной новой формой эксплуатации трудящихся в сельскохозяйственном производстве.

На смену помещичьей усадьбе и монастырским угодьям — злейшим эксплуататорам крестьянства, пришли государственные совхозы, поставив на место индивидуального эксплуататора-помещика — безличного эксплуататора — государство, являющееся самым жестоким и неумолимым вымогателем крови и пота трудового народа

Продразверстка, заградительные отряды, реквизиции и проч. и проч. прелести диктатуры пролетариата над крестьянами открыли собой проводимую последовательно в дальнейшем политику ограбления и насильственной пауперизации крестьянства, прерванную на краткий период, так наз [ываемого] НЭП-а безысходным экономическим тупиком, в которую привела страну эта политика угнетения и хозяйственной деморализации деревни.

Коллективизация

В 1929–30 гг. большевистская аграрная политика вступила в стадию своей кульминации.

Русское народничество всегда, и в частности левое народничество, в послеоктябрьский период рассматривало социализацию земли не как самоцель, а как первый и важнейший реальный шаг на пути перехода деревни на общественные коллективные формы трудового землепользования.

Признавая громадные преимущества в экономическом и общественно-производственном отношениях коллективных, артельных форм труда на основе производственного опыта уже занявших прочное место в экономике и общественной жизни деревни с/х артелей и трудовых общин, и широкой системы культурно-просветительных и поощрительных экономических мероприятий, оттеняющих перед единоличными хозяйствами преимущества перехода на начала обобществления сельского хозяйства.

Таким образом, народничество видело и отстаивало дальнейшую перестройку сельского хозяйства на принципах социализма, идущего снизу, и потому устойчивую во всех отношениях, экономически и психологически освоенную трудовым крестьянством, получающим в этом процессе мощную поддержку рабоче-крестьянского государства машинами, инвентарем, селекционными сортами и агропомощью.

Большевистская диктатура, привыкшая разрешать сложные проблемы по принципу «всех давить» мерами административных

и экономических санкций, инстинктивно чувствуя в крестьянине природного врага какой-либо диктатуры над трудящимся народом, стала на путь принудительной сплошной коллективизации сельского хозяйства на основе ликвидации кулачества как класса. Характерно, что в этом вопросе ВКП (б) повела свою политику в разрез с программой III Коммунистического Интернационала, гласящей, что «всякая насильственная ломка их (крестьян) хозяйственного уклада и принудительное их коллективизирование привели бы лишь к отрицательным результатам» (программа Коммунистического Интернационала — Государственное Издательство 1928 г.).

Метод полицейского воздействия, палочного обобществления, загона чуть ли не пулеметами крестьян в колхозы, естественно, вызвал упорное сопротивление всей массы трудового крестьянства и в частности, даже бедняцких его элементов

Большевицкие чиновники прибегали к излюбленному приему и отнесли всех наиболее активных протестантов против всесоюзного насилия над крестьянством к лику классового врага — кулакам и подкулачникам.

Начался невиданный в истории человечества погром рядового крестьянства, разгром сельского хозяйства и не знающий удержу произвол властей предрежающих, прикрывающихся коммунистической фразеологией. Буквально за несколько месяцев кадры «кулаков» утысячились и бесконечные составы «раскулаченных», сиречь протестовавших бедняков и середняков потянулись по рельсам с грудными детьми, беременными женщинами, стариками и прочими злонамеренными «классовыми врагами», окруженные конвоем, на дальний Север, на медленное, а нередко и быстрое вымирание.

Насильственная коллективизация — смертельный удар сельскому хозяйству. Огромные территории русских равнин показали мерзость запустения, на месте цветущих лугов и колосющихся нив протянулись на тысячи километров злые поросли сорняков и мертвые невозделанные земли.

Воскресали времена батыевских набегов и опустошений.

Новоиспеченные колхозники миллионами бросились из разоренных деревень в города, в совхозы, в другие районы, запрудили дороги голодными, терроризированными озлобленными толпами. В колхозах остались счетоводы и отдельные растерявшиеся от дела рук своих партийные чиновники. Гигантская тень голода встала над деревней и заслонила солнце, росла все более, и затемнила города.

Страна оказалась отброшенной на 12–13 лет назад.

Партийный центр опомнился и несколько отрезвел. Вина была свалена на «Стрелочника». На низовых коммунистов — «головокружение от успехов». Однако дело было сделано.

Экономический крах сельского хозяйства

Принудительно-деспотическое насаждение сверху дало быстрый и резкий эффект — урожайность катастрофически пала, площади посевов значительно сократились, производительность труда «колхозников поневоле» оказалась блика к нулю. Начались хищнические хлебозаготовки.

Будучи обязанными сдавать все хлебные излишки государству, колхозники в огромном большинстве не только не имели их, но и сами влачили полуголодное существование. Такое положение поставило под угрозу снабжение не только городов, но и Красной Армии. Изъятие «излишков» у колхозников большевиками превратилось в открытый грабёж и без того уже разоренного крестьянства. Партийные заготовители объявляли излишками весь хлеб, который находили, и реквизировали его, не оставляя колхозникам даже голодной нормы.

Совершенно очевидно, что такое положение ни в малейшей степени, не могло способствовать укреплению колхозов и росту их популярности. Продолжающийся развал сельского хозяйства заставил большевиков уже в 1933 г. пойти на решительное отступление, выдвинуть лозунг «зажиточного колхозника» и издать закон о нормировании хлебосдачи государству.

Однако и это отступление не может рассматриваться как выход из экономического тупика, в который завела страну их аграрная политика, как, наконец, возвращение их на путь действительно социалистической политики.

Не только сохраняет свою силу добровольно-принудительный характер коллективизации, не только по-прежнему рядовое крестьянство лишено права сводного выбора форм землепользования, но самая организация колхозов содержит в себе ряд явлений, лишаящих крестьянство почувствовать себя заинтересованным в развитии колхозного хозяйства.

Бюрократическая, лишенная подлинного революционного демократизма природа большевистской диктатуры накладывает на все роковую печать. Фактическое назначенчество парторганизациями председателей колхозов с *Post factum* их выборами

в принудительно-добровольном порядке общими собраниями колхозников создает атмосферу безответственности этих председателей перед массой и недоверия массы к присылаемым партийным «варягам».

МТС

Крайне уродливыми являются также взаимоотношения между машинно-тракторными станциями и колхозами.

Полная фактическая зависимость колхозов во всей их производственной деятельности от МТС создает незаинтересованность и безответственность колхозного руководства, передающиеся, естественно, и рядовым колхозникам в деле своевременности и лучшего качества основных с/х работ.

Самое существование МТС, лишаящее колхозы основных орудий производства, является ярким штрихом госкапиталистической политики большевизма в деревне.

При существующем порядке выделения трактористов и оплаты их трудней колхозами, что лишает колхозы заинтересованности в поставке МТС кадров трактористов при переходе с денежной формы оплаты тракторов на натуральную, такое отчуждение орудий производства от непосредственных производителей не вынуждается интересами хозяйственной целесообразности и противоречит социалистическим принципам организации коллективного хозяйства.

МТС по существу возрождает старые прокатные станции в более несовершенной редакции по принципу односторонних обязательств.

«Политотделы»

Стремясь во что бы то ни стало укрепить свои коренным образом пошатнувшиеся позиции в деревне и обеспечив себе такое же твердое командующее положение в ней, как и в городе, учитывая слабость своих чиновничьих кадров на селе, большевизм приступил к организации специальной системы «добровольного принуждения», испытанной системы агитации и коммунистического «воспитания», подкрепленного бесспорным авторитетом политико-административного террора, через создание политических отделов при МТС и совхозов с распространением масштаба их деятельности на колхозную систему.

Пролетаризация крестьянства

Аграрная политика большевиков, по существу своему направлена на ликвидацию крестьянства как класса, на пролетаризацию крестьянства и переваривание его основной массы в фабричном котле во славу марксистской доктрины. Анализ этой политики приводит к неизбежному выводу о том, что совхозное строительство, формирующее значительные кадры деревенского пролетариата, — с/х рабочих-батраков и командная роль МТС в колхозном секторе представляют собой звенья одной цепи, факторы одного целеустремления — пролетаризация деревни и превращение колхозов в дальнейшем в зерновые, животноводческие, спецкультурные и т. д. фабрики сельскохозяйственного производства с наемной рабочей силой и орудиями производства в руках большевистского государства.

Система государственного капитализма диктатуры ВКП (б) приобретает в деревне столь же отчетливо выраженные формы, как и в городе. Волчьи зубы, маскировавшиеся некоторое время овечьей шкурой, вцепились мертвой хваткой в горло трудового крестьянства.

Проблема индустриализации

Основные завоевания социализма, ведущая ось большевизма, именно то, что, в основном, составляет фундамент социалистической экономики в глазах правящей партии и ее зарубежных друзей принято называть индустриализацией народного хозяйства Советского Союза.

В этой области большевики за сравнительно короткое время достигли весьма значительных результатов. Количество новых и реконструированных фабрик и заводов, электростанций, новых железнодорожных путей сообщения весьма значительно. Отрицать это — значило бы выступать против объективной действительности. Механизация многих трудовых процессов, механизация сельского хозяйства также шагнули в условиях диктатуры большевиков далеко вперед.

За 15 лет большевики сделали в области индустриализации и механизации, включая сюда электрификацию и моторизацию транспорта, больше, чем российский капитализм за время своего существования.

Однако изучение большевистской политики индустриализации вскрывает целый ряд ее органических пороков, целый ряд

первородных грехов, коренящихся в самой природе диктаторствующей партии, превращающих верную и необходимую для трудящихся линию экономического и технического прогресса в орудие обнищания пролетариата и трудового крестьянства, в фактор еще большего закабаления и порабощения трудящейся личности.

Как уже сказано было выше, в советской промышленности красной нитью проходит порабощение рабочего-производителя бездушными силами, техническими средствами производства.

Темпы и направление политики индустриализации на новейшую техническую базу производства при крайне малочисленных кадрах квалифицированного индустриального пролетариата приводят нового советского рабочего из крестьян или кустарей к жалкой роли раба машины, которая управляет им с деспотичностью четкого механизма, нередко оказываясь в то же самое время дорогостоящей жертвой его непригодности к ней или инстинктивного его бунта против этой рабской зависимости.

Не машина служит человеку, а человек — машине, но, вместе с тем, и машина и человек служат вместе третьей силе, общему хозяину — за рубежом классу капиталистов, в СССР — коммунистической диктатуре. Этот характер производственных отношений оказывается аналогичным в обеих экономических системах.

Непомерно высокие темпы индустриализации, взятые властью, гигантомания в строительстве лишают ее значительной доли экономической целесообразности в силу невозможности практического производственного освоения новых предприятий в полном объеме.

Это обуславливается отсутствием необходимого производственного опыта, неизученностью технологии и экономики новыхстроек, отсутствием квалифицированной рабочей силы, рабскими условиями труда, часто несоразмерностью между масштабом производства и реальными возможностями его освоения, снабжения сырьем и вспомогательными материалами. В результате получается омертвление значительной части капитала, работа на холостом ходу, экономическая нерентабельность в прямом не капиталистическом даже смысле слова.

Наряду с чрезмерными темпами, экономически не оправдывающими себя, политика индустриализации страдает близорукостью гигантоманией, приводящей на практике к той же неосвоенности их производственной мощности.

Целый ряд крупнейших и действительно грандиозных сооружений и промпредприятий, построенных большевиками, в большей степени похожи на памятники, воздвигнутые диктатурой ВКП (б) наподобие египетских пирамид, чем на индустриальные производящие единицы.

Наконец, основным принципиально и практически прочным свойством проводимой политики индустриализации является ставка большевизма на развитие промышленности по линии производства средств производства.

Огромный перевес, полученный тяжелой промышленностью над легкой в промышленной экономике страны, привел к острому промтоварному голоду среди населения, к невозможности для советских трудящихся удовлетворять свои элементарные бытовые потребности, к почти полному забвению интересов потребителя в течение последних лет.

Проблема равновесия производств и потребления была решена большевиками через установление примата интересов производственных над потребительскими.

Истощенная и обнищавшая за годы империалистической войны и первых лет революции трудящаяся масса и в частности, рабочий производитель получила в условиях мирного советского строительства вместо хлеба — камень, вместо предметов первой необходимости — средства производства, принадлежащие не ей, а государству партийной диктатуры.

Товарообмен города и деревни превратился в одностороннюю насильственную выкачку товарных ресурсов сельского хозяйства. Крестьянство за хлеб могло получить в лучшем случае пудру и духи, соски и коммунистическую литературу.

Механизация сельского хозяйства, проводящаяся через совхозы и МТС, оставила по-прежнему производителя-земледельца без орудий производства, но поставила его в большую прямую зависимость от них.

Попытка большевиков строить социализм на полной технической базе, создаваемой индустриализацией и механизацией, поработавшая во славу ее живую личность производителя, умаляя ее потребительские интересы и естественные потребности, не могла не оказаться явно преступной по отношению к рабочему классу и крестьянству в эфемерной по своему социально-экономическому содержанию, приведя к низкой производительности труда, незаинтересованности производителя, и эксплуататорской системе хозяйствования в промышленном и сельскохозяйственном производстве.

Внешняя торговля

С политикой индустриализации неразрывно связаны и вопросы внешней торговли, проблема советского импорта и экспорта.

Правильная, в принципе, монополия внешней торговли проводится на практике большевиками вразрез с жизненными интересами трудящихся Союза.

Импорт

Ставка на развитие тяжелой индустрии заставляет правящую партию и в вопросах импорта отталкиваться исключительно от интересов развития технической базы, принося им в жертву еще раз потребительские интересы трудящегося производителя.

Круг предметов советского импорта включает почти исключительно орудия производства, станки, машины, сложные механизмы, высококачественное сырье для тяжелой промышленности, аппаратуру и различный инструментарий.

Предметы широкого потребления: продукты питания, не производимые в Союзе, даже необходимые медикаменты, или совершенно отсутствуют как статьи ввоза в СССР, или ввозятся в количестве, не покрывающем и незначительной доли потребностей в них населения. Золотая валюта расходуется по преимуществу только на дорогостоящее заводское и лабораторное оборудование, производство которого не освоено в практике советской индустрии.

Экспорт

Для покрытия стоимости советских заказов за границей, для валютного обеспечения импортных операций большевики стараются усиливать свои экспортные возможности, в практике, нередко прибегая к открытой форме демпинга, особенно в отношении тех стран, где экономика экспорта тесно переплетается с интересами чисто политических соображений и комбинаций.

При этом особенно характерным для советской экспортной политики является преобладание в советском вывозе как раз тех товарных статей, в которых трудящиеся Союза ощущают особо острый недостаток — предметов питания — хлеб, масло, фрукты и т. п. и предметов широкого потребления непищевого порядка.

Исключение составляют такие статьи экспорта как хищнически истребляемый лес и нефть.

Экономический кризис

Жестокий экономический кризис, охвативший СССР в последние годы и явившийся результатом односторонней индустриализации страны и насильственной коллективизации сельского хозяйства с небывалой силой напомнил большевикам о систематически приносимых ими в жертву потребительских интересах населения.

Близость перехода экономического кризиса в кризис общеполитический, готовый смести и самую диктатуру большевиков, властно продиктовал правящей партии необходимость спасти свою шкуру поворотом политического курса навстречу широким потребительским массам.

Порочный круг советской экономической системы

Однако именно на этом этапе с особенной выпуклостью выявилась порочность того круга, в котором оказалась замкнутой советская экономика, а с нею и большевистская диктатура. Резкий и радикальный поворот курса должен был пойти по линии не только значительного снижения темпов индустриализации и переноса центра тяжести на производство средств потребления, но и на решительное сокращение экспорта и на развязывание хозяйственной инициативы крестьянства. Однако сократить экспорт для большевиков оказывается равносильным отказу от импортируемой политики, т. е. равносильно аннулированию советских заказов, размещенных в кольцах мирового удава — экономического кризиса, что совершенно неизбежно должно привести к резкому ухудшению международного положения Советского Союза и возможности вооруженных конфликтов, особенно опасных для правящей партии с напряженным экономическим и политическим положением внутри страны.

На такой риск большевики решиться не могут, и, естественно, их экономическая политика должна оказаться и оказалась уже половинчатой. Носящей все признаки растерянности и неспособности выйти из созданного ею порочного круга.

Вместо поворота курса политики — беспомощные зигзаги, вместо радикальных экономических мер — паллиативы и обычная малоубедительная фразеология, за которой скрывается усиление политического террора — признак растерянности и бессилия правящей партии найти выход из тупика.

Внутренняя торговля и кооперация

Напряженная атмосфера экономического кризиса еще более усугубляется провалом на практике государственной монополии внутренней торговли. Уничтожение частного капитала в русле советской торговли, в торговом обороте между городом и деревней и концентрация всего дела в руках государственных органов снабжения и потребительской кооперации вместо приближения потребителя к социалистической системе товарооборота привело в большевистской практике к голодному пайку, обострению противоречий между городом и деревней и углублению экономического кризиса.

Это могло возникнуть и возникло только в силу бюрократичности большевистских органов снабжения и практическому извращению элементарных основ кооперативного движения. Органы потребительской кооперации точно так же как и профсоюзы являются по существу не общественными организациями, объединяющими трудящихся пайщиков на основе их потребительских интересов и практики заготовительной работы и сбыта, а бюрократическим придатком того же большевистского государственного аппарата, руководимого комфракциями, и выдающими в пайщиках только дойную крову о миллионах сосцов.

Потребкооперация в силу бюрократичности своей системы, отсутствия свободной независимости от государственных органов, отсутствия элементарного демократизма, непосредственной заинтересованности в лучшем снабжении потребителя, в силу отсутствия подлинного контроля пайщиков над ее операциями и, наконец благодаря полной безответственности аппарата потребкооперации перед массой пайщиков, представляет собою в советской действительности дополнительный добровольно-принудительный налог на советских граждан, ежемесячно планомерно выкачивающий из трудового населения десятки миллионов рублей системой паевых взносов, целевых авансов, авансов просто, авансов на пригородные хозяйства и т. д., и т. д.

С бесстыдным цинизмом похожим на открытое издевательство потребкооперация компенсирует своих пайщиков за эти миллионы — банками гуталина, суррогатами кофе, водкой, чемоданами подвязками в неограниченном количестве, парой носков, чулков или ботинок сорта «брак» один раз в год и 2 раза в год по спекулятивным «коммерческим» ценам (которым искренне позавидовал бы покойный частник), предметами роскоши и промтоварами, в количестве, позволяющем магазинам торговать не более 10 дней в году.

Аналогичный, еще более ярко выраженный спекулятивный характер носит деятельность государственного объединения розничной торговли. Таким образом, ликвидация частного торгового капитала привела к выступлению на рынке большевистского государства в качестве его достойного заместителя — спекулянта и вручила интересы рабочего-потребителя в руки природного в советских условиях импотента — «потребительской кооперации» — в кавычках.

Колхозные базары

Не меняют и не могут изменить существующего положения и т. наз. «колхозные базары» при данном состоянии сельского хозяйства, отсутствии предметов широкого потребления и сельского обихода на полках торгующих организаций. Больше того, вся система государственной узаконенной спекуляции и в рыночных отношениях действует развращающим образом на трудящихся колхозников, отвечающих на нее, в свою очередь, спекулятивным вздутием цен на продукты сельского хозяйства, жертвой которого оказывается рабочий потребитель.

Естественным и неизбежным результатом такого положения является неуклонное падение реальной заработной платы трудящихся и ухудшение их экономического положения в коммунистическом раю большевистской диктатуры.

Налоговая система

Заметим, кстати, что в этом раю карман трудящегося подвергается опасности не только в сфере рыночных отношений. Его окутывает быстрейшая паутина прямых и косвенных налогов, взимаемых в принудительном и еще чаще в добровольно-принудительном порядке. Выкачивание денег у трудящегося, носящее название «мобилизации» средств государством, поставлено в Советском Союзе на «должную» высоту и немногим отличается от грабительской системы какого-нибудь китайского генерала, заставляющего стонать свою разоренную провинцию.

Кроме прямых налогов, вроде сельскохозяйственного, подоходного и т. п., которыми облагаются все без изъятия трудящиеся, зарабатывающие выше определенного голодного минимума (для рабочих и служащих выше 75 руб., на которые можно купить по коммерческим ценам не более 5 клгр. мяса или же такое же количество хлеба в месяц. Или 8–10 метров мануфактуры или па-

ру непервосортных ботинок, но ни в коем случае ни то ни другое вместе), существуют налоги, которые распространяются на все категории оплачиваемого труда — например, налог на культурно-жилищное строительство, и, наконец, практикуется огромное количество всякого рода косвенных налогов, обложений, сборов, самообложений, отчислений и т. п.

Несколько примеров — налог на театры. Кино и проч. зрелища, сбор за место торговли на базарах, ж. д. станциях и пристанях. Курортный сбор, или налог на воздух, акцизы на водку, вино, табак, акцизы, то бишь коммерческие цены на продукты питания, промтовары и проч. Налог на собак, велосипеды и проч., налог на отдельные породы собак (немецкие овчарки и пр.), второй налог на воздух — оплата дополнительной жилплощади, гербовые марки и оплата ряда категорий заявлений, внутренние займы, членские взносы в профсоюз, кооперацию, МОПры-Осавиахимы, ОДН, ОДД, Автодоры, ОДР, РОЖК, лотерейные билеты тех же организаций, авансы в кооперацию, ГОРТы, столовые, электростанции, пригородные хозяйства на овощи ранние, овощи поздние, на картофель, на фрукты и проч., отчисления от зарплаты или урожая в пользу добровольных обществ, Красной армии, моторизации войск ГПУ и т. п. и т. д. Субботники, воскресники, отработка часов в пользу разных мероприятий власти, благотворительные значки, открытки, марки на транспорте, на вокзалах, в театрах и др. местах скопления граждан. Кружечные сборы, штрафы, сдача благотворительными марками, лотерейными билетами в магазинах и местах увеселений, принудительный ассортимент товаров в торговой сети, вызовы через печать, сборы на дирижабли, самолеты, памятники, подводные лодки, и прочая и прочая «несть им числа».

В результате этой вакханалии грабежа, вымогательства и выманивания трудовых рублей рабочих, служащих и крестьян государство во всех его видах и проявлениях получает колоссальные суммы для своих нужд — милитаризации-индустриализации и т. п., причем было бы глубоким заблуждением предположить, что хотя бы различные авансы имеют для трудящихся товарную реализацию. Это в теории, а на практике реализуется не более 10 %, а зачастую авансы не реализуются и не возвращаются совсем.

Такое положение вещей даже номинальную зарплату трудящихся уменьшает на 40–50 %, а реальная зарплата не превышает голодный минимум, ведущий к систематическому истощению населения и нередко к случаям голодной смерти у низкооплачиваемых категорий наемного труда.

Так рабочий, получающий 150 руб. в месяц, на руки получает за вычетом займа, подоходного, культжилналога взноса в профсоюз не более 110–120 руб., уплатив остальные членские взносы, он получает сумму примерно в 100 руб., после внесения авансов покрытия пожертвования и самообложений, у него остается 75 руб. т. е. половина.

Эта сумма подвергается уже атаке со стороны разнообразных акцизов, жилплощади, коммунальных услуг и т. п.

В результате, особенно, если рабочий семейный, — открытый безвыходный голод.

Такова финансовая, вернее, налоговая политика диктатуры Коммунистической партии.

Система народного просвещения

Переходя к системе народного просвещения в Советском Союзе, необходимо в интересах объективности отметить целый ряд значительных положительных явлений образовательной политики большевизма. Сюда относятся ликвидация неграмотности и малограмотности, принявшая массовый характер, всеобщее обязательное обучение, сеть ФЗУ, ФЗС, Техникумов и ВТУЗов, практически осуществляемую политехнизацию высшей и средней школы, сеть рабфаков и школ для взрослых, систему курсов по подготовке в ВУЗы, систему заочного образования, сочетание академических занятий, теоретических лекций с производственной практикой и т. п.

Это несомненные достижения, давшие огромный культурный сдвиг советской России по сравнению с Россией дореволюционной, однако не являются в основном продуктом оригинального творчества большевистской диктатуры и в значительной своей части известны практике передовых демократических стран капиталистического мира, где культурный уровень трудящихся масс уже давно оставил позади культурный уровень русских в значительной степени советских рабочих и крестьян. Здесь творчеству большевиков целиком принадлежат лишь идеологические основы, философско-политический базис воспитания молодежи просвещения взрослых.

Вся советская школьная и просветительная система построена на признании единственно правильной философии диалектического материализма, на утверждении непогрешимости догм марксизма-ленинизма, на фанатичном запрещении их критики или выражения сомнения в их непогрешимости, на изгнании и недопущении каких-либо иных философских, политико-эконо-

мических и этических идей. Это в совершенно одинаковой степени относится и к средней, и к высшей школе, и всей системе внешкольной педагогики и воспитания.

Преподавание большевистской политграмоты, исторического и диалектического материализма в советской школе заменило преподавание закона божьего и катехизиса.

На смену казенной христианской религии, на смену церковного православия пришла казенная религия «диамата», пришел «символ веры» марксизма правящей партии.

Вместо обязательных тропарей, молитв и заповедей в головы учащихся вбиваются речи коммунистических вождей, параграфы партийных постановлений и законы диалектики.

Имеется, однако, и существенное отличие современной «партийной словесности» от канувшей в Лету церковной.

Раньше преподавание закона божьего не увязывалось с преподаванием математики, физики, биологии и других дисциплин. Находились педагоги и профессора, которые смелой творческой мыслью утверждали в умах своих воспитанников мировоззрение сплошь и рядом враждебное в корне противоположное казенным основам «самодержавно-православно-народного просвещения».

Большевики оказались последовательнее и изобретательнее.

В советской школе преподавание всех без исключения дисциплин поставлено на основе диалектического материализма.

Преподаватель или профессор математики, физики, биологии, гистологии, химии, физики и т. д. не может преподавать свой предмет просто. Не давая всем явлениям марксистского толкования.

Нарушение этого закона влечет за собой увольнение такого «преступного» пастыря молодежи, как «классового врага», создание вокруг него «общественного мнения». Сиречь освистание его в газетах, на собраниях и т. д. и часто арест.

Volens nolens каждый педагог должен быть, хотя бы на словах, правоверным марксистом в духе большевизма.

Увлечение политевангелическими науками, произвол комсомольских органов школьного самоуправления, идеологический террор в отношении учительства привели к тому, что в течение всех лет большевистской диктатуры средняя школа выпускала малограмотных людей, лишенных элементарной духовной культуры, минимума общеобразовательных знаний, невежественных в вопросах истории, географии, русского языка и литературы, но твердо вызубривших азы большевистской политграмоты.

Аналогично — высшая школа выпускала инженеров, техников, экономистов, астрономов, физиков, химиков, врачей, педа-

гогов, имеющих только самое отдаленное представление о своей специальности, пасующих перед авторитетом мастера или фельдшера, но способных точно определить, где кончается левый загиб и начинается правый уклон и в чем соль «предательства» эсеров с «классовой точки зрения».

К концу первой пятилетки советская промышленность и сельское хозяйство оказались снабженными в сверхдостаточной степени такими липовыми специалистами, безграмотными, невежественными командирами производства, разрушающими это производство и приносящими огромный вред народному хозяйству.

Лучшие и наиболее сознательные из них мучительно переживали свою трагедию и бежали со своих постов или стремились восполнить пробелы своего образования практикой и самообразованием. Другие же самонадеянно брались за работу, разваливая и губя порученное им дело.

Коммунистическая партия, в конце концов, учла создавшееся положение и провела коренную реформу высшей (и отчасти) средней школы.

Однако реформа больше напоминает политику реакции, чем исправление системы допущенных ошибок и уродования дела народного образования.

Все «основы» остались незыблемыми, изменилась форма и метод преподавания, изменился режим, изменилась программа.

Все новые формы и методы, которыми власть кичилась пятнадцать лет, как важнейшими достижениями марксистской педагогики — дальтон-план, лабораторный, предабораторный методы, бригадная форма работы над заданиями, и проч., все это оказалось запрещенным, и школа вернулась к лекциям, конспектам, опросам, зачетным сессиям, индивидуальной ответственности, объем учебных программ удвоился, оказался введенным в ВУЗы для студенчества режим дисциплинарных батальонов, упор на общественную работу не сменился, а совместился с не менее жестким упором на академическую успеваемость, и современный советский студент, схваченный за горло академизмом, «общественностью», политечкой, военизацией, физкультурой и конвейером зачетных испытаний, может только с завистью думать о «демократизме» и «академической сводке» высшей школы министерства Кассо.

Наука и искусство при диктатуре ВКП (б)

Сфера деятельности человеческого интеллекта, в ее высших проявлениях создающая величайшие духовные ценности, сфера

интегрирующей творческой мысли и творческих эмоций — область науки и искусства в условиях диктатуры большевизма наглухо запечатана печатью диалектического материализма, государственно-узаконенного стандарта мысли и чувства.

В Советском Союзе признается и поощряется только та научная деятельность, которая либо исходит из предпосылок диалектического метода, либо может быть использована им для утверждения марксистского миропонимания, либо обслуживает практику развития производительных сил. Научные проблемы отвлеченного порядка, синтетические обобщения философского разума, исследования, расходящиеся в своих методах и результатах с догмами правительственной доктрины, являются контрреволюцией, борьбой на идеологическом фронте, вредительством и происками классового врага.

Только крупнейшие мировые имена получают в СССР возможность вести свою работу. Не подвергаясь опасности преследований и издевательств.

Издать в Советском Союзе научную работу, мало-мальски расходящуюся во взглядах с диалектическим материализмом, невозможно. Также невозможно издать и то или иное исследование на чуждую диалектической теории тему или на тему метафизического порядка. Даже огромнейшие заслуги перед революцией автора и его славное имя не меняют этого правила (Н. А. Морозов).

Этим объясняется утилитарность, красной нитью проходящая в научной жизни Союза.

Этим объясняется также вынужденное перекрашивание в цвета большевистской политграмоты и марксизма большинства русских деятелей науки. Еще деспотичнее, откровеннее и изощреннее политика правящей партии в области искусства.

Видя в искусстве средство организации воли и чувств, средство коммунистического воспитания трудящихся масс, большевизм особенное внимание обратил на установление в этой сфере государственной идеологической монополии.

Творческая художественная мысль подверглась неумолимому закабалению.

На примере положения литературы в послеоктябрьский период вскрываются с полной очевидностью условия, в которых вынуждены развиваться и жить все области советского искусства.

Так называемые пролетарские организации литературы, руководимые комфракциями, оказались полновластными деспотическими хозяевами творческой мысли, осуществляя ее политический террор, на помощь которому приходила издательская политика

и цензурный аппарат власти. Менялись вывески — «На посту», «На литературном посту», «РАПП» и т. д., но сущность дела оставалась неизменной.

Свободная мысль и художественное слово беспощадно глушили, со страниц командных газет и журналов раздавались жандармские окрики, распоясанная травля и улюлюканье по адресу «идеологически невыдержанных» писателей; для писателей, желавших удостоиться печататься и жить литературным трудом, устанавливались идеологические схемы, таблицы, казенные алилуйские трафареты; литературные группировки правых и левых «попутчиков», даже пролетарских «уклонистов» подвергались ураганному огню правоверных и разгрому.

Атмосфера средневековья, казуистика диалектических толкований между строк, инквизиторские приемы разоблачения идеологической крамолы, разгул «цензорского цыканья» (выражение Маяковского) полонили советскую литературу и искусство. Нищие духом бездарности, лишённые традиций и культуры, художественного чутья, исторической правды, обнаглевшие юнцы с парт- и КСМ-билетами, заменяющими творческий багаж, карательные начальники от литературы в сапогах с гвоздями из казенных политграмот начали священный танец живота. То бишь, «пролетарской» идеологии на связанном по рукам и ногам теле человеческого, народного творчества.

Шарманки партии типа Демьян Бедный, угоревшие алилуйные мальчишки типа Жаров, жалкие беспомощные козявки типа Фадеев, словоблуды и сквернословы типа Авербах, дрянненькие сценологи типа Киршон — возносились как поэтические гении, истинные пролетарские лирики, пролетарские Толстые, Белинские и Шекспиры. Подлинные мастера слова предавались анафеме.

Общеполитическая и экономическая ситуация в стране, идеологический кол, на который была посажена сама литература, очень скоро сказались на быте и судьбе лучшей части эмоционально-обнаженных, непосредственных в своем творчестве, беззащитных, по своей природе певцов живого чувства и свободной мысли, русских поэтов и писателей, в том числе и искренних друзей пролетарской революции, искавших даже путей для своего участия в строительстве новой жизни при диктатуре правящей партии.

Сергей Есенин, Николай Кузнецов, Андрей Соболев, Владимир Маяковский — каждый по-разному пришли к одному и тому же неизбежному концу. Самоубийство оказалось единственным выходом и для тех, кто, как Есенин, почувствовал, что «моя поэзия

здесь больше не нужна, да я и сам, пожалуй, здесь не нужен», и для тех, кто как Маяковский «становился на горло собственной «песне», кому «агитпроп в зубах навяз».

Советская литература забрызгана кровью не только лучших своих — самоубийц, она забрызгана кровью своего протестанта — расстрелянного большевиками Н. Гумилева. Революционные писатели типа Я. Браун брошены в тюрьму и рассеяны по ссылкам.

Другие «несозвучные» правящей партии, подвергнутые издательскому остракизму, замкнулись в самоизоляции, как вдова Гумилева — Анна Ахматова и умерли в ней как Максимилиан Волошин; третьи разменивают свое дарование и, выворачивая себя наизнанку, бледно строчат рифмованные агитки вроде Н. Асеева, забывая что «Крашено рыжим цветом», а не «красным время». Четвертые делают отчаянные потуги заразиться духом времени и получить право печататься, как Павел Антокольский, романтик Э. Багрицкий или тончайший Борис Пастернак.

Др. Предпочитают воздух буржуазного запада советской атмосфере, как И. Эренбург, Е. Замятин. Шестые перекрашиваются, как М. Козаков. Седьмые создают вещи большой художественной и социальной значимости для ... своего письменного стола, как работающий бухгалтером Кржижановский или современный Салтыков-Щедрин — Андрей Платонов. Восьмые вынужденно уходят в область библиографии и технической редакции, как писатель огромной революционной закалки Иванов-Разумник; девятые... десятые... излишне перечислять все те пути, проулки и тупики, по которым бредет и мечется в поисках самосохранения, отдушины в жизнь, в поисках малейших зацепок к творческому бытию современная русская революционная литература, вся в путах, вся в оковах, вся в кровотокающих рубцах от гуляющей по ней идеологической плети большевизма.

И последнее постановление ЦК ВКП (б) о роспуске РАПП, несмотря на маразматический детский лепет «надеющегося» Андрея Белого, является не более как сменой кожи той же ядовитой кобры, которая уже 15 лет держит в судорожном оцепенении своим магическим взглядом и ядовитыми зубами советское искусство. Имя этой кобры — партийная диктатура, которая «хотя и в новой коже, но сердце у нее все то же».

Положение интеллигенции

Из анализа состояния в Советской России дела народного просвещения, научной работы и жизни искусства становится

ясным и положение всей русской интеллигенции при большевистской диктатуре.

Деятели народного образования, учительства, деятели науки, писатели, поэты, художники, музыканты — люди творческого интеллекта и эмотивного воспитания жизни всегда составляли передовую часть русской интеллигенции.

Поэтому, обобщая тему, остается добавить к характеристике положения этой части интеллигенции только общий вывод об ее психическом рабстве.

Другая часть русской интеллигенции, остальные категории умственного труда, специалисты-практики, врачи, различные другие виды квалифицированных советских служащих — все они поставлены в положение наймитов и чиновников государственного аппарата.

Видя в них определенную касту монополистов интеллектуального труда, психологически, если не идейно чуждую в основной своей массе как идеологическим основам большевизма, так и форме их организации — партийной диктатуры, не доверяя и боясь ее, большевики покупают ее опыт и знания, держа в то же время над ее головой Дамоклов меч политического террора. Они платят интеллигенции, платят зачастую хорошо и требуют за это не только механического исполнения директив и установок партии, но и безраздельной отдачи на служение генеральной линии партийной диктатуры всей психофизической энергии специалистов, психологического перевоплощения в образ и плоть строителей псевдосоциалистического строя в стране.

Инженерно-техническая интеллигенция превращается не только в чиновничий, «честный», служилый элемент, не имеющий своего мнения, голоса, лица, но и в категорию надсмотрщиков, угнетателей рабочего и крестьянина.

Интеллигенция оказалась в роли мыслящего по большевистской прописи за кусок хлеба с маслом, за право рабского существования под марксистским кнутом орудия, орудия диктатуры партии над трудящимися, над нею собою, орудия морального, умственного, физического, экономического и политического угнетения трудящихся масс.

Своими умственными руками она строит тюрьму для себя и своих братьев, ту самую тюрьму, контуры которой возводят физически, материально миллионы рабочих и крестьян, сгибающих спины в рабском труде под наведенными дулами пулеметов и политграммат правящей партии.

В этом величайшая трагедия не только технической, но и всей совокупности русской интеллигенции. Драма творческого интел-

лекта, не знающая примеров в мировой истории. Неслышная драма, перед которой бледнеют ужасы святейшей инквизиции или позор великой империалистической бойни.

Лицо СССР

Анализ политической и экономической сущности большевизма со всей наглядностью убеждает в том, что Советская Россия — это страна, где под флагом коллективизма проводится величайшее в истории человечества нивелирование человеческой личности. Советский строй большевизма — это строй Прокрустова ложа для человеческой мысли по Марксу-Ленину. Это строй классового фетишизма, направленного на подавление фетишируемого класса и всего трудящегося народа во имя бесклассового общества. Это строй всеобщего психофизического рабства во имя коммунистического равенства и свободы.

Это живое олицетворение саркастической насмешки и издевательства истории над самыми высокими и чистыми идеалами человечества.

Аппарат принуждения

В чем же заключается та сила, которая позволяет в течение полутора десятка лет коммунистической партии творить свой изуверский, почти фанатический эксперимент, какова та сила, которая придает такое могущество власти, психологического и экономического рабства над 150 миллионами. Эта сила — военная система большевизма. Эта сила коммунистический аппарат политической расправы.

Эти силы — Красная Армия и ОГПУ.

Красная Армия

Сытая, хорошо обмундированная, отлично снаряженная дисциплинированная, в основной массе умело распропагандированная в духе большевистской политграмоты, вооруженная по последнему слову техники — советская Красная Армия представляет собою вполне надежный и боеспособный оплот партийной диктатуры, который до последнего времени являлся не только решающим фактором «спокойствия» внутри страны, но и фактором большого международного значения, заставлявшим капиталистические страны считаться с Совет-

ским Союзом и придуманной и умелой внешней политикой его дипломатии.

ОГПУ

Вторым действенным фактором внутренней устойчивости диктатуры ВКП (б) являются органы политического террора и расправы ОГПУ, располагающие значительной армией дисциплинированных и вымуштрованных для несения внутренней полицейской службы войск особого назначения сиречь беспощадного подавления волнений и противодействия трудящихся масс.

ОГПУ — наследник ВЧК в технике и методах своей работы давно рассталось с некоторой щепетильностью в выборе средств борьбы, которые проявляла ВЧК, особенно в тот краткий период ее деятельности, когда в ней принимали участие кроме коммунистов, в большинстве расстрелянные потом левые социалисты-революционеры.

Приняв девизом своей работы известную формулу иезуитов «цель оправдывает средства», ОГПУ в настоящее время с полным правом занимает почетное место в ряду таких родственных ему организаций как Скотланд-Ярд, Дефензива, Сигуранца, или старая русская Охранка.

Постановление Коллегии ВЧК от 17 февраля 1918 г. о запрещении провокатуры в тактике политической борьбы и от 18 марта того же года об ограничении деятельности секретных сотрудников только сферой спекуляции и уголовных дел, с запрещением пользоваться их услугами в отношении политических партии, — эти постановления давно аннулированы практикой работы ОГПУ.

Больше того — основная и главная сила ОГПУ заключается именно в той чудовищной по своим размерам системе политической провокации и внутренней секретной агентуры, которую сумело организовать ГПУ, и которая превратила страну в публичный дом политического сыска и предательства.

Мерами психологического террора, угрозами системой тщательно продуманных запугиваний, учитывающих психологию каждого индивидуума, физическим воздействием, лишением свободы и другими репрессиями, ГПУ добилось создания колоссальной армии внутренних шпионов, превратилось во всевидящего и всеслышающего спрута, опутавшего длинными щупальцами тайного сыска не только все политические партии, но и буквально все население Союза, все его слои и сферы: проникло во все поры человеческой жизни, не исключая и самых интимных.

ГПУ породило развращающую атмосферу взаимной боязни, взаимного недоверия, взаимных подозрений, взаимной тайной ненависти между гражданами, которая, основываясь на формуле «Каждый третий — сексот», обусловила боязнь населения к совместным действиям, поставила невидимые преграды для объединения трудящихся, создала стимул к обособлению, индивидуальной замкнутости отдельных активно настроенных элементов общественности.

В современной жизни Советского Союза органы ГПУ являются фактором общественного разврата и проституции еще в большей степени, чем фактором политического террора и тайной политической расправы над политическим или просто идеологическим врагом.

Становится естественным и понятным факт разгрома социалистических партий, оппозиционных большевистской диктатуре если принять во внимание, что зарегистрированы случаи, когда в руководящих организациях некоторых этих партий на пять человек оказывались три секретных сотрудника ГПУ.

Если органы ЧК вначале вели предварительное следствие для передачи дел Революционным Трибуналам, то они сами уже в дальнейшем начали осуществлять и суд, и расправу. ОГПУ окончательно покончило даже с видимостью гласного политического суда в СССР. Только те дела, в которых ГПУ удалось добиться не только сознания обвиняемых, но и часто лицемерного раскаяния и готовности давать желательные для ГПУ, продиктованные им показания, только эти дела имеют шансы попасть на рассмотрение верховного суда и превратиться в сенсационные, выгодные с политической точки зрения правящей партии процессы.

Но такие дела составляют какую-то дробную часть процента, а 99 % с лишним заканчиваются в Коллегии ГПУ по всем правилам «науки» о тайной расправе над заподозренными.

Здесь фабрикуются дела о «Вредителях», повергающие в холодный ужас опубликованными списками расстрелянных кадров советских рабов-специалистов, здесь подводятся под определенные параграфы статей Уголовного Кодекса различные категории «классового врага» от социалиста до нечаянно выругавшегося обывателя, здесь оказываются похороненными, без вести пропавшими сотни человеческих душ.

И весь этот политический кошмар, страшным призраком неотвязчиво стоящий в сознании советского гражданина за его спиной, творится во внешней оболочке корректной вежливости, сравнительно благоустроенных тюрем и политизоляторов.

Только диктатура партии, в руках которой все органы власти и все организации от ОГПУ до профсоюзов и МОПРов являются

послушными орудиями единой политической линии, создает условия, при которых ни суд, ни так наз[ываемый] прокурорский надзор не являются действенными органами, могущими ограничивать произвол ГПУ; условия, обеспечивающие невозможность в Советском Союзе таких прецедентов, как имевший место в практике старого царского суда, случай оправдания В. Н. Засулич, ранившей Трепова, случай окруживший известным ореолом председателя суда А. Ф. Кони, не пожелавшего стать слепым орудием власти и пойти вразрез с общественным мнением.

В СССР и ГПУ, и судьи, и фальсифицированное общественное мнение — суть проявления одной силы — власти диктатуры правящей партии.

Выводы анализа

Проделанный выше социально-экономический и политический анализ большевизма позволяет сделать ряд общеполитических и экономических выводов.

Эти выводы, в основном сводятся к следующему: диктатура ВКП (б) привела Советский Союз к жесточайшему экономическому кризису, представляющему для большевизма тупик, из которого выход заключается только в полном и безоговорочном отказе от всех основных позиций большевизма, признании полной несостоятельности всей политики, проводившейся партией, всей «генеральной» и генеральской линии партийного руководства, в радикальном и немедленном раскрепощении в хозяйственном, экономическом, культурном и политическом отношениях трудящихся Союза рабочих, крестьян и интеллигенции, в повороте всей системы власти и народного хозяйства лицом к потребительским интересам трудящегося производителя, в расширении социальной базы советской власти и освобождении личности от всех пут, наложенных на нее диктатурой партии и ее идеологического евангелия.

Этот выход из тупика означал бы самоликвидацию обанкротившейся диктатуры ВКП (б) и уже по одному этому он является неприемлемым и невозможным для правящей партии.

Таким образом, оказывается совершенно неизбежным назревание и кризиса политического.

Новая стадия социальной революции в России

На рубеже 2-й пятилетки большевизм фактически вступил в новую историческую эпоху, в новую стадию социалистической

революции в России, в стадию нарастания новой общественно-политической бури, может быть, урагана, поднимающегося на базе экономических противоречий и экономического банкротства большевизма. Жестокая лихорадка зарождающейся грозы потрясает до основания организм самой правящей партии и всю систему государственной диктатуры.

Несмотря на жесточайший политический террор в стране, несмотря на всю организацию подавления враждебных большевизму общественно-политических сил, трудящиеся массы приходят в движение, наступают первые проблески общественной реакции на деспотизм власти, начинают перекачиваться из конца в конец огромной Республики советов глухие раскаты народного гнева. Чувствуется растерянность близкая к панике в рядах самой коммунистической партии.

Анализ этих первых приступов приближающейся весны, трезвая оценка новых явлений, новых факторов общественно-политической жизни, выявление динамики их роста и направления их развития вместе с учетом действующих на них сил и влияний — вот тот единственно правильный путь, который может привести к верному определению дальнейших перспектив диктатуры ВКП (б), наиболее вероятному прогнозу на будущее революции в СССР.

Каковы же эти «первые буревестники» заката большевизма?

Самораспад ВКП (б)

«Рыба гниет с головы» говорит русская пословица. Она оканчивается приложимой и к ситуации Советского Союза на данном этапе.

Монолитная при Ленине, ВКП (б), легко справлявшаяся мерами идейного порядка с отдельными течениями мысли и фракционными группировками в своих рядах, встала затем на путь дифференциации и междоусобиц.

В настоящее время внутрипартийное положение является исключительно напряженным.

Партия раздирается на части ожесточенной внутрипартийной борьбой сверху донизу.

Партия переживает острый перерожденческий кризис во многих своих звеньях.

Партия разлагается в бытовом и в моральном отношениях.

Партия в отдельных своих частях становится во главе борьбы с свойственной своей диктатурой, вступает на путь контрреволюционной, вернее, контрбольшевистской деятельности.

Партия теряет энергию, бдительность, чутье, попадает в плен к чуждым ей элементам.

Фактический материал дает все основания для таких категорических утверждений.

Внутрипартийная борьба ведется по трем основным линиям. Борьба с правым «оппортунистическим» уклоном, бьющим решительный отбой во всей политике партии, и не останавливающимся перед организованной, нелегальной, построенной на конспиративных началах борьбой против генеральной линии ЦК.

Борьба с левым троцкизмом, ставшим на тот же путь активного противодействия сталинскому изуверству, и борьба с примиренчеством к обоим обособившимся флангам, все более охватывающими рядовые партийные массы.

Правый уклон, объединяющий все наиболее трезвые и опомнившиеся под ударами практической жизни элементы ВКП (б), блещет многими именами «старой большевистской гвардии» — Каменева, Зиновьева, Рязанова, Смирнова, Рыкова, Бухарина, Томского, Преображенского, Эйсмонта и многих других.

Вся система партийных и административных репрессий обрушена на голову оппозиционеров. Тысячи коммунистов арестованы и брошены в политизоляторы, десятки тысяч разогнаны по ссылкам, значительная часть их исключена из партии.

Ничего не помогает. Гангрена продолжает захватывать новые куски живого мяса — из недр партии вырастают все новые и новые организации и группы оппозиционеров.

В списках расстрелянных по делам о «вредительстве» все чаще и чаще в списках не подлежащих опубликованию появляются имена членов партии до наркомов и зам. наркомов включительно. Вульф и Коннор являются яркими представителями этой новой плеяды руководителей контрреволюционных организаций. Свиристует вакханалия исключений и арестов большевиков за связь с чуждыми элементами, проведение кулацкой политики, за беспомощное барахтанье в «плену чуждой идеологии и влияния».

Особенно напряженным является положение партии в национальных республиках Союза. Здесь наметилось совершенно определенное национально-сепаратистское течение в организациях ВКП (б), как реакция на диктатуру всесоюзного центра. В ряде республик, например, в Татарии, аресты коммунистов-националов приняли массовый характер с немедленным эшелонированием их в Москву. В связи с этим наблюдаются повальные аресты студентов-националов в московских и др. ВУЗах.

В других областях дело доходит до вооруженных восстаний, руководимых националами-партийцами (например, Кабардино-Балкария).

В Москве подверглись арестам даже такие старые подпольщики, герои Октябрьской революции как Бабахан и Сеид-Галиев, имена которых неразрывно связаны с историей освобождения Крыма от Деникина и Врангеля.

Низовка партии, особенно сельская, скатывается по своим настроениям в лагерь махровой правой реакции; бывшие красные партизаны, герои гражданской войны готовятся обогреть свои партбилеты в кровь членов своей же партии.

Оппозиционеры организованные, оппозиционеры-одиночки устанавливают тесную смычку с активно настроенными беспартийными, увлекая их на путь решительной борьбы с партийной диктатурой.

И наряду с этим огромное количество членов партии от рядовых до занимающих крупные и ответственные посты предаются безудержному бытовому и моральному разложению, расхищая «Социалистическую собственность», доходя до взяточничества и вымогательства, заливая собственную растерянность и беспомощность вином, стремясь уйти от охватившего их отчаяния и ужаса от дела рук своих и опьянение развратом и алкоголем.

Партия напоминает собой гигантского осьминога, у которого щупальца друг ополчились на него самого, а тело распадается на куски. В бешеной злобе и ужасе этот осьминог отрубает на себе восставшие части своего тела, кромсает и рвет его, и не может избавиться от смертельной опасности в самом себе.

Таким же образом и коммунистическая партия, несмотря на всю беспощадность борьбы сама с собой, продолжает оставаться организмом, пораженным смертельной проказой самораспада.

Перспективы внутрипартийного положения

Совершенно ясно, что критическое внутрипартийное положение ВКП (б) не является случайным явлением, а обусловлено с одной стороны диктаторским режимом партийного центра, а с другой — очевидным провалом и банкротством политики партийного руководства в ряде отраслей народнохозяйственной жизни страны.

Отсутствие каких-либо объективных показателей возможности выхода из тушика без фактической самоликвидации диктатуры

партии не дает и каких-либо оснований для допущения возможности останова процесса распада партии.

Меры террора могут только задержать этот процесс на некоторое время, после чего он с новой еще большей силой вступит в свои права.

Точно так же сомнительным представляется и возможность решительной победы одной из оппозиционных внутрипартийных сил, в частности, правой, благодаря наличию в руках партийного центра управления огромным и, безусловно, мощным аппаратом административной и политической власти.

Несмотря на то, что внутренние политические предпосылки для партийного термидора имеются, тем не менее и этот путь ликвидации диктатуры большевизма в настоящих ее формах, по-видимому, должен быть исключен при прогнозе на будущее судеб ВКП (б). За это говорит то положение, что термидорский переворот может быть произведен только лицом, располагающим достаточной вооруженной силой, т. е. Красной Армией.

Однако построение Красной Армии и внедренная в сознание красноармейцев психология коллективизма вместе с отсутствием достаточно выпуклой и популярной в армии фигуры вождя, равноценной хотя бы фигуре Л. Д. Троцкого, исключает такую возможность в настоящее время, тем более, что отдельные черты термидорианства фактически уже стали реальным фактом в практике Сталина, умело прикрываемые кажущимся единством воли и политики Политбюро ЦК.

Таким образом, наиболее вероятным оказывается процесс внутреннего постепенного самораспада партии, степень и быстрота которого находятся в прямой зависимости от эволюции и нарастания экономического и общеполитического кризисов в стране, от конфигурации и процесса активной консолидации общественных сил и народных масс, враждебных правящей партии.

Активизация рабочего класса

Необходимо определенно констатировать, что экономический кризис и навязчивый призрак голода в стране создали значительное брожение в массах трудящихся, принимающее разнообразные и подчас уродливые формы своего общественного проявления.

Рабочий класс, который более чем какая-либо иная социально-общественная сила в стране был скручен по рукам и ногам путами партийной диктатуры, встал в ряде мест Союза на путь организованного и активного протеста и противодействия власти.

Об этом свидетельствуют не только факты снижения темпов ударничества и соцсоревнования, не только сознательного понижения интенсивности труда самих ударников, как реакции на практику большевиков устанавливать общерабочие нормы выработки по нормам лучших ударников, не только факты резко прогрессирующей пассивности рабочих и в связи с этим развала многих производственных общественных организаций и культурно-просовских учреждений профсоюзов.

Об этом свидетельствуют также перманентные прорывы в ряде крупнейших производственных единиц, срыв всех наметок пятилетки по вопросу поднятия производительности труда, и, наконец, об этом говорит незатихающая волна стачечного движения на фабриках и заводах в ряде областей Союза.

Даже профсоюзные бюрократы оказались бессильными предотвратить эту классовую организованную форму рабочего движения на Урале, среди текстилей Ивановской области и других местах.

Особенно красочным эпизодом, имеющим огромное политическое значение, явилась массовая попытка текстильщиков организовать голодный поход на Москву забастовщиков.

Имеются все основания предполагать, что экономическая и политическая конъюнктура СССР будет стимулировать в дальнейшем рост активности рабочего класса, направленной против большевистской диктатуры.

Революционный подъем крестьянства

Значительно более бурные формы принимает антибольшевистская стихия среди крестьянства.

Помимо форм пассивного протеста, выражающегося в массовых невыходах колхозников на работу, низкой производительности и низком качестве их труда, бегстве крестьян из колхозов и т. п., крестьянство почти повсеместно встало на путь вооруженных столкновений с большевиками, носящих пока характер отдельных, не связанных между собой стихийных вспышек возмущения.

В Сибири, в ЦЧО и на Украине возродилось партизанское движение, квалифицируемое правящей партией как бандитизм, а на деле являющееся прямым результатом насильственной коллективизации деревни.

В ряде мест Украины, на Днепропетровщине, в Приднестровщине и т. д. происходили вооруженные восстания многих

деревень, и на колхозных полях разыгрывались кровопролитные сражения с войсками.

На Северном Кавказе крестьянство, руководимое ветеранами гражданской войны — быв. красными партизанами. Украшенными не одним орденом Красного знамени, дали жестокий бой под Майкопом посланным на усмирение частям Красной армии, и только усиленное применение артиллерии последними позволило им сломить героическое сопротивление повстанцев.

Неустойчивость Красной армии

Сугубо важным фактом является и выявившееся на практике подавления крестьянских восстаний неустойчивое состояние отдельных красноармейских частей и их командиров.

Зарегистрирован ряд случаев на Украине, когда регулярные части Красной армии отказывались стрелять в крестьянских повстанцев, и их приходилось заменять частями ОГПУ.

При подавлении крестьянского восстания на Северном Кавказе разыгрался весьма характерный исключительный по своему значению факт.

Против восставших была двинута целая дивизия под командой тов. Книга, бывшего партизана, награжденного тремя орденами Красного знамени. Очутившись перед лицом необходимости расстреливать своих же ближайших товарищей по фронтам гражданской войны, Книга нашел в себе мужество отказаться выполнить приказ и увел свою дивизию.

Восстание было подавлено другой дивизией, присланной на смену герою гражданской доблести.

Таким образом, налицо первые проявления элементов неустойчивости в рядах основной силы большевизма — Красной армии.

Рост этих элементов, безусловно, будет зависеть от степени устойчивости государственного аппарата в условиях переживаемого страной кризиса.

Восстания националов

Особенно острые формы приняло антибольшевистское движение трудящихся масс в национальных республиках и областях Союза.

Достаточно указать на пример хотя бы Ингушетии, в последнее время ежегодно пылающей огнем восстаний, на подавление

которых бросаются все средства, до блиндированных поездов, включительно.

В разгар коллективизации началось повстанческое движение в Кабардино-Балкарии, на которое большевики ответили массовыми арестами.

В высшей степени интересно реагировали на эти аресты женщины-националы.

Они объявили забастовку совершенно небывалого рода, требуя освобождения своих мужей, отцов и братьев. Они прекратили кормить грудью своих младенцев и угрожали уморить их голодом.

Повстанческое движение Кабардино-балкар, руководимое многими националами-большевиками, быстро разрослось. Повстанцы захватили в свои руки все районные города области и угрожали областному центру — Нальчику, — единственному пункту, где еще держалась под охраной штыков власть большевиков. Только переброска крупных сил Красной армии и применение новейших технических средств ведения войны сломили сопротивление восставших и заставили их отступить в горы.

Аналогичную картину восстания и бегства в горы с оружием в руках почти всего мужского населения Республики видела и Абхазия.

Наконец, с каждым годом растет и крепнет по отдаленным среднеазиатским окраинам движение басмачей, заставляющее целую армию быть перманентно на военном положении.

Эти факты с большой настойчивостью свидетельствуют, что так наз. «ленинская национальная политика» на практике приводит к усилению националистического движения, резко враждебного политике коммунистического партийного центра.

Итальянская забастовка служащих

Постепенно оппозиционные настроения активного порядка захватывают и широкие круги советских служащих, так наз. «служилой интеллигенции», в основной своей массе, по существу, советского мещанства.

Здесь наблюдается своеобразная итальянская забастовка, носящая в себе известные черты организованного саботажа.

Служащие самых разнообразных учреждений и организаций, не сговариваясь между собой, никем не руководимые, кроме разве своего внутреннего неоформленного инстинкта, проводят свои 6 рабочих часов в частных разговорах, чаепитии, чтении газет, обсуждении базарных новостей и домашних сплетен, уделяя ра-

боте, как таковой, в лучшем случае 1–2 часа, парализуя советский аппарат, создавая невероятную волокиту в прохождении бумаг, замедляя и бюрократизируя делопроизводство.

При этом лучшие ударники активно соревнуются с остальной массой в темпах понижения труддисциплины и производительности труда. Наблюдается тенденция к дальнейшему разрастанию и расширению этой уродливой формы общественной реакции на политику партии, приведшей страну к жестокому внутреннему кризису.

«Компанейства»

Еще более уродливым социально-общественным явлением, являющимся также формой антибольшевистского протеста, нужно считать так называемое «компанейства», получившие за последние годы большое распространение в городах и колхозах части Украины, в Донбассе, на Северном Кавказе, и на Кавказе. Социальный и политический анализ этих «компанейств» представляет значительные трудности, однако в основном они представляют собой зародыши уродливых проявлений экономической взаимопомощи различных групп населения.

Организационно «компанейства» вырисовываются как группы лиц, связанных между собой родственными или служебными узами или, еще чаще, узами приятельства и дружбы. Они насчитывают от 10 до 20 участников, строго законспирированы, объединены лозунгом «один за все и все за одного», имеют в своем составе 1–2 «сексотов» по выбору, которые своими сводками, утверждаемыми всем «компанейством» успешно дезинформируют ГПУ и укрепляют конспиративность построения организации.

Деятельность «компанейств» направлена в основном на расхищение так наз. «социалистической», вернее, государственной собственности, на самоснабжение своих членов путем захвата ими «теплых местечек», «завхозов», «кладовщиков», «завмагов», приказчиков и п. На складах, в распределителях, базах и т. п. С этой целью практикуются подделка талонов, ордеров, махинации с карточками, чеками и прочие уголовно-наказуемые деяния.

В случае ареста члена компанейства, пускается в ход механика взяток, подкупов, поручительств, которая быстро приводит к его освобождению.

В ряде мест, однако «компанейства» уже начинают перерастать свои первоначальные рамки чисто уголовных сообществ.

Отдельные компанейства выпускают свои рукописные, реже машинописные и еще реже гектографированные листовки с надписями: «прочел — передай другому». Эти листовки уже затрагивают политические темы и будоражат общественные умы.

Достаточно привести в качестве примера одну северокавказскую колхозную листовку, разбирающую вопрос: «в чем разница между барщиной и колхозами?», — и не находящую в этом разницы, или одну городскую украинскую, выбрасывающую политический лозунг: «беспартийные СССР — соединяйтесь!», — и видящую в осуществлении этого лозунга гибель и свержение диктатуры ВКП (б).

Не подлежит сомнению, что возникнув на экономической почве голода как реакция на уродливый общественно-политический строй, «компанейства» в своей эволюции от органов хищения и наживы, от органов экспроприирующих государственную собственность для нужд своих членов, к организациям хотя и внепартийным, но политически целеустремленным, должны будут в недалеком будущем резко и четко выявить свое социально-политическое лицо и усвоить те или иные политические влияния.

Вредительство

Очевидность того положения, что шаткость диктатуры ВКП (б) растет пропорционально росту обострения экономических противоречий в стране, прямо пропорционально развитию экономического кризиса и вытекающего из него голода, и обратно пропорционально успехам политики большевиков в деле перестройки народного хозяйства страны, привела к возникновению новой формы экономической, а, по существу, и политической борьбы с большевизмом, к практике так наз. «вредительства».

Вредительство, ставящее себе целью ухудшение хозяйственной конъюнктуры в стране, искусственное создание максимальной диспропорции между отдельными отраслями промышленности, омертвление капиталов, выведение из строя механизмов, сырьевые кризисы, расстройство путей сообщения, обострение голода и т. п., наносит удар в первую очередь народному хозяйству, как таковому, и уже рикошетом бьет по правящей партии, ослабляя ее позиции и поднимая против ее политики возмущение масс. В силу этого само вредительство должно рассматриваться как, хотя и исторически закономерная форма борьбы с уродливым общественно-политическим строем, но вместе с тем и как форма

чуждая и враждебная социалистическому пониманию тактики и методов борьбы с большевизмом.

Вредительство является уже проявлением возрастающей активности махровой капиталистической контрреволюции в стране.

Несмотря на это, как показала практика последних лет, на путь вредительства в различных его проявлениях скатываются довольно пестрые в социальном отношении и по своим политическим взглядам группировки оппозиционеров большевистской власти.

В частности, вредительство возникшее как форма антисоветской работы контрреволюционного порядка, в среде промышленной техинтеллигенции, связанной с крупной торгово-промышленной буржуазией, эмигрировавшей за границу, в дальнейшем распространилось на круги русской социал-демократической, сельской интеллигенции, работников, непосредственно связанных с сельскохозяйственным производством, и, наконец, проникло, свило себе прочное гнездо в среде выдающихся научных работников.

Таким образом, сознательно или бессознательно, но вредительская практика захватила даже отдельные элементы народнически настроенные, тем самым поставив их на позиции откровенной политической реакции по формальному принципу выбора оружия для борьбы с большевизмом и по практической значимости их деятельности в сфере политической жизни.

Итоги

Подводя итоги, складывающиеся под влиянием экономического кризиса, напряженной политической конъюнктуры в стране, которая не может рассматриваться как определенный подъем общественной активности масс и нарастание новой стадии социальной революции в России, необходимо, прежде всего, подчеркнуть тот неоспоримый факт что все каналы революционной ситуации ведут к одному источнику — сельскохозяйственному производству и основной обслуживающей его массе производителей — трудовому крестьянству. Разложение правящей партии упирается своими корнями в значительной степени в аграрный вопрос, крестьянские восстания и неустойчивость настроений, проникающих в Красную армию, целиком связаны с нами, возросшая оппозиционная активность рабочего класса и, наконец, все уродливые проявления общественной реакции на большевизм своими экономическими корнями уходят также в проблемы деревенской политики.

Даже наиболее опасное по своей эффективности вредительство ориентируется сюда же.

На пороге крестьянской революции

Таким образом, приходится констатировать, что основной движущей силой новой нарастающей фазы русской революции является крестьянство, как категория экономического порядка.

Отсюда неизбежен и следующий логический вывод, что по своему политическому содержанию эта фаза социальной революции будет носить также крестьянский характер, или, что по существу то же самое, — страна стоит на пороге крестьянской революции, утверждающей в условиях СССР право крестьянского большинства страны на политическое раскрепощение, экономическую независимость и классовую организацию крестьянских масс по профессионально-производственному принципу.

Прогноз на будущее большевистской диктатуры в условиях нарастания крестьянской, по существу, аграрно-политической революции в стране, прогноз на пути развития этой революции должен отталкиваться от политико-экономической ситуации крестьянства на сегодняшний день и содержать в себе трезвый учет имеющихся уже сейчас элементов динамики развития движения в массовых формах.

Другими словами, необходим ретроспективный взгляд на будущее, исходя из фактов сегодняшнего дня, определяющих характер начала, характер зарождения крестьянской революции, наблюдаемой в настоящее время.

Эти факторы, в основном, могут быть сведены к следующему ряду:

- 1) Отсутствие широкого организационного и революционного влияния на крестьянство какой-либо социалистической партии в условиях диктатуры ВКП (б).
- 2) Прогрессирующее накопление озлобления широких крестьянских масс против большевистских аграрных экспериментов.
- 3) Реакционные настроения деревенских коммунистов, непрерывно катящихся вправо.
- 4) Стихийность и неорганизованность начала движения.
- 5) Политическая отсталость русского крестьянства.
- 6) Традиция крестьянских революций в России.

И к этому следует добавить исторический закон, говорящий о неизбежности политического самоопределения всех массовых народных движений.

Исходя из последнего, можно с уверенностью утверждать, что финальная стадия новой крестьянской революции будет проходить под знаком определенных политических требований под флагом конкретной партийно-политической программы.

Однако, перечисленные выше факторы текущего момента говорят со всей определенностью, что начало и первый этап развития движения будут протекать в совершенно ином разрезе.

І этап крестьянской революции — «пугачевщина»

Нарастание народного гнева будет прорываться наружу в форме все учащающихся, вспыхивающих то здесь, то там крестьянских восстаний, беспощадно подавляемых правящей партией.

Волны народного бунта будут перекатываться из одного района в другой как раскаты грома. В основе этого нарастания крестьянской грозы будет стихия. Отдельные восстания будут оставлять после себя не затихающее, а крепнущее партизанское движение.

Отдельные очаги партизанщины через вновь и вновь возникающие восстания будут связываться между собой, поднимая на борьбу все новые и новые области и районы.

Как лавина, ринувшаяся с вершины горы безостановочно и неотвратно катится вниз, обрастая на пути все новыми и новыми массами снега, так и отдельные очаги крестьянской революции в ее поступательно неудержимом движении вперед сольются в один бушующий океан огня восстания, испепеляющий валами стихийного пламени диктатуру коммунистической партии, частью растворяющий в себе, частью уничтожающий сопротивление Красной армии.

Однако политическая трезвость прогноза требует дачи себе отчета, что этот этап крестьянской революции, справедливо определяемый левым социалистом-революционером Я. В. Брауном как пугачевщина, не будет носить социалистического характера, не будет нести на своем гребне никаких партийных лозунгов, и будет в полной и страшной власти освобождения конденсированной и спрессованной диктатурой большевизма энергии ярости восставшей, озверелой от запаха крови и жажды мести и пьяной от сознания своей силы и безудержности крестьянской бушующей вольницы.

Эта «пугачевщина» будет жестокой, кровопролитной, разрушающей, в основном политически реакционной бурей, ураганом,

который охватит страну клубящимся миллионнолицым кошмаром разнузданного погрома всей государственной машины большевизма.

Было бы величайшей ошибкой думать, что оскаленная ненависть крестьянских масс будет обрушена, целеустремлена только на правящую партию.

Все социалистические элементы, имевшие прямое или косвенное отношение к большевистской диктатуре окажутся в глазах крестьянства мазанными одним миром.

Правые и виноватые окажутся, образно выражаясь, висящими на одной осине.

2-й этап крестьянской революции

Бунтарская вольница пойдет под лозунгами в значительной части явно чероносотенными, начиная от «громи коммунию» до «бей жидов, спасай Россию». Мужичье повстанческое море неизбежно в своем нарастании захлестнет и города. Восставший пролетариат в дальнейшем, безусловно, сыграет роль сдерживающего и организующего начала в движении. Весьма вероятно, что именно в этот момент полного крушения и гибели диктатуры большевизма, крестьянская революция вступит во вторую стадию своего развития, стадию спадения стихийного начала, политического самоопределения, выкристаллизации, программных установок.

Крестьянская революция очевидно выдвинет из своего горнила революционных вождей, в ее недрах зародятся и оформятся в сознании массы новые лозунги политико-экономического содержания.

Задачи народничества в крестьянской революции

Этот этап является самым ответственным и решающим для дальнейшей судьбы революции.

Совершенно очевидно, что указанный этап не должен захватить врасплох все народнические элементы в стране, призванные сыграть решающую роль в деле политического самоопределения крестьянской революции.

Задачей сегодняшнего дня всех народнических партий является активнейшая подготовка к этому решающему моменту путем максимальной консолидации всех сил на базе общности программно-политических и это необходимо для сохранения единства

действий и целеустремлений с рабочим классом, для предотвращения вполне реальной угрозы установления фашистской диктатуры в стране, как реакционного финала аграрной революции, тактических установок.

Наконец, это будет залогом осуществления подлинной революционной демократии и подлинного трудового народовластия в стране в форме временной диктатуры свободного творческого труда на базе раскрепощения трудящейся личности.

III. Программно-политические установки народничества

Задачи народничества на новом этапе

Крестьянская революция, поставленная на повестку дня социально-общественной и политической жизни СССР как новый этап развития социалистической революции в России, поставила перед русским народничеством во весь рост задачу подготовки к действенной политической роли в новой революционной ситуации.

Эта подготовка должна пойти по двум основным линиям — по линии обновления его программно-политических установок и приспособления их к конкретной экономической и политической обстановке и по линии тактического перевооружения в новых формах революционной борьбы.

Конкретные элементы этой подготовки вытекают из самого хода исторических событий и определяются как интересами широких трудящихся масс, политической целесообразностью, перспективами поступательного движения революции, так и общефилософскими и этическими принципами, лежащими в основе народничества.

Кроме того, богатый политико-экономический опыт 15-летней диктатуры ВКП (б) несомненно оказал свое действие на теорию и практику народнического движения на данном этапе.

База государственного переустройства России

Буржуазная демократия, являющаяся одно из внешне либеральных форм диктатуры буржуазии, является для России этапом, уже отмеченным с исторической арены социальным характером русской революции.

Сохранение лозунгов такой демократии было бы равносильно для народничества попытке повернуть историю вспять.

Поэтому вполне естественным является провозглашение революционной трудовой демократии как базы государственного устройства России.

Революционная демократия в отличие от демократии буржуазной устраняет от участия в государственном управлении страной все эксплуататорские элементы и политические партии, являющиеся выразителями их классовых интересов.

Социальная база власти

Революционная демократия представляет собой всю многомиллионную массу трудящихся, всех производителей духовных и материальных ценностей, объединенных общим трудовым критерием. Этим социальная база власти определяется в лице рабочего класса, трудового крестьянства и трудовой интеллигенции.

Этим самым все социалистические партии, представляющие интересы отдельных групп трудящихся оказываются призванными к участию в государственной и общественно-политической жизни страны.

Система построения власти

Русская революция в октябре 1917 года выдвинула советы, как новую форму государственного устройства. Не подлежит сомнению, что советская структура власти в наибольшей степени способна обеспечить осуществление на практике принципов революционной демократии и в наибольшей степени соответствует развитию активной творческой самостоятельности трудящихся масс в области управления государством и строительства социалистического общества.

В силу этого народничество высказывается за сохранение советской системы построения рабоче-крестьянского государства, очищенной от искажений ее большевиками.

Форма организации власти

Капиталистическое окружение Советского союза и наличие внутри него реакционно-настроенных сторонников буржуазной реставрации, которые в эпоху крестьянской революции приложат все усилия для овладения движением и захвата власти в свои

руки, совершенно определенно диктуют необходимость создания твердой власти, способной к беспощадному подавлению контрреволюции.

Это положение определяет неизбежность организации революционно-демократической власти в форме временной диктатуры трудящихся.

В связи с этим элементы эксплуататорских классов будут поражены в своих политических правах, и общественная свобода — база творческого развития революционной демократии, — не сможет быть предоставлена им. Точно так же всякая социалистическая партия, ставшая на путь не идеологической борьбы за овладение большинством трудящихся в рамках революционной демократии, а на путь нелегальной заговорщической деятельности, должна будет разделить судьбу контрреволюционных элементов в стране.

Конституционные программно-политические установки народничества

Конкретизируя сказанное, приходим к определению следующих программно-политических установок народничества в конституционной области:

1) Диктатура трудящихся, организованная в советское государство на базе революционной демократии.

2) Легализация всех социалистических партий.

3) Установление свободы слова, собраний, печати союзов для социалистических партий и всех трудящихся.

4) Политическое равноправие всех трудящихся, и, в частности, уравнение в избирательных правах рабочего производителя и производителя крестьянина.

5) Федеративное объединение всех национальностей и народностей страны с полной автономией, свободой их культурного и экономического развития, на базе революционной демократии и гармонического сочетания их интересов с интересами общегосударственными.

6) При сохранении принципа централизации государственной власти в ряде ведущих областей политической и социальной жизни страны, предоставление местным органам власти широкой инициативы и творческих возможностей в деле культурного строительства и развития производительных сил в рамках революционной демократии и с учетом общегосударственных интересов социалистической политики.

7) Прямое и тайное голосование трудящихся при выборах всех органов советской власти, профсоюзов, кооперативных организаций и т. п.

Проблема общественной свободы и свободы личности

Необходимо особое внимание уделить проблеме гармонического сочетания свободы личности и принципами общественной свободы и интересами защиты завоеваний социалистической революции и интересами дальнейшего развития социалистических форм экономики и культуры.

Опыт большевистской диктатуры с большой наглядностью показал, к чему приводит полное попираие свободы личности, и в то же время является бесспорным положение, что только в условиях упразднения государства, в условиях анархизма возможно уничтожение всех организаций для волевых проявлений индивидуума.

При наличии же определенного государственного строя, при наличии исторического этапа перехода к социализму с неизбежным органическим содержащем определенных рудиментарных элементов в психологии масс, в экономике страны и в политической жизни, проблема свободы и раскрепощения личности упирается в необходимость противопоставления ей в определенной минимальной мере интересов коллектива и интересов будущего, и в нахождении известной гармонической равнодействующей, обеспечивающей устойчивое равновесие и незаблемость социалистических основ государственного правопорядка.

Интересы коллектива, т. е. интересы всех трудящихся как социального целого, если отбросить интересы, присущие отдельным категориям производителей, применение которых является задачей новой социалистической политики в области экономики и культуры, сводятся к защите народовластия и сохранению всех реальных возможностей социалистического прогресса.

Таким образом, вопрос о свободе личности сводится к правильному разрешению проблемы предоставления максимальной свободы личности в условиях революционной демократии.

Эта проблема должна в основном разрешиться следующим образом: каждая трудящаяся личность получает полное и неотъемлемое право на свободный труд в лично им избираемой сфере производства материальных и духовных ценностей, на полное и гармоничное свое развитие в этой среде; на овладение всей сокровищницей человеческих знаний свободу выбора своего

внутреннего мирозерцания; на свободное проявление творческих способностей и инициативы в рамках революционного демократизма; на свободное выражение своих взглядов, убеждений, требований в устной форме и со страниц печати, легализованной властью; свободу выбора местожительства в пределах Советской России и за ее пределами, на свободу передвижений; на свободу вероисповеданий; на свободное участие в различного рода общественных организациях, союзах, обществах, партиях, фракциях, группах, кружках, не преследующих целей насильственного свержения народовластия и на организацию таковых; на полную свободу и автономию личной и семейной жизни при условии отсутствия в ней элементов нарушения свободы и независимости других индивидуумов.

Наконец, каждая личность имеет все права, предоставляемые ей конституцией страны.

Ограничения свободы личности на данном этапе мыслимы только в сфере политической и экономической жизни страны в плоскости недопущения покушения отдельных индивидуумов или групп их на уничтожение народовластия. На сознательное противопоставление в практической работе социалистическим основам политики и экономики капиталистических, эксплуататорских форм и, наконец, эти ограничения лежат в плоскости нарушений личностью другой личной свободы, покушений на общественную и частную индивидуальную собственность, проявление черт и поступков, оскорбляющих общество, или отдельных индивидуумов.

Такое разрешение проблемы является тем более гармоническим, что интересы революционной демократии и каждой трудящейся раскрепощенной личности, в основном совпадают, и вся система ограничений оказывается обращенной на проявление только рудиментарных, постепенно изживаемых элементов человеческого сознания и поведения.

Вопросы права

Теснейшим образом с проблемой личной и общественной свободы слова связана и правовая политика власти, наряду с законодательной практикой.

В этой области революционная демократия должна встать на путь коренных реформ.

Прежде всего, подлежит безоговорочной отмене классовый принцип законодательства и юридической практики, на котором

построено большевистское право. На смену ему должен придти интегральный принцип трудящейся личности.

Реформа существующего свода законов (УК, УПК, КЗОТ и т. п.) должна пойти по линии максимального сокращения числа статей, конкретизации юридического содержания их точной квалификации и классификации наказуемых преступлений перед обществом и личностью и установление максимального количества юридических санкций, точно регламентируя их применение и устраняя возможность толкования порядка санкций.

Вся законодательная политика и судебная практика должны быть построены на основе нового интегрального права, вытекающего из принципов революционной демократии и принципа самоценности человеческой личности.

Трудовое перевоспитание преступника и вынужденная временная полная или частичная его изоляция от общества без принижения или оскорбления его человеческого достоинства — такова этическая и социальная основа, на которой должна быть построена карательная политика государственной власти.

В связи с этим подлежит отмене смертная казнь с предоставлением права съезду советов разрешения временного применения ее в особо критический период существования государства с точным определением объекта ее применения.

Вместе с тем, существующие тюрьмы реорганизуются в изоляторы трудового перевоспитания и изоляторы политических преступников, построенные на принципах идеологического влияния и систематической пропаганды. Последние будут преследовать цель идеологического перевоспитания представителей эксплуататорских классов в сочетании с привитием им трудовых навыков.

Незыблемой основой судебной практики революционной демократии является установление гласного политического суда и запрещение внесудебной расправы над политическими врагами народа.

Особо важное значение имеет организация на новых началах прокурорского надзора. С этой целью во всех без исключения политических делах должно практиковаться участие общественности в лице общественного обвинителя, выступающего на равных правах с прокурором.

Для этой цели создается выборный институт общественных обвинителей, участвующий во всей практической работе прокурорского надзора с правом совещательного голоса и отчитывающийся периодически перед своими избирателями.

Следственный аппарат по политическим делам существует отдельно от уголовного и подчинен непосредственно совету народных комиссаров. В его работе воспрещаются методы прокуратуры, шпионаж во всех его видах и применение каких-либо физических мер принуждения по отношению к лицам, взятым под стражу, или привлекаемым к уголовной ответственности.

Рабочий вопрос

Разрешение рабочего вопроса на социалистических основах вытекает из изложенных выше основных установок и принципов революционной демократии, отстаиваемых народничеством.

Конкретными элементами рабочей программы народничества являются:

1. Раскрепощение рабочего производителя от власти над ним орудий производства и превращение последних в средство облегчения физического труда и роста производственной эффективности последнего.

2. Установление 6-ти часового рабочего дня в основных отраслях промышленности и 7-ми часового в остальных.

3. Установление 48-часового недельного отдыха для всех рабочих при сохранении семидневной рабочей недели. Запрещение ночных смен и сверхурочных работ.

4. Установление 4-х часового рабочего дня для подростков.

5. Запрещение женского труда во всех противопоказанных отраслях промышленности и сохранение установленных отпусков на время беременности, родов и кормления ребенка.

6. Введение профсоюзного рабочего контроля над производством.

7. Передача вопроса о формах заработной платы в профсоюзные дистанции для разрешения, с неперменным, однако, условием установления хронометража и установления норм выработки и расценок с участием рабочего контроля в тех отраслях промышленности, где будет установлена сдельная форма заработной платы.

8. Установление единого дня для всех категорий рабочих социального страхования за счет государства с обязательным обеспечением нормальной заработной платы в дни болезни с известной 5 %-ой надбавкой к ней для рабочих с большим производственным стажем.

9. Свобода стачек как форма борьбы за конкретные экономические требования.

Профсоюзы и управление промышленностью

В непосредственной связи с этими установками стоит и требование народничества свободы и независимости от государства всей системы профессиональных рабочих союзов, высшему межсоюзному органу, которому и принадлежит управление всей национализированной промышленностью Советского государства, на паритетных началах с последними в лице объединения промышленных трестов.

Этим способом обеспечивается не только защита интересов государства в направлении и характере развития всех отраслей промышленности, но также и защита всех интересов рабочих производителей. Отдельные, могущие возникнуть спорные вопросы подлежат разрешению в высокоавторитетном арбитраже, составляемом в каждом отдельном случае из представителей высшей государственной власти, профсоюзного руководства и виднейших специалистов в данной отрасли промышленности и экономики страны, играющих роль экспертов.

Аграрный вопрос

В центре внимания всей экономической политики народовластия должен стоять хозяйственный доминант страны — аграрный вопрос.

Политически и экономически правильное его разрешение является залогом устойчивости всей государственной системы и обеспечения большинства народа за ее мероприятия. В этой области современное народничество остается в принципе на своих старых программных позициях, видя в социализации земли только первый шаг к социалистическому переустройству деревни на социалистических началах, на началах коллективных форм землепользования, обеспечивающих максимальную производительность сельского хозяйства, культурное и моральное перевоспитание крестьянина-производителя и максимальную организацию крестьянства.

Однако народничество со всей категоричностью отвергает принцип насильственной коллективизации крестьянства, проводимой большевиками, и видит единственный подлинно социалистический путь к ней в замене тактики насаждения коллективных хозяйств сверху — естественным вращением самого крестьянства в общинную систему обработки земли и в культивировании элементов коллективизма, возникающих снизу, на базе не только

экономического, но и психологического освоения их крестьянством, без насильственной ломки хозяйственного уклада последнего.

Исходя из этого основного принципиального программного положения и учитывая опыт катастрофического развала сельского хозяйства в условиях диктатуры ВКП (б), народничество считает необходимым добиваться следующих основных мероприятий по аграрному вопросу:

1. Декларирование полной свободы выбора форм землепользования для крестьян.

2. При перераспределении земельной площади для трудового землепользования обеспечить проведение в жизнь двух основных принципов: а) обеспечение крестьянина производителя земельным наделом, полностью обеспечивающим организацию на нем крепкого агрикультурного хозяйства с максимальным использованием производительных возможностей земледельца; б) недопущение возможности применения в таком хозяйстве постоянного наемного труда и, следовательно, возникновения батрачества вместе с его эксплуатацией.

3. Декларирования системы поощрительных мероприятий государства в отношении всех видов и форм коллективного землепользования, мероприятий одинаково распространяющихся как на вновь организуемые коллективные хозяйства, так и на существующие и на разукрупняемые по желанию своих членов.

Основными поощрительными мероприятиями должны являться следующие:

а) ликвидация машинно-тракторных и передача всех орудий производства как таковых в хозяйственную собственность коллективных хозяйств;

б) отвод коллективным хозяйствам лучших участков земли, полностью обеспечивающих использование всех трудовых ресурсов хозяйства и создание гармоничных товарных агрикультурных единиц в их лице;

в) первоочередное снабжение коллективных х[озяйств] чистосортными селекционными семенами, животноводческими племенными производителями, агропомощью, культурным обслуживанием, медпомощью и ветеринарным надзором;

г) льготы в практике взимания сельскохозяйственного налога;

д) свобода в использовании на общественные нужды хозяйства его финансовых накоплений.

4. Решительного развязывания хозяйственной инициативы крестьянства, разрешение свободной торговли всем крестьянам

продуктами своего производства с одновременной выработкой системы поощрительных мероприятий в отношении сельскохозяйственной кооперации, обслуживающей интересы снабжения и сбыта по линии деревни.

5. Разрешения свободной практики разнообразных форм крестьянской общественной взаимопомощи, как по линии денежного ее выражения, так и натурального и группового.

6. Пересмотра всей сети существующих совхозов в целях сохранения только тех, которые могут быть превращены в государственные селекционные опытные станции с наличием товарного производства высококачественных чистосортных семян по основным с/х культурам;

б) государственные опытные базы по акклиматизации, освоению почв и т. п. новыми культурами в масштабе товарного производства для данного региона или для всей страны;

в) государственные экспериментальные хозяйства, являющиеся базой для всей работы по районированию сортов в масштабе товарного производства.

Крестьянские профсоюзы

7. Организации профессионально-производственных Союзов земледельцев, которые должны послужить классовому объединению крестьянства, явиться школой, воспитывающей в крестьянстве психологию коллективизма, и основным защитником экономических интересов крестьянства перед государством, участвующим в планировании последним сельскохозяйственного производства.

Основная линия в аграрном вопросе

Таким образом, основная линия народничества в аграрном вопросе сводится к возрождению разрушенного сельского хозяйства, делая ставку на хозяйственно крепкого товаропроизводителя и широкое развитие творческой хозяйственной крестьянства под углом классовой организации последнего и постепенного перевода его на рельсы социалистических форм хозяйствования.

Проблема индустриализации

Огромное значение для будущего всей социалистической экономики страны имеет проблема выбора направления и характера

дальнейшего развития промышленности, начатого политикой индустриализации коммунистической партией.

В этом вопросе народничество считает необходимым коренной пересмотр всех установок большевизма и безоговорочный отказ от самой основы политики индустриализации, проводившейся большевиками. Народничество выдвигает здесь программные требования, исходя из принципиального примата интересов потребителя над интересами производства как такового.

В связи с этим народничество отстаивает:

1. Отказ от высоких темпов развития тяжелой промышленности.

2. Решительную борьбу за полное освоение всех производственных возможностей новых предприятий, построенных или реконструированных большевиками со всеми вытекающими хозяйственно целесообразными последствиями.

3. Перенос центра тяжести на развитие производства средств потребления в масштабе, определяемом потребностями всего трудящегося населения в предметах первой необходимости и нормальным развитием товарооборота между городом и деревней.

4. Повышение органического состава капитала промышленных предприятий, исходя из задач лучшего обслуживания рабочего производителя техническими орудиями и средствами производства и получения максимальной производительности труда без наличия значительного роста его интенсивности.

Частный и иностранный капитал

5. В целях максимального развития производительных сил страны и учитывая, что новая стадия революции неизбежно вызовет на первых порах известные потрясения в практике добывающей и обрабатывающей промышленности, народничество считает допустимым, как временную меру, диктуемую хозяйственной целесообразностью, практику в отдельных случаях сдачи в аренду на концессионных началах единичных разработок и предприятий иностранному и частному капиталу при условии неопременного согласия на то высшей профсоюзной инстанции и при неопременном сохранении на таких предприятиях основных элементов профсоюзного контроля, обеспечения экономических интересов государства, сохранение заработной платы рабочего в размере не ниже среднего

по данной отрасли промышленности и сохранения за рабочими права на основные льготы, нашедшие свое отражение в трудовом законодательстве.

Частная торговля

В связи с этим, а также в связи с политикой поощрения хозяйственной инициативы крестьянства, не исключая единоличных трудовых хозяйств, народничество высказывается за свободу частной торговли на следующих началах:

а) основные каналы товарооборота находятся в руках рабочих потребительской кооперации и кооперации сельскохозяйственной, основной задачей торговой политики которых является овладение товарными ресурсами единоличников-крестьян и городских товарных артелей и кустарей-одиночек;

б) инициатива частного торгового капитала на ближайший отрезок времени тем самым оказывается в достаточной степени ограниченной и распространяется на те товарные излишки, которые оказались неудовлетворенными кооперативными системами. В дальнейшем, после того как рабоче-крестьянская кооперация окрепнет, частный торговый капитал окажется подлежащим ликвидации. Однако и в первый период налоговая система должна быть построена в разрезе экономического поощрения кооперативной торговли и извлечения государственной выгоды от функционирования в товарообороте частнокапиталистических элементов.

Внешняя торговля

Внешняя торговля, согласно основным установкам народничества должна значительно отличаться от практики государственной монополии внешней торговли, проводившейся ВКП (б).

В то время как вся экспортная политика должна быть целиком сосредоточена в руках государства плюс специальных отделов объединений кооперативных систем, к импортным отношениям может быть допущен и частный торговый капитал в качестве временного мероприятия.

Экспорт

Однако конкретизируя проблему, народничество считает экспортными статьями народного хозяйства:

а) высокосортные излишки товаров сельскохозяйственного производства и лесного хозяйства.

б) полезные ископаемые в масштабах, не нарушающих потребительских интересов населения и интересов социалистической экономики государства.

в) предметы кустарного производства.

г) предметы художественного производства национальных культур.

д) отдельные виды сырья в границах хозяйственной целесообразности.

Импорт

Основными статьями импорта по линии государственной и кооперативной торговли:

а) Предметы широкого потребления, не производимые в стране.

б) Сложная аппаратура и механизмы, не освоенные производством в Союзе в границах хозяйственной целесообразности.

в) Орудия производства на тех же основах.

г) Медикаменты в масштабе покрытия потребностей государства и населения.

д) Культуровары, не производимые в стране в том же масштабе.

е) Специмент различных культур в границах покрывающих потребности опытной работы.

Частный капитал в импортной политике

Что касается частного капитала, то последний должен быть ограничен узким кругом допускаемых к импорту через его посредство товарного ассортимента, примерно в следующих рамках:

а) предметы роскоши.

б) парфюмерия.

в) антикварные товары.

г) ювелирные изделия.

д) товары, связанные с религиозными культурами.

Кооперация

Из всего ранее сказанного уже логически вытекает огромная роль в экономике страны, которую призвана играть кооперация,

по мнению народничества. Еще по одному этому кооперация должна быть полностью раскрепощена в своей хозяйственной инициативе и обладать достаточной гибкостью.

Рабочая потребкооперация

В связи с этим народничество выдвигает следующие основные положения программного характера по вопросу деятельности рабочей кооперации:

1. Перестройка всей системы на началах широкой демократии.
2. Ответственность кооперации перед пайщиками и систематический контроль последних за ее оперативной деятельностью.
3. Широкая хозяйственная инициатива во всей сфере товарооборота.
4. Фактический захват рынка в руки кооперации.
5. Плановая увязка торговых операций с с\х кооперацией.
6. Монополия дела народного питания в городах.
7. Участие во внешней торговле частно-потребительского порядка.

Плановость

Вместе с тем во всей работе системы необходимо проведение определенного планового начала, диктуемого интересами общегосударственными.

Для этой цели создается кооперативная секция при центральном планирующем аппарате государства на паритетных началах с представителями правительства. Отдельные спорные вопросы разрешаются в арбитражном порядке представителями высшей государственной власти, кооперативного руководства и авторитетных экспертов из числа крупнейших специалистов.

С\х кооперация

Все сказанное в значительной степени может быть отнесено и к системе сельскохозяйственной кооперации с учетом, однако, ее специфического характера.

Налоговая система

В отношении налоговой системы народничество категорически отстаивает отмену всех косвенных налогов и сохранение

только прямых с неременным экономически-обоснованным и хозяйственно целесообразным градуированием последних. Вся основная тяжесть налогового пресса должна быть обращена на частнокапиталистические элементы в период существования их в экономической жизни страны.

Проблема интеллигенции и социалистической культуры

Программно-политические установки современного народничества в области духовной, в области интеллектуальной и эмоциональной жизни трудящихся целиком и полностью вытекают из философско-этических его концепций.

Признание самодеятельности трудящейся личности в разрезе ее теоретического бытия, признание свободы творческой мысли за абсолют определяют в достаточной степени позицию народничества по отношению к сфере умственного труда — к русской интеллигенции, к науке и искусству — основным рычагам духовного процесса человечества.

Трудящаяся интеллигенция рассматривается народничеством как равноправный член общей семьи трудящихся страны, имеющий весь тот комплекс прав, — политических, экономических и личных, которыми пользуются все производители страны.

Этим самым народничество в корне отвергает всякую возможность узаконения той или иной философской или политической догмы в качестве обязательной прописи для мозгов трудящихся, придания ей авторитета системой государственного принуждения, объявления ее универсальной религией общества, священным евангелием власти и народа.

Полная свобода интеллекта в творческой созидательной и исследовательской работе наряду с полной свободой борьбы идей, теорий философских концепций, исследовательских концентратов мысли и полета этических норм является основным стимулом духовного прогресса трудящегося коллектива и залогом создания подлинно социалистической культуры.

Народное просвещение

Эти установки уже определяют необходимость коренных преобразований всей системы народного просвещения в социалистической стране Советов.

Эти преобразования в отношении высшей и средней школ должны в основном сводиться к следующему:

1) Решительному изгнанию диалектического материализма и большевистской политграмоты как «основы основ» всякого знания и научной педагогики с отведением ему рядового места в истории философских идей и политэкономических школ.

2) Замена обязательного изучения диамата и марксистско-ленинской теории и практики классовой борьбы объективным изучением истории революционного движения, истории развития общественных и экономических норм, истории развития социалистической мысли.

3) Отмена обязательности общественной работы в стенах учебных заведений и передача этого вопроса в руки добровольной инициативы учащихся и студенчества.

4) Уничтожение режима исправительных рот в высших учебных заведениях и перенос центра тяжести на внедрение академической самостоятельности студенчества на основе пробуждения в нем творческой жажды знаний и создания благоприятных демократических условий для их получения.

5) Отмена обязательности посещения всех без исключения лекций с сохранением системы курсовых коллоквиумов и выпускных экзаменов с практикой представления дипломных работ, обеспечивающих достаточно солидную квалификацию выпускаемых кадров.

6) Широкое внедрение трудовых навыков в средней школе и производственной или экспериментальной практики в высшей.

7) Превращение высших учебных заведений в свободные ассоциации профессуры и студенчества на основе совместной свободной творческой работы интеллекта.

Наука

В области научной работы народничество выдвигает аналогичный программный тезис о раскрепощении научной мысли от обязательности или предпочтительности того или иного метода исследования явления.

Предоставляя выбор методологии самому ученому, и видя в применении различными учеными различных методов правильный путь развития научной мысли, ведущий к столкновению мнений и методологий, расширению базы научного эксперимента и научных обобщений, что является залогом выкристаллизации объективных научных истин, обогащающих сокровищницу человеческих знаний, народничество тем самым объявляет себя защитником подлинного прогресса, ведущего к социализации

знания и превращение его в могучее орудие новой социалистической эпохи жизни человечества.

Искусство

В области искусства, в той области духовной жизни человека, которая находится в полной власти его эмоций в гармоническом сочетании с творческим полетом мысли и интуитивного часто подсознательного познания жизни и ее феноменов, народничество отстаивает также безграничную свободу мироощущения, выбора форм и субъективного преломления явлений психикой и чувством художника.

Вместе с тем, придавая искусству огромное воспитательное значение, и видя в нем крупнейший фактор не только образного отражения и запечатления прошлого и настоящего, но и фактор образного и гармоничного предвидения, вернее, предчувствования светлого будущего, народничество усматривает в этом элемент жизнестроения и жизнеоформления, свойственный искусству и поэтому считает необходимым создание особо благоприятных в психологическом отношении условий для развития и полного расцвета массового народного самодеятельного искусства, заключающего в себе гармонию мысли, факта и чувства.

Международная революционная ситуация и задачи трудящихся

Переходя к вопросам международной политики необходимо со всей четкостью отметить, что народничество объявляет себя непримиримым врагом всякой диктатуры меньшинства, будь то партийная диктатура или диктатура того или иного классов, где бы она не имела места. В связи с этим народничество видит в лице торжествующего в настоящее время в России большевизма, в Италии и Германии — фашизма, двуличного, но единого по своей природе Януса деспотизма, с которым оно находится в идейной и революционно-действенной борьбе.

Снижение революционных перспектив в мировом масштабе, являющееся следствием политики дробления сил трудящихся и увлечения отдельных отрядов их на ложный политический путь, большевизмом и фашизмом, заставляет народничество возвысить голос и обратиться ко всем трудящимся мира с разоблачением истинной псевдосоциалистической роли, которую играют коммунистические и национал-социалистические пар-

тии вместе с отдельными ветвями социал-демократического движения.

Мировой экономический кризис, свидетельствующий о процессе самовывживания себя капиталистической системой, опыт диктатуры ВКП (б), свидетельствующий о полном банкротстве партийной диктатуры, опыт диктатуры итальянского фашизма, свидетельствующий о махрово реакционном содержании и экономической импотенции национал-социализма совершенно определенно указывают единственный путь освобождения трудящихся и уничтожения всяческой кабалы и деспотизма.

Этот путь — объединение всех трудящихся всех стран на основе теории и тактики интегрального социализма и создания подлинно социально-революционного интернационала трудящихся, способного организовать и повести массы на борьбу за полное народовластие революционной трудовой демократии, за новый социальный строй общественно-политической и экономической свободы на базе раскрепощения трудящейся личности, за строй, формирующий социалистическое самосознание масс и социалистические основы экономики, за новое человеческое общество, за социализм.

IV. Тактика современного народничества

Основная задача народничества

Экономический и политический кризис диктатуры ВКП (б) и вытекающая из него проблема нарастания крестьянской революции определяет собой революционную стратегию и тактику современного народничества. Политически и организационно овладеть и возглавить крестьянскую революцию — такова основная задача народничества на современном этапе, в соподчинении которой находятся все его тактические установки и политические лозунги.

Сущность этой задачи заключается в идейно-организационной подготовке трудящихся к вооруженному восстанию и свержению большевизма.

Для этой цели народничество должно обладать достаточно сильной и крепкой организацией всероссийского масштаба, способной к руководящей роли в народном движении и направлении его по определенному политическому руслу.

Вооруженное восстание и «пугачевщина»

Темпы нарастания крестьянской революции должны расцениваться как явно определенный процесс организационного оформления и политической активизации народнического подполья.

В связи с этим считается весьма вероятным взрыв народного возмущения, и начало всероссийской «пугачевщины» раньше, чем народничество сумеет политически овладеть массами и повести их на вооруженное восстание.

В этом случае задачей народничества будет являться организационно-политическое и идейное овладение вспыхнувшей «пугачевщиной» для перевода ее из состояния стихийного сметания всех устоев большевистской государственной системы в политическое идейное русло организационного вооруженного восстания в русло социальной крестьянской революции и всенародной победы принципов революционной трудовой демократии.

Вместе с тем народничество не может не учитывать того, что напряженная и внутренняя и международная обстановка СССР в своей ближайшей перспективе чревата рядом таких возможностей, которые должны расцениваться стратегией революционного движения как тактически наивыгоднейшие условия для поднятия масс трудящихся на вооруженное восстание, не дожидаясь начала стихийного взрыва.

Война и вооруженное восстание

Примером таких условий может служить в первую очередь вовлечение СССР в войну.

Война неизбежно лишает диктатуру ВКП (б) крупнейшей внутренней опоры — Красной Армии, которая окажется отвлеченной на фронт.

Кроме того, война вызовет мобилизацию и неразрывно связанные с ней два фактора в общественно-политической жизни страны: вооружение мобилизованного населения и 2) организацию его.

Является, таким образом, очевидным фактом наличие всех благоприятных моментов для начала вооруженного восстания: психическая подготовленность масс, обострение экономического кризиса, военная беспомощность власти, наличие готовых вооруженных и организованных воинских частей, которые составят авангард вооруженного восстания трудового народа.

Отсюда становится ясным, что народничество должно подготавливаться к возможности возникновения необходимых предпо-

сылку для вооруженного восстания в ближайшее время и сигнализировать его трудящимся массам, политически организовать и возглавить новую эру социалистической революции в России.

Проблема массового террора

Сигналом для восстания, способным одновременно и деморализовать государственный аппарат и воодушевить массы трудящихся народничество считает массовый террористический акт, устрашающий применением новейших технических средств в условиях какого-либо съезда или торжества одновременно все партруководство ВКП (б).

Таким образом, террор, невыгодный и ослабляющий народничество в настоящий момент, в момент начала решительной вооруженной борьбы с большевистской диктатурой неизбежно превратится в могучее тактическое средство нанесения первого политического удара народничества по деспотизму правящей партии.

Тактическое перевооружение

Трудность и грандиозность основных задач народничества на данном историческом этапе требуют коренного перевооружения его в тактическом отношении. Трудность такого перевооружения усугубляется еще тем обстоятельством, что оно должно производиться в условиях разгрома народнических партий, рассеянных по тюрьмам и ссылкам и при том под недремлющим и пристальным оком ОГП и его широчайшей сети провокатуры, в силу которой каждый социалист оказывается буквально окруженным тайными шпионами внутренней агентуры.

Организация подполья

Первым необходимым условием для успешного тактического перевооружения народничества под углом подготовки его к организации вооруженного восстания является создание единой и стройной подпольной организации, достаточно гибкой в своей работе и имеющей широкий фронт прямого соприкосновения с трудящимися массами и реальной жизнью.

Блок народнических партий

Создание такой организации возможно только на базе политического и тактического объединения всего народничества

и широкой консолидации всех живых народнических кадров, имеющей своим практическим выражением тактический блок всех народнических партий — П. С.-Р., П. Левых С.-Р. (интернационалистов), и Союза С.-Р. максималистов.

Таким образом, этот блок является краеугольным камнем новой тактики народничества на данном этапе, обеспечивающим уничтожение раздробленности народнического подполья, воскрешающим единый политический и тактический фронт последнего и расширяющий сферу влияния на трудящиеся массы народнической идеологии, путем вовлечения в орбиту ее политического влияния и руководства широких кругов беспартийных народнически настроенных элементов трудящихся и в первую очередь, сельской интеллигенции.

Структура подполья

Из этого блока на практике органически вырастает стройная и обширная система единого народнического подполья, руководимого на базе и изложенных выше организационно-политических установок, единым политическим центром. Это подполье состоит в основном из следующих элементов, обеспечивающих задачу политического овладения трудящимися массами.

- 1) Руководящий центр подпольной организации.
- 2) Партийные группы, построенные на принципах тактического блока в основных пунктах концентрации политссыльных, в столице и в важнейших индустриальных и с/х центрах.
- 3) Околопартийные группы вокруг всех членов народнических партий и, в первую очередь, в колхозах, совхозах и на промышленных предприятиях.
- 4) Беспартийно-народнические группы по линии сельской интеллигенции в колхозах и совхозах.
- 5) Аналогичные группы по линии агроспециалистов и научных работников.
- 6) Одиночки — члены народнических партии, выполняющие самостоятельную определенную работу.
- 7) Кадр связистов, связывающих отдельные звенья подполья с центром и между собой.

Расстановка народнических кадров

Овладение трудящимися массами в плоскость политического влияния на них и организации их для решительного

выступления требует с одной стороны глубокого внедрения народнического подполья в самую толщу трудящихся и с другой — активного развертывания подпольной работы в первую очередь на тех участках советской системы, которые являются в настоящий момент наиболее слабым уязвимым ее местом и где оппозиционные настроения массы отличаются особой активностью.

Таким образом, в тактике народнического подполья приобретает весьма важную роль проблема расстановки народнических кадров, проблема террористического и социального настроения самой подпольной организации.

Анализ внутреннего положения страны, произведенный в таком разрезе, позволяет выделить следующий ряд основных участков советской государственной системы, захват которых в руки народнического подполья или завоевание в которых последним политического влияния на трудящихся решает проблему политического овладения крестьянской революцией.

- 1) Колхозная система.
- 2) Сеть деревенских культучреждений.
- 3) Руководящие аграрной политикой органы.
- 4) Сеть научно-исследовательских институтов в области промышленности и сельского хозяйства.
- 5) Плановые органы.
- 6) Литература.
- 7) Сеть ВУЗов и ВТУЗов.
- 8) Отдельные промышленные единицы.

Вооруженное восстание и колхозы

Из всего ранее сказанного отчетливо явствует, что основное решающее значение в деле подготовки вооруженного восстания принадлежит овладению колхозным движением со стороны народнической подпольной организации.

Являясь единственной реальной формой объединения крестьянства в настоящих условиях, крестьянство, целиком активно настроенного против существующей власти, колхоз является в то же время ахиллесовой пятой большевизма в другой плоскости — в плоскости их хозяйственной неустойчивости, организационной слабости, путаницы и бесконечных неполадок в трудовой их жизни.

Колхозы еще экономически не определились, партийное руководство ими хромает на обе ноги, а сама масса представляет озлобленный и враждебный лагерь.

В такой обстановке перед народническим подпольем встает реальная задача огромной политической важности.

Эта задача заключается в овладении колхозным движением, в захвате командных высот деревенской политики, в использовании колхозов как формы организации крестьянства на вооруженное восстание.

Эта задача может быть выполнена народничеством при помощи политической активизации колхозного движения, мобилизации колхозов на борьбу с большевистским руководством, за явное осуществление таких требований как хозяйственное раскрепощение колхозной инициативы, или ликвидация МТС и передача тракторов колхозам.

Овладение политическим влиянием в колхозах, хозяйственное их укрепление и классовая организация колхозов на борьбу с большевизмом решает вопрос о победе крестьянской революции, решает, в основном, проблему организации народничеством вооруженного восстания трудящихся масс. Вот почему создание крепкого идейно и организационно народнического подполья в колхозном секторе наряду с объединением народнически настроенной сельской интеллигенции и городских агроспециалистов является решающим звеном стратегии и тактики народнического подполья в настоящий момент.

Система единой целеустремленности других звеньев подполья

Эту генеральную линию новой тактики народничества в ее политической целеустремленности призваны обслуживать и тактически приемы организации, проводящей свою работу на других участках и в другой социальной среде. Так звенья народнического подполья, объединяющие агроспециалистов в руководящих земельных органах должны оказывать определенное влияние на самое направление развития колхозного движения, на дискредитацию политики правящей партии в колхозном движении и содействовать народническому охвату колхозов политическим влиянием и хозяйственным руководством.

Научно-исследовательские институты в области сельского хозяйства должны быть превращены народническим подпольем в проводники научно-обоснованной народнической линии в колхозном строительстве, давая экономическое обоснование борьбе за ликвидацию МТС, против гигантомании, за развязывание хозяйственной инициативы.

Студенчество с/х ВУЗ-ов таким же образом должно служить укреплению народнического влияния в колхозах во время своей производственной практики там.

Литература через свои народнические рупоры должна в замаскированной форме контрабандировать народническую идеологию печатным словом.

Легализация кадров подполья

Совершенно очевидно, что новая тактика народнического подполья требует и новых технических приемов работы, новой структуры построения подпольных звеньев организации, перестройки тактики, и в формах осуществления идеологического руководства на массы трудящихся.

В частности, оказывалась необходимой выработка такой техники практической работы подполья, которая обеспечивала бы наименьшую вероятность провала всей организации в целом, и, в крайнем случае, практиковала бы, в случае провала одного-двух ее звеньев сохранение остальных.

Условия тюрем и ссылок являются, конечно, наименее благоприятными для развертывания широкой организационно-политической подпольной работы.

В связи с этим естественно встал вопрос о необходимости легализации народнических кадров и переносе центра тяжести на них.

Легализация партийных кадров связана с задачей возможно более тесного и близкого их соприкосновения с реальной практической жизнью, массой трудящихся и буднями советской работы. Только этим путем возможно установить ту разобщенность между живой жизнью и определенной социальной средой с одной стороны, и вырванными из этой жизни и социальной среды социалистами-революционерами, с другой.

Работа кадров подполья над собой

При наличии достаточно высокой квалификации работников народнического подполья, одновременно возникает возможность завоевания ими солидного делового авторитета в определенной сфере и незаметного влияния на ход государственной машины. Это обстоятельство заставляет требовать от народнических кадров определенной глубокой и серьезной работы над собой, над своей квалификацией, над повышением удельного веса каждого работника в окружающей его среде и сфере деятельности.

Тип неприкосновенного к деловой жизни профессионала-революционера должен окончательно сойти с политической сцены.

Подготовка новых кадров

Параллельно с легализацией и стратегической расстановкой существующих партийных кадров стоит вопрос о подготовке новых, о вербовке новых работников, практиков нелегальной работы в народническом подполье.

Как показал опыт, организация партийных кружков, групп, ячеек является устарелой формой подготовки кадров в силу неизбежной почти провокации и, следовательно, провала работы. Современные условия требуют применения гораздо более тонких методов организационной работы этой области. Тактика народнического подполья выдвинула новую форму подготовки кадров. При этом маскировка в данном случае направлена и против органов ГПУ, и против самих новых народнических кадров для предотвращения возможной провокации.

Околопартийные группы и сфера их деятельности

Речь идет об организации околопартийных групп из числа беспартийного актива, окружающего того или иного легального народника. Эти группы, прежде всего, лишены организационного оформления и, следовательно, отсутствует практика их коллективной деятельности (собрания и т. п.).

Околопартийные группы создаются в результате тщательного и осторожного просмотра революционером-народником своего окружения, связанного с ним узами дружбы, родства, близких товарищеских отношений или совместной работы. Из этого окружения он выбирает определенное количество (3–5 и более) лиц, которые, по его мнению, в достаточной степени преданы ему и обладают безупречной честностью, осторожностью, силой характера и идейностью.

Эти «избранные» и являются околопартийной группой, не зная друг друга, но постепенно входя в орбиту идеологической и политической жизни.

Околопартийные группы являются одним из элементов организации массовой работы партии и должны быть подготовлены к неизбежной в определенный момент широкой организационно-политической активизации своей работы и охвату его массы трудящихся.

Создание таких околопартийных групп вокруг каждого народника имеет следующее значение:

- 1) Увеличивает во много раз наличные силы подполья.
- 2) Создает устойчивый и выверенный людской фонд для выполнения в дальнейшем рядов партии.
- 3) Сообщает организации широкий фронт легального сотрудничества с массой и живой жизнью.
- 4) Придает подпольному аппарату большую оперативную гибкость, позволяя внешние виды нелегальной работы вести через них.
- 5) Вносит в работу строгую централизацию при видимом отсутствии таковой.
- 6) Позволяет практиковать оказание однородного влияния на определенную среду, идущую по разным каналам.

Особенную ценность создание околопартийных групп имеет в совхозах, колхозах, на предприятиях, в ВУЗах, и научно-исследовательских организациях.

Беспартийные народнические группы и сфера их деятельности

Следующим непартийным элементом народнического подполья являются народнические группы из агроспециалистов в руководящих земельных органах, научных работников в научно-исследовательских институтах, сельской интеллигенции — учительства, врачей, агрономов, ветеринаров и проч. в совхозах и колхозах.

Эти группы также должны избегать организационного оформления.

Каждый же член такой группы должен проводить глубоко законспирированную внешней показной «лояльностью» и «честной беспартийностью» подпольную работу, характер которой определяется его специальностью и занимаемым положением.

Очевидно, что и здесь налицо признаки массовой работы, подготовки новых кадров и продолжения общей системы подполья по охвату масс трудящихся политическим влиянием и нелегальной деятельностью.

Совершенно иной характер подпольной работы диктует народническая тактика в тех звеньях советской жизни, где существующие условия не позволяют ставить вопрос об организации околопартийных или беспартийных народнических групп, где создание таких групп, не только вряд ли возможно, но и вряд ли целесообразно.

Использование литературы и подпольной тактики

Таким участком советской работы является литература. Литература, отражая сегодняшний день страны, обобщая опыт прошлого, бросает яркие полосы света в будущее. Тем самым она организует и воспитывает читателя-массовика.

В условиях диктатуры «цензорского циканья» литература представляет собой одну из командных общественно-политических высот, захват которой (даже только частичный) является весьма важным, хотя и не менее трудным делом.

Поэтому проникновение в печать через литературу элементов партийно-народнической идеологии является крупной тактической задачей на данном этапе. Техника работы на этом участке должна носить строго-специфический характер, способный провести за нос самого изощренного цензорского чиновника, и в то же время позволить литературному критику и опытному искушенному читателю уловить общее направление и основные элементы идеологии автора.

Широкая практика эзоповского языка, басенная форма, замаскированные социальные аналогии и параллели, двусмысленность содержания в рамках показной лояльности, тонкий рисунок сатирического яда, фантастика будущего, построенная на контрастах с настоящим, элементы социального символизма, подбор цитат, сугубо благонамеренных авторов и даже «пророков», но разоблачающих... большевизм (в духе хотя бы суждений К. Маркса о печати т. 1 собр. соч.), наконец, упадочные настроения, окрашенные в лирико-социальный цвет наподобие отдельных строк асеевского «лирического отступления».

Советская литература уже дала яркие образцы идеологической конспирации. Кроме общественных примеров вроде «Схемы диктатуры ВКП (б)» И. Эренбурга, «Селькоровщины» (?) К. Федина, «Инонии» С. Есенина, «Полуяровщины» (?) И. Сельвинского и т. п. укажем еще на неразоблаченные технические приемы идейного контрабандирования в литературе.

Б. Пастернак оценивает Ленина:

«Он овладел течением мысли
И только потому страной»

Он же о смерти Ленина и эпохе Сталина:

«Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход».
(«Высокая болезнь»)

Вл. Маяковский оценивает положение поэзии в СССР на собственном примере:

«...И мне агитпроп в зубах навяз.
И мне бы строчить романсы на Вас —
Доходней оно и прелестней.
Но я себя смирал, становясь
На горло собственной песне!»

Строчки о «романсах» — защитный цвет от цензуры и провокация читателя на вопрос, «а почему обязательно романсы, да еще на все?! С немедленным ответом себе: «Ибо все, что не Агитпроп — романсы и ... даже хуже».

«Мой стих трудом громаду лет прорвет
И явится весомо, грубо, зримо,
Как в наши дни вошел водопровод,
Сработанный еще рабами Рима»
(«Во весь голос»)

Советский поэт в роли.. римского раба!
С. Есенин доказывает свое «приятие» большевизма:

«...Принимаю все. Как есть, все принимаю.
Готов идти по выбитым следам,
Отдам всю душу Октябрю и Маю,
Но только лиры милой не отдам».

А значимость поэта без лиры? Читатель многозначительно улыбается.

Блестящий пример политической «недвусмысленной двусмысленности» дал в своей работе о Салтыкове-Щедрине Р. В. Иванов, приводя письмо одного из французских Людовиков, советующее в целях гражданского успокоения народа запретить все партии, кроме правительственной, закрыть все газеты, кроме правительственной, а последнюю назвать обязательно «Verite» («Правда»).

Но не меньшее значение, чем идеологическое использование художественного слова, имеет также использование революцион-

но-исторической, философской и сельскохозяйственной литературы для проведения народнического идейно-организационного влияния в массы. При этом нередко случаи когда предоставляется возможность такого влияния в открытой или сравнительно мало замаскированной форме.

Позднейшее «разоблачение» идеологии автора критикой оказывается в большинстве случаев тактически выгодным, ибо поднимаясь в печати шумиха создает широкую популярность в массах автору и его «разоблаченному» произведению.

Тактическое использование массовой культурной работы

Довольно близко по своим техническим приемам к литературе стоит также использование отдельных форм массовой культурной работы для идеологического будирования сознания трудящихся и политической активизации их настроений.

Наиболее действенными из этих форм, как показал опыт, являются инсценированные суды, лекции и экскурсии.

Здесь народническая тактика должна иметь следующие основные показатели.

В лекциях — нейтральная позиция лектора, дающего разностороннее освещение вопросу с попутным приведением ряда ярких цитат, близких настроению массы.

В лекциях на литературные темы возможно акцентировать зачитание в качестве «примеров» отдельных наиболее идеологически «контрабандных мест» и развертывание антикоммунистических идей авторов, оставляя свое отношение к ним в тени. В литсудах, или политсудах ставка должна делаться на речи сторон, последние слова подсудимых, и показания свидетелей с таким расчетом, чтобы симпатии аудитории склонялись в определенную сторону и резко расходились с выносимым приговором, возбуждая недовольство и протесты массы. В экскурсии центр тяжести падает на идеологическую контрабанду в различных формах.

Тактика маскировки

В практике народнического подполья должна находить и находить широкое применение система маскировки кадров. Формы этой маскировки могут быть весьма разнообразны. Маскировка под аполитичность и даже показную лояльность к советской власти, муссирование слухов среди обывателей и политических

партий о советизации того или иного работника, об уходе от политической деятельности в ту или иную сферу практической или теоретической работы, о бытовом разложении, о замыкании в узком кругу семейных интересов и т. п. Особенное значение такая маскировка имеет в отношении руководящих работников подполья, находящихся на легальном положении. В отдельных случаях маскировка принимает другие формы и средством ее оказывается та или иная фигура из руководящих работников — членов ВКП (б), представляющая собой своеобразную ширму, за которой происходит консолидация народнических кадров и практическая нелегальная работа.

Тактика маскировки оказывается зачастую способной дезориентировать наблюдающий аппарат власти и на значительный период времени создать благоприятные условия для нелегальной деятельности народнического подполья.

Метод цепной связи

Все указанные технические приемы и революционная тактика народнического подполья требуют для своего применения соблюдения чрезвычайной конспирации со стороны всех звеньев организации. Эта конспирация достигается в известной степени построением связей между отдельными частями подполья по методу цепной связи.

Метод цепной связи заключает в себе два составных элемента:

- 1) Исключительно вертикальное направление связей, пронизывающих всю систему подполья сверху донизу и каждое отдельное звено организации в частности.
- 2) Наличие кадра проверенных легальных связистов, осуществляющих связь по вертикали между руководителями подпольных звеньев.

Для маскировки связи практикуется иногда использование также и частных «оказий».

Дифференциация руководства

Руководящий организационно-политический центр подполья по условиям конспирации и разбросанности большинства его членов по различным ссылкам носит децентрализованный структурно характер, в силу чего и само руководство строится на принципе строгой дифференциации между членами центра. Таким образом, каждый член центра ведет руководящую работу

в определенной области, целиком отвечая за ее постановку и организацию во всей системе народнического подполья.

Связь и координирование работы между работниками центра целиком осуществляется также специальными связистами, проходящими только на этом высшем участке подполья по горизонтали.

Народническое подполье и заграничная делегация

Все разобранные нами тактические и технические элементы революционной стратегии народнического подполья, направленной на одну конкретную цель организацию вооруженного восстания, вооруженного государственного переворота основной ориентировкой на крестьянство, как основную движущую силу нового подъема русской социалистической революции, носящего характер крестьянской революции, относятся к нелегальной деятельности народничества внутри Советского Союза.

Однако народничество не мыслит себе революционной работы в отрыве от деятельности заграничных делегаций народнических партий.

Народничеством на данном историческом этапе придается огромное политическое значение координированию работы, проводимой внутри Союза с работой заграничных делегаций.

Этому участку отводится исключительно важное значение в связи с тем, что организация связи с закордоном и постановка «границы» могли бы обеспечить в достаточной степени широкую информацию международного социалистического движения о положении в СССР и практике работы в нем социалистического подполья и позволить заграничным делегациям успешно контактировать свою деятельность с задачами и конкретными возможностями революции внутри страны. Кроме того, это позволило бы организовать транспорт агитационно-пропагандистской литературы из-за рубежа и, следовательно, распространение печатного социалистического слова в массах трудящегося Союза.

Лозунги народничества

Суммируя все сказанное нами о революционной ситуации народничества на рубеже 2-й большевистской пятилетки и на пороге крестьянской революции, необходимо остановиться на основных лозунгах народничества в современной обстановке.

Эти лозунги делятся на две группы:

Лозунги для периода подготовительной работы в целях политического и организационного овладения массами и лозунги народничества в эпоху крестьянской революции, имеющих цель организационно и политически возглавить движение.

1-я группа лозунгов

I. Лозунги общеполитического характера

- 1) Долой диктатуру ВКП (б), долой диктатуру Сталина!
- 2) Свернем эксплуататоров трудового народа — коммунистов, добьемся свободы трудящимся.
- 3) Мобилизуем трудящихся на борьбу за народовластие.
- 4) Да здравствует народно-трудоу Октябрь.
- 5) Долой смертную казнь.
- 6) За легализацию социалистических партий.
- 7) За свободу слова, печати, собраний, союзов.
- 8) За тайное голосование.
- 9) За ликвидацию ГПУ.
- 10) За гласный политический суд.

II. Лозунги по аграрному вопросу

- 1) За свободу выбора крестьянами форм землепользования.
- 2) За свободу хозяйственной инициативы крестьянина.
- 3) За ликвидацию МТС и передачу транспортного парка колхозам.

III. Лозунги по рабочему вопросу

- 1) За отмену потогонной системы труда в форме ударничества и социалистического соревнования.
- 2) Раньше накормить рабочего, а потом покупать для него машины.
- 3) Свободным профсоюзам — управление промышленностью.

IV. Прочие

- 1) За отмену косвенных налогов и ежегодных займов.
- 2) Раскрепостим науку и искусство от идейных цепей и политического гнета большевизма.

2-я группа лозунгов

Вторая группа лозунгов вытекает целиком из программно-политических установок народничества.

1. Лозунги общеполитического характера

1. Сохраним завоевания великого Октября и создадим подлинное народовластие.
2. За трудовую демократию — базу диктатуры трудящихся.
3. Да здравствуют свободные раскрепощенные советы.
4. За землю и волю, против большевиков, помещиков, капиталистов и фашистов.
5. За политическое равноправие всех трудящихся.
6. Да здравствует братский союз рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции.
7. Каждый человек имеет право на труд и свободу.
8. Сбросим цепи политического и экономического рабства с трудящейся личности.
9. Свободная революционно-демократическая Россия хочет свободного труда и мира.
10. Да здравствует подлинный интернационал трудящихся.

2. Лозунги по аграрному вопросу

1. Свобода выбора форм землепользования крестьянами и широкая хозяйственная инициатива их — основа крепкого сельского хозяйства.
2. За свободные коллективные формы труда и коллективную собственность машин в сельском хозяйстве.
3. Крестьянские профсоюзы — верный защитник классовых интересов крестьянства.

III. Лозунги по рабочему вопросу

1. Превратим машину из палача в друга и помощника человека.
2. За свободу профсоюзов, профсоюзный контроль и управление промышленностью.
3. За 6-ти часовой рабочий день для пролетариев.

IV. Правовые лозунги

1. Палачам трудящихся всех мастей — нет пощады.
2. Превратим тюрьмы в изоляторы трудового перевоспитания.
3. За гласность политического суда и отмену внесудебного террора.

V. Прочие лозунги

1. Все народное хозяйство — под руководство трудового народа.

2. Интересы трудящихся в основу всей политики государства.
3. Свободной стране — свободная автономная школа.
4. Свобода творческой и научной мысли — основа социалистической культуры.
5. За свободный товарообмен производителей города и деревни.
6. За единую свободную систему рабочей потребительской и сельскохозяйственной кооперации.

*Написано собственноручно
Б. Шабер*

Верно. Уполномоченный 2 отд. СПО Ефремов.

ДЖЕКОБ КИПП

ОПЕРАТИВНОЕ ИСКУССТВО И ЛЮБОПЫТНЫЙ
ЗАПАДНЫЙ НАРРАТИВ О ВКЛАДЕ РОССИИ:
ПРИСУТСТВИЕ И ОТСУТСТВИЕ НА ПРОТЯЖЕНИИ
ПОСЛЕДНИХ ДВУХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ¹

Предлагаемое эссе посвящено западному нарративу о влиянии советского оперативного искусства на развитие западных концепций оперативного искусства и любопытному факту его исчезновения из общего аналитического нарратива. В конце статьи автор призывает к серьёзному изучению военной системологии как альтернативного переосмысления оперативного искусства. Он подчёркивает, что военная системология особенно важна для «информатизации» военного искусства, тесно связанной с прогностическим изучением будущих войн.

**Оперативное искусство на Западе: от молниеносной войны и
глубоких операций до планирования военных кампаний**

Когда и как возникло оперативное искусство, уже давно является предметом дискуссий. Некоторые историки считают, что оно

---

¹ Этот очерк был впервые опубликован на английском языке под названием «Operational Art and the Curious Narrative on the Russian Contribution: Presence and Absence Over the Last 2 Decades» в сборнике *The Russian Military Thought Today and Tomorrow: Essays in Memory of Mary FitzGerald*, Stephen Blank and Richard Weitz eds., Carlisle Barracks, PA: US Army War College, Strategic Studies Institute, 2010.

ведёт своё начало от победоносной йенской кампании Наполеона.² Известный британский исследователь наполеоновских войн Давид Чандлер утверждает, что «душой» наполеоновской концепции войны является молниеносная атака на центр тяжести противника — его армию.³ Преобладающей моделью тут является ряд боёв, связанных между собой стремительным маневрированием и завершающихся решительной победой над противником в завершающем сражении. Понятое таким образом, оперативное искусство является наследием великих полководцев и так называемой «военной революции» в Западной Европе, идущей от Наполеона к Мольтке, а от него — к тем, кто осуществил на практике теорию молниеносной войны в двадцатом веке.⁴ Эволюция ведения войны в этой трактовке идёт по прямой и опирается на опыт западноевропейских армий.

---

² David Chandler. «Napoleon, Operational Art and the Jena Campaign,» in: Michael D. Krause and R. Cody Phillips, eds., *Historical Perspectives of the Operational Art*. (Washington, DC: The U. S. Army Center for Military History, 2005), pp. 27–65. Среди позднейших исследователей есть такие, которые относят возникновение оперативного искусства к более раннему периоду, а именно к военным кампаниям Фридриха Великого, утверждая, что оперативное искусство формировалось под влиянием франко-прусской диалектики, от Фридриха Великого до наполеоновской кампании 1813 г. См. Claus Telp. *The Evolution of Operational Art, 1740–1813: From Frederick the Great to Napoleon* (London: Frank Cass, 2005). Телп отмечает переход от ограниченной затяжной войны при Фридрихе к военному искусству Наполеона, которое постепенно превратило военную кампанию в рассредоточенные манёвры, ведущие к решающему сражению. Великие полководцы при этом весьма напоминают Мосье Журдена в пьесе Мольера «Мещанин во дворянстве»: они посвящают себя искусству, которое остаётся безмянным, и, более того, даже не подозревают о существовании этого вида военного искусства, представляющего нечто среднее между стратегией и тактикой. Именно такой точки зрения придерживается Гюнтер Ротенбург в своём хорошо известном труде, посвящённом военному искусству Наполеона, где он говорит о стратегии и тактике и характеризует манёвр, непосредственно предшествующий соприкосновению как «оперативное искусство». См. Günther E. Rothenburg. *The Art of War in the Age of Napoleon*. (Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 1978), стр. 146–156.

³ Chandler, p. 17.

⁴ См., например, Clifford J. Rogers, editor. *The Military Revolution Debate: Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe* (Boulder, CO: Westview Press, 1995); Geoffrey Parker. *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996); и MacGregor Knox and Williamson Murray, eds., *The Dynamics of Military Revolution, 1300–2050* (Cambridge: Cambridge University Press, 2001).

Такая интерпретация устраивает далеко не всех историков. Некоторые из них подчёркивают, что война, какой её знали «великие полководцы», фундаментально отличается от того, что мы называем современной войной, сложившейся к концу XIX в. Эти исследователи сосредоточивают своё внимание на военном опыте за пределами Западной Европы, где эволюция военного искусства шла более сложным путём, так как упор делался скорее на каждый отдельно взятый кризис и его разрешение, нежели на прямолинейное развитие.

Роберт Эпштейн, один из ведущих историков Высшей Военной Школы американской армии, прослеживает элементы оперативного искусства в более поздних кампаниях Наполеона, отмечая наличие характерных для них черт во франко-австрийской войне 1809 г. и после неё. Эпштейн излагает свои взгляды в книге «Последняя победа Наполеона и начало современной войны» (*Napoleon's Last Victory and the Emergence of Modern War*). Он указывает на масштабы операций, нововведения в области командования и управления войсками и возрастающую огневую мощь противных сторон как на признаки зарождающейся массовой войны по модели американской гражданской войны.

Сходство в структуре и организации противостоящих французских и австрийских сил вынуждало командование обеих армий прибегать к «рассредоточенным маневрам» на двух театрах военных действий, что создавало широкие оперативные фронты, в которых сражения были и последовательными, и одновременными, но, в конечном счёте, не приводили к решающему исходу.⁵ Кризис современной войны, о котором говорит Эпштейн, углубился в ходе девятнадцатого столетия по мере того, как массовые армии уступали место массовой индустриальной войне.

Эту мысль разрабатывает далее коллега Эпштейна Джеймс Шнейдер. Анализируя путь развития индустриальной войны советского образца, он ищет корни современной войны и оперативного искусства в американской гражданской войне, подвергшейся пристальному изучению со стороны советских теоретиков военного искусства в двадцатых годах прошлого столетия.⁶ Шнейдер

---

⁵ Robert M. Epstein. *Napoleon's Last Victory and the Emergence of Modern War*. (Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1994). Любопытно, что в рассуждениях о применении Наполеоном оперативного искусства почти не встречается ссылок на его русскую кампанию 1812-го г. и на факторы, которые повлияли на гибель «La Grand Armée» в ходе этой кампании.

⁶ James J. Schneider. «The Loose Marble — And the Origins of Operational Art.,» *Parameters*, (March 1989), pp. 85–99; and James J. Schneider. «Theoretical

подчёркивает влияние промышленного производства на характер войны.⁷ В его работе «Кузница Вулкана» (*Vulcan's Anvil*) намечается новое понимание современной тотальной войны как основанной на применении на практике оперативного искусства. Тот факт, что и Эпштейн, и Шнейдер связаны с Высшей военной школой при Командно-Штабном колледже Армии США, не случаен, так как именно благодаря усилиям этих двух учёных армия США в 1980-х гг. приступила к изучению «оперативного уровня войны» в связи с разработкой концепции Воздушно-наземных операций (*AirLand Battle*).⁸

Нельзя не согласиться с Эпштейном и Шнейдером в их анализе истоков оперативного искусства. Они также верно указывают на связь между влиявшими на ход военных кампаний массовой индустриализации, огня и манёвра и кризисом в управлении массовыми армиями. Этот кризис на всех ступенях его развития реально отразился на эволюции военного искусства последующего столетия. Эволюция эта шла по двум направлениям. В Западной Европе она прослеживается в последовательных операциях, применявшихся Хельмутом Мольтке для быстрых решений в коротких решающих войнах. Другое направление берёт своё начало от гражданской войны в Америке и характеризуется трансформацией этой войны от упора на решающие сражения до

Implications of Operational Art», in: Clayton R. Newell and Michael D. Krause, eds. *On Operational Art*. (Washington, DC: The U. S. Army Center for Military History, 1994), pp. 17–30. Проблематичность постулата о происхождении оперативного искусства от гражданской войны в Америке хорошо аргументирована в работе Уильяма Мак Эльви о военном искусстве от наполеоновских войн до Первой мировой войны. Мак Эльви доказывает, что американские военачальники были дилетантами, т. к., разрешив многие проблемы индустриальной войны методом проб и ошибок, они не сумели создать механизма для анализа и сохранения этого опыта, чтобы воспользоваться им впоследствии, что и проявилось в испано-американской войне. См.: William McElwee, *The Art of War from Waterloo to Mons* (Bloomington: Indiana University Press, 1974), pp. 147–183, 114–116.

⁷ James Schneider. *The Structure of Strategic Revolution: Total War and the Roots of the Soviet Warfare State* (Novato, Calif.: Presidio Press, 2005).

⁸ William R. Richardson, «FM 100–5: The AirLand Battle in 1986», *Military Review* 66, no. 3 (March 1986): 4–11; Huba Wass de Czege, «Lessons from the Past: Making the Army's Doctrine «Right Enough» Today. Landpower Essay, No. 06–2, (September 2006). On the origins of AirLand Battle see: John L. Romjue. *From Active Defense to AirLand Battle: The Development of Army Doctrine, 1973–1982* (Fort Monroe, Va.: U. S. Army Training and Doctrine Command, 1984), pp. 66–73.

идеи затяжной войны на истощение противника на нескольких театрах военных действий. Обе эти линии развития в конечном счёте привели к кризису маневра в условиях огневого истребления и к тупику траншей Первой мировой войны. Именно эта версия получает своё развитие в трудах советских военных теоретиков.⁹ Хотя обе линии развития и включали элементы оперативного искусства и отрицание того, что Георгий Иссерсон — крупнейший советский военный теоретик и один из авторов теории глубоких операций — называл «стратегией одной точки», ни то, ни другое направление не привели к созданию понятия «оперативного искусства» как такового.¹⁰ Несмотря на то, что немецкий генеральный штаб вводил армию в бой широкой линией, его стратегической дилеммой являлась война на два фронта, что и привело теоретиков к идее «молниеносной войны» и стремительного истребления армии противника. С другой стороны, опыт гражданской войны в Америке, сам по себе очень богатый, ввиду отсутствия очевидных стратегических угроз и медленной профессионализации американского командного состава, не был формально закреплён изучением процесса, где продолжительная кампания состоит из последовательных операций, а ряд кампаний ведёт к завершающей победе.

Американский подход к оперативному искусству

По мнению Брюса Меннинга, интерес американских военных специалистов к оперативному искусству явился прямым следствием холодной войны, а также связанным с нею изучением русской и советской военной науки.¹¹ Внимание тут сосредоточивалось

---

⁹ Куликов В. Г. Оперативное искусство // Советская военная энциклопедия. М., 1978. Т. VI. С. 53–54.

¹⁰ Иссерсон Г. С. Эволюция оперативного искусства. М., 1937. С. 96–97. Согласно Иссерсону, стратегия развивалась от стратегии одной точки к линейной стратегии по Мольтке и далее к непрерывному фронту и углублению театра операций, что дало возможность прорыва линии обороны противника и следующих за ним операций по всей глубине обороны противника.

¹¹ Bruce W. Menning. «Operational Art's Origins», *Military Review*, 77, no. 5. September-October 1997, pp. 32–47. Советские авторы знали, что термин «оперативное искусство» не является частью американского военного лексикона. В предисловии редактора А. Х. Монзы к сборнику переведённых с английского статей военных авторов НАТО и Америки о ведении операций подчёркивается, что военные теоретики США и других империалистических держав разделяют военное искусство на стратегию и тактику. Тот аспект во-

на трёх военных понятиях, сформулированных в 1920-х гг.: оперативное искусство, глубокое сражение и глубокая операция.¹² Вполне понятно почему. Американское командование, готовясь к обороне Западной Европы в рамках НАТО, противостояло силам Советского Союза и Варшавского договора, дислоцирующихся на всей территории по ту сторону железного занавеса. Эти силы являлись прямыми наследниками частей и формирований, проводивших оперативные манёвры в целой серии военных кампаний, приведших к поражению Вермахта и его союзников, начиная с контрнаступления под Сталинградом в ноябре 1942 г. и кончая Берлинской операцией в апреле — мае 1945 г. В этих операциях Красная армия истребила большую часть сухопутных войск Вермахта.¹³

Интерес к оперативному искусству в 1980-х гг. был явлением новым и отражал напряжённые дискуссии о роли обычных сил во всеобщей обычной войне в Европе. Стратегический ядерный паритет, как и модернизированный ядерный арсенал на театрах военных действий, поставили под сомнение военно-политический

енного искусства, который советская военная наука называет оперативным искусством, буржуазные военные теоретики считают или частью стратегии, или частью тактики. См.: Монза А. Х. О современных операциях. М., 1962. С. 9–10. С другой стороны, с недавних пор в работах западных учёных появились упоминания советского происхождения термина «оперативное искусство». Но этим дело в основном и ограничивается. Так, Клаус Тельп в своей работе по оперативному искусству 18-го начала 19-го в., походя упоминает советское происхождение термина: «Термин "оперативное искусство", введённый в употребление советскими военными теоретиками в межвоенный период, в последнее время привлекает внимание военных кругов в процессе сравнения оперативного потенциала НАТО и Варшавского пакта в 1970–1980-х гг.». В сноске к этому высказыванию приводятся работы трёх авторов: А. S. H. Irwin, Brian Holden Reid и J. J. G. Mackenzie. Двое из них — британские старшие офицеры, а третий — профессор Королевского колледжа в Лондоне. См.: Telp. *The Evolution of Operational Art, 1740–1813*, p 1.

¹² David Glantz. *Military Operational Art: In Pursuit of Deep Battle*. (London: Frank Cass, 1991). Значительный вклад Гланца в дело изучения советского оперативного искусства в период его службы в НИИ боевых разработок, в Армейском военном колледже и в НИИ по изучению советской армии заложил основы понимания теории и практики советского оперативного искусства в США.

¹³ См.: David M. Glantz and Jonathan M. House. *When Titans Clashed: How the Red Army Stopped Hitler* (Lawrence, KS: University Press of Kansas, 1995). Гланц служил офицером разведки в американской армии в Европе, чем объясняется его интерес к детальному изучению вооружённых сил противоборствующих сторон.

контекст войны в Европе. Как советские, так и западные военные специалисты вернулись к обсуждению роли обычного оружия в начальном периоде вооружённого конфликта между странами НАТО и Варшавского договора, изыскивая такие средства для достижения военных целей, которые привели бы к благоприятному политическому исходу без перерастания конфликта в ядерную войну на ТВД и в общий стратегический обмен ядерными ударами.¹⁴ Основной целью при этом было не наращивание военной мощи для победы над странами Варшавского договора, а распространение эффективности стратегии сдерживания на обычный период будущего конфликта в такой мере, чтобы уменьшить возможность перерастания его в ядерный. Выдающийся британский военный и мыслитель сэр Джон Хакетт написал о таком конфликте роман под названием «Третья мировая война, август 1985 г.». Книга эта, представляющая собой завуалированный призыв к модернизации сил НАТО, вышла в свет в 1978 г.¹⁵

Именно в этом контексте происхождение оперативного искусства стало предметом широких дискуссий. Некоторые авторы считали, что интерес к оперативному искусству зародился на основе новаторских теорий Михаила Тухачевского, в своё время репрессированного, но впоследствии признанного родоначальником глубоких операций. Эти учёные отмечали значительный военно-теоретический потенциал оперативного искусства для нелинейной войны между НАТО и Варшавским пактом с применением обычного оружия в условиях ядерного паритета.¹⁶ Дру-

---

¹⁴ Jacob W. Kipp. «Conventional Force Modernization and the Asymmetries of Military Doctrine: Historical Reflections on Air/Land Battle and the Operational Maneuver Group», in: Stockholm International Peace Research Institute, *The Uncertain Course: New Weapons, Strategies and Mind Sets*. Edited by Carl G. Jacobsen (Oxford: Oxford University Press, 1987), 137–166.

¹⁵ Sir John Winthrop Hackett. *The Third World War, August 1985* (London: Berkeley, 1978). К вопросу о влиянии доктрины американской армии 1970 г. на дебаты вокруг оперативного искусства см.: William K. Sutey. «The Deterrent Value of US Army Doctrine: The Active Defense and Airland Battle in Soviet Military Thought». A monograph, (Ft. Leavenworth, KS: School of Advanced Military Studies, 1993).

¹⁶ Richard E. Simpkin. *Race to the Swift: Thoughts on Twenty-First Century Warfare*. (London: Brassey's Defence, 1985). See also: Richard E. Simpkin and John Erickson. *Deep Battle: The Brainchild of Marshal Tukhachevskii*. (London: Brassey's Defence, 1987). Кристофер Беллами тоже прослеживает развитие глубоких операций в своей работе 1990 г. о будущей войне на суше и приходит к выводу, что эра крупномасштабных операций с участием массовых армий кончилась и что сухопутные операции станут отныне маломасштабными,

гие исследователи указывали на интеллектуальную атмосферу поствьетнамской поры как на каталиста, вынудившего армию США принять на вооружение понятие «оперативный уровень войны» в 1982 г., а в 1986 г. — и само понятие «оперативное искусство».¹⁷ Так или иначе, в Америке интерес к оперативному искусству проявлялся по-прежнему исключительно армией, а точнее Командованием разработкой доктрины и боевой подготовкой (TRADOC), Общевойсковым командованием (Combined Arms Center) и Командно-штабным колледжем (Command and General Staff College).¹⁸ Для целей планирования армия США следовала уже установившемуся Процессу принятия военных решений (Military Decision Making Process или MDMP), который был разработан для подготовки штабных офицеров к оперативному планированию. Движение в сторону принятия концепта оперативного искусства возникло раньше, и на нём сказалось влияние Объединённой доктрины взаимодействия между видами вооружённых сил, явившейся результатом закона Голдуотера-Николса. Последний имел своей целью ограничение полномочий командования отдельных видов Вооружённых сил США и одновременно расширение военных полномочий министра обороны, главы объединённого комитета начальников штабов и командующих ВС на ТВД.¹⁹ Интерес к оперативному искусству со стороны армии явился следствием тактических задач, возникших в период холодной войны, но не переросших в стратегические. Военный колледж США (The U. S. Army War College) по-прежнему сосредоточивался на отдельно взятых стратегиях: стратегии национальной безопасности, стратегии национальной обороны и национальной военной стратегии. В то же время признавалась взаимосвязь между стратегией на театрах военных действий и подготовкой к кампаниям, возлагающейся на боевое командование, в обязанности которого входит командование Вооружён-

---

будут опираться на новейшую технологию и проводиться профессиональными отборными частями. См.: Christopher Bellamy. *The Evolution of Modern Land Warfare* (London: Routledge, 1990), pp. 240–243.

¹⁷ John S. Brown. *The Maturation of Operational Art: Operations DESERT SCHIELD AND DESERT STORM*, in: Krause and Phillips, eds. *Historical Perspectives of Operational Art*, p. 439.

¹⁸ Romjue. *From Active Defense to AirLand Battle: The Development of Army Doctrine, 1973–1982*.

¹⁹ James R. Locher, III. *Victory on the Potomac: The Goldwater-Nicholas Act Unifies the Pentagon* (College Station, Texas: Texas A & M University Press, 2002), pp. 3–14.

ными силами США в различных регионах мира. Объединённая доктрина даёт следующее определение оперативного искусства: «Оперативное искусство — это применение вооружённых сил с целью достижения стратегических задач посредством разработки, организации, интеграции и осуществления стратегий, ведения кампаний и наиболее важных операций и сражений».²⁰ Закон Голдуотера-Николса содействовал переустройству функций ведомств, на которые возложена ответственность за теоретическую разработку и практическое осуществление стратегии. Благодаря этому закону, Объединённая доктрина приобрела статус, которого она раньше не имела. Закон содействовал переориентации профессионального военного обучения на большее взаимодействие между видами и родами вооружённых сил, а также созданию целого ряда организаций, которые направляют своё внимание на оперативный уровень войны и оперативное искусство, ставя себе задачей овладеть процессом единого оперативного планирования (ЖОРП).²¹ Упор на оперативное искусство совпал с окончанием холодной войны и с исчезновением потенциального врага. В переходный период оперативное искусство оказалось чем-то вроде перезрелого плода, слишком долго провисевшего на ветке. В новой обстановке безопасности и при отсутствии угрозы оно не имело ни логического обоснования, ни интеллектуальной платформы. В конце 1980-х гг. Научно-исследовательский центр военной истории армии США планировал издание сборника, посвящённого истории оперативного искусства, но с окончанием холодной войны публикация первого тома задержалась,

---

²⁰ U. S. Department of Defense. Joint Forces Employment: Operational art. <http://www.js.pentagon.mil/doctrine/jrm/opart.pdf>. accessed 25 January 2009

²¹ Другие виды вооружённых сил создавали специальные высшие школы для обучения оперативному планированию. Так, например, ВВС США создали Высшие курсы по изучению воздушно-космических средств (SAASS) при Авиационном университете авиационной базы Максвелла. SAASS, однако, сосредоточивались исключительно на воздушно-космических силах. Морская пехота основала Высшую школу по изучению боевых действий при Университете морской пехоты в Квантико в штате Виргиния. В соответствии с небольшим размером военной пехоты, эта школа сосредоточивалась на разрешении сложных задач на «оперативном уровне войны». Объединённые высшие военные курсы были созданы (Joint Advanced Warfighting School) в Штабном колледже объединённых сил при Национальном университете обороны (Joint Forces Staff College by National Defense University) в Норфолке, и на них была возложена задача подготовить «специалистов по планированию мирового класса». Не так давно военно-морской флот США тоже проявил интерес к созданию такой программы.

и он вышел только в 1994-м году.²² Второй том под редакцией Майкла Краузе и Р. Коди Филлипса, посвящённый историческим аспектам оперативного искусства, задуманный уже в начале 1990-х гг., появился только в 2005-м г.²³ Операции «Desert Shield» и «Desert Storm» освещаются в нём как примеры развитого оперативного искусства, а сухопутные манёвры представлены как краткий заключительный этап конфликта в рамках стратегии на ТВД и на фоне затяжной, независимой воздушной операции.²⁴ Силы коалиции под предводительством США одержали победу над армией советского образца как раз в тот момент, когда сама советская армия была на грани распада, как и породившее её государство.

За гранью оперативного искусства

Займствуя термин у советских военных авторов, американские военные начали говорить о «Революции в военном деле», которая радикально преобразовала ведение войны с помощью автоматизированного управления, ударных систем, а также интеграции

---

²² Clayton R. Newell and Michael D. Krause, eds., *On Operational Art* (Washington, DC: The U. S. Army Center for Military History, 1994). Другие труды, посвящённые развитию оперативного искусства, появились в середине 1990-х гг. Из них особо примечательны следующие: вышедший в Канаде сборник статей В. J. C. McKercher and Michael A. Hennessy, eds., *The Operational Art: Developments in the Theories of War* (West Port, CT: Praeger, 1996) и важнейший труд израильского офицера и военного теоретика Шимона Нэвеха, который утверждает, что оперативное искусство как понятие есть результат советского опыта и что оно исходит из положения, что силы противника представляют собой сложную систему, которую можно разрушить, нанося удары по всей системе в форме глубоких операций. См.: Shimon Naveh. In *Pursuit of Military Excellence: The Evolution of Operational Art* (London: Frank Cass, 1997). Работа Нэвеха совпадает по времени с возобновившимся в израильских ВС интересом к оперативному искусству и к разработке оперативной теории, а также с созданием в 1995 г. научно-исследовательского института, призванного служить «культурным возбудителем, когнитивным проводником, концептуальным агитатором». См.: Shimon Naveh. *Operational Art and the IDF: A Critical Study of a Command Culture*. Center for Strategic & Budgetary Assessment (September 30, 2007), pp. 1–2.

²³ Krause and Phillips, eds., *Historical Perspectives of the Operational Art*. p. iii. В своём предисловии к этой книге бригадный генерал Джон С. Браун говорит о нём, как о «продолжении» книги Ньюэлла и Краузе.

²⁴ Brown. «The Maturation of Operational Art: Operations DESERT SHIELD AND DESERT STORM», in: Newell and Krause, eds., *On Operational Art*, pp. 454–466.

«системы систем» и «сетевцентрического» подхода к будущим конфликтам.²⁵ Эрик Даль даже утверждает, что сетевцентрическая война является отрицанием основных принципов оперативного искусства.²⁶ В 1990-х гг. воздушные операции приобрели значительно ббльшую важность как средство для высокоточных ударов по всей глубине обороны противника, так что манёвры высокоточными ударами сами по себе уже превращались в кампанию. В этом контексте оперативное искусство уступило место «операциям по поражающему действию», проводимым исключительно силами авиации и крылатыми ракетами на основе системного подхода.²⁷ Моделью такой операции является Операция объединённых сил НАТО (Operation ALLIED FORCE) против Югославии во время кампании в Косово. В этом случае сочетание дипломатии и принудительной силы оказалось достаточно эффективным, и поэтому удалось избежать введения сухопутных войск, что осложнило бы конфликт.²⁸ Эволюция американской политики национальной безопасности после окончания холодной войны в сторону коллективной безопасности в рамках НАТО, миротворчества и принуждения к миру, контртерроризма и, наконец, борьбы с инсургентами, оттеснила оперативное искусство на задний план. Эти новые принципы, в которых стратегия и тактика опять же сливаются в одну быструю комплексную операцию, сулили возможность достигнуть стратегического уничтожения без необходимости вести оперативные манёвры или последовательные операции с перерывами

---

²⁵ О раннем периоде полемики вокруг революции в военном деле (RMA) см.: Thierry Gongora and Harold von Riekhoff, eds., *Toward a Revolution in Military Affairs?* (Westport, Connecticut: Greenwood Press, 2000.) Наиболее убедительно аргументы в пользу революции в ведении войны представлены в работе одного из самых важных военных специалистов Америки Вильяма Оуэнса. См.: William A. Owens. *Lifting the Fog of War* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2000).

²⁶ Erik Dahl. Network «Centric Warfare and the Death of Operational Art», *Defence Studies*, Volume II, No. 1 (March 2002), pp. 1–24.

²⁷ Thomas Z. Ruby, «Effects-Based Operations: More Important Than Ever», *Parameters*, (Autumn 2008), pp. 26–35. Статья Руби, появившаяся в ответ на меморандум генерала Джеймса Маттиса с критикой операций по воздействию (Effects-based operations). В ней Руби разрабатывает идею effects-based operations в том же направлении, в котором идёт и Джон Вассер в своих работах о возможности для современной авиации достигнуть стратегического паралича. См.: John Andreas Olsen. *John Warden and the Renaissance of American Air Power*. (Dulles, VA: Potomac Books, 2007).

²⁸ Dag Henriksen. *NATO's Gamble: Combining Diplomacy and Air Power in the Kosovo Crisis, 1998–1999* (Annapolis, MD: Naval Institute Press, 2007), pp. 189–191.

вами на перегруппировку сил. Критики отмечали, что «воздушные операции» НАТО явились нарушением Объединённой доктрины. И действительно, операция ALLIED FORCE противоречила как слову, так и духу Объединённой доктрины. Ещё в 1991 г. в Объединённом документе 1 (JP 1), «Система Объединённых Военных Действий Вооружённых сил США», а впоследствии в Объединённом Документе 3-0, «Объединённая Доктрина по Операциям», термин «объединённая кампания» (joint campaign) применялся ко всем военным действиям без различия — наземным, морским или воздушным.²⁹

Приписывая ответственность за «воздушные операции» политическому руководству и влиянию современных теоретических взглядов на военно-воздушную мощь, Эрик Даль игнорирует тот факт, что решение развязать войну принималось в рамках НАТО и потребовались значительные дипломатические усилия, чтобы добиться одобрения его членов. Оперативное искусство в его практическом применении в значительной мере определяется политическими и стратегическими соображениями.

Есть и другая точка зрения, т. е. что существует потенциальная возможность асимметричного ответного удара, «где различие между войной и миром сходит на нет».³⁰ Такой конфликт будет «нелинейным», без разграничения между «войной и миром» или «мирным населением и вооружёнными силами». Вильям Линд и его соавторы, излагая свои мысли о войне четвёртого поколения, рисуют картину будущих конфликтов, где перспективные технологии сталкиваются с асимметричной угрозой терроризма. Этим авторам оперативное искусство представляется исторически обусловленным конструктом, который отжил своё время вместе с молниеносной войной и не приложим к ведению войны четвёртого поколения.³¹ Операция Несокрушимая Свобода (Operation ENDURING FREEDOM) против талибов в Афганистане в такой интерпретации демонстрирует, чего могут достигнуть войска специального назначения в комбинации с местными инсургентами и современными воздушными силами.³² Под знаменем

---

²⁹ Peter F. Herryly. «The Plight of Joint Doctrine after Kosovo». JFQ, (summer 1999), p. 99.

³⁰ William S. Lind et al.. «The Changing Face of War: Into the Fourth Generation», Marine Corps Gazette (October 1989), pp. 22–26.

³¹ Там же.

³² Paul Wolfowitz. «Thinking about the Imperatives of Defense Transformation», Address to the Heritage Foundation, 30 April 2004, <http://www.heritage.org/research/nationalsecurity/hl831.cfm>. accessed 25 July 2007.

преобразования (Transformation) тогдашний министр обороны Дональд Рамсфельд направлял главу Центрального командования армии США (CENTCOM) Томми Франка на подготовку именно к такой молниеносной кампании в Ираке — сокращённый контингент сухопутных войск, упор на «шок и трепет» и максимальное давление на вооружённые силы противника с целью быстрого и решительного разгрома этих сил и захвата Багдада. Поначалу ведущие военные специалисты сосредоточивались на успешном наступлении на Багдад, а не на его последствиях и превозносили его как выдающееся достижение.³³ Но постепенно появились критики, которые указывали на то, что в самом планировании начального этапа военных действий уже были заложены условия для зарождения инсургентского движения, последовавшего за ними. Так, например, Том Рикс, военный обозреватель газеты «Washington Post», попросту охарактеризовал эту войну как «фиаско».³⁴ К тому же инсургентское движение, вновь поднявшее свою голову в Афганистане после операции Несокрушимая Свобода, тоже заставило взглянуть на эту операцию по-новому.

Бригадный генерал армии в отставке Хуба Васс де Чеге пишет, что интеллектуальная атмосфера, в которой создавались Курсы повышения уровня военных знаний (SAMS) и Доктрина воздушно-наземного боя (AirLand Battle Doctrine), характеризовалась возрождением интереса к Клаузевицу и Жюмини в процессе попыток «преобразовать абстрактные стратегические концепты целей, методов и средств в соответствующие конкретные тактические действия. Этот вид умственной акробатики называется оперативным искусством»³⁵. Он замечает далее, что «опираться на устаревшие понятия, основанные на сравнениях с Индустриальной эпохой, занятие бесполезное, поскольку миссии XXI в. требуют более высокого уровня умственной

---

³³ См.: Williamson Murray and Robert H. Scales, Jr. *The Iraq War: A Military History* (Cambridge, Mass: Belknap Press, 2003); and John Keegan. *The Iraq War* (New York: Alfred A. Knopf, 2004).

³⁴ См.: Thomas E. Ricks. *Fiasco: The American Military Adventure in Iraq* (New York: Penguin Group, 2006); and Michael R. Gordon and Bernard E. Trainor. *Cobra II: The Inside Story on the Invasion and Occupation of Iraq* (New York: Pantheon Books, 2006).

³⁵ Huba Wass de Czege. «The Logic of Operational Art: How to Design Sound Campaign Strategies, Learn Effectively and Adapt Rapidly & Appropriately», unpublished essay, January 2009, /2.

акробатики»³⁶. Хуба Васс де Чеге приходит к заключению, что инновации в доктрине 1990-х гг., направленные на трансформацию оперативного искусства с целью приспособить его к требованиям постмодернистской войны, «подрывают критическое и творческое мышление и ведут к стереотипным и лишённым логики концепциям».³⁷

Проектирование системы на уровне операций, а не оперативное искусство

Затяжные действия инсургентов в Ираке и Афганистане вновь пробудили интерес к оперативному искусству, но дискуссия велась в рамках Глобальной войны с терроризмом (Global War on Terrorism) и «затяжной войны» против исламского терроризма и инсургентов. В ежегодной серии военных игр, известных под названием «Unified Quest», американский центр TRADOC, разрабатывая сценарии сложных конфликтов, в которых обычная война перерастает в борьбу с инсургентами, указывал на необходимость обмена информацией между командующим операцией и его стратегической штаб-квартирой на ТВД перед лицом постоянно адаптирующегося противника. В отличие от обычных операций, которые имеют дело со структурно оформленными техническими задачами, новая ситуация (*emerging situation*) выдвинула широкий спектр сложных и лишённых определённой структуры задач, которые не поддаются техническим решениям. Это повело к экспериментам с Системным оперативным проектированием (*Systemic Operational Design*), разработанным Шимоном Нэвехом и его коллегами в Научно-исследовательском институте оперативной теории, где системное проектирование на уровне операций стало необходимой отправной точкой для оперативного планирования, когда речь идёт о структурно неформированных задачах. Этот новый упор на системное проектирование на уровне операции явился результатом новых проблем безопасности, возникших в Израиле в связи с соглашениями в Осло и с непрекращающейся угрозой палестинского терроризма. Нэвех опирался в основном на теорию систем, теорию сложности и постмодернизм, каким он предстаёт из французской философии Делеза и Гваттари и в теории литературы и архитектуры. Нэвех при этом ратовал за подход, который «освободил бы» практиков от пут бинарного про-

---

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

тивнопоставления теории и практики.³⁸ В своём более раннем труде, посвящённом оперативному искусству, Нэвех указывает на советское оперативное искусство как заслуживающее особого внимания уже потому, что в нём системный подход сочетается с упором на удар по противнику и подавление его во время ведения глубоких операций. Нэвех отмечает советский дизайн боевых формирований: танковая армия, передовой отряд и ударная армия — для ведения глубоких операций, а также эшелонирование войск для наращивания усилий во время атаки, чтобы нанести сокрушительный удар по всей глубине обороны противника.³⁹ Что до необходимости освободиться от пут оперативного искусства, то в контексте военных конфликтов XXI в., по мнению Нэвеха, эта необходимость вытекает из того, что приходится иметь дело с противником, который уже не ведёт массовой индустриальной войны, а вместо этого прибегает к инсургентству и терроризму. Признавая свою связь с оперативным искусством, Системное оперативное проектирование (SOD) проявляет себя как пример эволюции. В то же время оно выходит за пределы оперативного искусства в результате эволюции военного искусства в новых социополитических и стратегических условиях.

В документе 525-5-3000, выпущенном TRADOC, говорится, что в военной игре проявилась неадекватность традиционного планирования: «Американские и советские специалисты по традиции воспринимают оперативное искусство по-разному. Но и те, и другие, как правило, разрешают задачи, возникающие в обычных конфликтах с прямыми столкновениями между регулярными армиями (sic!), а не в многосложной войне с нерегулярными вооружёнными формированиями».⁴⁰ В результате в начале 2008 г. появился новый документ 525-5-500 под названием «Оценка обстановки командиром и системное проектирование кампании» (Commander's Appreciation and Campaign Design).⁴¹ Здесь упор делается на применение теории сложности к системному подходу

---

³⁸ Идеи Нэвеха подробно освещаются в статье/интервью Йотама Фельдмана «Dr. Naveh or, how I Learned to Stop Worrying and Walk through Walls». Haaretz. Com (1 November 2007), <http://www.haaretz.com/hasen/spages/917158.html>. «Проходить сквозь стены» — ссылка на тактику, применявшуюся израильскими войсками в операции DEFENSE SHIELD для атаки на палестинские силы в Наблусе в 2002-м г.

³⁹ Shimon Naveh. In Pursuit of Military Excellence: The Evolution of Operational Theory (London: Frank Cass, 1997), pp. 209–238.

⁴⁰ TRADOC Pamphlet, 525-5-300, 9–1.

⁴¹ TRADOC Pamphlet, 525-5-300 «Commander's Appreciation and Campaign Design»,

к проектированию кампании с введением «когнитивной модели, которой могут пользоваться командиры, ответственные за проектирование, планирование и ведение кампаний».⁴²

Теория систем и советское оперативное искусство: прошлое как пролог

На первый взгляд может показаться, что эта оживлённая и плодотворная дискуссия не имеет никакого отношения к развитию оперативного искусства в Советском Союзе. На самом же деле это не так. Милан Вего, один из крупнейших специалистов по оперативному искусству, отвергает нэвеховскую интерпретацию советского оперативного искусства и подвергает сомнению связь последнего с общей теорией систем, как и его упор на удар. Вего отмечает, что общепризнанный «отец» общей теории систем австрийский биолог Людвиг фон Берталанффи впервые стал писать об «общей теории систем» и её применимости к открытым, т. е. биологическим системам, только в 1960-х гг. Его труд по общей теории систем вышел в свет в 1968 г. Вего утверждает, что советский подход к ведению операций был систематическим, а не системным. Он отвергает также и утверждение Нэвеха, что советское оперативное искусство имело какое-либо отношение к системному «удару», всегда направленному на полное сокрушение (destruction). «В советской военной теории и практике нарушение системы управления войсками (disruption) и сокрушение (destruction) не являются взаимозаменяемыми понятиями. Нарушение системы управления войсками всегда являлось средством, способствующим сокрушению, а не самоцелью».⁴³ Как станет ясно из дальнейшего, теория оперативного искусства — отнюдь не такая ограниченная, какой она тут представлена, — как и само советское системное мышление, явились продуктом некоего сочетания марксистских идей о диалектике с организационной теорией, увязанной с философией и биологическими науками.⁴⁴

---

⁴² Там же. С. i.

⁴³ Milan N. Vego. «A Case against Systemic Operational Design», *Joint Forces Quarterly*, No. 2, (2009), pp. 70–71.

⁴⁴ I. Susiluoto. (1982) *Origins and Development of Systems Thinking in USSR: Political and Philosophical Controversies from Bogdanov and Bukharin to Present-Day Re-Evaluations*, in: *Annales Acadamiae Scientiarum Fennicae, Dissertationes. Humanarum Litterarum*, v. 30, (Helsinki, 1982), pp. 16–17. Из высказываний Сусилото в отношении развития кибернетики и теории сис-

Это очевидное несогласие между двумя известными учёными в отношении советского оперативного искусства коренится в самой политической и военной истории Советского Союза. Процесс развития советского оперативного искусства намного сложнее, чем это себе представляли западные учёные периода холодной войны. Отчасти в этом повинна сама советская система. Коммунистическая партия осуществляла строгий контроль над исторической наукой и затрачивала огромные усилия на перекойку исторического нарратива, приспособливая его к своим текущим политическим и идеологическим нуждам. Те, кого клеймили как «врагов народа», становились изгоями. Десятки лет спустя партия их «реабилитировала», зачастую посмертно, а их вклад в строительство социализма стал частью новой, «исправленной и дополненной» партией версии советской истории. Тем временем борьба с «буржуазными фальсификаторами» истории Великой Отечественной войны превратилась в хорошо налаженную и финансируемую промышленность. В то же время военное дело относилось к той области, где чтение даже открытых источников считалось угрозой государственной безопасности, не говоря уже о военных архивах. Засекречены бывали порой даже самые невинные вещи, например рецепт изготовления какой-нибудь колбасы. И горе наивному иностранцу, который вздумал фотографировать человека в военной форме, или какой-нибудь мост, или завод. Органы государственной безопасности от ЧК до КГБ принимали свою ответственность за охрану государственных секретов по всей стране более чем всерьёз. Всё это достаточно подробно описывает Владимир Шляпентох в своей книге «Обыкновенное тоталитарное общество» (*A Normal Totalitarian Society*).⁴⁵

Чтобы распутать клубок загадок русской и советской военной истории, повлиявших на западную интерпретацию истоков и развития советского оперативного искусства, необходимо разобратсья в том, кто создавал текст его возникновения и развития в период между последними десятилетиями империи и распадом

тем в СССР в 1960-х гг. явствует, что тут налицо заимствование зарубежных новаторских идей. Появление в Советском Союзе в 1950-х гг. кибернетики и теории систем представлялось на Западе как пассивное и запоздалое усвоение зарубежной науки. Однако Сузилото далее отмечает, что в России были предшественники кибернетики и теории систем, что он считает «качественной перемены в развитии мысли» и основанием, на котором возникла система «Weltanschauung».

⁴⁵ Vladimir Shlapentokh. *A Normal Totalitarian Society: How the Soviet Union Functioned and How It Collapsed* (Armoonk, NY: M. E. Sharpe, 2001).

Советского Союза.⁴⁶ Знаменитый культуролог Юрий Лотман уделяет много внимания вопросам языка, семиотики и истории. Говоря о семиотическом аспекте интеллекта, Лотман сводит интеллектуальную способность к следующим трём функциям:

1. Передача имеющейся информации (текстов).
2. Создание новой информации, т. е. создание текстов, не выводимых однозначно по заданным алгоритмам из уже имеющихся, а обладающих определённой степенью непредсказуемости.
3. Память: способность хранить и воспроизводить информацию (тексты).⁴⁷

Рассматривая развитие семиотики как науки и отношение между семиотикой и структурализмом, Лотман отмечает, что в последние несколько десятилетий «семиотика и структурализм как в Советском Союзе, так и на Западе переживали период испытаний». И тут он указывает на разницу в характере этих испытаний, которая имеет непосредственное отношение к рассматриваемой нами проблеме. «В Советском Союзе, — говорит Лотман, — им [семиотике и структурализму] пришлось пережить период гонений и идеологических обвинений, который сменился в официальной науке заговором молчания и стыдливым полупризнанием». А на Западе они подверглись тому, что Лотман называет «испытанием модой», когда «увлечение ими стало настолько широким, что уже выходило за пределы науки».⁴⁸

Что касается семиотики, то мы уже говорили о склонности Запада к фетишизации отвлечённых понятий и реакции против этого в истории оперативного искусства, начиная с 1980-х гг. и по сегодняшний день. Но необходимо попытаться пролить свет на тёмный мир «гонений и идеологических обвинений» — неотъемлемую часть загадки оперативного искусства в Советском Союзе. В центре внимания при этом должна быть семиосфера памяти — процесс создания текста истории. Многое тут определяется наличием и доступностью первичных текстов, а также текстов, призванных их интерпретировать. Это кровавая повесть, чего, казалось бы, и следовало ожидать от военной истории. Однако в данном случае речь идёт о попытках искоренить или исказить

---

⁴⁶ Термин «загадки истории» заимствован у Эдварда Радзинского. См.: Загадки истории. М., 2003; одноименный цикл телевизионных историко-публицистических монологов (<http://www.locatetv.com/tv/zagadki-istorii/3361034>), а также сборник: Загадки жизни и смерти. М., 2003.

⁴⁷ Лотман Ю. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб., 2004. С. 151.

⁴⁸ Там же. С. 153.

идеи путём физического уничтожения их авторов и удаления их со страниц истории.

«Оперативное искусство» как термин, знакомый нам из исследований по военному искусству, возник в кипящем котле войны и революции, поглотившем царскую Россию и изрыгнувшем большевистскую. Общество, разодранное на куски, оказалось в руках революционной партии, поклявшейся превратить мировую войну в мировую революцию. Эта экзистенциальная авантюра Ленина и Троцкого вывернула марксизм наизнанку. Авантюра провалилась, когда Германия не состоялась как авангард мировой революции, а большевикам пришлось иметь дело с обществом, растерзанным классовыми и этническими конфликтами и враждебным внешним окружением. Война и подготовка к войне стали постоянным атрибутом государства, возникшего во время Гражданской войны и иностранной интервенции, и атрибут этот прошёл через всю остальную историю существования Советского Союза. Поначалу режим принимал чрезвычайные меры, чтобы просто выжить. Но со временем эти меры превратились в неотъемлемую часть самой системы.

Одержимый страхом враждебного окружения и осознававший отсталость своей страны, режим предстал перед миром в двух диаметрально противоположных обликах: с одной стороны — как вестник человеческого прогресса на пути к избавлению от нищеты и отчуждения, а с другой — как полицейское государство, где тайная полиция пользовалась террором с целью достижения утопии, применяя все имеющиеся у неё средства, чтобы скрывать все противоречия и отсталость режима. При Ленине режим готов был по мере необходимости прибегать к помощи спецов в области экономики, строительства, и военного дела.⁴⁹ Иначе говоря, пропагандист руководящей роли партии профессиональных революционеров, который читал и по-новому истолковывал Клаузевица, приспособив его к нуждам революции, обращался к спецам — пережиткам старого режима и членам «буржуазной интеллигенции» — в надежде, что они помогут сделать Военный коммунизм более эффективным. Автор утопической работы «Государство и революция», в которой он спорил, что государство постепенно отомрёт, мог вполне прагматично пользоваться помощью буржу-

---

⁴⁹ Федюкин С. А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965. С. 3–12. Как подчёркивает Федюкин, с точки зрения Сталина, такие специалисты были невежественными диверсантами, подрывающими строительство социализма.

азных специалистов, чтобы поддержать правящий большевистский режим, даже несмотря на то, что он сам не доверял им как классовым врагам.

Критики большевизма не замедлили отметить, что ленинская партия «профессиональных революционеров» рискует превратиться в авторитарный класс, правящий слабым и малоразвитым пролетариатом и отсталым крестьянством. Одним из путей это предотвратить было создание пролетарской культуры, неподконтрольной партии. А одним из главных теоретиков этой позиции был А. А. Богданов. Социал-демократ, автор научно-фантастических произведений, а в раннюю пору своей жизни и большевик, Богданов оставил политическую деятельность и посвятил себя философии, разрабатывая теории эмпириомонизма и тектологии, т. е. «всеобщей организационной науки». Эмпириомонизм подвергся резкой критике Ленина как учение, идеологически враждебное диалектическому материализму.⁵⁰ И эмпириомонизм, и тектология связаны с познанием самого знания. Они исследуют формы знания, их происхождение, их эволюцию и экзистенциальное значение. Социальная среда порождает определённое миросозерцание или идеологию, которые или эволюционируют, приспосабливаясь к вновь возникающей социальной среде, или «регрессируют» и переходят в категорию консервативных по мере того, как породившая их социальная среда загнивает.⁵¹

Богданов отказался служить большевистскому режиму, захватившему власть, даже когда брат его жены, Анатолий Васильевич Луначарский, только что назначенный комиссаром народного просвещения ленинского правительства, лично пригласил его. Богданов и Луначарский тесно сотрудничали в деле создания пролетарской культуры. Но от правительственного поста Богданов отказался, ссылаясь на своё несогласие с социальным содержанием Военного коммунизма, который, как он считал, подменил производственную социальную среду казарменной. При этом он повторно предостерег от опасности подмены класса партий, а обусловленного культурой сознания — авторитарным контролем.⁵²

---

⁵⁰ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм: критические заметки об одной реакционной философии // Полное собрание сочинений. М., 1972. Т. 14. С. 17–362.

⁵¹ Avraham Yassour. «The Empiriomonist Critique of Dialectical Materialism: Bogdanov, Plekhanov, Lenin». *Studies in East European Thought*, Vol. 26, No. 1 (July 1983), pp. 21–38.

⁵² Богданов Александр. Логика казармы и логика фабрики: Ответ Анатолию Луначарскому на предложение работы в правительстве, 19 ноября 1917 г. //

Богдановская критика режима не мешала ему тогда возглавлять Пролеткульт и занимать пост президента Академии общественных наук. Его идеи о всеобщей организационной науке имели своих сторонников среди членов движения НТО (Научная организация труда), принципы которого были усвоены Красной Армией. В своём анализе ситуации в большевистской России в конце Гражданской войны Богданов пользуется новой терминологией применительно к современной ему классовой структуре общества и месту, которое занимают в нём спеццы, принимающие активное участие в руководстве экономическими и военными организациями и учреждениями. Он называет их «организаторская интеллигенция», т. е. государственно-чиновничья, учёная и техническая социальная группа, являющаяся классом по природе, но не сложившаяся как класс по своему сознанию и организации: класс «сам в себе» (*an sich*), но не «сам для себя» (*für sich*). Богданов характеризует Первую мировую войну как войну на истощение между двумя конкурирующими друг с другом блоками монополистов и говорит об опасной тенденции возникновения «военно-государственного капитализма», т. е. некоего сочетания «капитализма с осадным коммунизмом». В таком соперничестве существует опасность, считает Богданов, что «организаторская интеллигенция» превратится в класс, осознающий свою силу и осуществляющий на практике новый милитаризм в рамках как военно-государственного капитализма, так и осадного коммунизма.⁵³ Подобные опасения характерны были не только для Богданова, но и для целого ряда членов советской правящей элиты, включая Сталина.

В контексте Гражданской войны эти предостережения были встречены враждебно. Богданов ушёл из Пролеткульта, т. к. понял, что его имя бросает тень на всю организацию, которую стали обвинять в антиленинской пропаганде и идеологической диверсии. Последние годы своей жизни он отдал медицине. В 1926 г. Богданов создал и возглавил Институт переливания крови, заложивший основы системы банков крови во всём Советском Союзе. Он умер в 1928 г. в результате опыта переливания

Независимая газета, 11 июня 1997. См. также: Богданов А. А. (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания, 1901–1928 гг. // *Неизвестный Богданов* / Под ред. Н. С. Антоновой и Н. В. Дроздовой. Т. 1. М., 1995. С. 189–190.

⁵³ Богданов Александр. Доклад «Мировая война и революция» // *Неизвестный Богданов*. В 3 кн. М., 1995. Т. 1. С. 92–107.

крови, проведённого на самом себе. При Сталине Богданова свели к идеологической карикатуре, представляя его всего лишь как антагониста Ленина. Его труды были изъяты из открытых фондов и сосланы в «спецфонды». И всё же, как недавно отметил один учёный, «хорошо продуманная система, изложенная в его труде «Тектология: всеобщая организационная наука», предвосхитила многие идеи будущей теории систем и кибернетики и сыграла важную роль в развитии системного мышления в Советском Союзе».⁵⁴ Анализ раннего периода советского режима, предлагаемый Богдановым, позволяет ознакомиться с социальной средой, в которой возникло оперативное искусство как теоретический конструкт в военном искусстве.

Советскую военную историографию можно разделить на несколько периодов. В ранний период советской власти, от революции и до конца НЭПа (1917–1928), открытые дискуссии в профессиональных военных периодических изданиях не только допускались, но даже и поощрялись. Второй период включает консолидацию Сталиным абсолютного контроля, первую пятилетку, коллективизацию, Большой террор и предвоенные годы (1929–1941). Третий период — это Великая Отечественная война и триумф сталинизма (1941–1953). Четвёртый — Оттепель и хрущёвская десталинизация (1953–1964). Затем идёт период развитого социализма и культа Брежнева с последующим за ними междоусобицей (1964–1985). И наконец — период перестройки, гласности, конца холодной войны и окончательного краха советской системы. На Западе изучение советского военного дела процветало во время двух последних этапов, т. е. хрущёвской десталинизации и горбачёвской перестройки. В постсоветской России Ельцина создались особенно благоприятные условия для исторических исследований в этой области. Генерал Дмитрий Волкогонов, бывший заместитель начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота, один из советников Ельцина, будучи сам историком, изучающим сталинизм, выступал в пользу более свободного доступа к военным архивам как для русских, так и для иностранных учёных.⁵⁵

---

⁵⁴ Anthony Mansueto. «From Dialectic to Organization: Bogdanov's Contribution to Social Theory». *Studies in East European Thought*. Vol. 46, No. 1 (March 1996), p. 37.

⁵⁵ По вопросу о доступности русских архивов в 1990-х гг. см.: Patricia Kennedy Grimsted. «Increased Reference Access to Post-1991 Russian Archives», *Slavic Review*, Vol. 56, No. 4 (Winter 1997), pp. 718–759; and Patricia Kennedy Grimsted and Vladimir Petrovich Kozlov. *Archives of Russia: a directory and*

В последние десять лет правления Путина наблюдался возврат к более авторитарному и закрытому обществу, хотя и не тоталитарному. Доступ к русским историкам и архивным материалам зависел от связей и отношения режима к исследуемой теме.⁵⁶

Все эти обстоятельства имели непосредственное влияние на изучение советского оперативного искусства на Западе. В послевоенные годы враждебная атмосфера холодной войны и абсурдные утверждения, связанные с культом личности Сталина, подорвали доверие к советским исследованиям на военные темы. Сталин, главный авторитет по всем вопросам, говоря о победе Советского Союза, объяснял её «пятью постоянными факторами», а именно: стабильностью тыла, высоким моральным состоянием армии, количеством и качеством дивизий, вооружением армии и организаторскими способностями командующего состава. Поражения, которые терпела Красная армия в начальный период войны, он обходил молчанием.⁵⁷ Более того, всякое обсуждение военных тем в открытых источниках должно было руководствоваться культом личности Сталина, а потому было ходульно и лишено критического подхода. Из-за мании секретности доступ к дискуссиям по военным вопросам среди военной верхушки, публиковавшимся в «Военной мысли» и «Морском сборнике», был за редкими исключениями закрыт для западных учёных и аналитиков.⁵⁸ Рэймонд Л. Гартоф был первым запад-

---

bibliographic guide of repositories in Moscow and St. Petersburg. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1997). О том, сколько сам Волкогонов сделал для открытия доступа к русским архивам, см.: Library of Congress, Manuscript Reading Room, «Dmitri Antonovich Volkogonov, A Register of His Paper in the Library of Congress» (Washington, DC: 2000), <http://www.loc.gov/rr/mss/text/volkogon.html>.

⁵⁶ Rachel Donadio. «The Iron Archives», The New York Times (22 April 2007), http://www.yale.edu/annals/Reviews/review_texts/Donadio_Iron_Archives_NYT_04.22.07.html, accessed 15 December 2008.

⁵⁷ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1949. С. 41–48.

⁵⁸ В 1960-х гг., совсем ещё молодым учёным, работая над своей диссертацией по военно-морским реформам в России после Крымской войны, я провёл немало часов в читальном зале славянского отдела нью-йоркской Публичной библиотеки, просматривая все номера «Морского сборника» со дня его основания в 1849 г. и до последнего дореволюционного выпуска 1917 г. Продолжая свою работу в Польше в 1968 г., я получил пропуск в Центральную военную библиотеку. Чтобы выверить одну из сносок, я запросил выпуск того же журнала за 1849 г. Мне по ошибке принесли номер за 1949 г. К моему удивлению, оказалось, что он не намного отличается от дореволюционных и по формату,

ным учёным первой половины пятидесятых годов двадцатого века, который в своих исследованиях по советскому военному искусству в значительной мере опирался на советские источники, но его подход являлся исключением, а не правилом.⁵⁹ Ввиду отсутствия достоверного изложения событий на Восточном фронте западные учёные всё больше полагались на немецкие версии.⁶⁰ В Национальном архиве был открыт доступ к трофейным немецким архивным материалам. В печати появились мемуары и исследования бывших немецких генералов. Согласно этим источникам, в том, что Германия проиграла войну Советскому Союзу, были якобы виноваты сумасшедший капрал Гитлер, «его превосходи-

---

и по тематике. Я положил журнал на стол, не придавая особого значения ошибке библиотекаря. Через минуту библиотекарь подошла ко мне и, осведомившись, какой у меня выпуск, объяснила мне, что «иностранцам», т. е. западным классовым врагам, читать выпуски этого журнала после 1947 г. не положено. Разумеется, после этого случая я прочёл все выпуски «Морского сборника» за период между 1917-м и 1946-м гг., которые мне удалось заполучить. А это заставило меня по-новому взглянуть на соотношение между императорским флотом и советским флотом и в целом на вопрос преемственности и её нарушений в русской и советской военной и военно-морской исторической традиции.

⁵⁹ Raymond L. Garthoff. *How Russia Makes War: The Soviet Military Doctrine*. (London: G. Allen & Unwin. 1954). В своих мемуарах Гартофф говорит о том, что идеей написания этой книги он обязан тому пути, по которому пошёл аналитический центр RAND — своего рода флагманский корабль, — как и тем выпискам, которые он сделал из немецких документов военного времени, а также из «некоторых советских военных документов, хотя и не секретных, но находящихся в коллекциях секретных документов» библиотеки ЦРУ и военной разведки. См.: Raymond L. Garthoff. *A Journey through the Cold War: A Memoir of Containment and Coexistence* (Washington, DC: Brookings Institution Press, 2001), pp. 9–10. Гартофф начинает свою книгу с цитаты из работы Пола Диксона Think Tanks: «RAND был первым американским научно-исследовательским центром периода холодной войны, отправной точкой для которого служило сознание необходимости основательно изучить потенциального врага со стороны». См.: Paul Dickson. *Think Tanks*. (New York: Ballentine Books, 1971), p. 69. Сама книга Гартоффа была первой такого типа книгой, написанной американским учёным по советской военной теме.

⁶⁰ К вопросу о немецких военных сводках с Восточного фронта и их влиянии на американскую военную историографию см.: Dennis Showalter. «A Dubious Heritage: The Military Legacy of the Russo-German War», *Air University Review*, (March—April 1985), <http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/aureview/1985/mar-apr/showalter.html>. К вопросу о влиянии такого рода исследований на тему американской военной доктрины см.: Kevin Sutor. «To Stem the Red Tide: The German Report Series and Its Effect on American Defense Doctrine, 1948–1954», *The Journal of Military History*, Vol. 57, no. 4 (Oct.—Dec. 1993), pp. 653–688.

тельство генерал русская Зима» и русские крестьянские массы.⁶¹ В середине 1980-х гг. полковник Давид Гланц приходит к выводу, что «преобладающая роль немецких источников в формировании американской точки зрения на войну на Восточном фронте, как и недоверие к советским источникам, наложили свой отпечаток на американское понимание войны на Восточном фронте».⁶²

Отношение к советским материалам по истории Красной Армии и Великой Отечественной войны стало постепенно меняться после 1956 г. с началом хрущёвской десталинизации. В «секретной речи» Хрущёва на XX съезде партии роль Сталина как главнокомандующего подверглась критике. Хрущёв возложил на Сталина вину за поражения, которые Советский Союз потерпел в начальный период войны, обвинил Сталина в том, что тот ударился в панику в первые дни нападения Германии на СССР, и указал на отрицательные последствия сталинских чисток в военном руководстве.⁶³ Рука об руку с десталинизацией шла «оттепель» в системе, и среди прочего реабилитация некоторых репрессированных, включая военных командиров и теоретиков, которые при Сталине клеймились как классовые враги и саботажники.

Первым западным исследователем оперативного искусства как отдельного предмета изучения в рамках науки о советской военной системе был Джон Эриксон. Эриксон побывал в Советском Союзе, посидел в библиотеках, побеседовал с ветеранами и исследователями и сумел ознакомиться с материалами, доступ к которым ещё недавно был закрыт, т. к. авторы их были репрессированы при Сталине. В своём объёмном труде, посвящённом советскому высшему командованию, Эриксон впервые привлёк внимание западных учёных к той области военного искусства, которая представляет собой связующее звено между стратегией и тактикой. Эриксон назвал её «operating art» (оперативное искусство) и дал ей определение, основанное на статье в Большой Советской Энциклопедии, а также на высказывании Гартоффа, что генерал А. А. Свечин пользовался этим термином, понимая под ним связующее звено между такти-

---

⁶¹ Michael Cherniavsky. Corporal Hitler, General Winter, and the Russian Peasant // *The Yale Review*, Volume LI, No. 4 (Summer 1962), pp. 547–558.

⁶² David Glantz. American Perspectives on Eastern Front Operations in World War II. A paper delivered at the Soviet-American Colloquium on Problems of World War II in Moscow on 23–26 October 1986 // *Foreign Military Studies Office*, <http://fmsso.leavenworth.army.mil/documents/e-front.htm>.

⁶³ Nikita Sergeevich Khrushchev, «Special Report to the Twentieth Congress of the Communist Party of the Soviet Union», (February 24–25, 1956), <http://www.uwm.edu/Course/448-343/index12.html>.

кой и стратегией, и что понятие оперативного искусства «выросло из идеи, разработанной царской армией». Самого Эриксона более всего интересовала роль оперативного искусства в определении «основной линии её [тактики] действий».⁶⁴ В своём определении понятия *operating art* Эриксон не затрагивает связи между стратегией и оперативным искусством, хотя для Свечина именно эта связь была основополагающей. Однако в центре внимания Эриксона находится не Свечин, а всеобщая озабоченность советского режима войной во второй половине 1920-х гг. Эриксон сводит «*operating art*» к одному определённом виду операций, а именно к глубокой операции с участием массовых механизированных сил. Он рассматривает советское военное дело в межвоенный период через призму незадолго до этого ставших доступными материалов, связанных с маршалом Михаилом Тухачевским. Тухачевский — бывший офицер гвардии в царской армии, бежавший из военного плена, большевик и герой Гражданской войны, разработавший теорию «глубокого боя», поборник механизации, тактической авиации и воздушно-десантных сил, был в своё время репрессирован, как и многие другие молодые красные командиры. Но в первую половину 1960-х гг. вдруг оказалось, что именно этим командирам Советский Союз был обязан своими победами на позднем этапе Великой Отечественной войны. Именно идеями этих гениев партия теперь смогла воспользоваться для восстановления своего имиджа после катастрофы сталинизма. В предисловии к двухтомному изданию работ Тухачевского, выпущенному в 1964 г., маршал Бирюзов писал:

---

⁶⁴ John Erickson. *The Soviet High Command: A Military-Political History, 1917–1941* (London: Frank Cass, 2001), pp. 313, 717. Книга Эриксона вышла в свет в 1962 г. и сразу же завоевала статус классического исследования в области советского военного дела. Свечин пользовался термином «искусство», говоря о тактике, операциях и стратегии. Он подчёркивал, что «тактическое творчество регулируется оперативным искусством». Тем не менее книга его о стратегии, или даже скорее о военно-политической стратегии во всей её сложности. Свечин считал обмен мнениями между политическим, экономическим и военным руководством важнейшим фактором в подготовке к войне и в её ведении. Центральным для стратегии как понятия является то, что это «теория искусства». И одно из требований к серьёзному изучению этого искусства, по мнению Свечина, это чёткое понимание соотношения теории и практики. Стратегическое руководство должно направлять практическое применение оперативного искусства таким образом, чтобы отдельно взятые операции вели к военным условиям, соответствующим целям политического руководства. Свечин принимал понятие Генерального штаба как «интегрального полководца». См.: Свечин Александр. *Стратегия*. М., 1926. С. 63–65.

«Можно без преувеличения сказать, что М. Н. Тухачевский по своей многогранной деятельности является одним из наиболее ярких и прогрессивных руководящих работников нашей армии, много содействовавшим развитию советской военной теории и строительству наших Вооружённых Сил». ⁶⁵

Тухачевский как нельзя более подходил для антисталинской кампании. Он был «Красным командиром» периода Гражданской войны, который принимал всерьёз руководящую роль партии и необходимость идеологической ортодоксии в воспитании Красной Армии. Среди его заслуг перед партией числились участие в подавлении Кронштадского мятежа и противопартизанские операции во время крестьянского мятежа в Тамбове. ⁶⁶ Он также был убеждённым врагом военспецов, сомневался в их компетентности, считал, что они или не способны вести «классовую войну», или занимаются саботажем с целью подорвать советскую власть изнутри. ⁶⁷ Тухачевский был поборником стратегии уничтожения

---

⁶⁵ Тухачевский М. Н. Избранные произведения / Предисл. Маршала Советского Союза С. Вирюзова. М., 1964. Т. I. С. 26.

Через год после опубликования этого двухтомника советский Генеральный штаб выпустил однотомное издание работ по стратегии и оперативному искусству с предисловием маршала М. Захарова, начальника Генерального штаба. Книга предлагается читателю как наследие марксизма-ленинизма, и особое место в ней отводится работам Михаила Фрунзе и Михаила Тухачевского. Включены также работы и других командиров, репрессированных при Сталине. См.: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах / Общ. ред. А. Б. Кадишева, вступ. ст. Маршала Советского Союза М. Захарова. М., 1969. С. 1–24. В книге устанавливается тесная связь между стратегией и оперативным искусством и подчёркивается ведущая роль стратегии в создании условий для планирования кампаний и ведения операций. Говорится также о важной роли, которую сыграло изучение опыта Первой мировой войны в развитии советской военной теории, но с оговоркой, что при этом не учтён был мобилизационный потенциал советского государства. И что более того, поставленные перед выбором между стратегией сокрушения и стратегией измора, «они» отдали Минск и Киев, вместо того, чтобы занять Белосток и Брест; «они» отказались от Канн в пользу Полтавы, как и от быстрой победы путём окружения в пользу длительной войны на истощение. Под словом «они», т. е. сторонники этой ретроградной теории, имеются в виду царские офицеры, служившие в Красной Армии как военные специалисты или «военспецы», а именно, А. А. Свечин и А. И. Верховский.

⁶⁶ Иванов В. М. Маршал М. Н. Тухачевский. М., 1990. С. 185–199.

⁶⁷ Тухачевский М. Н. Стратегия национальная и классовая // Избранные произведения: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 31–50. См. также: Никифоров Николай. Забытые страницы истории: Тухачевский и Свечин — истоки противостояния // Красная звезда. 11 января 1999.

как отправной точки для создания советского мобилизационного общества и для самого ведения военных действий. Назначенный Михаилом Фрунзе на пост начальника Главного штаба Красной Армии, Тухачевский являлся идеалом молодого красного командира, закалённого в Гражданской войне. Он верил в массовую индустриальную войну, которую будут вести механизированные силы, созданные сталинской большевистской трансформацией советского общества. То, что Тухачевский делал, было конкретно, насыщено и касалось военных планов, мобилизации, а также стратегии капиталовложений в рамках экономических планов СССР.⁶⁸ Так, будучи жертвой сталинского террора, Тухачевский всё же и после смерти был призван служить советской системе.

Числилась на его счету, конечно, и неоднозначная польская кампания 1920-го г. Эта кампания имела своей целью не только одержать победу над польскими панами, но и подорвать всю версальскую систему и разжечь революцию в Германии. В самых широкомасштабных наступательных действиях большевистского режима до Великой Отечественной войны Тухачевский наголову разбил поляков в Белоруссии и преследовал их до самой Вислы. Но в Варшаве сосредоточившая свои силы польская армия с помощью союзников врзалась во фланг слишком растянутых сил Тухачевского, потеснила советские части, загнала их в восточную Пруссию и одержала победу над Красной Армией. Компромиссный мир с Польшей практически означал, что она в дальнейшем будет рассматриваться как главная угроза Советскому Союзу и на этом будет базироваться секретное сотрудничество между Рейхсвером веймарской Германии и Советским Союзом. Это поражение стало одним из самых важных объектов изучения для Красной Армии в 1920-х гг., и сам Тухачевский участвовал в его критической оценке.⁶⁹ В основном дискутировался вопрос о том, кто был ответстве-

---

⁶⁸ Lennart Samuelson and Vitaly Shlykov. *Plans for Stalin's War Machine: Tukhachevskii and Military-Economic Planning, 1925–1941*. New York, 2000, pp. 4–8. Книга основана на солидном исследовании по советскому военному делу и вкладу Тухачевского в создание модели всеобщей мобилизации общества для войны.

⁶⁹ Jacob W. Kipp. «Two Views of Warsaw: The Russian Civil War and Soviet Operational Art, 1920–1930», in: B. J. C. McKercher and Michael A. Hennesy, eds., *The Operational Art: Developments in the Theories of War*. (West Port, CT: Praeger, 1996), 51–86. См. также: Norman Davies. *White Eagle, Red Star: The Polish-Soviet War, 1919–1920* (New York: St. Martin's Press, 1972); and Jozef Pilsudki. *Year 1920* (London & New York: Pilsudski Institute of London, and Pilsudski Institute of America, 1972).

нен за поражение на Висле. Тухачевский подчёркивал негативную роль Первой Конной Армии под командой Семёна Будённого в этой катастрофе. В августе 1920 г. Революционный Военный Совет перенаправил Первую Конную с Юго-западного фронта на Западный под начало Тухачевского, наступавшего на Польшу. Её удар должен был оттянуть польские войска к Люблину. Вместо этого Первая Конная вела тяжёлые бои под Львовом в нарушение приказа Тухачевского. Из-за этого маневренная угроза польской обороне вдоль Вислы не состоялась. Это стало частью полемики о польской кампании и надолго испортило отношения между Тухачевским и тремя командирами Первой Конной Армии — Будённым, Ворошиловым и Сталиным.⁷⁰

Наряду с Тухачевским, партия, создавая свой новый нарратив развития советского военного искусства в межвоенный период, подняла на щит ещё одного красного командира времен Гражданской войны, руководителя Красной Армии в ранний период НЭПа и крупнейшего теоретика советской военной доктрины, Михаила Фрунзе. Фрунзе был «старым большевиком», одним из тех, кто вступил в ленинскую партию в самый момент её зарождения в 1903 г. В Гражданскую войну он командовал красными силами в Туркестане, а позднее одержал победу над бароном Врангелем в Крыму, что фактически положило конец Гражданской войне. Фрунзе, как и Тухачевский, оказался очень полезен для новой версии советского военного прошлого. Через него советская военная доктрина как бы шла по прямой от Ленина к сегодняшнему дню. Призыв к подготовке к «долгой, упорной, отчаянной войне не на живот, а на смерть» с окружающим буржуазным миром, таким образом, мог исходить и не от сталинистов.⁷¹ Ведь о Фрунзе тоже можно было говорить как о жертве сталинизма, поскольку он умер под ножом хирурга в октябре 1925 г.⁷² Но всего важнее для

---

⁷⁰ Сошников А. Я. и др. Советская кавалерия: военно-исторический очерк. М.: Воениздат. 1984. С. 91–92. О влиянии варшавской кампании на военную мысль межвоенного периода в отношении оперативного искусства см.: Jacob W. Kipp. «Two Views of Warsaw: The Russian Civil War and Soviet Operational Art, 1920–1930», in: B. J. C. McKercher and Michael A. Hennessy, eds., *The Operational Art: Developments in the Theories of War* (West Port, CT: Praeger, 1996), 51–86.

⁷¹ Фрунзе М. В. Единая военная доктрина и Красная армия // Военная наука и революция. 1921. № 2. С. 39.

⁷² Интересна советская трактовка роли Фрунзе как военного теоретика. Генерал М. А. Гареев, например, отмечает в своей книге, что вклад Фрунзе в военную теорию всё ещё актуален, в частности его вклад в развитие оперативного

партии было доказать, что Красная Армия была детищем революции, что она была классовой по своей природе и что между царской армией, которая участвовала в иностранных войнах, защищая интересы правящего класса, и Красной Армией рабочих и крестьян не существовало никакой связи.⁷³ В этом контексте для западных учёных было вполне логично характеризовать советскую военную мысль как нечто самодовлеющее, и даже утверждать, что Михаил Фрунзе был «Красным Клаузевицем».⁷⁴

В этой версии сталинские чистки второй половины 30-х гг. выступали как одна из главных причин советской военной недееспособности накануне войны с нацистской Германией и в начальном периоде войны. Зимняя война с Финляндией обернулась катастрофой. Советское наступление на Польшу и Румынию продемонстрировало наличие множества оперативных проблем, а успехи немцев в Польше и Франции подтвердили мнение Тухачевского, что крупные механизированные формирования способны на ведение глубоких операций. Преобразования только что начались, когда Германия напала на СССР, так что вину за советские поражения в начальный период войны можно было возложить целиком и полностью на Сталина.⁷⁵

искусства и теории «глубоких операций». См.: Гареев М. А. М. В. Фрунзе — военный теоретик. М. 1985. С. 203–205. Гареев, между прочим, говорит ещё и о неподготовленности Красной Армии к ведению оборонных операций в начальный период войны, когда ей пришлось обороняться от внезапного нападения Вермахта (Там же. С. 229–234).

⁷³ Тухачевский М. Н. Стратегия национальная и классовая // М. Н. Тухачевский. Избранные произведения. I, С. 31–50.

⁷⁴ Walter Darnell Jacobs. Frunze: The Soviet Clausewitz, 1885–1925 (The Hague: Martinus Nijhoff., 1969). На самом деле прозвище «Красный Клаузевиц» можно было бы с большим успехом приложить к Ленину. См.: Jacob W. Kipp. «Lenin and Clausewitz: The Militarization of Marxism», *Military Affairs*, XLIX, No. 4 (December 1985), 184–191. Оно подошло бы и к Свечину, который редактировал перевод книги Клаузевица «О войне» в 1934 г., написал биографию Клаузевица как мыслителя и, наконец, опирался во многом на труд Клаузевица «О войне» в своей собственной книге «Стратегия». Но Свечин был противником идей Тухачевского, и последний организовал против него кампанию, заклеившую Свечина как реакционера и классового врага. О Свечине и Клаузевице см.: Jacob W. Kipp. «General-Major A. A. Svechin and Modern War: Military History and Military Theory», *Introductory essay for: Kent Lee, editor, A. A. Svechin, Strategy* (Minneapolis: East View Publications, 1992), p. 51. Свечин о Клаузевице см.: фон Клаузевиц Карл. О войне. М., 1934, а также Свечин А. А. Клаузевиц, М., 1935.

⁷⁵ Этот вариант умалчивает о советском оперативно-стратегическом успехе против Квантунской армии во время контрнаступления у Халхин-Гола в августе

После падения Хрущёва и упрочения зрелого социализма при Брежневе генеральная линия партии в отношении Великой Отечественной войны уже носила значительно менее антисталинский характер, и руководству Сталина всё чаще стали приписывать победу над фашистской Германией. Первым показателем такой перемены послужило то, что в 1967 г. книга Александра Некрича о неподготовленности СССР к нападению Гитлера подверглась идеологической атаке как непатриотичная, и даже антисоветская, после чего книга была запрещена.⁷⁶ Разумеется, Брежнев создал свой собственный культ на основе десантной высадки на Малой Земле, в которой он принимал участие в качестве политрука. В предисловии к 3-му изданию воспоминаний маршала Георгия Жукова, маршал А. М. Василевский, ближайший соратник Жукова и начальник советского Генерального штаба во время войны, говорит, что, по мнению маршала Жукова, «ЦК партии сумел создать Ставку как весьма эффективный и предельно авторитетный орган стратегического руководства ходом военных действий».⁷⁷ Это утверждение не отменяло критику Сталина, но смягчало её и значительно уменьшало негативную роль этой критики в объяснении причин неудач в войне. Это мнение не влияло также на освещение оперативного искусства как выражающегося в форме многофронтовых, механизированных операций, хотя и в новом контексте угрозы возможного использования ядерного оружия. Советские военные исследования теперь сосредоточивались на роли оперативного искусства («в начальный период войны», что в контексте холодной войны означало войну между странами НАТО и Варшавского договора).⁷⁸

Именно в этом контексте появился двухтомный труд Джона Эриксона, посвящённый войне на Восточном фронте, с подза-

---

1939 г. См.: Alvin Coox. *Nomonhan: Japan against Russia, 1939* (Stanford, CA: Stanford University Press, 1985). О дебатах вокруг операции «Барбаросса» см.: Jacob W. Kipp. «Barbarossa, Soviet Covering Forces and the Initial Period of War: Military History and AirLand Battle», *The Journal of Soviet Military Studies*, I, No. 2 (June 1988), 188–212.

⁷⁶ А. М. Некрич. *June 22, 1941* (Columbia, SC: University of South Carolina Press, 1968). О судьбе книги Некрича см.: P. G. Grigorenko. «The Concealment of Historical Truth — A Public Crime», in: P. G. Grigorenko. *The Grigorenko Papers* (Boulder, CO: Westview Press, 1976). Статья Григоренко циркулировала в самиздате во время атак на Некрича.

⁷⁷ Жуков Г. К. *Воспоминания и размышления*. М., 1983. Т. 1. С. 12.

⁷⁸ Иванов С. П. и др. *Начальный период войны: по опыту первых кампаний и операций Второй мировой войны*. М., 1974.

головком «Война Сталина с Германией». Этот труд внёс неоценимый вклад в понимание западными военными специалистами советской стратегии и оперативного искусства. Первый том «Дорога на Сталинград» появился в 1975 г. Второй — «Дорога на Берлин» — в 1983 г. Оба были встречены похвалами в профессиональных журналах за высокую научность и широкий охват. В этом труде Эриксон сосредоточил внимание на советской стратегии и оперативном искусстве. Книга была переиздана издательством Йельского университета в 1999 г. и рекомендована как «наиболее исчерпывающее и авторитетное исследование по теме советско-германской войны».⁷⁹ Единственно, о чём сожалели рецензенты, это об отсутствии карт, наглядно иллюстрирующих военные кампании на территории Советского Союза и Восточной Европы.

Для западных аналитиков и военных настало время пересмотреть свою точку зрения на противника как на серую массу людей и техники и всерьёз заняться изучением советского военного искусства вообще и оперативного искусства в частности. Этого требовали объективные обстоятельства. Ядерный паритет, достигнутый СССР при Брежневе, требовал от НАТО пересмотра стратегии «гибкого реагирования». В то же время первоначальные успехи египетских сил, переброшенных через Суэцкий канал и расстроивших израильский план обороны, продемонстрировали потенциальную роль обычных сил в начальный период войны в Европе между НАТО и Варшавским блоком. Советская модернизация ядерного оружия малой дальности и принятие на вооружение SS-20 требовали дальнейших преобразований роли обычных вооружённых сил в обороне НАТО. При растущей угрозе ядерного удара появился благоприятный момент для манёвренных военных действий. Интересно, что первые успехи в деле пересмотра советской военной угрозы путём анализа советских военных источников были достигнуты в США специалистами военно-морского флота, а не армии.

Изучение советских источников, которое пропагандировали Гартофф и Эриксон, стало общепринятой практикой среди западных специалистов в конце 1960-х и начале 1970-х гг. Роберт Херрик явился пионером таких исследований со своим анализом советской военно-морской стратегии. Хотя в центре внимания

---

⁷⁹ John Erickson. *The Road to Stalingrad*, London: Cassell, 2007; John Erickson, *The Road to Berlin: Stalin's War with Germany, Volume Two*, New Haven, CT: Yale University Press, 1999.

Херрика не оперативное искусство и он весьма далёк от анализа угрозы со стороны Красной Армии в Центральной Европе, его исследование стимулировало изучение советских источников среди широкого круга аналитиков и учёных.⁸⁰ А это в свою очередь сыграло положительную роль в переосмыслении американским военно-морским флотом советской военно-морской мощи и содействовало формулированию военно-морской стратегии 1980-х гг.⁸¹ Дэвид Джонс из Дальхузского университета преследовал именно эту линию в изучении советской военной истории и военной науки, когда создавал ежегодник, «призванный собирать и организовывать в стандартном формате всю основную информацию, относящуюся к советскому военному делу, а также тематические аналитические обсуждения, документацию и библиографию...»⁸²

Приблизительно в это же время интерес к оперативному искусству возник и в американской армии, а также и в армиях других стран НАТО. А это, естественно, повело к более внимательному изучению того, что понимали советские военные под оперативным искусством. Всё это происходило в условиях ядерного паритета, наращивания ядерного арсенала средней дальности и озабоченности наступательными операциями обычных сил СССР, последовавшей за начальными успехами египетских сил против израильской обороны вдоль Суэцкого канала во время войны Судного Дня в 1973 г. Процесс начался с обсуждения Документа FM 100-5, опубликованного TRADOC в 1976 г., и про-

---

⁸⁰ Военно-морской институт первым предоставил форум для таких дискуссий. Инициатива была подхвачена Аналитическим центром военно-морского флота. В результате сформировался дальхузский Морской форум под руководством Майкла МакГауэра, в котором участвовали офицеры военно-морского флота, аналитики и учёные. На тему обработки этой группой советских источников см.: Robert Herrick, *Soviet Naval Strategy* (Annapolis US Naval Institute, 1968); Nicholas George Shadrin. «Development of Soviet Maritime Power» (Washington, DC: Georgetown University, 1972), unpublished dissertation; Kenneth Hagan and Jacob Kipp, «U. S. and U. S. S. R. Naval Strategy,» *Proceedings*, C. No. 11, (November 1973), 37–42; Michael McGwire et al. *Soviet Naval Policy: Objectives and Constraints* (New York: Frederick A. Praeger, 1975); Michael McGwire et al. *Soviet Naval Influence: Domestic and Foreign Influence* (New York: Frederick A. Praeger, 1977).

⁸¹ Christopher A. Ford and David A. Rosenberg. «The Naval Intelligence Underpinnings of Reagan's Maritime Strategy», *The Journal of Strategic Studies*. Vol. 28, No. 2 (April 2005), pp. 379–409.

⁸² David R. Jones, ed. *Soviet Armed Forces Review Annual*. Vol. 1 (Gulf Breeze, FL: Academic International Press, 1977), p. vii.

должался в 1980-х гг. до самого конца холодной войны.⁸³ Питер Вайгор сформулировал задачу в рамках классических понятий «манёвренной войны» и «молниеносной войны». В качестве примера советского наступления на ТВД он привёл советские операции против квантунской армии в августе 1945 г.⁸⁴ Полковник Гланц, один из самых авторитетных специалистов по советской военной истории на Западе, тогда ещё только начинавший свою карьеру, пользовался термином «operational art» (оперативное искусство) в описании ведения советскими вооружёнными силами стратегических операций на ТВД.⁸⁵ Гланц говорил о связи между свечинским определением «оперативного искусства» и тем, что Тухачевский называл «глубокими операциями». Неясно оставалось, каким образом эти понятия соотносятся и где источник, из которого черпал Свечин, разрабатывая понятие оперативного искусства. Возникал ещё и третий вопрос: как случилось, что Свечин вдруг оказался так важен после многих лет забвения и каким образом его «интеллектуальная реабилитация» соотносилась с изменениями в советской оборонной политике при перестройке и гласности.⁸⁶ Вклад Дэвида Гланца в наше понимание связи между советской стратегией и оперативным искусством весьма значителен, так как он, по сути дела, произвёл деконструкцию советского текста истории операций Красной Армии на Восточном фронте, направляя наше внимание на «забытые операции», на месте которых в этом тексте оказывались пустые страницы. Его работа о Ржевской операции 1943 г. заполняет одну из этих пустых страниц.⁸⁷

В целом, трудно переоценить значение перемены интеллектуального климата. Появилась возможность более пристального

---

⁸³ Richard M. Swain. «Filling the Void: The Operational Art and the U. S. Army», in: B. J. C. McKercher and Michael A. Hennessy, eds., *The Operational Art: Developments in the Theories of War.* (West Port, CT: Praeger, 1996), pp. 147–172.

⁸⁴ Peter Vigor. *Soviet Blitzkrieg Theory* (London: Macmillan, 1983).

⁸⁵ David Glantz. *Soviet Ground Doctrine since 1845* (sic) // *Air University Review*, March–April 1983. <http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/aureview/1983/mar-apr/glantz.htm>. См. также: David Glantz. *The Nature of Soviet Operational Art // Parameters*. Spring 1985. P. 63.

⁸⁶ A. A. Kokoshin and V. V. Larionov. *Origins of the Intellectual Rehabilitation of A. A. Svechin*. In: *Svechin. Strategy*, pp. 1–13. См. также: Мясников Виктор. *Как ковалась асимметричность // Независимое военное обозрение*. 17 Октября 2008. С 15.

⁸⁷ David Glantz. *Zhukov's Greatest Defeat: The Red Army's Epic Disaster in operation Mars, 1942*. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 1999.

изучения советской военной истории, теории и военного искусства. А при более внимательном изучении дореволюционной русской армии обнаружилась заметная преемственность между её историей и историей Красной Армии рабочих и крестьян. В области изучения оперативного искусства Брюс Меннинг проследил в деталях эволюцию царской армии с момента поражения в Крымской войне и до момента поражения в Русско-японской войне. Как указывает Меннинг, события войны 1905 г. подготовили почву к тому, что офицеры русского Генерального штаба называли проблемой «современной войны».⁸⁸ В тот же период гласности Дэвид Гланц, сотрудник Института изучения военных действий при Армейском командно-штабном колледже, занялся серьёзным исследованием советских операций в Великую Отечественную войну и опубликовал несколько статей, включая работы о советских десантных войсках и о советском наступлении на Японию в августе 1945 г.⁸⁹ Он продолжал свою исследовательскую работу, участвуя в симпозиумах по различным операциям, организованных Армейским военным колледжем в Карлайле и Отделом по изучению советской армии.⁹⁰ Дэвиду Гланцу принадлежит также инициатива создания «Журнала советских военных исследований», впоследствии «Журнал славянских военных исследований», редактором которого он остаётся

---

⁸⁸ Bruce W. Menning. *Bayonets before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914*. Bloomington, IND: Indiana University Press. 1992.

⁸⁹ David Glantz. *The Soviet Airborne Experience*. Ft. Leavenworth: Combat Studies Institute. 1984. и David Glantz. *August Storm: Soviet Strategic Offensive in Manchuria, 1945* // Leavenworth Paper no. 7. Ft. Leavenworth: Combat Studies Institute, 1983. И: *August Storm: Soviet Tactical and Operational Combat in Manchuria, 1945* // Leavenworth Paper No. 8. Ft. Leavenworth: Combat Studies Institute, 1983.

⁹⁰ David Glantz. 1984 Art of War symposium, *From the Don to the Dnepr: Soviet Offensive Operations — December 1942 — August 1943* / A transcript of Proceedings // Carlisle Barracks, PA: Center for Land Warfare, US Army War College, 26–30 March 1984; 1985 Art of War symposium, *From the Dnepr to the Vistula: Soviet Offensive Operations — November 1943 — August 1944* / A transcript of Proceedings // Carlisle Barracks, PA: Center for Land Warfare, US Army War College, 29–3 May 1985; 1986 Art of War symposium, *From the Vistula to the Oder: Soviet Offensive Operations — October 1944 — March 1945* / A transcript of Proceedings // Carlisle Barracks, PA: Center for Land Warfare, US Army War College, 19–23 May 1986. и David M. Glantz, ed., *The Initial Period of War on the Eastern Front, 22 June — August 1941* // Proceedings of the Fourth Art of War Symposium. Garmisch. October 1987. Cass Series on Soviet Military Experience. Vol. 2. London: Frank Cass, 1997.

и по сей день. Советское оперативное искусство было и остаётся главной темой статей, помещающихся в этом журнале. Гланц оказался одним из самых плодотворных исследователей советских операций в Великую Отечественную войну, который воодушевляет и поддерживает учёных младших поколений как на Западе, так и в России, интересующихся этой темой.⁹¹ Меннинг и Гланц участвовали в создании Отдела по изучению советской армии (SASO), открытого в 1986 г. по приказу командующего TRADOC генерала Вильяма Ричардсона и призванного анализировать открытые советские военные источники. Отдел был создан по модели Научно-исследовательского центра изучения Советского Союза (SSRC) в Кэмберли, который выполнял ту же функцию для Центра разработки боевой командной доктрины великобританской армии.⁹² Директор SSRC Кристофер Доннелли опубликовал исследовательскую работу, посвящённую Красной Армии.⁹³ SASO и SSRC сотрудничали в обработке русских источников и даже в получении доступа к российским военным архивам в период перестройки. Автора же настоящего очерка, как историка, интересовало происхождение оперативного искусства, а также влияние военного опыта царской армии на дальнейшее развитие понятия оперативного искусства.⁹⁴ В то же время его

---

⁹¹ Эти изыскания начались с общей истории войны и постепенно углубились в изучение крупных и малых операций. См. David Glantz and Jonathan M. House. *When Titans Clashed: How the Red Army Stopped Hitler*. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 1995. В числе менее известных операций, о которых говорит Гланц, — операция «Марс» под командованием маршала Жукова. Это повело за собой споры относительно сущности этой операции. Русские военные комментаторы считали «Марс» отвлекающей операцией. См. также: David Glantz. *Zhukov's Greatest Defeat: The Red Army's Epic Disaster in Operation Mars, 1942*. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 1999; и Aleksandr Semenovich Orlov. *Operation Mars: Was It Large Disaster or Part of the Victory at Stalingrad?* http://www.armchairgeneral.com/rkkaww2/battles/mars42_Orlov.htm, accessed 23 December 2008.

⁹² К вопросу о создании SASO и о его первых публикациях см.: Jacob W. Kipp. *FMSO-JRIC and Open Source Intelligence: Speaking Prose in a World of Verse* // *Military Intelligence Professorial Bulletin*. January — February 2006. pp. 45–50.

⁹³ C. N. Donnelly. *Red Banner: The Soviet Military System in Peace and War*. Clousdon, Surrey: Jane's Information Group, 1988.

⁹⁴ Jacob W. Kipp. *Mass and Maneuver and the Origins of Soviet Operational Art*. In: Karl Reddel, ed., *Transformation in Russian and Soviet Military History* // *Proceedings of the Twelfth Military History Symposium*, USAF Academy, 1986. Washington, DC: United States Air Force Office of Air Force History, 1990. Pp. 87–116.

особое внимание привлекала ещё и другая важнейшая тема, изучением которой он занимается уже давно, а именно — военное предвидение и прогнозирование в Советском Союзе.

Оперативное искусство, военная системология и будущая война

О работе в области военного предвидения и прогнозирования, которая вот уже три десятилетия определяется теорией систем и военной системологией, генерал Махмут Гареев справедливо говорит как о сизифовом труде. Теория систем вошла в советскую военную науку как один из важнейших её компонентов, когда в процессе революции в военном деле (РВД) в 1950-х гг. появились баллистические ракеты большой дальности и ядерное оружие. Генерал-майор В. К. Копытко, бывший заместитель начальника Отдела оперативного искусства Академии Генерального штаба, рассматривает весь период от 1954-го и до 1985-го гг. как единое целое, т. е. как период, где главенствующее положение занимают баллистические ракеты и ядерное оружие. Именно в этот период они считаются главным средством уничтожения противника, и одновременно всё яснее осознаётся, что их применение обернётся катастрофой и в оперативном смысле может привести к обратным результатам. Генерал-полковник Адриан Данилевич, бывший заместитель начальника Оперативного управления Генерального штаба 1970-х и начала 1980-х гг., видит это несколько иначе и говорит о 1950–1960-х гг. как о периоде производства ядерного оружия, за которым в 1960–1965 гг. последовала эйфория.⁹⁵ К концу 1950-х гг. Советский Союз под руководством Хрущёва приступил к военно-технической революции, в которой ядерное оружие и баллистические ракеты рассматривались как символ мощи государства. А поскольку Советский Союз в это время переживал демографический кризис в связи с низкой рождаемостью военного времени, эта революция призвана была обеспечить безопасность страны при сокращении численности сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил. Эта военно-стратегическая концепция была изложена в трижды издававшейся в период с 1962 по 1968 гг. «Военной стратегии» маршала

---

⁹⁵ John G. Hines, Ellis M. Mishulovich, and John F. Shull, *Soviet Intentions, 1965–1985 & Soviet Post-Cold War Testimonial Evidence*, Washington, DC & BDM Federal, 1995, pp. 54–55.

В. Д. Соколовского, и центром её являлись ядерные удары как главная характеристика современной войны.⁹⁶

За падением Хрущёва, как говорит Данилевич, последовало и падение с облаков на землю, т. е. осознание нереалистичности применения ядерного оружия, которое продолжалось с 1965 по 1975 г. В этот период Генеральный штаб приступил к рассмотрению возможных вариантов первой, обычной фазы войны между НАТО и Варшавским блоком. Если ещё недавно считалось, что она продлится всего несколько часов, то теперь допускалась возможность, что она затянется на 6–7 дней.⁹⁷ При этом оперативное искусство снова выплыло на поверхность как важная составляющая военного искусства в начальный период войны. Тем не менее ракетно-ядерные силы и средства всё ещё определяли характер будущей войны и расширяли возможности для достижения успеха. Для этого требовалась бóльшая подвижность войск и защитные системы против радиации. Но войска, предназначавшиеся для ведения операций в этих новых условиях, не имели и не могли иметь практического опыта. Специалисты по доктрине и операциям могли создавать военные игры с моделированием операций, но реальное воздействие применения ядерного оружия на ведение операций невозможно было установить путём практического опыта с целью оценки правильности теории и доктрины. Моделирование военного конфликта между НАТО и Варшавским блоком с применением и обычных, и тактических, оперативно-тактических и стратегических ядерных сил и средств представляло непреодолимые трудности.

Советские военные специалисты во главе с генералом-полковником Данилевичем занялись изучением возможности продолжительного обычного начального периода войны между НАТО и странами Варшавского договора.⁹⁸ Происходило это в контексте стратегического ядерного паритета и арсеналов модернизированного тактического и оперативно-тактического ядерного оружия, в частности твёрдотопливных БРСД типа SS-20. В начале 1970-х гг. Генеральный штаб исходил из предположения, что если НАТО применит ЯО первым, то первый удар произойдёт на оборонной линии в Германии, и что НАТО при всех обстоятельствах применит ядерное оружие для обо-

---

⁹⁶ Военная стратегия / Отв. ред. В. Д. Соколовский. М., 1962.

⁹⁷ Hines, Mishulovich, and Shull, pp. 55–56.

⁹⁸ Там же. С. 19–20.

роны Рейнского барьера.⁹⁹ Когда маршал Николай Огарков занял пост начальника Генерального штаба, ожидалось, что фаза военного конфликта между НАТО и Варшавским блоком с применением обычных средств поражения продлится 5–6 дней. К 1979 г. Генеральный штаб предполагал, что обычная фаза стратегической операции распространится на Францию. А к 1980–1981 гг. Генеральный штаб уже был убеждён, что эта война будет вообще неядерная. И основывалось это убеждение на понимании, что применение ядерного оружия не достигнет желаемых оперативных результатов, но приведёт к катастрофе.¹⁰⁰ Генеральный штаб пришёл также к выводу, что тактическое, оперативно-тактическое и стратегическое наступление, основанное на модернизированной концепции глубоких операций может быть эффективным в случае войны между НАТО и Варшавским блоком. Такая альтернатива не исключала возможности применения тактического и оперативно-тактического ядерного оружия, но подразумевала, что НАТО первым применит его. Моделью для операции с обычными средствами поражения служило маньчжурское стратегическое наступление, но опять же подразумевалось, что НАТО нападёт первым, а Варшавский блок немедленно перейдёт в контрнаступление с целью окружить и уничтожить значительную часть сил НАТО и переправиться через Рейн, что, как считалось, вынудит НАТО первым применить тактическое ядерное оружие.¹⁰¹

Начиная с 1979 г. Генеральный штаб приступил также к рассмотрению проблемы контроля эскалации после применения ядерного оружия и выдвинул идею прекращения применения ядерного оружия в ходе войны. Считалось, что для достижения решающего результата советская обычная стратегическая операция должна будет опираться на превосходство в численности сил и количестве материалов. Данилевич признаёт, что в Великой Отечественной войне советская сторона выиграла не потому, что её генералы и солдаты были лучше немецких, а потому, что у неё было намного больше самолётов, танков, артиллерий-

---

⁹⁹ Для получения представления о том, как преподавалась в 1970-х гг. ТВД-стратегическая операция зарубежным офицерам в Академии Генерального Штаба им. Ворошилова, см. Ghulam Dastagire Wardak, *The Voroshilov Lectures: Materials from the Soviet General Staff Academy*, Vol. I, Washington, DC: National Defense University Press, 1989, pp. 257–313.

¹⁰⁰ Hines, Mishulovich, and Shull, p. 23.

¹⁰¹ Там же. С. 24. Западный анализ такой альтернативы можно найти в P. H. Vigor. *Soviet Blitzkrieg theory*, Hong Cong: The MacMillan Press, 1985, pp. 183–205.

ских орудий и солдат.¹⁰² В войне с НАТО при общем обычном наступлении Советский Союз смог бы выставить 40 000 танков в эшелоне за эшелон, а в конце войны их осталось бы не более 5 000. К началу 1980-х гг. ГРУ уже знало о качественных улучшениях в тактических и оперативно-тактических ядерных средствах США (крылатые ракеты наземного базирования и Першинг II), а также принятии на вооружение высокоточного оружия в комбинации с новыми механизмами управления силами и средствами. Очевидно было, что США стремились противопоставить советскому количественному превосходству качественное превосходство обычных средств поражения. В связи с этим в Советском Союзе назрела необходимость размышлений по поводу выбора стратегии, основанной на трезвой оценке возможной будущей войны, с одной стороны, и материальных средств, имеющихся в наличии для подготовки к войне и для её ведения, — с другой. Маршал Огарков относился серьёзно к роли Генерального штаба как мозга армии, постоянно озабоченного меняющимся характером будущей войны. Как начальник Генерального штаба маршал Огарков ратовал за РВД, прежде всего в обычных вооружённых силах, включая автоматизированную систему военного управления, информатизационные технологии, высокоточное оружие и оружие, основанное на новых принципах физики.¹⁰³ Он также выдвигал идею профессионализации вооружённых сил, больший контроль Генерального штаба над разработкой новых видов вооружения и изменений в структуре вооружённых сил, включая упразднение ПВО страны. Для противодействия возникающим новым тактическим и оперативно-тактическим ядерным и обычным средствам поражения Огарков принимал предложенную Гареевым концепцию «оперативной манёвренной группы». Высокая манёвренность специально созданных бригад позволила бы осуществлять прорывы и рейды на оперативном уровне и создавала бы трудности для противника в осуществлении контрударов.¹⁰⁴

Но Генеральный штаб подчинялся Министерству обороны. Возражения Генерального штаба против ввода советских войск

---

¹⁰² Hines, Mishulovich, and Shull, p. 25.

¹⁰³ Jacob W. Kipp. «The Labor of Sisyphus: Forecasting the Revolution in Military Affairs during Russia's Time of Troubles». In Thierr Gongora and Harold von Rieckhoff, eds. *Toward a Revolution in Military Affairs?* Westport, CT: Greenwood Press, 2000, pp. 87–104.

¹⁰⁴ Hines, Mishulovich, and Shull, pp. 72–73.

в Афганистан в 1979 г. были игнорированы. Новые тенденции повлекли за собой новые серьёзные сомнения в желательности или даже необходимости завладения стратегической инициативой и ведения наступательных операций в начальный период войны. Обсуждая советское стратегическое управление войсками в послевоенный период, Андрей Кокوشин подчеркнул «окаменение» системы управления под руководством Министерства обороны, ответственного за формирование и подготовку оперативных объединений, соединений и частей. В таком контексте Генеральный штаб терял свою функцию «мозга армии». Между начальником Генерального штаба маршалом Николаем Огарковым, который ратовал за РВД, и министром обороны маршалом Дмитрием Устиновым возник конфликт.

В советских размышлениях того периода о возможном характере будущей войны налицо главенство стратегии над оперативным искусством и в то же время осознание того, что оперативное искусство — это не просто подготовка к ведению наступательных операций в начальный период войны. Советские аналитики этого времени, включая сотрудников ГРУ, занимались анализом последствий радикальных изменений в формулировке стратегии США. Администрация Рейгана начала поговаривать о «ранней победе в затяжной обычной войне»,¹⁰⁵ что, как многие верили, радикально меняло характер мобилизации в США в случае войны. Производство и боеготовность обычного высокоточного ударного оружия создавало возможность массированного огня, способного сокрушить развёрнутые в передовом районе войска противника, оснащённые обычным вооружением, и подорвать его операции в начальный период войны. США постепенно переходили от массового производства систем обычного оружия, таких как, например, танки, к массовому производству «систем высокоточного оружия обнаружения и поражения». Это радикально повлияло на ведение обычных оперативных манёвров. Под вопросом оказалась сама система мобилизации для массовой индустриальной войны, которую Советский Союз ввёл в 1930-х гг., усовершенствовал в период Великой Отечественной войны и которой продолжал придерживаться в течение всей холодной войны, даже когда ядерное оружие стало стержнем национальной стратегии обеих сторон.

По мере того, как западная военная мысль вновь обращалась к роли обычных сил в начальный период войны, в Советском Союзе

---

¹⁰⁵ Ларионов В. В. и др. Эволюция военного искусства: этапы, тенденции, принципы. М., 1987. С. 234–245.

сотрясались самые основы концепции оперативного искусства.¹⁰⁶ Новые идеи, выдвинутые Ларионовым и Кокوشيным, о которых говорилось выше, отражали принципиальное переосмысление стратегической обстановки, в которой отныне должны были действовать советские вооружённые силы. Политическим контекстом предложения Ларионова и Кокوشина было снижение уровня военно-политического противостояния между НАТО и Варшавским пактом и демилитаризация холодной войны. Они пытались восстановить связь между политикой, стратегией и оперативным искусством в необычайно трудный момент национальной истории. Генерал-майор В. В. Ларионов и А. А. Кокшин выдвигали доктрину достаточной обороны, пользуясь Курской битвой как примером возможности асимметричного ответа на угрозу наступательной операции противника. Ларионов, Кокшин и генерал Владимир Лобов вновь вынесли на рассмотрение советской военной науки и советской общественности свечинское понимание стратегии.¹⁰⁷

При гласности в СССР появилась возможность последовательного заполнения пробелов в советской истории. Можно было говорить о том, какой ценой досталась Советскому Союзу победа в Великой Отечественной войне, и ставить под сомнение целесообразность наступательных боевых действий в массовой индустриальной войне в контексте ядерного паритета и революции в обычных боевых средствах и силах. Такая критика подрывала авторитет советских Вооружённых сил и подвергала сомнению идеологию, институты и ценности советской системы и привела к тому, что генерал Одом охарактеризовал как распад советской военной системы и, в конечном счёте, всей советской системы в целом.¹⁰⁸

Здание советского оперативного искусства, тщательно возводившееся сталинским режимом в процессе подготовки к то-

---

¹⁰⁶ Шлыков Виталий. Что погубило Советский Союз? Генштаб и экономика // Военный вестник, № 9. Сентябрь 2002. С. 64–93. См. также: Jacob W. Kipp. The Changing Soviet Strategic Environment: Soviet Military Doctrine, Conventional Military Forces, and the Scientific-Technical Revolution in Military Affairs. In: Carl Jacobsen et al, eds. Strategic Power: USA/USSR. London: Macmillan, 1990. С. 435–456.

¹⁰⁷ См. статьи Ларионова, Кокوشина и Лобова в: А. А. Svechin. Strategy, Minneapolis, MD: East View Publications, 1992. См. также: Andrei Afanasievich Kokoshin. Soviet Strategic Thought, 1917–1991, Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, 1998.

¹⁰⁸ William E. Odom. The Collapse of the Soviet Military. New Haven, CT.: Yale University Press, 1998, pp. 388–404.

тальной войне, не устояло перед лицом качественных изменений характера будущей войны, которая из индустриальной превращалась в войну, основанную на информации и управлении. Это создавало проблемы для партийного контроля, проблемы, которые Леонид Брежнев не хотел, да и не мог разрешить. Виталий Шлыков указывает на то, что Сталин создал уникальную систему для подготовки промышленности к военной мобилизации. Но именно она же, как подчёркивает Шлыков, в конечном счёте и погубила Советский Союз — он пал не в войне, а под бременем непрерывающейся подготовки к войне на всех фронтах и всеми средствами.¹⁰⁹ Советское политическое руководство периода застоя и последовавшего за смертью Брежнева междуцарствия очень медленно реагировало на системный кризис. Оно не смогло вовремя принять необходимые шаги. В стране, где всё делалось, якобы, в согласии с долгосрочным, рациональным, централизованным планированием, вдруг всплыли на поверхность все недостатки «развитого социализма». Н. Н. Моисеев, бывший начальник Вычислительного центра РАН и ведущий специалист в области советского военного моделирования, отмечает, что идеологический догматизм, карьеризм и бюрократическая волокита препятствовали своевременному и эффективному ответу на вызовы эпохи. Командная система, которая функционировала в период сталинской индустриализации, Великой Отечественной войны и даже в ядерную и космическую эру, новым вызовам не соответствовала.¹¹⁰ Кибернетика и создание информационного общества ставили такие задачи, которые сталинская модель, даже в её наименее репрессивном варианте, никоим образом не могла разрешить. Количество не переходило в качество, и с его помощью нельзя было ни выиграть войну, ни руководить народным хозяйством и обществом.

С распадом СССР в 1991 г. исчезла также и мобилизационная база для индустриальной войны. Генеральный штаб продолжал изучать эволюцию военного искусства и размышлять о характере будущей войны. В основном эти размышления сосредоточиваются на характере угрозы против России и способности национальной экономики приспособиться к информатизации войны.¹¹¹ Военная системология стала неотъемлемой частью общих сис-

---

¹⁰⁹ Vitaly Shlykov, «Fatal Mistakes of the U. S. and Soviet Intelligence: Part One», *International Affairs*, Vol. XLII, Nos. 5/6, 1996, pp. 158–177.

¹¹⁰ Моисеев Н. Н. Социализм и информатика. М., 1988. С. 62 и сл.

¹¹¹ Гареев Махмут А. и Слипченко Владимир. Будущая война. М. 2005.

темных исследований ещё в Советском Союзе. Дискуссии о философском обосновании системологии вырастали из интеграции теории систем, кибернетики и диалектического материализма.¹¹² Распад Советского Союза не повёл за собой отрицания русскими системологами диалектического материализма как философской основы системных исследований. Такой подход позволяет разработку систем в контекстуальных параметрах и анализ сложных самоорганизующихся систем. «Представляется перспективной также разработка идеи создания прикладной диалектики как высшего формально-логического аппарата теории систем и теории управления».¹¹³ За последние два десятилетия автор неоднократно исследовал попытки русских военных специалистов сформулировать убедительную концепцию будущей войны, на основе которой можно было бы заниматься строительством вооружённых сил и их вооружением. В своей первой исследовательской работе по этой теме автор пришёл к выводу, что гегемония коммунистической идеологии препятствовала свободному доступу теории систем и системологии к изучению будущей войны.¹¹⁴ После распада Советского Союза у русских системологов появились широкие возможности в смысле применения теории систем к военному предвидению и прогнозированию, но политическое руководство было слишком занято политическими, экономическими и социальными преобразованиями, а также изысканием возможностей сокращения военного бюджета, чтобы уделять внимание проблемам будущей войны.¹¹⁵ Свалившаяся на голову России война в Чечне в целом не принесла никаких изменений в смысле понимания ельцинской администрацией необходимости исследований в этой области, поскольку правительство считало, что после окончания холодной войны международная обстановка не чревата никакими угрозами для интересов России. Россия, по мнению правительства, достигла стратегического партнёрства

---

¹¹² Гвишиани Д. М. Диалектико-материалистический фундамент системных исследований / Философские аспекты системных исследований // Труды философского методологического семинара под ред. Д. М. Гвишиани. М., 1980. С. 3–9.

¹¹³ Карташев В. А. Система систем. Очерки общей теории и методологии. М., 1995. С. 398.

¹¹⁴ Jacob W. Kipp. Foresight and Forecasting: The Russian and Soviet Military Experience. College Station, Texas: Center for Strategic Technology Stratech Studies, 1988, p. 262.

¹¹⁵ Jacob W. Kipp. «The Nature of Future War: Russian Military Forecasting and the Revolution in Military Affairs, a Case of the Oracle of Delphi or Cassandra?» The Journal of Soviet Military Studies, Vol. 9, No. 1, March 1996, pp. 1–45.

с Соединёнными Штатами, а НАТО в своих отношениях с Россией принимало в расчёт её опасения. Российские войска вместе с силами НАТО принимали участие в IFOR и SFOR в Боснии и Герцеговине. Ситуация радикально изменилась, когда НАТО вмешалось в конфликт в Югославии на стороне Косово, подвергнув Сербию авианалётам с целью принудить президента Сербии Милошевича вывести сербские войска из Косово. Эта кампания разрушила иллюзии российского правительства относительно партнёрства с НАТО и повела к осознанию политическим руководством важности изучения проблем будущей войны.¹¹⁶

С приходом к власти Владимира Путина оборона заняла приоритетное место, и определение характера будущих конфликтов, к которым России необходимо было готовиться, стало рассматриваться как актуальная и насущная проблема. Вмешательство НАТО в югославский конфликт путём бесконтактного принуждения с помощью авиации и применения высокоточной системы обнаружения и поражения целей стало восприниматься, как угроза России в случае новой войны в Чечне. Ответные действия со стороны России не замедлили последовать. В июне российские десантники были переброшены из Углевца на Приштину, и в том же месяце состоялось первое крупномасштабное стратегическое учение со времени окончания холодной войны «Запад-99». Оно проводилось по сценарию отражения западной агрессии, в котором НАТО нападает на Беларусь с территории Балтийских стран, и Россия, понеся поражения в обычной обороне, прибегает к первому удару нестратегическими ядерными средствами с целью деэскалации конфликта.¹¹⁷

В работах о будущей войне периода, предшествующего 1999-му г., были намечены основные темы, которые разрабатывались в последующее десятилетие. В середине 1990-х гг. вышел основополагающий труд генерала Гареева, по выходе в отставку ставшего основателем и первым президентом российской Академии военных наук. В этой книге Гареев утверждает, что возможность ядерной или всеобщей обычной войны маловероятна, хотя исключить её полностью нельзя. Наиболее

---

¹¹⁶ Jacob W. Kipp. «The Russian Armed Forces, the Draft Military Doctrine, and the Revolution in Military Affairs: the Oracle of Delphi and Cassandra Revisited», in: Michael H. Crutcher ed., *The Russian Armed Forces at the Dawn of the Millennium*, 7–9 February 2000, Carlisle, PA: Center for Strategic Leadership, 2001, pp. 324–334.

¹¹⁷ Jacob W. Kipp. «Russian Non-Strategic Nuclear Weapons», *Military Review*, Vol. 81, No. 3, May-June 2001, pp 27-38.

распространёнными и опасными Гареев считает локальные конфликты и войны, которые могут перерасти в региональные конфликты. С точки зрения Гареева, предвидение характера вооружённой борьбы будущего подобно сизифову труду — оно неизбежно, трудно и должно постоянно пересматриваться по мере изменения международной обстановки, эволюции военных технологий (которая, как он считает, идёт ускоренными темпами) и перемены внутривосточного и экономического климата. После холодной войны характер применения военной силы становится всё более многовариантным, в нём всё больше сочетаются прямые и не прямые действия, с возрастающим значением последних, и он всё больше отражает стратегические интересы мощных морских держав.¹¹⁸

Генерал-майор Владимир А. Слипченко, по выходе в отставку занявший пост вице-президента Академии военных наук, сосредоточивает своё внимание на уроках, извлечённых из операции «Буря в пустыне», и рассматривает эту операцию как предвестника вооружённых конфликтов будущего, характер которых будет определяться РВД. Военные действия, как он полагает, станут нелинейными, бесконтактными, с применением ударов по глубине обороны противника высокоточными ракетами как средства наступательного сдерживания. Слипченко считает, что положение, когда только одна доминирующая держава обладает большим арсеналом такого оружия, временно, что совершенствование технологий для «войны шестого поколения» будет продолжаться не одно десятилетие и они будут приняты на вооружение другими великими державами. Работа Слипченко вышла в свет в 1999 г., и впоследствии он утверждал, что военные планы НАТО подтвердили его прогноз.¹¹⁹ В отличие от западных экспертов, обсуждавших войну четвёртого и пятого поколений, Слипченко говорил о войне шестого поколения, корни которой он находил в ядерной войне, т. е., по его мнению, в войне пятого поколения. Слипченко также отмечал, что последствия поражения высокоточным оружием в войне шестого поколения будут мало чем отличаться от последствий ударов ядерного оружия, иначе говоря, разницы между новейшим обычным оружием и новейшим ядерным оружием практически не будет.¹²⁰ Слипченко видел в этом большой риск,

---

¹¹⁸ Гареев М. А. Если завтра война?.. (Что изменится в характере вооружённой борьбы в ближайшие 20–25 лет). М., 1995.

¹¹⁹ Слипченко Владимир А. Война будущего. М., 1999. С. 35–46.

¹²⁰ Там же. С. 157–207.

т. к. это может подорвать сдерживание и привести к тому, что другие государства, от которых требуют разоружения под угрозой новейшего обычного оружия, будут искать путей приобретения ядерного оружия.

Контр-адмирал В. С. Пирумов, специалист по радио-электронной борьбе, уже ранее отмечал влияние новейших систем высокоточного поражения и радиоэлектронной борьбы на морские бои во время Фолклендского конфликта.¹²¹ После выхода в отставку он стал инициатором создания секции геополитики и безопасности Российской академии естественных наук. Пирумов писал о применении высокоточного оружия, автоматизированного управления и электронной борьбы во время операции «Буря в пустыне».¹²² Он опубликовал множество работ по информационной борьбе как важнейшему средству обеспечения национальной безопасности.¹²³ При президенте Ельцине Пирумов был председателем Научного совета при Совете безопасности. Как таковой он участвовал в работе по обеспечению национальной безопасности, основанной на системном подходе. Эта работа представляла собой крутой поворот в сторону от советского опыта и отталкивалась от систем национальной безопасности других стран. Проект предусматривал привлечение соответствующих правительственных и неправительственных структур к работе по формулированию политики обеспечения национальной безопасности и созданию методов анализа международной обстановки и национальных интересов РФ. Продукт эры стратегического партнёрства, этот проект отражал сравнительно умеренные взгляды на международные системы и внешние угрозы безопасности России.¹²⁴

Больше всех озабочен был эволюцией оперативного искусства в условиях РВД военный писатель генерал-майор Виктор Рябчук, ветеран Великой Отечественной войны и профессор оперативного искусства в бывшей Общевоинской академии им. Фрунзе. Рябчук искал путей применения военной сис-

---

¹²¹ Пирумов В. С. и Червинский Р. А. Радиоэлектроника в войне на море. М., 1987. С. 77.

¹²² Пирумов В. С. О некоторых итогах и последствиях применения систем и средств разведки, управления и РЭБ в боевых действиях в зоне Персидского залива // Геополитика и безопасность. № 2, 1994. С. 81–84.

¹²³ Vladimir Pirumov. «On the Concept of Russia's National Security», Russian Executive and Legislative Newsletter, No. 9, 1995, p. 15.

¹²⁴ Абдурахманов М. И., Барিশполец В. А., Манилов В. Л. и Пирумов В. С. Основы национальной безопасности России. М., 1998.

темологии к оперативному искусству в эпоху высокоточного оружия.¹²⁵ Он подчёркивал возрастающую роль управления знаниями в военном управлении и говорил о том, что каждый командир обязан иметь и практические навыки в управлении боевыми действиями, и способность управлять информацией для обеспечения системного понимания обстановки, своих сил и сил противника. Это позволяет эффективно использовать силу против наиболее важных подсистем противника и добиваться поражения врага без его сокрушения.¹²⁶ Подход Рябчука не принимает в расчёт постмодернистского нарратива, но тем не менее строится на создании жёстких математических моделей сложных систем и требует, чтобы командир имел необходимые знания, чтобы их понимать и применять.¹²⁷

В последние годы системологии отводится значительное место в военной науке. Дискуссии относительно характера будущей войны продолжаются, и их влияние сказывается на направлении в строительстве силовых структур и развитии технологий.¹²⁸ Термин «войны шестого поколения» часто употребляется, когда говорят о возможных будущих трансформациях войны.¹²⁹ Адмирал Иван Капинец отталкивается от него, характеризуя развитие военно-морской науки в XXI веке и ратуя за «военно-морской флот шестого поколения».¹³⁰ Существуют, однако, довольно значительные разногласия в вопросах бесконтактной войны, и некоторые критики предостерегают против слишком одностороннего упора на системы высокоточного ударного оружия.¹³¹ Оживлённые научные дискуссии о роли военной системологии в военной науке продолжаются, и все стороны в общем сходятся во мнении относительно её пользы. При этом отмечается необходимость

---

¹²⁵ Рябчук В. Д. и др. Элементы военной системологии применительно к решению проблем оперативного искусства и тактики общевойсковых объединений, соединений и частей. Военно-теоретический труд. М., 1995.

¹²⁶ Рябчук В. Д. Теория управления боем. Научоведческие и методические аспекты. М., 2001. С. 42–54.

¹²⁷ Рябчук В. Д. Элементы военной системологии сухопутных войск: Управление, эффективность, интеллект. М., 2001. С. 269–278.

¹²⁸ Makhmut Gareev and Vladimir Slipchenko. Future War (Ft. Leavenworth, KS: Foreign Military Studies Office), 2007.

¹²⁹ Кужилин Владимир. Войны шестого поколения // Армейский сборник. № 11, 2002. С. 78.

¹³⁰ Капинец Иван. Военно-морская наука и современность // ВПК. № 12. Декабрь 2004.

¹³¹ Подсобляев Е. Ф. Спорные вопросы бесконтактных войн // Военная мысль. № 2. Февраль 2006. С. 24–33.

единого подхода к военной системологии и информатизации вооружённых сил.¹³²

Рябчук продолжает вести дискуссии о применении военной системологии к прогнозированию будущего конфликта, который он характеризует как интеллектуально-информационное противоборство. Он призывает принять во внимание военную системологию при формулировании военной доктрины, которая для России, как и в прошлом для Советского Союза, по-прежнему сосредоточивается на общих вопросах подготовки к войне и ведения войны. В своей последней книге Рябчук и его соавтор (его сын) обсуждают проблемы, связанные с ролью военной доктрины, как в истории, так и в современных условиях. Они указывают на важность системного подхода к оценке международного положения, национальных интересов, угроз, а также средств национальной обороны. Они рекомендуют производить периодические пересмотры доктрины с целью принятия на вооружение новейших изменений в этих системах. Военная доктрина, по их мнению, наиболее верный путь к победе. Авторы снова подчёркивают, что современная война — это интеллектуально-информационная борьба, которая требует от командиров и политических деятелей понимания моделирования конфликта.¹³³ В. Д. Рябчук утверждает, что военная системология является основой для разрешения проблем прогнозирования в условиях интеллектуально-информационного противоборства.¹³⁴

Эта полемика представляет собой концепцию оперативного искусства и военного искусства, модернизированную на базе системной военной науки, имеющей дело со сложными самоорганизующимися системами. Необходимо, чтобы эта полемика стала частью ведущихся в США дискуссий об анализе системы систем, об операциях по воздействию (effects-based operations), о системном планировании на уровне операций и кампаний. Недостаток внимания в США к работам русских специалистов в этой области отражает возрастающую в США тенденцию к сужению фокуса на исключительно американском военном анализе и американ-

---

¹³² Голубев Ю. Н. и Каргин В. Н. Военная системология и военная информатизация: единство концептуальных подходов // Военная мысль. № 6. Июнь 2006. С. 75–80.

¹³³ Рябчук В. Д., Рябчук А. В. Военная доктрина: Путь к победе. М., 2005. С. 59–92.

¹³⁴ Рябчук В. Д. Проблемы военной науки и военного прогнозирования в условиях интеллектуального противоборства // Военная мысль. № 5. Май 2005. С. 67–76.

ской военной теории, которые со времени окончания холодной войны превращаются во всё более закрытую, самодостаточную систему. Обзоры работ зарубежных специалистов редки, да и сами работы редко переводятся на английский язык. Это находится в прямом противоречии с интересом к зарубежной военной теории во всём остальном мире. Достаточно заглянуть в книжный магазин Народной Освободительной Армии в Пекине, чтобы убедиться в наличии книг зарубежных специалистов. Китай известен своими переводами и изданием работ русских военных специалистов по РВД, включая работу В. Слипченко о войнах шестого поколения.¹³⁵ В свете вышеизложенного не лишено вероятности, что именно нашей живучей тенденцией к стратегическому этноцентризму, нашей склонностью к игнорированию плодотворного и самобытного осмысления проблем войны в других странах объясняются наши постоянные трудности в достижении стратегического успеха в войнах нашей эпохи. Мэри Фицджеральд, крупнейший американский аналитик, наглядно доказала, что изучение идей русских и других зарубежных специалистов о войне нам необходимо и что, более того, игнорировать этих авторов попросту опасно.

*Авторизованный перевод с английского
Майи А. Купп*

---

¹³⁵ Слипченко В. Войны шестого поколения. Пекин, 2004 (The World New Military Revolution Series).

Н. М. МЕЖЕВИЧ, А. М. ГРОЗОВСКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЭСТОНИИ
1987–1992 ГГ. КАК ПРЕДПОСЫЛКА
ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ
И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ СТРАНЫ

Около 20 лет назад прекратило свое существование мощное государство, обладающее значительным экономическим и демографическим потенциалом, всеми современными системами вооружения, авторитетом на международной арене, членством в Совете Безопасности ООН. За прошедшее время стали доступны многие документы прошедшей эпохи, вышли десятки монографий и сотни статей, в которых, так или иначе, делается попытка выявления причин распада СССР. Объяснять это постимперской ностальгией некорректно. Не получив четкого ответа на вопрос о причинах распада СССР, мы рискуем повторением деструктивных процессов прошлого. Следует учитывать и то, что Россия тоже федеративное государство, подверженное сепаратистским тенденциям, в силу этого исчерпывающий анализ всех факторов распада СССР имеет ключевое значение для национальной безопасности России. Вопрос о «балтийском факторе» в распаде СССР исследован мало, между тем он имел не последнее значение в распаде СССР.

С нашей точки зрения, ключевые события, связанные с распадом СССР, связаны именно с ситуацией в Литве, Латвии и, конечно же, в Эстонии. Именно здесь окончательно показала себя неспособность союзного центра решить проблему реформы государственного устройства. Вместе с тем следует отметить, что

распад СССР нельзя полностью объяснять эффективностью или неэффективностью политики Москвы. Роль Эстонии, Латвии и Литвы в распаде СССР значима, но не исследована в должной степени.

В национальном вопросе СССР горбачевской эпохи постоянно колебался между неумелыми проявлениями «великодержавной» силы и либеральной слабости. Но и «великодержавная» сила, и «либеральная» слабость возможны лишь в рамках одной четкой программы действий. В 1985–1991 гг. ее не было.

Эксперты часто говорят о том, что распад СССР начался с событий в Казахстане, Фергане, с Закавказья. Это справедливо лишь отчасти. В указанных регионах, как правило, происходили межнациональные конфликты, сопровождаемые насилием титульной национальности в отношении мигрантов, как правило, не связанные с попыткой выхода из состава СССР. Лишь очередная неспособность Москвы решить большинство проблем в сфере межнациональных отношений действительно способствовала развитию сепаратизма на юге.

Существует еще одна причина, актуализирующая обращение к данной проблематике. Речь идет о специфике российско-эстонских межгосударственных отношений. С нашей точки зрения, трактовка эстонской политики по отношению к России как иррациональной ошибочна и основывается лишь на поверхностном знакомстве с проблемой. На самом деле все основные предпосылки современной внешней политики Эстонии заложены именно в период борьбы за независимость и базируются на четком целеполагании и тщательном анализе баланса политических и экономических дивидендов, анализе политической истории XX века и долгосрочных тенденций мирового политического и экономического развития. В отличие от США и России, где существует определенное увлечение подготовкой различных доктрин, стратегий и концепций, в Эстонской республике подобная практика не приветствуется, и в силу этого на доктринальном уровне анализировать внешнюю политику Эстонии сложно.

Движение республик Прибалтики к независимости проходило в соответствии с классическими правилами политического торга. Нельзя не отметить высокий профессионализм политиков и общественных деятелей Прибалтики, умело использовавших все внутренние и международные возможности для обретения полной государственной независимости. Особо эффективным оказался эстонский путь к независимости, самый бескровный и наиболее успешно оформленный в правовом отношении.

Важно отметить и то, что основными движущими силами в борьбе за независимость в Средней Азии и Закавказье стала оппозиция, не интегрированная во властные структуры. В Прибалтике, и особенно в Эстонии, ситуация развивалась по иному сценарию. Центр не заметил того, что именно законно избранные органы власти еще советской Эстонии, и прежде всего Верховный Совет, правительство республики, Коммунистическая партия Эстонии, а затем одна из двух КПЭ, сами начали движение к политико-правовому и экономическому оформлению независимости. При этом максимально использовались законодательство СССР и просчеты центральной власти, а затем и двух «центральных» властей. Причем это движение было медленное, постепенное, но сугубо последовательное.

Рассматривая эстонский путь к независимости, мы прежде всего сталкиваемся с проблемой периодизации. Отметим, что в научной литературе до настоящего времени вопрос о периодизации не ставился. Есть лишь одна работа, написанная А. Парком, который проанализировал переломные моменты краха советской системы в Эстонии. Парк различает следующие стадии распада системы: «революция сверху» в 1985 г. (первые «вспышки» которой, по мнению Парка, были инициированы Москвой); восстание интеллигенции в 1986 г. (через которое он определяет социальный контекст первых инициатив); воссоздание национальных символов в 1987 г. (демонстрация в День Памяти, маркирующая начало народной мобилизации); и, наконец, массовое оппозиционное движение и переориентация правящей элиты между 1988-м и 1990-м годом.¹ Такой подход возможен, но в 1985-м и 1986-м годах в Эстонии, как, впрочем, и в СССР, никаких восстаний не было. С оценкой событий 1987 следует полностью согласиться, однако крах системы завершился не в 1990-м, и даже не в 1991 году, а в 1992 году, о чем будет написано далее.

В связи с вышеизложенным предлагается следующий подход:

1-й период. 23 августа 1987 года — 17 июня 1989 года.

2-й период. Июнь 1989 — март 1990 года.

3-й период. Март 1990 — октябрь 1992 года.

Начало первого периода можно диагностировать достаточно четко. 23 августа 1987 года в центре Таллина прошел митинг,

---

¹ Park, A. Turning-points of post-communist transition: Lessons from the case of Estonia. In: Proceedings of the Estonian Academy of Sciences 44/3. Tallinn: Estonian Academy Publishers, 1995, pp. 323–332.

связанный с очередной годовщиной советско-германских договоренностей 1939 года. Это событие отмечено как ключевое в процессе борьбы за независимость во многих работах.² В отличие от предшествующих годовщин, противодействия организаторам митинга оказано не было. Предполагать, что КГБ ЭССР было не в курсе предполагаемых событий, организованных диссидентами, вышедшими на свободу при М. С. Горбачеве, и некоторыми представителями творческой интеллигенции, нет оснований, равным образом было бы ошибкой предполагать самостоятельность республиканского руководства при выборе формы реакции на готовящееся мероприятие. С этого мероприятия началась консолидация наиболее радикальных элементов в формирующейся политической элите Эстонии. Пройдя многочисленные трансформации, о которых будет написано далее, организаторы митинга и их последователи и идеологические соратники прочно и надолго захватят эстонский политический олимп.

Еще одно важное событие связано с возникновением в 1986–1987 гг. общества охраны памятников старины (Eesti Muinsuskaitsetselets) (EMS) — первой массовой общественной организации. Идея создания Общества зародилась на встречах краеведческих клубов Эстонии в конце 1986 — начале 1987 г. Однако съезд организации состоялся только 12 декабря 1987 г. Был утвержден устав и избраны председатель — Тривими Веллисте и ответственный секретарь — Кюлло Арьякас. Возникновение данной организации укладывается в общий тренд общественного развития в СССР. В это же время в Ленинграде возникает общественное движение аналогичного характера. Однако если в Ленинграде активисты действительно займутся охраной городской среды, то в Эстонии Общество сформировалось с изначально политическими задачами.

11 сентября 1988 года на Певческом поле председатель общества охраны памятников Т. Веллисте озвучил идею полной независимости Эстонии. В дальнейшем на базе этой организации возникнут наиболее радикальные политические структуры, выступающие за немедленную реализацию идеи полного суверенитета и наиболее жесткие версии законов о гражданстве и языке.³

---

² Кирх А. В. Карта политических сил в Эстонии // Социологические исследования № 12. 1990; Варес П., Осипова О. Похищение Европы, или Балтийский вопрос в международных отношениях XX века. Таллинн. 1992.

³ Речь идет о Конгрессе граждан и партии национальной независимости Эстонии, а в дальнейшем — о партии Союз Отчезства и (Isamaa ja Res Publica

Так при широком участии активистов общества охраны памятников старины в 1988 г. создана первая политическая партия — Партия национальной независимости Эстонии.

Предшественницей ПННЭ также можно считать Эстонскую группу за обнародование пакта Молотова-Риббентропа (Molotov-Ribbentropi Pakti Avalikustamise Eesti Grupp, сокр. — МРР-АЕГ), которая 23 августа 1987 г. организовала в таллинском парке Хирве акцию протеста с требованиями обнародовать пакт Молотова—Риббентропа и секретный дополнительный протокол к нему, а также ликвидировать последствия указанной договоренности. Под последствиями понималось обретение полной государственной независимости.

Цели и задачи партии полностью характеризовались ее названием партии. Актив партии в значительной степени сформировался из людей, чей социальный и экономический статус в условиях советской Эстонии был достаточно низким, в том числе и потому, что они не шли на компромисс с властью, не скрывали своих взглядов и подвергались репрессиям. Первоначально партия была достаточно небольшой, но следует признать, что бескомпромиссность лидеров и четкость, ясность программы постоянно привлекали в партию новых сторонников. Интересно также то, что партия просуществует до 1995 года.

Движение к независимости связано и с событиями, формально относящимися к экономической сфере. Речь идет о концепции «Самохозяйствующей Эстонии» — ИМЕ (Isemajandav Eesti). Документ был впервые опубликован в сентябре 1987 года в газете «Edasi». Ничего необычного с теоретической и практической точки зрения в ней не было. В 1987 году руководство КПСС и Правительство СССР приняли первые решения, положившие начало радикальным изменениям системы управления советской экономикой (июньский пленум ЦК КПСС). Реальная трансформация экономики Эстонии началась с 1991 года, но подготовка, осмысление возможных экономических последствий независимости связаны с 1987 годом. Если говорить о реальных последствиях эстонской концепции регионального хозрасчета, то они связаны возрождением рыночного менталитета, который здесь не был разрушен до конца.

Liit) — консервативная политическая партия в Эстонии, созданная в 2006 путем объединения правых оппозиционных партий Исамаалийт «Союз Отечества» и Res Publica. Именно эта партия, наряду с Партией реформ Эстонии (Eesti Reformierakond), устойчиво контролируют парламент и правительство с середины 90-х годов прошлого века по настоящее время.

В этот период концепции регионального хозрасчета создавались по всей стране и были предметом широкого общественного обсуждения. Однако обсуждение концепции ИМЕ в экспертном сообществе носило преимущественно экономический характер. Автор также внес свой вклад в критику концепции, опираясь на экономическое содержание документа.⁴ Однако в 1988–1989 годах этот документ имел не экономическое, а политическое, даже психологическое значение. Впервые со времен независимости молодые экономисты в самой Эстонии, а не мэтры в Канаде (Рейн Таагепера) написали, что Эстония может и должна развиваться самостоятельно, НА ЭТОМ ЭТАПЕ, в составе СССР. В документе содержалась ключевая идея — Эстония: мост между Западом и Востоком, но именно ее реализовать не удалось. Премьер-министр ЭССР Бруно Сауль подверг идею, а затем и документ жесткой критике. Впрочем, в политическом плане жить данной идеи предстояло не долго, очень скоро из передовой она превратится в консервативную, тормозящую идеи независимости, а после августа 1991 года о ней и не вспомнят. Позднее один из авторов ИМЕ Сийм Каллас признался, что создание «хозрасчетной Эстонии» в рамках СССР было «принципиально невозможно». «Многие поняли сразу, — отмечает С. Каллас, — что на самом деле начинается борьба за самостоятельность».⁵ Следует отметить, что авторитетный эстонский экономист и политик, вероятно, прав применительно к эстонской общественности, в масштабах СССР идея регионального хозрасчета была лишена какой-либо оригинальности. Этой околонучной концепции в 1987–1990 гг. в СССР увлекались на всех уровнях власти — от муниципального до союзного, однако лишь на уровне союзных республик можно проследить корреляцию между концепциями регионального хозрасчета и государственной независимостью 1991 года.

Концепция ИМЕ в политическом и идеологическом плане возникла как «идея-продолжение» забытой сегодня программы «Вариант развития будущей Эстонии. Тридцатилетний план развития-II». Этот документ впервые был озвучен в 1971 году в Канаде. Автор программы — американский, а сейчас эстонский профессор Рейн Таагепера. В документе, практически впервые

---

⁴ Межевич Н. М. Геополитическое положение Эстонской ССР: мифы и реальность // Политическая география и современность. Региональные и прикладные аспекты: Межвузовский сборник научных трудов. Л., 1991. С. 101–109.

⁵ Рихви Р. ИМЕ родили три года назад // Советская Эстония. Таллин, 1990. 28 сентября.

в истории эстонской эмиграции, четко сформулирована последовательность действий, ориентированных не на достижение полной независимости, но на качественную эволюцию формы государственности эстонского народа. Принципиально важные положения документа:

«1. Отказаться от мысли создать у нас социальный строй, отличный от соседского.

2. Членство Эстонии в СЭВ, ООН и Варшавском Договоре, с согласия соседней и других великих держав, достигнутого нашими усилиями.

3. С согласия соседа преобразовать Эстонскую секцию доминирующей партии в самостоятельную партию и осуществить в экономике принцип территориального руководства».⁶

Именно с реализации третьего пункта и началось движение Эстонии к независимости.

Завершение первого этапа движения Эстонии к независимости связано с возникновением эстонского Народного фронта (НФЭ), а затем и Интердвижения. Возникновение НФЭ — событие огромной важности в эстонской политической истории. Это последний по времени появления политический фактор, определивший специфику достижения независимости. Вся история НФЭ (1988–1993 гг.), безусловно, являлась историей политической борьбы, причем не только с союзным центром, но и политическими силами Эстонии как с левой, так и с правой стороны политического спектра. Интересно также и то, что эта борьба продолжается и сегодня. Существующий конфликт между современной центристской партией Эстонии и партиями правящей коалиции вытекает из того, что правящая коалиция — результат трансформации ПННЭ, а центристская партия — продолжатель НФЭ. Однако этот крайне важный для понимания современной политической ситуации в Эстонии факт не имеет прямого отношения к теме данной статьи.

Более актуален вопрос о том, что привело к созданию НФЭ, а также проблема отношения Центра к НФЭ. С нашей точки зрения, причины возникновения НФЭ можно разделить на общие и особенные. К общим причинам следует отнести кризис в развитии реформ. Один из организаторов НФЭ и видный представитель русской секции НФЭ Р. Григорян справедливо отмечал: «...курс на ускорение социально-экономического развития СССР

---

⁶ Таагапера Р. Вариант будущей Эстонии. «Тридцатилетний план развития-II» [1971–1972] <http://www.hot.ee/r/russconference/history/history-14.html>

обнаружил свою полную несостоятельность и утопичность. Фактически период с апреля 1985 года до января 1987 года был периодом новой оттепели, но не перестройки». ⁷ Именно поэтому в Москве шел поиск новых форм общественной активности «снизу», которые могли бы сделать процессы перестройки необратимыми и при этом управляемыми. Таким инструментом стали народные фронты. На первом этапе ожидания Центра оказались реализованными. Однако специфика народных фронтов в национальных республиках заключалась в том, что эти движения вышли из-под контроля.

Рассматривая вопрос о создании и работе народных фронтов, следует рассматривать и еще одну версию, на первый взгляд имеющую несколько конспирологический характер. Речь идет об отношении КГБ СССР к народным фронтам и, более того, оценке роли КГБ СССР в создании народных фронтов. По вполне очевидным причинам, связанным как со спецификой деятельности разведывательного сообщества, так и тем обстоятельством, что лидеры народных фронтов Прибалтики, в т. ч. Эстонии, являются действующими политиками, и в настоящее время рассчитывать на документальные материалы нет оснований. С другой стороны, за прошедшие двадцать лет появилась многочисленная мемуарная литература, написанная генералами и руководителями ключевых подразделений КГБ СССР: первого и второго главного управления, информационно-аналитического управления и, наконец, непосредственно председателем КГБ СССР В. А. Крючковым. Все авторы уделили внимание проблематике политических процессов в Прибалтике. В рамках рассматриваемого вопроса особую ценность имеют мемуары генерала Леонова. ⁸

Ценность информации, приведенной генералом Н. С. Леоновым, заключается в том, что его поездка в Литву практически совпала с поездкой туда же А. Н. Яковлева. При этом и А. Н. Яковлев, и Леонов подготовили и передали «наверх» информационно-аналитические записки. В своих воспоминаниях М. С. Горбачев пишет так: «В начале августа 1988 года я рекомендовал ему (Яковлеву. — *Н. М.*) поехать в Прибалтику, надеясь, что это поможет лучше понять, что там происходит. Яковлев высказался за то, что нам не следует выступать с позиции осуждения народных фронтов; хотя там есть всякие силы, нужно

⁷ Григорян Р. Неизвестные страницы «Поющей революции». Анатомия независимости. Тарту—Спб., 2004. С. 159.

⁸ Леонов Н. С. Лихолетье. М., 1997.

сотрудничать с ними... Подытоживая, Яковлев заверил, что все «прибалты за перестройку, за Союз». Этот оптимизм успокаивал, но показался мне чрезмерным. Первые признаки опасности, угрожавшей Советскому Союзу, я почувствовал именно тогда. Правда, всего лишь как симптом, как один из вариантов развития событий, который мы в состоянии исключить».⁹

Оценки генерала Леонова иные: «Вывод мой, который я доложил Виктору Михайловичу Чебрикову, был такой: однозначно Прибалтика идет по пути превращения в независимое и самостоятельное от СССР государство. Что националистические движения, какую они бы окраску ни принимали, ...ведут все дело к независимости... Вот каков был мой вывод, который я изложил в докладе. И моя рекомендация заключалась в том, чтобы предоставить Прибалтике особый статус, который имела Финляндия в царской России. Чтобы удовлетворить их экономические интересы, пойти навстречу в ряде национальных вопросов — при этом сохранить их республики в рамках Советского государства!»¹⁰

Таким образом, можно считать доказанным то обстоятельство, что на столе Генерального секретаря ЦК КПСС лежали документы с полярными точками зрения по рассматриваемому вопросу. Рассматривая данную мемуарную литературу, можно сделать вывод о том, что КГБ СССР рассматривал деятельность народных фронтов в национальных республиках как угрозу безопасности национальной целостности СССР.

Вместе с тем в 1995–2012 гг. появились некоторые публикации в бумажных и особенно электронных СМИ, прямо обвиняющих КГБ СССР в создании народных фронтов, об этом же говорится в фундаментальной монографии А. В. Островского.¹¹ Однако все эти предположения базируются на одном-единственном факте. Идею народных фронтов в 1987 году выдвинул в газете «Московские новости» Б. П. Курашвили — профессор Института государства и права АН СССР и полковник КГБ СССР. Однако из открытых источников нельзя понять, являлся ли профессор в указанный период штатным сотрудником, находился ли в действующем резерве или в отставке. С другой стороны, обращает на себя интересное совпадение по времени двух событий. Ста-

⁹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М. 1995. С. 510.

¹⁰ Тарасов И. Русский взгляд генерала Леонова (интервью) // Спецназ России. 31 января 2011.

¹¹ Островский А. В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011.

тя профессора Курашвили появилась 6 марта 1988 года,¹² а уже 13 апреля идея создания Народного фронта Эстонии (НФЭ) была озвучена на эстонском телевидении. В этот день на передаче эстонского ТВ «Mõtleme veel»,¹³ на которой обсуждалась тема использования гражданской инициативы для защиты перестройки и гласности, Эдгар Сависаар предложил создать в Эстонии демократическое движение — Народный фронт Эстонии в поддержку перестройки. Этой же ночью 15 членов инициативной группы, оставшись в студии, написали декларацию о НФЭ. В основу идейных позиций НФЭ были положены требования (документы) Объединенного пленума правления творческих союзов Эстонии (1–2 апреля 1988 г.). 15 апреля Марью Лауристин и Виктор Пальм создали вторую инициативную группу — в Тарту. В тот же день, вечером, в Таллине и 14 апреля 1988 года в Тарту возникли инициативные группы по созданию Народного фронта. 30 апреля 1988 года газета «Edasi» опубликовала Декларацию НФ, принципы и цели движения. В ней впервые открыто отрицалась руководящая и направляющая роль КПСС, что вступало в противоречие с Конституцией СССР. Первоначально НФЭ не ставил своей целью отделения Эстонии от СССР, ибо, как говорил Рейн Таагепера, «думать о независимости — это еще не означает требовать ее немедленного достижения».¹⁴ 14 мая на основе Таллинской и Тартуской инициативных групп был создан Временный инициативный центр НФЭ.

1–2 октября 1989 года состоялся конгресс НФЭ Эстонии при участии которого отправил М. Горбачев и на котором выступил Первый секретарь КПЭ В. Вяляс. Он заявил, что «Компартия хочет видеть в НФЭ массовое общественное движение, которое может вместе с партией принять на себя ответственность за переход от сегодняшней к завтрашней Эстонии».¹⁵ В целом до ноября 1988 года идеи полной независимости в деятельности НФЭ еще не становятся общепринятыми. Летом 1989 года один из основателей НФЭ академик ЭССР В. Пальм писал так: «На последней сессии Верховного Совета Эстонской ССР было принято решение по поводу пакта Молотова—Риббентропа, чем было положено

---

¹² Курашвили Б. П. Нужен ли народный фронт? // Московские новости. 1988, 6 марта.

¹³ «Поговорим еще».

¹⁴ Григорян Р. Роль и значение национальных меньшинств в восстановлении независимости Эстонии. <http://ilja-nikiforov.livejournal.com/75708.html>.

¹⁵ Сборник материалов конгресса НФЭ 1–2 окт. 1988. Таллин, 1988 г. С. 13.

начало решению этого вопроса на уровне официальной политики. Означает ли это безусловную постановку вопроса о полной государственной самостоятельности Эстонии? Нет, не означает».¹⁶ Если посмотреть на программу и хартию Народного фронта, то и там мы не увидим радикальных лозунгов ПННЭ. В общей программе НФЭ отмечено: «Главной целью НФЭ является развитие сознания народа, политической культуры и гражданской инициативы, а также создание механизма демократии, чтобы способствовать возникновению базирующегося на фактическом народовластии и уравновешенной экономике общества, где обеспечены все права человека».¹⁷

Создание НФЭ привлекло в него широкие круги партийно-государственной номенклатуры Эстонии и тех весьма многочисленных представителей интеллигенции, которые видели в этой организации потенциал для мирного и постепенного обретения независимости. Отношение КПСС и КПЭ к НФЭ оказалось более чем толерантным. На первом конгрессе НФЭ с приветствием к делегатам обратился первый секретарь ЦК КПЭ В. Вяляс, более того, он передал приветствие участникам форума от М. С. Горбачева. Отметим также то, что в этот момент около половины делегатов были членами КПЭ.

Постепенно менялась атмосфера и в Компартии Эстонии. 4 мая 1989 года в Таллине прошел 14-й пленум ЦК КПЭ. Выступление 1-го секретаря В. Вяляса было жестким и критичным по отношению к Центру. В. Вяляс сказал, что «Эстонская ССР должна стать формой государственности эстонцев», и отметил, что эстонские коммунисты в составе иных организаций идут к этой цели.¹⁸ Этот пассаж был адресован НФЭ и был в целом воспринят с благодарностью. Именно в этом была специфика начала эстонского пути к независимости. В то время как во многих партийных организациях РСФСР еще господствовали стереотипы «перестройки», в Эстонии коммунисты, включенные в массовые народные движения, готовились к ликвидации своей партии и созданию нового государства.

Конечно же, подобная эволюция КПЭ не могла устроить всех. В результате летом 1988 года в республике формируется Интернациональное движение трудящихся Эстонской ССР (Интер-

---

¹⁶ Пальм В. К единству многообразия // Тартуский курьер № 1, 1–15 июня 1989 г.

¹⁷ Сборник материалов конгресса НФЭ 1–2 окт. 1988. Таллин, 1988 г. С. 171

¹⁸ Материалы XIV пленума ЦК КПЭ. Таллин, 1989 год.

движение), а поздней осенью — Объединенный совет трудовых коллективов (ОСТК).

16 ноября 1988 года Верховным Советом Эстонии принята Декларация о суверенитете Эстонии. В Декларации провозглашено верховенство законов ЭССР над союзными законами. Законы СССР согласно Декларации действуют в Эстонии только после их утверждения Верховным Советом ЭССР. Авторы этого документа фактически предлагали Москве подписать союзный договор, который бы чётко разделил полномочия республик и центра. Возвращаясь к вопросу о «финляндизации», нужно отметить то, что именно этот момент следует считать последним предложением Центра, позволяющим сохранить республику в составе СССР, пусть и в полуконфедеративном статусе.

17 июня 1989 года ОСТК ЭССР принимает платформу к пленуму ЦК КПСС по межнациональным отношениям, в которой подчеркивается необходимость пролетарского интернационализма, недопустимость дискриминации по национальному признаку. В этом документе проблемы межнациональных отношений в Эстонии объясняются отступлением от «ленинских принципов национальной политики», связанным с «командно-административной системой, волюнтаризмом и психологией застоя».¹⁹ Таким образом, абсолютное большинство сторонников независимости Эстонии объединились на платформах ПННЭ и НФЭ, сторонники ЭССР вошли в Интердвижение и ОСТК. КПЭ утратила политическое и идеологическое единство и вступила в стадию общей деструкции. Так завершился первый этап движения Эстонии к независимости.

В дальнейшем ситуация быстро радикализировалась. Любое событие политического календаря обыгрывалось в интересах пропаганды независимости. Центр не успевал или не мог реагировать на все новые действия Эстонии. Театральный деятель, режиссер, драматург и политик Яак Аллик так оценивал позицию М. С. Горбачева в конце 1989 года: «.. в вопросе вопросов — о сохранении СССР как державы и единства партии непоколебимо придерживается правых позиций».²⁰ 12 ноября 1989 года принимается Постановление Верховного Совета Эстонской Советской Социалистической Республики «Об историко-правовой оценке событий, имевших место в Эстонии в 1940 году». Документ фактически поддержан ЦК КПЭ. При этом из документа однозначно

---

¹⁹ Платформа Объединенного совета трудовых коллективов Эстонской ССР к Пленуму ЦК КПСС по межнациональным отношениям. Таллин, 1989.

²⁰ Аллик Я. Можно ли доверять Горбачеву? // Политика № 9. 1990. С. 5.

следует, то, что Эстония была оккупирована СССР. Политики и общественные деятели, не разделяющие подобную точку зрения, подвергаются жесткой критике вплоть до сегодняшнего дня. Лишь очень немногие, к примеру академик ЭССР и один из лидеров русской секции НФЭ М. Л. Бронштейн, могут себе позволить иную позицию: «После ознакомления с секретными протоколами к пакту Молотова-Риббентропа не могло быть сомнений, что Эстония в 1940 г. была насильно инкорпорирована в состав Советского Союза».²¹

В январе 1989 года принят Закон «О языке». Этот закон, принятый Верховным Советом ЭССР, объявил эстонский язык государственным, однако за русским языком сохранился статус языка межнационального общения. В дальнейшем положения Закона многократно менялись. В свете современной ситуации с русским языком в Эстонии, не будет большим преувеличением считать Закон «о языке» в версии 1989 года идеальным документом, полностью соответствующим всем стандартам Совета Европы и требованиям демократических организаций.

Ко второму этапу оформления государственной независимости следует отнести сложную и последовательную процедуру движения к новому (старому) государственному флагу. Открыто национальные цвета, но не флаг, использовались на Тартуских Днях охраны памятников старины в апреле 1988 г. Тогда каждый цвет развевался на отдельном флагштоке (!). 2 июня 1988 г. Совет уполномоченных Эстонского общества охраны памятников старины принял Декларацию «Об эстонских национальных цветах и эстонском национальном флаге».

23 июня 1988 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета ЭССР «О государственной и национальной символике в ЭССР», которым синий, черный и белый были признаны эстонскими национальными цветами. Указом от 20 октября 1988 г. сине-черно-белый был признан национальным флагом. *Одновременно подчеркивалось, что национальный флаг не заменяет государственного флага.* Им оставался по-прежнему флаг ЭССР. Однако только 24 февраля 1989 г. на башне Длинный Герман вновь поднят сине-черно-белый флаг Эстонии, пока еще в качестве национального флага.

Для восстановления статуса сине-черно-белого флага как государственного флага было принято еще два правовых акта:

---

²¹ Бронштейн М. Л. На службе национальных интересов Эстонии в Москве. Анатомия независимости. Тарту—Спб., 2004. С. 200.

8 мая 1990 г. Верховный Совет Эстонской ССР принял Закон о символике Эстонии, которым устанавливалось, что «государственные цвета Эстонии — синий, черный и белый. Внешний вид государственного флага... определяется законом», а 7 августа 1990 года Верховный Совет Эстонской Республики принял Закон о Государственном флаге и Государственном гербе, которым постановлялось использовать в качестве государственного флага Эстонской Республики действовавший в Эстонии до августа 1940 года Государственный флаг.²² Таким образом, с апреля 1988 года до августа 1990 года общество охраны памятников и ПННЭ своими последовательными инициативами способствовали радикализации общественных настроений в Эстонии, постоянно перехватывая инициативу у НФЭ.

Однако для организации массовых акций требовался потенциал НФЭ. Это доказали события 23 августа 1989 года — т. н. «Балтийская цепочка». Эта массовая совместная акция народных фронтов республик Прибалтики, проведенная в 50-летнюю годовщину подписания пакта Молотова—Риббентропа, собрала более 1 млн человек, создавших живую цепь от Таллинна до Вильнюса длиной около 600 километров. Участники мероприятия скандировали лозунг: «Свободу Прибалтике!» Это был безусловный триумф народных фронтов, пик их влияния.

В дальнейшем политическую инициативу перехватило т. н. Движение комитетов граждан. Инициатива исходила из кругов наиболее радикально настроенных участников общества охраны памятников и ПННЭ. Цель движения — достижение независимости на основе преемственности, т. е. восстановление Эстонской Республики 1940 года.

24 февраля 1989 года Эстонским обществом охраны памятников старины (ООПС), Партией национальной независимости Эстонии (ПННЭ) и Эстонским Христианским Союзом (ЭХС) было основано движение комитетов граждан (КГЭ). На митинге была оглашена Декларация Эстонского Общества охраны памятников старины, в которой, в частности, говорилось, что «правовая и идейная преемственность Эстонской Республики не прерывалась. Восстановление самостоятельного и независимого Эстонского государства нравственно неизбежно как для Эстонии, так и для Советского Союза». Одновременно всех, кто 17 июня 1940 года состоял в гражданстве Эстонии, и их потомков,

---

²² Государственный флаг <http://www.peterburg.estemb.ru/pervaja/estonija/gosudarstvo/newwin/aid-374>

призвали создавать в городах и волостях Комитеты Граждан Эстонии и созвать Конгресс Эстонии, который обсудил бы вопросы самоопределения Эстонии. Выборы Конгресса Эстонии начались 24 февраля 1990 года и продолжались и в следующие дни. Всего выборы продолжались пять дней. В них приняли участие 591 508 граждан Эстонии и 34 345 ходатайствующих о гражданстве. Народный Фронт представляло 107 депутатов, Общество охраны памятников старины — 104, ПННЭ — 70 и КПЭ — 39. Большинство же получили независимые, или те, кто на бланке не указал свою организацию. Конгресс Эстонии собрался в концертном зале Эстония 11 марта 1990 года.

Конгресс принял «Декларацию о полномочиях и правомочности Конгресса Эстонии» и «Декларацию Конгресса Эстонии о восстановлении законной государственной власти на пространстве Эстонской Республики». Центральным документом второго дня стала «Программа действий Конгресса Эстонии по восстановлению независимости Эстонской Республики». В ней отмечалось, что именно Конгресс Эстонии является восстановителем законной государственной власти в Эстонии. Для восстановления независимости следует прекратить оккупацию. Вопросы государственного и международно-правового статуса Эстонской Республики в переходный период входят в исключительную компетенцию Конгресса Эстонии.²³ При этом Верховный же Совет ЭССР и созданные им самоуправления были названы местными административными учреждениями оккупационной власти. В программе указано, что вплоть до восстановления конституционного представительного собрания Эстонской Республики у переходного правительства должен быть мандат Конгресса. Эстонская Республика будет восстановлена тогда, когда соберётся конституционное народное представительство — Рийгигогу.²⁴⁻²⁵

Таким образом, в Эстонии сложилась достаточно сложная политическая структура:

1. КПЭ, эволюционирующая в направлении поддержки НФЭ, т. е. центристской позиции, и постепенно утрачивающая реальную власть.

---

²³ Эта позиция встретила серьезное сопротивление не только коммунистов, но и актива НФЭ, справедливо увидевших в этом не только стремление к независимости, но и претензию на руководство движением к этой независимости, а значит, и претензию на политическое руководство государством в дальнейшем.

²⁴ Середенко С. Русская правда об эстонской конституции <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=23970>

²⁵ Рийгигогу — Государственный Совет, парламент Эстонской республики.

2. Верховный Совет ЭССР, НФЭ, предпочитающие встраивать движение к независимости в общий контекст политической эволюции СССР и ориентированные на создание «третьей республики».

3. ПННЭ и Конгресс Эстонии, неуклонно наращивающие свой политический потенциал и ориентированные на быстрое, бескомпромиссное движение к независимости на базе концепции правопреемства будущего эстонского государства республике 1920–1940 гг.

Важно отметить, что с проведением Конгресса Эстонии направление на правовую преемственность одержало предварительную победу над путем т. н. «третьей республики». И, хотя в дальнейшем борьба между этими двумя направлениями продолжалась, государственность Эстонии была всё-таки восстановлена на основании правовой преемственности республике 1920–1940 гг.

Сближение двух направлений произошло весной 1990 г., когда Верховный Совет Эстонской ССР признал государственную власть СССР в Эстонии (т. е. фактически сам себя, как часть этой власти) незаконной. Был объявлен переходный период, который должен был совместными усилиями с Конгрессом Эстонии закончиться восстановлением эстонской государственности.²⁶

23 февраля 1990 года принимается Постановление Верховного Совета ЭССР «О подготовке к государственной независимости Эстонии». 8 мая 1990 года принимается Закон ЭССР о символике Эстонии.

В марте 1990 года прошло первое заседание Конгресса граждан Эстонии. На Конгрессе был избран Комитет Эстонии — руководящий орган Конгресса. Формирующиеся и существующие политические элиты Эстонии Верховный Совет, КПЭ и НФЭ не сразу смогли понять, что проиграли в политической борьбе своим оппонентам, причем навсегда. С марта 1990 года вышеуказанные структуры утратили возможность выступать с политическими инициативами и фактически реализовывали повестку дня, сформированную Комитетом Эстонии. Более того, Верховный Совет фактически пал жертвой созданных им политико-правовых конструкций. Признавая факт оккупации, руководители Эстонии не сразу поняли, что они фактически подписали себе политический приговор. Действительно, если Эстония оккупирована в 1940-м году, то Верховный Совет и все остальные Советы

---

²⁶ Путь к независимости: <http://www.estonica.org/>

не более чем органы оккупационной власти, а КПЭ — партия, состоящая из коллаборационистов (большинство) и оккупантов (меньшинство).

Лидеры НФЭ признали поражение не сразу. Возникла дискуссия о том, что делать с дипломами и званиями, должностями и правами собственности, считать ли действительным брак, зарегистрированный «оккупационными» органами? Идеологи Комитета Эстонии подошли к поставленным вопросам творчески, внедрив в общественное сознание концепцию избирательного правопреемства и сделав акцент на правопреемство власти и территории.

С нашей точки зрения, на этом заканчивается второй этап движения Эстонии к независимости.

В конце марта 1990 года Коммунистическая партия Эстонии переживает раскол. Большинство компартии во главе с Вайно Вялясом, выступавшее за суверенитет Эстонии, заявляет о выходе КПЭ из состава КПСС. С июня 1990 года носит название Коммунистическая партия (самостоятельная) Эстонии. В этом качестве она проводит 21-й (26 января 1991) и 22-й (28 ноября 1992) свои съезды. На 22-м съезде КП (с) Э принимает название Демократическая партия труда Эстонии. Просоветская часть компартии продолжает действовать под именем Коммунистическая партия Эстонии (на платформе КПСС). 26 марта 1990 года треть делегатов 20-го съезда КПЭ, несогласных с объявлением самостоятельности партии, объявили о продолжении работы съезда и избрали секретарями ЦК Александра Гусева и Павла Панфилова. В июне 1990 года она приняла название Коммунистическая партия Эстонии (КПСС) (Eestimaa Kommunistlik Partei). На 21-м съезде КПЭ (КПСС), проходившем 15 декабря 1990 года, первым секретарем ЦК был избран Лембит Аннус. Партия выступала против выхода Эстонии из состава СССР, в августе 1991 года была запрещена властями Эстонии за поддержку ГКЧП. Интересно также то, что «эстонские коммунисты были так же осторожны, как и их Народный фронт. Независимая Компартия Эстонии так «до конца» и не вышла из КПСС, так что в последнем политбюро ЦК КПСС, состоявшем из руководителей компартий союзных республик, было два эстонца — первый секретарь ЦК независимой Компартии Хейн-Арно Силлари и первый секретарь ЦК КПЭ (платформа КПСС) Лембит Аннус».²⁷

---

²⁷ Портников В. Суверен-коммунизм: 10 лет спустя. <http://www.wdi.ru/print.php?art=1697753412-07-2001>

16 мая 1990 года принимается Закон Эстонской Республики (уже не советской и не социалистической) «Об основах временного порядка управления Эстонией», основанный на идеях Конгресса граждан.

В марте 1991 года в Эстонии прошел референдум по вопросу восстановления независимости Эстонской Республики. Референдум проводился по всей Эстонии. За восстановление независимости Эстонской Республики проголосовало 78 % всех участников референдума. В этом же месяце Эстония бойкотировала всесоюзный референдум о сохранении СССР. Москва была проинформирована о том, что в связи с тем, что на республиканском референдуме большинство высказалось за восстановление независимости Эстонии, то участвовать в референдуме о сохранении СССР нет необходимости.

20 августа 1991 года Верховный Совет Эстонской Республики принял «Решение о государственной независимости Эстонии». Было объявлено о восстановлении самостоятельности государства как *de jure*, так и *de facto*. Для разработки Основного закона было решено образовать Конституционную Ассамблею на основе равноправного представительства депутатов Верховного Совета и членов Комитета Эстонии.

Следующий, но не последний шаг к независимости был сделан в Эстонии 21 августа 1991 года. В постановлении Верховного Совета была признана независимость *де-факто*, строго говоря, уже повторно, и была образована Конституционная Ассамблея из членов Верховного Совета Эстонской Республики и Конгресса граждан, т. е. из представителей выборного высшего республиканского органа власти и общественной организации.²⁸

Вот именно этот момент следует считать ключевым для политической истории современного эстонского государства. Верховный Совет признал свою ограниченную легитимность в силу того, что являлся правопреемником Верховного Совета 1940 г. и тем самым не мог создать условия для выборов правопреемственного последнему Рийгикогу (Государственному собранию) нового органа управления страной. В этом же документе (постановлении Верховного Совета) определена последовательность действий: сначала принятие новой Конституции, затем выборы нового парламента.²⁹

---

²⁸ Модель, уникальная для постсоветского пространства.

²⁹ О государственной независимости Эстонии // Ведомости Эстонской Республики № 25 от 21 августа 1991 г.

24 августа 1991 года независимость Эстонии признала Россия. 6 сентября 1991 года независимость Эстонии признал СССР. 17 сентября 1991 года Эстония стала полноправным членом ООН.

Выборы президента и членов Государственного собрания состоялись 20 сентября 1991 года. На первых выборах в Рийгикогу в восстановившей независимость Эстонской Республике ПННЭ получила 10 депутатских мест и вошла в правительственную коалицию. Новая Конституция Эстонской Республики была принята на референдуме 28 июня 1992 года.

Лишь 7 октября 1992 года была принята «Декларация Государственного собрания о восстановлении конституционной государственной власти». В документе отмечено: *«Государственное собрание провозглашает: объявленный в марте 1990 года переходный период в Эстонии завершился. Конституционная государственная власть в Эстонской Республике восстановлена»*.³⁰

Таким образом, не в августе 1991, а в октябре 1992 года реально заканчивается реституция ad integrum Эстонской Республики.³¹ Подведем некоторые итоги.

1. Политические процессы, проходившие в Эстонии в 1987–1992 годах, являются важной составной частью общих процессов распада СССР. Попытка исследовать проблему в целом, не разобравшись с ее составными частями, контрпродуктивна.

2. Федерацией являлся не только СССР, в этом качестве существует и Россия. Проблемы сепаратизма продолжают быть актуальными для нас, и поэтому любой опыт территориально-политических трансформаций должен быть тщательно изучен.

3. Современная внешняя политика Эстонской Республики не может быть правильно понята без анализа исторических предпосылок ее возникновения. Эта формула в той или иной степени справедлива для любого государства, однако для внешней политики Эстонии, и особенно эстонско-российских отношений, это фактически универсальный исследовательский подход.

---

³⁰ Ведомости Эстонской Республики № 40. 19 октября 1992 г.

³¹ restitutio ad integrum — восстановление первоначального правового положения в полном объеме.

ВЯЧЕСЛАВ ПОПКОВ

КРОСС-ГРАНИЧНОЕ РУССКОЯЗЫЧНОЕ
ПРОСТРАНСТВО НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СССР:
ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ

Исходные допущения

Доминирование русского языка в качестве основного средства повседневной коммуникации среди части населения многих стран на территории бывшего СССР и среди различных групп мигрантов по всему миру позволяет предположить существование русскоязычных пространств, одной из необходимых характеристик которых является использование русского языка для повседневного общения.

В основе образования и функционирования русскоязычных пространств лежит не только русский язык, но и общие культурные основания, образцы поведения и образ мыслей, усвоенные в ходе социализации и инкультурации тех или иных русскоязычных групп. Это дает основание говорить о нескольких (по крайней мере, двух) русскоязычных пространствах, в культурном отношении отличных друг от друга. Наиболее различающиеся между собой группы — это «русское зарубежье», представленное потомками эмиграции из Российской империи после 1917 года, а также военной эмиграцией в период 1941–1945 годов и современное «русскоязычное пространство», возникшее в результате эмиграции из бывшего Советского Союза (БСС) уже в послевоенное время, в период «холодной войны» и постперестроечной эмиграцией.

«Русскоязычных», в свою очередь, можно разделить на две обширные группы: во-первых, это группа русскоязычных, которые находятся в пределах БСС. Первая часть данной группы — это никуда не уезжавшие «мигранты», оказавшиеся таковыми после распада СССР; и вторая часть этой группы — это те, кто мигрировал в пределах границ БСС. И, во-вторых, это группа русскоязычных, покинувших пределы БСС и осевших в других странах. В политическом дискурсе первый случай получил название «ближнего зарубежья», второй — «дальнего зарубежья». Поэтому объединение всех русскоязычных, находящихся за пределами России, в одно «русскоязычное пространство» является весьма условным и малопригодным для анализа, поскольку содержит в себе несколько различных групп, которые требуют особого подхода и, возможно, специфической методологии исследования.

Проблема

Исходы людей из Российской Империи и бывшего СССР имели место и до распада этих государств и были численно представлены большим количеством мигрантов, часть которых активно стремилась к сохранению идентичности своей группы и за рубежом. Это предполагало создание закрытой культурной среды с целью сохранения (консервации) культурных образцов поведения, языка и их трансляция на последующие поколения. Важной характеристикой таких закрытых групп было отсутствие тесных связей со страной исхода. Такая культурная среда была воспроизведена в «русском зарубежье», которое еще недостаточно исследовано, хотя многие работы существенно продвигают нас к пониманию этого явления.¹ Наиболее значимым отличием «русского зарубежья» от современных русскоязычных мигрантов является то, что группы «русского зарубежья» не образовывали коммуникативного пространства между страной исхода и странами нового поселения, как это делают последние эмиграции.

---

¹ См. напр.: Назаров М. Миссия русской эмиграции. Т. 1. М., 1994; Поремский В. Политическая миссия русской эмиграции. Франкфурт-на-Майне, 1954; Rimscha H. Rußland jenseits der Grenzen 1921–1926. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte. Jena, 1927; Volkmanн Hans-Erich. Die russische Emigration in Deutschland 1919–1929. Würzburg, 1966; Wrangel v., Wilhelm Freiherr. Die russische Emigration // Staat und Volkstum. Bücher des Deutschtums 2. Bd. Herausgegeben von Dr. K. L. v. Loesch in Zusammenarbeit mit U. H. Ziegfeld. Berlin, 1926. S. 297–310.

В первую очередь, это было обусловлено политическим характером большинства эмиграции из России и, впоследствии, из БСС. Поэтому устойчивые связи между страной исхода и странами поселения отсутствовали, а случаи возвращения в СССР в массовом порядке были вообще мало представимы. (Справедливости ради следует отметить первые послевоенные годы, когда многие старые эмигранты, поверив сталинскому режиму, решили вернуться в Россию.) Тем более не могло быть и речи о создании постоянных и устойчивых массовых связей через «железный занавес», что является обязательным условием для существования транснациональных миграций. В этой связи теоретический охват феномена миграционных исходов из России и БСС, анализ различных групп мигрантов за рубежом и «русского зарубежья», в частности, в период до падения «железного занавеса» возможен лишь с использованием концепта диаспоры.² Что же касается возникновения устойчивых связей между страной исхода и странами иммиграции, то они стали возможны лишь в постперестроечное время и после распада СССР. А благодаря принятому в 1991 году закону «О порядке выезда из СССР и въезда в СССР граждан СССР», вступившему в силу 1 января 1993 года, приобрели полностью легитимный характер. По этой причине распад СССР можно считать едва ли не самым мощным толчком, послужившим основой для формирования особого надгосударственного русскоязычного пространства, одним из объединяющих принципов которого было использование русского языка для повседневного общения. Именно «благодаря» этому событию, ранее единое в политическом понимании пространство, где русский язык официально использовался в качестве государственного и как язык повседневного общения, было пересечено множеством границ, став по своей сути «надгосударственным». Этот очевидный факт усилил использование в научном и политическом дискурсе таких понятий, как «русское зарубежье», «ближнее зарубежье», «дальнее зарубежье», «русский мир», «русская диаспора», «русскоязычные», «соотечественники» и т. д., придав им новый импульс и звучание.

---

² См., напр.: Safran W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return* // *Diaspora*. V. 1. № 1. 1991. P. 83–99; Sheffer G. *Ethnic Diasporas: A Threat to Their Hosts?* // *International Migration and Security* / Ed. by M. Weiner. Boulder, San Francisco, Oxford, 1993. P. 263–286; Tölölyan Kachig 1996: *Rethinking Diaspora (s): Stateless Power in the Trans-national Moment*. *Diaspora* 5: 1, p. 3–35; Cohen, Robin 1997: *Global Diasporas: An Introduction*. London: University College of London (UCL) Press.

Между тем имеющийся терминологический разброс скорее свидетельствует об определенной теоретической беспомощности, нежели об успешных попытках аналитически осмыслить новый феномен русскоязычного пространства, вне принятых категорий этничности и гражданства, которые кажутся мало пригодными для объяснения данного явления. Роджером Брубейкером предлагается концепция «диаспор катаклизма», рассматривающая русскоязычных на территории БСС с позиции концепта диаспор.³ Но ряд обязательных положений «классических» диаспор, например таких, как вынужденность переселения или стремление к возвращению в страну исхода,⁴ по понятным причинам не могут быть выполнены. Поэтому концепт диаспоры, даже в самом широком его понимании, кажется мало пригодным для теоретического охвата явления современного русскоязычного пространства. В этой связи имеет смысл взглянуть на русскоязычные пространства не только с точки зрения уже известных концептов диаспоры, но и других подходов, в частности концепции трансмиграции и транснационализма, получившей свою известность благодаря работе Нины Глик Шиллер, Линды Баш и Кристины Блэнк-Сзэнтон.⁵

Однако думается, что концепция транснационализма может быть использована только как отправная точка для понимания современного русскоязычного пространства, потому что, если обратиться к современным исследованиям транснациональности, можно видеть, что имеющиеся на сегодняшний момент теоретические подходы к проблеме транснациональных пространств анализируют лишь некоторые частные случаи, отражающие результаты конкретных эмпирических исследований. Поэтому было бы наивно надеяться увидеть в них некую универсальную концепцию, которую можно было бы «не глядя» применить для случая «русскоязычных». Более того, солидаризуясь с мнением Людгера

---

³ Брубейкер, Роджер 2000: «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинami // Диаспоры № 3, с. 6–32.

⁴ См. напр.: Safran, William 1991: *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return*. *Diaspora* V. 1, № 1, p. 83–99; Tölölyan Kachig 1996: *Rethinking Diaspora (s): Stateless Power in the Trans-national Moment*. *Diaspora* 5: 1, p. 3–35.

⁵ Glick Schiller, Nina, Basch Linda, Blanc-Szanton, Cristina 1992: *Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration*. In: Glick Schiller, N., Basch L., Blanc-Szanton, C. (Ed.) *Toward a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered*. New York, The New York Academy of Science, pp. 1–24.

Приса, я полагаю, что современные концепты трансмиграции скорее обозначают направление исследовательской перспективы, но не предлагают единой программной теории.⁶ Однако отсюда не следует принципиальной невозможности их применения для случая русскоязычных пространств. Данный подход привлекателен именно тем, что дает нам основу для начала понимания проблемы и возможность последующего развития и модификации концепта транснациональности с привлечением других теоретических подходов.

Такая постановка вопроса делает актуальным методологическое осмысление русскоязычного пространства с точки зрения концептов транснациональности в самом широком понимании. Поскольку принципы формирования и функционирования русскоязычного пространства отличаются от идеи транснациональных пространств, предложенной американскими и немецкими социологами, я в последующем буду использовать термин «кросс-граничное русскоязычное пространство». Это сделано по двум причинам: во-первых, чтобы не потерять первоначальную идею концепта транснациональности, рассматриваемую в работах Нины Глик Шиллер и ее коллег, как, впрочем и в некоторых других работах;⁷ во-вторых, чтобы показать те отличительные особенности русскоязычного пространства, которые и делают его в большей степени именно кросс-граничным, чем транснациональным.

В контексте последующего рассуждения очень важным является концепт «русскоязычности» как основы для понимания сути кросс-граничного русскоязычного пространства. В качестве рабочей гипотезы «русскоязычности» я буду исходить из того, что знание русского языка и его использование в повседневной практике общения является *необходимым*, но недостаточным условием для отнесения тех или иных групп к русскоязычному пространству. Поэтому далее, в качестве следующих необходи-

---

⁶ Pries, Ludger 2001: «The Approach of Transnational Social Spaces. Responding to New Configurations of the Social and the Spatial». In: Pries L. (Hg.) *New Transnational Spaces. International Migration and Transnational Companies in the Early Twenty-first Century*. London. Routledge, pp. 3–33.

⁷ Faist, Thomas 2000a: *The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces*. Clarendon Press, Oxford.

Faist, Thomas 2000b: *Grenzen überschreiten. Das Konzept Transstaatliche Räume und seine Anwendungen*. In: *Transstaatliche Räume. Politik, Wirtschaft und Kultur in und zwischen Deutschland und Türkei*. von Thomas Faist (Hg.), S. 9–56. Bielefeld.

мых условий для отнесения групп населения тех или иных ныне независимых стран к русскоязычным, будет рассматриваться их социализация (или их родителей) в условиях БСС и постоянное проживание за пределами РФ. Предположительно, что «русскоязычные» обладают идентичностями, базирующимися на принадлежности к БСС и советской русскоязычной культуре. Кроме того, весь последующий анализ будет касаться только случая «ближнего зарубежья», исключая современных мигрантов в других странах («дальнее зарубежье») и старую эмиграцию («русское зарубежье»).

Под «ближним зарубежьем» понимаются все ныне независимые страны, возникшие вследствие распада СССР на его бывшей территории, кроме Российской Федерации. Исключение граждан России и других русскоязычных, проживающих на ее территории из этого списка носит аналитический характер, поскольку, во-первых, в смысле «русскоязычности» они такие же русскоязычные, как и граждане других государств «ближнего зарубежья». Политически они просто «выведены» за рамки категории «русскоязычных» и приписаны к категории «россиян». Во-вторых, РФ в данном случае рассматривается как «центр», а страны «ближнего зарубежья» как «периферия». Очевидно, что на место «центра», при определенных политических условиях, могли бы претендовать и некоторые другие страны БСС. Но тогда и контуры «ближнего зарубежья» выглядели бы по-иному.

Теоретические подходы к понятию русскоязычного пространства

Подходом, который кажется очень полезным для анализа русскоязычного пространства, является уже упомянутый концепт транснационализма, получивший широкое распространение после публикации серии исследований американских социологов и антропологов в середине 1990-х годов.⁸ Нина Глик Шиллер и ее коллеги

---

⁸ Glick Schiller, Nina, Basch Linda, Blanc-Szanton, Cristina 1992: Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration. In: Glick Schiller, N., Basch L., Blanc-Szanton, C. (Ed.) *Toward a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered*. New York, The New York Academy of Science, pp. 1–24; Glick Schiller, Nina, Basch Linda, Blanc-Szanton, Cristina 1997: *From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration*. In: Pries, Ludger (Hg.). *Transnationale Migration. Sonderband 12 der Zeitschrift «Soziale Welt»*. Baden-Baden: Nomos

в своих исследованиях выделили новый тип мигрантов из стран Карибского бассейна, Мексики и Филиппин, который отличался от традиционных типов миграции. Суть его заключалась в том, что он состоял из непрерывно циркулирующего потока мигрантов, которые постоянно перемещались между странами исхода и резиденции. Чтобы охватить этот феномен теоретически, авторами была предложена концепция транснационализма, потому что первоначальные концепты социологии миграций, по их мнению, оказались непригодными для описания этого явления. «Транснационализм» авторы определили как процесс, в котором иммигранты образуют социальные поля (*social fields*), связывающие страну происхождения и принимающую страну. Иммигранты, которые включены в такие социальные поля, развивают и поддерживают многообразные семейные, экономические, социальные, религиозные, политические и т. д. связи, которые пересекают государственные границы, называются трансмигрантами. Они действуют и образуют идентичности внутри своих социальных групп, которые одновременно связывают два или более общества.⁹ Следует заметить, что данный феномен, когда мигранты идентифицируют себя не только со страной исхода, не является абсолютно новым.¹⁰ Это позволяет им безболезненно переезжать из одной страны в другую, или даже существовать «между» странами. Однако в отличие от «просто двойной идентичности» (или множественной, как у Дер-Карabetяна), трансмигранты вынуждены *постоянно перемещаться* (курсив В. П.) между страной исхода и резиденции, что обусловлено, по мнению авторов, ограниченным по времени спросом на рабочую силу. Поэтому их жизнь проходит в транснациональном пространстве, которое не привязано к границам национальных государств. Для развития теории транснационализма авторы исходили из следующих четырех предпосылок.

Verlagsgesellschaft, pp. 121–140; Basch, Linda; Glick Schiller, Nina; Blanc-Szanton, Cristina 1994: Nations Unbound. Transnational Projects, Postcolonial Predicaments and Deterritorialized Nation-States. USA, Switzerland, Australia, Belgium, France, Germany, Great Britain, India, Japan, Malaysia, Netherlands, Russia, Singapore. Langhorne: Gordon and Breach.

⁹ Glick Schiller, Nina, Basch Linda, Blanc-Szanton, Cristina 1992: Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration. In: Glick Schiller, N., Basch L., Blanc-Szanton, C. (Ed.) *Toward a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered*. New York, The New York Academy of Science, pp. 1–2.

¹⁰ Der-Karabetian, Agop 1993: Vielfältige soziale Identität als Reflektion der Moderne. In: *Identität in der Fremde*. (Hg.) von Mihran Dabag und Kristin Platt. Bochum.

а) Транснациональная миграция неразрывно связана с изменившимися условиями глобального капитализма. Поэтому она должна анализироваться в контексте глобальных отношений между трудом и капиталом.

б) Транснационализм является процессом, в котором мигранты посредством их активностей в повседневной жизни и посредством их социальных, экономических и политических отношений образуют социальные поля, которые «перебрасываются» через границы национальных государств. Слово «транснациональный» привносит характер движения идей, товаров, капитала и людей через границы национальных государств. В отношении мигрантов это означает, что они посредством своих повседневных практик так оформляют пространство, что оно возникает одновременно в двух или более государствах. Чтобы понять социальные связи мигрантов, необходимо исследовать, как образуются, обновляются и реконструируются их взаимодействия в контекстах семьи, институтов, политических организаций, экономики и финансов.

в) Содержательно фиксированные и установленные концепты социальных наук, как, например, этническая группа, раса, нация, ограничивают способность исследователей воспринимать и анализировать феномен транснационализма.

г) В то время как трансмигранты строят свою жизнь, «перекрывая» национальные границы, они вовлекаются в процесс формирования двух или более национальных государств. Их идентичности и практики оформляются посредством доминирующих категорий, таких как раса и этничность, которые глубоко «запрессованы» в процесс построения национальных идентичностей вовлекаемых государств.¹¹ Центральным фактом для транснационализма является то, что трансмигранты поддерживают свою многообразную вовлеченность в общества происхождения и резиденции. Более того, трансмигранты (и политические лидеры стран происхождения) акцентируют существование надтерриториального национального государства.¹²

Отказ авторов от использования привычной схемы анализа, применяемой в теориях миграции (и теориях диаспоры), пред-

---

¹¹ (Basch, Glick Schiller, Blanc-Szanton 1994:) Basch, Linda; Glick Schiller, Nina; Blanc-Szanton, Cristina 1994: Nations Unbound. Transnational Projects, Post-colonial Predicaments and Deterritorialized Nation-States. USA, Switzerland, Australia, Belgium, France, Germany, Great Britain, India, Japan, Malaysia, Netherlands, Russia, Singapore. Langhorne: Gordon and Breach, pp. 30–35.

¹² Там же, pp. 7–8.

ональные социальные поля (*transnational social fields*), ускользающие из-под контроля национальных государств. Кроме того, очень важно, что эта среда создается путем постоянной циркулирующей миграции между странами.

В случае русскоязычного пространства «ближнего зарубежья» можно видеть несколько иную картину. Во-первых, русскоязычное пространство «ближнего зарубежья» существовало изначально (в рамках границ БСС), и оно стало кросс-граничным только после того, как по нему эти границы были проведены. Существенным моментом является то, что кросс-граничное пространство русскоязычных возникло не в результате глобализации, как в случае исследования Нины Глик Шиллер и ее коллег, а в результате распада БСС. Это значит, что границы были созданы «поверх» *уже существующих* связей и культурной среды.

И, во-вторых, постоянной циркуляции мигрантов между странами «ближнего зарубежья» не происходит. Ту миграцию, которая имеет место между многими странами БСС, не совсем корректно сравнивать со случаем, описываемым американскими антропологами, в котором массовое перемещение через границы основной части населения страны рассматривается как норма. Как считают авторы, большинство людей из островов Карибского бассейна имеют рабочие места за пределами своей страны. Едва ли найдется семья в этом регионе, у ко\го EFF00A0>>>йEMC й0.358

вания и теперь находятся под угрозой исчезновения вследствие возникновения границ. Но связи эти еще остались и продолжают сохраняться. Причем, в случае «ближнего зарубежья», многие «мигранты» никуда не уезжали, но после распада БСС оказались в разных странах; так, в частности, возникли транснациональные семьи, которые раньше были вполне обычными.

Транснационализм русскоязычных в его изначальном понимании (по определению Нины Глик Шиллер и ее коллег) мог бы возникнуть только после массовой миграции русскоязычных за границы бывшего СССР. И поскольку в настоящее время мигранты принадлежат к разным политическим образованиям, (но являются выходцами из одной и той же культурной среды), то речь могла бы идти даже и о «мульти» транснационализме. Когда, например, из Германии или США можно приехать «домой» (в культурном смысле) в ту или иную страну БСС. В случае «ближнего зарубежья» русскоязычные мигранты (даже те, кто предпринял реальное перемещение) оказываются «привязанными» к месту, по крайней мере, в смысле географическом, которое тесно связано с политическими контурами БСС. В рамках определения транснационализма Нины Глик Шиллер и ее коллег это невозможно в принципе, так как противоречит «духу» транснационализма — отсутствию привязки к месту.

Другим моментом, требующим специального разъяснения для случая русскоязычных пространств, является понятие (транс) «национальности» пространств. То есть почему мы вслед за американскими авторами говорим именно о «транснациональности», а не о «трансгосударственности» или «трансэтничности»? Чтобы подойти к ответу на этот вопрос, имеет смысл обратиться к концепции трансгосударственных пространств Томаса Фаиста.¹⁵ В отличие от Нины Глик Шиллер и ее коллег, немецкий исследователь на первый план выводит понятие «трансгосударственных пространств», четко разделяя две трактовки нации — в смысле общего гражданства и в смысле этнической принадлежности (согражданство и этнонацию). Здесь примечательна и сама возможность перевода работ Томаса Фаиста на русский язык, вышедших одновременно на немецком и английском языках. Так,

---

¹⁵ Faist Thomas 2000a: The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. Clarendon Press, Oxford; Faist, Thomas 2000b: Grenzen überschreiten. Das Konzept Transstaatliche Räume und seine Anwendungen. In: Transstaatliche Räume. Politik, Wirtschaft und Kultur in und zwischen Deutschland und Türkei. von Thomas Faist (Hg.), S. 9–56. Bielefeld.

перевод «Transnational Spaces» на русский и немецкий языки допускает два значения: как «транснациональный» (а так чаще всего и переводится) и как «трансгосударственный». В контексте нашего рассуждения о русскоязычных пространствах это является весьма существенным. Думается, именно поэтому в немецком издании автором расставляются все точки над «i» и во главу угла ставится «трансгосударственность» миграционных пространств (Transstaatliche Räume), что на русский язык переводится совершенно однозначно.

«Трансгосударственные пространства» в рамках концепции Т. Фаиста обозначают плотные экономические, политические и культурные связи между людьми и коллективами, которые «переступают» границы суверенных государств. Они связывают людей, сети и организации во многих местах, минуя соответствующие государственные границы. Высокая плотность, частота, определенная стабильность и жизнеспособность характеризуют уровень этих связей наряду с правительственным уровнем управления.¹⁶ Как полагает автор, речь идет о трансгосударственных, а не о транснациональных пространствах по трем причинам:

во-первых, «национальные» относятся здесь не только к государственным учреждениям, но и к тем группам (*Kollektive*), которые стремятся к становлению национального государства по европейскому или, по меньшей мере, колониальному образцу. Например, палестинцы на Ближнем Востоке, курды на среднем Востоке, сикхи на индийском субконтиненте и различные группы в Судане. Наряду с этим есть такие мультинациональные государства, как Канада, Бельгия, Индонезия или Малайзия. Внутри этих государственных образований, считает автор, существуют транснациональные связи. И в этом случае важны не транснациональные связи, а трансгосударственные, то есть те, которые проходят «над» границами суверенных государств.

Во-вторых, по мнению Т. Фаиста, введение понятия трансгосударственности упрощает путь к анализу сути явления транснационализма, поскольку в этом случае акцент ставится на пересекающих *государственные* границы акторах и неправительственных организациях, которые образуют сети связей и строят свои структуры «над» границами *суверенных* госу-

---

¹⁶ Faist, Thomas 2000b: Grenzen überschreiten. Das Konzept Transstaatliche Räume und seine Anwendungen. In: Transstaatliche Räume. Politik, Wirtschaft und Kultur in und zwischen Deutschland und Türkei. von Thomas Faist (Hg.), S. 10.

дарств. Таким образом, Томас Фаист подчеркивает реальность «транснациональных пространств», могущих не выходить за рамки суверенных государств, и реальность «трансгосударственных пространств», пересекающих границы суверенных государств. Согласно этой логике рассуждения, русскоязычное пространство может быть рассмотрено как трансгосударственное, поскольку включает в себя несколько транснациональных пространств. И здесь, на мой взгляд, ключевым моментом является как раз «нарушение» границы. Это первично. А как следствие мы имеем двойную идентичность, двойную лояльность и, возможно, угрозу традиционному государству (в смысле закрытого культурного пространства).

И в-третьих, основная характеристика суверенных и автономных государств предполагает наличие определенной «конгруэнтности» правительства, государственной территории и граждан, в терминологии Т. Фаиста «управляемых» (*Regierten*). При этом, как полагает автор, можно видеть, что группы управляемых и правительств в Европе свыше 200 лет назад конституировались как народы, соответственно, как нации и во многих частях мира создали национальные государства как историческую конкуренцию государству-городу или империи.¹⁷

Далее автор полагает, что возникшие из транснациональной миграции социальные пространства различаются по ясно маркированным территориям. Пространство предполагает наличие социальных и символических отношений между акторами внутри территории и между территориями. То есть понятие пространства охватывает социальные и символические связи между конкретными людьми и группами, а также их субъективные представления, ценности и приписывание значений тем или иным событиям и явлениям. «Пространство» и «место» (*«Raum» und «Ort»*) различаются тем, что пространство *включает* (курсив В. П.) различные территориальные места, которые содержат наличествующие неявные связи. Важно то, что даже в случае миграции пересекающая границы экспансия социальных пространств впоследствии может проходить и без географической мобильности людей. Это происходит посредством коммуникативных процессов, которые, несмотря на географическую дистанцию, могут сигнализировать социальную близость.¹⁸ Для случая русскоязычного пространства «ближнего зарубежья» это кажется особенно важным, поскольку

---

¹⁷ Там же, С. 14.

¹⁸ Там же, С. 15.

мы как раз и имеем дело с существующей социальной и культурной экспансией без активной географической мобильности. Это ни в коем случае не означает отсутствия миграции и миграционных намерений. Но здесь важно подчеркнуть принципиальное различие между случаем непрерывной миграции, описываемым Ниной Глик Шиллер и ее коллегами (когда наблюдается устойчивая циркуляция акторов, которые являются «переносчиками» идей, товаров, услуг, информации, образуя социальные поля (*social fields*), пересекающие границы), и случаем русскоязычного пространства, когда устойчивой циркуляции не наблюдается, но социальное поле по-прежнему сохраняется.

Несомненным достоинством концептов транснациональности и трансгосударственных пространств является то, что они выводят из поля теории диаспоры значительные группы мигрантов, которые многими исследователями рассматриваются как диаспорные сообщества, не будучи таковыми по сути (например, «диаспоры катаклизма» Р. Брубейкера). Поэтому концепты «транснациональности» и «трансгосударственности» представляют собой важные методологические находки, которые с известной долей осторожности можно применить и к русскоязычному пространству.

Где же границы этой «доли осторожности»? За этой оговоркой стоит то, что вышеупомянутые концепты, при всех их достоинствах, недостаточно точно отражают ситуацию с русскоязычными пространствами. В частности, в русскоязычных пространствах возможно совмещение сразу нескольких этнических групп и нескольких гражданств на основе *общего культурного поля*. Поэтому ключевой категорией здесь является не этничность и не гражданство, а общее культурное поле, в рамках которого проходила социализация индивидов, имеющих сегодня паспорта разных государств и относящихся к различным этническим группам. По этой причине для случая русскоязычных наиболее актуальной категорией будет не «транснациональное» или «трансгосударственное» пространство, а (русскоязычное) «культурное пространство». В том смысле, что оно распространяется на все страны, где присутствуют русскоязычные группы. В первую очередь, на страны «ближнего зарубежья».

Что позволяет применить здесь термины «русскоязычное культурное пространство» и «русскоязычная культура»? Возможно ли такое вообще? В данном случае я опираюсь на подход Александра Томаса, понимающего культуру как систему поведенческих ориентаций. По мнению автора, «культура — это уни-

версальная и в то же время очень типичная система ориентаций для общества, организации и группы. Эта система ориентаций образуется из специфических символов и передается в обществе из поколения в поколение. Она оказывает влияние на образ мыслей, ценностные установки и действия членов этого общества и тем самым определяет их принадлежность к данному обществу. Культура как система ориентаций структурирует поле деятельности индивидов, ощущающих свою принадлежность к данному обществу, и создает предпосылки для развития самостоятельных форм взаимодействия с окружающей средой»¹⁹. Исходя из этого, русскоязычные в культурном смысле являются выходцами одной и той же уже несуществующей страны, с характерной для нее культурной средой. В этом отношении БСС играет интегративную функцию, способствуя образованию единого русскоязычного пространства. В данном случае речь идет о «советской (русскоязычной) культуре». И носителем этой культуры является «человек советский».²⁰ Это понятие до сих пор имеет за собой реальное содержание и говорит о реальности существования общих культурных пространств, которые мы здесь называем русскоязычными. Это подчеркивает жизнеспособность и устойчивость «той» советской русскоязычной культуры, независимо от нашего отношения к ней и к стране, где она была сконструирована. Поэтому необходимо еще раз подчеркнуть, что русскоязычное кросс-границное пространство могло лишь возникнуть после распада СССР и состоять (в своей массе) из бывших граждан БСС, имеющих единый культурный базис и, что особенно важно, единую *культурную память*.²¹

Категория культурной памяти является еще одним важным маркером, отличающим русскоязычное кросс-границное пространство от транснациональных мигрантов и трансгосударственных пространств Т. Фаиста. Ян Ассманн определяет «культурную память» как совокупную для каждого общества и эпохи особенную стабильность повторного употребления текстов, образов и обычаев, поддерживая которые они (общества)

---

¹⁹ Thomas, Alexander 1993: Psychologie interkulturellen Lernens und Handelns. In: Thomas Alexander (Hg.): Kulturvergleichende Psychologie. Göttingen, Hogrefe, S. 380.

²⁰ Левада, Юрий 2006: Ищем человека. Социологические очерки, 2000–2005. Новое издательство, Москва.

²¹ Assmann, Jan 1988: Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität. In: Assmann & Hölischer (Hg.). Kultur und Gedächtnis. Frankfurt am Main. Suhrkamp. S. 9–19.

стабилизируют свой собственный образ и передают коллективно разделенное знание предпочтительно (но не исключительно) о прошлом, которое поддерживает сознание единства и особенности группы.²² Даже если культурная память группы видимо связана с фиксированными точками культурной идентификации, то она не относится к вневременным характеристикам и не является привязанной к контексту. Культурная память конституирует историю группы и традиции в плане актуальных потребностей и жизненных обстоятельств группы. Я. Ассманн подчеркивает, что архивы и коммуникация (ритуалы, письменные источники, песни, музеи и т. д.) выступают не как нейтральные носители или средства передачи информации, но действуют как дающие форму и смысловой стержень и тем самым существенно определяют культурную память группы или общества.

Культурная память русскоязычного пространства базируется на советском культурном опыте, который был усвоен в БСС в процессе социализации непосредственно самими акторами, выходцами из БСС, и был передан (безусловно, с определенными изменениями и потерями) более молодым участникам русскоязычного пространства. Поэтому и предполагается, что этническая принадлежность участников русскоязычного пространства вообще может уходить на второй (а то и на третий) план, в то время как ощущение общего прошлого, общих героев и символов выдвигается на первый план, характеризуя то, что Ренато Розальдо называет «культурным гражданством».²³ Культурное гражданство не является четко очерченным понятием и употребляется автором метафорически, обозначая направление процесса, в ходе которого жители какой-либо страны идентифицируют себя не с тем государством, гражданами которого они являются. Это как раз актуально для случая русскоязычного кросс-границного образования «ближнего зарубежья», когда гражданства участников русскоязычного пространства возникли в результате политических комбинаций элит БСС и ряда некоторых случайных факторов. То есть, после распада Союза (в начале 1990-х), принадлежность к тому или иному ныне независимому государству определялась произвольно и на тот момент не рассматривалась участниками русскоязычного пространства как значимое событие. Сейчас уже надо исходить из того, что независимые государства

---

²² Там же, S. 15.

²³ Rosaldo, Renato 1994: «Cultural Citizenship and Educational Democracy». In: Cultural Anthropology 9 (3), pp. 402–411.

и их границы «устоялись», институт гражданственности окреп и, кроме того, политические режимы в странах БСС отличны друг от друга. Это означает, что гражданство начинает рассматриваться как предпосылка доступа к определенным правам и как средство для облегчения повседневных проблем, связанных с его отсутствием.

Одновременно с этим культурная принадлежность владельцев новых паспортов остается прежней. В ряде стран это воспринимается как угроза национальной (в смысле государственной) идентичности и безопасности, и с этим пытаются бороться. Довольно безуспешно. Почему? Прежде всего, потому, что русскоязычное кросс-границное пространство (как и транс-национальные пространства Глик Шиллер и коллег) является концептуально не интегрируемым в конструкцию новых территориальных национальных государств. А именно в рамках этой конструкции и строятся сегодня государства на территории БСС. Например, большинство новых государств пытаются инкорпорировать своих соотечественников, участников русскоязычного пространства, в новое национальное образование традиционными средствами правового регулирования. К этому следует отнести, например, стремление ограничить сферу употребления русского языка прямыми запретами или попытки изменить культурную память в виде создания новых исторических конструкций. Однако эти попытки наталкиваются на уже существующие устойчивые культурные ориентиры участников обширного русскоязычного пространства, которые существуют одновременно как в кросс-границном русскоязычном пространстве, так и в национальном поле государства, гражданами которого являются. И эта двойственность происходит не потому, что они не лояльны своему новому государству в смысле политическом, а потому, что они не лояльны новому государству в смысле культурном, поскольку они не могут (да и не хотят) отказаться от тех культурных образцов и моделей поведения, которые уже однажды были усвоены в БСС.

Кросс-границное русскоязычное пространство: основные положения

Суммируя вышесприведенные теоретические подходы и допущения, можно выдвинуть следующие тезисы относительно понимания русскоязычного кросс-границного пространства, уточнив,

что все последующие рассуждения касаются кросс-границных русскоязычных пространств «ближнего зарубежья».

1. Кросс-границные русскоязычные пространства «ближнего зарубежья» не могут быть определены как «диаспорные группы», поскольку по ряду критериев они отличаются от концепций диаспоры в ее «классическом» понимании. Сюда относятся, например, тезисы У. Сафрана о вынужденности переселения из страны исхода, миф о возвращении, помощь исторической родине,²⁴ или схожие идеи Х. Тололяна о принуждении к выселению, стремлении диаспорных групп к контактам со страной исхода и мифической идеи возвращения.²⁵ Очевидно, что они не соблюдаются для случая русскоязычных пространств. Кроме того, «классическое» понимание диаспоры предполагает постановку акцента на общую этническую принадлежность участников диаспоры. Для случая кросс-границных русскоязычных пространств (впрочем, как и для трансмиграции в целом) это вообще не является актуальным.

2. Принадлежность к кросс-границному русскоязычному пространству определяется следующими основными факторами:

2.1. доминированием русского языка при повседневном общении;

2.2. отношением к БСС, его символам, героям и ключевым историческим трактовкам (причем, все равно каким отношением, позитивным или негативным), что подразумевает опору на культурную память общества БСС, имеющую в своей основе советские культурные конструкторы. Это предполагает, что социализация участников русскоязычного пространства (или их родителей), ее основные этапы состоялись еще в республиках БСС. Несмотря на значительные культурные различия между республиками, в БСС существовали общие образцы поведения и мышления, которые усваивались всеми индивидами с детского возраста, поскольку были необходимы для успешного преодоления повседневных проблем. Данный ценностно-нормативный аппарат не исчез вместе с распадом СССР, а продолжает существовать в русскоязычном пространстве;

2.3. культурной и (а в ряде случаев и политической) ориентацией на сегодняшнюю Россию как на страну, наследующую БСС.

---

²⁴ Safran, William 1991: *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return*. *Diaspora* V. 1, № 1, p. 83.

²⁵ Tölölyan Kachig 1996: *Rethinking Diaspora (s): Stateless Power in the Trans-national Moment*. *Diaspora* 5: 1, p. 12–14.

Примечательно, что этот ориентир (особенно в смысле политической ориентации) может меняться, поскольку «русскоязычность» рассматривается здесь как культурное гражданство, то есть как ресурс, за который могут бороться сразу несколько государств. Сегодняшняя ориентация русскоязычных БСС на Россию объясняется, в том числе, и тем, что политическое поле в отношении русскоязычных почти что пустое. На этом поле активно действует пока только РФ, видимо в силу «очевидного» преимущества, в то время как остальные страны явно недооценивают имеющийся потенциал «русскоязычности». Но это не значит, что в будущем другие акторы не могут пойти тем же путем, что и Россия.

3. Кросс-границное русскоязычное пространство содержит в себе значительные элементы конструкторов советского человека и советского общества и его идеологии. Предполагая постепенный отход от советских культурных образцов, принимая во внимание возраст их основных носителей, влияние новых национально-политических культурных конструкторов во всех странах «ближнего зарубежья» и естественную ассимиляцию, можно предположить, что русскоязычное пространство будет постепенно вымирать или культурно размываться. Однако, учитывая, что культурная память определяется политической элитой и интеллектуальными слоями общества, «проект русскоязычных» может быть продолжен, если для русскоязычного пространства будет предложен новый (отличный от советского) идентификационный и идеологический стержень, позволяющий предотвратить его сжатие или даже стимулировать его расширение и развитие. Это означает, что кросс-границное русскоязычное пространство может быть рассмотрено и как определенная идеология, позволяющая выстраивать надгосударственные сети связей, с помощью которых ее участники могут получать дополнительные степени свободы, образовывать реальные структуры и преследовать свои интересы.

4. Существование кросс-границного русскоязычного пространства может быть вызовом для монокультурных «закрытых» государств, строящих гражданскую идентичность своих участников на принадлежности к одной (национальной) культуре. Одновременно с этим кросс-границное русскоязычное пространство может являться ресурсом для поликультурных «открытых» государств, продвигающих свою политику с использованием кросс-границного русскоязычного пространства. Это происходит благодаря тому, что «открытые» государственные образования имеют возможность включить в свое национальное государство и тех «граждан», которые политически находятся в составе

других национальных государств, но, тем не менее, культурно (а возможно и экономически) принадлежат «своему» государству. Это также означает, что кросс-границные русскоязычные пространства могут быть использованы в интересах не только одного государства, как это принято полагать, но и в интересах нескольких государств, в поле которых они представлены.

5. Русскоязычное кросс-границное пространство существует *параллельно* национальным культурным пространствам стран «ближнего зарубежья», включая и Россию. Это означает, что влияние на русскоязычное пространство со стороны правительств заинтересованных государств не может осуществляться средствами традиционного правового регулирования этих государств, поскольку кросс-границные пространства концептуально находятся вне понятия государственности, государства и, в целом, вне их правового поля.

Следует отметить, что кросс-границное русскоязычное пространство, несмотря на наличие географических, а в прошлом — политических границ (БСС), не может иметь раз и навсегда «заключенное» описание в форме выше изложенных или каких-либо других тезисов; оно также не может иметь и четко очерченную картографию, поскольку оно очень подвижно и гетерогенно. Более того, как видно из предыдущих рассуждений, привязка кросс-границных русскоязычных пространств к БСС будет постепенно ослабевать, и впоследствии различия между русскоязычными пространствами «ближнего» и «дальнего» зарубежья существенно сгладятся. Это будет означать, что географическое (и политическое) пространство БСС перестанет выполнять связующую функцию для русскоязычных пространств, как это происходит сегодня.

Автор выражает глубокую признательность Российскому гуманитарному научному фонду (РГНФ) за оказание поддержки при проведении данного исследования. Проект № 09-03-00687 а/р.

А. В. ЗАЙЦЕВ

МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЯЗЫЧНОЙ
МОЛОДЕЖИ КИШИНЕВА И ТИРАСПОЛЯ
(2009–2010)

Одной из наиболее острых проблем, с которыми сталкивается Республика Молдова (РМ) на протяжении последних десятилетий, является миграция. По мнению некоторых исследователей, определяющее влияние на развитие миграционных процессов в РМ оказали неэффективные экономические и социальные реформы, экономический кризис и спад производства, инфляция, растущая безработица, сокращение расходов на социальную сферу. Это привело к ухудшению материального положения людей (Мошняга, 2008). Кроме вышеуказанных причин, повлиявших на миграционное движение русскоязычного населения Молдовы, следует указать военный конфликт в Приднестровье, сужение сферы употребления русского языка и необходимость знания государственного языка, которые в начале 1990-х годов были преобладающими (Вакуловский 2009: 24). К концу 1990-х годов в структуре миграционных мотивов русскоязычных стали преобладать экономические причины, при сохранении роли этничности. С этничностью связывалась невозможность получения образования на русском языке и напряженность межэтнических отношений, в целом. В настоящее время уровень потенциальной миграции русскоязычных из Молдовы остается по-прежнему высоким, хотя теперь на первый план вновь выходят экономические причины (Остапенко, 2011: 64).

Несмотря на отток русскоязычного населения из Молдавии в 1990-е годы и последующее десятилетие, в Молдове и близле-

жащих странах существует сложившееся русскоязычное сообщество, которое понимается нами как «воображаемая группа» (Андерсон, 2001), сформированная на основе представлений о сообществе, разделяемых его членами. Русскоязычное сообщество включает не только этнических русских, но и представителей других этнических групп, которые могут употреблять русский язык в качестве средства повседневного общения и идентифицируют себя с русскоязычным сообществом. В этой связи *русскоязычные* рассматриваются как этносоциальная группа, «причем основной акцент делается не на этническом, а на социальном и цивилизационном, учитывая общность их исторической судьбы, базовой культуры, прежних социальных ролей и особенности положения в новых независимых странах» (Космарская, 2006: 23). *Целью* данной статьи является оценка уровня потенциальной миграции русскоязычных из Молдовы; кроме того, предпринимается попытка выявить основные тенденции развития миграционной ситуации в республике.

Методы исследования. Выборка

Для изучения возможных миграционных стратегий, предполагаемых сроков миграции, а также направлений миграции русскоязычного населения Молдовы в 2010 году в Кишиневе и Тирасполе был проведен опрос русскоязычного населения. Массовый опрос предваряли тематически-центрированные и экспертные интервью. Всего было проведено 17 тематически-центрированных и 10 экспертных интервью. Из них 13 интервью в Кишиневе и 14 в Тирасполе.

Объектом исследования явилась молодежь в возрасте от 16 до 30 лет. Для составления выборки использовался квотный метод. Была сформирована выборка объемом 900 респондентов, по 350 респондентов в Кишиневе и Тирасполе. Кроме того, также по квотному методу была сформирована контрольная группа, состоящая из русскоязычных в возрасте от 55 до 65 лет, по 100 человек в Кишиневе и Тирасполе.

Таким образом, в исследовании использовались качественные (на предварительном этапе) и количественные методы сбора информации. Полученный массив данных обрабатывался с помощью программы SPSS.

В данной статье акцент ставился на выявлении уровня потенциальной миграции русскоязычного населения Молдовы в Киши-

неве и Тирасполе и влияния фактора этничности на миграционную ситуацию. В статье предлагается анализ по трем этническим группам (молдаване, украинцы и русские). В исследовании анализ проводился и по другим этническим группам, однако, учитывая немногочисленность выборки других этнических групп, было возможно пренебречь этими данными.

Для выявления уровня потенциальной миграции русскоязычного населения в Молдове, анализ проводился по следующим направлениям:

Наличие миграционных намерений, что предполагало выяснение наличия (отсутствия) желания респондентов покинуть пределы Молдовы, а также попытку оценить степень влияния фактора уровня образования на убежденность респондентов покинуть РМ.

Сроки и мотивация (цели) выезда. Здесь делалась попытка установить примерные сроки, когда именно респонденты собираются покинуть Молдову, если таковые присутствовали на момент опроса, а также мотивацию респондентов к миграции и цели, которые опрошенные преследовали за пределами РМ.

Направления миграции. Это предполагало выяснение конкретных мест назначения, куда респонденты собирались уезжать, если таковые назывались.

Ориентация на получение гражданства предполагало выяснение желания респондентов стать гражданами одной (или нескольких) стран или же желание сменить уже имеющиеся гражданства.

Наличие миграционных намерений

Кишинев

Большинство опрошенных в Кишиневе (68,7 %) хотели бы выехать из Молдовы. Причем в возрастной группе от 16 до 23 лет на выезд из республики ориентированы 77,1 % респондентов. В возрастной группе от 23 до 30 лет данная тенденция выражена немного слабее. Так, 61,8 % респондентов указанной группы сообщили, что готовы уехать из Молдовы. В целом, русскоязычная молодежь ориентирована на выезд из республики, причем жизненные стратегии самой «юной» возрастной группы русскоязычных в большинстве случаев вообще не связаны с Молдовой.

Таблица 1. Ориентация на выезд в зависимости от уровня образования (Кишинёв, %)

Хотели бы вы уехать из Молдавии	Среднее	Уровень образования		
		Средне-спец.	Неполное высшее	Высшее
Да	69,6	70,0	76,6	57,6
Нет	23,8	18,0	18,8	25,8
Затрудняюсь ответить	6,5	12,0	4,7	16,7
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0

Интересно проследить влияние уровня образования на желание покинуть страну. Если посмотреть на молодежные группы в этом раскладе, то можно увидеть, что миграционные мотивы наиболее выражены в группе респондентов с неоконченным высшим образованием (студенты). В этой группе 76,6 % респондентов хотели бы покинуть Молдову. В группах респондентов со средне-специальным и средним образованием эта доля несколько ниже, и только группа опрошенных с высшим образованием демонстрирует более слабую тенденцию к выезду. Здесь 57,6 % респондентов хотели бы покинуть страну (Таблица 1).

Другим фактором, который мог бы оказывать влияние на миграционные намерения респондентов, является этническая идентичность. В этом случае можно видеть следующую картину: Из трех доминирующих численно этнических групп (молдаване, русские и украинцы) наибольшую ориентацию на отъезд показывают этнические русские — 75,4 процента. По сравнению с молдаванами (52,7 %), видно, что группа этнических русских более всех настроена на миграцию. Это особенно явно с учетом того, что доля колеблющихся (вариант «затрудняюсь ответить») ниже всего как раз у этнических русских (6,7 %), в то время как молдаване и, особенно, украинцы демонстрируют большую нерешительность — 12,2 % и 20,5 % соответственно (Таблица 2).

Вышеприведенные цифры указывают на существующую зависимость между этнической идентичностью и ориентацией на миграцию. Более всего на отъезд ориентирована группа русских. С заметным отрывом следуют украинцы, которые также показы-

Таблица 2. Ориентация на выезд в зависимости от этнической идентичности (Кишинев, %)

Хотели бы вы уехать из Молдавии	Кем вы себя ощущаете по этнической принадлежности?		
	молдаванин	украинец	русский
Да	52,7	66,7	75,4
Нет	35,1	12,8	17,9
Затрудняюсь ответить	12,2	20,5	6,7
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0

вают высокий уровень ориентации на выезд, и менее остальных групп на выезд ориентированы молдаване.

Тирасполь

О своем желании выехать из страны заявили 58,9 % опрошенных. Среди молодежи в возрасте от 16 до 23 лет 65,9 % респондентов ориентированы на выезд из республики. В возрастной группе от 23 до 30 лет миграционные намерения чуть менее выражены (на выезд из республики ориентированы 52 % опрошенных).

Более всего ориентированы на миграцию респонденты из группы с неполным высшим образованием. Из них 65,6 % собираются покинуть страну. Несколько меньшие цифры показывает группа респондентов со средним образованием (62,5 %). И наименее всего ориентированы на выезд группы опрошенных со средне-специальным и высшим образованием, 51,7 % и 51,1 % соответственно. Можно видеть, что в сравнении с Кишиневом, миграционные намерения выражены слабее; общим моментом является только то, что наиболее мобильными группами, как в Кишиневе, так и в Тирасполе, являются респонденты с неполным высшим образованием (Таблица 3).

Что касается зависимости этнической принадлежности и ориентации на выезд из страны, то в Тирасполе на миграцию более всего ориентированы молдаване. Так 65,5 % от группы этнических молдаван хотели бы покинуть страну. Сравнимые показатели в группе украинцев — 61,8 %. И в группе русских наблюдается наименьшая ориентация на отъезд (55,8 %), по сравнению с двумя предыдущими группами (Таблица 4). Можно видеть, что в срав-

Таблица 3. Ориентация на выезд из Молдавии в зависимости от уровня образования (Тирасполь, %)

Хотели бы вы уехать из Молдавии	Уровень образования			
	Среднее	Среднее спец.	Неполное высшее	Высшее
Да	62,5	51,7	65,6	51,1
Нет	32,7	37,9	20,4	38,9
Затрудняюсь ответить	4,8	10,3	14,0	10,0
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 4. Ориентация на выезд в зависимости от этнической идентичности (Тирасполь, %)

Хотели бы вы уехать из Молдавии	Кем вы себя ощущаете по этнической принадлежности?		
	молдаванин	украинец	русский
Да	65,5	61,8	55,8
Нет	30,9	25,5	34,6
Затрудняюсь ответить	3,6	12,7	9,7
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0

нении с Кишиневом, ситуация выглядит противоположно: В Кишиневе на отъезд более всего ориентирована группа русских, в то время как в группе молдаван миграционные настроения выражены в меньшей степени. В Тирасполе ориентация на отъезд более выражена как раз в группе молдаван, в то время как русские респонденты в меньшей степени готовы покинуть страну.

Принимая во внимание указанные отличия, можно видеть, что во всех этнических группах доминируют респонденты, которые хотят покинуть Молдову. Поэтому, несмотря на видимое влияние этнического фактора на миграционные намерения, следует предположить, что не только он является определяющим в мотивации к миграции.

Контрольная группа

Среди опрошенных в контрольной группе, в возрасте 55–65 лет, миграционные намерения менее выражены, чем у молодых респондентов. Так, в *Кишиневе* 38,2 % опрошенных хотели бы выехать из Молдавии. Среди указанной категории 43,6 % имеют высшее образование, а 23,1 % и 33,3 % — среднее и среднее специальное образование, соответственно. По основному массиву среди респондентов с высшим образованием 57,6 % ориентированы на миграцию. В контрольной группе среди опрошенных с высшим образованием только 33,3 % ориентированы на миграцию. Таким образом, количество молодых респондентов с высшим образованием, стремящихся покинуть Молдову, значительно больше.

В *Тирасполе* на выезд ориентированы только 20 % опрошенных контрольной группы, в то время как 66 % опрошенных предпочитают остаться. Таким образом, для контрольной группы в Тирасполе миграционные намерения менее актуальны по сравнению с опрошенными из Кишинева. Кроме того, в контрольной группе более выражена ориентация на оседлость, в то время как для тираспольской молодежи, напротив, характерны миграционные тенденции, которые также присущи молодежи из Кишинева. В контрольной группе, среди тех, кто все-таки хотел бы выехать, более всего ориентированы на выезд опрошенные, имеющие высшее образование (26,1 %). Вместе с тем этот показатель примерно в два раза ниже аналогичного показателя по основному массиву.

Таким образом, в контрольной группе, как в Кишиневе, так и в Тирасполе, ориентация на выезд менее актуальна, что можно объяснить нежеланием представителей контрольной группы менять привычный уклад жизни. Результаты как по контрольной группе, так и по основному массиву в Тирасполе могут свидетельствовать о том, что субъективный уровень комфорта русскоязычных в Тирасполе выше, чем у опрошенных в Кишиневе, что также отражается на миграционных намерениях.

Сроки и мотивация (цели) выезда

Кишинев

В Кишиневе наблюдается достаточно сильная ориентация на выезд из республики в ближайшей перспективе (1–2 года).

Таблица 5. Оценка респондентами сроков возможного выезда (в%)

Когда вы планируете уехать из Молдавии	Кишинев	Тирасполь
В ближайшие 1–2 года	36,4	27,2
В ближайшие 3–5 лет	19,2	26,7
Через 5 лет	6,7	16,0
Затрудняюсь ответить	37,7	30,1
<i>Всего</i>	100,0	100,0

На это указали 36,4 % опрошенных. В среднесрочной перспективе (3–5 лет) готовность выехать из республики отметили 19,2 % респондентов (Таблица 5).

Основной целью выезда является эмиграция на постоянное место жительства. На это указали 60,3 % респондентов в Кишиневе. На временную миграцию ориентированы респонденты, указавшие в качестве цели миграции временное трудоустройство (21,3 %) и получение образования (8,8 %). Следует отметить, что 7,9 % кишиневских респондентов в качестве мотивации выезда указали изменение языковой среды, что нехарактерно для опрошенных в Тирасполе.

Анализируя ответы респондентов относительно основных целей миграции, можно сделать вывод, что большинство опрошенных, принявших решение о выезде, готовы это сделать ради того, чтобы осесть в принимающих странах (найти работу, открыть свое дело и т. д.), что предполагает невозвратную миграцию. Можно также предположить, что часть трудовых мигрантов, а также тех, кто выезжает за рубеж с целью обучения, в последующем постарается закрепиться в принимающих странах.

Интерес представляет зависимость этнической принадлежности респондентов от целей миграции. Так, анализ данных показывает, что респонденты, идентифицирующие себя как молдаване, в основном хотят уехать из страны с целью временного трудоустройства за границей, тогда как русские и украинцы в качестве основного мотива выезда указали эмиграцию на постоянное место жительства (Таблица 6).

Таблица 6. Цели выезда в зависимости от этнической идентичности (Кишинев, %)

Цель выезда	Кем вы себя ощущаете по национальной принадлежности?		
	молдаванин	украинец	русский
Временное трудоустройство	64,1	30,8	6,8
Получение образования	7,7	3,8	10,2
Эмиграция на постоянное место жительства	12,8	53,8	73,5
Изменение языковой среды	10,3	11,5	8,2
Другое	2,6	0,0	0,7
Затрудняюсь ответить	2,6	0,0	0,7
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0

Тирасполь

Среди опрошенных в Тирасполе в основном характерна ориентация на выезд из страны в ближайшей (1–2 года) и среднесрочной перспективе (3–5 лет). На это указали 27,2 и 26,7 процента опрошенных, соответственно (Таблица 5).

Основной целью миграции, как и в Кишиневе, является эмиграция на постоянное место жительства. Это отметили 44,2 процента респондентов. По сравнению с Кишиневом, этот показатель заметно ниже, что сказывается на структуре миграции из Тирасполя. Так, следующей по популярности целью выезда является временное трудоустройство. На это указали 29,1 процента опрошенных тираспольцев. Эти данные вполне сравнимы с кишиневской выборкой. А вот уровень мотивации получения образования вне страны в Тирасполе (19,9 %) более чем в два раза превышает аналогичный показатель в Кишиневе. Это также связывается респондентами с возможностью дальнейшего трудоустройства в принимающей стране.

Следует отметить, что на выезд в самое ближайшее время (1–2 года) ориентированы безработные, в то время как

Таблица 7. Цели выезда в зависимости от этнической идентичности (Тирасполь, %)

Цель выезда	Кем вы себя ощущаете по национальной принадлежности?		
	молдаванин	украинец	русский
Временное трудоустройство	44,4	23,5	25,6
Получение образования	27,8	11,8	20,7
Эмиграция на постоянное место жительства	19,4	52,9	48,8
Изменение языковой среды	2,8	2,9	0,8
Другое	0,0	0,0	0,8
Затрудняюсь ответить	5,6	8,8	3,3
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0

респонденты, указавшие целью миграции получение образования, планируют это сделать в среднесрочной перспективе (3–5 лет).

Что касается связи этнической принадлежности респондентов и целей миграции, то можно видеть схожую с ситуацией в Кишиневе картину: молдаване, в основном, хотят уехать из страны с целью временного трудоустройства, в то время как русские и украинцы предпочитают навсегда покинуть страну.

Следует отметить, что в тираспольской выборке число русских, которые стремятся навсегда уехать из страны, значительно ниже, чем в Кишиневе, а такие цели миграции, как временное трудоустройство и получение образования, в значительной степени присутствуют в группе русских, что также не является характерным для Кишинева.

В целом, в отношении целей миграции, можно видеть заметное отличие как по этническим группам, так и по месту опроса. Создается впечатление, что русские и украинцы Кишинева испытывают большее миграционное давление, нежели в Тирасполе. По крайней мере, «потенциальные невозвращенцы» среди русских в Тирасполе составляют менее половины (48,8 %), в то время как в Кишиневе их количество приближается к трем четвертям.

Таблица 8. Оценка респондентами сроков возможного выезда (контрольная группа, %)

Когда вы планируете уехать из Молдавии	Кишинев	Тирасполь
В ближайшие 1–2 года	10,3	40,0
В ближайшие 3–5 лет	7,7	10,0
Через 5 лет	15,4	10,0
Затрудняюсь ответить	66,7	40,0
<i>Всего</i>	100,0	100,0

Таблица 9. Цели выезда из Республики Молдова (контрольная группа, %)

	Кишинев	Тирасполь
Временное трудоустройство	2,6	30,0
Получение образования	0,0	5,0
Эмиграция на постоянное место жительства	71,8	50,0
Изменение языковой среды	17,9	5,0
Другое	0,0	5,0
Затрудняюсь ответить	7,7	5,0
<i>Всего</i>	100,0	100,0

Контрольная группа

В *Кишиневе* 38,2 % респондентов ориентированы на выезд из Молдавии. Причем большинство из них (66,7 %), затруднились назвать конкретные сроки выезда, что, скорее всего, может свидетельствовать о том, что опрошенные не имеют реальных намерений на выезд. В *Тирасполе* на выезд ориентированы всего лишь 20 % опрошенных, причем из этого числа 40 % хотели бы выехать в ближайшей перспективе. Это позволяет предположить наличие конкретных намерений (Таблица 8).

Большинство опрошенных в *Кишиневе* ориентированы на миграцию на постоянное место жительства. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что 17,9 % респондентов хотели бы выехать по причине изменения языковой среды. Эта причина не характерна для опрошенных контрольной группы в *Тирасполе* и в основном массиве (Таблица 9).

В целом можно предположить, что миграционные стратегии скорее не актуальны для контрольной группы. Особенно это заметно в *Тирасполе*. В *Кишиневе* миграционные настроения выражены несколько сильнее, что созвучно положению вещей в основном массиве. В частности, молодые респонденты (русские и украинцы) более склонны к невозвратной миграции именно из *Кишинева*, нежели из *Тирасполя*.

Тем не менее значительная часть молодежи как *Кишинева*, так и *Тирасполя* ориентирована на выезд в ближайшей и среднесрочной перспективе. Наиболее популярными целями миграции называются желание окончательно осесть в стране приезда, временное трудоустройство или получение образования.

Направления миграции

В целях определения направлений потенциальной миграции респондентам было предложено на выбор несколько стран, которые, согласно данным статистики, наиболее популярны среди мигрантов. В ходе исследования были получены следующие результаты (Таблица 10).

Кишинев

В качестве наиболее перспективной страны для миграции большинством опрошенных названа Россия (75,7 %). По-видимому, это объясняется тем, что в этом случае имеется ряд преимуществ, в частности безвизовый режим, территориальная близость, более высокий уровень экономического развития, наличие вакансий на рынке труда. Кроме того, в ходе интервью респондентами отмечался более высокий уровень возможностей для самореализации в РФ. Обращает на себя внимание и тот факт, что среди опрошенных в *Кишиневе*, ориентированных на выезд из республики, 57,7 % имеют близких родственников, а 40,9 % — друзей и знакомых, проживающих в России, что также может влиять на принятие решения о миграции.

Таблица 10. Направления предполагаемой миграции
(множественный ответ, %)

	Кишинев	Тирасполь
Россия	75,7	74,8
Италия	18,0	21,8
Украина	11,3	18,9
Болгария	5,9	4,4
Португалия	5,4	8,3
Турция	4,6	3,4
Румыния	2,5	2,4
Другое	20,9	10,2
Затрудняюсь ответить	5,4	4,4

Вторым наиболее популярным миграционным направлением была названа Италия (18 % респондентов), что может быть обусловлено не только вхождением данного государства в ЕС, а также высоким уровнем экономического развития и устойчивым каналом миграции из РМ в указанную страну. В этой связи следует отметить, что Румыния, несмотря на вхождение в ЕС, не воспринимается опрошенными в качестве потенциально привлекательной страной для миграции, несмотря на проведение целенаправленной политики по предоставлению румынского гражданства.

Анализ потенциальных направлений миграции в зависимости от этничности респондентов позволяет сделать вывод о том, что большинство опрошенных в *Кишиневе* во всех этнических группах ориентированы на миграцию в Россию, что может свидетельствовать об ориентации русскоязычных Кишинева на миграцию в данном направлении.

Вместе с тем для молдаван после России следующим по актуальности направлением миграции является Румыния и Италия (Таблица 11), что можно объяснить вхождением данных государств в ЕС, проведением со стороны Румынии политики по вовлечению граждан Молдовы в румынское гражданство, наличием

Таблица 11. Направления миграции в зависимости от этничности
(множественный ответ, %)

Направления миграции	Этничность					
	молдаване		украинцы		русские	
	Ки-шинёв	Тирасполь	Ки-шинёв	Тирасполь	Ки-шинёв	Тирасполь
Россия	76,9	69,4	76,9	50,0	76,9	84,3
Италия	10,3	16,7	3,8	2,9	4,8	4,1
Румыния	14,3	8,3	0,0	0,0	0,0	0,0
Португалия	0,0	2,8	3,8	2,9	0,7	0,8
Украина	0,0	0,0	7,7	17,6	0,7	3,3
Болгария	5,1	2,8	0,0	0,0	0,0	0,0
Другое	2,6	0,0	7,7	14,7	10,9	4,1
Затрудняюсь ответить	5,1	0,0	0,0	11,8	6,1	3,3

молдавских миграционных сообществ на территории указанных государств, а также схожестью языка.

Тирасполь

Наиболее привлекательной страной для миграции опрошенные из Тирасполя считают Россию (74,8 %). Среди них 52,8 % имеют близких родственников, а 42,2 % — друзей и знакомых в России. Важно отметить, что многие опрошенные указали на то, имеют знакомых с положительным опытом миграции в РФ. Таким образом, можно видеть, что неформальные сети связей играют, по-видимому, одну из ключевых ролей при реализации миграционных намерений.

Как и в кишиневской выборке, Италия занимает вторую позицию среди наиболее привлекательных стран с точки зрения миграции (21,8 %). Влияние Украины более ощутимо по сравнению с опрошенными в Кишиневе. Так, в Украину хотели бы уехать 18,9 % опрошенных из Тирасполя, что можно объяснить целенаправленной политикой Украины по предоставлению украинского

гражданства лицам, проживающим на территориях, ранее входивших в состав УССР.¹ Кроме того, у жителей ПМР и Украины существуют тесные связи в сфере приграничного сотрудничества, а также родственные и культурные связи.

В *Тирасполе* русские и молдаване связывают свои миграционные намерения преимущественно с Россией (Таблица 11).

Среди молдаван следующими по актуальности направлениями миграции являются Италия — 16,7 % и Румыния — 8,3 % (Таблица 11), что также можно объяснить вхождением данных государств в ЕС, наличием молдавских миграционных сообществ на территории указанных государств, а также схожестью языка.

На потенциальную миграцию в Россию ориентировано 50 % украинцев, что, скорее всего, можно объяснить социально-экономическими причинами. Вместе с тем на миграцию в Украину ориентировано 17,6 %, что может быть объяснено родственными связями, а также более привлекательной экономической ситуацией в Украине.

Можно предположить, что влияние этничности на миграционные процессы наиболее ощутимо у русских, в то время как для других этнических групп более существенное влияние оказывают социально-экономические факторы.

Контрольная группа

В контрольной группе в *Килишеве* для подавляющего большинства опрошенных (97 %) Россия является наиболее привлекательной страной для миграции. Для *Тирасполя* ориентация на Россию также является ключевой, однако в этом случае Россию предпочитает несколько меньшее количество опрошенных (78,6 %).

Из-за большого числа пропущенных значений в контрольной группе проводить анализ миграционных намерений в зависимости от этничности респондентов было нецелесообразно.

По мнению некоторых исследователей, миграционные предпочтения обусловлены лингвистическими особенностями населения, например, жители Приднестровья в большей степени ориентированы на Россию, жители Гагаузии — на Россию и Турцию, молдаване — на Россию и государства Европейского Союза (Мошняга, 2008).

---

¹ Закон Украины «О гражданстве Украины»: <http://soderkoping.org.ua/page11392.html>

Таблица 12. Ориентация на получение гражданства (множественный ответ, %)

	Какое гражданство, помимо имеющегося, вам хотелось бы приобрести?	
	Кишинев	Тирасполь
Молдовы	0,3	3,1
России	73,3	50,3
Украины	12,9	23,1
Белоруссии	3,7	2,9
Румынии	13,2	10,9
Болгария	12,6	10,9
Турции	3,2	2,3
Другое	15,5	6,3
Затрудняюсь ответить	11,2	15,7

В целом можно сказать, что для опрошенных как основного массива, так и контрольных групп Россия является наиболее привлекательным направлением для миграции. Следующим по привлекательности направлением является Италия, а затем Украина.

Ориентация на получение гражданства

Кишинев

Для большинства респондентов из Кишинева наиболее привлекательным является российское гражданство. На это указали 73,3 процента опрошенных. Данный выбор может быть продиктован как экономическими причинами (более высокий уровень жизни, возможность трудоустройства, успешный опыт самореализации в РФ знакомых и родственников респондентов), а также неготовностью адаптироваться к условиям жизни в РМ (в т. ч. желание изменить языковую среду). Далее по степени привлекательности следует гражданство Румынии, Украины и Болгарии.

Таблица 13. Ориентация на получение гражданства в зависимости от этничности (множественный ответ, %)

Желаемое гражданство	Этничность					
	молдаване		украинцы		русские	
	Ки-шинёв	Тирасполь	Ки-шинёв	Тирасполь	Ки-шинёв	Тирасполь
Россия	64,9	74,5	76,9	74,5	75,9	38,7
Румыния	13,5	14,5	0,0	1,8	1,0	2,8
Украина	2,7	3,6	5,1	10,9	0,0	18,9
Болгария	2,7	0,0	2,6	3,6	3,6	6,0
Молдавия	0,0	5,5	0,0	0,0	0,0	3,7
Другое	9,5	1,8	7,7	3,6	5,6	7,8
Затрудняюсь ответить	6,8	0,0	7,7	5,5	13,8	22,1

Это отметили 13,2, 12,9 и 12,6 процентов опрошенных, соответственно (Таблица 12).

Привлекательность румынского и болгарского гражданства может быть обусловлена вхождением этих государств в ЕС, в то время как на получение украинского гражданства ориентированы украинцы.

Большинство опрошенных в Кишиневе вне зависимости от этничности ориентированы на получение российского гражданства (Таблица 13), что, предположительно, обусловлено социально-экономическими причинами.

Для 13,5 % молдаван, опрошенных в Кишиневе, следующим по актуальности после российского гражданства является румынское гражданство, что обусловлено политикой Румынии по предоставлению румынского гражданства лицам, а также вхождением данной страны ЕС. Кроме того, данный показатель соответствует показателю направленности миграции в зависимости от этничности (Таблица 11).

Можно предположить, что для украинцев, проживающих в Кишиневе, получение гражданства Украины не актуально (только 5,1 % из данной этнической группы высказались за получение гражданства данного государства).

Привлекательность российского гражданства отметили 50,3 % опрошенных (Таблица 12), при этом необходимо учитывать, что 39,1 % респондентов уже имеют российское гражданство, что предусмотрено законодательством ПМР.² Таким образом, уровень привлекательности гражданства РФ для молодых тираспольцев несколько выше, чем для жителей Кишинева. Гражданство Украины представляет интерес для 23,1 % респондентов, которыми отмечалось, что украинское гражданство оформить проще, чем гражданство РФ. Согласно законодательству Украины, получение украинского гражданства предусмотрено для лиц, проживавших на территориях, ранее входивших в состав УССР (территория ПМР), а также их потомками.³ Следующими по степени популярности являются гражданства Румынии и Болгарии. Это отметили одинаковое количество респондентов, по 10,9 процента опрошенных. Этот показатель в Тирасполе сравним с данными, полученными в Кишиневе. Скорее всего, это может быть обусловлено миграционной политикой, направленной на получение гражданства этническими румынами и болгарями. Кроме того, указанные страны входят в Европейский Союз и данный выбор характерен, в основном, для тех респондентов, кто ориентирован на трудоустройство в ЕС, а также связывает свои жизненные стратегии с последующей миграцией в другие европейские страны.

В Тирасполе более всего ориентированы на получение российского гражданства молдаване (74,5 %) и украинцы (74,5 %) (Таблица 12), что, по-видимому, обусловлено привлекательным социально-экономическим положением России по сравнению с Молдавией и Украиной.

Для молдаван следующим по востребованности является румынское гражданство (14,5 % респондентов), что также объясняется политикой Румынии, направленной на предоставление румынского гражданства. Показателен тот факт, что среди предпочитаемых направлений миграции Италия находится на втором месте по полярности после России (Таблица 11), вместе с тем вы-

---

² Согласно законодательству ПМР, гражданин Приднестровской Молдавской Республики может иметь двойное гражданство — гражданство одного и более иностранных государств. Приобретение гражданином ПМР иного гражданства не влечет прекращения гражданства ПМР.

³ Закон Украины «О гражданстве Украины»: <http://soderkopng.org.ua/page11392.html>

раженной ориентации на получение итальянского гражданства молдаванами как в *Кишиневе*, так и в *Тирасполе* не выявлено.

Среди украинцев *Тирасполя* только 10,9 % (Таблица 12) ориентированы на получение украинского гражданства.

Наиболее неоднозначная ситуация в выборе гражданства сложилась среди русских. Так, по сравнению с опрошенными из *Кишинева* в *Тирасполе* значительно меньше число тех, кто ориентирован на получение российского гражданства, — 38,7 % респондентов (Таблица 12). Кроме того, 18,9 % ориентированы на получение гражданства Украины, т. к., со слов опрошенных, процедура получения украинского гражданства менее бюрократична. Показателен тот факт, что 22,1 % русских затруднились ответить на вопрос относительно ориентации на получение другого гражданства.

Контрольная группа

Большинство опрошенных в *Кишиневе* (79,4 %) хотели бы получить российское гражданство. Следующим по привлекательности является украинское гражданство — 20,6 процента опрошенных. В *Тирасполе* большинство опрошенных (68,3 %) также хотели бы приобрести российское гражданство. Следующим по привлекательности является гражданство Украины — 28,3 %.

Таким образом, для большинства русскоязычных РМ как в основном массиве, так и в контрольных группах существует ориентация на получение российского гражданства. Среди основной группы в Кишиневе выражена тенденция на получение гражданства стран, входящих в ЕС и Украины. Для тираспольской молодежи выражена актуальность получения гражданства Украины.

Выводы

Исходя из приведенного анализа, уровень потенциальной миграции русскоязычного населения можно определить как высокий. Русскоязычная молодежь как в Кишиневе, так и в Тирасполе ориентирована на выезд из страны, что обусловлено в основном экономическими причинами, а также ограниченными возможностями для самореализации. Кроме того, миграционные тенденции обусловлены ограниченными возможностями местного рынка труда и низкой заработной платой. В то же время

на протяжении двух десятилетий в самой Молдове и в соседних с ней странах развились миграционные сети и трансграничные миграционные сообщества русскоязычных. Помимо этого, в самой Молдове возникла определенная миграционная культура и, что особенно важно, стереотип о необходимости миграции, что способствует вовлечению в миграционные процессы новых категорий населения (Поалелунж, 2010).

Принимая во внимание особенности сложившейся ситуации, можно предвидеть ряд негативных тенденций для Молдовы. Во-первых, большинство опрошенных молодых людей в обоих городах будут в дальнейшем ориентированы на невозвратную миграцию. Количество респондентов, предпочитающих временный выезд для получения работы или образования, значительно меньше потенциальных «невозвращенцев». Во-вторых, в сознании респондентов как молодого, так и старшего поколений присутствует представление о необходимости покинуть страну хотя бы на время. Например, для временного трудоустройства или получения образования. При этом установка на возвращение не прослеживается, а предпосылка для значительной перемены данной установки в ближайшем будущем не наблюдается. И в-третьих, сложившиеся устойчивые связи русскоязычных Молдовы в близлежащих странах будут, по-видимому, укрепляться и существенно усиливать миграционные тенденции в самой Молдове.

Основной поток русскоязычных мигрантов из Кишинева и Тирасполя следует ожидать в России, поскольку именно Россия на сегодняшний момент наиболее привлекательна для миграции, а гражданство РФ является наиболее желаемым для потенциальных мигрантов. В целом, складывающаяся миграционная ситуация в будущем приведет к оттоку молодых квалифицированных специалистов, получивших образование в учебных заведениях РМ и сокращению русскоязычного населения Молдовы. Здесь можно согласиться с суждением Валерия Мошняги о том, что указанные тенденции могут привести к исходу наиболее активной молодежи и квалифицированной рабочей силы из республики. Это, в свою очередь, создаст предпосылки для депопуляции, что может расцениваться как угроза национальной безопасности Молдовы (Мошняга, 2008). Также следует предположить, что выезд активной русскоязычной молодежи будет способствовать изменению этнической структуры населения республики с тенденцией уменьшения доли этнических русских. Возникающие при этом риски будут касаться, в первую очередь, проблем демографического и экономического развития страны.

Публикация подготовлена по результатам исследования «Диаспорные сообщества русскоязычных в ближнем зарубежье (на примере Молдовы: Этнонациональные политики и стратегии взаимодействия правительств стран исхода и поселения), № 09-03-00 687а / Р. Проект поддержан Российским гуманитарным научным фондом в 2009–2010 гг.

Литература:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышляя об истоках и распространении национализма / Пер. с английского В. Николаева. М., 2001.
2. Вакуловский Д. Проблемы рынка труда в Молдове и Приднестровье // Молдова-Приднестровье: Общими усилиями к успешному будущему. Социальные аспекты. 2009.
3. Космарская Н. П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М., 2006.
4. Мошняга В. Г. Постсоветские миграции в Молдавии — основные причины // Демоскоп weekly. № 355–356 (2008): <http://demoscope.ru/weekly/2008/0355/tema01.php>.
5. Мошняга В. Г. Потенциал трудовой миграции велик // Демоскоп weekly. № 355–356 (2008): <http://demoscope.ru/weekly/2008/0355/tema04.php>.
6. Мошняга В. Г. Миграция — экономические плюсы и социальные минусы // Демоскоп weekly. № 355–356 (2008): <http://demoscope.ru/weekly/2008/0355/tema05.php>.
7. Остапенко Л. В., Суботина И. А. Русские в Молдове: социально-демографические трансформации // Социс. № 5. М., 2011.
8. Поалелунжь О. М. Молдова в Потоке международной миграции // Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси. Кишинев, 2010: Демоскоп weekly. № 455–456: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0455/analito2.php>.

О. Р. АЙРАПЕТОВ

В. М. БЕЗОТОСНЫЙ.

РОССИЯ И ЕВРОПА В ЭПОХУ 1812 ГОДА:
СТРАТЕГИЯ И ГЕОПОЛИТИКА. М., 2012

Думаю, что новая книга В. М. Безотосного найдет своего читателя. Более того, убежден, что она просто обречена на успех. Причины этого успеха довольно очевидны. На мой взгляд, они заключаются в редчайшем для нашего времени явлении: профессионал, занимающийся своим делом. В идеале так и должно быть всегда, потому что это нормально. Выбор между нормой и аномалией для здравомыслящего человека естественен, и потому повторю — книга обречена на успех. Сразу отмечу — лично мне нравятся труды Виктора Михайловича. Все они выполнены с большой любовью к истории нашей страны, с уважением к факту, к источнику и историографии.

Все эти качества, безусловно, делают Безотосного ведущим специалистом по эпохе 1812 года, и, естественно, выводят его за пределы *mainstream* российского *academic society*. Удивляться такому результату не приходится. Объективность, требовательность к себе, а часто и просто порядочность сегодня не относятся у нас к самым востребованным качествам. Речь идет не только об истории. Российская наука и образование, российская культура вообще переживают глубокий и затяжной кризис. Это можно игнорировать, замалчивать, не признавать, но это уже очевидно. Увы, очевидно и другое: этот кризис неизбежен. Он является естественным продуктом последовательного разгрома школы, насаждения ханжества и русофобии, невежества и норм поведения, естественных скорее для животного мира, чем для человека.

Результат неутешителен — та часть общества, которая приняла подобные правила игры, обогащается и развращается, а та, которая не хочет продавать первородство за чечевичную похлебку, не желает расставаться ни со своим человеческим достоинством, ни с правдой о прошлом своего Отечества, еще более, чем раньше, стремится найти в истории России, и особенно в ее славных страницах, источник силы для жизни в тяжелом настоящем и очевидно нелегком будущем. Черда юбилеев, открывающаяся 200-летием Отечественной войны 1812 года, не может не усилить поляризации между реальными и декларативными достижениями и остроты видовой борьбы *homo consumeris* с *homo sapiens*.

Исход этой борьбы отнюдь не очевиден. Дом, домом науки нареченный, превращен в вертеп разбойников, а у торгующих во храме — серьезные интересы и жесткие привычки. В противостоянии с ними обычно побеждают отнюдь не самые умные и достойные, а самые хищные и неразборчивые в средствах. То есть те же самые «человеки потребляющие». Ведь цель оправдывает средства, не правда ли? Неудивительно, что одним из зримых проявлений кризиса является увеличение числа «экспертов» на фоне сокращения специалистов и умножение сонма академических председательствующих при падении популярности научного труда и, как следствие, — популяции научных работников.

В подобной нездоровой атмосфере в исторической науке вновь наметились неприятные тенденции разделения на основе политического заказа или разногласий, собственно к науке не имеющих никакого или почти никакого отношения. Как и в культуре, есть достижения декларативные, часто виртуальные, как правило, восхваляемые системой, и достижения реальные, как правило, замалчиваемые. Иначе и быть не может. Возникает непреодолимое ощущение, что любое качественное исследование, выполненное специалистом, воспринимается председательствующими «экспертами» как вызов и угроза собственному процветанию. Удивительно, как вообще еще возможны феномены появления здоровых работ в столь болезненной атмосфере. В последнее время в каждой более или менее важной для русской истории и русского исторического сознания теме возникают островки жизни, доказывающие правоту народной мудрости — «И один в поле воин».

1812 году повезло. У него таких воинов как минимум два. Книга одного — профессора Д. Ливена¹ — ожидается вскоре

---

¹ Lieven D. *Russia against Napoleon. The battle for Europe, 1807–1814.* Penguin books. 2009.

в русском переводе, вторая — сделана предметом нашего обсуждения. Из первых пришедших мне на ум претензий к ней я хотел бы назвать две: во-первых, книга появилась позже, чем мне хотелось бы, и я не успею использовать ее в собственном проекте, и, во-вторых, мне не нравится термин, вернее слово «геополитика».

Сам Виктор Михайлович, предворяя исследование солидным обзором историографии последнего времени, рассматривает все более или менее заметные тенденции исследования эпохи 1812 года, особенно в постсоветский период. Выбранные хронологические рамки объяснены и основательно фундированы. Это прекрасно. Но термин «геополитика» разъяснен весьма условно. Мне кажется, сам автор чувствует это, называя это явление то «термином», то «специфической областью знания», а то и «модным словом».² Не имею никаких претензий к К. Хаусхоферу и Х. Маккиндеру, которые в традициях XIX столетия весьма осмысленно и серьезно относились к печатному слову, их термины ясны и понятны. Наши современные реалии — совсем иное дело.

У нас порой сложно понять, в чем, собственно, состоит специфика этой области знания. Понижение уровня знаний и уровня требований к учащимся в нашей стране привели к неизбежным и весьма болезненным последствиям, во всяком случае, для гуманитарных дисциплин. Теоретизирование без знания фактов становится все более популярным. Показателем падения уровня культуры исследования становится рост использования бессодержательных, а значит, бессмысленных терминов, непотребное в прямом смысле слова, то есть ненужное, загромождение оными текстов и т. п. Множество современных авторов используют «модное слово», нарушая принцип Оккама («не умножать сущности без необходимости»), т. е. не превращать осмысленное кем-то в собственную бессмыслицу.

При таких обстоятельствах не всегда ясно, например, чем внешнеполитические интересы или стратегические соображения отличаются от геополитических. Подозреваю, что многие обращаются к бессмыслице вполне осмысленно, потому что лишенная образа и не поддающаяся определению туманность делает возможными заявления вроде тех, которые так убедительно критикует Безотосный. Например, о глубоком непонимании «Александром I и его приспешниками» (!) истинных интересов государства. Вот

---

² Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия и геополитика. М., 2012. С. 12–13.

так слово «геополитика» превращается в волшебную методологическую палочку для всякого рода проходимцев.

Я заметил, что часть отечественных историков занимается поиском единственно верной методологии как некоего философского камня, обладание которым освободит от необходимости работы, поиска фактов и расширения поля знаний. Поскольку камень так и не был обнаружен, то сойдет и другое волшебство. Вооружившись такой палочкой и действуя ею как дубиной, можно смело и бесцеремонно делать какие угодно заявления. Особенно если они придутся по вкусу тем, с кем когда-то пришлось воевать России. Так действуют настоящие «эксперты». Часто не имея понятия о предметах, они всегда знают, как нужно их изучать.

Следы деятельности этих «терминопоклонников» легко узрит и незрячий. Сколько сил, например, было потрачено на интернализацию самого слова «империя» вообще и словосочетания «Российская империя» в частности. Результатом было терминологическое манихейство в границах понятий «русское» и «царское», где одно противопоставлялось другому. После 1991 г. к этому наследию 1917 г. добавился еще и термин «российское», противопоставленный первым двум, и особенно первому.

А теперь, оказывается, к этой дикой смеси можно добавить «модное словечко», и этого будет вполне достаточно, чтобы утврждать, например, на основании любви к Наполеону, что дружба с Францией — это, собственно, все, что нужно России. На терминологическом волапюке это называется «единством геополитических интересов России и Франции». Разумеется, если речь идет о вере, то спорить не о чем. Предмет веры не подлежит обсуждению. К тому же франкофилия всегда была модной болезнью в России, поэтому и любовь к Бонапарту иногда доходит у некоторых авторов до готовности к отречению от здравого смысла. Что уж тут говорить об отрицании права русского государства на собственные внешнеполитические интересы? Они ведь у него едины с французскими (возможны варианты в зависимости от «геополитических» пристрастий того или иного автора: с германскими, польскими, американскими, японскими, китайскими, и даже латвийскими, литовскими и эстонскими, а почему бы и нет?).

Рецепт прост: для России нет большей выгоды, чем диктат одной могучей державы на европейском континенте. Тот, кто это не понимает, вступает в противоречие с явными геополитическими, аквастратегическими и космоэкономическими интересами страны, а если он еще к тому же не разделил любви современного автора к тому или иному деятелю, возглавившему вторжение

в Россию, — нет предела справедливому гневу такого исследователя. Вот, наконец, истинные ревнители интересов Отечества добрались и до Александра I. И здесь разверзлись «зияющие высоты» современной российской scholar society. И еще какие! Wow! Mein Gott! Простите, в данном случае — parbleu!

В последнее время у некоторых историков проявилась весьма характерная черта — глубокое и искреннее убеждение в том, что изучаемые ими деятели, во всяком случае, отечественной истории, находятся на гораздо более низком уровне развития, чем они сами. А посему, «все предрассудки истребя», любое непонятное и необъяснимое для таких историков решение своих героев они с готовностью списывают на их непонимание геополитической обстановки, глупость, даже недоразвитость, неспособность принять и выполнить решение без внешнего влияния. «Сфинкс, не разгаданный до гроба», — особо благодатный случай для такой методологии. Как, впрочем, и его время.

Книга Безотосного — пример совсем другого подхода к загадкам прошлого. Разбор конструкций времени упадка здравого смысла и логики проведен Виктором Михайловичем подробно и изящно. С его доводами стоит познакомиться жертвам соблазна поиска легких объяснений:

«Александра I многие историки любят выставлять как мягкого, податливого и безвольного человека, на которого оказывали влияние самые различные силы и личности, особенно иностранцы: то либералы и гуманисты, то консерваторы и реакционеры, то англоманы, то франкофилы, то мистики. Не перечислить всех тех поименно, кто в исторической литературе завладевал его волей, навязывал какие-либо идеи и принимал за него решения... В зависимости от ситуации и исторических реалий его рисуют то либералом, то консерватором, то мистиком, то холодным прагматиком. Возникает даже вопрос — как такой безвольный и слабый император, да еще легко поддающийся посторонним влияниям, смог достичь столь поразительных результатов и стать победителем Наполеона, одного из величайших полководцев в истории?»³ Полагаю, что на этот вопрос возможен зело геополитический ответ: Александр на самом деле проиграл, т. к. через 100 лет после вступления русских войск в Париж Россия и Франция все равно стали союзниками.

Глупо как факт. Казалось бы, научное объяснение факта имеет смысл только в случае погружения его в исторический контекст.

---

³ Там же. С. 67.

Только контекстуализация факта дает исследователю возможность обрести критерий сравнения и выйти на возможность использования тацитовского *principium comparationis*. Перед исследователем, исследующим военно-политическую историю начала XIX века, стоят задачи колоссальной сложности. Еще в XVIII веке конфликты за господство или даже за передел сфер влияния в Европе вплотную подошли к тому, что сейчас принято называть мировыми войнами. Проблемы «испанского» или «австрийского» наследства чувствительно сказывались не только в Европе, но и на значительных территориях в Азии, Африке, Америке.

Наполеоновские войны — конфликты гораздо более глубокие и масштабные по потрясениям и задействованным силам — практически мало чем отличались от мировых войн. Характерно, что и закончились они не только миром (этим рано или поздно кончается любая война), но и попыткой создания межгосударственного союза, призванного следить за всеобщим умиротворением и быть его гарантом. Иначе и быть не могло. Тот же Александр I, в целом оставаясь верным идеалам своей молодости, усвоил крайне критический взгляд на попытки их реализации на практике. Думается, что в этих своих взглядах он не был одинок. Война в Европе от Кадикса до Москвы, война в Азии, Африке и Америке — все это заняло жизнь целого поколения с 1789 по 1815 гг., и пережившие это время политики, вне зависимости от того, понимали ли они принципы «геополитики» или нет, понимали, что страны и народы нуждаются в отдыхе.

Именно поэтому, например, Александр был так внимателен к побежденной стране и ее столице. Он делал все, чтобы побежденный враг не имел бы повода к реваншу. Именно поэтому русская оккупация во Франции с самого начала была менее тяжелой для французов, чем власть союзников. Без сомнения, свою роль в этом сыграла и позиция русского монарха. «Вы все сделали, Государь, — благодарил Арман де Ришелье Александра I в апреле 1816 г., — и для Европы, и для Франции: Вам обязана она существованием»⁴. Уже 13 (25) мая 1814 г. по приказу Александра I в Петербурге было издано «Распоряжении об отправлении в отечество военнопленных всех наций, в России находящихся»⁵.

---

⁴ Татищев С. С. Император Николай и иностранные Дворы. Исторические очерки. СПб., 1889. С. 134.

⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Сер. 1. 1801–1815. Т. 7. Январь 1813 г. — май 1814 г. М., 1970. С. 692–694.

При этом французские пленные освобождались без всяких предварительных условий⁶. О какой неприязни к Франции вообще может идти речь?

К этой стране у нас всегда относились лучше, чем она к нам. Это сказалось и во время оккупации. Русские во Франции вели себя так непохоже на французов в России. «Не без доброжелательства провожали русских из Франции, — вспоминал офицер, служивший в русском оккупационном корпусе. — Русский в чужих краях скоро снискивает расположение жителей, стараясь жить их жизнью и осваиваясь скоро с их бытом. Другие войска союзников не могли похвастаться этим; может, они и не искали того»⁷.

Все это — лишь очередное свидетельство того, что Безотосный прав, утверждая, что как во внутренней, так и во внешней своей политике Александр I менее всего руководствовался эмоциями и тем более — «личной неприязнью»⁸. Впрочем, на мой взгляд, работа Виктора Михайловича доказывает и то, что исследование правления Александра I, личности этого монарха и времени противостояния России и наполеоновской Франции требует от историка отнюдь не наслаждения собственными фобиями и маниями. Настоятельно требуется совсем другое, а именно — знание, как минимум, нескольких языков, широкий исторический кругозор, способности связать в единое целое события, происходившие в разных частях европейского, а иногда и африканского, североамериканского континентов, в Азии, внимательное, уважительное отношение к предмету исследования.

Казалось бы, это очевидно. Но, увы, не для всех. Человек, лишенный базовых знаний о реалиях начала XIX века, в случае знакомства с трудами знатоков геополитики рискует получить неверные представления об истории своей страны. Поэтому Безотосный прав, обращая особое внимание на очевидное. Возможности своей темы им использованы вполне удачно и, повторюсь, — уместно. В период кризиса просветительская миссия науки становится как никогда ранее актуальной.

---

⁶ Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 328.

⁷ Бриммер Э. В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1 кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказский сборник, издаваемый по указанию Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказскою Армиею. Тифлис, 1894. Т. 15. С. 72.

⁸ Безотосный В. М. Ук. соч. С. 17.

Но будет в принципе неверно утверждать, что значимость работы Виктора Михайловича сводится лишь к просвещению. Блестящий очерк по персидским делам и «восточному проекту» Наполеона — явное тому свидетельство⁹.

Не хочу лицемерить — и в заключение отмечу, что я во многом не согласен с Виктором Михайловичем. Так, в частности, для меня отнюдь не закрытым остается вопрос о внешнем влиянии на Александра I. Он был человек и монарх, и ничто человеческое и монаршьё не было ему чуждо. К тому же в разное время эпохи борьбы с Бонапартом это был человек с разным жизненным опытом — политическим, военным, личным. Все это не могло не проявиться в определенные моменты великой борьбы «эпохи 1812 года». Но все это не имеет решающего значения — мне нравится эта работа, я считаю ее серьезной и интересной, весьма своевременной и уверен, что ей обеспечен успех у читателей.

---

⁹ Там же. С. 138–188.

ДЖОШУА САНБОРН

ЛИБЕРАЛЫ И БЮРОКРАТЫ НА ВОЙНЕ¹

Н. И. Дедков. Консервативный либерализм Василия Маклакова. М., 2005. 224 с.; Ф. А. Гайда. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. 432 с.; С. В. Куликов. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. 472 с.

Изучение российской внутривластной борьбы в годы Первой мировой войны началось еще до того, как стихли ее последние залпы, и продолжалось с тех пор более-менее с тем же рвением. Как внутри Советского Союза, так и за его пределами существовала обширная (хотя и разрозненная) историковедческая база, а драматические и весомые события военных лет складывались в отличный сюжет. В наличии имелись все ингредиенты шикарной мыльной оперы: политическая игра с самыми высокими ставками, заговоры и интриги, мистика и убийства. Главные действующие лица являлись яркими и выдающимися персонажами. Более того, поскольку вожди оппозиции знали толк и в виртуозной риторике, и в практической истории, они оставили нам превосходные источники и собственноручные описания тех событий, в которых принимали участие.

На Западе сочетание этих факторов с неизбежным вопросом о том, почему русская революция «пошла не так», привело к появлению множества чрезвычайно достойных исторических работ

---

¹ Sanborn, Joshua. Liberals and Bureaucrats at War // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 8, 1 (Winter 2007). P. 141–62.

по данному периоду². В Советском Союзе, как указывают при обзоре литературы все рецензируемые авторы, масштаб исследований был более ограниченным. Тем не менее они также ясно дают понять, что ученые старались вырваться из сталинистских и неосталинистских оков, стремясь к тому, чтобы читатель мог хотя бы почувствовать вкус той эпохи³.

Таким образом, перед молодыми российскими исследователями, включая рецензируемых авторов, несомненно, открылось широкое поле деятельности. Сняты все ограничения по данной теме, стали доступными зарубежные исследования, открылись архивные источники, и впереди замаячила возможность написать обобщающий труд по политическим процессам военного времени. Новые авторы, вооруженные знанием иностранных языков, заметной склонностью к интерпретациям и немалым зарядом энергии, решительно приступили к разработке своих тем и добились серьезных результатов. В частности, работа Федора

---

² Michael T. Florinsky. *The End of the Russian Empire*. New Haven: Yale University Press, 1931; William Ewing Gleason. *Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire*. Philadelphia: American Philosophical Society, 1983; Pavel P. Gronsii and N. I. Astrov. *The War and the Russian Government: The Central Government*. New Haven: Yale University Press, 1929; Маклаков В. А. *Власть и общественность на закате старой России: воспоминания*. Париж, 1936; P. N. Miliukov and Arthur P. Mendel. *Political Memoirs, 1905–1917*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1967; P. N. Miliukov and Richard Stites. *The Russian Revolution*. Gulf Breeze, FL: Academic International Press, 1978; Raymond Pearson. *The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914–1917*. Basingstoke, UK: Macmillan, 1977; Richard Pipes. *Struve, Liberal on the Right, 1905–1944*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980; Полнер Т. И. *Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова: Личность, взгляды, условия деятельности*. Париж, 1932; Thomas Earl Porter. *The Zemstvo and the Emergence of Civil Society in Late Imperial Russia, 1864–1917*. San Francisco: Mellen Research University Press, 1991; Thomas Riha. *A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics*. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1969; Melissa Kirschke Stockdale. *Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880–1918*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1996.

³ В этом отношении Гайда особенно выделяет такие работы, как: Бурджалов Е. Н. *Вторая русская революция*. В 2 тт. М., 1967; Черменский Е. Д. *IV Государственная Дума и свержение царизма в России*. М., 1976; Дякин В. С. *Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны, 1914–1917*. Л., 1967; Лаврычев В. Я. *По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией*. М., 1967; Старцев В. И., Знаменский О. Н. *Внутренняя политика Временного правительства первого состава*. Л., 1980; Старцев В. И. *Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»*. Л., 1977.

Гайды настолько глубока и всеобъемлюща, что, по неформальному отзыву одного моего русского коллеги, она представляет собой «последнее слово» по вопросу о русских либералах и войне.

Я не могу согласиться с этой оценкой, однако сам Гайда утверждает, что не метил так высоко, предлагая, чтобы его работа не более как «послужила началом нового этапа» в историографии (С. 11), дающего возможность рассматривать и свежие материалы, и прежние работы в широком контексте. В качестве основной цели он ставил перед собой «рассмотрение вопроса о власти и методах борьбы за нее» (С. 31) в российском либеральном движении во время Первой мировой войны и Февральской революции. На практике это означало изучение деятельности конституционных демократов (кадетов) в Петрограде в годы войны.

Ключевая тема работы заявлена на обложке книги, где помещены миниатюрные фотопортреты 19 мужчин и одной женщины (Ариадны Тырковой), являвшихся членами ЦК партии кадетов. Значительное место в работе Гайды занимают другие важные фигуры — в первую очередь наиболее известные октябристы и прогрессисты, вожди общественных организаций, координировавших работу для нужд фронта, и провинциальные кадеты, в конце концов заметно радикализировавшиеся по сравнению с их соратниками из столицы. Однако все эти люди рассматриваются главным образом в контексте их взаимоотношений с петроградскими кадетами. Такой выбор главной точки приложения вполне разумен, поскольку во многих важных отношениях именно кадетская фракция в Думе являлась живым сердцем «либеральной оппозиции» в течение всей войны. Тем не менее, если в историографии этого движения действительно открывается «новый этап», остается надеяться на то, что будущие авторы уделят больше внимания более широкой группе либеральных активистов.

Книга Гайды разделена на три большие главы, соответствующие основным периодам борьбы за власть во время войны. Первая глава, «Либеральная пьеса (лето 1914 — лето 1915)», посвящена первым годам войны: в ней описывается отход от политики «Священного единения», свойственной для первых месяцев войны, и его результат: создание летом 1915 г. многопартийного, умеренного Прогрессивного блока. Формирование этого блока и последующие требования политического центра, обращенные к царю, привели к серьезному кризису, кульминацией которого стали переход царя Николая II на правые позиции, отставка умеренных министров, роспуск Думы и взятие царем вооружен-

ных сил под личный контроль. Во второй главе, озаглавленной «Тоска по влиянию (осень 1915 — февраль 1917)», разбирается деятельность либеральной оппозиции начиная от политического кризиса 1915 г. и кончая преддверием петроградского восстания в феврале 1917 г. В третьей главе, «Нас выбрала русская революция (весна 1917)», рассматриваются действия либералов во время Февральской революции и в первые месяцы работы Временного правительства, приблизительно до момента выхода лидера кадетов П. Н. Милюкова из состава кабинета 2 мая 1917 г.

Гайда излагает события широкими мазками, рисуя хорошо знакомую (особенно для западных читателей) картину. Начав войну при практически единодушной поддержке политической элиты страны, царь и его правительство в течение двух с половиной военных лет растратили всю эту поддержку, добившись того, что на царской стороне баррикады не осталось буквально никого. Основные вехи этой истории также вполне нам знакомы. Первым ключевым моментом было решение умеренных вступить в «Священное единение», принятое в связи с началом войны в июле 1914 г. после ожесточенной борьбы оппозиции с правительством в течение предыдущего десятилетия. Второй ключевой момент настал после череды сокрушительных военных поражений весной и летом 1915 г., когда многие политические фигуры и в парламенте, и в министерствах тщетно призывали Николая расширить политическую опору царской власти и привлечь общественные организации и оппозиционные партии к управлению государством. Третий момент относится к ноябрю — декабрю 1916 г., когда депутатов Думы, возобновивших работу после долгого перерыва, Милюков 1 ноября сразу же встретил своей знаменитой речью «Глупость или измена?», и когда после 18 бурных заседаний Дума 16 декабря, всего за несколько часов до убийства Григория Распутина, была отпущена на каникулы. Четвертым моментом стала развязка кризиса в феврале и марте 1917 г., завершившегося крушением династии Романовых и созданием нового хрупкого революционного правительства во главе с вождями оппозиции.

Гайда согласен с большинством предыдущих историков в том, что, хотя кадеты представляли собой пеструю группу, Милюкову удавалось проводить свою линию при принятии большинства ключевых решений партии. Позиции Милюкова в то время и сейчас рассматривались как относительно умеренные. В 1914 г. кадеты не требовали никаких уступок в обмен на вступление в «Священное единение». В 1915 г. Милюков убедил своих соратников выдвинуть требование о создании «кабинета доверия» (то есть

назначенного царем при неформальном участии важнейших общественных и политических лидеров) вместо кабинета, формально «ответственного» перед Думой. По-своему умеренной была и прочитанная Милоковым в 1916 г. речь «Глупость или измена?». Обрушившись главным образом на германское влияние при дворе (в первую очередь осуществлявшееся через императрицу и Распутина) и на пару министров (особенно на Б. Штюмерера), Милоков избегал нападок на самого царя и призывов покончить с монархией. Наконец, в 1917 г., во время Февральской революции, Милоков проявил себя одним из самых решительных сторонников мнения о необходимости сохранить монархию, по крайней мере до созыва учредительного собрания.

Соответственно Гайда в том же духе, что и большинство современных исследователей, обрисовывает основные контуры политики кадетов во время войны, несмотря на заявления об определенной методологической новизне его работы. Считая, что прежние исследования о либералах в годы войны упускали из вида главное, потому что уделяли слишком много внимания социальной базе либеральных партий либо доказательствам их «революционности / контрреволюционности», Гайда спешит заявить о своей «независимости как от гегельянско-марксистской парадигмы исторической неизбежности... так и от позитивистского отказа от широких обобщений». «Политические поступки либералов, — утверждает он, — можно оценивать лишь исходя из их целесообразности в конкретных исторических обстоятельствах, которая может быть определена только при учете их собственного мировоззрения, взглядов и оценок в сравнении с окружающей действительностью» (С. 33). Вряд ли многие читатели сочтут такой подход революционным прорывом, хотя, возможно, с учетом работ, разбираемых Гайдой в обязательном всеобъемлющем обзоре советской литературы, эта позиция действительно была оправданна в конкретном историографическом контексте.

Тем не менее здесь просматривается отчетливая нотка, всплывающая, когда становится ясно, что Гайда воспринимает «окружавшую действительность» российских либералов как реальность циничного политического махинатора. При чтении этой книги меня неоднократно поражало сходство между интерпретационной установкой Гайды и тем жанром, который американцы называют «внутри Белтвэя» — то есть работами, посвященными клаустрофобическому миру политической элиты, живущей в столичном городе. Гайда утверждает, что практически все решения, принимавшиеся либеральными оппозиционерами, можно объ-

яснить расчетом, основанном на политических возможностях и риске. Так, он считает, что начало войны стало для Милокова «настоящим подарком», так как позволило ему «искусственно снять с повестки дня столь тяжелые вопросы о власти и революции... Первые разрывы снарядов заглушили голоса левых кадетов. Кроме того, война, по мнению кадетского руководства, усиливала надежды на послевоенную победу либерализма в России, ее "освобождение" от "внутренних врагов". Тактика "священного единения" таким образом последовательно продолжала довоенный курс "изоляции правительства"» (С. 57).

Аналогичным образом, политическая неуступчивость оппозиции летом 1915 г. «вовсе не была продиктована неудачами на фронте как таковыми». Напротив, она вытекала из опасений перед тем, что «паника и погромные настроения» в среде населения приведут к атаке на режим, которую либералы будут не в силах обуздать (С. 75). Согласно этой же интерпретации, Милоков выступил в 1916 г. с речью «Глупость или измена?», исходя из того, что настроения в стране, радикализировавшиеся в результате кризиса снабжения, «вынуждали оппозицию к пробуждению от летней спячки и активизации политической борьбы» (С. 221). Все это в какой-то степени верно. Кадеты были не дураки. Как политики, они постоянно оценивали политическую ситуацию и старались в полной мере воспользоваться ситуацией. Более того, нет никаких причин предполагать, что кадеты были свободны от присущей политикам тенденции замыкаться в герметичных системах, в которых каждый шаг оценивается в первую очередь с точки зрения того, кому он выгоден, а кому невыгоден в сложной игре за статус и власть. Поэтому вполне разумно выдвинуть гипотезу о том, что российскую политику военного времени лучше всего рассматривать именно через этот довольно узкий объектив.

Но для того, чтобы такая ограниченная интерпретация стала правдоподобной, историк должен продемонстрировать, что политическим деятелям, участвовавшим в процессе, в самом деле была присуща подобная самозацикленность. Гайда же не показывает этого в достаточной степени. Например, пусть дисциплина в кадетской партии действительно укрепилась благодаря войне, но отсюда не следует, что именно это соображение определяло поступки Милокова накануне войны. Милоков был способен учитывать требования политической тактики, не забывая в то же время о более общих соображениях: о необходимости сохранить великодержавный статус России и предотвратить доминирование

Германии в Восточной Европе, о желании связать историческую участь России с участью Великобритании и Франции и, не в последнюю очередь, о человеколюбии и о тех страданиях, которые принесет с собой война.

Также, как мне показалось, те же самые представления о политическом махинаторстве повлияли на интерпретацию Гайды при обсуждении конкретных политических моментов. Заметное во многих случаях, это влияние наиболее очевидно при анализе национальной политики, особенно в связи с польским, украинским и еврейским «вопросами». Этим темам Гайда мог бы уделить чуть больше внимания. Вопросы национальной политики влекли за собой ожесточенные разногласия среди российской политической элиты, и линии разлома нередко проходили через сам либеральный лагерь⁴. Впрочем, опять же, эти проблемы затрагиваются лишь в связи с партийной политикой, особенно в период существования Прогрессивного блока. Гайда, несомненно, прав в том смысле, что партийная политика всегда играла большую роль в те моменты, когда поднимались эти вопросы. Такие люди, как Милюков, несомненно, понимали, что краткосрочная цель заключения союзов с антисемитски настроенными членами политической коалиции подчас затрудняет движение к таким долгосрочным целям, как принятие закона о полном равноправии евреев⁵.

Но эти вопросы на самом деле имели самое серьезное личное и профессиональное значение для многих членов элиты. В результате во время либеральных дискуссий принципы нередко брали верх над практическими соображениями. Например, в июне 1915 г., в самый разгар «великого отступления» русской армии, Милюков на кадетской партийной конференции заявил, что военных следует призвать к ответу за нарушения международного права во время оккупации Галиции. Ариадна Тыркова возразила, что это — проигрышное предложение, страдающее «излишком академизма». Русская армия проливает свою кровь, «а мы, с точки зрения Гаагской конвенции — дай Бог ей здоровья (смех) — будем выражать ей порицание!»⁶ Милюков на это

---

⁴ См., например, приведенный у Ричарда Пайпса четкий разбор скандального выяснения отношений между кадетами по вопросу об украинской политике, приведшего к выходу Петра Струве из Центрального комитета в июне 1915 г. (Struve, *Liberal on the Right*, p. 210–219).

⁵ Stockdale. Paul Miliukov, p. 230.

⁶ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 104.

ответил, что он «не может согласиться с тем слишком пренебрежительным отношением к Гаагской конвенции». «У нас право, — заявил он, — единственное оружие, каким мы можем бороться»⁷. Трудно представить себе, чтобы эта апелляция к Гаагской конвенции, потерпевшей столь очевидное фиаско при попытке предотвратить войны в Европе и сделать их менее жестокими, могла быть хитроумным тактическим шагом в контексте российской политики в июне 1915 г.

Таким образом, «тоска по влиянию» в рамках отечественной структуры власти была лишь одним из мотивов и соображений, стоявших за действиями либеральных оппозиционеров. Вообще, при изучении личного архива Милюкова поражаешься тому, как жадно во время войны он следил за всевозможными событиями в России, на фронте и за границей⁸. Главный недостаток книги Гайды состоит в том, что она зачастую не позволяет оценить рамки «контекста» либеральных политических шагов, которые обещал вскрыть Гайда и которые выходили далеко за пределы границ Петрограда. Вполне справедливо, что книга о том, как либералы пытались идти своими «путями к власти», в первую очередь посвящена той политической возне, которую так исчерпывающе описывает Гайда. Однако дело в том, что хождение по личным путям к власти было не единственным — а как мне представляется, в эту эпоху катастроф даже и не главным — занятием либеральных политиков, столь беззаветно веривших в служение своей стране и испытывавших столь сильный страх перед потенциальными последствиями революции.

Книга С. В. Куликова относится к тому же жанру «внутри Белтвэя», но в ней анализу подвергаются события по другую сторону политического фронта. Задача автора — понять поведение российской «бюрократической элиты»⁹. Я раскрыл его книгу, преисполненный больших надежд, вследствие давно назревшей потребности в углубленном изучении бюрократической верхушки. В историографии политических событий данной эпохи сложилась нездоровая привычка относиться к бюрократической элите как

---

⁷ Там же. С. 112.

⁸ Личный фонд (Ф. 579) Милюкова в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) содержит тысячи документов, многие из которых относятся к годам войны.

⁹ В «бюрократическую элиту» Куликов зачисляет «чиновников, занимавших высшие должности, т. е. должности первых четырех классов (назначенные члены Государственного совета, министры, их товарищи (заместители), сенаторы, директора департаментов и т. д.)» (С. 9).

к паноптикуму мерзавцев. Русские политические мемуаристы не стеснялись метких словечек при описании своих коллег или врагов, и историки высоко ценят выразительность и лаконичность этих эпитетов, тем более что карусель бюрократических назначений даже у специалистов вызывает легкое головокружение. Аналогичная потребность в простых объяснениях делает привлекательной идею о том, что большинство административных изменений военного времени осуществлялось под влиянием Распутина. Образ шарлатана, возглавляющего парад дураков, во многом объяснял политический крах царизма и освобождал как современников, так и позднейших исследователей от необходимости давать какое-то истолкование хитросплетениям политики царя накануне его свержения.

Поэтому появление книги, столь открыто бросающей вызов основным предпосылкам подобной интерпретационной традиции, можно только приветствовать. Согласно Куликову, царь, отнюдь не являясь безвольным реакционером, идущим на поводу у своей жены, был относительно последовательным либеральным реформатором. Он отбирал министров из бюрократических слоев, которые сами по себе являлись вотчиной других либеральных реформаторов. Вообще, с точки зрения Куликова верхушка бюрократии принадлежала к рядам интеллигенции. Распутин же и Александра не играли практически никакой роли при назначении членов кабинета. Напротив, выбор Николая зачастую представлял собой уступку оппозиции: в министры сперва попадали представители земства с губернаторским опытом, а затем их быстро сменили думские депутаты из числа правых (Хвостов) и центристов (Протопопов). У человека, знакомого с историей данного периода, такие утверждения оставляют несколько причудливое впечатление, словно он читает русскую историю в кэрролловском Зазеркалье.

Куликов, как и Гайда, делит свою книгу на три большие главы, но выбирает принципиально иную периодизацию. Глава 1, «Начало и конец "священного единения"» завершается не летним кризисом 1915 г., а началом 1916 г. — и не без причин, поскольку в реальности крупный раскол в политической жизни, произошедший в конце лета 1915 г., став неожиданностью для разрозненных депутатов Думы и для тех, кто был удивлен отъездом Николая на фронт, для членов кабинета растянулся на более продолжительное время. Некоторые умеренные министры немедленно подали в отставку, однако такие важные умеренные фигуры, как военный министр А. А. Поливанов и министр иностранных дел

С. Д. Сазонов, продержались в правительстве до марта и июля 1916 г. соответственно. Однако важнейшая причина для того, чтобы продлить первый период войны до 1916 г., связана с тем, что в центре книги стоит фигура Б. В. Штюрмера. Автор ясно дает это понять второй главой книги — «Спокойная благожелательность»: премьерство Б. В. Штюрмера». Эта глава завершается отставкой Штюрмера в ноябре 1916 г. после милюковских обвинений в измене. В последней главе, «Бюрократическая элита во время "штурма власти"» излагаются события последних месяцев перед Февральской революцией.

Иконоборчество Куликова отнюдь не ограничивается попыткой реабилитировать Николая II. Собственно, пытаясь восстановить веру в политическое здравомыслие царя, автор проделывает то же самое в отношении Б. Штюрмера — человека, традиционно считавшегося одним из наиболее ненавидимых и бездарных царских министров в истории. При этом Куликов добивается, честно говоря, шокирующего результата. На первой странице главы 2 у меня полезли глаза на лоб, едва я увидел заголовок, из которого следует, что премьерство Штюрмера было либо спокойным, либо благожелательным, если не тем и другим одновременно. Прочитав чуть ниже, что Штюрмер имел репутацию «мастера политического компромисса», я разинул рот. Последняя фраза на этой странице — о том, что Штюрмер последовательно высказывал «неподдельность своей либеральности», — породила у меня глубокие сомнения (С. 165). В конце концов, речь идет о человеке, которого Милюков прямо обвинял в «глупости или измене» и о котором французский посол, также склонный к вышеупомянутым язвительным эпитетам, отзывался следующим образом: «Человек он ниже среднего уровня. Ума небольшого; мелочен; души низкой; честности подозрительной; никакого государственного опыта и никакого делового размаха»¹⁰.

Для того, чтобы найти смысл в этих заявлениях, необходимо вникнуть в суть главного аргумента Куликова в отношении политики военного времени. Куликов считает, что основная борьба велась тогда не между «государством» и «обществом», «либералами» и «консерваторами», или даже между Думой и правительством. Все эти интерпретации, по его мнению, исходят из неверных представлений о политических взглядах царя и его ближайших приближенных. Они были настоящими «либералами», поскольку кадеты ушли так далеко влево, что их следовало считать «ради-

---

¹⁰ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 20.

калами», а правую часть спектра занимали черносотенные экстремисты, от которых царь и его правительство последовательно старались «дистанцироваться». Поначалу у читателя может возникнуть впечатление, что применительно к таким фигурам, как император или Штюрмер, Куликов пользуется термином «либерал» в достаточно широком смысле, имея в виду политический центр, но на самом деле он под либерализмом понимает нечто большее. «Государственный либерализм», исповедовавшийся бюрократической элитой, согласно Куликову, в целом совпадал с консервативно-либеральными взглядами Бориса Чичерина, имеющего репутацию отца-основателя российского либерализма. Реальная борьба шла между двумя течениями этого государственного либерализма. Первое, более традиционное течение Куликов называет «дуалистическим». Порождением именно этого течения были Основные законы, а само оно опиралось на идею о том, что народные представители желательны, но им можно поручить исключительно законодательные функции. Царь, как пишет Куликов, сохранял бы абсолютную власть, но только в административной сфере.

Напротив, «парламентаристы» полагали, что народные представители должны контролировать и бюрократический аппарат. Они неизменно выступали за «ответственный кабинет» и другие формы «вмешательства» в работу правительства. «Дуалисты» же энергично сопротивлялись подобному вмешательству, причем их сопротивление было по своей природе либеральным: «Дуалисты были горячими сторонниками основополагающего принципа классического либерализма, принципа разделения властей. В чем и заключался корень их разногласий с парламентаристами». Таким образом, царь и прочие убежденные «либеральные дуалисты», продолжает Куликов, были сторонниками Монтескье, в то время как так называемые либеральные «радикалы» были сторонниками Руссо (С. 18).

Мы видим здесь поразительное и принципиальное непонимание как либеральной политической теории, так и политической истории России. Принцип «разделения властей» не означает возведения непреодолимой стены между двумя ветвями власти. Напротив, функциональное и институциональное разделение властей требует надзора обеих ветвей друг за другом. В противном случае, как прекрасно понимали политические теоретики (и российские политики), законодательная ветвь превратится в пустую говорильню. Если законодатели не знают, правильно ли выполняются принятые ими законы, и не могут призвать испол-

нительную власть к ответу за их невыполнение, то у них не будет настоящей законодательной власти. В отсутствие независимости судов те также не будут обладать реальными конституционными функциями. Но как бы ни были важны надзор и «вмешательство» в работу всех ветвей власти, для либеральных теоретиков особенно важно то, что исполнительная ветвь должна быть ограничена в применении своей власти, поскольку суды и законодатели не обладают реальной властью, если исполнительная ветвь не соблюдает принятых ими юридических предписаний. В условиях неограниченной исполнительной власти законодатели и юристы в лучшем случае играют лишь роль советников и консультантов — иными словами, именно ту роль, которую Николай II отводил этим политическим институтам.

Можно также отметить, что даже при самом благожелательном отношении к «дуалистам» их нельзя назвать сторонниками баланса между различными ветвями власти. Несмотря на все разговоры о стремлении законодательной власти оказывать влияние на исполнительную власть, согласно Основным законам право «вмешиваться» в работу законодателей имел как раз царь. Он назначал половину членов верхней палаты, обладал правом вето, мог распустить Думу и был вправе просто действовать в обход законодателей, издавая чрезвычайные указы. В самом деле, очень трудно проглотить идею о том, что император (или другие «дуалисты» Куликова — такие, как И. Л. Горемыкин) был «гордым сторонником» «разделения властей». С какой бы стороны ни смотреть на дело, Николай II не был либералом, а Российская империя не была либеральным государством.

И речь идет не просто о терминологической софистике, поскольку аргументация Куликова (как и попытка реабилитировать царя и его консервативных министров) строится на предположении о том, что «дуалисты» трезво и ответственно играли роль советников во время политических кризисов военного периода и что причиной конфликта являлось неразумное поведение радикалов, выдававших себя за либералов. Куликов снова и снова утверждает, будто бы царь и его министры-«дуалисты» во всем, в чем только могли (за исключением перехода через Рубикон, на сторону «парламентаристов»), шли навстречу оппозиции. Поэтому вся ответственность за политическую войну, по мнению Куликова, лежит исключительно на оппозиционерах-«парламентаристах». Николай же был виноват лишь в том, что верил в возможность компромисса с другой стороной. Вообще Куликов начинает свою книгу со знаменитого изречения Токвиля о той угрозе старому

режиму, которую несут с собой реформы. Согласно интерпретации автора, империю погубили не неумелые действия царя или его правительства, а предательство на всех уровнях, кроме самого верхнего.

Куликов снова и снова подчеркивает, что правительство, отнюдь не преследуя оппозицию, выдавало ей обширные субсидии в виде государственного финансирования работ по снабжению фронта, которые осуществлялись общественными организациями, выказывавшими открытую враждебность к царскому режиму. Автор помещает в книге несколько таблиц, демонстрирующих, насколько больше денег получали от правительства «левые» общественные организации по сравнению с «правыми». Отсюда следует, считает Куликов, что царь вел себя примирительно по отношению к левым и «дистанцировался» от правых. В качестве дальнейшего доказательства того, что эти уступки служили питательной почвой для предательства, Куликов обрисовывает альянсы между министрами-«парламентаристами» и их коллегами в Думе и подробно рассказывает о том, как против царя во время войны выступили даже члены Государственного Совета, назначенные лично Николаем. Эти альянсы, заключавшиеся под зонтиком Прогрессивного блока, оказались прочными институтами, неподконтрольными императору. Аналогичным образом Куликов называет генерала М. В. Алексеева предводителем армейских заговорщиков, хотя от этого заявления поспешили отксерить даже редакторы книги, поместив в книге крайне необычную оговорку в виде примечания о том, что, по их мнению, это предположение не подкреплено достаточными доказательствами (С. 205). Наконец, Куликов описывает, как сама царская семья участвовала в заговорах по свержению Николая: в частности, заговорщики собирались в Императорском яхт-клубе в Петрограде. (Будущим монархам на заметку: если политическое недовольство принимает характер эпидемии даже среди ваших дядьев в яхт-клубе, значит, пора присматривать удобный для проживания остров.)

Большинство заявлений Куликова имеет определенную документальную основу, а некоторые (например, заговор великих князей) считаются у историков общепризнанными, однако Куликов по большей части неразборчиво относится к источникам, принимая на веру практически все прочитанное, если оно подкрепляет его аргументацию. Например, возьмем военный переворот: разумеется, находились люди (в первую очередь

это М. К. Лемке), по словам которых идея переворота широко обсуждалась в Ставке в мрачные дни войны¹¹. Само по себе это не особенно удивительно, с учетом событий военных лет, и у нас нет никаких оснований не верить тем источникам, которые свидетельствуют, что Алексеев знал об этих слухах и, возможно, даже принимал участие в открытых дискуссиях на эту тему. Еще более вероятно то, что к великому князю Николаю Николаевичу, бывшему верховному главнокомандующему армии, во время новогодних праздников 1917 г. оппозиционеры действительно обращались с просьбой возглавить военный переворот и что он взял два дня на размышление, прежде чем сказать «нет»¹². Однако факт остается фактом: переворота, направленного против царя, так и не состоялось. Лишь после того, как столица была захвачена восставшими толпами, верхушка политической элиты потребовала от царя отречения. Затрагивая тему заговора, как и во всех прочих отношениях, Куликов опирается на очень шаткие основания, и это досадно, поскольку при наличии в книге такого обширного материала о бюрократической политике во время войны, преподнесенного со множества интересных точек зрения, хотелось бы испытывать больше доверия к автору.

Работа Никиты Дедкова относится к иной категории, нежели работы Гайды и Куликова. Она также затрагивает тему либерализма во время войны, но лишь вкратце. Дедков предпринял попытку описать «консервативный либерализм Василия Маклакова». Маклаков представлял собой чрезвычайно интересную фигуру. Он был одним из ведущих кадетов и в первую очередь отличался готовностью отклоняться от партийной линии (как правило, в сторону большей умеренности) и своей репутацией одного из лучших ораторов России, которую приобрел, выступая защитником на знаменитых судебных процессах в последние годы империи. После революции он получил известность, ведя в печати дискуссию с Милоковым о причинах поражения либера-

---

¹¹ Лемке М. К. 250 дней в царской ставке, 1916: Воспоминания, мемуары. Минск, 2003. С. 485–487. Лемке ничего не говорит о том, участвовал ли в этих дискуссиях Алексеев.

¹² Гораздо более серьезное обсуждение планов переворота и позиции Алексея накануне Февральской революции мы встречаем в недавней работе Олега Айрапетова, который также обвиняет русских либералов в причинении ущерба стране во время войны, но при этом выступает с намного более обоснованных позиций. См.: Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели. Работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003. С. 191–204.

лов в 1917 г.¹³ Книга Дедкова тоже делится на три части. Первая глава — «Вехи» — освещает основные события жизни Маклакова в России, начиная с детства и бурных студенческих лет (он был исключен с естественно-научного факультета Московского университета за общественную деятельность, добился разрешения поступить на исторический факультет, затем не получил профессорской должности из-за своих былых прегрешений) и заканчивая карьерой адвоката (Маклакову приходилось защищать в суде и погромщиков, и Менделя Бейлиса — еврея, обвинявшегося в убийстве православного мальчика) и деятельностью в кадетской партии и в Думе. В главе 2, «Самостоятельная сила добра», разбираются главным образом связи Маклакова с Львом Толстым и то влияние, которое оказал на него Толстой. В главе 3, «Консервативный либерализм», в общих чертах рассматриваются либеральные воззрения Маклакова.

Маклаков — важная фигура, весьма показательная с точки зрения русского либерализма, включая либерализм военных лет, и Дедков весьма удачно пишет о своем герое¹⁴. Однако во многих отношениях от автора хотелось бы большей глубины. Многие проблемы его работы связаны со структурой книги. Дедков, отважившийся изложить биографию крупного деятеля, описать взаимодействие между либерализмом и толстовством и разобрать элементы консервативного либерализма в книге, насчитывающей менее 200 страниц, оставляет без ответа многие ключевые вопросы. Взять, например, ранние годы жизни Маклакова. Конечно, интересно узнать о том, каких представителей либерализма Маклаков видел в юности в своем доме, но зачем говорить об этом так подробно? Дедков вполне разумно предполагает, что темперамент Маклакова и его последующая политическая позиция во многом сложились во время жизни дома и в годы учебы. Однако проблема в том, что брат В. Маклакова Николай, выросший в том же самом доме, стал одним из самых правых министров в правительстве. Дедков отмечает это обстоятельство (С. 27), но никак не пытается его объяснить. Николай Маклаков еще

---

¹³ См.: Будницкий О. В. Миллюков и Маклаков. К истории взаимоотношений, 1917–1939 // П. Н. Миллюков: Историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции, Москва, 26–27 мая 1999 г. М., 2000. С. 358–383.

¹⁴ Ранее взгляды Маклакова рассматривались в работе: Michael Karpovich, «Two Types of Russian Liberalism: Maklakov and Miliukov», in *Continuity and Change in Russian and Soviet Thought*, ed. Ernest J. Simmons. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1955, p. 129–143.

раз появляется на страницах книги чуть позже, когда Дедков сообщает, что братья перестали разговаривать друг с другом еще в 1890-е гг. (С. 65), но интригующая история о том, как произошло отчуждение братьев, некогда близких друг другу, и о том, как на закате империи они возглавили два диаметрально противоположных политических течения, остается неосвещенной. Можно заподозрить, что причиной тому была нехватка источников, однако вынужденное замалчивание едва ли не важнейшего семейного события выглядит непонятным на фоне того, как много драгоценного места Дедков отводит на описание детских лет Маклакова, в противоположность его адвокатской карьере, от разбора которой Дедков уклоняется, заявляя, что эта тема увела бы читателя «в сторону» от истории общественной мысли» (С. 55). Но поскольку одним из краеугольных камней «консервативного либерализма» Маклакова было его отношение к правлению закона как к фундаментальному либеральному и практическому принципу, то, возможно, стоило бы уделить его юридической карьере больше внимания за счет рассказа о детских годах.

Кроме того, Дедков слабо освещает карьеру Маклакова как политика. С точки зрения настоящей статьи особо следует подчеркнуть слишком поверхностное изложение деятельности Маклакова в годы войны. Дедков полагает, что «Маклаков вел себя удивительно пассивно» вплоть до «недвусмысленного объявления войны» правительству 3 ноября 1916 г., через два дня после того, как так же поступил Милоков (С. 106–107). В этом смысле Дедков входит в резкое противоречие с Гайдой, по словам которого Маклаков играл ключевую роль, выступая как посредник между партиями, входившими в состав Прогрессивного блока, и решительно поддерживая умеренную позицию Милокова на важнейших кадетских совещаниях. Опубликованные стенограммы кадетских партийных конференций подтверждают интерпретацию Гайды. Маклаков во время войны так же не стеснялся громких и вызывающих заявлений, как и после нее¹⁵. Книга Гайды не числится в библиографии у Дедкова, хотя и была издана двумя годами ранее. В том, что касается поведения либералов во время войны, уже очевидно, что работа Гайды требует прочтения ради того, чтобы не совершать подобных ошибок.

Раздел о Толстом сперва выглядит курьезным, так как в основе консервативного либерализма Маклакова лежали продуман-

---

¹⁵ См., например, дебаты по поводу его речи, произнесенной 7 июня 1915 г.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. С. 89–91.

ные представления о роли государства при либеральном строе. Маклаков осознавал дилемму либерализма, заключающуюся в том, что для защиты прав личности требуется сильное государство, но при этом слишком сильное государство может посягнуть на сами эти права. Подобно либералам во всем мире, Маклаков усматривал возможное решение этой дилеммы в правлении закона, поскольку тот будет защищать свободу и безопасность граждан и в то же время сдерживать амбиции исполнительной власти. Это была намного более сложная модель, чем примитивная точка зрения Толстого на государство как на воплощение насилия и принуждения. Как отмечает сам Дедков, «Толстой был абсолютно равнодушен» к конкретной форме государства и придерживался откровенно анархистских взглядов (С. 182). Собственно, Дедков признает, что в конкретном плане непосредственное «влияние» Толстого на Маклакова проявилось разве что в его принципиальном неприятии смертных приговоров и, в меньшей степени, в его отвращении к войне (С. 139–140).

Суть вопроса, разумеется, состоит не в том, что Маклаков заимствовал у Толстого какие-то идеи, а в том, что его привлекали представления Толстого о нравственности, гуманизме, любви и уважении к личности. Длительная дружба между Маклаковым и Толстым вполне доказывает существование общих нравственных принципов, разделявшихся оппозиционерами в последние годы империи. Разумеется, не все из них обряжались в крестьянские рубахи и занимались пахотой (хотя Маклаков посетил одну из первых толстовских коммун). Напротив, большинство старалось действовать скорее в контексте государств, наций и империй, нежели вне его. Наконец, Дедков, несомненно, прав, полагая, что давние связи Маклакова с самым видным писателем России не только свидетельствуют о привлекательности личности Толстого, но и дают представление об интеллектуальной и нравственной сущности самого Маклакова.

В последней главе Дедков пытается более-менее подробно раскрыть суть «консервативного либерализма» Маклакова. Сперва он утверждает, что вопреки обвинениям со стороны современников, Маклаков был истинным либералом. Как отмечает Дедков, многие подчеркивали, что Маклаков принадлежал к правому крылу кадетов и нередко склонялся к октябристским позициям. Сам Маклаков однажды даже иронически заявил своим коллегам: «Я отличный кадет. Я принимаю всю программу за исключением принудительного отчуждения земли, всеобщего избирательного права и равноправия евреев» (С. 173). Однако Дедков на это воз-

ражает, что Маклаков при всем при том никогда не заигрывал с октябристами на предмет вступления в их ряды и до самого конца оставался с кадетами.

Маклаков не порывал с конституционными демократами, потому что считал, что самая важная политическая задача, стоящая перед Россией, — создание государства, основанного на правлении закона. Россия нуждалась в настоящей конституции, а кадеты были партией идеологических конституционалистов. Излагая политические взгляды Маклакова, фактически никогда всесторонне не освещавшиеся в форме монографии, Дедков подчеркивает либеральное по своей сути убеждение Маклакова в том, что свобода невозможна без эффективного, но ограниченного государства. Как Маклаков лаконично выразился в 1920-х гг., «в области культуры обнаруживается истинное назначение государства: создавать для народа условия, в которых может развиваться и процветать его свободная деятельность. Это очень много, но это и все» (С. 154). Мы уже упоминали второй либеральный принцип Маклакова: значение закона и правления закона для правильного функционирования политической и социальной системы.

Наконец, Дедков описывает мысли Маклакова по поводу «Эволюции и Революции». Известно, что этот вопрос являлся камнем преткновения для российских либералов. С одной стороны, остро осознавая нелиберальную природу русского государства, они активно добивались фундаментальных изменений российской политической системы. С другой стороны, они понимали, что полномасштабная революция разрушает государство, а вместе с ним — и те самые права и безопасность, которые они пытались обеспечить. В идеале все либералы предпочли бы, чтобы Россия приняла конституцию и создала у себя функционирующий демократический строй, избежав серьезных политических потрясений, однако вероятность такой трансформации в конечном счете зависела от готовности самодержца отменить самодержавие. Маклаков был терпелив и относительно оптимистичен, вследствие чего и осуждал революционный путь в течение почти всей своей карьеры. Вместе со всеми своими соратниками он видел, что Октябрьский манифест и Основные законы не сделали Россию конституционным государством, но в противоположность тем представителям левого крыла кадетов, которые считали, что уступки 1905 года — это максимум того, на что готов пойти царь, Маклаков все же надеялся, что за ними последуют новые эволюционные этапы, которые в кон-

це концов приведут к конституционному строю. Одновременно с тем Маклаков открыто признавал право народа на восстание. Если государство имеет право защищать себя от подрывных элементов, то и народ имеет право на насильственное свержение угнетателей.

Однако Маклаков полагал, что такие революции едва ли кончатся чем-либо хорошим — по большей части исходя из своего неверия в то, что массы, и в первую очередь российские массы, сумеют создать справедливую систему правления. В этом состояла основа «консервативного» аспекта «консервативного либерализма» Маклакова. Он считал, что вследствие низкого культурного уровня России ее граждане, если им представится случай, будут стремиться к жестокому возмездию, а не к построению либерального строя. Дедков объясняет такую позицию Маклакова в первую очередь его опытом адвокатской работы, и эта интерпретация не лишена смысла. Взять хотя бы самый яркий пример: Маклаков, в противоположность прочим защитникам Менделя Бейлиса, считал, что нельзя строить защиту Бейлиса на осуждении антисемитизма, поскольку опасался негативной реакции со стороны присяжных. Напротив, по мнению Маклакова, в суде следовало показать, что возведение ложных обвинений хотя бы на презренного еврея не только противоречит понятию правосудия, но и является оскорблением в адрес российского государства. Маклаков переубедил своих оппонентов и выиграл дело (С. 64–67).

Ту же позицию он занимал и по «еврейскому вопросу», полагая, что делать требование о равноправии евреев одним из ключевых положений партийной программы ошибочно¹⁶. Вместо этого он отстаивал идею о том, что кадеты должны добиваться полного гражданского равноправия для всех граждан, что решило бы этот вопрос без упоминания евреев. Такое недоверие к собственным согражданам, несомненно, является «консервативным» и весьма неудобным для либеральных теоретиков, но оно с самого начала представляло собой часть либерализма. Дедков вполне прав, утверждая, что подобное сочетание взглядов делало Маклакова консервативным либералом, а не либеральным консерватором. Это существенное отличие, поскольку оно помогает установить границы либерального лагеря в поздние годы Российской империи — границы, которые зачастую трудно определить.

---

¹⁶ Будницкий О. В. В. А. Маклаков и еврейский вопрос // Вестник Еврейского университета. 1, 19 (1999). С. 43.

Тут важно отметить, что никто из вышеупомянутых авторов так и не дал точного определения либерализма. Это не обязательно представляет собой проблему, поскольку у нас вообще нет четкого определения, пригодного для всех стран и эпох, — так, даже в шести справочниках, вышедших в одном и том же издательстве (Oxford), содержится шесть разных определений¹⁷. Я буду определять либерализм как учение, требующее гарантированных прав личности в рамках стабильного, справедливого и демократического политического строя, хотя это определение затрагивает не менее обширный вопрос об определении таких понятий, как «права», «справедливость» и «демократия». Такая концептуальная аморфность имеет свои недостатки: например, она позволяет Куликову и подобным ему исследователям утверждать, что Николай II был либералом. Но есть у нее и определенные преимущества — в первую очередь то, что она может диктовать историкам понимание либерализма как динамичной силы, которую имеет смысл рассматривать лишь в конкретном историческом контексте.

Дедков упускает такую возможность выявить динамику российского либерализма, когда принимает решение отказаться от углубленного изучения политической эволюции Маклакова в годы войны. И это весьма печально, так как путь, проделанный Маклаковым, вероятно, дает наилучшее представление о том, как российский либерализм трансформировался в ту эпоху. Собственно, в каждый ключевой кризисный момент Маклаков выражал либеральную дилемму более четко, чем какая-либо другая фигура. Первый такой момент настал 27 сентября 1915 г., после перехода Николая в правый лагерь, когда Маклаков опубликовал в «Русских ведомостях» статью «Трагическое положение». В этой статье Маклаков приводит памятный образ русского правительства как «безумного шофера», мчащегося по узкой дороге среди утесов, потеряв контроль над автомобилем. Перед пассажиром стоит дилемма: что опаснее — оставить все как есть или попы-

---

¹⁷ См. статьи «либерализм» в следующих изданиях: Simon Blackburn, ed. *The Oxford Dictionary of Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 1996; John Scott and Gordon Marshall, eds. *A Dictionary of Sociology*. Oxford: Oxford University Press, 2005; Iain McLean and Alistair McMillan, eds. *The Concise Oxford Dictionary of Politics*. Oxford: Oxford University Press, 2003; *A Dictionary of World History*. Oxford: Oxford University Press, 2000; Jan Palmowski, ed. *A Dictionary of Contemporary World History*. Oxford: Oxford University Press, 2003; and Joel Krieger, ed. *The Oxford Companion to the Politics of the World*, 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2001.

таться отобрать у водителя руль, чтобы взять ситуацию в свои руки. Кроме того, Маклаков просит читателей представить себе, что сзади сидит мать пассажира, находясь в полной зависимости от его решения. С одной стороны, ситуация от этого обостряется, поскольку неверное решение означает гибель не только пассажира, но и тех, кто ему дорог. С другой стороны, пишет Маклаков, что, если «ваша мать, при виде опасности, будет просить вас о помощи и, не понимая вашего поведения, обвинять вас за бездействие и равнодушие?» Ответ на эту дилемму для Маклакова и для кадетской партии в целом заключался в 1915 г. в том, чтобы не хвататься за руль, — главным образом, как лаконично объясняет Гайда, в силу острого осознания ими того факта, что, к довершению несчастья, они были знакомы с теорией вождения, но не обладали соответствующей практикой и слабо представляли себе, как работает автомобиль (Гайда, с. 161).

Однако год спустя Маклаков (опять же, вместе с прочими кадетами) ясно понял, что настало время отстранить водителя от управления. Речь Маклакова, произнесенная в Думе 3 ноября 1916 г., через два дня после скандальной речи Милюкова «Глупость или измена?», к сожалению, не привлекла к себе такого же внимания историков, как милюковская¹⁸. Однако, в то время как в речи Маклакова отсутствует запоминающийся лозунг, она еще более безжалостна в своей логике. Сперва Маклаков задается вопросом, почему столько русских людей ощущают, что «мы стоим перед новой и грозной опасностью»? Как вполне справедливо считает Маклаков, дело совсем не в военных неудачах конца 1916 г. Наоборот, утверждает он, ситуация на фронте обещает измениться в пользу России. Не секрет, что «хотя производительность наших заводов растет с каждым месяцем, хотя прав гр. Капнист, что военная усталость Германии становится для всех очевидной». И лишь между строчками можно прочесть, что неминуемо надвигается нечто, напоминающее «панику в войске». «Причина только одна: войско перестает верить вождям... тогда в войско закрадывается страшный слух: «нам изменили», и когда это случится, тогда потерян смысл общего дела, потеряна способность повиновения, каждый начинает думать — спасайся, кто может, — и паника наступает». Эта потеря веры, заявляет Маклаков, уже произошла в тылу и вскоре проникнет на фронт.

---

¹⁸ Все приведенные ниже выдержки из этой речи цитируются по: Государственная Дума, 1906–1917. Стенографические отчеты. В 4 тт. / под ред. В. Д. Карповича. М., 1995. Т. 4. С. 63–67.

Более того, самое важное в том, что вера была утрачена не из-за каких-то конкретных ошибок правительства. «Случай? Нет, господа, это не случай, это система... Нет, это не случай, это режим, это проклятый, старый, отживший, но еще живучий режим, который основа всего». Из этого выводится вполне ясное заключение: «Старый режим и интересы России теперь разошлись, и перед каждым министром стоит дилемма: служить ли России или служить режиму? Служить одновременно тому и другому так же невозможно, как служить мамоне и Богу. (Продолжительные рукоплескания в левой части правой, в центре и слева. Голоса: «Браво!»)».

Для всех остальных выбор намного более очевиден, поскольку «долготерпение России велико, как велика Россия сама. Но эта война всему показала предел». «И пусть не думает Марков 2 [правый депутат, ранее обвинявший Милюкова в измене], что я, как и другие, зовем к революции. Звать к ней не нужно. Революцию умышленно вызывают с министерских скамей». Как мы отмечали выше, причиной, по которой Маклаков в течение всей своей карьеры выступал против революции, было его терпение и вера в то, что царское правительство способно реформироваться. Утратив эту веру, он стал революционером. В том совете, который он дает коллегам-депутатам, отражается как это изменение, так и понимание того, что умеренные думцы в этом отношении отстают от большей части населения. Ранее они плелись в хвосте, но теперь должны стать вождями, если не хотят, чтобы Россию постигла «катастрофа». «Мы же работать с этим правительством не можем, — заявляет он. — Мы можем ему лишь мешать». Очевидны революционные настроения, овладевшие Маклаковым, как и его попытка отобрать руль у безумного водителя.

После того, как вся политическая элита ополчилась против царя, некоторые представители правых все еще отчаянно цеплялись за идею о том, что эпицентром политической катастрофы является Распутин. Главные заговорщики, князь Ф. Ф. Юсупов, В. М. Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович, начали нащупывать контакты с умеренными, действуя методами, которые были бы более уместны в случае сколачивания коалиции, чем в случае заговора с целью убийства. Хотя среди умеренных не нашлось дураков, готовых присоединиться к заговорщикам в ночь убийства, они были заблаговременно оповещены о заговоре. После речи 3 ноября, направленной, как показалось Юсупову, против Распутина, Маклаков получил приглашение участвовать в убийстве. Как Маклаков справедливо указывал

позже, он не упоминал Распутина в своей речи; выражаясь точнее, основная ее посылка заключалась в том, что проблема носит «системный» (т. е. виновато самодержавие как таковое), а не «случайный» (т. е. причина в странном влиянии Распутина) характер. Тем не менее Маклаков был посвящен в тайну и молчал, впоследствии признавшись, что в юридическом плане он, несомненно, был виновен в качестве соучастника заговора. Готовность юриста, сделавшего своим идолом правление закона, пойти на преступление и принять участие в убийстве, демонстрирует, в каком отчаянном положении в эти последние месяцы старого режима находились российские либералы, убежденные в том, что царь тянет их за собой в пропасть, но не знающие, как предотвратить катастрофу.

Ни одна из рецензируемых книг в полной мере не передает различных степеней беспокойства, одолевавших Маклакова во время войны, причем подобная невнимательность относится не только к Маклакову лично, но и к либеральному движению в целом. Гайда, несомненно, разбирается в политической тактике либералов, а Дедков весьма умело излагает концептуальные вопросы, занимающие ключевое место в дискуссиях о маклаковском варианте консервативного либерализма, однако ни тот, ни другой, по-видимому, не в состоянии донести до читателя преданность либеральному делу во всей ее сложности. Отчасти причиной этому является определенная статичность, присущая всем трем книгам, — неспособность выявить органическое развитие российского либерализма в годы войны. Для Дедкова консервативный либерализм представляет собой политическую программу, которую Маклаков с течением времени уточнял и дополнял, но служившую для него более-менее последовательным руководящим принципом в течение всей его взрослой жизни. Для Гайды понимание политической тактики означает понимание причин либерального политического выбора. Куликов же неизменно зациклен на уверенности в том, что политические дискуссии той эпохи можно свести к борьбе между «парламентаристами» и «дуалистами». Несмотря на всю разницу между этими авторами, все трое исходят из предположения, что основные фигуры того периода обладали стабильным политическим «я» и политическими желаниями, изменявшимися разве что вследствие тактических соображений.

Но это — необоснованное предположение. Война везде и всюду бросает принципиальный вызов либеральным взглядам и политике. Как давно подметил Клаузевиц, военные действия

подчиняются собственной безжалостной логике, и эта логика нелиберальна по своей природе¹⁹. Те, чьи либеральные убеждения слабы, почти сразу же дезертируют, и даже убежденные либералы порой бывают охвачены мучительными сомнениями. Контекст либеральной политики во время войны всегда меняется. В частности, как я полагаю, мы должны всерьез относиться к словам политиков той эпохи, когда те говорят об овладевшем ими ощущении кризиса и неминуемого краха. Маклаков искренне и неподдельно беспокоился по поводу того, что царь ведет страну к пропасти. Когда Поливанов 6 августа 1915 г. описывал в Совете Министров положение на фронте, он был так расстроен, что его буквально трясло. Когда оппозиционеры снова и снова выражали тревогу по поводу того, что Россия застряла в политическом тупике, из которого нет приемлемого выхода, это было выражение отчаяния, а не открывающихся возможностей. И это отчаяние было как частным, так и общественным. А. М. Колубакин, основатель кадетской партии и член ее ЦК, был убит на фронте в 1915 г., как и сын Милюкова Сергей. Утверждая, что политиканство военного времени — своего рода игра, мы должны, по крайней мере, признать, что эти политики играли на свои собственные деньги, а не на деньги заведения.

Эта неспособность учесть эмоциональный вклад, который либеральные деятели вносили в проводимую ими политику, имеет серьезные последствия. Самое важное здесь то, что акцент на политических играх, а не на политической сути приводит этих авторов к непониманию фундаментального контекста политики военного времени. Этот контекст в первую очередь состоял не в расширении политических возможностей. Главный сюжет войны заключался в том, что все эти политики стали свидетелями краха российского государства — распада страны со всеми его ужасающими подробностями (бессмысленная гибель солдат, миллионы беженцев, гиперинфляция и многое другое), порождавшего у них самые серьезные опасения в отношении будущего. Ключевые деятели того времени и тогда, и в своих последующих мемуарах считали очевидной неспособность государства справиться со своими обязанностями, но в рецензируемых работах этому моменту уделяется слишком мало внимания. Мы не сможем понять действий петроградских кадетов, как и самого широкого круга людей в правительстве и вне его, если не проникнемся одо-

---

¹⁹ Carl von Clausewitz. *On War*, ed. and trans. Michael Howard and Peter Paret. New York: Knopf, 1993, 85.

левавшим их ощущением цейтнота. Именно убеждение в том, что самодержавие неспособно эффективно управлять Россией в обстановке тотальной войны, после 1915 г. настроило против царя даже бюрократическую верхушку, а вовсе не дебаты по поводу «парламентаризма» или готовность к предательству²⁰.

Затронем лишь один многозначительный пример: вопрос об общественных организациях. Консерваторы с самого начала ставили под сомнение заявления либеральных активистов о том, что снабжение фронта удалось наладить лишь с помощью групп, действовавших вне рамок бюрократических министерств (Союз городов, Земский союз, военно-промышленные комитеты и др.). Как указывают и Гайда, и Куликов, правые политики, напротив, утверждали, что эти группы являются троянскими конями либералов, чьи вожди больше заинтересованы в политических приобретениях, чем в работе для нужд фронта. Как мы видели ранее, гигантские денежные суммы, выдававшиеся государством этим группам, несмотря на подобные подозрения, в глазах Куликова служат доказательством того, что царь и его министры-«дуалисты» стремились к примирению и к политическому миру. Консервативные нападки дополнительно подхлестывались сообщениями о колоссальной коррупции и растратах в этих организациях, о том, что они служат для зажиточных граждан синекурой, позволяющей избежать мобилизации, дают возможность наживаться на войне и обильно тратить деньги государства на достижение собственных политических целей. Резкая критика в адрес этих организаций и возглавлявших их людей (в первую очередь — князя Г. Е. Львова, которого работа во главе Земского союза в итоге привела на должность первого председателя Временного правительства) неоднократно повторялась историками в Советском Союзе и на Западе и в данный момент снова набирает популярность. Основной постулат этой критики сводится к тому, что либералам не следовало настаивать на создании и финансировании организаций, дублировавших работу бюрократических органов государства, так как это влекло за собой перерасход денег, конкуренцию за важнейшие ресурсы и поставки, и вместо пользы приводило к путанице и расточительству²¹.

---

²⁰ См. недавнее исследование настроений одной из таких фигур: Peter Holquist. «The Dilemmas of an 'Official with Progressive Views': Baron Boris Nolde». *Kritika* 7, 2 (2006), p. 241–273.

²¹ Особенно обоснованную критику можно найти в: Norman Stone. *The Eastern Front, 1914–1917*. London: Penguin, 1998; Айрапетов. *Генералы...*; и Thomas Fallows.

Общественные организации, несомненно, всегда были рачительными, нередко некомпетентными и порой коррумпированными. Но для того, чтобы обоснованно заявлять, что они были не нужны стране, сперва следует предположить, что если бы те же самые ресурсы направлялись в государственные учреждения, чьи функции дублировались, то те сумели бы распорядиться ими удачнее. Можно ли сказать, что «объективно» дело обстояло именно так — вопрос интересный и важный, хотя я подозреваю, что ответ на него будет отрицательный, так как российское государство и царский бюрократический аппарат уже в начале войны подошли к пределу своих возможностей. Например, представляется очевидным, что создание общественными организациями сети госпиталей (с соответствующим медицинским персоналом) для лечения раненых солдат было бы не под силу армейским должностным лицам, которые в течение всей войны не могли организовать адекватную подготовку собственных медиков и армейских врачей в достаточном количестве. Собственно, государство уже до войны осознавало свою неспособность решить многие важные задачи, например признавая, что в случае голода, как показали события 1891 г., оно не справится с ситуацией без помощи со стороны общественных организаций. В 1908 г., когда неурожай грозил голодом населению Саратовской губернии, Совет министров принял решение санкционировать, поощрять и финансировать работу местных негосударственных групп помощи голодающим²². Мы не собираемся вступать в полемику со многими исследователями общественных организаций, считающими их неэффективными, а хотим лишь сказать, что любые мероприятия, превосходящие возможности государства, были обречены на крайнюю неэффективность. С учетом потребности страны в большем числе государственных услуг она была вынуждена платить такую цену.

Однако более важный контекст, в котором протекала политическая деятельность и оппозиции, и правительства в годы войны, создавался «субъективным» пониманием этой проблемы. В данном отношении, как я думаю, мы должны принимать во внимание тот факт, что все оппозиционеры (и все большее

Politics and the War Effort in Russia: The Union of Zemstvos and the Organization of the Food Supply, 1914–1916 // *Slavic Review* 37, 1 (1978), p. 70–90.

²² Особый журнал Совета министров (4 сентября 1908 года). Об устройстве общественных работ для оказания продовольственной помощи пострадавшему от неурожая населению Саратовской губернии // *Особые журналы Совета министров царской России, 1908 год*. Кн. 3. М., 1988. С. 650–653.

число сторонников государства) были убеждены в недееспособности государства. Даже такие представители правого крыла, как вождь националистов А. И. Савенко, уже в 1915 г. признавали его недееспособность: «Война экзамен, великий экзамен, и нужно сказать, что если во время этого великого экзамена русский народ и русское общество выдержали вполне испытание зрелости, то правительство, и в частности военное управление, этого великого экзамена не выдержали»²³. Нет никаких сомнений в искренней убежденности оппозиционеров в том, что они лучше правительства могли бы справиться с задачей снабжения фронта и что они оказывают колоссальную услугу и государству, и российскому народу. С этой точки зрения выделение правительством гигантских сумм этим организациям представляло собой не уступку, а молчаливое признание такого состояния дел²⁴. Иными словами, недостаточно показать, что эти организации создавали для либералов серьезные политические возможности. Разумеется, они представляли собой исключительно удобный случай — настолько удобный, что, как убедительно указывает Гайда, сам Милюков быстро оценил исходящую от них угрозу для кадетского руководства в либеральном лагере — не меньшую, чем для правительства. Но в основе их деятельности лежало общественное воодушевление, и сами они считали, что их существование оправдано теми усилиями, которые они прилагают для снабжения армии ради достижения ею победы.

В целом, три рассмотренные книги обладают определенными достоинствами, но все они упускают из вида динамичный аспект не только русского либерализма, но и либерализма вообще. Подобные ущербные интерпретации либерализма несколько тревожны в современном контексте. Куликов подчеркивает, что его книга полезна не только для историков, но и для нынешних российских политиков с их возрождением интереса к либерализму, которое делает важным «изучение предреволюционной бюрократической элиты» (С. 18). Если принимать всерьез аргумент Куликова о том, что либерализм означает беспредельное главенство исполнительной власти над бюрократическим аппаратом и что покушающиеся

---

²³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 5. Д. 205. Л. 11–12.

²⁴ По той же причине нельзя и согласиться с аргументом Куликова о том, что большая часть этих денег предназначалась для «левых», а не «правых» организаций. Даже самый тупой царский министр осознавал абсурдность идеи, например, о том, что Союз русского народа занялся бы оказанием помощи еврейским, польским и армянским беженцам.

на прерогативы администрации виновны в ослаблении государства и содействуют его разрушению, то подобный «либерализм» станет слишком привлекательным для политиков и лишит жалкое российское либеральное меньшинство даже права называться этим именем. Пожалуй, не меньше огорчает и принципиальный цинизм Гайды — черта, разделяемая им со многими историками из всех стран мира. Возможно, нам стоило бы быть менее циничными, особенно при изучении прошлого сквозь призму нашего разочарования.

В этом отношении всем трем авторам было бы полезно внимательно ознакомиться с книгой Мелиссы Стокдейл о Милюкове, которую один раз цитирует Куликов, а другие вовсе не упоминают²⁵. Книга Стокдейл отличается не только своим отношением к Милюкову как к исторической фигуре, но и тонким пониманием как разновидностей либерализма, имевших хождение среди русских политиков в первые годы XX века, так и истории эволюции европейского либерализма еще до того, как военные потрясения навсегда изменили его лицо. Но Милюков, при всем его значении, был лишь одним из представителей поразительно талантливой и интеллигентной группы либеральных оппозиционеров. Гайда прилагает серьезные усилия к тому, чтобы показать разнообразие и богатство взглядов этих фигур, однако «последнего слова» о русском либерализме еще не сказано. Гайда прав — мы должны понимать поступки русских либералов в том контексте, в котором они жили. Что нам нужно — оценить широту этого контекста, приобрести эрудицию, сравнимую с эрудицией этих политиков, и в полной мере проникнуться теми моральными убеждениями, которыми они руководствовались в своей жизни.

Выражаю благодарность Тэду Уиксу и Питеру Холквисту за их замечания по данной статье.

*Авторизованный перевод с английского
Николая Эдельмана*

---

²⁵ Stockdale. Paul Miliukov.

А. А. СМИРНОВ

И. Н. ГРЕБЕНКИН. РУССКИЙ ОФИЦЕР В ГОДЫ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ.

1914–1918 ГГ. РЯЗАНЬ, 2010

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с монографией И. Н. Гребенкина, — это замечательная по нынешним временам ясность языка, продуманность и четкость формулировок и выводов. При чтении ее невольно вспомнилась опубликованная еще в 1955 г. работа историка дипломатии В. М. Хвостова¹ — остающаяся, на наш взгляд, непревзойденным образцом четкости научного языка и, как следствие, емкости содержания. Попытка ее законспектировать оборачивается переписыванием: буквально каждое слово несет такую смысловую нагрузку, что не может быть ни выпущено, ни даже заменено. Монография И. Н. Гребенкина — ввиду несравненно большей детализации исследования — конспектированию, конечно, поддается, но в ней постоянно попадаются отрывки, в которых, что называется, ни убавить, ни прибавить. Вот, к примеру, этот: «Монархическим офицерство того периода (начала XX в. — *А. С.*) могло считаться в силу того, что в его представлениях образ монарха совершенно естественно символизировал российскую государственность. Это сочетание составляло фундамент офицерской лояльности политическому режиму, которая в массовом варианте существовала как конформистски-пассивная, ибо принцип неучастия в политике, наряду с оппозиционной, ограничивал и промонархическую политическую активность» (С. 44). Или вот эти формулировки: в условиях

---

¹ Хвостов В. М. Франко-русский союз и его историческое значение. М., 1955.

длительного мира к началу XX в. «профессиональным полем офицера становилась военная служба мирного времени, в которой аккуратное и даже образцовое исполнение своих обязанностей крайне редко было сопряжено с героизмом и жертвенностью. В рутине повседневной гарнизонной службы такие очевидные для офицерского круга ценности, как верность воинскому долгу, войсковым и боевым традициям, принимали внешний и декларативный характер» (С. 40).

Другим несомненным достоинством рецензируемой книги является то, что автору действительно удалось избежать такой заранее учтенной им опасности, как политизация исследования. (Согласимся, что тема этого последнего — история профессиональной группы защитников государства в годы кризиса этого государства и революции — таит в себе особенно большой соблазн скатиться в обличение, восхваление, проповедничество и т. п.). Политизации у И. Н. Гребенкина действительно нет; разве что режут глаз термины «царизм» и «царистский». Ведь изобретены они были в кругах, мягко говоря, политизированных и обозначали фактически не объективно существующую политическую реалию, а политического противника. Не зря же ни эти круги, ни их идейные последователи-историки не ввели термина «королизм» (для обозначения, скажем, французской монархии XVIII века или прусской 1701–1870 гг.): *политически* это было для них неактуально. Не пора ли отечественным историкам перейти к использованию действительно нейтральных терминов «монархия» или (применительно к периоду до апреля 1906 г.) «самодержавие»?

К собственно же научным достижениям автора рецензируемой монографии следует, на наш взгляд, отнести, прежде всего, убедительный и последовательный показ *политической неоднородности* того, что у нас принято называть офицерским корпусом русской армии начала XX в. (из-за крайней разношерстности русского офицерства тех лет не раз высказывалась мысль, которую четче всего выразил генерал А. В. Туркул в 1937 г.: «корпуса офицеров в России не было, был лишь офицерский состав»²). Эта неоднородность в политическом отношении и предопределила то, что подробно показал И. Н. Гребенкин — значительную вариативность позиции, занятой офицерством в период между фев-

---

² Цит. по: Домнин И. Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. (Российский военный сборник. Вып. 17.) М., 2000. С. 494.

ралем и октябрем 1917-го — когда одни встали на путь борьбы с властью «пособников Германии», другие сохраняли лояльность Временному правительству (надеясь, что оно все же возьмет ситуацию в стране под контроль и создаст условия для восстановления боеспособности разложенной Февралем армии и продолжения войны), а третьи — вроде известного поручика лейб-гвардии Гренадерского полка И. Л. Дзевалтовского — перешли на сторону леворадикальных сил и в демагогически-митинговой стихии чувствовали себя как рыба в воде. На этом фоне совершенно естественным выглядит и вариативность реакции на Октябрьскую революцию. Роль представителей офицерства в организации борьбы с властью Советов/большевиков хорошо известна (кстати, непонятно, почему среди перечисляемых на с. 17 работ 1990-х — 2000-х гг., затрагивавших вопрос о «социально-психологическом феномене белого офицерства, его моральном и психологическом облике» не упомянута книга Г. П. Веркеенко и С. Т. Минакова³, ставшая в 1993 г. прямо-таки прорывом в изучении этой темы историками, работавшими в СССР и РФ). Тем не менее, как справедливо подчеркивает автор рецензируемой монографии, «офицерство не показало себя силой однозначно враждебной новой власти» (С. 359). Более того, «большинство офицерства предпочитало смириться с происходящими переменами, хотя и не сочувствовало им» (С. 366).

Выявляя причины столь большой вариативности политического поведения русских офицеров в 1917 г. и обращаясь в этой связи к психологии и системе ценностей различных их категорий, автор монографии делает ряд ценных наблюдений, одно из которых существенно уточняет классический тезис П. А. Зайончковского о том, что идеология русского офицерства к началу XX в. целиком и полностью определялась формулой «За Веру, Царя и Отечество». По И. Н. Гребенкину, «политическим идеалом» офицерства «являлась не монархия как таковая, а олицетворяемая ею сильная власть, готовая обеспечить обороноспособность страны, устойчивый внутренний порядок, уверенный внешнеполитический курс и непременно высокий статус офицерского корпуса. Утрата царизмом этих черт и, как следствие, общественного авторитета, естественно, должна была отразиться на отношении к нему офицерства, чья политическая пассивность не могла являться гарантией от постепенного дрейфа настроений, в которых грани-

---

³ Веркеенко Г. П., Минаков С. Т. Московский поход и крушение «добровольческой политики» генерала А. Деникина. М., 1993.

ца между пассивной лояльностью и пассивной оппозицией представляется весьма условной» (С. 57). Итогом и стало практически поголовное непротивление офицерства Февральской революции.

Вместе с тем автору следовало бы, на наш взгляд, ограничить тему своего исследования изучением поведения и роли офицерства в политических событиях 1917 года и не затрагивать проблему «Русские офицеры в Первой мировой войне». Это самостоятельная, обширная и сложная тема, которая явно не входит в круг основных научных интересов автора рецензируемой монографии. Последнее видно уже из довольно большого числа фактических неточностей, свидетельствующего о недостаточном знакомстве автора с военным аспектом темы его исследования. Так, вопреки тому, что утверждается на с. 32, для зачисления офицера в армейский полк не требовалось одобрения его кандидатуры «офицерским собранием» (лучше было бы сказать: обществом офицеров) полка. Это требовалось в Германии, а в России такой порядок существовал лишь в гвардии.

Ситуация, при которой подпоручики армейской пехоты командовали полуротами (а не взводами), была обусловлена не некомплектом обер-офицеров (как пишет автор на с. 21), а существовавшими тогда штатами, предусматривавшими, что взводами в пехоте (и не только в армейской, но и в гвардейской) командуют унтер-офицеры, а подпоручики (как и поручики, и часть штабс-капитанов) занимают должности младших офицеров рот (и в качестве таковых могут принимать командование полуротой).

Офицеры гвардии и Генерального штаба отнюдь не отличались «пониманием задач службы» (как значится на с. 37). Задачи эти понимались ими одинаково: выполнять свой долг согласно присяге. Отличались (и действительно «заметно») сами задачи, специфика служебной деятельности. На этой почве и рождалось отмеченное И. Н. Гребенкиным соперничество двух корпораций — «отчетливые» строевые офицеры, с одной стороны, и военные ученые и администраторы — с другой.

Вопреки сказанному на с. 28, право выбора места службы не принадлежало исключительно выпускникам Пажееского корпуса. До начала Первой мировой этим правом пользовались выпускники всех военных и юнкерских училищ, привилегией же пажей было меньшее количество ограничений при выборе. Юнкера могли выбирать только из присланных в училище вакансий, а шансы получить выбранную зависели от должностного положения и (как сказали бы сейчас) рейтинга юнкера: сначала выбирали младшие командиры (фельдфебель или вахмистр, а за ним портупей-юн-

кера), затем лучший по успеваемости и дисциплине из «юнкеров рядового звания» и т. д. — так, что последнему по успехам приходилось подчас брать ту единственную вакансию, которая еще оставалась. От рейтинга же и должностного положения пажа зависело лишь, сможет ли он выбирать среди всех частей русской армии или только среди армейских. В пределах же той или другой группы он мог выбрать любую часть независимо от наличия в ней вакансий (правда, если часть была гвардейской, сверхкомплект офицеров в ней не должен был превышать 10 %, и требовалось все то же согласие общества офицеров).

Формально корректен, но фактически дезориентирует текст, согласно которому «стабильное преобладание потомственных дворян среди старшего офицерства и генералитета являлось следствием соответствующей государственной и ведомственной политики. Путь в офицеры действительно не был заказан для представителей низших сословий, но дальнейшая успешность офицерской карьеры изначально подразумевала определенные предпочтения командования и властей» (С. 26). Получается, что предпочитали продвигать потомственных дворян, но сказать так было бы неверно. Продвигали не дворян, а офицеров гвардии и Генерального штаба — именно из этих немногочисленных категорий офицерства более чем наполовину рекрутировались в начале XX в. командиры полков (становившиеся затем начальниками дивизий и командирами корпусов). Именно поэтому среди штаб-офицеров и генералитета и преобладали потомственные дворяне: гвардейцы были таковыми практически поголовно, а среди генштабистов был весьма велик процент бывших гвардейцев (и, соответственно, выше, чем в среднем по армии, процент потомственных дворян). Но и тех и других продвигали не потому, что они были потомственными дворянами, а потому, что они были наиболее квалифицированными офицерами русской армии! Офицеры Генерального штаба имели академическое образование, а офицерами гвардии становились лучшие из юнкеров военных училищ и пажей — набравшие так называемый «гвардейский балл» (в среднем по всем дисциплинам не менее 9, а по строевым не менее 11 по 12-балльной системе). В отличие от армии, в гвардии до 1906 г. (когда в лейб-гвардии Преображенский полк перевели много армейских офицеров) не было выпускников юнкерских училищ, т. е. офицеров, как правило, без полного среднего образования и с не столь солидной, как у окончивших военные училища, профессиональной подготовкой.

Соответственно, И. Н. Гребенкин напрасно доверился межуарам военного министра А. Ф. Редигера, согласно которым

«в гвардейские полки поступали посредственности по успехам, но обладавшие средствами», — «гвардия заполнялась неучами» (С. 38). «Армия» (на которую ссылается здесь Редигер) могла думать все что ей угодно, солидарность экс-министра с таким мнением остается на его совести — но «посредственностей по успехам» и «неучей» среди офицеров русской гвардии начала XX в. не было и быть не могло.

Обосновывая тот тезис, что «в течение длительного мирного периода в частях и учреждениях складывался весьма необременительный для офицерского состава служебный распорядок» (С. 34), И. Н. Гребенкин приводит лишь два свидетельства современников (А. С. Лукомского и А. Г. Шкуро) — и оба относятся лишь к только что выпущенным из училищ младшим офицерам рот и сотен (по терминологии XIX в. — субалтерн-офицерам). Служебная нагрузка «субалтернов» была действительно невелика, но она не являлась показательной для всего строевого офицерства. Насколько «необременителен» был «служебный распорядок» тех же ротных командиров, хорошо видно, например, из воспоминаний А. А. Успенского, командовавшего в 1910–1914 гг. 16-й ротой 106-го пехотного Уфимского полка. По возвращении с ротой со стрельбища в летний лагерь уже чувствовалось «физическое утомление», а в лагере еще «нужно сходить в хозяйственную часть полка, получить деньги, письма, посылки в роты; затем — обед в полковом офицерском собрании и после обеда — короткий, прямо мертвецкий сон. В 4 ч. в[ечера. — А. С.] уже опять нужно учить роту в поле — очередные по расписанию занятия — до 6–7 ч. веч. (а если таковых нет, то ночное учение с 11 ч. до 2–3-х ч. ночи). Вечером, до сна нужно прочесть приказ по полку, сделать по нем необходимые распоряжения по роте для занятий следующего дня и, наконец, самому поужинать. Раньше 11 ч. веч. трудно было лечь спать, а утром с 5–6 ч., уже опять на ногах. [...] Зимой, обыкновенно, было очень много занятий и с ротой от 8 до 12 ч. и офицерских тактических занятий от 1 ч. до 3-х часов, а после занятий (от 3-х до 6 часов) в ротах), нужно вечером от 7 ч. иногда до 10 ч. выслушать лекцию офицера генерального штаба в гарнизонном собрании; так что часто офицеру для своих личных дел не оставалось времени!»⁴ Вообще, слова Лукомского и Шкуро о том, что служебными обязанностями их «не утруждали» и «не обременяли», указывают не на нетребовательность на-

---

⁴ Успенский А. А. На войне. Восточная Пруссия — Литва. 1914–1915 гг. Каунас, 1932. С. 6–7.

чальства к офицерам (как полагает И. Н. Гребенкин), а именно на небольшой объем служебных обязанностей «субалтернов».

О недостаточном знакомстве автора с реалиями русской армии свидетельствует и утверждение на с. 35, согласно которому «застольный разгул и карточная игра» «вряд ли могли естественно сочетаться с выдающимися строевыми качествами». И. Н. Гребенкин напрасно не верит цитируемому им А. С. Лукомскому, мемуары которого свидетельствуют об обратном. Пример указанного сочетания (командир лейб-гвардии Уланского Ея Величества полка в 1902–1907 гг. А. А. Орлов) приводил даже самоутверждавшийся за счет высокомерной критики то одной, то другой стороны жизни русской армии А. А. Игнатьев⁵. Мы можем также отослать читателя к описаниям «застольных разгулов» в воспоминаниях В. С. Трубецкого⁶ и напомнить, что лейб-гвардии Кирасирский Ея Величества полк, в котором служил в 1912–1914 гг. корнет князь Трубецкой, славился именно как образцовая в строевом отношении часть! Такую же репутацию имел и лейб-гвардии Павловский, в котором, по словам служившего в нем в 1902–1917 гг. А. П. Редькина, «процветала карточная игра» и «умели пить». «[...]Но умели и служить», — добавлял Редькин, вспоминая об устроенном однажды в офицерском собрании «бирфесте». «“Набирфестились” основательно. А утром пожалуйте на занятия в роту и чтобы ни в одном глазу»⁷... В 41-м драгунском Ямбургском полку при полковнике Л. Ф. Баумгартене, в 1899–1900 гг. «не редки бывали случаи», когда «к 7 часам утра ни на минуту не сомкнувши глаз, офицеры садились на коней, поданных к [офицерскому. — А. С.] Собранию, и шли на новое полковое ученье». А вот сцена из жизни корнетов-ямбуржцев в первые годы XX в.: «— “Шесть часов! Кончатъ и по домам! Смотрите же, сугубые, всем быть на занятиях!» — последовала команда “Старшего корнета”[...]». А в итоге «полк очень высоко стоял в смысле строевой подготовки»⁸. Можно привести и еще целый ряд свидетельств современников, подтверждающих, что принцип «ночь гусарская, а утро Царское» не только был обще-

⁵ Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1988. С. 128.

⁶ Трубецкой В. Записки кирасира // Наше наследие. М., 1991. № 2. С. 92; № 3. С. 135; № 4. С. 104–105.

⁷ Редькин А. На огонек. Картинки мирной жизни лейб-гвардии Павловского полка // Военная быль. 1961. № 47. С. 5.

⁸ Мураховский М. Н. Картины полковой жизни. (Из воспоминаний кавалерийского офицера) // Кавалеристы в мемуарах современников. 1900–1920. Вып. 2. М., 2001. С. 7; Вып. 3. М., 2001. С. 8.

принятым в русской офицерской среде начала XX в., но и вполне позволял сочетать «застольный разгул» с «выдающимися стрелевыми качествами».

Явно требует корректировки тезис, согласно которому накануне 1914 г. «практика комплектования» и состав русского офицерства «продолжали сохранять выраженные сословно-классовые черты» (С. 42). Состав офицерства (независимо от происхождения офицеров) действительно оказывался принадлежащим к одному, дворянскому, сословию: присвоение первого офицерского чина тогда автоматически влекло за собой получение прав личного дворянства. Можно говорить и об особом, офицерском, сословии: И. Н. Гребенкин справедливо подчеркивает, что все, кто вливался в «офицерское сообщество», «воспринимали ценности и идеологию своей корпорации и становились ее носителями в большей степени, нежели интересов того общественного слоя, из которого происходили» (С. 25). Но что до комплектования, то автор рецензируемой монографии и сам не отрицает того общеизвестного факта, что офицерство комплектовалось представителями всех сословий. Упоминание же о классах вообще странно: выше, на с. 24, сам же И. Н. Гребенкин отмечает, что «данные о сословном составе офицерства (а другие источники и не привлекаются. — А. С.) не позволяют установить четкое соответствие с его классовой структурой».

Трудно обнаружить логику и в утверждении о том, что «самая низкая доля офицеров в общем числе убитых в русской армии среди армий других воевавших держав» в Первую мировую войну свидетельствует об... отношении офицерства к «высоким потерям нижних чинов как к явлению» «неизбежному» (С. 67). В низкой же доле потерь офицеров в общих потерях армии ничего удивительного нет: процент офицеров в общем числе военнослужащих в русской армии 1914–1917 гг. был ниже, чем в других.

Но главное, что вызывает возражения, — это утверждение о «весьма скромном уровне подготовки кадрового офицерского корпуса накануне мировой войны» (С. 42). Оно попросту голословно. В историографическом разделе, на с. 6–7, И. Н. Гребенкин упоминает, правда, о преобладании в советской историографии мнения о «низком профессиональном уровне» «командного состава царской армии», но для монографии, прямо посвященной профессиональной деятельности русского офицерства в 1914–1917 гг., такого аргумента мало. К тому же советская историография этот вопрос детально не разрабатывала; не случайно в ней можно встретить прямо противоположные оценки. Так, А. М. Зайонч-

ковский в 20-е гг. утверждал, что «русская армия начала войну без достаточно хорошо подготовленного офицерского и унтер-офицерского состава», а А. А. Строков в 70-е писал, что перед Первой мировой русская армия располагала «весьма боеспособным и неплохо обученным» офицерским составом⁹. Мы не говорим уже о политической ангажированности многих советских работ; заметно, в частности, подлаживание ставшего секретным сотрудником ГПУ/ОГПУ бывшего генерала А. М. Зайончковского (чья фамилия стала для тогдашней верхушки РККА синонимом приспособленца) под настроения, распространенные в 1920-е гг. в Красной Армии. «[...]Во что бы то ни стало избегают напоминания о прошлом, и всякое воспоминание прошлого связано с насмешливой критикой», — характеризовал эти настроения в декабре 1929 г. в отчете о посещении военных школ в Москве и Харькове германский генерал-майор Гальм¹⁰.

Вопрос об уровне подготовленности русских кадровых офицеров к августу 1914-го вообще до сих пор детально не разработан. Попытаемся уточнить его и разберем вначале вопрос об уровне выучки, которой обладало к августу 1914 г. русское *пехотное офицерство*. Критериями оценки здесь будут служить:

а) уровень инициативности и б) степень владения техникой управления войсками и умения организовать обеспечение боевых действий (ввиду недостатка источников ограничимся таким его видом, как организация разведки и охранения). А для командиров полков — еще и степень умения организовать взаимодействие родов войск (которое в 1914 г. практически осуществлялось именно на полковом уровне). Инициативность в XX в. является фактически интегральным показателем тактической квалификации командира. Ведь проявление инициативы предполагает и умение быстро оценить вновь сложившуюся обстановку, и умение быстро же найти, опираясь на знание тактики и военной истории, адекватное обстановке решение, и умение так же быстро воплотить это решение в жизнь, т. е. отдать соответствующие четкие приказы, распоряжения, команды. В то же время XX век сделал проявление командирами инициативы в бою чрезвычайно востребованным. Ведь он насытил войска разнообразной техникой — что привело к чрезвычайному расчленению боевых

---

⁹ Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. М., 1938. С. 24; Строков А. А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974. С. 167.

¹⁰ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 1. Д. 681. Л. 105.

порядков, распаду боя на множество взаимосвязанных, но все же отдельных эпизодов и частым и быстрым изменениям обстановки в бою.

Общую характеристику выучки кадровых пехотных офицеров августа 1914-го можно найти в вышедшей в 1924 г. работе генерал-лейтенанта В. М. Драгомирова: «Пехотное офицерство в массе вышло на Великую войну недостаточно подготовленным, с ограниченным кругом военных понятий и вряд ли умело дать себе ясный отчет в общем положении дел и в той частной роли, которую приходится выполнять на общем фронте армии. Погрешности и недостаток ориентировки (надо полагать, в «общем положении дел» и в роли своей части или подразделения «на общем фронте армии». — А. С.) были поэтому часты»¹¹. Однако такую характеристику следует признать тенденциозной, так как она оценивает уровень выучки офицеров пехоты с точки зрения наличия знаний и навыков, необходимых командиру соединения или офицеру штаба дивизии и выше. Кроме того, эта характеристика является усредненной, смазывающей различия в уровне квалификации разных служебных категорий офицерства.

Такой усредненности лишены оценки, которые дают генерал-майор Я. В. Червинка (инициалы которого в книге И. Н. Гребенкина, в примечании 2 на с. 4, оказались искажены) и генерал от инфантерии В. Е. Флуг. При «равной приблизительно ценности заграничных и наших офицеров в первом их чине», указывал в 1912 г. первый из них (чех, перешедший в 1881 г. в русскую армию из австро-венгерской), «немецкие офицеры, начиная с чина капитана, в общем, уже значительно опережают в военном деле наших капитанов, каковое несоответствие не может, сглаживаться, разумеется, и в высших чинах». Флуг, отмечавший в 20-е гг., что среди русских младших офицеров инициативные в Первую мировую «были нередки», среди ротных командиров — «реже», а среди батальонных — лишь «в виде исключения», фактически подтверждает эту характеристику (из уровня инициативности исходил и генерал-майор Е. И. Мартынов, когда писал в 1907 г., что перед русско-японской войной «средний уровень» младших офицеров «всегда бывал выше», чем у ротных, а у этих последних — выше, чем у батальонных). Причем, уточнял Флуг, если, по крайней мере, к моменту окончания командования ротой «наши армейские офицеры» оказывались все-таки «удовлетвори-

---

¹¹ Драгомиров В. Подготовка русской армии к Великой войне // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Кн. V. Белград, 1924. С. 193.

тельно знающими свои непосредственные обязанности "служаками"», то состав батальонных командиров «в армейских пехотных полках, говоря вообще, был, безусловно, неудовлетворителен»¹².

Высокий же уровень подготовки германских лейтенантов, которым, по утверждению Я. В. Червинки, не уступали русские пехотные подпоручики кануна Первой мировой, не отрицался никем и никогда. Следовательно, из оценок В. Е. Флуга и Я. В. Червинки можно заключить, что к августу 1914 г. младшие офицеры русских пехотных рот в массе своей в тактическом отношении были подготовлены хорошо, командиры рот — удовлетворительно, а командиры батальонов — неудовлетворительно. В таких же приравнивавшихся к роте подразделениях, как пулеметные команды, хорошо были подготовлены как младшие офицеры, так и начальники команд: даже не склонный, как мы видели, переоценивать квалификацию пехотного офицерства В. М. Драгомиров считал, что в пулеметных командах «подготовка офицеров, а также их познания были весьма хороши»¹³.

Попробуем проверить эти выводы, взглянув на работу кадровых русских пехотных офицеров в первых боях 1914 года. Работа эта составляет предмет отдельного большого исследования; здесь мы ограничимся анализом случайной выборки опубликованных источников и исследовательских работ о первых боях русских частей в 1914 г. (ограниченное количество тех и других — около 80 — компенсируется случайностью выборки: *типичное* в такой всегда будет отражено). Все даты будут даваться по старому стилю.

Как правило, источники и исследования, составляющие нашу выборку, не «спускаются», освещая боевые действия, ниже ротного уровня, поэтому информации о *младших офицерах рот и пулеметных команд (субалтерн-офицерах)* в них обнаруживается не так уж много. Тем не менее тезис В. Е. Флуга о том, что проявление «субалтернами» инициативы было не редкостью, находит полное подтверждение. Вот источник, «степень разрешения» которого больше, чем у других, — составленное в 1915 г. полковым адъютантом описание первого боя лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка Гвардейской стрелковой бригады — под

---

¹² Червинка Я. Военная карьера у нас и за границу // Офицерский корпус русской армии. С. 188; Флуг В. Высший командный состав // Там же. С. 273; Мартынов Е. Назревшие реформы // Там же. С. 317.

¹³ Драгомиров В. Подготовка русской армии к Великой войне // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Кн. V. С. 193.

фольварком Камень и деревней Войцехов (юго-западнее Люблина) 26 августа 1914 г., на втором этапе Галицийской битвы¹⁴. Оно являет нам целую серию инициативных действий младших офицеров (хотя полк был не четырех-, а всего лишь двухбатальонным). Согласно этому описанию, когда атаковавший австрийскую батарею взвод 4-й роты попал под перекрестный ружейный огонь, подпоручик Б. Я. Добровольский приказал стрелкам не залечь, а бежать вперед (до орудий оставалось менее 300 метров, а лежание под плотным огнем привело бы к потерям, не меньшим, чем при атаке) — и ворвался-таки на батарею. Быструю реакцию на изменение обстановки продемонстрировал и возглавивший в ходе боя 2-ю роту подпоручик Б. Н. Николаев, обнаруживший после занятия австрийских окопов в 200 метрах перед собой два орудия. Оценив расстояние, Николаев тут же принял решение атаковать их силами находившегося под его непосредственным командованием взвода — и действительно, артиллеристы не успели расстрелять взвод прежде, чем он добежал до них и захватил обе пушки. Не столь однозначно разумной представляется инициатива подпоручика С. П. Мацевского — броситься с частью роты Его Высочества в атаку на бывшие картечью орудия с расстояния в 500 метров. Но, поскольку фланговый огонь этих орудий грозил сорвать продвижение целых трех рот и самокатной команды, решение пожертвовать одним — двумя взводами можно, по-видимому, все же признать оправданным. К тому же и в этой атаке, также завершившейся захватом пушек, удалось обойтись без больших потерь...

А вот еще одно боевое крещение русской пехотной части 1914 года, освещаемое опубликованными источниками до уровня полурот и взводов, — бой 137-го пехотного Нежинского полка 35-й пехотной дивизии под Тарношином (на Холмщине) 15 августа. Изучавший этот эпизод Томашовского сражения (являвшегося, в свою очередь, частью все той же Галицийской битвы), бывший генерал от инфантерии Д. А. Долгов опубликовал фрагменты рапортов двух офицеров 10-й роты нежинцев¹⁵, командир которой после внезапного нападения венгров на полковой бивак попытался переломить ситуацию в пользу русских. И что же?

---

¹⁴ Верцинский Э. А. Из мировой войны. Боевые записи и воспоминания командира полка и офицера Генерального Штаба за 1914–1917 годы. Таллин — Ревель, 1931. С. 14–25.

¹⁵ Долгов Д. Два лесных боя. 13/26 и 15/28 августа 1914 г. // Военно-исторический сборник. Труды военно-исторической комиссии. Вып. 3. М., 1920.

По свидетельству этих документов, из трех младших офицеров роты двое (причем отнюдь не авторы рапортов!) проявили инициативу. Первая контратака была предпринята по почину ротного командира, но вторая, проведенная после того, как роте пришлось отойти назад, — по настоянию подпоручика А. В. Ярошевского. Независимо от последнего поднять 10-ю в новую атаку пытался и другой «субалтерн» — штабс-капитан А. В. Злобин. И это в первой же ввязавшейся в бой роте...

А вот 27-я пехотная дивизия, офицеры которой оставили сравнительно много воспоминаний и действия которой в Восточной Пруссии привлекают внимание не только историков, но и калининградских краеведов. В итоге в научный оборот оказались введены источники, довольно подробно освещающие работу пулеметчиков дивизии. Из них явствует, что, по меньшей мере, в трех из четырех полков 27-й как минимум по одному из двух выступивших на войну младших офицеров пулеметной команды оказались способными на проявление разумной инициативы, причем двое из трех доказали это уже в первом или втором бою. Когда в первый день Восточно-Прусской операции в бою 4 августа под Сталюпененом 105-й пехотный Оренбургский полк стал в панике отступать, поручик Н. С. Васильев проигнорировал приказ об отходе и до последнего прикрывал отступающих пулеметным огнем. А когда во втором бою 27-й дивизии — в сражении 7 августа под Гумбинненом — атаковавшие германцы надломились и начали отходить, один из младших офицеров пулеметной команды 108-го пехотного Саратовского полка выдвинул «максимы» своего взвода вперед и обстрелял отступающую цепь с фланга самым для нее губительным — продольным огнем. Уже 18 октября, в начале второго вторжения русских в Восточную Пруссию, под литовским местечком Копсодзе поручик 106-го пехотного Уфимского полка Н. Н. Нечаев проделал то же самое в наступательном бою.

Вообще, предоставляемые нашей выборкой сведения о младших офицерах пулеметных команд (помимо работ, связанных с историей 27-й дивизии, мы находим их в трех подборках Высочайших приказов о награждении Георгиевскими наградами) подтверждают тезис В. М. Драгомирова об очень хорошей выучке, которой обладали к августу 1914-го офицеры-пулеметчики. Тактическую грамотность и инициативу в первом же бою — под Суходолами (южнее Люблина) 20 августа, в конце Люблин-Холмской операции, — проявил и как минимум один из двух младших офицеров пулеметной команды 81-го пехотного Апшеронского полка 21-й пехотной дивизии — поручик М. К. Кастюрин. Ко-

мандюя двумя пулеметными взводами, он не только своевременно произвел командирскую разведку и организовал подавление пулеметов противника, но и принял командование соседними ротами (в которых выбыли из строя все офицеры), по собственной инициативе повел эти роты в атаку и овладел австрийскими окопами. Еще один участник Галицийской битвы, младший офицер пулеметной команды лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка поручик С. И. Залесский в упомянутом выше бою у Камня и Войцехова инициативы не проявлял — но тоже вел себя как *командир*. Даже будучи ранен, он «продолжал управлять огнем своего взвода до тех пор, пока была слышна его команда»¹⁶.

Весьма показательной представляется и выучка выступивших на войну младших офицеров 7-й роты лейб-гвардии Семеновского полка 1-й гвардейской пехотной дивизии. Правда, мы судим о ней по воспоминаниям одного из них, Анатолия Иванова-Дивова¹⁷, но этот источник можно считать вполне объективным. Ведь мемуарист не замалчивает своих просчетов, а, критикуя своего подчиненного, явно антипатичного ему, как и другим белоэмигрантам, М. Н. Тухачевского — подробно описывает и ситуации, в которых тот оказывался на высоте положения. Обвинение в неисполнении подпоручиком Тухачевским в период первых боев полка обязанностей помощника командира роты следует, на наш взгляд, отвести как почти недоказуемое — ввиду полной неопределенности этих обязанностей. Штатной должности помощника командира роты в русской армии не было, и не случайно, что конкретные претензии к Тухачевскому по этой части Иванов-Дивов не приводит. Зато повествует, как, получив 2 сентября 1914 г. под Кржешовом в Галиции наступательную боевую задачу, подпоручик Тухачевский успешно развертывает свою полуроту в боевой порядок, указывает ей направление движения, определяет порядок перебежек — словом, грамотно управляет подразделением в бою, а затем, двигаясь с одним взводом в качестве передового отряда роты, действует именно так, как призывал в 1935-м действовать командиров подразделений РККА: видя отсутствие перед собой сопротивления, по собственной инициативе продолжает наступление далее указанного ему рубежа, к мосту через Сан у Кржешова, атакует отходящих через мост австрийцев и,

---

¹⁶ Описание боевых подвигов, за которые пожалованы ордена св. Георгия и Георгиевское оружие // *Летопись войны 1914–15 гг.* № 44. 20 июня 1915 г. С. 87.

¹⁷ Иванов-Дивов 2-й. 7-я рота Лейб-Гвардии Семеновского полка в Галиции // *Военная быль.* 1968. № 91. С. 3–7.

присоединившись к подоспевшей 6-й роте, участвует в захвате этого важнейшего объекта. Правда, забывает при этом о необходимости информировать об обстановке командира своей роты — из-за чего та задерживает продвижение к мосту...

Сам же поручик А. В. Иванов-Дивов 2-й уже на седьмой день боев, 26 августа, принимает 7-ю роту — но действует так, словно командовал ею уже давно! Получив первую задачу в качестве ротного (выдвинуться на новую позицию), он производит, прежде чем принять решение, командирскую разведку, организует взаимодействие с соседней ротой (договорившись с ее командиром о прикрытии выдвижения 7-й огнем), определяет порядок выдвижения (перебежками поотделенно) ... По всем правилам действует поручик, и, будучи назначен пять дней спустя с ротой в сторожевое охранение, высылает головную походную заставу (приказав ей выделить три дозора), выставляет на намеченном рубеже сторожевые заставы, выделяет сторожевой резерв, высылает влево и вправо сильные дозоры для установления связи с соседними частями. На следующий день под Кржешовом он, точно так же, как и Тухачевский, по собственной инициативе продолжает наступление дальше указанного рубежа — и не забывает управлять огнем...

Иными словами, как минимум два из трех выступивших в поход 1914 года младших офицеров 7-й роты семеновцев (действия третьего Иванов-Дивов никак не характеризует) в первых же боях проявили себя как грамотные и инициативные командиры. И это опять-таки в первой попавшейся роте, боевая работа которой известна нам столь детально лишь потому, что ее бывший командир оставил подробные воспоминания...

Следующий источник — тоже мемуарного характера, но, описывая свой первый бой (22 сентября 1914 г. у озер Ожево и Окунин, северо-западнее Сувалок), мемуарист не скрывает пережитых им тогда страха и уныния. Можно поэтому полагать, что не приукрашивает он и своих действий в бою и что действовал младший офицер 9-й роты 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка Кавказской гренадерской дивизии подпоручик К. С. Попов действительно грамотно и инициативно — начал управлять огнем своего взвода (из этого, правда, «ничего не вышло», так как, впервые очутившись под огнем, он «сам не слышал своего голоса»), а затем по собственной инициативе, не равняясь по залегшим под огнем остальным взводам, стал по всем правилам — перебежками поотделенно — продвигать взвод вперед. Это опять-таки именно то, чего добивался в 1935 г. от команди-

ров подразделений М. Н. Тухачевский... Получив затем приказ на отход, Попов и тут действовал грамотно — отходить приказал по одному, чтобы не создавать заметную цель для обстреливавшей роту германской артиллерии¹⁸. В своем втором бою, 24 сентября, он тоже делает то, что и должен был делать, — непрерывно управляет огнем своего отражавшего атаку немцев подразделения.

Отнюдь не акцентирует своих заслуг и его однополчанин, описавший свое участие в первом бою эриванцев (21 сентября у тех же озер Ожево и Окунин) по просьбе историографов полка. Поэтому доверия заслуживает и его «показание»¹⁹, в котором его действия также предстают грамотными и инициативными. Двинув свою полуроту в наступление, младший офицер 6-й роты подпоручик В. Р. Зуев грамотно организовал сочетание огня и движения. Вначале он постарался побыстрее вывести людей из сферы артиллерийского огня, для чего применил перебежки сначала повзводно, а затем, по мере приближения к позициям противника, поотделенно. На рубеже, с которого стали видны окопы немцев, Зуев остановил полуроту и начал управлять ее огнем. Затем решил использовать моральный подъем, охвативший гренадер при звуках стрельбы русской артиллерии и, опять-таки не равнясь по соседям, бросил полуроту в атаку. А, очутившись под сильным артогнем, отреагировал и на это изменение обстановки — приказал остановиться и окопаться...

В общем, наша случайная выборка источников и исследование подтверждает тезис о хорошей выучке русских пехотных субалтерн-офицеров кануна 1914 года

Перейдем к выступившим в поход 1914 года *командирам рот и пулеметных команд*. Прав ли В. Е. Флуг в том, что ротные проявляли инициативу «реже», чем «субалтерны»? В нашей выборке есть источники и исследования, которые как будто указывают именно на это. Так, в источниках, использованных генерал-лейтенантом Н. Н. Головиным при описании первого боя лейб-гвардии Преображенского полка 1-й гвардейской пехотной дивизии — у деревни Владиславов (юго-восточнее Люблина) 20 августа²⁰ — и в упомянутом выше описании первого боя царскосельских стрелков (зафиксировавшем три случая проявления

---

¹⁸ Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. 1914–1920. М., 2007. С. 19–21.

¹⁹ Лейб-эриванцы в Великой войне. Материалы для истории полка в обработке полковой исторической комиссии. Париж, 1959. С. 26–27.

²⁰ Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября нового стиля). Париж, 1940. С. 69–75.

почина младшими офицерами рот) случаев инициативных действий командиров рот не отмечено. Согласно же рапорту командующего 137-м пехотным Нежинским полком об упомянутом выше первом бое нежинцев, после внезапного огневого нападения венгерской пехоты на полковой бивак у фольварка Турин двое ротных (в том числе командир 10-й роты капитан Н. Е. Обозненко) «по личной инициативе» рассыпали роты в цепь и двинули их в сторону противника, «прикрыв собой полк»²¹. Но два из шестнадцати — это не два из трех (как в случае с младшими офицерами 10-й роты)...

Однако показательны ли эти примеры? Что до нежинцев и преображенцев, то нужно учесть, что возможность проявить *разумную* инициативу возникает далеко не в каждом бою. Нежинцев нападение противника застало на биваке — где явно не все роты располагались так, чтобы их командиры, даже проявив «личную инициативу», могли «прикрыть собой полк». А вот 105-й пехотный Оренбургский полк в его первом бою, под Сталюпененом, подвергся такому же внезапному удару уже в процессе наступления, будучи развернут в боевой порядок. Поэтому, когда управление атакованным с тыла полком оказалось из-за гибели полкового командира нарушено, проявить инициативу смогли явно больше, чем два командира рот. По нашему убеждению, только так можно интерпретировать употребление описывавшим этой бой бывшим начальником 27-й пехотной дивизии генерал-лейтенантом К. М. Адаридами слова «некоторые»: «[...]По почину частных начальников, некоторые роты стали выдвигаться в новом направлении затем, чтобы попытаться задержать наступающих» германцев²². Обстановка, благоприятствующая проявлению инициативы командирами рот (стихийное отступление разбившегося о русскую оборону противника), создалась и во втором бою 27-й дивизии — в сражении под Гумбинненом. И, когда командир 108-го пехотного Саратовского полка поднял свою часть в контратаку, его поддержали и ближайшие к нему роты 107-го пехотного Троицкого...

То же и в первом бою 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка у озер Ожево и Окунин 21 сентября, описанном полковой исторической комиссией. Когда 2-й и 4-й батальоны эриванцев попали под артобстрел, они (как сообщил комиссии находив-

²¹ Цит. по: Долгов Д. Указ. соч. С. 28.

²² Адарида К. 27 пех. дивизия в бою 4 (17) Августа 1914 г. под Сталюпененом и 7 (20) Августа под Гумбинненом // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Кн. VIII. Белград, 1926. С. 169.

шийся тогда при них в качестве временно командующего полком полковник Н. А. Шаншиев), «не ожидая каких-либо указаний, повинуясь инстинкту выучки, стали рассыпаться в цепи и двигаться на выстрелы»²³. Как явствует из подобного же «показания» бывшего младшего офицера 6-й роты 2-го батальона В. Р. Зуева, 6-й это приказал сделать ее командир капитан В. З. Силаев. С учетом этого сообщения и того обстоятельства, что батальонные командиры эриванцев были (см. ниже) профнепригодны, можно с уверенностью заключить, что действия обоих батальонов были инициативой не батальонных, а ротных командиров и что, следовательно, в Эриванском полку в первом же бою инициативу проявили как минимум 7 из 16 командиров рот (14-я рота 4-го батальона бросилась не на выстрелы, а назад). А если признать достоверным «показание» командовавшего в том бою 3-й ротой 1-го батальона А. Г. Кузнецова, то количество инициативно действовавших ротных возрастет до как минимум 8! Получив от батальонного командира вместо конкретной задачи лишь жест, указывавший на облако и означавший «направление атаки», капитан Кузнецов стал действовать по собственному разумению — решил занять деревню Чарнаковизна и, заходя правым флангом, прижать оборонявшихся там немцев к озеру Окунин. Овладев Чарнаковизной (правда, противник сумел из нее вовремя отойти), командир 3-й роты попытался продвинуться и дальше, а после того, как немцы воспретили ему это сильным артогнем, стал эксплуатировать достигнутый им успех иначе — открыл фланговый огонь по немецкой позиции, на фланге у которой он оказался, заняв Чарнаковизну... Собственно, не доверять рассказу Кузнецова у нас нет никаких оснований: его инициативность подтверждается и свидетельствами других лиц. Согласно им, в бою 16 октября у деревень Орлово и Подвысоке (также северо-западнее Сувалок), командуя уже 3-м батальоном, находясь с ним в резерве полка соседней дивизии и видя, что германцы обходят эту дивизию с фланга, капитан Кузнецов по собственному почину контратаковал обходящих и закрыл прорыв, наметившийся было на стыке двух корпусов! То же самое сделал в том бою и командир роты Его Величества 1-го батальона капитан О. М. Пурцеладзе. Как видим, утверждение служившего в Эриванском полку с 1912 г. К. С. Попова о том, что к началу войны «состав ротных командиров в большинстве был прекрасный»²⁴, находит блестящее под-

---

²³ Лейб-эриванцы в Великой войне. С. 26.

²⁴ Попов К. Указ. соч. С. 8.

тверждение: как минимум (sic!) 56 % вышедших в поход 1914 года командиров рот (9 из 16) были тактически грамотны и способны на проявление инициативы...

Или еще один пример. В упомянутом выше первом бою 81-го пехотного Апшеронского полка (под Суходолами) его 2-й батальон ворвался в деревню Выселки Файсловице, но овладеть ею не смог: засевшие в домах австрийцы вели убийственный огонь. Наступать дальше, обойдя деревню, было нельзя: батальон был бы расстрелян с тыла. Командир батальона медлил с решением, и тогда это решение приняли два из трех оставшихся в строю командиров рот — капитан П. Д. Текутьев и штабс-капитан К. Т. Козырев. Приказав командиру пулеметного взвода и части стрелков открыть ураганный огонь вдоль окраины деревни, они повели остальных в решительную атаку и выбили-таки противника из Выселок Файсловице. Иными словами, из очутившихся в сложной ситуации (описанной участником боя, бывшим младшим офицером 5-й роты А. А. Рябинским²⁵) штатных командиров рот способными на проявление инициативы оказались 67 %.

Возвращаясь к преображенцам, обратим внимание на то, что в прошедшем в тот же день и рассмотренном тем же Н. Н. Головиным даже с меньшей «степенью разрешения» (до уровня рот, а не полурот и взводов) первом бою другого полка той же 1-й гвардейской пехотной дивизии — лейб-гвардии Егерского, у тех же Суходол — способность к проявлению инициативы выказало не менее четверти командиров рот. По окончании артподготовки ротные 1-го батальона один за другим стали доносить, «что они находят, что пришло время перейти в атаку»²⁶, а командир 10-й роты 3-го батальона капитан М. И. Кукель по собственному почину поддержал атаку 1-го батальона во фланг противнику, сдерживавшему продвижение соседней части. Известно также, что в летних боях 1915 года не проявивший почина под Владиславовом командир 4-й роты лейб-гвардии Преображенского полка капитан (в 1914 г. — штабс-капитан) А. П. Кутепов показал, что способен на инициативные действия; значит, под Владиславовом ему просто не представилась соответствующая возможность — так же, как, видимо, и ряду других преображенских ротных.

Точно так же нельзя абсолютизировать и тот факт, что источники и исследования из нашей выборки, освещающие серии первых

---

²⁵ Рябинский А. Суходолы // Военная быль. 1967. № 84.

²⁶ Цит. по: Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года. Дни перелома Галицийской битвы. С. 79.

боев еще четырех частей гвардейской пехоты²⁷ (также происходившие к югу от Люблина, в конце Люблин-Холмской операции и в начале второго этапа Галицийской битвы), упоминают лишь по одному случаю проявления инициативы командирами рот. К тому же лишь в двух случаях из четырех интересующую нас информацию предоставляют составленные по нескольким источникам описания боев. (Из них явствует, что во втором серьезном бою лейб-гвардии Семеновского полка 1-й гвардейской пехотной дивизии — под Уршулином 24 августа — командир 6-й роты капитан Ф. А. Веселаго предложил подвести два наступавших под сильным огнем батальона к австрийским позициям не цепями по совершенно открытой местности, а в колонне по укрытой от огня лощине — и выступил в роли колонновожатого. А в первом бою лейб-гвардии Финляндского полка 2-й гвардейской пехотной дивизии — под деревней Гелчев и фольварком Каэтановка 25 августа — командир 7-й роты капитан М. В. Цемиров по своему почину перешел в наступление, чтобы помочь оказавшемуся на краю гибели соседнему батальону.) Сообщение об инициативе начальника пулеметной команды лейб-гвардии Павловского полка той же дивизии штабс-капитана Н. С. Пальникова (который 23 августа, не ожидая приказа, развернул свои «максимы», чтобы подавить огонь, открытый по полку за фольварком Зигмунтов) содержится в воспоминаниях участвовавшего в этом первом бою павловцев полковника А. П. Редькина, а он писал лишь о том, что видел или слышал лично. А о почине ротного командира лейб-гвардии 1-го стрелкового Его Величества полка Гвардейской стрелковой бригады капитана барона Д. Ф. Таубе, который в своем первом бою, под Камнем и Войцеховом 26 августа, «будучи выслан вперед на разведку», нашел возможность осуществить «энергичное выдвижение вперед» и «блестящими действиями под огнем противника дал возможность ротам всего боевого порядка развернуться против фланга неприятельских окопов, что и послужило главной причиной успешной фронтальной атаки»²⁸ — об этом почине со-

²⁷ Зайцов А. Семеновцы в 1914 году. Люблин — Ивангород — Краков. Гельсингфорс, 1936; Иванов-Дивов 2-й. 7-я рота Лейб-Гвардии Семеновского полка в Галиции // Военная быль. 1968. № 91; Описание боевых подвигов, за которые пожалованы ордена св. Георгия и Георгиевское оружие // Летопись войны 1914–15 гг. № 44. 20 июня 1915 г.; Редькин А. Павловцы в Великую войну. Первый бой полка (1914 г.) // Военная быль. 1962. № 54–55; Ходнев Д. Лейб-Гвардии Финляндский полк в Великой и Гражданской войне 1914–1920. Белград, 1932.

²⁸ Описание боевых подвигов, за которые пожалованы ордена св. Георгия и Георгиевское оружие // Летопись войны 1914–1915 гг. № 44. 20 июня 1915 г. С. 87.

общает Высочайший приказ о пожаловании Георгиевских наград (раздававшихся без какой-либо системы). Да и работы полковых историографов отнюдь не дают абсолютно полной картины событий. Так, в труде о действиях семеновцев не упомянут еще один случай проявления инициативы командиром 6-й роты (по воспоминаниям А. В. Иванова-Дивова 2-го, 27 августа под тем же Уршулином, капитан Веселаго по собственной инициативе поднял в атаку соседнюю 7-ю роту, находившуюся ближе всех к австрийским окопам и могущую поэтому облегчить бросок другим ротам 2-го батальона). Иными словами, не исключено, что во всех четырех полках почин в первом бою мог проявить и еще кто-либо из ротных.

То же и с 21-м пехотным Муромским полком 6-й пехотной дивизии, принявшим первый бой 10 августа под Франкенау в Восточной Пруссии. Из офицеров-муромцев, являвшихся к началу войны командирами рот и проявивших в этом бою инициативу, нам известен лишь капитан К. Ф. Юрьев (будучи командующим 1-м батальоном, он по собственному почину попытался выручить соседнюю часть). Но ведь и о его инициативе мы знаем лишь из воспоминаний артиллерийского полковника В. Е. Желондовского, случайно оказавшегося свидетелем доклада командира муромцев полковника Ф. Ф. Новицкого (который, в свою очередь, мог ограничиться упоминанием об одном Юрьеве как о батальонном командире и не «спускаться» на ротный уровень)...

Наконец, нужно учитывать контекст, в котором сообщают интересующую нас сейчас информацию исследователи. Затрагивая в своем труде о Восточно-Прусской операции действия в Гумбинненском сражении 10-го пехотного Уфимского полка, Н. Н. Головин упоминает об инициативных действиях двух командиров рот. Один из них, из 1-го батальона, попросил ближайшего батарейного командира прислать ему артиллерийского разведчика, чтобы тот точно установил местоположение наблюдаемой с позиции роты германской батареи. Из записки этого офицера («В полутора или версте от Вас стоит батарея неприятеля. У нас ее очень хорошо видно, но точно указать место не можем»²⁹) отнюдь не следует, что эта батарея мешала вести бой именно его роте, да и вообще Устав полевой службы не требовал от ротных взаимодействовать с дивизионной артиллерией. Такую же инициативу проявил командир 5-й роты 2-го батальона капитан Н. А. Пузиновский. Он дважды посы-

---

²⁹ Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926. С. 147.

лал командиру одной из батарей 27-й артиллерийской бригады записки с указанием местонахождения достойных артиллерии целей (пехоты противника, пулемета, окопов, «блиндированной пушки») и просьбой обстрелять их. Но оба эти факта приведены исследователем не с целью выявления степени инициативности ротных, а для иллюстрации тезиса о достижении в 27-й дивизии полного взаимодействия между пехотой и артиллерией. Поэтому, опираясь лишь на факты, приведенные Головиным, нельзя утверждать, что инициативу в Уфимском полку (для которого это был второй бой в мировой войне) проявили тогда лишь два ротных командира из шестнадцати. Инициативных могло быть и больше. И их действительно было больше — не два, а как минимум от 4 до 6. Ведь из воспоминаний полковника-сапера Д. И. Сверчкова, находившегося во время сражения в расположении 4-го батальона уфимцев, явствует, что взаимодействовать с дивизионной артиллерией ротные стремились и там. Видя, что германская пехота накапливается на опушке перелеска у речки, они тотчас же сообщали об этом по телефону на батарее³⁰...

В общем, наша сравнительно небольшая выборка источников и исследований, в которой без труда мы обнаружили порядка 35 случаев проявления инициативы русскими ротными командирами кануна Первой мировой, свидетельствует о том, что к 1914-му командиры рот (вопреки мнению В. Е. Флуга) отнюдь не уступали здесь своим младшим офицерам. Безынициативный ротный нам попался только один; это командир 10-й роты лейб-гвардии Семеновского полка капитан А. В. Андреев, который 11 октября, у фольварка Градоблице под Ивангородом, отказался без приказа вести ночную атаку не уставными цепями, а компактными группами (которым проще не сбиться с пути в темноте).

Прежде чем дать итоговую оценку тактической выучки русских командиров рот кануна Первой мировой, посмотрим на степень усвоения ими уставных тактических требований и владения техникой управления войсками. Начнем с весьма показательного эпизода — с освещаемого в исследовании А. М. Кручинина³¹ боя 195-го пехотного Оровайского полка 49-й пехотной дивизии под

---

³⁰ Сверчков Д. 27 пех. дивизия в Гумбинненском сражении 7 августа 1914 года (по личным воспоминаниям) // Вестник союза офицеров участников войны. 1931. № 8. С. 22.

³¹ Кручинин А. М. Российский полк с финским именем. Очерки истории Оровайского полка (1811–1920). Екатеринбург, 2000. С. 85.

крепостью Галич 19–20 августа 1914 г. Подойдя 19-го к галицким редутам на 700 метров, русские роты всю ночь вели разведку и выявили, что австрийцы начали оставлять укрепления. Когда утром 20-го вновь высланная от 3-й роты разведка беспрепятственно подошла к одному из редутов вплотную, командующий ротой штабс-капитан Н. М. Виноградов по собственной инициативе бросился с полуротой на редут и, обратив в бегство оставленное на нем для прикрытия пехотное отделение, овладел им. Общую же атаку полка, естественно, отменили...

Как видно из мемуаров К. С. Попова, разведкой в схожей ситуации не пренебрег и капитан князь М. Л. Шервашидзе — ротный командир 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка, которому после первого же боя пришлось сменить командира 3-го батальона. Постоянно считаясь с возможностью изменения планов противника, он уже после второго своего боя, 25 сентября 1914 г., приказал подпоручику Попову разведать, не отошли ли атаковавшие накануне батальон германцы. Вообще, офицеры-эриванцы, выступившие на войну командирами рот, не игнорировали, похоже, ни одну из своих обязанностей в бою. И Шервашидзе и командир 5-й роты капитан А. И. Сабель (под начало которого Попов попал в октябре) не забывали не только о разведке, но и о высылке дозоров для установления связи с соседней частью. В нашей выборке мы находим и упоминание о ротном командире 119-го пехотного Коломенского полка 30-й пехотной дивизии, который организовывал разведку на фланге и в ходе боя (да еще первого боя — Гумбинненского сражения)³². Характерны также «переживания», испытывавшиеся в первом бою — под Сталупененом 4 августа — командиром 16-й роты 106-го пехотного Уфимского полка капитаном А. А. Успенским: «Нужно скорее открыть огонь, указать взводным цели и напомнить о прицеле, пополнить патроны и т. д.»³³. После тяжелого сражения под Гумбинненом измотанный Успенский все же не забывает выставить сторожевое охранение — полевые посты, караулы и заставы... Показателен в этом смысле и еще источник из нашей выборки — рассказ фельдфебеля одной из рот 6-го пехотного Либавского полка 2-й пехотной дивизии о бое 15 августа у Франкенау. Имея задачу захватить досаждавшую полку германскую батарею, но обнаружив ее лишь к ночи, капитан А. Т. Коленда не рискнул

³² Гуськов А. 119-й пехотный Коломенский полк в Великой войне // Доброволец-XX век. 2004. № 2 (4). С. 21.

³³ Успенский А. А. Указ. соч. С. 29.

принять решение на ночную атаку и стал дожидаться рассвета. Однако приказав вышедшей на рубеж атаки роте окопаться этот проводивший лишь второй или третий бой, но явно твердо знавший, по выражению А. А. Свечина³⁴, «детали пехотного ремесла» офицер не преминул...

Красноречив и эпизод, относящийся к завязке Люблин-Холмской операции. Когда 13 августа 1914 г. 3-я гренадерская дивизия двигалась на Замостье и в голове колонны послышалась стрельба, командир 12-й роты 12-го гренадерского Астраханского полка капитан П. В. Сушильников («инстинктивно»), по его словам, «вывел роту с дороги на сжатое поле, готовясь рассыпать в цепь»³⁵.

Вообще, знание ротными командирами кануна Первой мировой «пехотного ремесла» в наших источниках предстает весьма и весьма основательным. Генерал-лейтенант Н. Н. Головин считал в этом отношении показательными специально опубликованные им воспоминания генерал-майора В. А. Иванова об участии его в качестве командира 2-й роты 81-го пехотного Апшеронского полка 21-й пехотной дивизии в бою 20 августа 1914 г. под Суходолами (написаны они были по инициативе Головина, что уменьшает подозрения в приукрашивании Ивановым своих действий). Движение 2-й роты, шедшей головной в колонне полка, в район боя охранялось головным и боковыми дозорами; оповещенный ими о появлении слева противника, капитан Иванов тут же выдвинулся для проведения личной разведки, не забыв захватить с собою «связь» (сигнальных). Оценив обстановку, он проинформировал о ней командира полка (приложив к донесению быстро набросанную схему) и принял решение: развернуть роту в боевой порядок, чтобы заставить развернуться против нее и австрийцев и уточнить таким образом группировку их сил. Тут же были поставлены конкретные задачи исполнителям — командир громко объяснил роте обстановку, задачу, указал форму боевого порядка, соседей, своих заместителей и способ передачи донесений (сигнализация цветными флажками). Форму боевого порядка он выбрал, исходя из особенностей местности: поскольку она позволяла сблизиться с противником скрытно, взводы сначала должны были двигаться змейкой и только потом развернуться в цепь. Поскольку рота разворачивалась влево, командир принял

---

³⁴ Свечин А. Искусство вождения полка. По опыту войны 1914–18 гг. Т. 1. М.; Л., 1930. С. 31.

³⁵ Сушильников П. В. Из воспоминаний Астраханского Гренадера. 1914-й год // Русский военно-исторический вестник. 1950. № 6. С. 4.

меры к охране ее открытого правого фланга (возложив эту задачу на головной дозор).

Когда сблизившаяся с противником рота вынуждена была залечь под огнем, Иванов приказал завязать огневой бой и стал (голосом и флажковой сигнализацией) управлять огнем: указал взводам цель, прицел и порядок ведения огня. Затем (через сигнального с флажками) приказал взводам развернуться в цепь, указал направление атаки и двинул роту в атаку, управляя ее движением при помощи все тех же флажков. После первой перебежки, укрывшись вместе с ротой за складкой местности, он отправил еще одно донесение командиру полка, в котором снова отобразил обстановку (как словесно, так и графически) и изложил свое решение (атаковать позиции противника). Поскольку справа от 2-й развернулись уже и другие роты 1-го батальона, Иванов проинформировал о своем решении и батальонного командира и продолжил управлять огнем.

Одновременно ротный анализировал вновь поступающую информацию об обстановке (получаемую как от связных, приславшихся командирами взводов, так и личным наблюдением) и учитывал ее при проведении в жизнь принятого им решения. Сообщение о намечившемся разрыве между 2-й и соседней справа 4-й ротой заставило было подумать о смещении направления атаки вправо, но эта идея была тут же отвергнута: она подставляла левый фланг Иванова (и всего 1-го батальона) под огонь австрийцев, залегших перед 2-й ротой. А когда обстреливавшая 2-ю роту австрийская артиллерия перенесла огонь на соседний батальон, Иванов воспользовался этим для организации следующей перебежки. При помощи свистковой сигнализации и голосом он указал роте рубеж перебежки, порядок перебежки и порядок прикрытия ее огнем подразделений, остающихся на месте. Затем (по-прежнему имея при себе сигнальных) перебежал вперед с 4-м взводом и при помощи флажковой сигнализации стал управлять перебежкой 3-го, а 4-му поставил задачу по прикрытию этой перебежки огнем. По мере приближения к противнику ротный менял порядок перебежек — сначала повзводно, затем по звеньям и, наконец, по одному...

Мысль командира роты не переставала перерабатывать вновь поступающую информацию: «впереди себя увидел картофельное поле и сейчас же в голове прикинул, что на нем будет моя последняя (перед броском в штыки. — А. С.) стрелковая позиция»³⁶:

---

³⁶ Цит. по: Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года. Дни перелома Галицийской битвы. С. 190.

грядки дают укрытие от пуль, а высокая ботва хорошо маскирует залегших солдат. Ослабление огня австрийцев против правого фланга роты подсказало Иванову, что этот участок оказался у врага оголенным. Тут же возникла идея продолжать атаку так, чтобы правым флангом охватить противника через этот разрыв; эту идею подкрепило то соображение, что обороняющиеся далее вправо австрийцы скованы другими ротами и помешать обходному движению 2-й смогут вряд ли. Немедля при помощи флажков был отдан приказ правофланговому 1-му взводу об изменении направления дальнейшего движения, а после того, как взводный вторично доложил о разрыве между их ротой и соседней справа 4-й, — приказ о выдвигании в разрыв дозора для охраны фланга (отправленный с тем же посыльным из 1-го взвода). Вслед за тем Иванов переместился с левого фланга в центр ротного участка, поближе к заходящему правому флангу (указав предварительно призванному из запаса командиру 4-го взвода направление перебежки и напомнив, что залечь после нее нужно не на краю картофельного поля, а на самом поле: ведь по хорошо видимой границе картофельной ботвы легко пристреляться).

После того, как рота оказалась на картофельном поле, Иванов, учтя характер местности, приказал двигаться не перебежками (бежать по грядкам и высокой ботве неудобно), а ползком.

В соответствии с непрерывно отслеживаемой им обстановкой выбрал командир роты и момент для завершающего броска в штыки: далеко слева стала слышна стрельба русских винтовок (свидетельствующая о выходе русских в тыл участка, на который наступал Иванов), а оборонявшиеся против Иванова австрийцы начали отходить...

В нашей выборке есть и еще одно подробное описание русским офицером своих действий в качестве командира роты в первом для него бою 1914 года, также относящееся к боям южнее Люблина в последние дни Люблин-Холмской операции³⁷. И снова мы видим и твердое знание «пехотного ремесла», и умение действовать по обстановке. Даже находясь в выжидательном районе, командир 7-й роты лейб-гвардии Павловского полка капитан А. П. Редькин не забывает выставить полевой караул и постоянно держит при себе связных. Получив задачу атаковать в ночь на 23 августа фольварк Зигмунтов, он рекогносцирует участок атаки и там же, на местности, ставит задачи командирам взводов. Учтя

---

³⁷ Редькин А. Павловцы в Великую войну. Первый бой полка (1914 г.) // Военная быль. 1962. № 54–55.

особенности местности, он подводит роту к рубежу атаки не развернутой в цепь, а в колоннах — что, особенно ночью, удобнее и быстрее. А когда подошедшая почти к самой австрийской позиции рота попадает под сильный огонь и залегает, Редькин быстро оценивает обстановку и, приняв во внимание, что после длительного лежания под огнем людей будет трудно поднять в атаку и что рассыпать колонны в цепь под ведущимся с такого расстояния огнем означает понести лишние потери, решает атаковать немедленно, но не меняя боевого порядка, прямо в колоннах. Это нестандартное решение полностью себя оправдывает, и рота овладевает австрийскими окопами. (18 сентября, во время наступления в Августовских лесах, у господского двора Ольшанка, что между Сувалками и Августовом, так же нестандартно поступил и один из ротных 5-го Финляндского стрелкового полка 2-й Финляндской стрелковой бригады штабс-капитан А. А. Рейман. Видя, что и лежание под плотным огнем в голом поле и отход грозят гибелью, он бросил роту вперед и... без потерь овладел германской позицией.)

Известны, правда, и случаи, когда ротные 1914 года допускали в своем первом бою серьезный просчет при организации сочетания огня и движения. По свидетельству офицеров 6-й артиллерийской бригады, наблюдавших 10 августа наступление 23-го пехотного Низовского и 24-го пехотного Симбирского полков 6-й пехотной дивизии на Франкенау, командиры рот поднимали солдат для броска в атаку не за 100–200 шагов до противника (как предписывал Устав полевой службы 1912 года), а за 300–400 — в результате безостановочное движение под огнем обороны длилось вдвое дольше, и роты несли лишние потери. С чрезмерно большого расстояния начали бросок в атаку и роты 45-го пехотного Азовского полка 12-й пехотной дивизии, принявшие первый бой под галицийской деревней Березанка 15 августа, в конце сражения на Золотой Липе. (Впрочем, не исключено, что здесь ротные действовали в соответствии с обстановкой, видя признаки того, что обороняющиеся дрогнули. Ведь сразу после перехода азовцев в атаку противостоявший им австрийский ландвер обратился в бегство — так, что атакующие потеряли лишь несколько раненых...) Известен и ротный, который еще и в октябре 1914-го не желал проводить перед наступлением разведку. Но это все тот же семеновец А. В. Андреев, а других случаев проявления тактической малограмотности командирами рот в нашей выборке не встречается. *Средний* уровень подготовленности русских командиров рот кануна 1914 года источниками и исследования-

ми из этой выборки рисуется даже не удовлетворительным (как мы предположили, опираясь на высказывания Е. И. Мартынова и В. Е. Флуга), а хорошим.

Знание своего «ремесла» явственно видно и в освещаемых нашей выборкой источников и исследований действиях начальников пулеметных команд. Вот одно только Гумбинненское сражение. По свидетельству его участников А. А. Успенского и Д. И. Сверчкова, пулеметчики оборонявшегося 106-го пехотного Уфимского полка 27-й пехотной дивизии «заняли хорошие, с большим обстрелом места» (так, один взвод был укрыт за кирпичными сараями, а другой расположился в придорожном кювете и мог стрелять поверх голов своей окопавшейся за насыпью дороги пехоты)³⁸. А ведь развертыванием пулеметной команды уфимцев руководил ее начальник, штабс-капитан А. К. Страшевич... Действия его коллеги из оборонявшегося же 99-го пехотного Ивангородского полка 25-й пехотной дивизии штабс-капитана Н. И. Рудницкого командование части оценило как «блестящие»³⁹. Начальнику пулеметной команды 118-го пехотного Шуйского полка 30-й пехотной дивизии штабс-капитану Б. Я. Плещинскому под Гумбинненом довелось действовать уже не в обороне, а в наступлении — а в наступлении пулеметам (из-за неразработанности теории их боевого применения) кое-где и в 1915-м «не умели еще ставить правильных задач и они нередко оставались в резервах. Только при наличии удобных высот, которые ясно указывали на возможность безопасной стрельбы через головы, пулеметы использовались для поддержки наступающих»⁴⁰. А вот Плещинский сразу же выдвинул «максимы» на линию стрелковых цепей, а затем переместил их на такую позицию, с которой они сумели обстрелять противника во фланг (и тем вынудить его к отходу). В нашей выборке обнаруживаются и еще три начальника пулеметных команд, которые умели эффективно применять свое оружие в наступательном бою уже в самом начале войны! И в лейб-гвардии 2-м стрелковом Царскосельском полку под Камнем и Войцеховом, и в лейб-гвардии Семеновском под Уршулином 27 августа, и в 14-м гренадерском Грузинском полку Кавказской гренадерской дивизии во втором или третьем бою

---

³⁸ Успенский А. А. Указ. соч. С. 32; Сверчков Д. Указ. соч. С. 22.

³⁹ Описание боевых подвигов, за которые пожалованы ордена св. Георгия и Георгиевское оружие // *Летопись войны 1914–15 гг.* № 44. 20 июня 1915 г. С. 88.

⁴⁰ Белолипецкий В. Е. *Зимние действия пехотного полка в Августовских лесах.* 1915 год. М., 1940. С. 46.

его пулеметчиков 22 сентября северо-западнее Сувалок пулеметы катили непосредственно за наступающими стрелковыми цепями, постоянно поддерживая их огнем...

Грамотно действует в своем первом бою (под Владиславоном) и начальник пулеметной команды лейб-гвардии Преображенского полка поручик барон С. А. Торнау: выдвинуться на огневую позицию он стремится скрытно, ставит расчетам задачу, управляет огнем, а когда над «максимами» начинают рваться австрийские шрапнели, меняет позицию. Начальник пулеметной команды лейб-гвардии Московского полка 2-й гвардейской пехотной дивизии штабс-капитан Г. М. Пантелеймонов в первых же боях «доказал, что он не только отличный воспитатель и инструктор, блестяще во всех отношениях подготовивший своих пулеметчиков, но и исключительный по храбрости офицер, четко и умело ориентирующийся в боевой обстановке»⁴¹. Да, это строки из некролога, но, не соответствуя такая характеристика действительности, автор наверняка отделался бы более общими фразами... Непригодным (да и то не из-за незнания дела, а по трусости) оказался лишь один из девяти попавших в нашу выборку начальников пулеметных команд августа 1914 года — штабс-капитан 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка А. А. Жлоба.

Иное дело — выступившие на Первую мировую командиры батальонов. Большинство характеризующих их источников и исследований из нашей выборки подтверждают оценку, данную им В. Е. Флугом. Вот, например, оба офицера, командовавших к началу войны батальонами 6-го Финляндского стрелкового полка 2-й Финляндской стрелковой бригады, действия которого разбирал возглавлявший его в 1915–1917 гг. А. А. Свечин. Подполковник Чернышенко «прекрасно знал детали пехотного ремесла», но «не всегда был (...) достаточно находчив», «его легко запугивало соседнее начальство». А подполковника Борисенко бой вообще «не интересовал», «в тактике он был решительно неудачник»⁴²... В 13-м лейб-гренадерском Эриванском полку, по словам вышедшего с ним на войну К. С. Попова, батальонные командиры, «за исключением одного, были совсем небоеспособны и после первого же боя испарились из полка на все время войны»⁴³. Так, командир 1-го батальона подполковник Л. З. Силаев в своем первом бою 21 сентября свел постановку задачи командиру

---

⁴¹ Климовицкий. Полк. Г. М. Пантелеймонов // Часовой. 1935. № 141–142. С. 34.

⁴² Свечин А. Искусство вождения полка. С. 31–32.

⁴³ Попов К. Указ. соч. С. 8.

роты к указанию рукой на... низко нависшее облако, а командир 3-го батальона подполковник К. И. Рутковский, посылая свои роты в первый бой на следующий день, не только не ознакомил их с обстановкой, но даже не поставил им боевой задачи! А в бою он потерял управление батальоном... Явно та же картина была в 1914 г. и в 115-м пехотном Вяземском полку 29-й пехотной дивизии. Получив 6 августа приказание подобрать штаб-офицера для командования отрядом, долженствующим решить исход боя 29-й дивизии под Ворупененом и помочь соседней 25-й, командир вяземцев сначала «не задумываясь заявил, что в его полку все штаб-офицеры одинаково хороши», а затем все же указал на командира одного из батальонов полковника Э. К. Эрасмуса. И что же? В течение всего дня от Эрасмуса нельзя было добиться ни одного донесения, а вечером он сообщил, что «попал под огонь из Ворупенена и дальше наступать не может. Таким образом, ре-зюмировал бывший начальник 29-й дивизии генерал-лейтенант А. Н. Розеншильд фон Паулин, не сделав даже никакой попытки к выполнению поставленной ему исключительной важности задачи, а только встреченный огнем неприятеля, полк. Эрасмус сразу отказался от всякой борьбы и, ничего не донеся, отступил, обнажив наш левый фланг»⁴⁴. И это самый выдающийся из батальонных командиров... Явно слабы были эти последние и в 105-м пехотном Оренбургском полку, действия которого в его первом бою (под Сталюпененом) разбирал бывший начальник 27-й дивизии генерал-лейтенант К. М. Адариди. После гибели полкового командира, констатировал он, в полку «не нашлось штаб-офицера, способного сразу взять управление полком в твердые руки»⁴⁵. В другом полку 27-й дивизии — 108-м пехотном Саратовском — профнепригодной к началу войны была как минимум половина батальонных: из тех двух, что остались в полку к 1915 г. (и которых охарактеризовал командовавший тогда саратовцами В. Е. Белолипецкий), один был «человек слабовольный и без всякого авторитета среди офицеров», а второго вообще пришлось попросить уйти в отставку («это было разрешено для оказавшихся непригодными») ⁴⁶. А в 40-м пехотном Кольванском полку 10-й пехотной дивизии до конца 1915 г. уже трем из четырех довоенных

---

⁴⁴ Розеншильд-Паулин А. 29-я пех. дивизия в первый поход в Восточной Пруссии. (Из дневника начальника дивизии) // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Кн. VIII. Белград, 1926. С. 229.

⁴⁵ Адариди К. Указ. соч. С. 169.

⁴⁶ Белолипецкий В. Е. Указ. соч. С. 9.

батальонных командиров пришлось предложить взять «3-месячный с сохранением содержания отпуск по болезни, но без права возвращения в полк...»⁴⁷.

На эти два десятка убогих командиров батальонов армейской пехоты в нашей выборке приходится лишь два исключения, причем служебная биография одного из этих офицеров резко отличалась от карьеры армейских батальонных. Командир 4-го батальона 160-го пехотного Абхазского полка 40-й пехотной дивизии полковник М. Н. Виноградов в сражении под Гумбинненом, видя тяжелое положение соседней 30-й пехотной дивизии, «проявил личную инициативу, не ожидая распоряжения начальника дивизии, повернул свой батальон с пулеметами в новом направлении» и «быстрым выдвиганием против превосходных сил» германцев выручил соседа (эти сведения из Высочайшего приказа о награждении Георгиевскими наградами подтверждаются и ветеранами 40-й дивизии)⁴⁸. Но он закончил Академию Генерального штаба и долгое время служил в юнкерских училищах (а не тянул лямку ротного в армейском полку с его рутинной). И лишь подполковник Я. Г. Гандзюк — командир 2-го батальона 147-го пехотного Самарского полка 37-й пехотной дивизии, проявивший в августовских боях на реке Ходель (юго-западнее Люблина, в ходе Люблин-Холмской операции) «исключительную способность разбираться в обстановке», «решительность и хладнокровие»⁴⁹, — был классическим офицером-армейцем.

Этот контраст между квалификацией ротных и батальонных командиров армейской пехоты должен быть объяснен не только тем, что вторые успели сильнее погрязнуть в отупляющей рутине службы пехотного офицера-армейца, но и тем, что на должностях батальонных к 1914 г. находилось еще слишком много выпускников юнкерских (а не военных) училищ, поставлявших в те годы, когда батальонные 1914-го начинали свою службу, абсолютное большинство офицеров армейской пехоты. В эти училища поступали в основном лица без полного среднего образования, не имевшие необходимого тактически грамотному командиру кругозора. «Многие старые офицеры, — вспоминал о подобных питомцах

---

⁴⁷ К. Из боевой жизни 40-го пехотного Кольванского полка // Военная бль. 1960. № 41. С. 8.

⁴⁸ Описание боевых подвигов, за которые пожалованы ордена св. Георгия и Георгиевское оружие // Летопись войны 1914–15 гг. № 36. 25 апреля 1915 г. С. 70; Пономарченко В. О Гумбинненском сражении. (По поводу статей в «Часовом» о Ген. Ренненкампе) // Часовой. 1964. № 456. С. 14.

⁴⁹ Кочубей В. Генерал Я. Г. Гандзюк // Военная бль. 1966. № 78. С. 4.

юнкерских училищ времен Александра II и Александра III заставший их в 1907 г. в 100-м пехотном Островском полку полковник А. Г. Битенбиндер, — принципиально, кроме полкового приказа, уставов и «Русского Инвалида», ничего не читали» — тогда как молодые, окончившие все умножавшиеся в числе военные училища, «много читали, посещали литературные вечера. Сами делали доклады на военные темы»⁵⁰. В том же поколении офицеров, к которому принадлежали ротные 1914 года, был уже гораздо выше процент выпускников военных училищ.

Иное дело батальонные командиры гвардии, в которую выпускались лучшие юнкера военных училищ, в которой с личностью офицера считались больше, чем в «глубокой армии», и к квалификации батальонных командиров которой не предъявлял, как мы видели, претензий и В. Е. Флуг. На 56 имевшихся к августу 1914 г. гвардейских батальонных командиров в нашей выборке нашлись два факта проявления инициативы — столько же, сколько и на 1160 армейских батальонных. Командир 1-го батальона лейб-гвардии Егерского полка полковник А. В. Бурман в своем первом бою (20 августа под Суходолами) откликается на просьбу полка соседней (!) дивизии о помощи и атакует сдерживающих соседа австрийцев во фланг. А командир 2-го батальона лейб-гвардии Семеновского полка полковник М. С. Вешняков вместо того, чтобы атаковать 2 сентября укрепленную позицию, прикрывающую переправу через Сан у Кржешова, в лоб, по собственному почину обходит ее с фланга и захватывает переправу внезапной атакой вдоль реки. Даже с учетом того, что действия гвардии наша выборка освещает более подробно, разница все равно очень заметна. Однако свыше 95 % имевшихся к августу 1914-го в русской армии пехотных батальонов были не гвардейскими, а армейскими...

Перейдем к оценке подготовленности, которой обладали к августу 1914 г. *командиры пехотных частей*. А. М. Зайончковский указывал, что «русская армия выступила на войну с хорошими полками, с посредственными дивизиями и корпусами и с плохими армиями и фронтами (понимая эту оценку в широком смысле подготовки, но не личных качеств)»⁵¹. Оговорка относительно «личных качеств» не должна вводить нас в заблуждение: как «посредственность» состоящей из «хороших» полков дивизии обуславливается недостаточным умением ее командира и штаба организовывать *бой дивизии* (который не есть простая сумма бо-

⁵⁰ Битенбиндер А. Наш полк // Военная быль. 1964. № 67. С. 11.

⁵¹ Зайончковский А. М. Указ. соч. Т. 1. С. 24.

ев отдельных полков), так и хорошее качество полка определяется не только хорошей выучкой его подразделений, но и умением его командира (не располагавшего, кстати, в 1914 г. полноценным штабом) организовывать *бой полка*. («Посредственное» или «плохое» качество соединений и объединений А. М. Зайончковский и сам связывал все-таки с умением их командиров их водить...). Другой видный исследователь Первой мировой, А. А. Керсновский, вообще писал, что «командиры полков, выступившие на войну, были, как правило, превосходны (...)»⁵².

Проверку этих оценок вновь начнем с выяснения уровня инициативности командиров. Вот хорошо освещенная источниками и исследованиями из нашей выборки Восточно-Прусская операция 1-й и 2-й армий Северо-Западного фронта. Уже 4 августа, в бою 1-й армии под Сталюпененом, установив, что его 105-й пехотный Оренбургский полк оказался на открытом фланге 1-й пехотной дивизии германцев, полковник П. Д. Комаров запрашивает разрешения изменить направление наступления так, чтобы выйти ей в тыл (по другой версии — чтобы помочь соседу справа). А бои левого крыла 2-й армии под Уздау 14 августа явили вообще поразительную для русской армии начала XX в. картину. Когда успешно сдерживавшие натиск германцев русские войска получили ложный приказ от имени командира 1-го армейского корпуса об отходе, сразу три полковых командира — генерал-майор К. К. Шильдбах (лейб-гвардии Литовский полк 3-й гвардейской пехотной дивизии), полковник С. Ф. Новиков (1-й стрелковый полк 1-й стрелковой бригады) и полковник П. К. Ерошевич (4-й стрелковый полк той же бригады) — отказались выполнить этот приказ, «остались на местах и прикрыли отход корпуса. Только позднее они были официально назначены для прикрытия отхода; долгое время они прикрывали отход самостоятельно...»⁵³.

Такой же «букет» инициативных действий командиров частей дает и другой хорошо освещенный в нашей выборке эпизод кампании 1914 года — развернувшиеся к югу от Люблина завершающие бои Люблин-Холмской операции и продолжившее их начало второго наступления 4-й, 5-й и 9-й армий Юго-Западного фронта. Вот бои 4-й армии 20 августа. Командующий лейб-гвардии Преображенским полком 1-й гвардейской пехотной дивизии полков-

---

⁵² Керсновский А. А. История русской армии. Т. 4. М., 1994. С. 176.

⁵³ Евсеев Н. Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. М., 1936. С. 186.

ник граф Н. Н. Игнатъев, «несмотря на неоднократные бешеные натиски противника, сильные потери (17 офицеров и 800 нижних чинов) и *двукратное приказание отойти* (выделено мной. — А. С.)», удержал взятую полком высоту 114,3 близ деревни Владиславов «и тем обеспечил фланг дивизии и успех» всех усилий армии по разгрому 10-го австрийского корпуса под Суходолами⁵⁴. Видя, что преображенцам тяжело, командир лейб-гвардии Семеновского полка той же дивизии генерал-майор И. С. Эттер двинул им на помощь свой 3-й батальон; командующий 81-м пехотным Апшеронским полком 21-й пехотной дивизии генерал-майор А. А. Веселовский, обнаружив, что его полк оказался на фланге сдерживавшей соседа австрийской дивизии, тотчас же атаковал эту последнюю во фланг и тыл и дал соседу возможность продвинуться вперед... В 9-й армии командир лейб-гвардии 2-го стрелкового Царско-сельского полка Гвардейской стрелковой бригады генерал-майор Д. Н. Пфейфер в бою 26 августа у Камня и Войцехова по собственной инициативе организовал наступление на высоту 82,8, чтобы прикрыть фланг выдвинувшегося вперед соседа слева...

На эти восемь случаев инициативных действий полковых командиров августа 1914 года в нашей выборке нашелся лишь один случай проявления ими безынициативности. В сражении под Гумбинненом командир 160-го пехотного Абхазского полка 40-й пехотной дивизии полковник Н. Д. Ливенцов так и не решился без приказа сверху помочь попавшему в сложное положение соседу слева — 30-й пехотной дивизии.

В пользу тезиса о *хорошей выучке командиров полков русской пехоты кануна Первой мировой* (выходивших по большей части не из армейских, а из гвардейских батальонных командиров и из офицеров Генерального штаба) свидетельствует не только достаточно высокий уровень их инициативности, но и внимание их к организации и непрерывному ведению разведки, а также к организации связи.

Это, правда, не раз оспаривалось. «[...]Мы к *разведке* по скверной привычке, равно как и к связи *относимся небрежно*, — писал в 1920 г. бывший генерал от инфантерии Д. А. Долгов. — Это словно что-то унаследованное: все сходимся в этом сознании и все неизменно грешим»⁵⁵. А бывший генерал-майор А. А. Незнамов в 1923-м подчеркивал, что неудачный исход первых боев

---

⁵⁴ Описание боевых подвигов, за которые пожалованы ордена св. Георгия и Георгиевское оружие // *Летопись войны 1914–15 гг.* № 44. 20 июня 1915 г. С. 86.

⁵⁵ Долгов Д. Указ. соч. С. 34.

105-го пехотного Оренбургского полка 27-й пехотной дивизии (под Сталюпененом 4 августа 1914 г.) и 183-го пехотного Пултусского полка 46-й пехотной дивизии (под Замостьем 13 августа) был вызван как раз невниманием их командиров к организации разведки (и стал «заслуженным возмездием» за пренебрежение ближней разведкой перед войной⁵⁶). Однако примеры, приведенные этими исследователями, на поверку оказываются неудачными. Из документов, введенных в научный оборот еще в 1919 г. бывшим начальником штаба 27-й дивизии Л. А. Радус-Зенковичем⁵⁷, явствует, что разведку в сторону своего левого фланга (откуда был получен потом внезапный удар) командир оренбуржцев полковник П. Д. Комаров все-таки организовывал — и еще 3 августа имел от нее сведения о том, что район за этим флангом занят противником. Фактически организовал он ее и 4-го, когда приказал своему авангарду поддерживать разъездом связь с соседом слева (столь узкая постановка задачи могла, правда, дезориентировать разведчиков, но, так или иначе, высланный влево разъезд своевременно обнаружил приближение противника). И удар 2-й пехотной дивизии немцев во фланг и тыл Оренбургского полка оказался для этого последнего неожиданным не потому, что Комаров пренебрег организацией разведки, а потому, что он — в силу своей предвзятой уверенности в том, что слева могут быть только части русской 40-й дивизии, — не придал донесениям разведки значения и принял неправильное решение (наступать, не обеспечив себя от удара с тыла). Пултусский же полк был разбит не потому, что его командир полковник Д. П. Малеев не организовал разведку, а потому, что Малеев не выполнил приказ командира бригады остановиться и, вырвавшись вперед, оказался в изолированном положении⁵⁸. Ни прямой начальник Малеева, командир 2-й бригады 46-й пехотной дивизии Д. П. Парский (разбиравший после войны этот бой), ни начальник 46-й дивизии Д. А. Долгов (отдававший в тот день Малееву приказы через голову Парского и сетовавший после войны на невнимание к разведке) в пренеб-

---

⁵⁶ Цит. по: Федосеев С. «Пушечное мясо» Первой мировой. Пехота в бою. М., 2009. С. 360.

⁵⁷ Радус-Зенкович Л. Значение фланга в бою III армейского корпуса 4/17 августа 1914 г. // Военно-исторический сборник. Труды военно-исторической комиссии. Вып. 1. М., 1919. С. 82–85.

⁵⁸ См.: Парский Д. Бой 2 бригады 46 п. дивизии с австрийцами у Веленче, Михалева (Бодачева) 13/26 августа 1914 года. (Составлено по сохранившимся документам, по личным воспоминаниям офицеров бригады) // Военно-исторический сборник. Вып. 1. С. 57–61.

режении разведкой Малеева не упрекали... Только с натяжкой можно (вслед за Долговым) обвинить в невнимании к разведке и полковника В. Н. Токарева — командира 9-го гренадерского Сибирского полка 3-й гренадерской дивизии. Действительно, в документах, освещающих первый бой сибирцев — у деревни Завады (под Замостьем) 13 августа 1914 г., — о разведке нигде не упоминается; известно лишь, что перед выдвигающимся на рубеж развертывания полком шла цепь дозоров (т. е. походное охранение). Но надо учесть, что Токарева весьма подробно ориентировали в обстановке и начальник дивизии, и командир авангардного полка; кроме того, Токарев организовал командирскую разведку, а свой открытый левый фланг прикрыл двигающимся на уступе (и способным поэтому парировать удар во фланг главным силам полка) 4-м батальоном... В общем, из четырех приведенных Незнамовым и Долговым примеров откровенное пренебрежение разведкой налицо лишь в одном. Совершая 15 августа 1914 г. фланговый марш в район Тарношина и будучи предупрежден армейской разведкой о накоплении противника на его левом фланге, командир 137-го пехотного Нежинского полка 35-й пехотной дивизии полковник А. С. Пронин не только пренебрег этой информацией, не только не организовал свою разведку, но и (если, правда, верить сведениям других частей) не организовал сторожевое охранение полка на биваке.

О «небрежности войскового командного состава в вопросах непосредственного охранения и наблюдения» писал и еще один исследователь Томашовского сражения 5-й армии Юго-Западного фронта (эпизодами которого были бои у Замостья и Тарношина) — Б. И. Кузнецов⁵⁹. Но, кроме все того же боя у Тарношина, ни одного конкретного примера не привел и он, а подробное описание им действий 7-й пехотной дивизии (в которой служил тогда он сам) и опубликованные им документы этой дивизии вообще опровергают его слова. И командир 26-го пехотного Могилевского полка полковник Г. А. Койшевский и командир 27-го пехотного Витебского полка полковник С. И. Богданович, ведя 13–15 августа встречные бои восточнее Томашова, постоянно высылают походное и выставляют сторожевое охранение (последнее делает и командир 28-го пехотного Полоцкого полка полковник М. Е. Пржилуцкий). А когда 13 августа сторожевое охранение могилевцев сталкивается с артиллерийским обстрелом и появлением со стороны деревни Посадов австрийских развез-

---

⁵⁹ Кузнецов Б. И. Томашовская операция. М., 1933. С. 50.

дов и цепей, полковник Койшевский высылает на разведку 5-ю роту — причем ставит ей не общие, а конкретные задачи: разведать силы противника в районе Посадова и наблюдать дорогу на Рокитно...

Более убедителен бывший генерал-лейтенант Д. Н. Надежный, также обрусивавшийся в 20-е гг. на «навыки мирной маневренной практики, характеризующейся известной долей беспечности и халатным отношением к службе охранения, разведки и связи»⁶⁰, и приводивший в качестве иллюстрации еще один эпизод Томашовского сражения — бой 10-й пехотной дивизии под Лащовом 14–15 августа. Правда, обвинение им командира 38-го пехотного Тобольского полка полковника Н. М. Эйгеля в плохой организации разведки перед боем не конкретизировано, а о походном охранении и об охране открытого фланга Эйгель заботился весьма деятельно (высланный им боковой отряд как раз и обнаружил — и притом заранее — те силы противника, с которыми пришлось столкнуться 10-й дивизии). Но вот в ходе боя ни он, ни командир 37-го пехотного Екатеринбургского полка полковник К. Г. Мольденгавер разведку действительно не организовывали — и утром 15 августа полк Мольденгавера наступал в пустое пространство...

Однако и Мольденгавер, и Пронин, и совершившие меньше, чем они, промахов Эйгель и Токарев, и совсем, видимо, невинный Малеев — все эти полковники служили перед войной в Московском военном округе, отличавшемся от других меньшим вниманием офицерства к боевой подготовке. Даже если допустить, что командиры полков там действительно привыкли пренебрегать разведкой, то в других округах дела все равно явно обстояли иначе. Такая, например, случайная выборка источников, как документы частей 1-й и 4-й Сибирских стрелковых дивизий 2-й армии Северо-Западного фронта, введенные в научный оборот С. Г. Нелиповичем при описании им обороны Варшавы в ходе Варшавско-Ивангородской операции⁶¹, рисует нам совсем иную, нежели работы А. А. Незнамова и Д. А. Долгова, картину. Для обеих дивизий (прибывших соответственно из Приамурского и Иркутского округов) это были первые бои в мировой войне, однако, заняв 25 сентября 1914 г. оборону под Гройцами, командир 13-го Сибирского стрелкового полка 4-й Сибирской дивизии полковник С. А. Панченко первым делом высылает разведку, а в ходе

---

⁶⁰ Надежный Д. Бой у Лащева 27/14 и 28/15 авг. 1914 г. М., 1926. С. 28.

⁶¹ Нелипович С. Г. Варшавское сражение. Октябрь 1914. М., 2006.

начавшегося 27 сентября боя и он, и офицеры, последовательно возглавлявшие дравшийся рядом, под Тарчином, 14-й Сибирский стрелковый полк, ведут ее непрерывно по всем направлениям (так, что оказываются в состоянии вовремя отреагировать на охваты и обходы своих флангов). Командир 15-го Сибирского стрелкового полка той же дивизии полковник М. А. Звягин ведет разведку и на марше в район боев (прямо перед собой) и перед тем, как принять решение на наступление с открытыми флангами (в сторону флангов). 27 же сентября непрерывное ведение разведки командиром 3-го Сибирского стрелкового полка полковником В. А. Добжанским позволяет обнаружить наступление германцев на позиции 1-й Сибирской дивизии у Пясечно; разведку части обеих дивизий постоянно ведут и в последующие дни Варшавского сражения... Как явствует из воспоминаний полковников барона С. А. Торнау и Д. И. Ходнева, из описания первого боя царскосельских стрелков и из подборки Высочайших приказов о пожаловании Георгиевских наград, не хуже были и командиры участвовавших в Люблин-Холмской операции гвардейских частей 4-й и 9-й армий Юго-Западного фронта, прибывших из Петербургского округа. Организуя первый же свой бой (под Владиславовом 20 августа), командующий лейб-гвардии Преображенским полком полковник граф Н. Н. Игнатьев высылает вперед и пеших и конных разведчиков; разведка у него ведется и в ходе боя. Командир лейб-гвардии Измайловского полка той же 1-й гвардейской пехотной дивизии генерал-майор В. А. Круглевский в боях 24–27 августа под Зарашевом и Уршулином, невзирая на сильный огонь австрийцев, проводит и личную разведку. Командир лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка Гвардейской стрелковой бригады генерал-майор Д. Н. Пфейфер организует разведку не только перед наступлением 26 августа на австрийские позиции у Камня и Войцехова, но и при выдвигании на рубеж развертывания, а командир лейб-гвардии Финляндского полка 2-й гвардейской пехотной дивизии генерал-майор В. В. Теплов — даже при нахождении 24 августа его части в дивизионном резерве! Организацией разведки Теплов занимается и в ходе завязавшегося на следующий день под Гелчевом и Каэтановкой боя, причем ставит разведчикам не общие, а конкретные задачи: изучить подступы к фольварку Каэтановка, выяснить расположение сил противника, вскрыть местонахождение австрийских орудий. Конкретны и задачи, поставленные разведке Пфейфером, — найти удобные подступы к позиции противника, установить ее начертание, выяснить, занята ли австрийцами деревня Войцехов

(из которой наступающие цепи могут быть скошены фланговым огнем). О прекрасном понимании этим командиром полка значения разведки свидетельствует и то, что он организует прикрытие отхода разведчиков артиллерийским огнем.

Используемая нами случайная выборка источников и исследований позволяет считать, что не хуже было и в сформированном 1-ю армию Северо-Западного фронта Виленском округе. При вступлении 115-го пехотного Вяземского полка 29-й пехотной дивизии в пределы Восточной Пруссии 4 августа перед ним идут разведчики; о разведке в тот день не забывает, как мы видели, и командир 105-го пехотного Оренбургского полка 27-й дивизии П. Д. Комаров. Командир 107-го пехотного Троицкого полка той же дивизии полковник К. К. Орловский организует разведку и во время дневки после Гумбинненского сражения, 8 августа. Разведчиков высылают и ожидающие немецкого наступления у Мазурских озер части 26-й пехотной дивизии; командир ее 103-го пехотного Петрозаводского полка полковник М. П. Алексеев настойчиво ведет разведку и в ходе оборонительного боя 26–28 августа между озерами Норденбургер и Мауер.

Командир 68-го лейб-пехотного Бородинского полка 17-й пехотной дивизии полковник А. И. Тумский — представитель Варшавского военного округа — не ослабляет внимания к разведке и после успешно проведенного боя. Отразив 3 августа атаки венгерской кавалерии на Владимир-Волынский, он высылает команду разведчиков для наблюдения за противником и выяснения возможности ударить ему во фланг.

Да и в тыловых округах внимание командиров частей к разведке бывало ослаблено далеко не всегда. Командир 195-го пехотного Оровайского полка 49-й пехотной дивизии полковник Л. И. Третеский, хоть и служил только в Московском и Казанском округах, приказал, прежде чем атаковать 20 августа 1914 г. укрепления Галича, разведать их. Двигаясь тогда же по Восточной Пруссии, постоянно высылал разведку и еще один представитель Московского округа — командир 1-го пехотного Невского полка 1-й пехотной дивизии полковник М. Г. Первушин. При этом он ставил ей конкретные задачи (например: войти в связь с частями соседней дивизии) и заботился о наблюдении за флангами⁶²...

Не соответствует действительности и утверждение полковника А. А. Рябинского о том, что в первом бою прибывшего

---

⁶² Беннигсен Г. П. 1-й пехотный Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 году // Военная быль. 1959. № 35. С. 16; № 36. С. 2; № 37. С. 8.

из Кавказского округа 81-го пехотного Апшеронского полка 21-й пехотной дивизии — под Суходолами 20 августа — «разведка и даже наблюдение отсутствовали»⁶³. Возможно, во 2-м батальоне (младшим офицером 5-й роты которого был тогда Рябинский) наблюдение и не организовали, но командующий полком генерал-майор А. А. Веселовский о разведке все-таки позаботился. Как явствует из воспоминаний командовавшего тогда 2-й ротой апшеронцев В. А. Иванова, ее функции были возложены на головной отряд полка — 2-ю роту. Ясное понимание Веселовским значения разведки видно и из воспоминаний того же Рябинского о бое 29 сентября под Козеницами⁶⁴.

Явно не должно относиться к командирам полков и утверждение Д. А. Долгова о невнимании войсковых начальников к организации связи. Даже критикуемый Долговым командир сибирских гренадер полковник В. Н. Токарев, направляясь 13 августа под деревней Завады в командирскую разведку, берет с собой и полкового адъютанта (заменившего в те годы начальника штаба полка), и начальника связи полка. А вот первые бои гвардейской пехоты: командующий преображенцами полковник граф Н. Н. Игнатъев, организуя бой под Владиславоном, лично приказывает протянуть от штаба полка телефонную связь к батальонам; командир лейб-гвардии Егерского полка генерал-майор А. П. Буковский, уходя в тот же день под Суходолами в передовые цепи, заботится о том, чтобы не остаться без телефонной связи (правда, забывает о необходимости вовремя информировать вышестоящее командование); командир царскосельских стрелков генерал-майор Д. Н. Пфейфер, следуя под Камнем и Войцеховом за передовыми цепями, тянет за собой телефонный провод и непрерывно управляет боем — и по телефону, и через сигнальных. Из воспоминаний участника Восточно-Прусской операции полковника В. Е. Желондковского, служившего в 6-й артиллерийской бригаде, но общавшегося с пехотными офицерами, следует, что в Хохенштейн-Мюленском сражении 13–15 августа командиры полков 6-й пехотной дивизии 2-й армии поддерживали связь и с соседними частями. Эта связь хромала лишь у полковника П. П. Мальцева, который принял 21-й пехотный Муромский полк только 11 августа (а до того был в нем старшим штаб-офицером). Из характеризующих с этой сто-

---

⁶³ Рябинский А. Суходолы. С. 34.

⁶⁴ Рябинский А. Козеницы (29 сент. 1914 г.) // Вестник первоходника. 1964. № 34. С. 9.

роны нашей выборкой полковых командиров организацией связи пренебрегли лишь двое. В упомянутом выше бою 14 августа под Лащовом командир 40-го пехотного Кольванского полка 10-й пехотной дивизии полковник А. А. Мокржецкий — очередной ветеран Московского округа — запретил... протягивать к нему телефонную связь и управлял ротами через посыльных (да к тому же еще и через голову командиров батальонов). А командир апшеронцев генерал-майор А. А. Веселовский под Суходолами отказался от создания полкового командного пункта и управлял, носясь среди наступающих цепей, не имея в результате связи с теми батальонами, боевые порядки которых он покинул.

Против командиров пехотных полков 1914 года выдвигалось и обвинение в слабом умении организовать взаимодействие с артиллерией: согласно отчету артиллериста генерал-майора П. П. Карачана о командировке на Юго-Западный фронт осенью 1914 г., «тактическое применение артиллерии» «командирами полков и другими войсковыми начальниками» «оставляло желать очень много». Однако, обосновывая этот тезис, Карачан привел лишь два действительно серьезных аргумента — частую постановку артиллеристам технически невыполнимых задач и задач на обстрел целей, не имеющих тактического значения («небольших групп людей, разъездов, местных предметов, не занятых противником и проч.»). Все же остальные приведенные Карачаном факты свидетельствуют как раз о стремлении тесно взаимодействовать с артиллерией! Таковы и требование обеспечить не только артиллерийскую поддержку пехотной атаки, но и ее артиллерийскую подготовку (опрометчиво не предусмотренную Уставом полевой службы 1912 г.), и подавление артиллерии противника, и естественное в XX в. «желание пехоты «выехать» на артиллерии» вообще⁶⁵. «Тактика наступательного боя», подчеркивает, подводя итоги проведенной Юго-Западным фронтом в августе — сентябре 1914 г. Галицийской битвы, А. А. Строков, строилась у русских на «стремлении достигнуть тесного взаимодействия как между наступавшими частями и подразделениями, так и между пехотой и артиллерией»; само придание батарей командирам пехотных частей стало практиковаться по инициативе в том числе и этих командиров и именно в силу их желания теснее взаимодействовать с артиллерией⁶⁶. Источники и исследования из нашей случайной

---

⁶⁵ Барсуков Е. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М., Л., 1926. С. 208–209.

⁶⁶ Строков А. А. Указ. соч. С. 248–249.

выборки полностью это подтверждают. Вот только Люблин-Холмская операция: командир 9-го гренадерского Сибирского полка полковник В. Н. Токарев, уходя 13 августа под Завадами в командирскую разведку, берет с собой и командира приданной ему 5-й батарее 3-й гренадерской артиллерийской бригады. Командир лейб-гвардии Егерского полка генерал-майор А. П. Буковский в бою 20 августа под Суходолами лично руководит действиями приданных ему 5-й и 6-й батарей лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, причем приказывает артиллеристам не только поддерживать, но и подготовить атаку пехоты. Больше того, взаимодействие с артиллерией он отработал загодя, на совместных учениях, проведенных перед люблинскими боями под Варшавой и в Ловиче. Именно там лейб-егеря освоили успешно примененный под Суходолами способ оповещения артиллерийских наблюдателей о необходимости переноса огня вперед — обозначение достигнутого пехотой рубежа бело-сине-красными флажками, выданными командирам отделений... Даже командир 137-го пехотного Нежинского полка полковник А. С. Пронин, чье пренебрежение разведкой и охранением отнюдь не свидетельствует о его профессионализме, в своем первом, да еще и внезапно начавшемся бою (под Тарношином 15 августа) успел поставить командиру 4-й батареи 35-й артиллерийской бригады аж две задачи.

Обвинить полковых командиров 1914 года в неумении взаимодействовать с артиллерией не позволяют и те источники и исследования из нашей выборки, которые освещают войска Северо-Западного фронта. В первые же минуты первого же боя 27-й пехотной дивизии 1-й армии (под Сталюпененом) командир 106-го пехотного Уфимского полка полковник К. П. Отрыганьев приказывает взводу приданной ему 5-й батарее 27-й артиллерийской бригады обеспечить продвижение пехоты, задерживаемой ружейно-пулеметным огнем противника. А когда на 105-й пехотный Оренбургский полк обрушивается германская артиллерия, полковник П. Д. Комаров тут же ставит 1-й батарее 27-й бригады задачу на ее подавление. А вот 6-я пехотная дивизия 2-й армии: при неожиданной завязке 10 августа боя у Орлау — Франкеннау командир 21-го пехотного Муромского полка полковник Ф. Ф. Новицкий сразу же вызывает батарею, чтобы поддержать огнем авангард бригадной колонны и прикрыть развертывание ее главных сил. В Хохенштейн-Мюленском сражении 13–15 августа командир 23-го пехотного Низовского полка полковник М. Ю. Берзин (всего двумя днями ранее являвшийся еще старшим штаб-офицером 24-го пехотного Симбирского) не только подде-

рживает связь со 2-м дивизионом 6-й артиллерийской бригады и ставит ему задачи, но и ориентирует его в обстановке (правда, при наступлении 14 августа на Мюлен он и то и другое делает лишь эпизодически, но бой тогда шел в лесу, и артиллерия — ввиду невозможности корректировать огонь — помочь практически не могла). Во время действий 2-й армии в Варшавско-Ивангородской операции, в бою 11 октября у Покрживно и Мочидло, командир 2-го Сибирского стрелкового полка 1-й Сибирской стрелковой дивизии полковник А. К. Билинский (прибывший на фронт лишь в середине сентября) организует и не предусмотренную уставом артподготовку пехотной атаки...

Вообще, комментируя в 30-е — 40-е гг. отчет П. П. Карачана и развивая поднятую им тему недостаточного взаимодействия пехоты с артиллерией, крупнейший специалист по истории русской артиллерии начала XX в. Е. З. Барсуков неизменно критиковал не «войсковых начальников» (к которым относились и командиры полков), а «общевойсковых начальников» (т. е. командиров войсковых единиц, объединявших части разных родов войск, — начальников дивизий и командиров корпусов). Именно их «неумением распорядиться использованием своей артиллерии» объяснял он приписываемое им русской армии Первой мировой «недостаточное взаимодействие артиллерии с пехотой»⁶⁷. Правда, даже такой придирчивый критик русской армии, как В. М. Драгомиров, считал, что к началу войны «взаимодействие войск в бою, особенно пехоты, артиллерии и инженерных войск следует считать достигнутым» и что «если не всегда во время войны достигалось взаимодействие с артиллерией, то исключительно вследствие недостаточных средств связи»⁶⁸. Но в любом случае получается, что командиры пехотных полков к августу 1914-го взаимодействовать с артиллерией умели.

Правда, тот же Е. З. Барсуков отмечал, что в сражении под Гумбинненом «артиллерия почти не получала заданий не только от общевойсковых, но и от своих ближайших пехотных начальников», почему и действовала в основном по своей инициативе. Однако несколькими строками выше он сам же писал, что во встречном бою так и должно быть⁶⁹. Шатки и косвенные обвинения, которые

---

⁶⁷ См.: Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). Т. IV. М., 1948. С. 109–110, 410, 412.

⁶⁸ Драгомиров В. Подготовка русской армии к Великой войне // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Кн. VI. Белград, 1925. С. 70.

⁶⁹ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии. Т. IV. С. 186.

выдвигал против командиров пехотных полков Б. И. Кузнецов. Настаивая, что «при изучении документов, относящихся к действиям артиллерийских частей 19-го корпуса» в начале Томашовского сражения, «напрашивается» вывод о «полном отсутствии взаимодействия между пехотой и артиллерией» в бою 13 августа под Тарноваткой, он давал понять, что виноваты в этом были командиры 68-го лейб-пехотного Бородинского полка 17-й пехотной и 149-го пехотного Черноморского и 150-го пехотного Таманского полков 38-й пехотной дивизии: батареи не имели с ними непосредственной связи. Однако в обоснованности процитированного вывода, не аргументируемого ни выдержками из документов, ни анализом этих последних, возникают большие сомнения. Шестью страницами выше тот же исследователь подчеркивает, что при завязке боя под Тарноваткой 5-я батарея 17-й артиллерийской бригады дала «пример нормального взаимодействия пехоты и артиллерии во встречном бою»; противоречивы и некоторые другие утверждения Б. И. Кузнецова. Так, вначале он порицает русское командование за «плохо организованную ближнюю общевойсковую разведку», а затем, анализируя имевшиеся у русских сведения о противнике, фактически признает, что организация разведки была отнюдь не плохой: «Достаточно ли сведений? При встречном столкновении обычно надо рассчитывать на более скудные сведения...»⁷⁰. Уже поэтому косвенное обвинение им трех командиров полков в неумении организовать взаимодействие с артиллерией выглядит неубедительным (мы не говорим уже о том, что командиры полков могли держать связь не с батареями, а с руководившим действиями этих последних командиром 1-го дивизиона 38-й артиллерийской бригады и что бой под Тарноваткой был опять-таки встречным, т. е. предполагавшим большую самостоятельность действий артиллеристов).

В общем, можно утверждать, что *командиры русских пехотных частей кануна Первой мировой войны в тактическом отношении были подготовлены хорошо.*

Оценивая степень подготовленности *офицеров артиллерии*, охарактеризуем их: а) стрелково-артиллерийскую и б) тактическую выучку.

---

⁷⁰ Кузнецов Б. И. Действия частей 19-го армейского корпуса во встречном бою 26–27 августа 1914 г. // Война и революция. 1935. Июль — август. С. 75–76, 81, 82, 84.

Указания на великолепное искусство стрельбы русских артиллеристов 1914 года — общее место отечественной военной историографии. Не ограничиваясь апелляцией к блестящему, но часто увлекающемуся А. А. Керсновскому («подлинная виртуозность в стрельбе»), процитируем писавшего при больших успехах, в 20-е гг., Е. З. Барсукова: стрелково-артиллерийская подготовка полевой артиллерии (а в этой книге мы разбираем только полевую артиллерию. — *А. С.*) «доведена была к началу мировой войны до высокой степени совершенства и не оставляла желать лучшего»⁷¹. «Блестящие, выше всяких похвал, действия артиллерии в техническом (стрелковом) отношении, — подтверждал в октябре 1914 г. анализировавший действия артиллерии Юго-Западного фронта генерал-майор П. П. Карачан, — заслужили полное одобрение и восхищение; наши артиллеристы стрелять умели, они не забыли уроков полигонных стрельб[...]»⁷². И неудивительно: «старший командный состав русской полевой артиллерии (т. е. командиры батарей и дивизионов, те, кто готовит данные для стрельбы. — *А. С.*), «за немногими исключениями, к началу мировой войны был обучен искусству стрельбы с (наиболее часто применявшихся. — *А. С.*) закрытых позиций в совершенстве». У младших офицеров батарей на довоенных практических стрельбах выявлялись «недочеты» в огневой подготовке, но «в общем младшие офицеры русской артиллерии» «к началу мировой войны» «по стрельбе» «оказались удовлетворительно подготовленными». С учетом, видимо, той решающей роли, которую играли в подготовке данных для стрельбы командиры батарей, общую оценку офицерскому составу артиллерии Е. З. Барсуков дал такую же, что и батарейным командирам: «К началу мировой войны 1914–1918 гг. личный состав русской артиллерии оказался отлично подготовленным в техническом отношении к ведению стрельбы, за редким исключением [...]»⁷³. Эта оценка выглядит тем убедительнее, что, по утверждению служившего тогда младшим офицером в 5-й и 11-й артиллерийских брига-

---

⁷¹ Керсновский А. А. История русской армии. Т. 3. М., 1994. С. 139; Барсуков Е. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. С. 150.

⁷² Цит. по: Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). Т. III. М., 1949. С. 293.

⁷³ Барсуков Е. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. С. 157; Он же. Артиллерия русской армии. Т. IV. С. 62, 63, 122.

дах П. Ф. Волошина (Волошина-Петриченко), офицерская молодежь методы стрельбы тоже «знала в совершенстве»⁷⁴.

«В тактическом отношении», отмечал в 20-е гг. Е. З. Барсуков, русская артиллерия накануне 1914 года «была подготовлена значительно слабее». Конкретные оценки *тактической выучки офицеров-артиллеристов* у этого автора капитальных трудов по истории русской артиллерии начала XX в. встречаются весьма различные. Младшие офицеры, писал Барсуков, по тактике артиллерии к 1914 г. «оказались удовлетворительно подготовленными»; командиры батарей и дивизионов «достаточно хорошо разбирались в тактических вопросах применения артиллерии в бою» («Довольно хорошо», — уточнил он затем). Среди высшего же командного состава артиллерии — командиров артиллерийских бригад и инспекторов артиллерии корпусов — «оставалось к началу войны еще немало лиц», «значительно отставших» «от современной тактики»⁷⁵. Казалось бы, интегральной оценкой должно быть «удовлетворительно», и действительно, у Барсукова можно найти нечто похожее на такой вывод: «тактическую подготовку офицеров русской артиллерии к началу мировой войны нельзя считать в полной мере достаточной»; «в первую мировую войну действия в тактическом отношении русских артиллеристов, в особенности некоторых старших артиллерийских начальников, оставляли желать многого». Но в тех же его трудах 30–40-х гг. встречается и более низкая оценка: «Подготовка же в тактическом отношении командного состава артиллерии, в особенности старших артиллерийских начальников, оказалась вообще довольно слабой [...]»; к началу войны «в тактическом отношении артиллерия была подготовлена довольно слабо». Допущено (правда, при аргументации другого тезиса) и еще более резкое утверждение — о «слабой тактической подготовке русской артиллерии» (речь явно идет именно о командном составе, а не о батареях: анализируя опыт первых месяцев войны, в 8-й германской армии в октябре 1914 г. отмечали, что русская артиллерия «выезжает на позицию с большим искусством»)⁷⁶.

Еще бóльшая путаница возникает у Е. З. Барсукова в вопросе об уровне инициативности офицеров русской артиллерии — не-

---

⁷⁴ Волошин П. Главы из повести «Пушкари» // Военная быль. 1956. № 21. С. 8.

⁷⁵ Барсуков Е. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. С. 157; Он же. Артиллерия русской армии. Т. IV. С. 63, 94, 151–152.

⁷⁶ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии. Т. III. С. 100, 301; Т. IV. С. 122, 137, 153, 412.

разрывно связанном с вопросом об уровне их тактической грамотности. К началу войны, пишет исследователь в одном месте своего последнего труда, «к проявлению инициативы они вообще, и старшие артиллерийские начальники в особенности, были мало склонны». В другом месте примерно то же говорится и про начало Первой мировой: «Проявление целесообразной личной инициативы в необходимых случаях изменения тактической обстановки не было обычным явлением среди русских артиллеристов во время войны». Но в третьем фактически признается, что инициатива проявлялась все-таки часто: «Нередко, особенно в начале войны, артиллеристы, не получая от войсковых начальников боевых задач, задавались ими самостоятельно». В четвертом месте об этом говорится уже прямо: «В маневренный период (Первой мировой войны на Русском фронте, т. е. в 1914–1915 гг. — *А. С.*) бывало немало положительных примеров уместного проявления личной инициативы со стороны командиров батарей и других артиллерийских начальников». И, наконец, в пятом месте написано прямо противоположное тому, что значит в первом и втором: «В начале войны, в маневренный период, боевое использование артиллерии не носило организационного характера (т. е. не планировалось старшими артиллерийскими начальниками. — *А. С.*) и происходило в большинстве случаев по инициативе командиров батарей и дивизионов»⁷⁷!

Попробуем дать более определенную оценку тактической выучки офицеров русской артиллерии кануна Первой мировой. Материалов по младшим офицерам батарей у нас нет, и начнем мы с командиров батарей и дивизионов. При оценке уровня их инициативности может помочь случайная подборка исследований, посвященных конкретным боям или операциям первых недель войны и хотя бы вкратце освещающих при этом работу артиллерии. На их страницах тактическая инициатива командиров русских батарей и дивизионов предстает явлением достаточно массовым. Вот первое же крупное сражение на Русском фронте — Гумбинненское. «Почти все действия русской артиллерии, — констатирует тот же Е. З. Барсуков, — происходили, как это и должно быть во встречном бою, по инициативе командиров батарей и других (так в тексте. — *А. С.*) артиллерийских соединений, способных быстро разбираться в изменчивой обстановке боя и понимавших задачи и положение пехоты»; налицо было «широкое проявление инициативы со стороны командиров батарей»⁷⁸. Так, когда 87-я пехотная

---

⁷⁷ Там же. Т. III. С. 284, 299, 301; Т. IV. С. 123, 412–413.

⁷⁸ Там же. Т. IV. С. 182, 186.

бригада 35-й пехотной дивизии немцев вклинилась между русскими 25-й и 27-й пехотными дивизиями, на нее по собственному почину перенесли огонь сразу четыре батарейных командира — по два из 25-й и 27-й артиллерийских бригад. Двое из них пошли даже на перемену фронта своих батарей на 60°. Командующий 6-й батареей 27-й бригады капитан П. М. Савинич помогал пехоте не только своего, но и соседнего соединения — переносил огонь с участка 105-го пехотного Оренбургского полка 27-й дивизии на участок 100-го пехотного Островского полка 25-й дивизии и обратно. В свою очередь, германские батареи перед фронтом 27-й дивизии обстрелял и батарейный командир 25-й бригады капитан Н. Я. Гашкевич (который тремя днями раньше, под Сталюпененом, помогая 97-му пехотному Лифляндскому полку отбить атаку немцев, выкатил две дивизионные пушки прямо в боевые порядки пехоты). По собственной же инициативе одна из батарей 40-й артиллерийской бригады обстреляла с фланга немцев, теснящих 118-й пехотный Шуйский полк соседней 30-й пехотной дивизии...

То же видим мы и в еще одном встречном бою первых недель войны — под Тарноваткой 13 августа, в ходе Томашовского сражения. В успешности поддержки, оказанной в этом бою частям 17-й и 38-й пехотных дивизий 1-м дивизионом 38-й и 5-й батарей 17-й артиллерийской бригады, большую роль сыграла «личная инициатива командира дивизиона и командиров батарей»: не имея непосредственной связи с командирами пехотных полков, они сами определяли наиболее значимые цели и вели по ним огонь (так же «искусно маневрировали» они огнем и в начавшихся затем боях под Комаровом)⁷⁹. В бою 14 августа под Красне (часть сражения на Золотой Липе) — командиры батарей 11-й и 78-й артиллерийских бригад проделали то же, что их коллеги из 25-й и 27-й под Гумбинненом: видя, что между 11-й и 78-й пехотными дивизиями вклинилась австрийская 93-я ландштурмная бригада, они переменили фронт и расстреляли ландштурмистов фланговым огнем. Командиры 1-й и 2-й батарей 52-й артиллерийской бригады подполковники С. А. Ржевущкий и П. Н. Эрдман, выгрузившись 22 августа, в конце Люблин-Холмской операции, у станции Травники (южнее Люблина) и не получая никаких приказаний, двинули батареи на выстрелы — приняв в результате участие в ликвидации вклинения австрийцев между 4-й и 5-й армиями Юго-Западного фронта...

---

⁷⁹ Кузнецов Б. И. Действия частей 19-го армейского корпуса во встречном бою 26–27 августа 1914 г. С. 81; Он же. Томашовская операция. С. 54.

А вот снова Восточно-Прусская операция. При попытках 13-го и 15-го армейских корпусов пробиться 16–17 августа из окружения под Танненбергом «большой инициативностью» — по словам командовавшего тогда 13-м корпусом генерал-лейтенанта Н. А. Ключева, отличались действия батарей 13-й и 15-й артиллерийских бригад⁸⁰. Инициативными оказались и дравшиеся под Сталюпененом командиры батарей 25-й артиллерийской бригады и те из командиров батарей и/или дивизионов лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады и/или 1-го стрелкового артиллерийского дивизиона, которые поддерживали 17 августа наступление отряда генерал-лейтенанта Л. Я. Сирелиуса на Нейденбург. Артиллерия в этих боях «внимательно следила за пехотой»⁸¹, и, чтобы обеспечить непрерывную поддержку последней, постоянно меняла позиции, продвигаясь за наступающими цепями. Когда 27 августа начавшие наступление у Мазурских озер немцы атаковали один из двух боевых участков 26-й пехотной дивизии, их обстрелял не только приданный этому участку 2-й дивизион 26-й артиллерийской бригады, но и отвечавший за соседний участок 1-й (так, что враг попал под перекрестный огонь). 2-й дивизион в этих боях получал приказы непосредственно от своего начальника участка⁸², значит, командир бригады действиями дивизионов не руководил и решение поддержать соседа командир 1-го дивизиона принял по собственному почину...

Для оценки уровня тактической выучки командиров дивизионов существует и другой важный критерий — умение сосредоточивать огонь своих батарей («в решающем направлении по важнейшим целям»⁸³). В 1914 г., подчеркивает Е. З. Барсуков, русская артиллерия использовалась по преимуществу побатарейно, и командирам дивизионов представлялось не так уж много возможностей для того, чтобы продемонстрировать умение управлять огнем всего дивизиона. Однако, по свидетельству австрийцев, в Галицийской битве русская артиллерия «подавляла всякое сопротивление и хорошо подготовляла атаку своей

---

⁸⁰ Цит. по: Вацетис И. И. Операции на восточной границе Германии в 1914 г. Ч. 1. Восточно-Прусская операция. М.; Л., 1929. С. 211.

⁸¹ Б. В. Первое наступление в Восточную Пруссию // Артиллерийские «чап-беседы». Сборник докладов и заметок. Белград, 1930. С. 12.

⁸² Ларионов Я. М. Записки участника мировой войны. 26-я пехотная дивизия в операциях 1-й и 2-й русских армий на Восточно-Прусском и Польском театрах в начале войны. (Составлены по дневнику и полевым документам). М., 2009. С. 39–40.

⁸³ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии. Т. III. С. 97.

пехоты точным *сосредоточенным* (выделено мной. — А. С.) огнем»⁸⁴. В нашей случайной выборке источников и исследований упоминаний о массировании огня командирами дивизионов тоже встречается гораздо больше, чем можно ожидать после слов Барсукова. Вот, например, Восточно-Прусская операция: уже под Гумбинненом «управление огнем в необходимых случаях объединялось в руках командиров дивизионов»⁸⁵. В первом же бою 6-й артиллерийской бригады (под Орлау — Франкенау, 10 августа) командир ее 1-го дивизиона сосредоточивает огонь своих батарей на обнаружившей себя германской артиллерии; в Хохенштейн-Мюленском сражении 13–15 августа огнем 1-й, 5-й и 6-й батарей 6-й бригады управляет командир 2-го дивизиона; в бою 15 августа под Ваплицем на фланг германской 41-й пехотной дивизии обрушивается сосредоточенный огонь одного из дивизионов 8-й артиллерийской бригады... В первых же боях 26-й пехотной дивизии (между озерами Норденбургер и Мауер 26–28 августа) огнем артиллерии правого боевого участка управляет командир 2-го дивизиона 26-й артиллерийской бригады... Вот Томашовское сражение: 13 августа один из дивизионов 46-й артиллерийской бригады и 25-й мортирный артиллерийский дивизион так «умело маневрировали огнем на открытой местности», что позволили 2-й бригаде 46-й пехотной дивизии удержаться под натиском австрийцев у переправ через Вепрж близ Бодачева (восточнее Замостья). Одновременно юго-восточнее Бодачева, под Тарноваткой, «последовательно сосредоточивали огонь на различных участках фронта» батареи 17-й и 38-й артиллерийских бригад⁸⁶... Поскольку действия русской артиллерии во всех этих боях неизменно получали самую высокую оценку, умение массировать огонь у командиров дивизионов 1914 года, безусловно, наличествовало. О том, что русская артиллерия накануне 1914-го хорошо стреляла не только «по-батареино», но и «дивизионами», писал и А. А. Брусилов⁸⁷.

Еще одним, косвенным, доказательством тому могут служить сравнительно часто встречающиеся в выборке случаи, когда с управлением огнем нескольких батарей справлялись даже батарейные командиры. Так, в Люблин-Холмской операции, в бою

---

⁸⁴ Шафалович Ф. Встречный бой 10-го армейского корпуса на р. Золотой Липе 26–29 августа 1914 г. М., 1938. С. 103.

⁸⁵ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии. Т. IV. С. 186.

⁸⁶ Белой А. Галицийская битва. М., Л., 1929. С. 114, 117.

⁸⁷ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., Л., 1929. С. 60.

17 августа 1914 г. под Яблонной (южнее Люблина) командир 2-й батареи 2-й гренадерской артиллерийской бригады руководил огнем двух батарей, то концентрируя его на наступавшей австрийской пехоте, то перенося огонь 12 из 16 орудий на заговорившую австрийскую батарею, то опять сосредоточивая все усилия на борьбе с пехотой, — и остановил-таки наступление противника... А командир 3-й батареи лейб-гвардии Конной артиллерии полковник С. К. Война-Панченко в октябрьских боях под Ивангородом управлял — и притом «особо искусно» — огнем артиллерийских групп из 12 легких и 24 тяжелых орудий, «неоднократно приводивших к молчанию сильнейшие батареи противника, останавливавших его атаки и обеспечивавших успех наших атак»⁸⁸. (Этим сведениям наградных материалов можно доверять, так как о прекрасной тактической выучке данного батарейного командира свидетельствует и источник другого рода — воспоминания полковника А. Л. Носовича, чей 2-й эскадрон лейб-гвардии Уланского Его Величества полка поддерживала 3 августа под Красником (юго-западнее Люблина) батарея Война-Панченко. Уже в этом первом своем бою ее командир удивлял «поразительно быстрым переносом огня по различным целям» — в зависимости от того, какая из них оказывалась в данный момент наиболее опасной для улан⁸⁹.)

Красноречиво и ясно высвечиваемое нашей выборкой внимание командиров батарей и дивизионов 1914 года к артиллерийской разведке. Правда, по Б. И. Кузнецову, «при изучении документов, относящихся к действиям артиллерийских частей 19-го корпуса» во встречных боях в начале Томашовского сражения, «напрашивается» вывод об отсутствии в авангардах подходившей 13 августа к полю боя у Тарноватки пехоты артиллерийских разведчиков⁹⁰. Однако мы уже видели, что выводы этого исследователя не только не подкреплены анализом конкретных документов, но и вообще сомнительны ввиду наличия в его работе противоречащих им тезисов. Попавшие в нашу выборку мемуары артиллеристов (в том числе и критического характера) единодушно указывают на то, что к артиллерийской разведке в 1914-м относились куда серьезнее. «Ожидая каждую минуту встречи с противником, — вспоминал о сентябрьском марше в районе Сувалок служивший

---

⁸⁸ Описание боевых подвигов, за которые пожалованы ордена св. Георгия и Георгиевское оружие // *Летопись войны 1914–15 гг.* № 44. 20 июня 1915 г. С. 86.

⁸⁹ Носович А. Бои у города Красника // *Часовой.* 1937. № 191. С. 5.

⁹⁰ Кузнецов Б. И. Действия частей 19-го армейского корпуса во встречном бою 26–27 августа 1914 г. С. 82.

тогда младшим офицером 3-й батареи Кавказской гренадерской артиллерийской бригады А. В. Козьмин, — мы производили непрерывно артиллерийскую разведку, и наши разъезды шли с передовыми частями пехоты»⁹¹. Такую же картину рисуют и В. Е. Милоданович и А. С. Гершельман, служившие в 1914-м младшими офицерами соответственно 5-й батареи 32-й артиллерийской бригады и батареи Его Величества лейб-гвардии Конной артиллерии. При подходе 13 августа 32-й пехотной дивизии к району сражения на Золотой Липе разведчики 2-го дивизиона 32-й бригады шли с головным отрядом пехоты, а при движении 4 августа гвардейских конноартиллеристов в маршевой колонне конницы по Восточной Пруссии их разведчики уже «намечали возможные наблюдательные пункты и позиции батареи»⁹². А вот воспоминания бывшего второго старшего офицера 2-й батареи 52-й артиллерийской бригады Б. М. Кузнецова о движении к полю первого боя южнее Люблина 22 августа: «Разведчики, как шмели, шныряли взад и вперед, донося о том, что видели»⁹³. Командир 7-й конно-артиллерийской батареи 4-го конно-артиллерийского дивизиона подполковник П. М. Яблоновский-Снадзский, по свидетельству его сослуживца полковника А. А. Левицкого, еще до получения 27 июля под Бялой в Восточной Пруссии первой боевой задачи лично «выдвигался с разведчиками вперед для ориентировки в обстановке»⁹⁴. В 6-й артиллерийской бригаде на марше к южной границе Восточной Пруссии систематически вели и разведку пути.

Часты в источниках из нашей выборки и упоминания о том, что артиллерийские наблюдатели «ревниво замечали каждое новое накопление австрийцев» (бывший офицер лейб-гвардии Уланского Его Величества полка А. Л. Носович о первом бое 3-й батареи лейб-гвардии Конной артиллерии у Красника 3 августа), о «тщательном наблюдении» (бывший старший офицер 1-й батареи 6-й артиллерийской бригады В. Е. Желондковский о первом бое 1-го дивизиона бригады под Франкенау 10 августа), о «напряженном наблюдении» (А. В. Козьмин о первом бое Кавказской

---

⁹¹ Козьмин А. В. Кавказская Гренадерская Артиллерийская бригада. Август 1914 г. — Сентябрь 1915 г. // Военная быль. 1973. № 122. С. 11.

⁹² Гершельман А. С. Каушен. Воспоминания Лейб-Гвардии Конной Артиллерии, Батареи Его Величества подпоручика Александра Сергеевича Гершельмана 5-го // Военная быль. 1965. № 72. С. 17.

⁹³ Кузнецов Б. М. Очерки из первой мировой войны. 1) Мое «Бородино» // Военная быль. 1964. № 68. С. 9.

⁹⁴ Левицкий А. Гибель Батареи // Военная быль. 1958. № 33. С. 16.

гренадерской артиллерийской бригады у озер Ожево и Окунин под Сувалками 21 сентября)⁹⁵. Здесь, кстати, мы можем убедиться в показательности сведений нашей выборки. К выводам, которые напрашиваются при ее анализе, пришел и располагавший куда большим количеством фактов штаб 8-й армии немцев, с войсками которой дрались обе названные выше бригады (6-я и Кавказская гренадерская). «Наблюдение за целями в русской полевой артиллерии, — значится в подписанных в октябре 1914 г. временно командующим 8-й армией генералом пехоты Г. фон Франсуа выводах из опыта первых месяцев войны, — организовано очень хорошо»⁹⁶. О том же писал и Е. З. Барсуков: «при достаточных средствах связи» русские артиллеристы «очень хорошо организовали службу наблюдения»⁹⁷.

Командиры русских батарей и дивизионов еще и «чрезвычайно умело применялись к местности» при выборе огневых позиций⁹⁸. Судя по нашей выборке, уже в первых боях они весьма часто заботились об окапывании орудий: это приказывают сделать и командир 1-го дивизиона 27-й артиллерийской бригады полковник А. М. Ильясевич перед Гумбинненским сражением, и командиры дивизионов и/или батарей 17-й и 38-й артиллерийских бригад, дравшихся 13 августа под Тарноваткой, и командиры батарей и/или дивизионов Кавказской гренадерской артиллерийской бригады в ее первых боях под Сувалками. Эти последние еще и меняли каждую ночь огневые позиции, благодаря чему германская артиллерия никак не могла подавить гренадерские батареи.

Конечно, август 1914-го видел и случаи пренебрежения командирами батарей и дивизионов артиллерийской разведкой; «иногда же избираемые ими по личной инициативе цели для стрельбы не отвечали условиям сложившейся тактической обстановки»⁹⁹. Но, судя по нашей случайной выборке источников и исследований, такое встречалось все-таки реже, чем тактически грамотные действия (оба известных нам факта пренебрежения артиллерийской разведкой — допущенные

---

⁹⁵ Воспоминания полковника Желондковского об участии в действиях XV корпуса во время операции ген. Самсонова // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Кн. VII. Белград, 1925. С. 277; Козьмин А. В. Указ. соч. С. 12; Носович А. Указ. соч. С. 5.

⁹⁶ Цит. по: Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии. Т. III. С. 100.

⁹⁷ Там же. Т. IV. С. 137.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. С. 412.

командирами 4-й батареи 2-й гренадерской артиллерийской бригады под Горайцем на Люблинщине 11 августа и батареи 1-го Финляндского стрелкового артиллерийского дивизиона под Иоганнисбургом в Восточной Пруссии 23 августа — отнюдь не поданы приведшим их Е. З. Барсуковым как типичные). Встречались и просто тактически неграмотные офицеры — например, командиры 4-й и 5-й батарей 32-й артиллерийской бригады. Так, в сентябре 1914 г. на реке Сан они расположили огневые позиции сначала рядом с прекрасным ориентиром для австрийской артиллерии (фортом предместного укрепления), а затем перед лесом — так, что даже при наименьшем прицеле почти все расположение противника оказывалось в «мертвом пространстве». При этом они не имели наблюдательных пунктов и стреляли только по карте. А командир 5-й батареи подполковник Г. Е. Сутковой так произвел 13 августа свою первую разведку, что не только не выбрал места для огневой позиции и наблюдательного пункта, но и не выяснил, где находится противник! Тем не менее больше таких лиц в нашей выборке не встречается. Поэтому *тактическую выучку русских командиров батарей и дивизионов кануна 1914 года можно признать в целом хорошей*.

Что до высшего командного состава русской артиллерии, то А. А. Брусилов писал после войны о неумении «большинства высших артиллерийских начальников» «управлять массами артиллерии в бою», а А. А. Керсновский — о том, что огонь русской артиллерии был «в крупных соединениях не гибок»¹⁰⁰. Однако в нашей *случайной* выборке источников и исследований обнаруживается подозрительно много исключений. Вот Северо-Западный фронт: в сражении 1-й армии под Гумбинненом командир 27-й артиллерийской бригады генерал-майор В. Н. Фолимонов сумел и сосредоточить огонь всех батарей на позициях германской артиллерии, и организовать (и притом очень быстро) уничтожение большей частью батарей германского артдивизиона, выскочившего на открытую позицию¹⁰¹. Вообще, отмечал, разбирая Гумбинненское сражение, Н. Н. Головин, 27-я бригада «всегда вовремя сосредотачивает свой огонь на объекте, в данную минуту для дивизии наиболее опасном. Мало того: она успевает переносить часть своего огня на помощь своему соседу справа — 25 пех. дивизии, а также [...] и на помощь

¹⁰⁰ Брусилов А. А. Указ. соч. С. 61; Керсновский А. А. История русской армии. Т. 4. С. 231.

¹⁰¹ Адариди К. Указ. соч. С. 176–179.

своему соседу слева — 40 пех. дивизии»¹⁰². В Хохенштейн-Мюленском сражении 2-й армии инспектор артиллерии 15-го армейского корпуса генерал-лейтенант М. Г. Мальковский так организовал 15 августа работу батарей 6-й и 8-й артиллерийских бригад и 15-го мортирного артиллерийского дивизиона, что наступавшая на Ваплиц германская 41-я пехотная дивизия оказалась засыпана снарядами и с флангов и с тыла. В октябрьских боях 10-й армии под Сувалками командир 51-й артиллерийской бригады генерал-майор А. В. Мартынов осуществлял «искусное централизованное управление» огнем семи батарей, выручавшим при немецких атаках то 202-й пехотный Горийский, то 204-й пехотный Ардагано-Михайловский полки 51-й пехотной дивизии¹⁰³. В 4-й армии Юго-Западного фронта инспектор артиллерии Гвардейского корпуса генерал-лейтенант П. П. Потоцкий и в Галицийской битве (в августовских боях по разгрому 10-го австро-венгерского корпуса у Касаржева и при овладении переправой через Сан у Кржешова 2 сентября), и в Варшавско-Ивангородской операции (в боях у Горбатки под Ивангородом 9–14 октября) «всегда появлялся в самых опасных местах, указаниями на месте объединял действия артиллерии корпуса и, принимая личное руководство наиболее ответственными группами, неоднократно выводил пехоту из трудного положения и давал возможность овладеть сильно укрепленными и защищаемыми тяжелой артиллерией позициями германцев и австрийцев»¹⁰⁴.

Наша выборка источников и исследований заставляет смягчить и другую конкретную претензию к тактическому искусству высшего командного состава русской артиллерии 1914 года. «Вся система нашего огня, — писал А. А. Керсновский, — построена была на неуместной симметрии. У немцев огонь был сосредоточен: германский командир артиллерийской бригады стремился собрать огонь всех своих батарей в кулак — русский же нарезывал своим батареям шесть совершенно одинаковых участков по фронту. Немец бил кулаком, мы — растопыренными пальцами»¹⁰⁵. Однако в нашей *случайной* выборке источников и исследований опять обнаруживается слишком много противоположных примеров. Вот Северо-Западный фронт: о массировании огня командирами

---

¹⁰² Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. С. 147.

¹⁰³ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии. Т. III. С. 140.

¹⁰⁴ Описание боевых подвигов, за которые пожалованы ордена св. Георгия и Георгиевское оружие // Летопись войны 1914–15 гг. № 44. 20 июня 1915 г. С. 86.

¹⁰⁵ Керсновский А. А. Философия войны. М., 2010. С. 82.

27-й и 51-й артиллерийских бригад мы уже писали; в еще одном бою 10-й армии в районе Сувалок — у деревни Рудки 24 сентября — огонь всех своих батарей на атакующей германской пехоте сосредоточил и командир Кавказской гренадерской артиллерийской бригады генерал-майор И. А. Карпович. Во 2-й армии 10 августа сосредоточение огня 6-й артиллерийской бригады генерал-майора Ф. Л. Семенчука позволило нанести «серьезное поражение» 70-й ландверной бригаде германцев под Франкенау (правда, еще в 1913 г. на учениях 6-й пехотной дивизии, в состав которой входила 6-я бригада, «в наступательном бою связь артиллерии с начальником отряда, а следовательно, и управление огнем хромали»)¹⁰⁶... В 4-й армии Юго-Западного фронта командир 75-й артиллерийской бригады генерал-майор К. К. Эггер, подготавливая 10 октября, в ходе Варшавско-Ивангородской операции, атаку 297-го пехотного Ковельского полка 75-й пехотной дивизии на господский двор Полично (юго-западнее Ивангорода), массировал огонь 5 из 6 своих батарей. В 5-й армии того же фронта командир 10-й артиллерийской бригады генерал-майор А. Г. Борукаев в бою 14 августа под Лащовом не просто отказался от «неуместной симметрии», сосредоточив усилия всех своих батарей и 5-го мортирного артиллерийского дивизиона на поддержке испытывавшего наиболее сильный натиск правого боевого участка 10-й пехотной дивизии, но и расположил батареи так, что наседавшие венгры оказывались не только под фронтальным, но и под фланговым и косопримечательным огнем...

На эти восемь примеров умелых действий старших артиллерийских начальников в нашей выборке приходится лишь один, когда их действия можно признать неудачными. Руководивший в бою 26 августа под Тарнавкой (южнее Люблина) действиями пяти дивизионов инспектор артиллерии Гренадерского корпуса генерал-лейтенант А. Д. Цибульский не сумел решить главную свою задачу — до атаки пехоты нейтрализовать германскую артиллерию на высотах восточнее Тарнавки¹⁰⁷...

По-видимому, тактическую выучку высшего командного состава русской артиллерии кануна Первой мировой в целом

---

¹⁰⁶ Храмов Ф. Восточно-Прусская операция 1914 г. Оперативно-стратегический очерк. М., 1940. С. 31; Барсуков Е. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. С. 206.

¹⁰⁷ См.: Виниковский, Вольфман. Ночная атака сводной бригады 2-й гвардейской дивизии у Тарнавки (8–9 сентября 1914 г.) // Военно-исторический журнал. 1939. № 2. С. 115–116.

можно все же считать как минимум (*sic!*) вполне удовлетворительной.

Таким образом, стрелково-артиллерийская выучка офицеров русской артиллерии к августу 1914 г. была отличной, тактическая — хорошей. Общей оценкой должно быть «хорошо с плюсом».

Офицеры-связисты в 1914 г. в массе своей были обычными пехотинцами и кавалеристами, прошедшими стажировку в частях инженерных войск. Тем не менее даже такой весьма суровый критик тогдашней русской армии, как В. М. Драгомиров, отмечал, что в командах связи пехотных частей «подготовка офицеров, а также их познания были весьма хороши». А столь же лестная характеристика, данная им офицерскому составу инженерных войск, безусловно, относится и к офицерам телеграфных и телефонных частей и подразделений этих войск. В *инженерных войсках* «офицеры свое дело знали, были образованны, хорошо вели обучение и воспитание солдат [...] Упреки в недостаточном знании общей тактики, если и были справедливы в прежнее время, то в довоенный период потеряли всякое основание»¹⁰⁸.

Офицерский состав кавалерии, продолжает В. М. Драгомиров, «был во многих отношениях превосходный»; «большинство интересовалось своим специально кавалерийским делом» (правда, «не изучало основательно и широко военное дело вообще»¹⁰⁹, но вряд ли основательное знание своей специальности можно считать «весьма скромным уровнем подготовки». — А. С.).

В целом надо признать адекватной оценку А. А. Брусилова, писавшего, что к 1914 г. «состав кадровых офицеров армии (напомним, что офицеры гвардии были подготовлены еще лучше. — А. С.) был недурен и знал свое дело достаточно хорошо, что и доказал на деле»¹¹⁰, и согласиться с уже приведенной нами оценкой А. А. Строкова («весьма боеспособный и неплохо обученный» офицерский состав).

Перейдем теперь к характеристике *общевойсковых командиров*, т. е. командиров соединений и объединений (дивизий, корпусов, армий/военных округов). Уровень подготовленности *начальников пехотных дивизий* 1914 года и подлаживавшийся под третировавших русскую армию большевиков А. М. Зайончковский

---

¹⁰⁸ Драгомиров В. Подготовка русской армии к Великой войне // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Кн. V. С. 193; Кн. VI. С. 68.

¹⁰⁹ Там же. Кн. VI. С. 63.

¹¹⁰ Брусилов А. А. Указ. соч. С. 64.

и певец русской армии, эмигрантский историк А. А. Керсновский оценивали как «посредственный». Были, правда, «некоторые блестящие исключения»¹¹¹. Так, в 1-й армии Северо-Западного фронта, по свидетельству генерала от инфантерии Н. А. Епанчина, в ночь на 4 августа начальник 29-й пехотной дивизии генерал-лейтенант А. Н. Розеншильд фон Паулин «по собственному почину» предложил ему, командиру соседнего корпуса, содействие в намечавшемся ударе по 1-му армейскому корпусу германцев¹¹², а в завязавшемся днем бою под Сталюпененом по собственной инициативе атаковал противника, угрожавшего правому флангу Епанчина. Начальник 27-й пехотной дивизии генерал-лейтенант К. М. Адарида, по свидетельству его бывшего начальника штаба Л. А. Радус-Зенковича, уже в этом первом бою войны деятельно организовывал взаимодействие родов войск, постоянно отдавая приказы артиллерии. А 7 августа, исправив такой допущенный им под Сталюпененом просчет, как невнимание к организации связи, он фактически обеспечил успешный для 1-й армии исход сражения под Гумбинненом: своевременно организовал занятие указанного ему рубежа, «показал пример организации боя, взаимодействия полков дивизии (и с соседями)»¹¹³ и в итоге нанес поражение 17-му армейскому корпусу немцев. Однако возглавлявшие остальные пехотные дивизии 1-й армии (25-ю, 28-ю, 30-ю и 40-ю) генерал-лейтенанты П. И. Булгаков, Н. А. Лашкевич, Э. А. Колянковский и Н. Н. Короткевич под Гумбинненом своими соединениями вообще не управляли. В 5-й армии Юго-Западного фронта в Томашовском сражении «блестящих исключений» не выявилось вовсе, зато посредственно (или даже неудовлетворительно) проявили себя по меньшей мере четверо из восьми лиц, командовавших к началу войны пехотными дивизиями. В первых боях 19-го армейского корпуса — под Тарноваткой и Рахане 13 августа — начальник 17-й пехотной дивизии генерал-лейтенант П. С. Балувев действиями частей почти не руководил и плелся в хвосте событий, а начальник 38-й пехотной генерал-лейтенант В. П. Прасолов отправлял войска в бой «без ориентировки и определенной задачи»¹¹⁴ и распорядился ротами через голову

---

¹¹¹ Керсновский А. А. История русской армии. Т. 4. С. 176.

¹¹² Епанчин Н. А. На службе трех Императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 405.

¹¹³ Кавтарадзе А. Г. Во имя истины // Епанчин Н. А. Указ. соч. С. 28.

¹¹⁴ Кузнецов Б. И. Действия частей 19-го армейского корпуса во встречном бою 26–27 августа 1914 г. С. 79.

командиров батальона и полка. В 5-м армейском корпусе генерал-лейтенант Н. Я. Лопушанский, чья 10-я пехотная дивизия приняла первый бой 14 августа под Лащовом, не сумел адекватно оценить обстановку и использовать резервы, а начальник 7-й пехотной дивизии генерал-лейтенант С. Д. Михно вообще «никакого влияния на руководство, вождение, командование частями дивизии не имел». «Фактически командовал 7 дивизией» его начальник штаба полковник И. Р. Довбор-Мусницкий¹¹⁵...

В общем, *тактическую выучку командиров русских пехотных дивизий кануна Первой мировой в целом следует считать никак не более чем удовлетворительной.*

Подготовленность *командиров корпусов* кануна Первой мировой также должна быть названа (вслед за А. М. Зайончковским) посредственной: «блестящих исключений» среди них оказалось совсем мало. Так, в первом сражении 1-й армии Северо-Западного фронта (под Гумбинненом) все три командира армейских корпусов боем фактически не руководили; во 2-й армии в Восточно-Прусской операции из шести корпусных командиров грамотно действовал лишь командир 15-го армейского корпуса генерал от инфантерии Н. Н. Мартос. Уже в первом бою (у Орлау — Франкенау) он стремился к охвату флангов противника и к концентрации огня артиллерии на участке атаки, а затем, учтя изменившуюся обстановку, принял нестандартное решение внезапно атаковать на рассвете без артиллерийской поддержки — решение, приведшее к поражению германской 37-й пехотной дивизии. А в Хохенштейн-Мюленском сражении, сумев предугадать действия противника, осуществив быстрый маневр пехотой и создав артиллерийский кулак, организовал разгром 41-й пехотной дивизии германцев под Ваплицем... В первом сражении 5-й армии Юго-Западного фронта (Томашовском) из четырех корпусных на высоте оказался лишь командир 19-го армейского корпуса генерал-лейтенант В. Н. Горбатовский. Руководя оборонной корпусом под Комаровом, он искусно маневрировал резервами, оголял второстепенные участки и концентрировал силы на решающих (почему и сумел разбить 18 августа у Дуба обходившую его фланг австро-венгерскую группу эрцгерцога Петера-Фердинанда), запрещал посылать пехоту в наступление без основательной артиллерийской подготовки, практиковал выдачу войскам (чтобы дать им больше времени для выполнения приказа) предварительных распоряжений...

---

¹¹⁵ Кузнецов Б. И. Томашовская операция. С. 36, 37.

Подготовленность командующих армиями и фронтами в 1914 г. была откровенно неудовлетворительной. Приведенное выше мнение А. М. Зайончковского о «плохом» качестве русских армий и фронтов 1914 года разделяли и Н. Н. Головин (писавший, что «в своих высших соединениях» (т. е. объединениях. — А. С.) русская армия «не удовлетворяла современным требованиям»¹¹⁶), и В. Е. Флуг (посвятивший критике командующих этими соединениями целый труд), и эмигрантская историография (главная исследовательница этой проблемы) в целом. «Признание *высшего командного состава* (русские военные относили к нему лишь командующих объединениями. — А. С.) *Российской армии* в целом плохо подготовленным к ведению войны, а уровня его стратегической мысли крайне низким — общее место в трудах эмигрантов»¹¹⁷.

Кроме того, в русской армии кануна Первой мировой были *малоудовлетворительно подготовлены штабы*: их офицеры были прекрасно образованы, но являлись такой же, что и высшее командование, жертвой склонности русского интеллигента к аналитическому, а не синтетическому мышлению¹¹⁸. «Передвижения русских войск, — отмечали в 1913 г. в германском генеральном штабе, — совершаются, как и прежде, с чрезвычайной медлительностью. От русских командиров также нельзя ожидать быстрого использования благоприятного оперативного положения, как и быстрого и точного выполнения войсками приказанного маневра. Для этого слишком велики препятствия, возникающие всюду при отдаче, передаче и выполнении приказа»¹¹⁹. То же признавал уже в 1940-м и Н. Н. Головин: «Мы хромали в 1914 году в области высшего командования и в технике Службы Генерального Штаба»¹²⁰. Так, побывав 19 августа 1914 г. в штабе 4-й армии Юго-Западного фронта командовавший тогда полком бывший

---

¹¹⁶ Головин Н. Военные усилия России в мировой войне // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. (Российский военный сборник. Вып. 16). М., 1999. С. 81.

¹¹⁷ Домнин И. Указ. соч. С. 498, 500.

¹¹⁸ Подробнее см.: Смирнов А. А. «Бессистемность, свойственная нам вообще» (к вопросу о факторах, влиявших на отечественную военную историю) // Выбор пути (сборник статей памяти В. Л. Махнача). М., 2010. С. 247–255.

¹¹⁹ Drang nach Osten. Из секретной докладной записки германского Большого генерального штаба. 1913 год // Родина. М., 1993. № 8–9. С. 15.

¹²⁰ Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года. Дни перелома Галицийской битвы. С. 8.

профессор Николаевской военной академии полковник Головин «был поражен той суетливой примитивностью, с которой проходила оперативная работа. [...] Как правило без исключения, приказы из Штаба армии получались с таким запозданием, что выполнять их было нельзя; как правило, нас без толку «дергали», заставляя производить ненужные марши; в критические моменты мы оставались не только без указаний, но даже без ориентировки; это не мешало Штабу армии вмешиваться в подробности выполнения, которые всецело входили в круг обязанностей нашего начальника дивизии...»¹²¹. О том же писал в те дни в дневнике старший адъютант штаба 3-й Финляндской стрелковой бригады (входившей в 10-ю армию Северо-Западного фронта) Генерального штаба капитан А. И. Верховский: «[...] Наше маневрирование, не руководимое из штаба армии, носило хаотический характер. Никакой связи между частями, никакой ориентировки начальников о том, что происходит, и о целях действий. [...] Мы не знали, куда и зачем идем, откуда гремят артиллерийские выстрелы, кто и почему стреляет. Мы не знали, кто вправо и влево от нас, где нам получать наше продовольствие и снаряды. [...] Никто не знал, что и как делать. Взялись играть сложную симфонию войны, а знание техники позволяет играть только одну хроматическую гамму»¹²².

Итак, привлечение более широкого, чем у И. Н. Гребенкина, круга источников позволят заключить, что кадровые офицеры русской пехоты, кавалерии и инженерных войск к августу 1914 г. были подготовлены в целом хорошо, а офицеры артиллерии, пулеметных подразделений пехоты и подразделений связи пехоты и инженерных войск — очень хорошо. Подготовленность командиров общевойсковых соединений и объединений и офицерского состава штабов действительно колебалась в целом между удовлетворительной и неудовлетворительной — но даже при этом никак нельзя говорить о «весьма скромном уровне подготовки» кадрового офицерства 1914 года.

Нельзя не отметить и то, что свои выводы относительно профессиональной деятельности русского офицерства в годы Первой мировой войны И. Н. Гребенкин тоже базирует на весьма ограниченном числе источников. Главным образом он апеллирует всего

---

¹²¹ Там же. С. 56.

¹²² Верховский А. И. Россия на Голгофе. (Из походного дневника 1914–1918 гг.) // Военно-исторический журнал. М., 1992. № 11. С. 68–69.

к трем — к фронтовым дневникам генерал-майора А. Е. Снесарева, воспоминаниям бывшего генерал-майора А. А. Свечина (положенным этим последним в основу своего военно-исторического труда) и мемуарам А. А. Брусилова. А прочие подчас анализирует неглубоко. Так, утверждая, что примеры некомпетентности офицерства на войне «выглядят слишком распространенными» (С. 91), он ссылается в том числе и на приведенное нами выше свидетельство К. С. Попова о небоеспособности батальонных командиров Эриванского полка, но «забывает» процитировать другое сообщение того же мемуариста — о «прекрасном составе» командиров рот! В общем, поставив перед собой цель исследовать не только политический облик и политическую деятельность русского офицерства начала XX в., но и его профессиональную подготовленность и профессиональную деятельность, И. Н. Гребенкин взвалил на себя, на наш взгляд, непосильную ношу.

ЛЕОНИД КАЦИС

ЕЩЕ РАЗ О ПРЕД- И ПОСЛЕПОСАДОЧНОЙ
СУДЬБЕ А. Ф. ЛОСЕВА

Более 10 лет тому назад в работе «А. Ф. Лосев. В. С. Соловьев. Максим Горький (ретроспективный взгляд из 1999 года)»¹ мы очень осторожно высказали следующую гипотезу, которая во многом объясняла причины появления как бы «в издании автора» восьми знаменитых христианских книг А. Ф. Лосева: это чудо конца 1920-х годов связано с участием Лосева в борьбе с так называемыми «механистами» на стороне так называемых «диалектиков». Чтобы понять то новое, что мы узнали в 2010 году, необходимо вернуться на 11 лет назад, когда мы писали: «О том, что Лосев был совсем не чужд политико-философской полемики конца 20-х годов, свидетельствует и еще один факт. Следы интереса Лосева к полемике «диалектики — механисты» можно найти и в письме в цензуру», написанном, как известно, после запрета «Дополнений к "Диалектике мифа"». Попытки включить фрагменты запрещенной книги в разрешенную «Диалектику мифа» привели к аресту и заключению А. Ф. Лосева на Беломорканале.

Об интересе к названной выше и далеко не христианско-философской полемике точно и справедливо пишет А. А. Тахо-Годи: «Приведем ряд примеров, которые указывают на сглаженность новой редакции «Вещи и имени» по сравнению с первоначальным, представленным в нашем издании. Предисловие 3-го варианта «Вещь и имя» написано от руки Лосевым совершенно заново.

---

¹ Кацис Л. А. Ф. Лосев. В. С. Соловьев. Максим Горький (Ретроспективный взгляд из 1999 года) // Кацис Л. Русская эсхатология и русская литература. М., 2000 (Исследования по истории русской мысли). С. 548–598.

В этом предисловии выделяется *самое само* (...), о котором не было ни слова в предисловии 1-й рукописной редакции, всецело и резко направленной против «механистов» и «позитивистов». Эта группа советских философов выступала в бесплодных спорах против т. н. «диалектиков» в дискуссии, развернувшейся в 1926–1929 гг. между А. М. Дебориным и его учениками — «диалектиками», с одной стороны, и «механистами» — с другой (Л. И. Аксельрод, И. И. Скворцов-Степанов, А. К. Тимирязев и др.)».

К этому месту мы тогда же сделали примечание, которое сегодня, как станет ясно ниже, уже должно быть в основном тексте: «Разговор о кавычках у слова «диалектики» не дань педантизму или текстологическому идиотизму. Они исключительно значимы именно в контексте нашего изложения. Ведь в 1929 г. т. н. диалектики были еще на коне. Их преобразование в меньшевистствующих идеалистов произошло чуть позже, в 1930–1931 гг. Поэтому не удивительно, что в «Диалектике мифа» мы читаем: «Именно борьба в материализме “диалектиков” с “механистами” есть не что иное, как борьба православия с католичеством в христианстве по вопросу об исхождении Св. Духа». Разницу ситуаций в 1929 и 1930–1931 гг. замечательно выразила Л. Гогтишвили в комментарии к этому месту: «На второй всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений (1929) механицизм был подвергнут резкой критике как “явный отход от марксистско-ленинских позиций в философии” (см.: Под знаменем марксизма. 1929, № 10–11); “диалектики”, в свою очередь, подверглись политической дискредитации в 1930–1931 гг., когда за ними укрепились *сталинское* название “*меньшевистствующих идеалистов*” (см.: Митин М. Боевые вопросы материалистической диалектики. М., 1936)»².

Год выхода в свет книги М. Митина принципиально важен для понимания сенсационного фрагмента из Дневников М. М. Пришвина за 1936–1937 года, вышедших в свет в 2010 году. Как видно на первый взгляд, определение диалектиков-деборинцев как идеалистов ввели и развили товарищи И. В. Сталин и М. Б. Митин, а Лосев здесь, кажется, ни при чем. Но это только на первый взгляд. Пришвин среди материалов строящегося «канальского» романа (так называемые «леса», к которому являют собой и отдельный жанр, и огромную часть дневников 1930-х гг., постепенно осознанно «перековывающуюся» в жанровую структуру типа романовской «Листвы», но в советском и даже сталинском контек-

---

² Кацис Л. Цит. соч. С. 587–588.

сте), посвященного осмыслению как самого строительства, так и книги о Беломорканале, созданной под руководством НКВД и Максима Горького, писал в конце 1937 года:

«17 ноября ... Рассказ о карьере философа Л., который отбыл на канале 5 лет и восстановился в правах за разоблачение Деборина как идеалиста.

И чем дальше человек от действительности — вот удивительная черта времени! — тем прочнее держится он, пример — я как писатель, Лосев как философ»³.

Не исключено, что «философ Л.» здесь не случайно не назван полностью. По-видимому, это материал для образа одного из возможных героев романа. Отсюда и некоторые нестыковки. Ведь отсидевший около двух лет Лосев был приговорен к 10 годам, а 5 получила его жена. Но освободились они и вернулись в Москву в 1933 году. На первый взгляд кажется, что здесь что-то не то. И сидел Лосев не 5 лет, и Деборина «разоблачил» не в 1937 году. Однако одна деталь из истории советской философии, связанная с Лосевым и Митиным, заставляет думать, что Пришвин абсолютно точен, и Лосев принимал участие в борьбе не только с «механистами» во времена уже расстрелянного Н. И. Бухарина, но и с «диалектиками» во времена чисто сталинской диктатуры и с участием М. Б. Митина. Кстати, и Пришвина очень беспокоила его личная близость к низвергнутому Бухарину, которому в дневнике 1936 года посвящено немало места.

Стоит обратить внимание на замечание А. А. Тахо-Годи о том, что третий вариант «Вещи и имени» был создан после возвращения из лагеря в 1933 году и готовился к печати⁴. На фоне истории со сведениями Пришвина и данных о выходе книги Митина возникает мысль о том, что книга Лосева не так уж случайно осталась в архиве автора даже после переработки. Не «Охранная» ли это «грамма» от М. Б. Митина... Вот что пишет А. А. Тахо-Годи в цитате, которую мы приводили и в публикации 1999 года и которая приобретает дополнительные обертона в 2010 году: «Академик М. Б. Митин и другие представили Лосева в Академию, но Александров запретил эту акцию. Сам же стал академиком в 1946 году». Но если судьба Александрова нас в данном случае

³ Пришвин М. Дневники. 1936–1937. СПб., 2010. С. 795.

⁴ Тахо-Годи А. А. Из истории создания и печатания рукописей А. Ф. Лосева // Лосев А. Ф. Имя. М., 1997. С. XVI.

не интересует, то «забота» М. Б. Митина о Лосеве в не указанном А. А. Тахо-Годи году на фоне записи в дневнике Пришвина заставляет задуматься о том, что Лосев, похоже, действительно заслуживал места в Академии в ряду Н. И. Бухарина, М. Б. Митина, Александрова, А. М. Деборина, П. Н. Федосеева и т. п., включая и Главного Почетного Друга Советских Мыслителей, которое у него отобрал ЦКовский чинуша.

К тому же удивительные рассуждения о канале и НКВД (далеко не всегда однозначные и апологетические) в дневниках Пришвина теперь остро необходимо сопоставить с прозой Лосева «Беседы на Беломорстрое». Неожиданностей здесь нас ждет много.

Настоящая же заметка призвана обратить внимание историков советской философии и советского общества вообще на то, что непрофессионально текстологически подготовленные и прокомментированные случайными цитатами из интернета Дневники Михаила Пришвина должны стать предметом серьезнейшего анализа профессионалов, а не частных владельцев семейных архивов.

Комментаторы же настолько исполнились почтения и к своему герою, и к Лосеву, что не заметили существенной разницы в подходе Лосева и Пришвина к проблеме Беломорканала и его осмысления в известнейшей книге о строительстве. И не заметили они, что называющий себя отвлеченным писателем М. Пришвин с антисемитским упоением громил детскую редакцию под руководством Самуила Маршака, а «отвлеченный» мыслитель неоднократно активно участвовал во вполне официозных погромно-философских кампаниях.

Но на все это места в чуть ли не 250-страничном сопроводительном тексте Я. З. Гришиной (который и комментарием-то назвать невозможно) не нашлось. Впрочем, ценность представленных текстов перекрывает любую досаду от деятельности подготовителей текста и его издателей.

А. В. МАРЧУКОВ

АСЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ:
О ВОЗДУШНЫХ ПОБЕДАХ И ИХ ПОДСЧЁТЕ —
ТОГДА И ТЕПЕРЬ (НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
НАД СБОРНИКАМИ М. БЫКОВА)

В России любят авиацию и гордятся ею. Даже несмотря на то, что за последние четверть века было, казалось, сделано всё, чтобы у нашей страны не осталось собственных крыльев — ни военных, ни гражданских. Но интерес к авиации не ослабел. И это отрадно. Главное, чтобы интерес этот не стал своего рода сублимацией: само явление исчезает, а человек хочет удержать его от небытия и пытается сохранить ускользающую привычную картину мира... Но не будем о грустном.

Особое внимание российских любителей авиации, по понятным причинам, приковывает к себе Великая Отечественная и Вторая мировая войны, подтверждение чему — появление множества качественных исследований (статей и монографий), посвящённых этому периоду и предвоенным конфликтам, переиздание мемуаров и т. д. Одним из ярчайших событий в этом ряду стал выход в свет двух сборников-справочников, в которых *впервые* в отечественной историографии были собраны и систематизированы сведения о советских лётчиках-асах и их воздушных победах. Первый называется «Асы Великой Отечественной. Самые результативные лётчики 1941–1945 гг.» (М., Яуза, Эксмо, 2007), второй, вышедший в том же издательстве годом позже, озаглавлен чуть иначе — «Советские асы. 1941–1945. Победы сталинских соколов». Автор-составитель обоих сборников — М. Ю. Быков.

Не стоит лишний раз говорить, что история и деятельность истребительной авиации наиболее ярки и зрелищны, а количество воздушных побед — один из главных показателей боевой работы любого лётчика-истребителя. А потому понятно, что появление этих сборников было встречено любителями отечественной авиации с радостью и энтузиазмом. К слову, лично для меня они стали настоящими настольными книгами.

Нельзя сказать, чтобы списки советских асов с указанием количества одержанных ими воздушных побед не появлялись раньше. Можно назвать работы И. Г. Султанова, Н. Г. Бодрихина, О. В. Левченко¹. Правда, во всех них имелись количественные ограничения. У И. Султанова были отмечены лишь 180 человек, имевших от 25 воздушных побед (лично и в группе) и выше; у О. Левченко — в основном те, кому было присвоено звание Героя Советского Союза (то есть не только «асы»). У Н. Бодрихина список более подробен и в целом (как выяснилось после сравнения с данными, полученными Быковым) довольно точен, и включает в себя 627 пилотов, одержавших 15 личных побед и выше. И к тому же в данных (и подобных им) списках даётся лишь общий результат боевой деятельности того или иного пилота, а сами победы (их дата и характер, тип сбитого и район его падения) не указываются, что, по понятным причинам, снижает их познавательную ценность и достоверность. Но эти люди были первыми, и за их работу им надо выразить признательность.

Существует ещё и мемуарная литература, но имеющиеся в ней сведения, во-первых, отрывочны, а во-вторых, достоверность их ещё ниже, чем у таких списков, что объяснимо самим жанром этих произведений. Таким образом, спрос на информацию о советских лётчиках-асах давно назрел, а предложения всё не было. И вот, наконец, ситуация переменялась.

Сборники М. Быкова действительно стали революционным прорывом, новым этапом в изучении данного вопроса. Благодаря долгой и кропотливой работе исследователя стали известны имена и вклад в Победу сотен наших лётчиков — как так называемых «простых асов», так и тех, на чьих боевых счетах значилось по несколько десятков сбитых самолётов противника. В первом из них приведены краткие биографические данные

---

¹ Султанов И. Г. Воздушные асы — кто они? // Крылья Родины. 1992. № 11; Бодрихин Н. Г. Советские асы. Очерки о советских лётчиках. М., 1998. С. 236–265; Левченко О. В. Гордость советской авиации // Покрышкин А. И. Вой требует мысли. Новосибирск, 1998. С. 42–116.

(даты рождения и смерти/гибели, звание, места прохождения службы в военные годы и участие в локальных военных конфликтах, награды) и списки воздушных побед 1117 советских лётчиков-истребителей, одержавших 10 и более побед лично, в большинстве случаев даны их портреты. Второй сборник представляет собой продолжение работы составителя над темой. В нём приведены аналогичные данные уже на тех лётчиков-истребителей, что сбили от пяти самолётов противника лично и выше (всего 3011 человек). Оказались, наконец, в нём представлены и пилоты ВВС ВМФ, сведения о которых отсутствовали в предыдущей книге.

Во втором сборнике есть также несколько приложений. В самом объёмном приведены краткие данные и количество побед (без подробной росписи) 708 лётчиков, сбивших пять и более самолётов противника, из которых не менее двух лично. Два других — это списки (не полные) тех пилотов, которые стали асами по результатам боёв в Великой Отечественной войне и Корее, а также тех асов Корейской войны, что имели по нескольку побед в ВОВ. Жаль, что в сборниках нет аналогичной таблицы, в которой бы приводился боевой счёт пилотов, ставших асами по итогам боёв 1941–1945 гг. и предвоенных конфликтов (в Испании, Китае, на Халхин-Голе и финской войне). Как и списка тех, кто стал асом уже по итогам этих конфликтов, а также Корейской войны. Впрочем, их отсутствие можно объяснить хронологическими рамками исследования — периодом Великой Отечественной (хотя много места эти таблицы бы не заняли, да и материал в значительной мере уже известен).

К несомненным плюсам сборников надо отнести и то, что Быков приводит названия немецких самолётов в их русском написании: Ю-88, Ме-109, Хш-126 и т. д. И это правильно. Вызывает недоумение, когда в работах российских авторов и предназначенных для российских же читателей сплошь и рядом попадают Ju-88, Vf-109, Hs-126 и т. п. Невольно хочется спросить таких авторов: сами-то вы кто? В какой стране живёте? На каком языке разговариваете? А то получается как в Континентальной хоккейной лиге: играют в основном русские (словацкий и латвийский клубы — не в счёт), а фамилии на форме — на латинице. Всё под каток чужеродной глобализации.

Обе книги снабжены небольшим предисловием (почему-то анонимным, озаглавленным «от составителей», хотя официально таковой лишь один) — довольно содержательным и объясняющим замысел составителя и некоторые моменты,

с которыми ему пришлось столкнуться в ходе своей работы. Однако ряд моментов источниковедческого характера — важнейших для такого рода исследований — оказался освещён недостаточно. Следует отметить, что в первом сборнике помещён список использованных материалов (главным образом, архивных дел), и данный факт придаёт этому сборнику больший вес по сравнению со вторым, где такой список отсутствует. Хотя скорее всего, основой для его написания послужили те же самые документы.

Указание на список использованных материалов сделано отнюдь не случайно. Ведь главный выигрышный момент сборников, их новаторский характер состоит как раз в том, что они основаны на первоисточниках, на данных, взятых из официальных документов частей и соединений ВВС, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны РФ и Центральном Военно-Морском архиве Министерства обороны РФ (сведения о морских лётчиках). Соответственно, главная заслуга составителя заключается в том, что он, во многом впервые, обратился именно к архивному материалу и ввёл его в оборот. А труд, проделанный Быковым, поистине огромен. Просмотрено и переработано значительное количество архивных дел, главным образом журналов боевых действий (ЖБД), журналов учёта сбитых самолётов противника (ЖУСС), оперативных сводок (ОС) и боевых донесений всех или почти всех полков и дивизий, учётно-послужных карточек и иных материалов, содержащих сведения о личных данных и результатах боевой работы советских лётчиков.

Масштабы этого труда становятся полностью понятны лишь тогда, когда приходится самому окунуться в это архивное море, когда каждое новое дело не просто выплёскивает на тебя всё новую информацию, но и тянет за собой всё новые и новые дела. Даже установить имена самих лётчиков и их личные данные бывает порой непросто, а ведь остаётся и ещё «малость» — определить полный и точный список их побед. Иными словами, на составление сборников Быкову пришлось затратить немало времени и сил. И за проделанный им *колоссальный* труд ему надо сказать *огромное спасибо*. Он это заслужил по праву.

Казалось бы, появилась основа — берите, исследователи, и пользуйтесь, но... Но путаница с количеством воздушных побед, которые многие исследователи записывают на счёт того или иного лётчика, продолжается. И цифры приводятся разные, и пишется порой что-то вроде «такой-то пилот сбил столько-то, а у Быкова значится столько-то». К примеру, такие

несоответствия есть в новых публикациях Бодрихина, который, судя по всему, не согласился со многими цифровыми данными, которые опубликовал Быков. Встречаются они и в отношении боевых счетов некоторых пилотов 812 истребительного авиационного полка (иап), в чём можно убедиться, сопоставив данные из «быковских» сборников с теми, что приводят В. Антипов и И. Уткин в своих весьма основательных статьях о боевом пути этого полка². Ну а самым ярким примером стала недавняя содержательная и прекрасно изданная книга И. Сейдова «Советские асы Корейской войны», в которой количество побед, одержанных Александром Васько (176 иап) за время ВОВ, на трёх разных страницах указано по-разному: то как 17, то как 13, то как 12 + 1³! Есть такие несоответствия и в самом «свежайшем» труде по истории авиации — работе А. Табаченко о 16 гвардейском истребительном авиаполке⁴. И это только несколько примеров.

В чём же причина подобных нестыковок? Виноваты ли в этом «прочие» авторы? Возможно, отчасти и да (как в случае с «плавающим» счётом Васько или некоторыми утверждениями Бодрихина). Но, думается, главная причина кроется всё же не в них, а в самих «быковских» сборниках. Ведь они далеко не идеальны, и это становится видно при более пристальном взгляде на них. Нестыковки, двусмыслицу, а в итоге — и сомнения в правильности приводимой информации порождают как раз содержание этих сборников и принцип подачи материала. Начнём с того, что лежит на поверхности, — с содержания.

Во-первых, по целому ряду моментов сборники противоречат друг другу. Наличие таких противоречий можно было бы объяснить тем, что после выхода первого из них составитель нашёл новый материал (скажем, отыскались не учтённые ранее победы) и внёс уточнения. Такое действительно имело место, и в этом можно убедиться, сличив тексты обоих сборников. Отметим, что подобные уточнения будут вноситься ещё очень долго (об этом

---

² Антипов В., Уткин И. «Драконы» с птичьим крылом. Боевой путь 812-го Севастопольского Краснознамённого Ордена Суворова III степени истребительного авиационного полка // История авиации. №№ 18–22 (нумерация журнала менялась); Они же. «Скворцы» из стаи «Дракона» (крымская весна 1944 г.) // Авиация и время. 2005. № 2. С. 25–29.

³ Сейдов И. Советские асы Корейской войны. М., 2010. С. 40, 86, 436.

⁴ Табаченко А. И. Покрышкинский авиаполк. «Нелакированные» боевые хроники. 16-й гвардейский истребительный авиационный полк в боях с люфтваффе. 1943–1945. М., 2012.

ниже). Но как объяснить случаи, когда счёт меняется в меньшую сторону? Например, в случае с боевым счётом Николая Архипова, который в первом сборнике равняется $20 + 8$, а во втором — лишь $15 + 8$. Или с количеством побед у Валентина Макарова (соответственно $30 + 9$ и $28 + 9$)⁵. Выходит, изначальные цифры были неверными? Тогда откуда же составитель их взял? Или новые документы (если это делается при опоре на них) заслуживают больше доверия, чем те, которые он использовал ранее? Тогда почему и что это за документы? Вопросы остаются без ответа. Почему — речь впереди.

Кстати, в ряде случаев нестыковки остались и после уточнений-исправлений. Скажем, в первом сборнике указано, что Иван Кожедуб сбил 63 самолёта противника, а побед при пересчёте оказывается 64. Во втором автор исправил эту неточность, но допустил новую. Он написал, что в наградные документы по каким-то причинам не попали две победы лётчика, отмеченные в документах оперативных: сбитый им 11.04.44 ПЗЛ-24 и Me-109, сбитый 8 апреля того же года. ПЗЛ в список побед Кожедуба Быков внёс. А вот сбитый восьмого числа «мессер» — нет⁶. И остаётся гадать: то ли на счету нашего великого аса на самом деле 65 побед, то ли составитель ошибся в датировке победы, и тогда их остаётся 64. Откровенно признаюсь, хочется, чтобы их всё же было 65. Но для полной уверенности нужна ясность.

Во-вторых, что в первом, что во втором сборниках в отношении боевых счетов и личных данных многих лётчиков есть лакуны, подчас очень значительные. Приведён итоговый счёт, а количество указанных побед меньше этого числа. А в случае с пилотами 12 иап КБФ почти всегда и вовсе не указана ни одна победа. Конечно, во многом это объясняется отсутствием такой информации в документах данного полка или дивизии или попросту отсутствием самих документов, где она должна была откладываться. Документы или не сохранились и не дошли до наших дней, или же просто никогда не существовали (далеко не у всех полков и дивизий штабы работали чётко, да порой и не было подходящих условий наладить документацию). И Быков (или тот, кто писал вступительную статью) на это вполне справедливо указывает, отмечая, что его данные не полные, а по ряду полков

---

⁵ Асы Великой Отечественной. Самые результативные лётчики 1941–1945 гг. М., 2007. С. 33, 316; Советские асы. 1941–1945. Победы сталинских соколов. М., 2008. С. 32, 393.

⁶ Там же. Соответственно, с. 290–292, с. 240.

и вообще вряд ли удастся установить боевые счета их пилотов. Но верно это лишь отчасти, и при дальнейшем поиске многие лакуны удалось закрыть (полностью или частично), в том числе и автору этих строк.

И, в-третьих, в сборниках, к сожалению, встречается много пропусков и фактических ошибок, в том числе по тем авиачастям, где сохранность документов высокая или очень высокая. При знакомстве со сборниками сразу сложилось ощущение, что ошибки, или, скажем так, неточности, в них есть. Но это было именно что ощущение, навеянное сравнением новых сведений с предыдущими списками асов, где у некоторых пилотов было указано иное количество побед, чем теперь утверждал Быков. И это ощущение могло быть ложным. Однажды в случайном разговоре с уважаемым мной человеком — редактором одного из ведущих, но, к сожалению, всё реже выходящих авиационных журналов, — пришлось высказать сомнения в абсолютной точности некоторых приведённых Быковым счетов. В ответ прозвучало что-то вроде: «он проделал такую большую работу» (далее, очевидно, подразумевалось: «а Вы об этом так говорите...») и настойчивые (впрочем, справедливые) требования доказать это на конкретных примерах. Тогда ответить было нечем, да и преуменьшать несомненные заслуги Быкова ни тогда, ни теперь даже в голову не приходило. Но, поработав год в ЦАМО, с такими примерами пришлось столкнуться и лично убедиться в наличии ошибок и неточностей.

Собственно, в этот архив попасть понадобилось совсем по другим причинам. Поводом послужила работа над монографией о... Русском народе и Николае Васильевиче Гоголе. Надо было уточнить личные данные и боевые счета некоторых лётчиков 16 гвардейского истребительного авиационного полка (в книге есть выход на эти сюжеты). Монография («Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время». М., Regnum, 2011) была благополучно написана и издана, есть в ней и ссылка на архивные дела, но покидать читальный зал ЦАМО показалось рано. Захотелось проверить старые ощущения и убедиться в истинности данных, приведённых в «быковских» сборниках. Тем более, что практически сразу пришлось натолкнуться на целый ряд имеющихся в них неточностей.

Естественно, проверять сведения о всех пилотах всех полков, упомянутых в них, да и вообще проверять сборники как таковые «на правильность», не входило в мои задачи. Для этого надо было бы проделать как минимум такую же (а лучше, и более

масштабную) работу, что и Быков, и составить новый сборник. Хотелось просто уточнить боевые счета пилотов 16 гиап и в том числе Александра Покрышкина: ведь его боевой счёт в сборниках претерпел, пожалуй, одни из самых значительных изменений. (К слову сказать, удалось найти несколько не отмеченных составителем побед Покрышкина, вплотную приблизивших уточнённый боевой счёт лётчика к тем самым 59 самолётам, сбитым им лично и в группе.)

А потом, как уже говорилось, документ цеплялся за документ, дело за дело, фонд за фонд — вот и получилось что-то вроде незапланированной выборочной проверки (кроме того, что набралось материала на небольшую монографию). В основном в поле зрения попадали полки, воевавшие рядом с 55 иап/16 гиап в составе 20 смешанной авиадивизии (сад), 216 сад/9 гиад (гвардейской авиадивизии), 6 истребительного авиакорпуса, 4 Воздушной армии: 40, 41, 42, 57, 100, 104, 159, 163 гиап. Есть данные по 170, 484, 494, 979 иап и выборочно ещё по целому ряду полков. Причём материалы привлекались не только те, что использовались Быковым (которые он указал в приложении к первому сборнику), но и другие, от более широкого числа фондообразователей. Повторю, что я не задавался целью проследить весь боевой путь данных авиачастей (за исключением 16, 100 и 104 гиап), как и других, в которых служили лётчики 16 гвардейского (скажем, 129 гиап, которым командовал Валентин Фигичев). И, тем не менее, даже проведя такую незапланированную, выборочную и частичную (хронологически) «проверку», удалось дополнить или уточнить боевые счета (а в некоторых случаях и личные данные) более чем полутора сотен пилотов, а также установить несколько новых асов (М. Г. Шапошникова, Н. С. Штукина, А. Н. Никитина, М. В. Шевченко, М. П. Лазаренко, Спиридонова).

К примеру, в сборниках приведены сведения о 33 лётчиках 55 иап/16 гиап, ставших там асами. При этом неточности имеются в отношении 25 человек. Применительно к 21 из них (Речкалову, Покрышкину, Клубову, Фадееву, Крюкову, Старчикову, Фёдорову, Лукьянову, Голубеву, Цветкову, Жердеву, Берёзкину, Фигичеву, Искрину, Степанову, Торбееву, Вахненко, Ивачёву, Никитину, Ершёву, Онищенко; Василий Бондаренко в данном случае рассматривается вместе с 100 гиап) неверно указано количество их побед: часть из них не отмечена, а некоторым (Клубову, Искрину) ошибочно записаны самолёты, принадлежащие другим лётчикам. У двух (Селивёрстова и Ерёмина), а также

у некоторых из названных выше допущены ошибки в типах уничтоженных ими самолётов, а ещё у двух (Сутырина и Трофимова) отсутствуют уточнения относительно их некоторых побед (хотя в архивных делах подобная информация имеется). Ввиду ограниченного объёма статьи сами уточнённые победные списки (со ссылками на архивные документы, на основании которых эти счета и были установлены), кроме нескольких, здесь не приводятся и будут представлены отдельно. То есть исправления и уточнения требуются в 75,7 % случаев! Да и самих асов должно быть не 33, а 34: асом становится Леонид Дьяченко (см. ниже).

По некоторым другим полкам этот процент будет следующим. По 45 иап/100 гиап из 29 перечисленных в сборниках асов (включая Бондаренко) уточнения боевых счетов или типов и дат воздушных побед требуются в 18 случаях, то есть в 65 %. По 298 иап/104 гиап — из 21 аса — такие уточнения необходимо сделать в 13 случаях, то есть в 62 % (кроме того, Приложение № 1 должно пополниться ещё одной фамилией). По 57 гиап (летавшему на Кубани на экзотических для нашей страны «спитфайерах»), в дополнениях или уточнениях нуждаются боевые счета девяти асов (из одиннадцати). А это почти 82 % случаев (и ещё двое попадают в Приложение).

Конечно, это вовсе не означает, что на столько процентов неверен *весь* текст сборников. Чаще всего добавить или исправить нужно одну—две победы из всего списка, тогда как остальные указаны правильно. Хотя бывает, что добавлять приходится по четыре—пять, а то и больше (как у Василия Бондаренко, Василия Пшеничникова, Владимира Цветаева, Петра Егорова и др.), не говоря уже о тех случаях, когда приходится заполнять лакуны. Расчёт в данном случае ведётся по персоналиям.

В некоторых случаях неточность объясняется тем, что Быков просто просмотрел тот или иной момент, вполне хорошо отражённый в документах и не нуждающийся в сложной исследовательской работе. Скажем, у него отсутствует указание о сбитом 27 ноября 1943 г. лётчиком 16 гиап Вячеславом Берёзкиным Ю-87 (район падения южнее Ашкадана), хотя записи об этой победе имеются и в ЖБД, и в ЖУСС полка, и в оперативных сводках 9 гиад⁷. Таким образом, уточнённый боевой счёт лётчика составит не девять, а десять воздушных побед и выглядеть будет так (жирным шрифтом выделена правка):

---

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 16 гиап. Оп. 206868. Д. 1. Л. 373 об.—374; Д. 3. Л. 12, 13; Ф. 20046 (9 гиад). Оп. 1. Д. 14. Л. 120.

Берёзкин Вячеслав Арефьевич

Список воздушных побед

24.08.43	1	ФВ-189	зап. Колпаковка
27.11.43	1	Ю-87	юж. Ашкадан
04.06.44	1	ФВ-190	Богонос
16.07.44	1	ФВ-190	юж. Бодзячев
16.07.44	1	ФВ-190	сев.-зап. Порнук
22.08.44	1	ФВ-190	Хмелюв
20.02.45	1	ФВ-190	Хегендорф
18.04.45	1	ФВ-190	юго-зап. ШПремберг
23.04.45	2	ФВ-190	юж. Потсдам
Всего сбитых самолётов — 10 + 0			

Источники: ЦАМО РФ. Ф. 16 гиап. Оп. 206 869. Д. 1 (Журнал боевых действий полка, 1943 г.). Л. 167 об.—168, 373 об.—374; Д. 2 (Журнал учёта сбитых самолётов противника, апрель—август 1943 г.) Л. 24; Д. 3 (Журнал учёта сбитых самолётов противника, сентябрь — декабрь 1943 г.) Л. 2, 12, 13; Оп. 206 869. Д. 1 (Журнал учёта сбитых самолётов противника, 1944—1945 гг.) Л. 6—12, 18, 19, 21—24; Д. 3 (Журнал боевых действий полка, май—июль 1944 г.). Л. 40—41, 80 об.—82; Ф. 20 046 (9 гиад). Оп. 1. Д. 14 (Оперативные сводки штаба дивизии, август—декабрь 1943 г.). Л. 23, 120; Д. 22 (Оперативные сводки штаба дивизии, 1944 г.). Л. 55—56, 104 об., 155—155 об.; Д. 36 (Оперативные сводки штаба дивизии, 1945 г.). Л. 98, 217, 231.

В других случаях имеют место ошибки, берущиеся как по причине не совсем полного круга использованных составителем документов, где эти победы представлены, так и, возможно, во многом из-за применяемой им методологии, остающейся (отчасти по объективным, но в основном по субъективным причинам) скрытой от глаз читателей.

После того, как обнаружился такой отнюдь не маленький процент неточностей и погрешностей всего по нескольким полкам (и, за исключением 16, 100 и 104 гиап, — не за весь период войны), поневоле на ум пришёл вопрос: а не так ли обстоят дела и с прочими полками? Конечно, теоретически можно предположить, что в остальных случаях Быков оказался более внимателен и скрупулёзен, привлёк более широкий круг источников, тщательней анализировал и сравнивал их, определяя, какой же из них содержит более достоверную информацию. И потому ошибок там

уже нет. Но практически такое вряд ли возможно, и данная статистическая выборка (в среднем 60–65 %) может быть экстраполирована и на остальной материал книги. То есть в 60–65 % случаев (персоналий) он нуждается в уточнении, исправлении и дополнении. Даже если этот процент окажется меньше раза в два, задуматься всё равно есть о чём.

Всё это, по понятным причинам, зарождаёт недоверие к остальной информации, представленной в сборниках, хотя значительная, пусть даже подавляющая её часть на поверку и окажется правильной. Понятно, что одному человеку, начавшему почти с нуля, осилить такую колоссальную задачу полностью, да ещё и выполнить её без ошибок, невозможно. Но в таком случае автор должен был чётко показать пути дальнейшего решения задачи. А этого как раз и нет. Просьба высказывать пожелания и присылать уточнения, помещённая в предисловии, заслуживает уважения, но слишком уж она общая и сути вопроса не снимает.

И вот здесь, от первого момента — фактической наполненности работы и тщательности её выполнения, мы переходим ко второму — методологическому. Главная — и основная — слабость составленных Быковым сборников, к сожалению, во многом снижающая к ним доверие, заключается в манере подачи автором материала. А она основана на принципе: «Верьте мне, люди». Критерий любой научной работы — возможность повторить путь исследователя и проверить её результаты. В естественных науках это опыт и полевые исследования; в точных науках — это расчёты на основе математических и физических законов. В гуманитарных же проверкой истинности полученных выводов служит (помимо логичности построения причинно-следственных связей) их обоснованность источниковым материалом.

Наглядным олицетворением этого служат ссылки — те самые, которые некоторые авторы в своих работах почему-то игнорируют⁸. Приводят факты, дают цитаты — а откуда они их взяли,

---

⁸ К слову сказать, отсутствуют они и в только что вышедшей книге А. Табаченко об истории 16 гиап (Табаченко А. И. Покрышкинский авиаполк. «Нелакрированные» боевые хроники). Книги объёмной и очень информативной, хотя и не лишённой целого ряда фактических ошибок и «замысловатых» рассуждений автора. И почему-то очень полемически заострённой, что для такого вида работ выглядит довольно странным. Против кого направлена эта заострённость, думаю, объяснять излишне. Нынче многие почему-то хотят вступить в заочную дискуссию с Александром Покрышкиным (к слову сказать, уже давно умершим) или что-то ему доказать. Но, вступив на этот путь, как часто в таких случаях происходит, оказываются необъективными. С Александром Табаченко, к сожа-

почему пришли именно к таким выводам, говорить как бы отказываются. А ведь речь идёт не о газетных статьях, в которых научный аппарат не положен по жанру (да и то не всегда), а о серьёзных, фактически научных исследованиях, особенно если они претендуют на новизну. Есть, конечно, и обратные примеры, когда автор снабжает свою работу научным аппаратом, тем самым показывая, что отвечает за каждое своё слово, и давая

лению, произошло то же самое. Скрупулёзно (и чуть ли не с каким-то смакованием) отмечая самые малейшие промахи и ошибки Покрышкина, он «почему-то» обходит молчанием аналогичные просчёты некоторых его сослуживцев, в первую очередь Григория Речкалова. Всего несколько примеров. Скажем, Табаченко упоминает, что 7 мая 1943 г. в воздушном бою были подбиты и совершили вынужденные посадки на фюзеляж двое лётчиков полка — младшие лейтенанты Семёнов и Чистов (С. 120). Но почему бы, по аналогии с «правдой-маткой» в отношении Покрышкина, не сказать всю правду и сейчас? А именно то, что сбитыми они оказались, когда вылетели в шестёрке под командованием Речкалова (для него это был первый самостоятельный вылет в качестве ведущего всей группы). А самым щекотливым является то, что и сам Речкалов, и его группа прозевали обе результативные атаки немцев и даже не открывали ответный огонь! (Ф. 16 гиап. Оп. 206 868. Д. 1 (ЖБД). Л. 58 об.—59.) А ведь за плечами ведущего был целый месяц напряжённых боёв в кубанском небе и не один сбитый самолёт! Объективности ради в столь подробном и претендующем на полноту исследовании об этом сказать было бы необходимо. Или, подсчитывая, сколько ведомых потерял Покрышкин, было бы справедливо указать, что погибший 26 сентября 1943 г. в воздушном бою молодой лётчик Николай Попов («сторевший», по словам автора, на войне всего за двадцать дней, с. 225), был в этом вылете ведомым у Речкалова. (Там же. Л. 252 об.—253). И кто его сбил — стрелки бомбардировщиков или истребители (а Речкалов дрался именно с последними) — до конца не известно (приведённые автором воспоминания К. Сухова в этом эпизоде не совсем точны). Точно так же автором обойдён неприятный для Речкалова эпизод, связанный с гибелью Героя Советского Союза Александра Клубова в авиакатастрофе (1 ноября 1944 г.). Хотя командир 6 гиак генерал-лейтенант Утин в своём приказе (№ 0258 от 18.11.44) в качестве виновных в авиакатастрофе, помимо самого Клубова, назвал командира 16 гиап майора Речкалова, «не организовавшего управление по радио тренировкой лётного состава» и «неудовлетворительно» руководившего полётами («отсутствие должной организации лётной работы»), за что и объявил ему выговор. (Ф. 20527 (6 гиак). Оп. 1. Д. 72 (Приказы по Управлению 6 гиак, 1944 г.). Л. 265—265 об.). Выговор... А Клубова не вернуть. Не хочется обо всём этом говорить. Ведь Речкалов — великий воздушный боец, Дважды Герой Советского Союза, национальный герой России. Но если уж быть объективным, то ко всем, а не только к Покрышкину, по отношению к которому у Табаченко проскальзывают какие-то мстительные нотки (ощущение, разумеется, субъективное). И к которому он, порой, даже более пристрастен, чем М. Быков (взгляд последнего на Покрышкина, как оказалось, даже более взвешенный и объективный). А то после знакомства с этой, в целом, интересной и нужной книгой, остаётся какой-то неприятный осадок...

возможность всякому пройти с ним исследовательский путь и, если что, исправить его. Или дополнить. Или прийти к другим выводам — на то и научный поиск.

А рецензируемые сборники претендуют на то, чтобы быть именно научным исследованием. Да и должны быть таковым. Но в них никаких ссылок и отсылок к документам нет. В первом из них, как уже говорилось, есть список архивных дел, использованных составителем. Это уже что-то, хоть какой-то след и критерий истинности, хотя даже в этих делах встречается множество моментов, им пропущенных. Да и общий список не может заменить конкретной сноски на фонды, описи, дела, листы, на основе которых был составлен боевой счёт того или иного лётчика. И отталкиваясь от которых можно было бы его проверить и, в случае необходимости, уточнить и исправить, в том числе привлекая новые источники.

Могут возразить, что это чересчур сложно, что это займёт слишком много места, а книги (в отличие, как оказалось, от современной Москвы) не резиновые и т. п. Всё это так, и не так. Да, какое-то место они, несомненно, займут. Но, во-первых (возможно, со мной и не согласятся), забивать под одну обложку всех лётчиков, сбивших от 5 до 65 (или 64?) самолётов, дополняя это приложениями, конечно можно и, в конце концов, нужно. Но, может, лучше сначала было бы издавать материал частями: от 5 побед до 15, от 15 до 30, от 30 и выше, как это, по сути, и было сделано в первом сборнике. И место бы нашлось, и шрифт был бы крупнее.

Во-вторых, очень много места эти сноски всё же не заняли бы, а пользу принесли несомненную. Пример такой уже есть — это сборники воспоминаний, составленные А. Драбкиным, комментарии и списки побед к которым предоставил как раз М. Быков⁹. При желании полные названия дел — самое длинное, что есть в такой ссылке, — можно опустить. В дальнейшем, когда многие вопросы, касающиеся точности боевых счетов, окажутся уже сняты, можно было бы и отказаться от ссылок совсем. Пока же делать это, судя по всему, преждевременно.

Ну, а в-третьих, и это самое главное, задача перед сборником и его составителем (составителями) стоит большая и серьёзная. Речь идёт о создании полноценного справочника сродни тем, что имеются в точных и естественных, а в ряде случаев — и гума-

---

⁹ Например, Драбкин А. Я дрался на истребителе. Принявшие первый удар. 1941–1942. М., 2006; Он же. Я дрался с асами люфтваффе. На смену павшим. 1943–1945. М., 2006.

нитарных науках. И он должен быть точным (или максимально стремиться к этому), причём именно «точным», а не «точным в 30–40 % случаев» (по персоналиям). А это требует чёткости и прозрачности в подходе к источниковому материалу, и ясности в определении методологических принципов работы и критериев её проверки.

Понятно, что такой полноты и точности достичь удастся не скоро, если вообще удастся. Ведь помимо зевков и просчётов автора, его личных симпатий, а может, и антипатий (скажем, в отношении того же Покрышкина¹⁰; да и счёт Бориса Сафорова тоже вызывает вопросы, особенно после знакомства с блестящими статьями А. Марданова, в которых он приводит иной список побед североморского аса¹¹), помимо множества документов, оставшихся (пока?) вне его поля зрения, есть и объективные причины, кроющиеся в самих источниках.

Это и отсутствие, как уже говорилось, документации по ряду частей и соединений, особенно за 1941–1942 гг., и лакуны в сохранившейся документации. Скажем, в 16 гиап в 1943–1945 гг. штаб работал чётко, и документы велись и сохранились в надлежащем порядке, то же можно сказать и про штаб 216 сад/9 гиад. А вот документов за 1941 и даже (а может быть, и особенно) 1942 г. до нас дошло гораздо меньше. И если относительно 1941 г. это частично можно объяснить потерей многих из них при прорыве из окружения (в августе, за что начальник оперативно-разведывательного отдела штаба майор Тухватулин был исключён из партии, а дело разбирал военный трибунал¹²), то относительно 1942 г. причину назвать труднее. Возможно, сказалось то, что за несколько месяцев в полку сменились три начальника штаба. Да и обстановка в конце июля 1942 г. напоминала ту, в которой 16 гиап оказался годом ранее. Достаточно сказать, что при отступлении с Куба-

---

¹⁰ А считать так, к сожалению, есть основания. Приведём лишь один пример. И Александр Покрышкин, и Григорий Речкалов однажды одержали победы, которые были отмечены в оперативных документах, но не были занесены на их личные счета, так как в штабах самолёты сочли «подбитыми» (хотя они и оказались на земле после атак наших лётчиков). Покрышкин сбил Хш-126 (24 марта 1942 г., лично), а Речкалов — ФВ-189 (6 июля 1942 г., в группе). Ситуации абсолютно аналогичные. Однако Речкалову Быков победу засчитал (и совершенно справедливо), а Покрышкину — почему-то нет. Подробнее см.: Марчуков А. Весенний «хеншель» капитана Покрышкина // В печати.

¹¹ Например: Марданов А. Может, хватит бездумных нападков?!. // История авиации. № 31. С. 18.

¹² ЦАМО РФ. Ф. 20 076 (20 сад). Оп. 1. Д. 32. Л. 128, 140.

ни, под Армавиром, полк снова чуть не лишился не только всех штабных документов, но и самого гвардейского знамени. Выручил помощник начальника штаба по спецсвязи Андрей Сулима, вывезший символ части и документы (все ли удалось сохранить?) из-под миномётно-танкового обстрела в безопасное место и тем самым спас полк от позора и расформирования¹³.

Но даже тогда, когда документация, казалось бы, имеется в достаточном объёме, при установлении победных списков возникают новые трудности. Во-первых, надо помнить об одном источниковедческом моменте, нередко упускаемом из вида. Дело в том, что документы, составлявшиеся в штабе полка (любого) и штабе дивизии (которой этот полк принадлежал), далеко не всегда тождественны, даже если речь в них идёт об одном и том же боевом дне или эпизоде. Многие победы, засчитанные штабами полков, отсутствуют в дивизионных документах (оперативных сводках, итоговых ведомостях и т. д.). И наоборот, есть немало случаев, когда командование полка не засчитывало ту или иную победу, а командование дивизии — засчитывало. Или же одни относили этот самолёт в категорию «сбитые», а другие — в «подбитые».

Скажем, сопоставляя документы 16, 42, 57, 100 и 104 гвардейских авиаполков, входивших в 1943 г. в состав 216 сад (позже 9 гиад), удалось насчитать как минимум 68 случаев, когда штабы полков засчитывали победу какому-то лётчику, а в документах дивизии она отсутствовала. И свыше 30 обратных примеров. В 16 гиап такие случаи имели место в отношении боевых счетов Фадеева, Речкалова, Покрышкина, Козлова, Паскеева, Крюкова, Степанова, Лукьянова и ряда других лётчиков. Нередки такие случаи были в 1944 и даже в 1945 г. А ведь есть ещё и документация корпусов и воздушных армий, где тоже имеются свои нюансы.

Во-вторых, у разных фондообразователей (если воспользоваться языком архивистов) зачастую имеются свои собственные (а потому разные) данные по типу сбитого самолёта противника, координатам его падения, характеру победы (личная или групповая). Пожалуй, самый яркий пример того, как в разных документах менялся тип сбитого, являет собой победа (одна и та же) лётчика 55 иап младшего лейтенанта Викторова, одержанная им 26 июня 1941 г. в районе Скулени. Для наглядности представим это в виде таблицы:

---

¹³ Там же. Ф. 20 046. Оп. 2. Д. 14. Л. 341–341 об.

Таблица 1.

Полковые документы 55 иап		Дивизионные документы 20 сад			
Сведения о сбитых (1941)	Боевая характеристика (1942)	ЖУСС	Форма 101	Оперативные сводки	ЖБД
Ме-110	Ме-109	ПЗЛ-24	Хе-111	Нет	нет

Примечания к таблице 1 (архивные дела указаны в сноске¹⁴):
Сведения о сбитых — «Сведения о количестве сбитых самолётов противника за период с 22.06.41 по 31.07.41 включительно»; *Боевая характеристика* — «Боевая характеристика 16 гиап»; *ЖУСС* — «Журнал учёта сбитых самолётов противника 20 сад»; *Форма 101* — «Форма 101 о потерях материальной части своей и противника 20 сад»; *Оперативные сводки* — «Оперативные сводки штаба 20 сад (1941 г.)»; *ЖБД* — «Журнал боевых действий штаба 20 сад (22.06–12.08.41 г.)».

И перед исследователем (разумеется, рассмотревшим все эти источники, а не какой-то один) встаёт вопрос: какому из них верить? Какой из них наиболее достоверен?

Что касается типов сбитых, то часто Ме-110 писались как Ме-109 и наоборот, «сто десятые» становились «юнкерсами-88-ми», а Ю-88 превращались в Ю-87, Хш-126 оказывались ПЗЛ-ами и наоборот. Подобная чехарда с записями о победах, особенно по линии «личная — групповая» и типу сбитого, нередко наблюдается в документах даже одного и того же штаба.

Наконец, штабисты тоже могли допускать ошибки и допускали их, особенно в датах и особенно тогда, когда документ составлялся спустя какое-то время после события. К примеру, в «Боевой характеристике 16 гиап» (далее — БХ-16), составленной осенью 1942 г., вопросы вызывают датировки (а может, и типы) некоторых побед пилотов полка — Леонида Тетерина и Кузьмы Селивёрстова, одержанных ими осенью 1941 г., то есть за год до составления документа. Скажем, у Тетерина значится, что два Ме-109 в группе он сбил 3 сентября (эта же датировка присутствует в сборнике

¹⁴ Соответственно: ЦАМО РФ. Ф. 20076 (20 сад). Оп. 1. Д. 40. Л. 18; Ф. 20214 (229 иад). Оп. 1. Д. 4. Л. 52, 62. Аналогичный (и почти идентичный) документ имеется и в фонде 216 сад; Ф. 20076. Оп. 1. Д. 23. Л. 3; Д. 41. Л. 3; Д. 2. Л. 12, 13; Д. 4. Л. 6–8 об.

Быкова). Однако, как значится в «Журнале боевых действий» (и «Оперативных сводках») 20 сад, 3 сентября 55 иап «боевые вылеты не производил»¹⁵. Какой-то из источников явно даёт неверные сведения. Какой? ЖБД и ОС, ведшиеся практически синхронно событиям, или БХ-16, составленная хоть и в полку, но спустя год? Если отдать приоритет первым, то получается, что победы лётчик одержал не 3 сентября, а в другой день.

То же самое и по нескольким победам Селивёрстова (первого в полку Героя Советского Союза), известных лишь из той же самой БХ-16. К примеру, там указано, что один Ме-109 он сбил 30 октября, хотя в это время отважного лётчика уже не было в живых. Значит опять-таки победа была им одержана в другой день. И Быков справедливо исправляет эту опisku — на дату, как ему показалось, наиболее подходящую — 30 сентября. Хотя в этот ли день Селивёрстов одержал победу, или в какой другой, точно не известно. И таких примеров масса. Но это, так сказать, объективные трудности. А они, как уже говорилось, дополнились субъективным фактором и неясной методологией.

По каким критериям составитель «засчитывал» или, наоборот, «не засчитывал» ту или иную документально отмеченную победу? Какими принципами руководствовался при определении её характера и прочих признаков в случае возникновения противоречий? Каким документам он верит безоговорочно, а какие отбрасывает в сторону? Почему в одних случаях он допускает возможность привлекать информацию не из архивных источников, а из «открытой печати», а в других — нет? И что это за «печать»? Почему в одних случаях он считает нормальным сохранение «зазоров» между итоговыми цифрами боевого счёта и известными победами, а в других не считает? Подобные вопросы можно продолжать, поскольку возникают они, как уже говорилось, из-за неясных методологических и источниковедческих принципов, на которых строил свою работу уважаемый автор-составитель. И пока они будут оставаться такими, вопросы не исчезнут.

Всё это означает, что при подготовке подобного сборника или иной работы, особенно сопряжённой с подсчётом количества воз-

---

¹⁵ Там же. Ф. 20 214 (229 иад). Оп. 1. Д. 4. Л. 53; Ф. 20 076. Оп. 1. Д. 5. Л. 41; Д. 2. Л. 204. Раз уж речь зашла о Тетерине, то нельзя не похвалить Быкова за то, что он отыскал две его личные победы, «затерявшиеся» в полковой и дивизионной статистике. К сожалению, он не проследил дальнейшую судьбу пилота, указав, что Тетерин воевал лишь в 16 иап. Между тем после этого лётчик послужил в составе «братских» 100 и 104 иап, и в обоих случаях на должности штурмана полка.

душных побед лётчика или воинской части, прежде всего, должен быть:

а) отобран как можно более широкий круг самых разнообразных источников (а не только самых ходовых, «подходящих» уже по названию);

б) проведён глубокий источниковедческий анализ, убедительный и понятный другим исследователям и читателям;

в) выработаны чёткие критерии, на основе которых была бы ясно видна применяемая исследователем методика работы со столь обширной, сложной и неравнозначной документальной базой и используемая им иерархия источников (в зависимости от их полноты и достоверности).

При этом такие подходы-принципы должны одновременно содержать некоторые постоянные положения и в то же время быть достаточно гибкими и учитывать конкретные нюансы. Хочется верить, что составитель имел всё сказанное выше в виду, когда приступал к работе над своим трудом, и применял эти или какие-то иные (но обязательно единые) подходы и методы на практике. Но «закрытый» характер работы, к сожалению, не позволяет это проверить, значит, и до конца поверить в правильность полученных им результатов.

Несомненно, наибольший приоритет должны иметь оперативные документы: ЖУССы, ЖБД, ОС полков и дивизий, а также различные промежуточные и итоговые отчёты данных соединений (составлявшиеся, вопреки мнению некоторых, не на пустом месте, а прежде всего на тех самых «оперативных документах») и прочие документы аналитического характера. При этом следует помнить, что они не всегда идентичны и должны проверяться и дополняться друг другом. В случае противоречия между документами полкового и дивизионного уровня (при прочих равных условиях — полноте, времени составления и т. д.) приоритет следует отдавать документам более «низового» уровня — в данном случае полковым.

Скажем, из ЖУСС 100 giap и наградных документов следует, что 16 июня 1943 г. победу над Me-109 одержал прославленный ас, герой кубанского неба Дмитрий Глинка. «Мессер» безоговорочно записан на его боевой счёт. А в оперативной сводке дивизии (№ 170) значится, что Me-109 был сбит его однополчанами Иваном Бабаком и Виктором Островским. В ЖУСС и наградных листах эта победа за ними не значится¹⁶. При этом штаб дивизии

---

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 100 giap. Оп. 207 597. Д. 5. Л. 1, 6, 8; Ф. 20 046. Оп. 1. Д. 13. Л. 199.

засчитал всего один самолёт, сбитый её лётчиками в тот день, да и полк тоже. (Хотя кто до конца может поручиться, что их было не два? Ведь случаи расхождения полковой и дивизионной статистики встречаются часто. Но это к слову.) Пример весьма яркий. Вместе с тем известны случаи, когда информация, исходящая из дивизионных штабов, оказывается полнее и точнее, чем полковая. Ведь абсолютной истины сейчас, спустя семь десятков лет, мы уже не узнаем.

Схожая ситуация и со следующими уровнями: дивизия—корпус—воздушная армия. Кстати, в фондах корпусов и воздушных армий, вопреки утверждению автора вводной статьи, есть немало материалов не только о деятельности входивших в них частей и соединений, но и о боевой работе конкретных лётчиков (как в виде текущей статистики, так и росписей побед). И это не только оперативные сводки штабов дивизий или их же отчёты, но и, к примеру, информация, поступавшая в вышестоящие инстанции от начальников воздушно-стрелковых служб (ВСС) полков и дивизий, содержащая весьма любопытные сведения. Или составлявшаяся на основе целого комплекса материалов аналитика (с конкретными фактами и персоналиями), игнорировать которую можно, лишь имея достаточные на то основания. Не стоит сбрасывать со счетов разнообразный статистический материал, составлявшийся в штабах, аттестационные и наградные листы, информация для которых тоже чаще всего бралась не с потолка.

О наградных листах вообще почему-то сформировалось мнение (или было кем-то сформировано) как о не заслуживающих доверия. Некоторые «любители авиации» почему-то с порога отвергают содержащиеся в них сведения, очевидно считая их не соответствующими реальности или подтасованными штабами тех частей, где служил данный лётчик. Такое огульное отношение, по меньшей мере, странно. Вполне возможно (даже наверняка), что случаи приписок, превращений групповых побед в личные именно с целью увеличения счёта (а не просто из-за путаницы) имели место, пусть даже нередко. Но любое подобное обвинение в подтасовках, приписках и т. п. надо сначала доказать. Каждый случай, когда возникает такое подозрение, должен рассматриваться отдельно и проверяться другими документальными данными, а не изображаться как норма. И обвинять в нечестности всех командиров и штабных работников (а заодно бросать тень на самого награждаемого) не только некрасиво, но и попросту безосновательно. О том, как вышестоящее командование стремилось

к тому, чтобы боевые счета асов не были искусственно раздуты (даже по недоразумению) и неточные данные не попали в Москву и даже в армейскую прессу (!), хорошо показывает случай из истории ВВС Южного Фронта. А именно проверка победных списков ведущих на тот момент (весна 1942 г.) асов подчинённых штабу ЮФ частей, и штурмана 16 гиап батальонного комиссара Николая Исаева в особенности¹⁷.

К сожалению, провести детальную проверку можно не всегда. Однако, работая с данным видом документов (замечу, вполне «официальным») по 9 гиад, 6 иак и 4 ВА, стало ясно, что в подавляющем большинстве случаев они основаны на тех самых оперативных сведениях, имевшихся в штабах. Это и понятно. Если штаб работал чётко (наиболее яркий пример тому — 45 иап/100 гиап), то использовать их при составлении наградного листа было проще, чем выдумывать на пустом месте.

Если они отличались от данных, полученных из оперативных источников, то чаще в меньшую, чем в большую сторону. Да и «дотягивать» до нормы по сбитым нужно было далеко не всегда: к ордену могли представить и за один самолёт, а то и просто за вылеты или «обеспечение сбития» ведущему. Разумеется, более внимательно стоит относиться к тем наградным документам, в которых факт победы расписан подробно (обстоятельства или хотя бы дата и район). Именно так, от наградного листа через проверку содержащихся в нём сведений оперативными документами, приказами о денежных выплатах за сбитые и т. п., удалось восстановить ряд побед у лётчиков нескольких полков. К примеру, у Николая Кузьмина из 438 иап, Николая Ершёва из 484 иап (позднее служил в 16 гиап), Степана Карнача из 247 иап и др.

Данные наградных и аттестационных листов способны скорректировать, а чаще — дополнить сведения, полученные из других источников, особенно в тех случаях, когда в боевом счёте пилота зияют лакуны или отсутствует однозначная цифра количества его побед. И вообще, стоит повторить, что принципом работы должна быть сверка и перепроверка различных по фондообразователю, происхождению, характеру и времени документов.

Распространённым случаем, порождающим путаницу, является и встречающаяся в разных документах трактовка одного и того же самолёта то как «сбитого», то как «подбитого». Очевидно, стоит принять за правило, что если хотя бы в одном документе

---

¹⁷ Там же. Ф. 319 (4 ВА). Оп. 4798. Д. 12. Л. 107–124 об.

(оперативного, итогового или аналитического характера) этот самолёт записан как «сбитый», то его следует заносить на счёт пилота и части, даже если в других он значится как «подбитый». Скажем, 18 мая 1943 г. пара в составе лейтенанта Николая Старчикова и младшего лейтенанта Виктора Никитина была поднята на перехват Хе-111. Согласно ЖБД полка, атакованный нашими истребителями бомбардировщик «перешёл на бреющий [полёт] с сильно дымящим мотором. Хе-111 предположительно сбит или подбит, место падения не наблюдали». ОС 216 сад уточняют, что подбитый «хейнкель» с резким снижением и дымящим мотором ушёл на северо-запад от станицы Поповической¹⁸.

Итак, подбит или даже, предположительно, сбит. Но ни в ЖУСС, ни в месячных отчётах штабов полка и дивизии этот Хе-111 сбитым не числится. Может, надо оставить всё, как есть? Кто-то так и посчитает. Но в «Сведениях о самолётах противника, сбитых частями 216 сад с 10.5. по 1.06.43 г.», составленных начальником ВСС этой самой дивизии капитаном Сальниковым, Хе-111 однозначно рассматривается как сбитый, а на боевые счета Старчикова и Никитина занесено по одной групповой победе¹⁹. И следует заметить, что документ этот в целом соответствует оперативным данным дивизии и её полков, отличаясь от них, скорее, в меньшую сторону (не указаны 22 победы, засчитанные лётчикам дивизии, а новых заявлено всего три).

То же и в отношении самолётов, то записанных как сбитые лично, то как сбитые в группе. Следует принять за принцип, что если в документах, равных «по весомости», та или иная победа отмечается по-разному, то к личным её следует относить в том случае, когда указывается фамилия лишь одного лётчика. В тех же случаях, когда хоть в одном документе названы имена других пилотов, участвовавших в уничтожении противника, её без оговорок следует записывать как групповую. Нельзя же лишать победы остальных.

Пример — Ю-88, сбитый Николаем Искриным (16 giap) 16 июля 1942 г. в районе Миллерово — Новосёлки. Имеющиеся в нашем распоряжении документы делятся примерно поровну: в одних она записана как личная, в других — как групповая. Быков отметил её как личную. Конечно, хотелось бы, чтобы победный счёт заслуженного бойца был повыше. Но в нашем распоряжении есть

---

¹⁸ Там же. Ф. 16 giap. Оп. 206868. Д. 1. Л. 77 об.-78; Ф. 20046. Оп. 1. Д. 13. Л. 154.

¹⁹ Там же. Ф. 319. Оп. 4816. Д. 1. Л. 159.

два документа, в которых названы двое других соавторов этой победы — старшины Владимир Бережной и Никита Мочалов, а в приказе о награждении прямо указано, что за сбитый звеном «юнкерс» лётчикам выплачено две тысячи рублей «на троих поровну»²⁰. А значит, отпадают всякие сомнения, и Ю-88 должен быть записан на счёт Искрина как групповая победа.

Раз уж речь зашла об этом воине, то надо внести ясность относительно ещё одного момента. В обоих сборниках указано, что 9 мая 1943 г. Николай Искрин сбил два «мессершмитта». На самом деле в тот день он сбил один Ме-109. Второй был занесён Быковым на его счёт ошибочно, так как на самом деле его сбил не Искрин, а его ведомый — Николай Старчиков, что чётко отражено во всех источниках. Таким образом, его боевой счёт должен выглядеть следующим образом:

Искрин Николай Михайлович

Список воздушных побед

07.07.42	1/3	ФВ-189	Михайловка
16.07.42	1/3	Ю-88	Миллерово — Новосёлки
15.04.43	1	Ю-88	Крымская
20.04.43	1	Ме-109	Цемесская бухта
21.04.43	1	Ме-109	сев. Кабардинка
04.05.43	1	Ме-109	зап. Тоннельная
08.05.43	1	До-215	зап. Нижнебаканская
08.05.43	1	Ме-109	высота 33.7 (зап. Нижнебаканская)
09.05.43	1	Ме-109	сев. зап. Неберждаевская
16.05.43	1	Ме-109	Петровская
16.05.43	1	Ме-109	Славянская

Всего сбитых самолётов — 9 + 2

Источники: ЦАМО РФ. Ф. 16 гиап. Оп. 206 868. Д. 1 (Журнал боевых действий полка, 1943 г.). Л. 15, 25–26, 51, 56 об. –57, 60 об. –61, 64 об. –65, 75 об. –76; Д. 2 (Журнал учёта сбитых самолётов противника, апрель—август 1943 г.). Л. 3, 7, 8, 11–17, 19; Д. 3 (Журнал учёта сбитых самолётов противника, сентябрь—декабрь 1943 г.). Л. 1, 2; Оп. 296 916. Д. 1 (Приказы по полку, 1942 г.). Л. 90; Ф. 20 046 (9 гиад). Оп. 1. Д. 13 (Оперативные сводки штаба дивизии, январь—июль 1943 г.). Л. 117,

²⁰ Там же. Ф. 16 гиап. Оп. 296 916. Д. 1. Л. 90; Ф. 20 214. Оп. 2. Д. 2. Л. 112–112 об.

124, 125 об., 139, 143, 144, 152–152 об.; Ф. 20 214 (229 иад). Оп. 1. Д. 4 (Переписка начальника ОРО штаба дивизии). Л. 53, 65; Оп. 2. Д. 2 (Приказы 229 иад, 1942 г.). Л. 112–112 об.; Ф. 319 (4 ВА). Оп. 481б. Д. 4 (Отчёты начальников воздушно-стрелковых служб). Л. 240; Оп. 479д. Д. 25 (Донесения о потерях и сбитых). Л. 89.

Кстати, Бережной и Мочалов (как и ещё четверо бойцов 16 гиап) в Приложении ко второму сборнику не упомянуты, хотя по количеству одержанных ими воздушных побед должны были туда попасть.

Разобраться бывает порой непросто: многие победы «прыгали» туда-сюда, нередко накрепко закрепляясь на счетах пилотов как личные (например, Хш-126, сбитый Фигичевым 5 июля 1941 г.). Быков приводит яркий пример — боевой счёт майора Георгия Громова, которому командование пересчитало его групповые победы (в долях) в личные. Но гораздо чаще имело место даже не желание упростить статистику или «подтянуть» боевой счёт того или иного лётчика, а обычная путаница. Документы забывались, их составляли в разное время и разные люди и т. д. Возможны были простые описки (по аналогии превращений Ме-110 в Ме-109 и обратно). Да и понятие «лично» и «в группе» в разных частях и в разные периоды бывало довольно расплывчатым и менялось во времени.

Скажем, сбитый уже упоминавшимся Д. Глинкой 13 июля 1942 г. в районе Каменска Хе-111, в полковых документах — ЖУСС, наградных листах — записан как сбитый им индивидуально, и за войну «прикипел» к личному счёту великого воздушного бойца (равному, как известно, 50 личным победам). Но в «Приказах по личному составу 216 сад» значится, что этот бомбардировщик был сбит звеном в составе старшего лейтенанта Глинки, лейтенанта Лавицкого и сержанта Карпухина, за что каждый из них получил денежную выплату: Глинка и Лавицкий — по 700 рублей, а Карпухин — 600²¹. Вот и решайте, как быть: верить ли полковым документам, отдающим победу Глинке, — а в 1942 г. он был «просто» сильным лётчиком, и «подтягивать» его до Героя никто не планировал (да и вряд ли в полку И. Дзусова и при таком штабе, как в 45 иап, это практиковалось). Или записать её на счёт троих, как это сделал штаб 216 сад.

Кстати, за 10 марта 1943 г. тому же Дмитрию Глинке штаб дивизии засчитал не два (как полк), а три Ю-88, причём повто-

---

²¹ Там же. Ф. 100 гиап. Оп. 207 597. Д. 5. Л. 6; Ф. 20 046. Оп. 2. Д. 1. Л. 69–70.

рил это дважды — в сводке и дополнении к ней²². Может быть, ошиблись «в Глинках», засчитав всё, что сбили оба брата, одному (их тогда воевало уже двое, причём в отличие от Дмитрия, Борис не был пока широко известен). А может, и нет.

И снова исследователь сталкивается с очень непростым выбором. В этом выборе, пожалуй, состоит трудность не меньшая, чем сам поиск пилотов и их побед по множеству разных, порой противоречащих друг другу документов. Но делать это придётся в любом случае. Вот почему такая работа должна носить не закрытый характер, основанный, по сути, лишь на честном слове её составителя и голой вере этому слову других людей, как это имеет место в случае с рецензируемыми сборниками. А, повторю ещё и ещё раз, максимально открытый, понятный и прозрачный для проверки и дальнейшей работы. И без научного аппарата (тех самых сносок), без серьёзного источниковедческого анализа, изложенного во вступительной статье, которая должна быть ключом к работе, ни делать, ни сделать этого по-настоящему нельзя. Иначе то и дело будут всплывать ошибки, неточности и сохраняться недоговорённость, а значит — и недоверие к изложенным в сборнике сведениям.

Хочется верить, что Быков это понимает. Ведь, подчеркну, работу он проделал колоссальную. Он сделал огромный, важнейший, решающий шаг в деле разработки темы. Но никоим образом не закрыл её. Работа ещё далека от своего завершения. Что касается данных сборников, то, прежде всего, в переработке нуждается вступительная статья, в которой должен быть проделан источниковедческий анализ и предложены чёткие принципы, на основе которых исследователь работает с материалом сам и предлагает это делать другим, и вообще подходит к проблеме.

А если брать по максимуму, то фактически предстоит заново проверить все данные, что собраны в сборниках, проработав уже использованные исследователем документы и привлекая как можно более широкий круг новых. Пускай даже в ходе этой работы выяснится, что в подавляющем большинстве случаев эти сведения верны (хотя опыт показывает, что это далеко не так). Тогда многие вопросы и сомнения будут сняты. Заниматься этим нужно и самому составителю, и всем, кому это необходимо для собственных исследований, или просто кому небезразлично установление истины. И делать это надлежит не спеша, по каждой персоналии в отдельности, может быть, в виде отдельных статей,

---

²² Там же. Ф. 20 046. Оп. 1. Д. 13. Л. 73, 76.

имеющих своей целью не только рассказать о воздушном бою, но и точно установить его боевой счёт.

Для боевого счёта каждого лётчика обязательно должен быть очерчен круг источников (с конкретным указанием архивных дел и листов или прочих материалов), на основе которых данный счёт был составлен. Пусть это займёт немного больше места и отнимет чуть больше времени и сил. Но итогом должен стать максимально точный справочник, вызывающий доверие у тех многих, кто не может сам проверять победу за победой. Справочник объективный, построенный на единых принципах и общих подходах ко всем лётчикам. Имеет смысл всем заинтересованным людям разделить работу и взять на себя полк, два или три, и просмотреть не только использованные Быковым дела, но и поднять новые, так или иначе относящиеся к означенным войсковым частям, где может храниться хоть крупица полезной информации.

Иными словами, уточнять, дорабатывать, исправлять. Ведь этими сборниками тема не исчерпывается. Впереди новые: скажем, такой, куда вошли бы сведения о тех наших лётчиках, что одержали до пяти личных побед (от 0 + 1 до 4 +). Возможно, его составление есть и в планах Быкова — искренне пожелаем ему тогда успеха. И аналогичные исследования по пилотам, штурманам и стрелкам штурмовой и бомбардировочной авиации (где, кстати, тоже были свои асы).

Словом, работа, успешно начатая Быковым (и во многом им уже проделанная) ждёт преданных авиации и нашей истории людей. А горячая вера и энтузиазм не пропадут втуне. «Ничто на земле не проходит бесследно», — поётся в одной пронзительной и прекрасной песне. И тогда, может быть, наша страна снова обретёт свои крылья — не воспоминания о них, а самые что ни на есть настоящие.

* * *

А теперь, в качестве примеров покажем боевые счета ещё двух (из более чем 22) лётчиков 16 гиап — с уточнёнными списками их воздушных побед. Первый случай — простой, поскольку имеющиеся в сборнике неточности вызваны здесь, вероятней всего, «зевками» и невнимательностью составителя к уже имеющемуся материалу. Второй посложнее. Там причиной ошибок стало, скорее, то, что исследователь свои выводы делал лишь на части доступных (или знакомых ему) источников.

Возьмём боевой счёт Александра Торбеева. Быков указывает, что он одержал восемь побед лично. На самом деле их девять. Начать с того, что повоевать лётчику пришлось не только в 16 гиап, как утверждает составитель. С января 1943 г. Торбеев — пилот 45 иап, в составе которого он впервые вступил в бой, успев сделать на Кубани два боевых вылета. В 16-й же гиап лётчик попал в апреле. 45 иап был выведен на отдых (оставаясь при этом на фронте), а его вместе с группой других пилотов перевели в «братский» полк, понесший в апрельских боях чувствительные потери.

Победа, упущенная Быковым, была одержана лётчиком 17 декабря 1943 г. Согласно ЖБД полка, в это день (вылет в 16.00–16.40) шестёрка «кобр», возглавляемая капитаном Фёдоровым, у которого младший лейтенант Торбеев шёл ведомым (другие пары составили капитан Ерёмин — младший лейтенант Руденко и старший лейтенант Старчиков — младший лейтенант Белозёров), над переправой через Сиваш сошлись в бою с группой Ю-87 численностью до 40 самолётов, прикрытой Ме-109 (до 10 штук). Бой был проведён тактически грамотно, противник к переправе допущен не был и, как указывалось в ОС 9 гиад, бомбы сбросил не прицельно. Наши потери не имели, сами же заявили сбитыми шесть Ю-87 и два Ме-109. При этом Фёдоров сбил «юнкерса» и «мессера», Ерёмин тоже сделал дубль, свалив двух «лаптёжников». Открыли счёт сбитым самолётам противника и молодые пилоты Руденко и Белозёров: каждый из них уничтожил по «юнкерсу».

Отличился в том бою и Торбеев, сбив двух немцев. Сначала он «спереди сверху сбоку» атаковал Ю-87, который «загорелся и упал юж/нее/ острова Русский». Второго противника он сбил, выручая капитана Ерёмину, в хвост которому зашёл «мессер». Выбивая его, «Торбеев произвёл две атаки спереди сверху и сверху сзади, в результате атак Ме-109 горящим упал юго-вост/очнее/ переправы о. Русский». Обе победы пилота отмечены в ЖУСС, итоговой статистике полка и дивизии, и ОС 9 гиад²³. Имеется даже схема того боя, где эти победы видны наглядно (рис. 1).

Другая неточность — неверно указанный тип самолёта, сбитого Торбеевым 30 мая 1944 г., во время битвы над Яссами. Быков полагает, что это Хш-129. На самом деле, как следует из документов, это был Ю-88. Данная неточность коснулась боевых счетов ещё четырёх лётчиков, одержавших в том бою победы над

²³ Там же. Ф. 16 гиап. Оп. 206 868. Д. 1. Л. 412–414; Д. 3. Л. 16; Д. 4. Л. 115–116, 133; Ф. 20 046. Оп. 1. Д. 14. Л. 140–140 об.

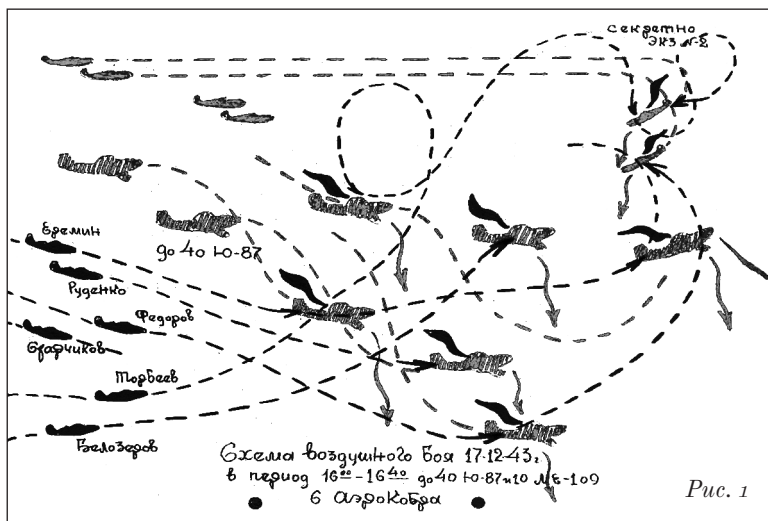

Рис. 1

ударными самолётами противника — капитана Павла Ерёмину, старшего лейтенанта Николая Старчикова и лейтенантов Ивана Онищенко и Виктора Никитина. Почему так произошло?

Действительно, в ЖБД за 1944 г. говорится о состоявшемся в тот день (вылет в 12.45–13.25) бое с Хш-129, прикрытых «фоккевульфами». Однако во всех других документах они обозначены как «юнкерсы». Так, в ЖУСС они первоначально тоже были записаны как Хш-129, но тут же, вероятно, в тот же день, после получения подтверждений (от наземных войск и командования и лётного состава 297 и 427 иап), аккуратно затёрты бритвой и заменены на Ю-88. И в итоговой таблице майских боёв значатся только «юнкерсы». Таким образом, уже на уровне полка первоначальная информация была сочтена неверной и исправлена. А что же дивизия? Оперативные сводки 9 гиад однозначно говорят о том, что наши лётчики дрались с Ю-88, пять из которых было сбито (плюс один ФВ-190). Наконец, личные счета участников того боя, расписанные в «Сведениях на лётчиков 16 гиап, сбивших 10 и более самолётов противника за период Отечественной войны», составленные штабом полка в конце декабря 1944 г., ещё раз подтверждают, что 30 мая наши сбивали именно Ю-88 (рис. 2)²⁴.

²⁴ Там же. Ф. 16 гиап. Оп. 206 869. Д. 1. Л. 2; Оп. 206 874. Д. 1. Л. 14; Д. 3. Л. 23; Ф. 20 046. Оп. 1. Д. 22. Л. 44 об.; Д. 26. Л. 39.

24

33- СХЕМА

Воздушного боя группы ~~Иванов~~ Еремича

30.5.44 в период 12.45-13.40

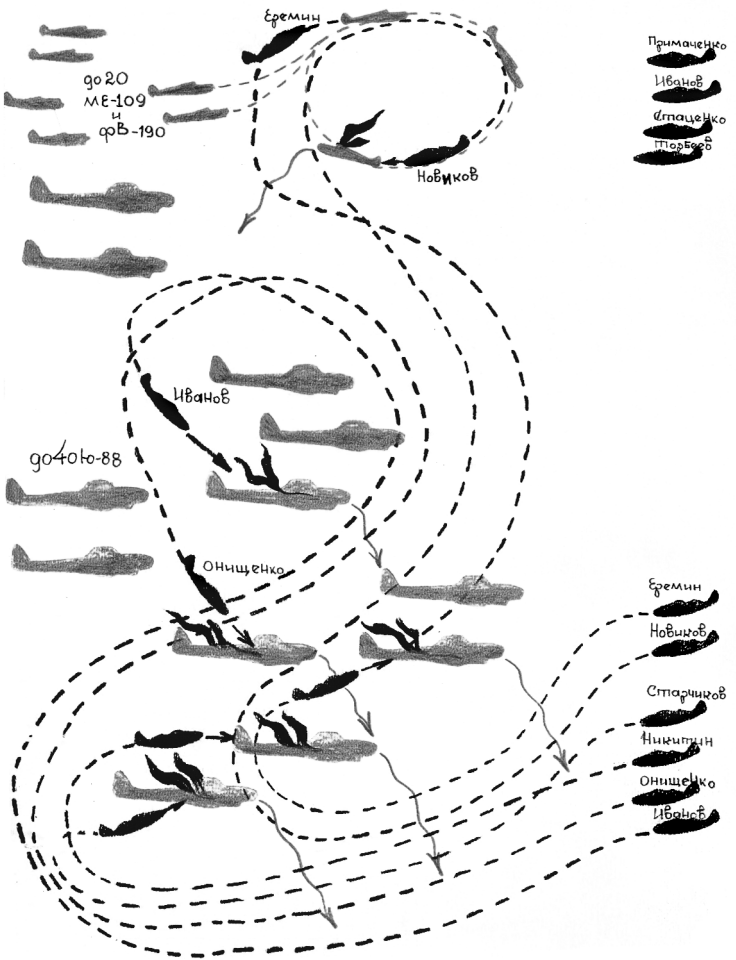

Рис. 2

Таким образом, исправленный счёт Александра Торбеева будет выглядеть так:

Торбеев Александр Петрович

Авиачасти

45 иап январь—апрель 1943

16 гиап апрель 1943 — май 1945

Список воздушных побед

29.08.43	1	Ю-88	Мало-Кирсановка
17.12.43	1	Ю-87	южн. о. Русский
17.12.43	1	Ме-109	юго-вост. о. Русский
30.05.44	1	Ю-88	Вултуру
21.07.44	1	Ю-87	сев.-зап. Пасек
25.07.44	1	ФВ-190	юго-зап. Цезна
23.12.44	1	ФВ-190	Боркув
20.01.45	1	ФВ-190	сев. Хрусьцин
10.04.45	1	ФВ-190	юж. Урбанстрабен
Всего сбитых самолётов — 9 + 0			

Источники: ЦАМО РФ. Ф. 16 гиап. Оп. 206 868. Д. 1 (Журнал боевых действий полка, 1943 г.). Л. 179 об. —180, 412 об. — 413, 414; Д. 2 (Журнал учёта сбитых самолётов противника, апрель—август 1943 г.) Л. 24; Д. 3 (Журнал учёта сбитых самолётов противника, сентябрь—декабрь 1943 г.) Л. 2, 16, 17; Оп. 206869. Д. 1 (Журнал учёта сбитых самолётов противника, 1944—1945 гг.) Л. 2, 5, 8—10, 15, 17, 21, 23, 24; Оп. 206874. Д. 3 (Журнал боевых действий полка, май — июль 1944 г.). Л. 23; Ф. 20046 (9 гиад). Оп. 1. Д. 14 (Оперативные сводки штаба дивизии, август—декабрь 1943 г.). Л. 28, 140 об.; Д. 22 (Оперативные сводки штаба дивизии, 1944 г.). Л. 44 об., 104—105 об., 120—121, 288—289, 155—155 об.; Д. 36 (Оперативные сводки штаба дивизии, 1945 г.). Л. 31 об., 190; Оп. 2. Д. 11 (Аттестационный материал). Л. 146—147, 383—383 об.

А теперь рассмотрим личный счёт Леонида Дьяченко. Не стоит искать его фамилии в основном тексте сборника. Автор-составитель поместил Дьяченко в Приложение, поскольку полагал, что он сбил лично лишь четыре самолёта (и один в группе). В своей интересной, хотя по ряду моментов неточной, статье «От Прута до Днепра» Быков (правда, как написано в её заглавии, «при участии М. Жирохова», что делает не совсем понятным, сколь-

ко же в действительности авторов у этой статьи) даёт такой список побед лётчика²⁵:

27.06.41	1	Хш-126	Бокша
28.06.41	1	Хе-111	Котовск
02.07.41	1	Ю-88	Кухнешти
07.07.41	1/зв.	Ме-109	
21.07.41	1	Ме-109	Могилёв — Подольск

Основой, как нетрудно предположить, послужил список побед из уже упоминавшейся «Боевой характеристики 16 гиап» (1942 г.), а также ЖУСС и частично «Оперативные сводки» и «Журнал боевых действий» 20 сад. Правда, в двух последних источниках присутствуют указания всего на две победы Дьяченко. Так что опирался Быков (или же оба автора), главным образом, на два первых источника. А между тем есть документы, подтверждающие не четыре, а пять личных побед пилота. В общем виде статистику можно представить в виде таблицы (таблица 2).

Таблица 2

Дата	Сведения о сбитых	БХ 16 гиап	ЖУСС 20 сад	Форма 101	Опер. сводки 20 сад	ЖБД 20 сад
26.06.41	ПЗЛ-23	Нет	нет	Ме-109	нет	нет
27.06.41	ПЗЛ-24	ПЗЛ-24	Ю-88	ПЗЛ-24	нет	нет
28.06.41	Ю-88	Ю-88	Ю-88	победа (ы) (Ю-88)	нет	нет
02.07.41				нет	Ю-88	Ю-88
03.07.41	Ю-88*	Ю-88*	Ю-88*			
07.07.41	нет	Ме-109 гр.	нет	нет	нет	нет
21.07.41	Ме-109	Ме-109	Ме-109	Ме-109	Ме-109	Ме-109

Примечание: * — самолёт, сбитый 2 июля, записан следующим днём ошибочно.

²⁵ Быков М., при участии Жирохова М. От Прута до Днепра // История авиации. № 29. С. 10.

Возьмём такой источник, как «Сведения о количестве сбитых самолётов противника за период с 22.6.41 по 31.7.41 включительно», составленный штабом 55 иап в начале августа 1941 г., и потому наиболее объективный. Там тоже впечатаны четыре личные победы лётчика. Однако ручкой вписана ещё одна: 26.7.41 в 12.40 в районе Васлуй (что в Румынии) младшим лейтенантом Дьяченко был сбит ПЗЛ-23. Идентичная запись, тоже вписанная от руки, есть и у Фигичева. Позвольте, скажет кто-то, но этого не может быть, ведь Дьяченко был смертельно ранен за день до этого, 25 июля!

Всё объясняется просто: в дату вкралась ошибка, и установить это нетрудно. Точно такой же текст и точно так же графически выполненный, только уже правильный, мы встречаем и напротив фамилии капитана Атрашкевича (погиб 29 июня): 26 июня в 12.40 в районе Васлуй им был сбит 1 ПЗЛ-23 (самолёт разбит, экипаж убит). Кстати, даже сама фамилия Атрашкевича вписана от руки. Скорее всего, эти три победы при печатании документа были пропущены или же подтверждения на них пришли позже. Поэтому пришлось не только их вписывать, но и исправлять итоговые цифры, стоящие внизу каждой страницы. Таким образом, эти победы учтены и занесены на официальный счёт полка. На возникающий по ходу вопрос: какой тип указывать правильнее — ПЗЛ-23 или Me-109 (как в «Форме 101»), окончательный ответ мы, наверное, уже никогда не получим. Но скорее всего, решать его следует, взяв за основу информацию более «близкого» к лётчику штаба — полкового.

В ряде документов, например в «Наградном листе» на присвоение 55 иап ордена Ленина (ноябрь 1941 г.) или той же «Боевой характеристики», говорится, что звено Атрашкевича (ведомые — младшие лейтенанты Дьяченко и Макаров) уничтожило четыре самолёта противника ПЗЛ-24 на аэродроме Бырлад. Правда, датируют эту штурмовку они 29 июня — то есть днём гибели Атрашкевича от огня зенитной артиллерии при выполнении этого задания²⁶. Возникает вполне резонный вопрос: а может, это те же самые ПЗЛы? Впрочем, ни «Оперативные сводки», ни «Журнал боевых действий» дивизии о потерях противника в том вылете ничего не говорят. Что касается «Сведений о сбитых», то в них есть записи о вражеских самолётах, уничтоженных лётчиками полка во время штурмовок аэродромов противника (в том числе Дьяченко и Фигичевым), и указано их количество. Но данные победы в их число не входят, а чётко отнесены к сбитым в воздушных боях.

²⁶ ЦАМО РФ. Ф. 20 076. Оп. 2. Д. 3. Л. 116; Ф. 20 214. Оп. 1. Д. 4. Л. 47.

Могла ли произойти путаница в датировке этих побед? Вполне. В «Наградном листе» и «Боевой характеристике» (кстати, составленных позже) упоминание об уничтоженных самолётах подаётся как яркий и героический эпизод из истории части. Составленные же по горячим следам «Сведения» — это именно список воздушных и наземных побед, одержанных полком. Записей о самолётах, уничтоженных в ходе штурмовки 29 июня, в нём нет. Это вовсе не означает, что их не было: «Сведения» тоже не являются абсолютно полным источником. В нём нет упоминаний о целом ряде побед, известных по иным документам (к примеру, о всех трёх личных победах Речкалова). И результаты данной штурмовки тоже по каким-то причинам могли не попасть в этот документ.

А может, упоминание о четырёх уничтоженных вражеских самолётах должно было смягчить горечь от потери Атрашкевича — командира эскадрильи и одного из ведущих лётчиков полка, поднять боевой дух и служить воспитательным моментом для молодых лётчиков. Такое могло быть. Впрочем, отрицать факт уничтожения на аэродроме Бырлад этих самолётов у нас нет никаких оснований. Может быть, это произошло именно 29 июня. А может, сбитые (или уничтоженные иным образом) 26 июня ПЗЛы были впоследствии ошибочно датированы 29 числом — что даже более вероятно. Словом, версий много. Но как бы там ни было, мы имеет одно: документальное подтверждение того, что Атрашкевич, Фигичев и Дьяченко одержали 26 июня победы; победы эти были отмечены как воздушные; и районом боя указан не Бырлад, а Васлуй (примерно в 45 км от него).

Следующая победа была одержана Дьяченко на другой день (согласно «Сведениям», в том же районе в 10.45 утра) — над ПЗЛ-24. Этот тип подтверждают все источники, за исключением ЖУСС (согласно ему, это был Ю-88, сбитый в районе Фалешти). И ни в одном из них нет ни слова о том, что жертвой Дьяченко стал Хш-126, упавший возле Бокши, как это написано у Быкова. Откуда уважаемый автор взял эти данные? Ответ лежит на поверхности: он просто перепутал строчки и записал Дьяченко победу, которую одержал Речкалов, действительно сбивший в тот день Хш-126 в районе Бокши, запись о чём присутствует в ЖУСС строкой ниже (это — к слову о внимательности и точности).

Данные ЖУСС (говорящие о Ю-88), конечно, могут быть правильными, но скорее всего неточны. К этому заключению можно прийти, если проанализировать оба источника. В отличие, скажем, от позднейших «Журналов учёта сбитых самолётов

противника» 16 гиап, заполнявшихся ежедневно по мере поступления информации, ЖУСС 20 сад представляет собой документ, созданный одновременно и на основе иных материалов — то есть вторичен по происхождению. Причём перенос информации был выполнен не всегда точно (текст в ряде случаев «едет»; так произошло с боевыми счетами Селивёрстова и Фигичева), что заметно при сличении ЖУСС с другими документами. Штаб дивизии был дальше «от победы», нежели штаб полка (БХ-16 тоже упоминает о ПЗЛ-24). А кроме того, о победе Дьяченко именно над ПЗЛом, а не Ю-88-м, говорит и ещё один источник — «Форма 101», заполнявшаяся (кстати, в штабе дивизии), в отличие от ЖУСС, почти синхронно текущим событиям.

«Юнкерс» наш пилот сбил на следующий день. Быков (и Жирохов) утверждает, что это был Хе-111, хотя и ЖУСС, и «Боевая характеристика», и неизвестные ему «Сведения о сбитых», и «Форма 101» в один голос говорят о Ю-88. Ошибка Быкова проистекает из того, что он посчитал, что Дьяченко одержал свою победу в ходе крупного боя, который лётчики полка провели вечером того дня над Котовском. Этот бой вошёл в историю 16 гиап: ведь сбитыми было засчитано восемь бомбардировщиков (разумеется, речь идёт о нашей версии боя), и запомнил его ветеранам. Не останавливаясь на нём подробно, отметим, что в разных документах противник обозначался по-разному: в «Форме 101», ЖУСС и полковых документах — как Ю-88, а в ОС и ЖБД 20 сад — как Хе-111. Быков придерживается последней версии, тем более что это действительно скорее всего было так (см. статью).

Но дело в том, что в этом бою Дьяченко побед не одерживал, во всяком случае, ни в одном источнике об этом не упоминается. Зато «Сведения» ясно говорят об обратном. Первый «юнкерс — хейнкель», сбитый в том бою, упал на землю возле Чубовки (именно она, а не Котовск, указана как район боя и место падения всех самолётов) в 20.20. Тогда как Дьяченко сбил своего Ю-88 возле Фалешт (что в двухстах километрах западнее) и в 15.00! Думается, дальнейшие вопросы излишни.

Со следующей победой Быков разобрался правильно, а происхождения по дате, имеющиеся в документах, объясняются тем, что подтверждение на неё поступило днём позже (самолёт был сбит вечером, в 19.00). В ЖБД и ОС дивизии она тоже помещена под 3 июля, но как дополнение к сводке за предыдущее число. А в «Сведениях» и ЖУСС она так и закрепилась под 3 июля.

Что касается групповой победы, то, скорее всего, одержана она была совместно с Селивёрстовым. Действительно, 7 июля

Селивёрстов сбил в группе два самолёта противника. Первый — в 15.00 в районе Сиврони (Хш-126). Но второй групповой победой, одержанной им в тот день, был не Ю-88, как значится в составленной в конце 1942 г. «Боевой характеристике» и оттуда перенесённой в свой сборник Быковым (и о подробностях боя с которым нет никаких дополнительных сведений), а Ме-109. Согласно Наградному листу (составленному почти на год раньше, в декабре 1941 г.), 7 июля в 6.00 «звено Селивёрстова в р-не Леушени вело бой с 6-ю Ме-109, в результате боя сбит 1 Ме-109»²⁷. Третий участник (а может, участники) боя пока не установлен.

В пользу того, что групповые победы Дьяченко и Селивёрстова — это одна и та же победа, свидетельствует её дата, то, что групповых побед в 1941 г. лётчикам полка было записано всего пять, и то, что лётчики служили в одной эскадрилье и часто летали вместе. Если принять это как данность (а, скорее всего, дело обстоит именно так), то время победы и локализацию можно установить по наградному листу Селивёрстова.

Наконец, Ме-109, сбитый Дьяченко 21 июля, никаких вопросов тоже не вызывает.

Таким образом, за свой, к сожалению, очень короткий боевой путь Дьяченко успел сбить 6 самолётов противника и ещё четыре (или больше?) уничтожил на земле. И это всего за месяц с небольшим! Понятно, почему командованием полка он указывался как один из лучших лётчиков. Ну а список его побед будет выглядеть следующим образом:

Дьяченко Леонид Леонтьевич

младший лейтенант, 1916

Список воздушных побед

26.06.41	1	ПЗЛ-23	Васлуй
27.06.41	1	ПЗЛ-24	Васлуй
28.06.41	1	Ю-88	Фалешти
02.07.41	1	Ю-88	Кухнешти
07.07.41	1/зв.	Ме-109	Леушени
21.07.41	1	Ме-109	Могилёв — Подольск(ий)

Всего сбитых самолётов — 5 + 1 и ≥ 4 штурмовкой (указаны как Ю-88)

боевых вылетов — 140

Боевые награды: ордена Ленина, Красного Знамени

²⁷ Там же. Ф. 319. Оп. 4820. Д. 2. Л. 31.

Погиб 25 июля 1941 г. — умер от ран, полученных в воздушном бою.

Источники: ЦАМО РФ. Ф. 20 076 (20 сад). Оп. 1. Д. 2 (Оперативные сводки штаба 20 сад). Л. 33, 94; Д. 4 (Журнал боевых действий штаба 20 сад). Л. 16 об., 61; Д. 23. (Журнал учёта сбитых самолётов противника 20 сад). Л. 3, 4; Д. 40 (Сведения о сбитых самолётах противника 55 иап). Л. 18; Д. 41 (Форма 101 о потерях материальной части). Л. 3, 4; Ф. 20 046 (9 гиад). Оп. 2. Д. 2 (Планы перемещений личного состава 216 сад, 1942 г.). Л. 19; Ф. 20 214 (229 иад). Оп. 1. Д. 4. (Боевая характеристика 16 гиап). Л. 52, 62, 63.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ XIII ТОМА
«РУССКОГО СБОРНИКА»

Айрапетов Олег Рудольфович — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета (Москва)

Белов Михаил Валерьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Нижегородского государственного университета (Нижний Новгород)

Воронцова Ирина Владимировна — кандидат богословия, кандидат исторических наук, научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва)

Гайда Федор Александрович — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета (Москва)

Гожов Олег Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Харьковского национально-педагогического университета им. Г. С. Сковороды (Харьков, Украина)

Грозовский Артем Михайлович — аспирант кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Жучков Константин Борисович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музееведения и археологии Псковского государственного университета (Псков)

Зайцев Алексей Вячеславович — аспирант Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского (Калуга)

Кацис Леонид Фридович — доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

Kipp Джекоб (Jacob W. Kipp) — Dr., Adjunct Professor of History at the University of Kansas, Professor Emeritus of the US Army School of Advanced Military Studies

Кривопалов Алексей Алексеевич — аспирант исторического факультета Московского государственного университета (Москва)

Майнио Алекси (Aleksi Mainio) — магистр и аспирант финской истории Хельсинкского университета (Финляндия)

Марчуков Андрей Владиславович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Российской истории РАН

Межевич Николай Маратович — доктор экономических наук, профессор кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского университета (Санкт-Петербург)

Попков Вячеслав Дмитриевич — доктор социологических наук, профессор кафедры организационной и социальной психологии Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского (Калуга)

Санборн Джошуа (Joshua Sanborn) — профессор истории и глава отделения истории Lafayette College (Истон, США)

Смирнов Андрей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Московского Архитектурного института (Москва)

Соколов Михаил Владимирович — кандидат исторических наук (Москва)

РУССКИЙ СБОРНИК

Том XIII

Редакторы-составители
О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович,
М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти

Издательский дом «Регнум»
115088, Москва, 2-й Южнопортовый проезд, 1б, стр. 1, офис 227
www.ridr.ru

Подписано в печать 25.12.2012. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$.
Гарнитура Old Standard. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 40,95. Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97